ДЕШЕВАЯ БИБЛІОТЕКА ТОВАРИЩЕСТВА „ЗНАНІЕ“.

№ 274.

Э. Лиссагарэ.

ИСТОРІЯ ПАРИЖСКОЙ КОММУНЫ

ВЪ 1871 Г.

5243

Съ французскаго. Полный переводъ

подъ редакціей **В. Базарова.**

Цѣна ~~70~~ коп.

Центральная
Военно-медицинская библіотека
имени Императора
Библіотека

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
1906.

Типографія Воейкова. Бассейная, № 3.

Прологъ битвы.

А. Франція наканунѣ войны.

„Имперія это миръ“.
Луи-Наполеонъ Бонапартъ (октябрь 1852 г.).

Девятое августа 1870 года. За три дня имперія проиграла три сраженія. Дуэ, Фроссаръ, Макъ-Магонъ были отрѣзаны, настигнуты и разбиты. Эльзасъ потерянъ, Мозель оставленъ безъ защиты. Эмиль Оливье созываетъ законодательный корпусъ. Съ 11 часовъ утра весь Парижъ на площади Согласія, на набережныхъ, улицѣ Бургонь, передъ Бурбонскимъ дворцомъ.

Парижъ ждетъ слова депутатовъ лѣвой. Послѣ пораженія, только они одни еще имѣютъ моральный авторитетъ. Буржуа, рабочіе—всѣ поддерживаютъ ихъ. Изъ мастерскихъ на улицы хлынула цѣлая армія; во главѣ отдѣльныхъ группъ видны люди, не разъ уже выказавшіе свою энергію.

Имперія трещитъ по всѣмъ швамъ, ея крушеніе близко Въ войскахъ, выстроенныхъ передъ законодательнымъ корпусомъ, замѣтно сильное волненіе; они готовы бросить свой постъ, несмотря на брюзжанія стараго фельдмаршала Бараге д'Илье, облаченнаго во всѣ свои регаліи. „На границу!“—кричатъ имъ. Среди офицеровъ слышится ропотъ: „Наше мѣсто не здѣсь“.

Въ залъ „Pas Perdus“ силою врываются извѣстные республиканцы, осыпаютъ бранью имперскихъ депутатовъ, призываютъ къ республикѣ. Мамелюки [1]), блѣдные, прячутся въ заднихъ рядахъ. Появляется Тьеръ, страшно перепуганный; его окружаютъ. „Чтожъ, ну, такъ устраивайте же вашу республику“,—говоритъ онъ. Черезъ

---

[1]) „Мамелюки“—покорные правительству депутаты, въ большомъ количествѣ проникавшіе въ палату благодаря правительственной фальсификаціи выборовъ.

залу проходитъ президентъ Шнейдеръ, направляясь къ своему креслу. „Долой имперію!“—кричатъ ему. Делегаты отъ толпы осаждаютъ депутатовъ лѣвой: „Чего вы ждете? Мы готовы! Покажитесь подъ колоннадой или у рѣшетокъ!“ Тѣ имѣютъ растерянный видъ. „Достаточно ли вы многочисленны? Не лучше ли подождать до завтра!“ Дѣйствительно народу всего сто тысячъ человѣкъ. Кто-то говоритъ Гамбеттѣ: „Насъ нѣсколько тысячъ на Бурбонской площади“. Другой, авторъ этого разсказа: „Воспользуйтесь положеніемъ, сейчасъ оно въ вашихъ рукахъ, завтра вы будете въ его власти“. Но эти отупѣвшія головы не рождаютъ ни единой мысли; эти застывшія уста остаются нѣмы.

Открывается засѣданіе. Жюль Фавръ предлагаетъ этому злополучному Собранію захватить въ свои руки власть. Мамелюки угрожаютъ. Въ залъ „Pas Perdus“ прибѣгаетъ Жюль Симонъ съ развѣвающимися волосами: „Они хотятъ разстрѣлять насъ, я вышелъ на середину зала со скрещенными на груди руками и сказалъ имъ—что жъ, стрѣляйте въ насъ!“ Ему кричатъ: „Нужно покончить съ этимъ“. „Да, съ этимъ необходимо покончить!“—восклицаетъ онъ и съ трагическимъ видомъ возвращается на свое мѣсто.

На этомъ кончаются ихъ кривлянія. Мамелюки, хорошо знающіе лѣвую, набираются храбрости, устраняютъ Эмиля Оливье, производятъ переворотъ въ министерствѣ, во главѣ котораго становится Паликао, расхитившій Лѣтній дворецъ. Шнейдеръ поспѣшно закрываетъ засѣданіе. Войска потихоньку разсѣиваютъ толпу, но народъ снова собирается у мостовъ, поджидаетъ выходящихъ изъ палаты, ждетъ съ минуты на минуту провозглашенія республики. Жюль Симонъ, который самъ вовсе не сталъ бы сражаться, приглашаетъ народъ собраться завтра на площади Согласія. Назавтра всѣ прилегающія улицы заняты полиціей.

Лѣвая оставила въ рукахъ Наполеона III двѣ послѣднія наши арміи. Девятаго августа было достаточно одного толчка, чтобы разсыпались обломки имперіи—полицейскій префектъ Піетри призналъ это. Народъ инстинктивно выступилъ на помощь освобожденію. Но лѣвая не захотѣла возстанія и предоставила Имперіи спасать Францію. Даже турки въ 1876 году проявили больше ума и политическаго такта.

Въ теченіе трехъ недѣль Франція несется въ пропасть на глазахъ имперіалистовъ, застывшихъ въ своей неподвижности, и лѣвой, которая ограничивается одними только восклицаніями.

Проходитъ нѣсколько мѣсяцевъ, и въ національномъ собраніи, въ Бордо, раздается негодующій ропотъ по адресу имперіи, а въ Версалѣ разражаются восторженными аплодисментами по поводу словъ одного высокопоставленнаго лица, которое сказало: „Варъ, отдай намъ наши легіоны“. Кто же это такъ негодуетъ, такъ аплодируетъ? Та самая высшая буржуазія, которая въ теченіе восемнадцати лѣтъ молча и раболѣпно посылала Вару свои легіоны.

Она согласилась на вторую имперію изъ страха передъ соціализмомъ подобно отцамъ своимъ, которые въ первой имперіи видѣли окончаніе революціи. Двѣ неоцѣненныя услуги оказалъ ей Наполеонъ I. Онъ создалъ желѣзную централизацію и уложилъ въ гробъ сотни тысячъ несчастныхъ, которые, еще не остывшіе отъ самума революціи, могли бы, пожалуй, потребовать своей доли въ національныхъ имуществахъ. Но онъ оставилъ ее безпомощной, ожидающей новыхъ повелителей. Когда, наконецъ, наступила эпоха парламентарнаго режима,—къ которому въ свое время Мирабо стремился привести Францію однимъ прыжкомъ,—эта буржуазія оказалось уже совершенно неспособной къ управленію страной. Ея мятежъ 1830 года, превращенный народомъ въ революцію, былъ для нея просто вопросомъ желудка. Въ 1830 году, какъ и въ 1789 году, только одна мысль воодушевляетъ крупную буржуазію—захватить какъ можно больше привилегій, оградить свое имущество неприступными стѣнами, эксплоатировать народившійся пролетаріатъ. Что для нихъ будущее страны, разъ только имъ удастся набить свои карманы! Орлеанистскому королю предоставляется такая же свобода распоряжаться Франціей, какъ самому великому Цезарю. И когда въ 1848 году новый взрывъ народнаго возмущенія передалъ власть въ ихъ руки, они не могли удержать ее; черезъ три года власть снова выпадаетъ изъ рукъ этихъ подагриковъ, несмотря на казни и ссылки, которыми они думали укрѣпить свое могущество, и переходитъ къ первому встрѣчному.

Съ 51-го года до 59-го они занимаются пережевываніемъ событій брюмера. Убѣдившись въ цѣлости своихъ привилегій, они спокойно

предоставляютъ Наполеону разорить Францію, запутать ее въ римскія дѣла, опозорить въ Мексикѣ, изолировать отъ Европы, предать ее пруссакамъ. Сильные своимъ вліяніемъ, своими богатствами, они ни однимъ словомъ не выражаютъ своего протеста. Снова въ 1869 году подъ давленіемъ народа они становятся въ оппозицію къ правительству; но они проявляютъ безсиліе евнуха, по первому кивку опять припадаютъ къ стопамъ, охотно соглашаются на плебисцитъ, который освящаетъ династію.

Несчастная Франція! Кто спасетъ тебя отъ вторженія врага? Простой рабочій, труженикъ, который уже много лѣтъ оспариваетъ тебя у имперіи.

Тутъ мы касаемся нѣкоторыхъ необходимыхъ разъясненій. Кто создалъ это девятое августа 1870 года, войну, нашествіе пруссаковъ, партіи? Всякой трагедіи долженъ предшествовать прологъ. Постараемся сдѣлать его возможно менѣе скучнымъ, но пусть будетъ внимателенъ тотъ, кто хочетъ ознакомиться съ эпохой, о которой идетъ рѣчь.

Шесть лѣтъ прошло съ 1852 г., а сильное промышленное государство, о которомъ мечтали сенъ-симонисты, едва народилось. Хотя Франція очень отстала даже отъ самыхъ маленькихъ своихъ сосѣдей, но она обладала громаднымъ запасамъ сбереженій, еще не использованныхъ промышленностью. Обогащенная новыми рынками, промышленность уже забыла о семи или восьми тысячахъ казненныхъ и ссыльныхъ, ловко выхваченныхъ правительствомъ во время террора.

Вліяніе духовенства очень возросло благодаря введенію всеобщаго избирательнаго права; оно воспѣвало этого императора, который, по выраженію Дарбуа, „освободился отъ путъ законности, чтобы вступить на путь высшей справедливости“ и называло его Карломъ Великимъ, императоромъ Константиномъ. Высшая и средняя буржуазія готова была на всяческія услуги своему повелителю.

Законодательный корпусъ въ расшитыхъ лакейскихъ ливреяхъ, полный лакейскаго раболѣпія, не имѣлъ никакихъ правъ и былъ бы въ отчаяніи, если-бъ ему ихъ дали. Цѣлая армія проворной и ловкой полиціи сторожила всѣ входы и выходы. Всѣ оппозиціонныя

газеты были закрыты, исключая пяти или шести, которыхъ держали въ ежовыхъ руковицахъ; собранія, союзы, печать, театры были кастрированы; чтобы водворить миръ, имперіи пришлось заткнуть всѣмъ рты.

Изрѣдка на улицахъ Парижа раздаются звуки *Марсельезы*; на похоронахъ Ламеннэ и Давида Анжерскаго кричатъ о свободѣ; въ Сорбоннѣ освистываютъ Низара за его отступничество; появляется какой-нибудь тайный манифестъ лондонскихъ или джерсейскихъ эмигрантовъ, совершенно не спѣвшихся между собою. Книга „Виктора Гюго „Les châtiments“ бросаетъ слабый лучъ свѣта; но масса остается безстрастной; животная жизнь поглотила всѣ интересы. Наполеонъ III, этотъ добродѣтельный монархъ, могъ сказать въ 1856 году пострадавшимъ отъ наводненія Роны: „Наводненіе подобно революціи, оно возвращается въ свое русло и больше уже не выходитъ изъ него“. Роскошныя постройки, ростъ народныхъ богатствъ, успѣхъ Крымской войны, при помощи которой Наполеонъ III заплатилъ свой долгъ Англіи—все говорило о Франціи, исключая самую Францію.

Между тѣмъ рабочіе стали оправляться: государственный переворотъ 51-го года меньше отразился на нихъ, чѣмъ іюньская бойня 48-го, когда ихъ предмѣстья обстрѣливали картечью и тысячи были убиты и изгнаны. Они зарабатывали свой хлѣбъ, не видя въ этомъ никакой заслуги со стороны имперіи; иногда при случаѣ они даже выступали противъ нея. На выборахъ 57-го года въ Парижѣ прошло пять кандидатовъ, враждебныхъ имперіи — между ними Даримонъ, ученикъ Прудона, и сынъ изгнаннаго республиканца Эмиль Оливье, выбранный за то, что онъ сказалъ: „я буду призракомъ 2-го декабря“. Въ слѣдующемъ году прибавляются еще два члена оппозиціи: Эрнестъ Пикаръ, адвокатъ, извѣстный своимъ острымъ языкомъ, и свѣтило адвокатуры Жюль Фавръ, бывшій защитникъ возставшихъ при Луи-Филиппѣ, членъ учредительнаго собранія 48-го года, только что такъ прославившійся при защитѣ Орсини.

Неудача этого итальянца имѣла благой результатъ. Январскія бомбы 58-го года пощадили единственную жертву, въ которую онѣ мѣтили. Тотъ самый Наполеонъ III, отъ котораго Орсини хотѣлъ освободить Италію, какъ разъ и оказался ея спасителемъ.

Сначала дѣйствительно наступила реакція, бросившая въ тюрьмы и ссылку новую серію республиканцевъ, но не болѣе чѣмъ черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ казни Орсини французская армія уже шла въ походъ противъ Австріи. Общественное мнѣніе привѣтствовало эту освободительную войну; Сентъ-Антуанское предмѣстье превозносило императора, каждая побѣда была для насъ настоящимъ праздникомъ, и когда Наполеонъ III возвратился, не докончивъ дѣла итальянскаго освобожденія, то въ нашихъ душахъ горечи было не меньше, чѣмъ у итальянцевъ.

Онъ думалъ успокоить насъ всеобщей амнистіей, но она не имѣла никакого значенія, такъ какъ большинство декабрьскихъ жертвъ давно уже было освобождено. Въ изгнаніи—въ Алжирѣ и Франціи—осталось едва ли болѣе ста человѣкъ; изъ нихъ наиболѣе извѣстные: Викторъ Гюго, Распайль, Ледрю-Ролленъ, Луи Бланъ, Пьеръ Леру, Эдгаръ Кине, Бансель, Феликсъ Піа, Шельхеръ, Клеманъ Тома, Эдмондъ Аданъ, Этьенъ Араго и др. Нѣкоторые предпочли остаться навсегда въ изгнаніи, которое создало для нихъ пьедесталъ величія и дало имъ спокойствіе. Впрочемъ ихъ политическая роль была бы все-равно ничтожна. Бланки сейчасъ же послѣ освобожденія снова былъ арестованъ и присужденъ къ пяти годамъ тюремнаго заключенія, обвиненный въ намѣреніи составить заговоръ.

А между тѣмъ противъ имперіи дѣйствительно замышлялись заговоры. Черезъ годъ послѣ лживаго мира съ Австріей, Гарибальди снова принимается за освобожденіе Италіи, высаживается въ Сициліи съ одной тысячью войска, переплываетъ проливъ, идетъ на Неаполь и 9-го ноября 60-го года дарить Виктору-Эммануилу новую область. Наполеону III, желавшему прикрыть отступленіе неаполитанскаго короля, приходится отозвать свой флотъ. Вскорѣ онъ отправлятъ его въ Мексику.

Испанія и Англія хотѣли взыскать свой долгъ съ Франціи, а также и швейцарецъ Жекеръ, авантюристъ высшаго полета, ростовщикъ клерикальнаго Мирамонскаго правительства, которое бѣжало отъ законнаго правительства Хуареца. Жекеръ заключилъ союзъ съ братомъ императора—Морни—элегантнымъ импрессаріо 2-го декабря, президентомъ законодательнаго корпуса и шефомъ высокопоставленныхъ мошенниковъ, разбогатѣвшихъ отъ многочисленныхъ предпріятій послѣдняго времени. Второй сынъ Гортензіи пошелъ на эту сдѣлку

съ Жекеромъ и взялся взыскать его долгъ при помощи французской арміи, уже запятнавшей себя въ китайской экспедиціи. Генералъ Кузенъ Монтабанъ пріучилъ во время экспедиціи армію къ грабежу, взявъ на свою долю колье, которое и преподнесъ императрицѣ, наградившей его за это титуломъ графа Паликао.

Эта женщина—не француженка, какъ всѣ царицы, отмѣченныя въ нашихъ несчастьяхъ—быстро склоняется на авантюру, выгодную для духовенства и мексиканскихъ роялистовъ,—ловко обработанная Морни, мексиканскимъ архіепископомъ, Альмонтомъ, Мирамономъ. Ея мечтательному супругу улыбается идея включить въ свою имперію и Мексику, тѣмъ болѣе, что въ это время Соединенные Штаты раздирала война. Въ январѣ 62-го года французскія и англійскія военныя силы высаживаются въ Вера-Крузѣ, гдѣ ихъ уже предупредили испанцы. Скоро Англія и Испанія замѣчаютъ, что они играютъ въ руку Жекеру и нѣкоей монархіи, и удаляются, оставивъ французскія войска подъ начальствомъ Лорансэ. Развѣ не говорятъ о томъ, будто Альмонтъ, съ согласія Тюильри, ведетъ переговоры о мексиканской коронѣ съ Максимиліаномъ, братомъ австрійскаго императора? Министръ Билье нагло отрицаетъ это; мѣсяцъ спустя Лорансэ высказывается въ пользу Альмонта и объявляетъ войну Мексиканской республикѣ. Генералъ Форе является съ подкрѣпленіями въ Мексику; это возбуждаетъ общественное мнѣніе. Лѣвая—Эмиль Оливье, Пикаръ, Жюль Фавръ—выступаетъ на защиту Франціи; Билье отвѣчаетъ напыщенной рѣчью.

Общество, наконецъ, откликается. Скрытое недовольство начинаетъ прорываться. Народъ, который былъ еще младенцемъ при государственномъ переворотѣ, теперь достигъ своей зрѣлости. Въ Парижѣ начинается броженіе; въ Латинскомъ кварталѣ сатирическіе журналы растутъ, какъ грибы; студенты и рабочіе манифестируютъ по поводу избіеній въ Польшѣ, героически возставшей противъ Россіи. Мелкая буржуазія настроена въ высшей степени оппозиціонно; на парижскихъ выборахъ въ маѣ 63-го года проваливаются всѣ оффиціальные кандидаты. На ихъ мѣсто выбраны объединившіеся: Жюль Фавръ, Эмиль Оливье, Даримонъ, выбывающіе депутаты; запоздалый ламартиніанецъ Эженъ Пельтанъ, Жюль Симонъ—философъ-эклектикъ, отказавшійся отъ присяги въ 51-мъ году и давшій ее въ 63-мъ; либеральный монархистъ Геру, вольтеріанствующій буржуа

Авенъ и бывшій министръ Луи-Филиппа, предводитель антиреспубликанской коалиціи 48-го года, проведенный Луи-Бонапартомъ, г-нъ Тьеръ. Послѣдняго выбрали ради того зла, которое онъ могъ причинить имперіи.

Въ это время противъ редактора газеты „Вѣкъ“, Авена, выступаетъ типографскій рабочій Бланъ и требуетъ правъ также и для рабочихъ. Его находятъ крайне дерзкимъ и противъ него возстановливаютъ рабочихъ. Рабочіе тогда еще не шли дальше политики. „Мнѣ совершенно наплевать, будетъ ли то огрызокъ картошки, или кочерыжка капусты“,—сказалъ одинъ изъ нихъ, когда передъ нимъ разбирали титулы Пельтана,—„лишь бы тотъ снарядъ, который я брошу въ избирательный ящикъ, кричалъ о моей оппозиціи“. Но вѣдь надо все-таки знать свойства того снаряда, который собираешься бросить.

Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, въ февралѣ 64-го года, возобновляется требованіе рабочихъ, но теперь оно опредѣленнѣе. Нужно было замѣнить двухъ депутатовъ, выбранныхъ одновременно въ провинціи: Жюля Фавра и Авена. Шестьдесятъ рабочихъ издаютъ манифестъ, составленный чеканщикомъ Толэномъ. Крайне умѣренный по формѣ, онъ, по своему содержанію, въ высшей степени революціоненъ. „Господа члены оппозиціи“—говорятъ рабочіе,—„если мы согласны съ вами въ политикѣ, то сходимся ли мы также въ соціальной экономіи?—Не перестаютъ повторять, что съ 1789 года нѣтъ больше классовъ, что всѣ французы равны передъ закономъ; но намъ—ежечасно испытывающимъ на себя гнетъ капитала, подчиненнымъ исключительнымъ законамъ—намъ трудно повѣрить этимъ заявленіямъ... Мы, чьи дѣти проводятъ свои лучшіе годы въ нездоровой, деморализующей атмосферѣ фабрикъ и мастерскихъ, чьи жены вынуждены покидать домашній очагъ ради непосильной работы, мы заявляемъ, что равенство существуетъ лишь въ писанныхъ законахъ, а не въ жизни. Но—возражаютъ намъ—развѣ не могутъ ваши депутаты потребовать реформъ вмѣсто васъ и еще лучше васъ самихъ... Мы отвѣчаемъ на это: нѣтъ! У насъ нѣтъ своихъ представителей, такъ какъ недавно въ одномъ изъ послѣднихъ засѣданій законодательнаго корпуса не оказалось ни одного человѣка, который бы выступилъ въ защиту нашихъ желаній, стремленій и правъ въ томъ смыслѣ, какъ мы ихъ понимаемъ; нѣтъ представителей у насъ,

отказывающихся вѣрить въ то, что нищета божественнаго происхожденія! у насъ нѣтъ своихъ представителей, ибо никто не сказалъ, что духъ антагонизма съ каждымъ днемъ ослабѣваетъ въ рабочихъ классахъ. Мы утверждаемъ, что послѣ двѣнадцати лѣтъ молчанія, настaлъ, наконецъ, нашъ часъ... Въ 1848 году рабочіе выборы установили политическое равенство; въ 1864 лоду они могли бы дать равенство соціальное“.

Уже много воды утекло послѣ Люксембурга 1848 года, когда пролетаріатъ боролся съ буржуазіей ея же аргументами; въ 1863 году онъ основывался уже на совсѣмъ иномъ принципѣ, своемъ собственномъ—на правѣ экономическомъ. Несмотря на мягкость тона, этотъ манифестъ знаменовалъ собой колоссальную революцію.

Эти „шестьдесятъ“ были правы, говоря, что рабочіе находятся какъ бы внѣ закона; когда въ прошломъ году рабочіе нѣсколькихъ типографій устроили стачку,—ихъ судили за нее, какъ за преступленіе противъ закона о коалиціяхъ. Однако манифестъ былъ встрѣченъ очень непріязненно. На этихъ рабочихъ, выступившихъ отъ имени класса, обрушилась не только печать, но и восемьдесятъ другихъ рабочихъ, тоже выпустившихъ свой манифестъ: они упрекали своихъ товарищей въ несвоевременномъ возбужденіи соціальнаго вопроса, въ желаніи посѣять распрю, возродить старое кастовое дѣленіе общества.

Группа „шестидясяти“ выставила кандидатуру Толэна, взгляды котораго нашли себѣ поддержку въ лицѣ Делеклюза, бывшаго генеральнаго комиссара республики, дважды осужденнаго: въ 52-мъ и въ 58-мъ годахъ. Его кандидатура была поддержана всего 424 голосами противъ 14.807, которые получилъ Гарнье-Пажесъ, скверный выкидышъ временнаго правительства 1848 года.

Но голосъ „шестидесяти“ не пропалъ безслѣдно. Депутаты лѣвой потребовали отмѣны закона о союзахъ. Имперія согласилась измѣнить его, и Эмиль Оливье, не довольствуясь ролью нѣмого „призрака“, взялся поддерживать проектъ правительства. Проектъ этотъ былъ составленъ весьма хитроумно: разрѣшивъ стачки, онъ не далъ свободы союзовъ. Все же рабочимъ удалось съ помощью новаго закона добиться сокращенія рабочаго дня и образовать нѣсколько рабочихъ обществъ: бронзировщиковъ, ювелирныхъ мастеровъ, столяровъ, набойщиковъ.

28-го сентября 1864 года весь міръ облетѣло великое слово, болѣе могучее, чѣмъ манифестъ „шестидесяти“: „Освобожденіе рабочихъ должно быть дѣломъ самихъ рабочихъ“. Этотъ лозунгъ шелъ изъ Лондона, изъ St-Martin's holl, гдѣ собрались представители рабочихъ различныхъ народностей Европы. Уже нѣсколько лѣтъ замѣчалось стремленіе къ объединенію, но вполнѣ созрѣла эта идея только въ 62-мъ году, когда на всемірной выставкѣ въ Лондонѣ делегаты французскихъ рабочихъ столкнулись съ англійскими трэдъ-юніонами. Тогда впервые провозглашенъ былъ тостъ „За будущій союзъ между рабочими всего міра!“ Въ 63-мъ году на одномъ митингѣ сочувствія Польшѣ въ Сенъ-Джемсѣ возникла идея съѣзда. Во Франціи за это дѣло взялись Толэнъ, Перрашонъ и Лимузенъ; англичане, съ своей стороны, тоже хлопотали о созывѣ съѣзда. Въ 64-мъ году Европа впервые увидала конгрессъ соединенныхъ штатовъ труда. На этомъ необыкновенномъ засѣданіи не было ни одного политическаго дѣятеля; ни одинъ изъ нихъ не участвовалъ и въ созданіи этого великаго дѣла. Въ его основаніе положена была благородная идея Карла Маркса—этого замѣчательнаго изслѣдователя, примѣнившаго въ соціальной наукѣ методъ Спинозы. Рѣшено было дать этой ассоціаціи названіе Интернаціонала, образовать коммиссію для выработки устава, помѣстить генеральный совѣтъ въ Лондонѣ, единственномъ вѣрномъ убѣжищѣ, назначить второй съѣздъ на 65-й годъ. Черезъ мѣсяцъ уставъ былъ уже опубликованъ, и делегаты французской секціи Интернаціонала, во главѣ съ Толэномъ и Лимузеномъ, открыли французское бюро на улицѣ Гравилльe—въ этомъ сердцѣ революціи.

Въ началѣ 65-го года умеръ Прудонъ, успѣвъ понять и описать этотъ новый міръ; рабочіе устроили ему торжественныя похороны. Мѣсяцъ спустя на бульварахъ кричали „bis“ при пышныхъ похоронахъ брата императора—Морни, смерть котораго поставила въ очень трудное положеніе его сообщника, Жекера.

Третьяго іюля 1863 года генералъ Форе вступилъ въ Мексику; двѣсти нотаблей, выбранныхъ Альмонтомъ, призвали на престолъ Максимиліана Австрійскаго. Тутъ у всѣхъ открылись глаза. Лѣвая интерпеллируетъ, доказываетъ, что экспедиція обходится въ 14 милліоновъ ежемѣсячно, держитъ въ Мексикѣ 40.000 солдатъ—между

тѣмъ эрцгерцогъ еще не уѣхалъ, еще есть время заключить договоръ съ Мексиканской республикой. Министръ, замѣнившій Бильо, Руэ, горячій республиканецъ 48-го года, теперь воодушевленный имперіалистъ, восклицаетъ пророческимъ тономъ: „Исторія назоветъ геніальнымъ того, кто имѣлъ смѣлость открыть источники новаго процвѣтанія націи, во главѣ которой онъ стоялъ“. И подавляющее большинство, такое же холопское въ 64-мъ году, какъ и въ 63-мъ, почти цѣликомъ состоящее изъ тѣхъ же самыхъ лицъ, вотируетъ продолженіе войны. Поддержанный голосованіемъ и снабженный мандатомъ за подписью Наполеона III, который очень торопитъ его, Максиміліанъ принимаетъ корону и вступаетъ въ Мексику вмѣстѣ съ Базеномъ, замѣнившимъ Форе. Но мексиканскіе патріоты, подобно испанцамъ 1808 года, начинаютъ партизанскую войну противъ племянника Наполеона I: нападаютъ на наши войска, ставятъ имъ всевозможныя препятствія. Базенъ организуетъ шайки контръ-герильясовъ и во имя Франціи и новой имперіи грабитъ, разоряетъ города, частныхъ лицъ, и даетъ своимъ корпуснымъ начальникамъ приказъ не брать никого въ плѣнъ, всѣхъ безпощадно разстрѣливать. Эти жестокости приводятъ въ негодованіе Вашингтонское правительство. Онѣ до такой степени деморализуютъ войска, что на это жалуется самъ маркизъ Галлифе. Этотъ хвастунъ и въ то же время человѣкъ себѣ на умѣ, разоренный актрисами и самъ состоявшій одно время у нихъ на содержаніи, впослѣдствіи поступилъ въ армію и снова возвысился посредствомъ очень удачнаго брака. Мексика, между тѣмъ, не даетъ Франціи ничего кромѣ труповъ; Максимиліанъ требуетъ кредита въ 250 милліоновъ франковъ. Депутаты лѣвой снова напоминаютъ всѣ ужасы этой авантюры, но Руэ разражается градомъ насмѣшекъ и прорицаній: „Мексиканская экспедиція—величайшая идея царствованія; Франція пріобрѣла новую обширную страну для своихъ колоній“. Мамелюки апплодируютъ. Мексиканскій заемъ морально обезпеченъ и подписанъ осторожными банкирами. Остается утвердить бюджетъ экспедиціи—они не рѣшаются сказать войны—330 милліоновъ на жалованье и содержаніе войска. Крайняя лѣвая протестуетъ, но ее снова осмѣиваютъ.

Улица рукоплещетъ. Въ апрѣлѣ полторы тысячи студентовъ, нещадно избиваемые полиціей, устраиваютъ демонстрацію передъ по-

сольствомъ Соединенныхъ Штатовъ въ честь президента Линкольна, убитаго рабовладѣльцами. Въ іюнѣ въ Парижѣ вспыхиваютъ большія стачки; на муниципальныхъ выборахъ въ іюлѣ провинція, дотолѣ вѣрная имперіи, начинаетъ какъ будто просыпаться. „Разрушимъ идолъ!“—восклицаетъ комитетъ децентрализаціи въ Нанси, гдѣ, на ряду съ гражданами Жюлемъ Симономъ, Эженомъ Пельтаномъ, засѣдаютъ господа де-Фаллу, де-Броли, Гизо и другіе иконоборцы. Въ сентябрѣ, со столбцовъ газеты „Вѣкъ“, раздается странный гимнъ: „Что-то великое поднимается надъ міромъ. Мы хорошо знали, что духъ смерти, поразившій наше общество, не проникъ въ его нѣдра, не коснулся народной души, что не заглохли еще источники жизни. Но и нашъ слухъ не привыкъ къ такимъ рѣчамъ; они заставили насъ содрогнуться до глубины души“. Такъ пророчествуетъ Анри Мартенъ, авторъ классической, прославленной „Исторіи Франціи“; эти великія слова—манифестъ Интернаціонала, собравшагося на конференцію въ Лондонѣ: „Считая, что освобожденіе рабочихъ должно быть дѣломъ самихъ рабочихъ, что усилія рабочихъ должны быть направлены къ установленію правъ и обязанностей, равныхъ для всѣхъ, и къ уничтоженію господства отдѣльныхъ классовъ... Что освобожденіе труда не есть какая-либо мѣстная или національная, но соціальная задача, охватывающая всѣ страны... заявляютъ, что эта международная ассоціація, а также всѣ общества или отдѣльныя личности, присоединяющіяся къ ней,—въ основу своего отношенія ко всѣмъ людямъ положатъ начала истины, справедливости, морали, не считаясь съ различіями въ цвѣтѣ кожи, вѣроисповѣданія и національности. Они считаютъ своимъ долгомъ провозгласить для всѣхъ права человѣка и гражданина“. Большія европейскія газеты говорятъ въ духѣ Анри Мартена. Благодаря имъ Интернаціоналъ выступаетъ на сцену въ качествѣ признанной силы, передъ которой стушевывается международный студенческій конгрессъ въ Льежѣ. На него отозвался одинъ только Латинскій кварталъ, представленный тамъ въ лицѣ Альбера, Реньяра, Жермена Кассъ, Жаклара и др., выставившихъ черное знамя, единственное, которое, говорили они, приличествуетъ Франціи во дни траура по свободѣ. По своемъ возвращеніи, они были исключены изъ Парижской Академіи. Латинскій кварталъ запомнилъ это, и когда однажды вечеромъ, въ мартѣ 66-го года, императоръ посѣтилъ Одеонъ, ему была устроена

манифестація; этой манифестаціей хотѣли также отомстить за разрушеніе Люксембургскаго сада.

Въ это время раздается ропотъ въ Бурбонскомъ дворцѣ. Несмотря на фальсификацію выборовъ, нѣсколькимъ независимымъ людямъ, очень богатымъ, или пользующимся прочнымъ вліяніемъ въ провинціи, удалось пролѣзть сквозь административныя щели въ законодательный корпусъ. Хотя они голосуютъ за Тюильри, тѣмъ не менѣе они не въ состояніи относиться къ правительству съ безусловнымъ довѣріемъ, и сорокъ пять изъ нихъ требуютъ хоть какихъ-нибудь крохъ свободы. Руэ недоволенъ, и группа сорока пяти, собравшая 63 голоса, уступаетъ и составляетъ адресъ, который законодательный корпусъ повергаетъ къ стопамъ императора.

Только одна изъ силъ государства не отреклась отъ своей власти. „Do ut des“,—таковъ девизъ церкви. Духовенство приняло Луи-Наполеона лишь подъ условіемъ удвоенія своихъ доходовъ. Въ качествѣ президента онъ отплатилъ духовенству римской экспедиціей 1849 года, закономъ Фаллу о преподаваніи, поощреніемъ конгрегацій, религіозныхъ ассоціацій, іезуитовъ. Ставъ императоромъ, онъ принялъ ультрамонтанскія ученія, покровительствовалъ безконечному размноженію чудотворныхъ изображеній богородицы, распространенію догмата о безпорочномъ зачатіи и мнимаго догмата о томъ, что Римъ—верховный владыка католиковъ. Итальянская война, экспедиція Гарибальди, пораженіе папскихъ войскъ, присоединеніе Неаполя,—все это привело папу въ ярость. Онъ обвинялъ во всѣмъ Наполеона III; епископы вторили ему. Императора они называютъ уже не „Константиномъ“, а „Іудой“. Наполеонъ III не осмѣливается преслѣдовать ихъ; кромѣ того ему приходится считаться съ своей женой. Если онъ терпитъ поповъ къ качествѣ союзниковъ, то она любитъ ихъ, какъ учтивая ученица. Папа—крестный ея сына, онъ послалъ ей золотую розу, предназначенную для добродѣтельныхъ монархинь. Договоръ съ Итальянскимъ королевствомъ, отсрочивающій выходъ французскихъ войскъ изъ Рима, привелъ духовенство прямо въ бѣшенство.

Папа отвѣтилъ энцикликой въ сопровожденіи Syllabus'a, въ которомъ проклиналъ духъ и дѣла современности. Вопреки правительству, епископы опубликовали этотъ оскорбительный Syllabus; папа

одобрилъ ихъ. Епископскіе посохи угрожали такъ сильно, что въ мартѣ 65-го года тотъ самый министръ, который, по приказанію клира и императрицы, лишилъ каѳедры Ренана за то, что онъ назвалъ Іисуса Христа необыкновеннымъ человѣкомъ, теперь произнесъ негодующую рѣчь противъ Syllabus'a. Одинъ сенаторъ обнаружилъ, что въ 1856 году утвержденныя религіозныя корпораціи насчитывали 65.000 человѣкъ съ недвижимостью въ 260 милліоновъ; не меньше богатствъ было у неразрѣшенныхъ корпорацій. Какъ возросла эта сумма за десять лѣтъ! Кардиналъ Боннѐшозъ едва потрудился затушевать нѣсколько мысль Syllabus'a и не постѣснился утверждать, что корпораціи имѣютъ одни только долги. Руэ спасовалъ, боясь этой церкви, которая, несмотря на свои заискивающія манеры, вся, какъ одинъ человѣкъ, въ своей борьбѣ за власть готова была идти теперь противъ имперіи.

Имперія дошла, наконецъ, до своей мертвой точки. Она не дала Франціи ни одной новой идеи; экономическія условія, благопріятствовавшія ей, болѣе не существуютъ. Она больше не имѣетъ никакихъ жизненныхъ рессурсовъ и для Европы является лишь военной единицей, страной, вызывающей соперничество всѣхъ остальныхъ. Къ тому же сѣмя раздора, посѣянное въ Италіи, всюду начинаетъ давать всходы. Германія, какъ и полуостровъ, стремится къ объединенію. Двѣ державы предлагаютъ ей свое содѣйствіе. Австрія, хотя и неспособная къ возрожденію по своей дряхлости, все же беретъ верхъ и въ то время, какъ Наполеонъ III возится съ Мексикой, созываетъ въ 63-мъ году съѣздъ союзныхъ князей во Франкфуртѣ. Пруссія, ея соперница, игравшая въ либерализмъ, вовсе не является, но интриги сейма вызываютъ пустую ссору, дающую поводъ для Пруссіи и Австріи заявить свои права на подчиненныя Даніи герцогства—Шлезвигъ и Голштинію. Уполномоченные сейма раздѣляютъ Данію, разыгрываютъ конфедерацію, и въ 66-мъ году Австрія занимаетъ Голштинію, Пруссія—Шлезвигъ. На протестъ французскихъ газетъ берлинскія отвѣчаютъ грубымъ окрикомъ: „Франція боится, что Германія станетъ самой могущественной державой въ мірѣ. Это миссія Пруссіи—создать нѣмецкое единство“. Пруссія уже больше не скры-

ваетъ своей миссіи, когда Бисмаркъ является въ Біарриць требовать отъ Наполеона III нейтралитета Франціи въ войнѣ противъ Австріи. Онъ достигаетъ своей цѣли, въ 66-мъ году добивается того, что конфликтъ становится неминуемымъ, въ мартѣ ссылается на боевую готовность Австріи и въ апрѣлѣ подписываетъ дружественный договоръ съ Италіей, съ согласія императора. Наканунѣ враждебныхъ дѣйствій, 11-го іюня Наполеонъ III предлагаетъ законодательному корпусу эту гибельную политику. Законодательный корпусъ принимаетъ ее 239 голосами противъ 11. Мертвая точка перейдена, имперіи остается быстро катиться по наклонной плоскости.

Третьяго іюля 1866 года Австрія была раздавлена при Садовой. Несмотря на побѣды въ Италіи, пораженіе ея было неизбѣжно. Она отдала Венецію и ретировалась изъ Германіи, чтобы уступить мѣсто Пруссіи, расширенной, разбогатѣвшей, ставшей первокласной военной силой, главой большого родственнаго союза. Наполеонъ III пытался было заговорить о территоріальномъ вознагражденіи, Бисмаркъ въ отвѣтъ указалъ на Германію, готовую возстать—вся, какъ одинъ человѣкъ. Наполеонъ повѣрилъ; ему говорили, что французская армія не подготовлена для борьбы съ Пруссіей, истощенной своими побѣдами. Четыре года спустя онъ не поколебался отправить ту же самую армію противъ Пруссіи, удесятерившей свои силы.

Безъ газетъ, которыя могли бы выяснить истинное положеніе вещей, всегда полный сочувствія къ Италіи и ненависти къ абсолютистской Австріи, французскій народъ не предчувствовалъ опасности; нѣсколько знающихъ людей ярко изобразили ее въ законодательномъ корпусѣ. Но никто не желалъ ихъ слушать: 219 голосовъ противъ 45 заявили, что Франція, вовсе не чувствуя себя оскорбленной, выражаетъ свое довѣріе. Они считали побѣдой нейтрализацію Люксембурга. Народъ воображалъ, что война избѣгнута. На манифестъ студентовъ Эльзасъ-Лотарингіи, осуждавшихъ національныя распри и войны, берлинскіе студенты отвѣтили протестомъ противъ нейтрализаціи. Такъ проявила себя молодая прусская буржуазія. Ея правительство запретило патріотамъ всякія сношенія съ Интернаціоналомъ.

Далекій отъ шума битвы, Интернаціоналъ собрался въ Женевѣ 3-го сентября 1866 года, черезъ нѣсколько недѣль послѣ Садовой, на

свой первый всеобщій конгрессъ. Шестьдесятъ делегатовъ, снабженныхъ правильными мандатами, выступали представителями многихъ сотенъ его приверженцевъ. „Народъ больше не желаетъ слѣпо сражаться только для того, чтобы на мѣсто одного тирана посадить другого“,—гласитъ докладъ французскихъ делегатовъ; „трудъ разсчитываетъ завоевать принадлежащее ему мѣсто исключительно собственными силами, безъ всякой помощи тѣхъ, которые его до сихъ поръ порабощали и которымъ онъ добровольно порой подчинялся“. На торжествѣ послѣ конгресса знамя Интернаціонала возвышалось надъ всѣми національными флагами; на немъ его девизъ, напечатанный бѣлыми буквами: „Нѣтъ правъ безъ обязанностей и нѣтъ обязанностей безъ правъ“. Англійскихъ делегатовъ обыскали при ихъ проѣздѣ черезъ Францію; французскіе делегаты приняли мѣры предосторожности. Сейчасъ же по возвращеніи они возобновили пропаганду и въ *февралѣ 63-го года* предложили свое содѣйствіе въ стачкѣ бронзировщиковъ. Чеканщикъ Тейсъ и нѣкоторые члены стачечной комиссіи примкнули къ Интернаціоналу, другіе же отнеслись къ нему безучастно, а нѣкоторые—прямо враждебно. Отправились въ Лондонъ, и трэдъ-юніоны ассигновали 2.500 франковъ; это произвело такой эффектъ, что хозяевамъ пришлось сдаться. Префектъ полиціи выразилъ свое одобреніе комиссіи за хорошее поведеніе стачечниковъ; онъ разрѣшилъ большія собранія; правительство хотѣло этимъ проучить фрондирующихъ буржуа и подчеркнуть разницу между Интернаціоналомъ и молодой революціонной буржуазіей.

Послѣдняя плохо понимала значеніе этихъ закрытыхъ рабочихъ организацій, относилась очень подозрительно къ ихъ отрицанію политики, обвиняла ихъ въ томъ, что они поддерживаютъ имперію.

Въ составъ этой группы входили нѣкоторые революціонеры, которые были воспитаны въ духѣ Бланки и агитаторовъ прежняго времени. Они вѣрили, что нищета породитъ освободительное движеніе человѣчества. Среди нихъ были горячія головы, люди, не лишенные достоинствъ; таковы, напр.: адвокатъ Прото, богатый студентъ Тридонъ, очень извѣстный своими „Гебертистами“. Всѣ они отправились на женевскій конгрессъ съ цѣлью обличенія рабочихъ въ томъ, что они становятся предателями революціи. Тогда делегаты, кото-

Вищобесі ... ської ... університет
... імені ...
БІБЛІОТЕКА

рыхъ они такъ превратно поняли, увидѣли въ этихъ сыновьяхъ буржуазіи лишь болѣе молодое поколѣніе ихъ же отцовъ, они обвинили ихъ въ незнаніи азбуки трудовыхъ отношеній и оттолкнули ихъ. Напрасно. Это поколѣніе было лучше; въ своихъ газетахъ Латинскаго квартала они не отдѣляли себя отъ пролетаріата въ общемъ поединкѣ съ имперіей. Такого направленія держались напримѣръ, „*Свободная мысль*“ Эда, сынъ физіолога Флурансъ, сражавшійся за независимость Крита; „La Rive gauche“, гдѣ Лонге печаталъ“: „Династію Лапалиссовъ “и Рожаръ свои „Les Propos des Labienus. Полиція дѣлала частые набѣги на ихъ редакціи, преслѣдовала самыя маленкія собранія; она создала цѣлое дѣло политическаго заговора по поводу того, что въ кафе „Возрожденіе“ былъ прочитанъ адресъ, содержавшій въ себѣ воззваніе такого титулованнаго революціонера, какъ Феликсъ Піа. Онъ изъ Лондона приглашалъ студентовъ строить баррикады: „Ваши отцы не ѣздили въ Льежъ, они устроили свой лагерь въ Сенъ-Мерри.“

Старыми пустыми бреднями звучали эти слова наканунѣ всемірной выставки, устроенной Парижемъ на радость и развлеченіе иностранныхъ монарховъ. Для Бисмарка это былъ удобный случай, чтобы произвести послѣдній смотръ положенію вещей и людямъ имперіи; побѣдитель Австріи, фонъ-Мольтке, преспокойно осмотрѣлъ наши укрѣпленія; его офицеры пили за взятіе Парижа. Гостинница Европы—такъ называла его княгиня Меттернихъ—чрезвычайно забавляла всѣхъ этихъ высокихъ особъ. Празднество было нѣсколько нарушено бомбой, брошеной въ царя польскимъ выходцемъ Березовскимъ, и рѣзкимъ вѣтромъ, подувшимъ изъ Мексики.

Императоръ Максимиліанъ, брошенный своимъ августѣйшимъ покровителемъ, былъ, по приказанію Соединенныхъ Штатовъ, взятъ въ плѣнъ и разстрѣлянъ 19-го іюня 1867 года. „Прекраснѣйшая изъ идей имперіи“ свелась лишь къ тысячамъ французскихъ труповъ, ненависти разоренной Мексики, презрѣнію со стороны Соединенныхъ Штатовъ и потерѣ милліарда франковъ. Базенъ, вернувшійся въ довольно жалкомъ видѣ, скоро однако снова заблисталъ среди лучшихъ генераловъ двора.

Всемірная выставка была послѣдней ракетой имперской фееріи. Отъ нея не осталось ничего, кромѣ запаха пороха. Республиканская

буржуазія, встревоженная мрачными тѣнями, вырисовывавшимися на горизонтѣ, подражала Интернаціоналу, придумала какой-то международный союзъ и нашла достаточно приверженцевъ, чтобы устроить большой конгрессъ въ Женевѣ 8-го сентября 1867 года. Предсѣдательствовалъ Гарибальди. Въ это же время въ Лозаннѣ состоялся второй конгрессъ Интернаціонала, и, въ противоположность берлинскимъ студентамъ, нѣмецкіе рабочіе прислали свой горячій протестъ противъ войны. Женевскій конгрессъ послалъ свое приглашеніе лозаннскимъ конгрессистамъ; тѣ явились, говорили о новомъ строѣ, который освободитъ народъ отъ эксплоатаціи капитала, и такъ повернули пренія, что нѣкоторые республиканцы изъ среды парижскихъ делегатовъ конгресса—въ томъ числѣ одинъ изъ душеприказчиковъ Прудона Шоде—предложили рабочимъ союзъ съ либеральной буржуазіей для общей борьбы за освобожденіе. Предложеніе было принято, и конгрессъ закончился Лигой мира.

Черезъ два мѣсяца подъ Римомъ загремѣли пушки. Гарибальди бросился въ Папскую область и при Ментанѣ столкнулся съ французскими войсками, посланными туда императрицей и Руэ. Генералу Файли, командующему войсками, удалось еще усилить злобу итальянскихъ патріотовъ своей телеграммой въ Тюильри: „Ружья шаспо совершили чудеса“. Но если Наполеону III и удалось еще разъ сдѣлать Францію солдатомъ папы, то французская демократія, какъ всегда, осталась носительницей идей 49-го года. „Да здравствуетъ Италія! Да здравствуетъ Гарибальди!“ — кричали за пять дней до Ментоны Наполеону III и австрійскому императору, при ихъ выходѣ изъ городской ратуши... 2-го ноября толпа окружаетъ гробницу Манина на Монмартрскомъ кладбищѣ. Въ первый разъ на бульварахъ толпятся рабочіе. Черезъ нѣсколько часовъ послѣ занятія Рима войсками, одна делегація, во главѣ съ членомъ Интернаціонала Толэномъ, требуетъ, чтобы всѣ депутаты лѣвой подали въ отставку. Ее принимаетъ Жюль Фавръ, который протестуетъ противъ формы заявленія; на вопросъ: „Можетъ ли пролетаріатъ, если онъ подымется за республику, разсчитывать на поддержку либеральной буржуазіи, какъ это было условлено два мѣсяца тому назадъ въ Женевѣ?“—онъ отвѣчаетъ: „Господа рабочіе, вы создали имперію, ваше дѣло уничтожить ее.“ Жюль Фавръ сдѣлалъ видъ, будто

онъ забылъ, что сѣмена имперіи были посѣяны національнымъ собраніемъ 48-го года. У людей 48-го года сохранилось ихъ отвращеніе къ революціоннымъ рабочимъ. Сердца ихъ младшихъ братьевъ были также закрыты для пролетаріата: „Соціализма болѣе не существуетъ или, по крайней мѣрѣ, мы не желаемъ считаться съ нимъ“,—сказалъ Эрнестъ Пикаръ.

„*Французскій Курьеръ*“, единственная соціалистическая газета того времени, очень хорошо обрисовала этотъ новый курсъ. Во главѣ газеты стоялъ молодой писатель Верморель, уже извѣстный благодаря „*Молодой Франціи*“ и своимъ хорошимъ этюдамъ о Мирабо; его перомъ и деньгами существовала газета. Онъ разоблачилъ истинный характеръ людей 48-го года, ихъ ограниченную антисоціалистическую политику, которая привела къ перевороту 2-го декабря. Рабочіе и передовые республиканцы охотно читали его, но старые республиканцы и многіе изъ современныхъ были оскорблены тѣмъ, что бросалась тѣнь на славное прошлое. Бретеры имперіи тщетно старались запугать Вермореля, осыпая его проклятіями, угрожающими письмами, въ то время какъ люди 48-го года кричали о томъ, что онъ подкупленъ, что онъ агентъ Руэ. Журналъ былъ отнятъ у него. Ту же участь должны были раздѣлить многіе другіе.

И вотъ Наполеонъ III, дряхлый уже въ свои пятьдесятъ семь лѣтъ, задумываетъ подкрѣпить себя микстурой либерализма. Эмиль Оливье, возведенный въ рангъ совѣтника, поощряетъ его сдѣлать этотъ опытъ, надѣясь, что ему удастся управлять безсильнымъ императоромъ. Издается указъ, разрѣшающій, при условіи большого залога, открывать новыя газеты и устраивать политическія собранія, подъ угрозой суровой кары за нарушеніе закона. Руэ прямо заохалъ, а Персиньи воскликнулъ: „Имперія, повидимому, рушится во всѣхъ своихъ частяхъ.“ Но она еще упорствовала, сильная своей бюрократіей и полиціей. Весеннимъ сюрпризомъ въ маѣ 1868 года явился для нея „*Фонарь*“, еженедѣльная брошюра, издававшаяся въ видѣ записныхъ книжечекъ. Ни „*Les Propos de Labienus*“, ни академическія дерзости „*Воскреснаго Курьера*“, ни колкости „*Французскаго Курьера*“ не вызывали такого заразительнаго смѣха, какъ это сдѣлалъ „*Фонарь*“ Рошфора, приправляя политику водевильными шутками. Всѣ партіи могли теперь потѣшаться

надъ богами и богинями Тюильри, превращенными въ героевъ „*Прекрасной Елены*“. Но эти шутки не понравились государю и его супругѣ. Черезъ два мѣсяца Рошфоръ былъ осужденъ на долгосрочное заключеніе и бѣжалъ въ Брюссель, но на его мѣсто явились сотни другихъ. Въ Парижѣ „*Призывъ*“, руководимый Викторомъ Гюго изъ Джерсея, „*Пробужденіе*“ Делеклюза, непримиримаго якобинца, врага всякихъ шарлатановъ; въ Тулузѣ, Аженѣ, Ошѣ, Марселѣ, Лилѣ, Нантѣ, Ліонѣ, Аррасѣ, на югѣ, сѣверѣ, въ центрѣ, на западѣ и востокѣ сотни газетъ зажгли пламя свободы. Выступила цѣлая масса молодежи, презиравшей тюрьму, наказанія, ссылку она хватала за горло имперію, ея министровъ, чиновниковъ и, разбирая декабрьскія преступленія, восклицала: „Надо идти за нами; поколѣніе, создавшее имперію, уже умерло“. Брошюры, популярныя изданія, библіотечки, иллюстрированные разсказы изъ исторіи революціи едва успѣвали утолять внезапно появившуюся жажду знанія. Молодое рабочее поколѣніе, лишенное той питательной пищи, которая создала 48-й годъ, хватило теперь двойныя порціи.

Публичныя собранія еще болѣе раздували революціонный пожаръ. Тамъ происходила настоящая давка. Почти двадцать лѣтъ Парижъ не слыхалъ свободнаго слова. Игнорируя распоряженіе г-на комиссара, грозившаго распустить собранія при малѣйшемъ рѣзкомъ выраженіи, много энтузіастовъ приходило изливать свое вдохновеніе передъ публикой, о которой раньше не имѣли даже понятія. Особенно часто собирались въ демократическихъ кварталахъ, гдѣ преобладали провинціалы, привлеченные въ Парижъ большими постройками, производившимися здѣсь въ теченіе послѣднихъ 15 лѣтъ. Новички по сравненію съ чистокровными парижанами, они свою здоровую свѣжесть примѣшивали къ парижской нервозной впечатлительности и требовали содержательныхъ рѣчей.

Тутъ полиціи привелось убѣдиться, что источникомъ недовольства отнюдь не является одна только агитація Интернаціонала, какъ она наивно думала со времени манифестаціи изъ-за Ментаны. Начались преслѣдованія, которыми воспользовалась улица Гравилье, чтобы развернуть свое знамя, до тѣхъ поръ неизвѣстное массамъ.

Прокуроръ имперіи былъ чрезвычайно благосклоненъ къ этимъ

труженникамъ безъ сомнѣнія, очень почтеннымъ, которые, къ сожалѣнію, образовали союзъ, не получивъ на это разрѣшенія. „Подстрекатель“ Толэнъ выступилъ въ качествѣ общаго защитника: „Съ 1862 года нашъ девизъ—рабочіе должны стремиться къ своему освобожденію своими собственными средствами... Единственный путь выйти изъ ложнаго положенія, созданнаго для насъ закономъ—нарушить этотъ законъ и тѣмъ показать его негодность; но мы его не нарушили, такъ какъ правительство само все допустило и, можетъ быть, прямо желало допустить“. Предсѣдатель, не менѣе вѣжливый, чѣмъ прокуроръ, оштрафовалъ подсудимыхъ на сто франковъ и объявилъ парижское отдѣленіе международной ассоціаціи закрытымъ. Сейчасъ же составилось новое бюро: Малонъ, Ландренъ, Комбо и Варленъ—переплетчикъ, собравшій за нѣсколько дней десять тысячъ франковъ для женевскихъ стачечниковъ. Снова начались преслѣдованія. Рѣчь произноситъ Варленъ; на этотъ разъ тонъ уже значительно повысился: „Классъ, который угнетали во всѣ времена, при всѣхъ правленіяхъ, классъ труда желаетъ внести свою лепту въ дѣло возрожденія... только дыханіе полной свободы можетъ очистить атмосферу, зараженную преступленіями... классъ, утратившій нравственное превосходство, на которомъ зиждилось его могущество, долженъ сойти со сцены, если онъ не желаетъ быть жестокимъ, ибо жестокость единственное средство умирающей власти“. Три мѣсяца тюрьмы, гласитъ приговоръ, „ибо существованіе и непрекращающаяся дѣятельность международной ассоціаціи доказаны вмѣшательствомъ ея въ послѣднюю стачку рабочихъ въ Женевѣ, которымъ она оказала моральное содѣйствіе, поощряя борьбу между рабочими и предпринимателями“. Парижское бюро снова было закрыто.

Тѣмъ не менѣе оно было представлено въ сентябрѣ на третьемъ конгрессѣ Интернаціонала въ Брюсселѣ, приглашавшемъ всѣхъ рабочихъ воспротивиться войнѣ между Франціей и Германіей. Большинство, вопреки Толэну, голосовало за коллективную собственность; этимъ воспользовалось правительство, чтобы напугать республиканцевъ, которые начали серьезно безпокоить его.

Въ „день мертвыхъ“, 2-го ноября 1868 года, республиканцы подъ заплѣсневѣлымъ камнемъ на кладбищѣ Монмартра открываютъ гроб-

ницу Бодена, убитаго 2-го декабря 1851 года въ Сентъ-Антуанскомъ предмѣстьѣ. Редакторъ „*Пробужденія*“ Кантенъ проклинаетъ въ своей рѣчи имперію. Толпа кричитъ: „Да здравствуетъ республика!“ Нѣкто, отъ имени „народа и молодежи“, говоритъ объ отмщеніи и обѣщаетъ его въ скоромъ будущемъ. „*Пробужденіе*“ Делеклюза, „*Будущность Народа*“ Пейра, „*Политическое Обозрѣніе*“ Шальмель-Лакура и другія газеты, подъ вліяніемъ ихъ примѣра, открываютъ подписку на памятникъ Бодену. Даже Беррье подписывается. Имперія отдаетъ подъ судъ журналистовъ и ораторовъ 2-го ноября. Одинъ молодой адвокатъ защищаетъ Делеклюза. Совершенно неизвѣстный публикѣ, онъ въ теченіе послѣднихъ лѣтъ выдѣлился среди молодыхъ адвокатовъ, поразивъ профессоровъ во время страннаго процесса, такъ называемаго „процесса 54“. Гамбетта не ограничивается прославленіемъ Бодена. Съ перваго же слова Гамбетта нападаетъ на имперію, съ краснорѣчіемъ Корнеля воскрешаетъ въ памяти слушателей 2-ое декабря, воплощаетъ въ себѣ все страданіе, гнѣвъ и надежды республиканцевъ, заглушаетъ своимъ громовымъ голосомъ прокурора имперіи и въ своемъ живописно-небрежномъ костюмѣ, съ своей развѣвающейся гривой, въ теченіе часа являетъ изъ себя настоящаго пророка возмездія. Новая Франція была потрясена пробужденіемъ своего сознанія. Процессъ Бодена былъ для имперіи роковымъ. У нея хватило глупости предположить, что 2-го декабря снова будетъ демонстрація, и она приготовила армію, назначивъ командующимъ совершенное ничтожество — министра внутреннихъ дѣлъ Пинара. Парижъ, вполнѣ отомщенный, только посмѣялся. Высмѣянная имперія набросилась на журналистовъ съ штрафами и мѣсячными арестами, закрыла публичныя собранія и пустила въ ходъ всѣ свои административныя мѣры; предстояли общіе выборы.

Роль низкопоклонниковъ 63-го года окончилась. Они пошли за Наполеономъ вплоть до попранія народныхъ правъ. Гораздо болѣе преступные, нежели въ 1857 году, они содѣйствовали гегемоніи Пруссіи, бросили Италію въ ея объятія, дали средства на мексиканскую войну, привѣтствовали вторую римскую экспедицію и Руэ съ его обѣщаніемъ: „Никогда, никогда Франція не допуститъ Италію сдѣлать Римъ своей столицей“.

Для этихъ низостей и предательства нѣтъ никакихъ оправданій.

Всѣ эти оффиціальные депутаты—крупные буржуа, промышленники, финансисты—занимали лучшія мѣста въ администраціи, арміи, магистратурѣ, духовенствѣ. Съ ихъ мнѣніемъ некому было бороться. Они жили въ свое удовольствіе, зная, что въ конечномъ счетѣ трудъ расплачивается за все. При выборахъ 1869 года ихъ программа была та же, что у императора, имъ нужны были тѣ же избиратели, что и министру. Еще разъ пришлось народу спасать страну.

Парижъ больше не желаетъ, чтобы газеты распоряжались выборами. Онъ самъ намѣчаетъ себѣ кандидатовъ; многіе изъ нихъ противники депутатовъ 63-го года, которыхъ напрасно старались вызвать на состязаніе лучшіе ораторы публичныхъ собраній: Лефрансэ, Бріонъ, Ланглуа, Толэнъ, Лонге и др. На мѣсто стараго Карно Бельвиль проводитъ Гамбетту, молодого трибуна, выставляющаго въ согласіи съ требованіями избирателей знамя „непримиримости“, на мѣсто Жюля Фавра—Рошфора. Противъ Гарнье-Пажеса, рабочіе, несмотря на соперничество Распайля, выставляютъ Бріона, одного изъ своихъ, чтобы заявить о „правахъ меньшинства и верховенствѣ труда“. Геру долженъ уступить свое мѣсто адвокату Жюлю Ферри, автору удачнаго каламбура на префекта Гаусмана. Жюль Симонъ и Пельтанъ также имѣютъ соперниковъ. Эмиль Оливье, способствовавшій разгару всеобщаго озлобленія, хочетъ состязаться на публичномъ собраніи въ Шателе съ Банселемъ, совсѣмъ юнымъ депутатомъ 52-го года, который вернулся изъ ссылки все еще молодымъ. Ренегату кричатъ: „Да здравствуетъ свобода!“ Полиція выхватываетъ оружіе и разгоняетъ республиканцевъ, которые направились къ Бастиліи съ пѣніемъ марсельезы.

24-го мая выбраны Гамбетта, Бансель, Пельтанъ, Пикаръ и Жюль Симонъ. При перебаллотировкѣ Тьеръ, Гарнье-Пажесъ и Жюль Фавръ. При имени послѣдняго восклицаютъ: „Да здравствуетъ „*Фонарь*“!“ Начались демонстраціи на бульварахъ, перекинулись въ Бельвиль и въ Сентъ-Антуанское предмѣстье. Полиція пустила въ толпу шайки сутенеровъ въ бѣлыхъ блузахъ, которые опрокидывали кіоски, разбивали витрины; это дало поводъ сдѣлать массовые аресты. Редакторы „*Призыва*“ и „*Пробужденія*“, ораторы публичныхъ собраній были взяты подъ стражу. Тюрьмы и казематы Бисетра наполнились полутора тысячью плѣнниковъ; одинъ изъ приближенныхъ Тюильрійскаго

двора—Жюль Амгъ—писалъ: „Надо лишить Парижъ его значенія столицы“.

Благодаря махинаціямъ администраціи, провинціальные выборы дали громадное большинство имперіи, примирившейся съ епископами послѣ Ментаны. Однако туда пробрались орлеанисты; оппозиція лѣвой насчитывала не болѣе сорока человѣкъ. Изъ числа 280 депутатовъ двѣ трети принадлежали Наполеону III—достаточно, чтобы расправиться съ немногими свѣтлыми головами, желавшими реформы, и чтобы написать, что онъ не отступитъ „передъ бунтующей чернью“. Разстрѣлъ въ Рикамари не оставилъ никакихъ сомнѣній въ значеніи этого письма. 17-го іюня войско стрѣляло въ бастующихъ рудокоповъ, убило одиннадцать мужчинъ, двухъ женщинъ, многихъ ранило, въ томъ числѣ дѣвочку,—Паликао не позволилъ даже подать ей помощь. Таковы были во Франціи первыя чудеса ружей шаспо. Одинъ сенаторъ, жандармскій генералъ, предложилъ что-то въ родѣ всеобщаго разстрѣла: соглашеніе между всѣми правительствами для подавленія всѣхъ рабочихъ ассоціацій и союзовъ.

Этотъ пандуръ былъ вовсе не такъ глупъ; рабочія общества не обѣщали ничего хорошаго этому безпринципному правительству, игравшему двойную игру: разрѣшая стачку бронзировщиковъ, оно преслѣдовало стачку портныхъ, оно закрыло бюро Интернаціонала и покровительствовало въ то же время собраніямъ въ пассажѣ Рауль, оно утверждало собраніе делегатовъ синдикальныхъ камеръ, а на завтра окружало его войсками. Эти синдикаты, образовавшіеся на короткое время во многихъ промыслахъ, стремились къ федеративному объединенію. Ихъ делегаты—Тейсъ, Авріаль, Ланжевенъ, Варленъ, Дерёръ, Пенди—долго искали подходящій домъ и нашли, наконецъ, очень обширное помѣщеніе на улицѣ Кордери, которой суждено было стать знаменитой. Одну половину зданія федерація сдала разнымъ кружкамъ и обществамъ: бронзировщикамъ, столярамъ, кружку мутуалистовъ, состоявшему въ значительной степени изъ членовъ перваго бюро Интернаціонала (Альтонъ Ше, Ланглуа и др.), кружку соціальныхъ наукъ, реорганизовавшему Интернаціоналъ послѣ перваго процесса. Такъ какъ всѣ они помѣщались въ одномъ мѣстѣ, въ публикѣ думали, что интернаціональная ассоціація и федерація синдикальныхъ камеръ—одно и то же. Это была ошибка. Многіе изъ

делегатовъ федераціи только принадлежали къ Интернаціоналу; общества, во главѣ которыхъ они стояли, вовсе не желали рисковать своимъ существованіемъ, примыкая къ Интернаціоналу, и многіе члены его изъ-за этого очень мало сочувствовали синдикатамъ.

Публика не придавала большого значенія этимъ синдикальнымъ организаціямъ, гораздо больше она интересовалась таинственнымъ Интернаціоналомъ, который, какъ увѣряли, считалъ своихъ послѣдователей и свои средства милліонами; парижское бюро не мѣшало распространенію этихъ слуховъ. Въ сентябрѣ 1869 года въ Базелѣ состоялся четвертый конгрессъ Интернаціонала; изъ французскихъ делегатовъ присутствовали: Толэнъ, Ланглуа, Варленъ, Пенди, Лонге, Мюра, Обри де-Руанъ. Разсуждали о коллективизмѣ, индивидуализмѣ, уничтоженіи наслѣдствъ и особенно подчеркивали боевую роль соціализма, такъ какъ появился соперникъ въ лицѣ *Международнаго союза соціалистической демократіи*, основаннаго въ предыдущемъ году анархистомъ Бакунинымъ. Нѣмецкій делегатъ Либкнехтъ прославлялъ парижскихъ рабочихъ: „Мы знаемъ, что они всегда были и останутся авангардомъ революціонной арміи“. Мѣстомъ ближайшаго конгресса объявленъ былъ *свободный Парижъ!*

Можно было его уже считать таковымъ, читая его газеты, посѣщая его собранія. Созывъ законодательнаго корпуса отсроченъ былъ на неопредѣленное время послѣ письма императора, пожаловавшаго депутатамъ нѣкоторыя несущественныя права; тѣмъ громче заговорила улица. Народъ считалъ хозяина Тюильри нравственно погибшимъ и больнымъ физически; „*Пробужденіе*“, слѣдившее за ходомъ его болѣзни, назначило ему не болѣе трехъ лѣтъ жизни; въ имератрицу, дворъ, чиновниковъ сыпались стрѣлы болѣе острыя, чѣмъ стрѣлы прежняго „*Фонаря*“; на собраніяхъ нападали на политику, въ Бельвилѣ разгоняли ударами шашекъ. На заборѣ новыхъ построекъ Тюильри, гдѣ была сдѣлана надпись: „посторонняя публика не имѣетъ права входить сюда“, какая-то рука приписала: „а иногда имѣетъ“.

Суды болѣе не функціонировали. Казалось, начинается новый режимъ. Руэ былъ отставленъ въ сенатъ, новые министры никому не были извѣстны. Казалось, что слѣдуетъ пользоваться каждымъ случаемъ для нападенія. Императоръ созвалъ законодательный корпусъ

на 29-е ноября. Одинъ изъ депутатовъ лѣвой, Кератри, рѣшается заявить, что засѣданія должны открыться 26-го, что конституція нарушена, что депутаты должны явиться 26-го на площадь Согласія и занять свои мѣста въ Бурбонскомъ дворцѣ, хотя бы пришлось дѣйствовать силой. „*Реформа*“ ухватывается за эту идею. Гамбетта пишетъ изъ Швейцаріи: „Я буду тамъ“. Такъ же относится Распайль и Бансель; Жюль Ферри заявляетъ, что онъ отвѣтитъ на „наглый приказъ“.

Въ это время въ Обенѣ разстрѣливаютъ стачечниковъ. 8-го октября войска убили четырнадцать и ранили пятьдесятъ рабочихъ. Парижъ волнуется. 26-го можетъ что-нибудь разыграться. Испуганная лѣвая, чтобы скрыть свое отступленіе, издаетъ обстоятельный манифестъ. Авангардъ оппозиціи требуетъ, чтобы она объяснила свое двойственное поведеніе. Жюль Симонъ, Эрнестъ Пикаръ, Пельтанъ, Жюль Ферри, Бансель созываютъ собраніе; Жюль Фавръ, Гарнье-Пажесъ и другіе, которые считаютъ себя отвѣтственными только передъ своей совѣстью, отказываются принять въ немъ участіе. Залъ едва вмѣщаетъ двѣсти протестующихъ, старыхъ и молодыхъ, писателей, публичныхъ ораторовъ, рабочихъ, извѣстныхъ соціалистовъ. Предсѣдателемъ избираютъ Мильера, уволеннаго однимъ крупнымъ товариществомъ, которое не желало имѣть у себя на службѣ соціалиста. За исключеніемъ Банселя, драпирующагося въ фразеологію 48-го года, и Жюля Симона, сохраняющаго полное хладнокровіе, депутаты имѣютъ довольно жалкій видъ. Жюль Симонъ оправдываетъ отсутствіе Гамбетты; по его мнѣнію, Гамбетту надо сохранить на будущее время въ видѣ „резерва“; онъ излагаетъ далѣе стратегическія соображенія, по которымъ собраніе на площади Согласія превратилось бы въ бойню, бичуетъ имперію, дѣлая видъ, будто не знаетъ, что сюда пришли требовать отчета въ ихъ поведеніи. Ихъ прерываютъ, имъ напоминаютъ іюнь 48-го года. Депутаты уходятъ, преисполненные чувства досады. О 26-мъ октября больше не говорятъ; правительство дѣлаетъ грозныя приготовленія, но Парижъ смѣется надъ ними, какъ смѣялся въ предыдущемъ году.

Съ этого момента слѣдуетъ различать двѣ оппозиціи: оппозиція депутатовъ лѣвой и оппозиція соціалистовъ, къ которымъ примыкаетъ большое число рабочихъ, служащихъ и мелкихъ буржуа. Послѣдніе

придерживаются того мнѣнія, что „самыя красивыя рѣчи ничего не предотвратили, ничего не дали, нужно дѣйствовать, расшатывать имперію до ея паденія“. Случай представляется. 21-го ноября Парижъ долженъ замѣстить четырехъ депутатовъ—Гамбетту, Жюля Фавра, Пикара и Банселя, которые перешли въ провинцію. Бельвиль на мѣсто Гамбетты выставляетъ Рошфора. Редакторъ „*Фонаря*“ соглашается занять мѣсто Гамбетты, пріѣзжаетъ изъ Бельгіи, вызываетъ въ собраніяхъ безумный восторгъ. Его соперники всѣ, за исключеніемъ Карно, стушевываются. Въ насмѣшку надъ императоромъ, Рошфоръ приноситъ обязательную присягу; во всѣхъ другихъ мѣстахъ партія дѣйствія ищетъ неприсягавшихъ, выставляетъ Ледрю-Роллена, Барбеса, Феликса Піа. Но старый трибунъ отказывается, старый бунтовщикъ въ Гаагѣ лежитъ на смертномъ одрѣ, а Феликсъ Піа вовсе не желаетъ подвергать себя риску быть избитымъ. Рошфоръ одинъ оказывается избраннымъ; въ трехъ другихъ округахъ побѣду одерживаютъ люди прошлаго: два дѣятеля 48-го года—Эммануилъ Араго, дряхлый Кремье—и одинъ старый, пустой и болтливый республиканецъ Гле-Бизуанъ.

Эти трое присоединяются къ лѣвой, которая въ только-что изданномъ манифестѣ надругалась надъ императивнымъ мандатомъ. „Свобода критики“, писали эти господа, „могущество истины—вотъ оружіе, которымъ будутъ пользоваться нижеподписавшіеся; они прибѣгнутъ къ другимъ средствамъ лишь въ томъ случаѣ, если сила попытается заставить ихъ замолчать“. Ихъ заставляютъ замолчать. „Лѣвая была образована не за тѣмъ, чтобы бороться за свободы, которыхъ легко добьется умѣренная партія. Изолируясь отъ народа, партія заранѣе становится неспособной пользоваться другимъ оружіемъ; вмѣсто того, чтобы подготовлять республику, она дѣлается охранительницей имперіи“.

Тѣ, которые такъ говорили, какъ бы читали въ сердцахъ многихъ изъ депутатовъ лѣвой. Обрисовывались двѣ лѣвыя: одна, такъ называемая, закрытая, вождемъ которой былъ Жюль Греви, хранительница твердыхъ принциповъ; другая—открытая для партіи умѣренныхъ, винегретъ ублюдковъ, либераловъ, орлеанистовъ, имперіалистовъ наконецъ, усердно обрабатываемая другомъ Эмиля Оливье, Эрнестомъ Пикаромъ, жаждавшимъ попасть въ министры.

Въ виду того, что положеніе императора становилось все болѣе шаткимъ, Эмиль Оливье уговорилъ Наполеона III перечесть нѣкоторыя главы изъ Макіавели, трактующія о необходимости подбирать новыхъ министровъ при каждой перемѣнѣ положенія. Наполеонъ послѣдовалъ его совѣту и поручилъ составленіе министерства макіавелисту Оливье, который брался въ одно и то же время обезпечить свободу и „уничтожить революцію съ корнемъ“. „За порядокъ отвѣчаю я“,—сказалъ императоръ законодательному корпусу. 1870 годъ начался подъ двойнымъ созвѣздіемъ этихъ властителей. Предсѣдатель совѣта министровъ—Эмиль Оливье, министръ финансовъ—Бюффе, реакціонеръ 48-го года, военный министръ—Лебефъ, министръ внутреннихъ дѣлъ, на мѣстѣ котораго нужна была, по выраженію генерала Флёри, стараго разбойника 2-го декабря, „желѣзная рука“, какое-то ничтожество.

Со времени выборовъ въ Бельвилѣ, партія дѣйствія работала непрерывно. На народныхъ собраніяхъ замѣчалось лихорадочное возбужденіе. Даже Делеклюзъ, увидѣвъ цѣлый потокъ непзвѣстныхъ восторженныхъ ораторовъ, заволновался. Его „*Пробужденіе*“ и „*Призывъ*“ оставались далеко позади „*Марсельезы*“, основанной въ декабрѣ Рошфоромъ. То была настоящая маитральеза, стрѣлявшая безъ передышки. Ея редакція, въ которой съ утра до вечера толпился народъ, походила на военный лагерь. Редакція была подготовлена ко всему. Одинъ изъ кузеновъ императора, рыжеволосый принцъ Петръ Бонапартъ, жившій въ Отейлѣ, въ „*Avenir de la Corse*“ жестоко напалъ на корсиканскую газету „*La Revanche*“. Парижскій корреспондентъ послѣдней отпарировалъ его нападки въ „*Марсельезѣ*“. Оскорбленный принцъ вызываетъ Рошфора на дуэль, но Паскаль Груссе его предупреждаетъ, отправляетъ въ Отейль двухъ своихъ сотрудниковъ—Ульрика-де-Фонвиль и Виктора Нуара, высокаго, хорошаго парня 20-ти лѣтъ, полнаго отваги. Петръ Бонапартъ грубо отвѣчаетъ имъ, что онъ будетъ драться съ Рошфоромъ, но не съ чернорабочими, и обзываетъ ихъ сволочью. Раздается выстрѣлъ, и Викторъ Нуаръ падаетъ съ прострѣленнымъ сердцемъ. Это событіе поразило Парижъ. Образъ убитаго юноши, образъ убійцы Бонапарта взволновалъ всѣхъ; женщины были полны жалости, мужщины—негодованія.

Когда назавтра въ „*Марсельезѣ*“ появился призывъ: „Француз-

скій народъ, неужели ты не находишь, что этому долженъ быть положенъ конецъ!“—то казалось, что возстаніе неизбѣжно. Оно и вспыхнуло бы, если бы полиція не задержала трупа въ Отейлѣ.

12-го января 1870 года двѣсти тысячъ парижанъ собрались на Елисейскихъ Поляхъ, чтобы устроить торжественныя похороны. Войска, усиленныя сосѣдними гарнизонами, занимали всѣ стратегическіе пункты, и маршалъ Канроберъ, чуя въ воздухѣ декабрьское настроеніе, угрожалъ стрѣльбой. Въ Отейлѣ Делеклюзу и Рошфору, которые видѣли, что бойня неминуема, удалось добиться того, чтобы гробъ понесли прямо на кладбище, между тѣмъ какъ Флурансъ и революціонеры хотѣли понести его по улицамъ Парижа. Ихъ все равно не пустили бы черезъ заставу, такъ какъ Рошфоръ и небольшая кучка, которымъ удалось пройти, были быстро оттѣснены назадъ къ Елисейскимъ Полямъ. Мамелюки потомъ жаловались, что не воспользовались этимъ случаемъ для основательнаго кровопусканія.

Первымъ дѣйствіемъ либерала Эмиля Оливье было возбужденіе преслѣдованія противъ Рошфора. Это предложеніе было принято 17-го, несмотря на оппозицію крайней лѣвой. Толпа, окружавшая Бурбонскій дворецъ, разгоняемая ударами кастетовъ, кричала: „Да здравствуетъ республика!“ передъ террасой Тюильри, на которой находился императоръ.

Вторымъ либеральнымъ актомъ автора закона о союзахъ было направить войско противъ рабочихъ Крезо, которые требовали, чтобы передали въ ихъ завѣдываніе кассу, составившуюся изъ ихъ же грошей.

Предсѣдатель законодательнаго корпуса Шнейдеръ, начальникъ этого феодальнаго удѣла, выгналъ со службы членовъ рабочаго комитета, съ Асси во главѣ. Шнейдеръ покинулъ свое предсѣдательское кресло и примчался въ свое владѣніе съ тремя тысячами солдатъ и двумя генералами, привелъ всю свою публику къ каменоломнямъ и привлекъ большое число своихъ рабочихъ къ суду.

Бюро Интернаціонала, возродившееся подъ другимъ именемъ, протестовало противъ притязанія „капиталистовъ, которые недовольствуются тѣмъ, что въ ихъ рукахъ вся экономическая сила, и для сохраненія своихъ несправедливыхъ привилегій хотятъ пользоваться и дѣйствительно пользуются всѣми соціальными силами: арміей,

полиціей, судами". Вскорѣ событія, разыгравшіяся въ Парижѣ, оттѣснили на второй планъ исторію со стачкой.

Рошфора, преданнаго депутатами, приговариваютъ къ шестимѣсячному заключенію. 7-го февраля, вечеромъ, его арестовываютъ передъ помѣщеніемъ „*Марсельезы*". Флурансъ восклицаетъ: „Къ оружію!" схватываетъ коммиссара и, въ сопровожденіи сотни манифестантовъ, направляется къ Бельвилю, воздвигаетъ баррикаду въ предмѣстьи Тампль. Появляются войска, всѣ разбѣгаются, и ему едва удается найти убѣжище. Назавтра Парижъ узнаетъ объ арестѣ Рошфора, всѣхъ редакторовъ „*Марсельезы*" и многихъ революціонеровъ. Народъ въ предмѣстьяхъ волнуется, на улицѣ Сенъ-Моръ воздвигаютъ баррикаду и готовятся ее отстаивать; предвидится удобный случай для кровопусканія. Но въ это время появляется манифестъ, подписанный рабочими, многіе изъ которыхъ состоятъ членами бюро Интернаціонала: Малонъ, Пенди, Комбо, Жоаннаръ, Ландрекъ и др.

„За 19 лѣтъ въ первый разъ на улицахъ—баррикады, наступаетъ конецъ нищетѣ, униженію, позору... Революція идетъ быстрыми шагами; не будемте же тормозить ея развитіе своей поспѣшностью, которая можетъ стать гибельной для дѣла. Во имя той соціальной республики, къ которой мы всѣ стремимся, мы призываемъ нашихъ друзей не портить дѣла".

Голоса этихъ рабочихъ были услышаны народомъ, но аресты продолжаются. Одинъ рабочій, механикъ Межи, арестованный раньше законнаго часа, убиваетъ полицейскаго, который вломился къ нему насильно. Делеклюзъ утверждаетъ, что Межи въ данномъ случаѣ былъ правъ; его приговариваютъ къ тюремному заключенію на тринадцать мѣсяцевъ; защитника Межи, Прото, арестовываютъ, затыкаютъ ему глотку. 14-го въ тюрьмѣ сидятъ пятьдесятъ человѣкъ, они обвиняются въ участіи въ „февральскомъ заговорѣ". Это обвиненіе выставлено тѣми самыми судами, которые глава ихъ Эмиль Оливье въ 1852 году называлъ „гнилью".

Они и отличились 21-го февраля, въ Турѣ, въ процессѣ Виктора Нуара. Согласно имперской конституціи, существовалъ верховный судъ, составлявшійся изъ сановниковъ имперіи. Рыжеволосый изъ Отейля злорадствовалъ, увѣренный въ своихъ судьяхъ; онъ заявилъ

на судѣ, будто Викторъ Нуаръ далъ ему пощечину. Профессоръ Тардье, медицинскій экспертъ, подтвердилъ это и холопствующій генералъ-прокуроръ объявилъ подсудимаго оправданнымъ. Освистанный за это парижскими студентами, Тардье прекратилъ чтеніе лекцій. Учащаяся молодежь въ отместку устроила Гамбеттѣ банкетъ. „Задача нашего поколѣнія“,—сказалъ Гамбетта на этомъ банкетѣ,—„закончить, довершить дѣло французской революціи. Раньше, чѣмъ наступитъ столѣтній юбилей 1789-го года, Франція должна сдѣлать что-нибудь во имя соціальной справедливости“. Онъ клеймилъ культъ Наполеона I, который привелъ къ возстановленію имперіи, сказалъ: „Это такой же уродъ нравственный, какъ бываютъ уроды физическіе“.

По вопросу о плебисцитѣ онъ выступилъ настоящимъ Мирабо. Наполеонъ III, вѣчно гипнотизируемый тѣнью своего дяди, рѣшился на средство, къ которому прибѣгъ Наполеонъ I за сто дней передъ Ватерлоо. 19-го іюля 1869-го года онъ отвергалъ идею плебисцита, 4-го апрѣля 1870-го года обратился къ плебисциту, выставивъ слѣдующую формулу: „Французскій народъ одобряетъ измѣненія, произведенныя въ конституціи съ 1860-го года“. Гамбетта пытался разоблачить ловушку, доказывалъ, что имперія не можетъ терпѣть свободы даже въ ничтожныхъ размѣрахъ, превозносилъ республику. Но холопское большинство вотировало за плебисцитъ.

„Мы выкажемъ пожирающую дѣятельность“,—сказалъ Эмиль Оливье, который продолжалъ изрекать свои замѣчательныя словечки. Первыми жертвами этой дѣятельности сдѣлались рабочіе д'Анзена, затѣмъ рабочіе Крезо, осужденные 6-го апрѣля. Интернаціоналъ выпустилъ поэтому слѣдующее заявленіе: „Когда оправдываютъ принцевъ, которые убиваютъ, и осуждаютъ, рабочихъ, которые требовали только права жить своей работой, то наша обязанность ослабить эту новую несправедливость обезпеченіемъ вдовъ и сиротъ“. Въ отвѣтъ на этотъ призывъ всѣ передовыя газеты открыли подписку.

8-го мая должна была совершиться комедія плебисцита. Въ теченіе мѣсяца общественныя власти, правительственныя учрежденія, судьи, духовенство, чиновники всякихъ родовъ только и жили плебисцитомъ. Основался бонапартистскій фондъ, которому поземельный

кредитъ ассигновалъ милліонъ. Чтобы напугать буржуазію, редакторъ „*Фигаро*“ составилъ сборникъ безумныхъ проектовъ, проскользнувшихъ въ нѣкоторыхъ публичныхъ собраніяхъ. Его журналъ натравилъ всю черную сотню противъ республиканцевъ. Вильмессанъ—этотъ жуликъ изъ „*Лампіона*“, пустившій въ 48-омъ году басню о мобиляхъ, распиливаемыхъ между двумя досками, о насосахъ для обливанія купоросомъ, о женщинахъ, продававшихъ солдатамъ отравленную водку, объ агентѣ муниципальной гвардіи, посаженномъ на колъ, о квитанціяхъ на обладаніе тремя дамами изъ Сентъ-Жерменскаго предмѣстья—въ эпоху этой имперіи, при которой все грязное расцвѣло пышнымъ цвѣтомъ, основалъ свой журналъ „*Фигаро*“—образецъ проституціонной прессы. Появилась орава пролазъ-писакъ, которые шатались по городу, по театрамъ, пролѣзали ко двору, вынюхивали сплетни, злобу дня, скабрезные анекдоты, подслушивали у дверей, совали свои носы въ кухонные горшки, шарили по карманамъ, получая иногда благодарность, иногда пинки. Скабрезный, консервативный и благочестивый „*Фигаро*“ былъ органомъ этой разбойничьей шайки сановниковъ, биржевиковъ и дамъ полусвѣта, умѣвшихъ съ одинаковой ловкостью загребать деньги и канканировать. Та же шайка служила матеріаломъ для газеты. Журналисты признали ее, такъ какъ они могли тамъ выступать, причемъ получали еще за это деньги. Правительство пользовалось ею, чтобы безчестить оппозицію, выставить въ смѣшномъ видѣ республиканцевъ, распускать слухи о ложныхъ заговорахъ, которые робкихъ людей могли сдѣлать приверженцами имперіи. Благодаря такому успѣху у „*Фигаро*“ появились соперники. Въ 1870 году эта разбойничья печать, обильная, раскупавшаяся на расхватъ, породила цѣлую тучу литературныхъ сводниковъ, которые охотно раздѣли бы публично своихъ матерей, чтобы помѣстить затѣмъ ихъ снимки. Ими, какъ орудіемъ, пользовались въ плебисцитарной борьбѣ; многіе изъ нихъ отправились въ провинцію для усиленія мѣстной прессы, которая поневолѣ должна была быть сдержаннѣе.

Республиканцы, оппозиція, у которыхъ не было достаточно газетъ, были еще хуже организованы. У старика Кремье, который игралъ роль Нестора, они устроили собраніе; тамъ на трехъ депутатовъ—одинъ изъ нихъ Жюль Симонъ—и семь журналистовъ была возло-

жена обязанность составленія обращеній къ народу и къ арміи. Они составили два воззванія. Но семнадцать депутатовъ изъ группы Пикара отказались примкнуть къ нимъ, не желая участвовать въ „какой бы то ни было революціи“; „*Марсельеза*“ и „*Призывъ*“ отказались помѣстить эти воззванія, такъ какъ въ нихъ не говорилось о республикѣ и они не были подписаны рабочими. Послѣдніе къ счастью не нуждались, чтобы за нихъ кто-нибудь говорилъ. 24-го апрѣля „Кордери“ разослала слѣдующій манифестъ къ городскимъ и сельскимъ рабочимъ: „Безумецъ тотъ, кто думаетъ, что конституція 1870 года дастъ ему больше, чѣмъ конституція 52-го года..... Нѣтъ..... деспотизмъ рождаетъ только деспотизмъ..... Если вы хотите разъ навсегда покончить съ позоромъ прошлаго..... лучшимъ средствомъ будетъ, по нашему мнѣнію, воздержаться отъ голосованія или опустить въ урну неконституціонный бюллетень“.

Одновременно и Гарибальди обратился къ французской арміи съ воззваніемъ, болѣе сильнымъ, чѣмъ воззваніе лѣвой: „Я желалъ бы“,—писалъ онъ,—„видѣть въ васъ потомковъ Флеруса и Жемаппы; тогда, привѣтствуя ваше прекрасное знамя республики, я, хотя и инвалидъ, все же пошелъ бы вмѣстѣ съ вами“.

Журналисты-республиканцы, общественныя собранія начали широкую антиплебисцитарную агитацію. Преданные дѣлу по-иному, чѣмъ республиканскіе „вожди“, изъ которыхъ наиболѣе богатые жертвовали на антиплебисцитарную пропаганду лишь по нѣскольку франковъ, они не задумываясь рисковали своей свободой. Нашелся лишь одинъ щедрый—Чернуски, бывшій членъ римской конституанты; онъ послалъ двѣсти тысячъ франковъ.

Все это, однако, было каплей въ морѣ противъ имперіи, которая имѣла въ своемъ распоряженіи общественные банки и терроръ. 30-го апрѣля имперія послала въ Мазасъ составителей манифеста отъ „Кордери“ и рабочихъ агитаторовъ: Авріаля, Малона, Тейса, Элигона, Асси и другихъ. 17-го мая правительство опубликовало объ открытомъ имъ заговорѣ... Полиціи удалось задержать въ одномъ общественномъ зданіи отставного солдата Бори, снабженнаго деньгами и письмомъ Флуранса, изъ котораго явствовало, что Флурансъ, укрывавшійся въ это время въ Лондонѣ, послалъ этого солдата убить императора. Интернаціоналъ, навѣрно, замѣшанъ въ этомъ дѣлѣ, кля-

нется „*Фигаро*“ и оффиціальный міръ. Напрасно общества „Кордери“ протестуютъ, напрасно Интернаціоналъ пишетъ: „Мы слишкомъ хорошо знаемъ, что всевозможныя страданія, которыя терпитъ пролетаріатъ, въ гораздо большей мѣрѣ зависятъ отъ экономическаго строя, чѣмъ отъ случайнаго деспотизма нѣсколькихъ временщиковъ, чтобы терять время въ мечтахъ объ устраненіи одного изъ нихъ“. Конфискуется манифестъ, конфискуются газеты. Эмиль Оливье повсюду видитъ козни Интернаціонала, во всѣ судебныя мѣста посылаетъ телеграфное приказаніе арестовать членовъ Интернаціонала, настаиваетъ, что они должны имѣться повсюду. Производятся повальные аресты. Съ 1-го по 8-е мая ни одинъ республиканецъ не чувствуетъ себя въ безопасности. Депутаты лѣвой не ночуютъ дома. Делеклюзъ и нѣсколько другихъ журналистовъ принуждены искать убѣжища въ Бельгіи.

Голосованіе дало 7.200,000 голосовъ *за* и 1.530,000 *противъ* изъ которыхъ десятая доля приходилась на Парижъ. Армія дала 51,000 голосовъ противъ. Съ 52-го года имперія уже три раза получала въ свою пользу 7.000,000 голосовъ, но ни разу еще не было столько голосовъ, враждебныхъ ей. Большіе города были на сторонѣ оппозиціи, въ маленькихъ же центрахъ и въ деревнѣ люди оставались на сторонѣ утвердившейся власти: результатъ, предвидѣнный заранѣе. Администрація со своими безчисленными щупальцами мудро опекала сельское населеніе; она пугала его разореніемъ и убѣждала, что это „да“ обезпечитъ миръ; такими способами ей удалось склонить его къ тому, чтобы оно голосовало за правительство. Имперія приняла эти милліоны пассивныхъ за борцовъ, а полтора милліона активныхъ за маловажное явленіе. Мамелюки потребовали ссылокъ. Эмиль Оливье соорудилъ для нихъ процессъ въ верховномъ судѣ, въ которомъ одновременно должны были судиться пресловутый Бори и шестьдесятъ два болѣе или менѣе извѣстныхъ революціонера:—Курне, Разуа изъ „*Пробужденія*“, Межи, Тони-Муаленъ, Фонтэнь, Сапіа, Ферреза рѣчи на публичныхъ собраніяхъ.

Пока что, рабочіе, подписавшіеся подъ манифестомъ противъ плебисцита, были преданы суду исправительной полиціи вмѣстѣ съ обвиняемыми, которыхъ они вовсе не знали. Прокуроръ раздѣлилъ обвиняемыхъ на двѣ категоріи: вождей и членовъ тайнаго общества. „Отнынѣ

мы будемъ васъ преслѣдовать безпощадно“,—сказалъ онъ рабочимъ и прочелъ свой обвинительный актъ, который наканунѣ былъ напечатанъ въ „*Фигаро*“ и въ которомъ главную роль въ Интернаціоналѣ онъ приписывалъ Бланки. Шалэнъ защищалъ своихъ друзей изъ первой группы, онъ показалъ, что Интернаціоналъ наиболѣе извѣстное и наиболѣе открытое общество во всемъ мірѣ. „Дитя нищеты, оно явилось, чтобы организовать международный союзъ угнетеннаго труда—въ Парижѣ, Лондонѣ, Вѣнѣ, Берлинѣ, Дрезденѣ, во французскихъ провинціяхъ..... Да, мы дѣйствительно виновны въ томъ, что не соглашаемся съ приговорами экономистовъ, достаточно невѣжественныхъ, чтобы считать естественными законами явленія, обусловленныя современнымъ преходящимъ строемъ промышленности, достаточно жестокосердыхъ, чтобы восхвалять строй, опирающійся на притѣсненія и страданія..... Да, пролетаріи не желаютъ дольше мириться съ этимъ..... Вопреки новому закону о союзахъ, въ распоряженіе фабрикантовъ предоставлена военная сила. Рабочіе, которые были пощажены пулями, долгіе мѣсяцы провели въ тюрьмахъ, они получили отъ судей клички разбойниковъ, дикарей..... Чего вы достигнете, препятствуя намъ изучать преобразованія, которыя должны обезпечить соціальное обновленіе?... Чѣмъ дальше, тѣмъ кризисъ будетъ глубже, средство тѣмъ болѣе радикально“... Тейсъ защищалъ рабочіе синдикаты, онъ доказалъ, что ихъ организація не имѣетъ ничего общаго съ Интернаціоналомъ, и, возвышаясь до истиннаго краснорѣчія, произнесъ: „Всѣ ваши конституціи провозглашаютъ и якобы даже обезпечиваютъ свободу, равенство и братство. Всякій же разъ, какъ народъ принимаетъ отвлеченную философскую, политическую или религіозную формулу, онъ уже не можетъ успокоиться до тѣхъ поръ, пока онъ не провелъ этотъ идеалъ въ область конкретной дѣйствительности..... Душа народа, повидимому, очень великодушна, ибо, страдающій безпрерывно отъ голода и безработицы, онъ еще не потребовалъ у васъ отчета въ вашихъ богатствахъ. Все, что живетъ своимъ трудомъ,—рабочіе, мелкіе ремесленники, мелкіе лавочники,—чахнетъ, прозябаетъ, а общественныя богатства принадлежатъ ростовщикамъ, гешефтмахерамъ, спекулянтамъ“. Лео Франкель, выступившій отъ имени заграничныхъ членовъ, сказалъ: „Объединеніе пролетаріевъ всѣхъ странъ совершилось; никакая сила не мо-

жетъ ихъ разъединить“. Другіе обвиняемые защищались сами. Дюваль напомнилъ фразу предпринимателей, сказанную во время забастовки плавильщиковъ желѣза: „Рабочіе приступятъ къ работѣ, когда имъ нечего будетъ ѣсть“.

Съ самаго перваго засѣданія профессіональные адвокаты присутствовали на всѣхъ преніяхъ, увлеченные невиданнымъ зрѣлищемъ, сознательностью, краснорѣчіемъ этого рабочаго міра, о которомъ они и не подозрѣвали. „Послѣ нихъ—ничего не остается и сказать“,—признавался мнѣ одинъ молодой адвокатъ, Клеманъ Лорье, не менѣе талантливый, чѣмъ Гамбетта въ своей защитѣ Бодена. Краснорѣчіе полное чувства и мысли. Въ началѣ одного изъ засѣданій судья разбиралъ какое-то уголовное дѣло. Въ судѣ появляется маленькій ребенокъ, брошенный своими родителями. „Отдайте его намъ“,—кричатъ рабочіе,—„мы его усыновимъ, воспитаемъ и обучимъ ремеслу“. Предсѣдатель однако нашелъ эту выходку неумѣстной. Обвиняемые были приговорены къ заключенію на два мѣсяца: Авріаль, Тейсъ, Малонъ, Варленъ, Пенди, Шаленъ, Франкель, Жоаннаръ, Жерменъ Кассъ, Комбо, Пасдуэ и другіе; только двое были оправданы: Асси, котораго, несмотря на старанія „*Фигаро*“, не удалось пристегнуть къ Интернаціоналу, и Ландекъ, который отрицалъ свое участіе.

Вновь воцарился миръ декабрьскихъ дней: на улицахъ тишина, революціонеры частью въ тюрьмахъ, частью въ ссылкѣ, газеты либо запрещены, какъ „*Марсельеза*“, либо жестоко преслѣдуются; тихо и въ законодательномъ корпусѣ, гдѣ крайняя лѣвая задавлена, оппозиція же состоитъ изъ Пикара и его присныхъ. Вдругъ въ началѣ іюля повсюду поднялись разговоры о войнѣ. Одинъ прусскій принцъ изъ Гогенцоллерновъ является претендентомъ на испанскій престолъ, свободный со времени изгнанія Изабеллы. Это, повидимому, находятъ оскорбительнымъ для Франціи. Какой-то болтунъ, Кошери, дѣлаетъ по этому поводу запросъ министру иностранныхъ дѣлъ графу Грамону, красивой куклѣ, котораго Бисмаркъ называлъ „самымъ глупымъ человѣкомъ въ Европѣ“.. 5-го іюля послѣдній съ угрожающимъ видомъ изрекаетъ, что Франція не можетъ допустить, чтобы иностранная держава посадила „одного изъ своихъ принцевъ на тронъ Карла V“. Лѣвая требуетъ объясненій, дипломатическихъ документовъ. „Не нужно никакихъ документовъ“,—рычитъ Кассаньякъ, чело-

вѣкъ, который въ 52-мъ году былъ доносчикомъ, при Гизо—королемъ шутовъ, при Наполеонѣ III—шефомъ мамелюковъ и который въ теченіе двадцати лѣтъ изощрялся въ томъ, чтобы наполнить свой бездонный карманъ. „Браво!“—восклицаютъ вмѣстѣ съ нимъ приближенные Тюильрійскаго дворца, нужно пользоваться всякимъ случаемъ противъ Пруссіи, которая провела Наполеона III.

Ея сынъ не будетъ царствовать, если Садовая не будетъ отомщена, сказала императрица. Таково же было мнѣніе ея супруга. Этотъ человѣкъ, въ которомъ сентиментальность Креола соединялась съ голландской флегматичностью, который вѣчно колебался между двумя противоположностями, который нѣкогда способствовалъ возрожденію Италіи и Германіи, мечталъ теперь о подавленіи національной идеи—той самой идеи, о которой онъ столько кричалъ и которую онъ совершенно не понималъ. Пруссія, слѣдившая за этой эволюціей и въ теченіе трехъ лѣтъ не перестававшая вооружаться, чувствовала себя готовой, очень желала нападенія. Императрица-иностранка, наэлектризованная окружающей ее толпой ловкихъ танцоровъ, салонныхъ офицеровъ, столь же задорныхъ, какъ и невѣжественныхъ, рыцарей декабрьскаго режима, желающихъ возстановить 52-й годъ, духовенства, изображавшаго католиковъ Германіи своими союзниками,—императрица взвинтила до крайнихъ предѣловъ своего немощнаго мужа и заставила его поднять знамя войны, ея собственной войны, какъ говорила камарилья. 7-го „самый глупый человѣкъ“ требуетъ у прусскаго короля снятія кандидатуры Гогенцоллерна; 9-го сенатъ, находя, что уже довольно ждать, заявляетъ, что императоръ можетъ вести Францію, куда онъ пожелаетъ, что ему одному должно принадлежать право объявленія войны; 9-го король отвѣчаетъ, что онъ дастъ свое согласіе, если только принцъ Гогенцоллернскій самъ откажется; 10-го Грамонъ требуетъ болѣе опредѣленнаго отвѣта, при чемъ прибавляетъ: „Послѣзавтра будетъ уже слишкомъ поздно“; 11-го король ждетъ,—говоритъ онъ,—отвѣта отъ принца, но съ своей стороны прибавляетъ: „Я принимаю мѣры, чтобы не быть застигнутымъ врасплохъ“; 12-го принцъ снимаетъ свою кандидатуру: „Это миръ,—говоритъ Наполеонъ III,—жаль, удобный былъ случай“.

Камарилья, опечаленная, все болѣе и болѣе увлекающаяся вой-

ной, не отстаетъ отъ императора, старается оказать на него давленіе, съ легкимъ сердцемъ разжигая пламя. Отказа Гогенцоллерна уже недостаточно, нужно, чтобы король Вильгельмъ самъ подписалъ приказъ. Мамелюки этого требуютъ, дѣлаютъ запросъ правительству относительно его „странной медлительности“. Бисмаркъ не надѣялся на такой благопріятный поворотъ; убѣжденный заранѣе въ своей побѣдѣ, онъ все же хотѣлъ, чтобы нападеніе было сдѣлано французами. 13-го Вильгельмъ безъ оговорокъ одобряетъ отреченіе принца. Что изъ этого? Въ Тюильри хотятъ войны во что бы то ни стало. Ночью нашъ посолъ Бенедетти получаетъ приказаніе потребовать у стараго короля, чтобы онъ запретилъ принцу когда-либо взять назадъ свое отреченіе. На это унизительное предложеніе Вильгельмъ отвѣчаетъ, что онъ не измѣнитъ своего отвѣта и, встрѣтивъ французскаго посла на Эмскомъ вокзалѣ, повторяетъ ему свои прежнія слова. Миролюбивая телеграмма сообщаетъ Бисмарку объ этомъ свиданіи, во время котораго Вильгельмъ былъ безукоризненно вѣжливъ. Канцлеръ обращается къ Мольтке и къ военному министру Роону съ вопросомъ: „Вы готовы?“ Они обѣщаютъ побѣду. Бисмаркъ измѣняетъ текстъ телеграммы Вильгельма, придаетъ ей тотъ смыслъ, что прусскій король попросту отказался принять французскаго посла, опубликовываетъ ее въ такомъ видѣ въ приложеніи къ „*Кельнской Газетѣ*“, отправляетъ ее прусскимъ агентамъ за границей.

Императрица и мамелюки ликуютъ еще больше, чѣмъ Бисмаркъ. Они добились войны. „Пруссія насъ оскорбляетъ!“—пишетъ на другой же день „*Constitutionnel*“,—„итакъ, за Рейнъ! Солдаты Іены готовы!“ 14-го вечеромъ толпы народа, ряды котораго пополнены полицейскими, расхаживаютъ по бульварамъ съ криками: „Долой Пруссію! Долой Берлинъ!“ Прибывшій на слѣдующій день Бенедетти могъ бы однимъ словомъ разъяснить весь инцидентъ, но они ничего не хотятъ слушать, устремляются сами въ разставленныя для нихъ сѣти. Грамонъ и Лебефъ читаютъ въ сенатѣ объявленіе войны, въ которомъ приложеніе къ „*Кельнской Газетѣ*“ толкуется какъ оффиціальный документъ. Сенатъ весь, какъ одинъ человѣкъ, привѣтствуетъ это восторженными кликами; одинъ изъ крайнихъ хочетъ вставить слово, его останавливаютъ: „Довольно разговоровъ! Нужны дѣйствія!“ Въ законодательномъ корпусѣ холопы негодуютъ, когда оппо-

зиція требуетъ предъявленія этой телеграммы, „оффиціально переданной европейскимъ кабинетамъ“. Эмиль Оливье, который не можетъ ее предъявить, ссылается на словесныя сообщенія, читаетъ телеграммы, которыя только показываютъ, что прусскій король одобрилъ отреченіе. „Этого недостаточно, чтобы начать войну“,—говоритъ лѣвая. „Вы порываете изъ-за формальности... я требую, чтобы намъ показали телеграммы, которыя послужили причиной объявленія войны“,—говоритъ Тьеръ. Его осыпаютъ бранью. „Гдѣ доказательсто“,—говоритъ Жюль Фавръ,—„что честь Франціи въ опасности?“ Мамелюки начинаютъ топать ногами, 159 голосовъ противъ 84 отклоняютъ какое бы то ни было разслѣдованіе. Эмиль Оливье въ восторгѣ восклицаетъ: „Съ этого дня на моихъ товарищей и меня ложится большая отвѣтственность; мы принимаемъ ее съ легкимъ сердцемъ!“

Образуется комиссія, которая дѣлаетъ видъ, что изучаетъ законопроекты, необходимые для полученія средствъ на веденіе войны. Она призываетъ Грамона, не требуетъ отъ него мнимой телеграммы, посланной кабинетамъ,—ея вѣдь не существуетъ,—даетъ ему провесть, что ему угодно, и возвращается въ законодательный корпусъ съ заявленіемъ: „Военное и морское министерства могутъ выполнить всѣ необходимыя при данномъ положеніи приготовленія съ необычайной быстротой“. Гамбетта требуетъ объясненій; Эмиль Оливье закипаетъ отъ гнѣва; комиссія заявляетъ: „Нашего слова достаточно!“ Законопроекты, предложенные комиссіей, принимаются почти единогласно, лишь десять депутатовъ подаютъ голоса противъ нихъ; этимъ исчерпывается мужество лѣвой.

Несомнѣнно, она боролась противъ войны, но вся ея энергія шла на разговоры. Никто не прибѣгъ къ другой силѣ—силѣ оружія. Ни одного воззванія къ народу, ни одного слова Дантона. Въ всѣхъ этихъ людяхъ, молодыхъ и старыхъ, дѣятеляхъ 48-го года, непримиримыхъ трибунахъ не было ни одной капли той чистой революціонной крови, ручьи которой столько разъ проливались въ героическія эпохи.

Изъ недовольной крупной буржуазіи единственный, который выступилъ, ея истинный вождь Тьеръ ограничился однимъ протестомъ. Между тѣмъ онъ, знакомый съ государственными тайнами, зналъ, что предстоитъ неминуемый крахъ, зналъ, что французы во всѣхъ

отношеніяхъ стоятъ ниже пруссаковъ. Онъ могъ бы сгруппировать вокругъ себя лѣвую, умѣренныхъ, журналистовъ; доказать съ очевидностью, что нападеніе—это безуміе, и, опираясь на своихъ союзниковъ, на общественное мнѣніе, сказать законодательному корпусу и двору: „Мы будемъ бороться съ вашей войной, какъ съ измѣной“. Онъ хотѣлъ лишь снять съ себя отвѣтственность, спасти „память“ о себѣ, какъ онъ выразился; онъ не произнесъ нужнаго слова: „Вы ничего не можете“. И эти крупные буржуа, которые не дали бы и крошки изъ своихъ богатствъ безъ солидныхъ гарантій, по одному слову Грамона и бахвала Лебефа поставили на карту сотни тысячъ французскихъ жизней и милліарды французскихъ денегъ.

Сотни разъ этотъ военный министръ говорилъ депутатамъ, журналистамъ, въ кулуарахъ, въ салонахъ, въ Тюильрійскомъ дворцѣ: „Мы готовы, Пруссія же не готова“. Никогда самые пылкіе обожатели арміи не воздавали наиболѣе популярнымъ генераламъ такихъ непомѣрныхъ похвалъ, которыя этотъ тамбуръ-маіоръ, со страшными усами, расточалъ направо и налѣво: „Прусской арміи я не признаю!“ „Вотъ самая лучшая военная карта!“ и онъ показывалъ свою шпагу; „все готово, все до послѣдней пуговицы на гетрахъ“, „мы опередили Пруссію на двѣ недѣли!“ Плебисцитъ разоблачилъ Пруссіи точное число нашихъ солдатъ, стоявшихъ подъ знаменами: триста тысячъ, изъ которыхъ могло быть выставлено максимумъ двѣсти шестьдесятъ тысячъ; эта цифра давно была сообщена иностранными посольствами. Въ Тюильри скопилась масса докладовъ о возрастаніи военной силы Пруссіи, которая въ 1866 г. при Садовой выставила двѣсти пятнадцать тысячъ человѣкъ и теперь имѣла въ своемъ распоряженіи полмилліона; только наши правители ничего не хотѣли видѣть и читать. 15-го іюля Руэ, въ сопровожденіи большой толпы сенаторовъ, явился къ Наполеону III и сказалъ: „За четыре года императоръ поднялъ организацію нашихъ военныхъ силъ до высшаго могущества. Благодаря вамъ, государь, Франція готова!“

На сцену выступили бѣлыя блузы и, подъ предводительствомъ полиціи, стали устраивать манифестаціи, изукрасили германское посольство всякими скверными надписями. Буржуазія, подкупленная правительственной ложью, не имѣвшая возможности слѣдить за иностранными газетами, вѣрившая въ армію, которая столько лѣтъ была

непобѣдимой,—та самая буржуазія, которая такъ сочувствовала объединенію Италіи, дала себя увлечь противъ Германіи, тоже стремившейся къ объединенію. Оперная публика тоже обнаружила патріотическое одушевленіе; по призыву стараго скептика, сенатора Жирардена, который въ своей газетѣ уже успѣлъ прогнать нѣмцевъ по ту сторону Рейна, она потребовала исполненія марсельезы.

Вотъ что Наполеонъ III назвалъ „неудержимымъ порывомъ Франціи“.

Къ чести французскаго народа и другая Франція выступила на сцену. Парижскіе рабочіе пытаются воспрепятствовать этой преступной войнѣ, хотятъ преградить путь грязнымъ потокомъ шовинистской черни. 15-го, въ то время, какъ легкое сердце Эмиля Оливье переполняется патріотизмомъ, кучки людей, составившіяся въ „Кордери“, спускаются по бульварамъ. На площади Шато-д'О [1]) многіе къ нимъ присоединяются; толпа растетъ, раздаются крики: „Да здравствуетъ миръ!“; пѣніе припѣва 48-го года:

„Всѣ народы братья,
Всѣ тираны намъ враги“.

Во время шествія толпы отъ Шато-д'О до воротъ Сенъ-Дени въ демократическихъ кварталахъ ей апплодируютъ, на бульварахъ Боннъ-Нувелль и Монмартръ раздаются свистки и происходятъ стычки съ разношерстными шайками. Толпа проходитъ по улицѣ Мира, по Вандомской площади, гдѣ освистываетъ Эмиля Оливье, по улицѣ Риволи и площади Думы. Назавтра тѣ же люди, но въ значительно большемъ числѣ, собираются на площади Бастиліи, и шествіе начинается снова. Во главѣ его Ранвье, живописецъ по фарфору, очень популярный въ Бельвилѣ, несетъ знамя. На бульварѣ Боннъ-Нувелль городовые съ шашками въ рукахъ набрасываются на толпу, разгоняютъ ее.

Безсильные поднять буржуазію, французскіе рабочіе обращаются къ рабочимъ Германіи: „Братья, мы протестуемъ противъ войны, мы хотимъ мира, труда и свободы. Братья, не слушайте подкупленныхъ голосовъ, которые старались обмануть васъ относительно истин-

---

[1]) Нынѣ „Площадь республики“.

наго настроенія Франціи“. Ихъ благородный призывъ не остается безъ отвѣта. Рабочіе Берлина отвѣчаютъ: „Мы тоже хотимъ мира, труда и свободы. Мы знаемъ, что по обѣ стороны Рейна живутъ братья, вмѣстѣ съ которыми мы готовы умереть за всемірную республику“. Великія и пророческія слова, написанныя въ золотой книгѣ будущаго рабочихъ.

За послѣдніе три года въ истинной борьбѣ принималъ участіе только пролетаріатъ, совершенно особый по духу, и молодые люди изъ буржуазіи, которые перешли на сторону народа. Они одни только выказали нѣкоторое политическое мужество, они одни въ общемъ бездѣйствіи, въ іюлѣ 1870 г., нашли въ себѣ силу попытаться спасти страну. Имперія ихъ ненавидѣла и не забыла своей ненависти къ нимъ даже потомъ, въ самый разгаръ войны. Въ это самое время верховный судъ въ Блуа судилъ шестьдесятъ двухъ человѣкъ, обвинявшихся частью въ заговорѣ, сфабрикованномъ передъ плебисцистомъ, частью въ разныхъ другихъ политическихъ преступленіяхъ Большинство изъ нихъ другъ друга не знали. Изъ нихъ лишь тридцать семь были оправданы, въ томъ числѣ Курне, Разуа, Ферре; Межи сосланъ на каторгу.

Чудовище войны было спущено съ цѣпи, и языки затрещали въ Парижѣ, которому все мерещились побѣды; черезъ мѣсяцъ нѣмецкіе журналисты, набравшись нужныхъ свѣдѣній, вернулись въ Берлинъ. На французской границѣ провіанта, пушекъ, ружей, амуниціи, картъ, сапогъ не хватало, либо вовсе не было; одинъ генералъ телеграфировалъ министру: „Не знаю, гдѣ мои полки“; нечѣмъ было обмундировать и вооружить мобилей и запасныхъ; всякая иллюзія о союзникахъ исчезла: Австрію удерживала Россія, Италію—отказъ Наполеона III уступить итальянцамъ Римъ.

Императоръ выѣхалъ изъ Сенъ-Клу 28-го по окружной желѣзной дорогѣ, не рѣшаясь проѣхать черезъ Парижъ, несмотря на „неудержимый порывъ“, на которомъ такъ долго выѣзжали его клевреты. Никогда онъ уже больше туда не вернется. Его единственнымъ утѣшеніемъ будетъ увидѣть черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, что его офицеры, его холопская буржуазія во сто разъ превзойдутъ его своими звѣрствами.

Его паденіе было паденіемъ Вителлія. Въ первой своей теле-

граммѣ во Францію онъ сообщаетъ, что сынъ его подобралъ пулю на полѣ битвы при Саарбрюкенѣ—незначительная стычка, о которой возвѣщалось какъ о побѣдѣ. Едва добравшись до Меца, онъ скандально проваливается, полководцы его не слушаютъ и дѣйствуютъ по-своему. Прусская армія, которой не признавалъ начальникъ генеральнаго штаба Лебефъ, выставила съ конца іюля четыреста пятьдесятъ тысячъ человѣкъ противъ двухсотъ сорока тысячъ французовъ, разбросанныхъ на границѣ. Вскорѣ непріятель переходитъ французскую границу; 4-го августа онъ дѣлаетъ нападеніе, опрокидываетъ при Вейсенбургѣ дивизію Абеля Дуэ, 6-го при Спикеренъ-Форбахѣ—Фроссара, учителя юнаго героя Саарбрюкена; въ тотъ же день при Вертъ-Фрешвилерѣ разбиваетъ весь отрядъ Макъ-Магона, остатки котораго со всѣхъ ногъ пускаются въ бѣгство. Орелъ изъ золоченой жести упалъ со знамени; Наполеонъ III телеграфируетъ своей женѣ: „Все потеряно; постарайтесь удержаться въ Парижѣ“.

Всякая война для биржи—добыча.

Въ Крымскую войну была пущена татарская утка, здѣсь же—макъ-магонская утка: принцъ Карлъ и двадцать пять тысячъ пруссаковъ взяты въ плѣнъ. Парижъ разукрашивается флагами, на улицахъ обнимаются, поютъ марсельезу и лишь только подъ конецъ догадываются провѣрить извѣстіе. Оно ложное; министерство въ 6 часовъ вечера оповѣщаетъ объ этомъ, заявляетъ, что авторъ его арестованъ и привлеченъ къ суду—ложь, конечно; рѣзкое колебаніе на биржѣ было дѣйствительной побѣдой.

7-го поневолѣ пришлось сообщить о пораженіяхъ. Напрасно Эмиль Оливье подтасовываетъ телеграммы, напрасно испанка, подражая Маріи Терезіи, декламируетъ: „Въ моментъ опасности, вы меня увидите въ первыхъ рядахъ!“—Парижъ думаетъ только о вторженіи врага. Раздаются голоса въ пользу республики, могучаго средства въ трагическіе моменты, которое прогнало пруссаковъ изъ Вальми. Эми́ль Оливье́ объявляетъ городъ въ осадномъ положеніи, разгоняетъ толпы при помощи городовыхъ, не хочетъ созвать законодательнаго корпуса. Его коллеги заставляютъ его сдѣлать это; тогда онъ расклеиваетъ на улицахъ объявленіе, что всѣ манифестаціи устраиваются непріятелемъ, что у одного прусскаго шпіона найдена слѣдующая телеграмма: „Мужайтесь! Въ Парижѣ волненія, французская армія

находится между двухъ огней“. Нѣкоторые депутаты лѣвой, нѣсколько газетъ требуютъ немедленнаго вооруженія всѣхъ гражданъ; Эмиль Оливье угрожаетъ газетамъ военнымъ судомъ. Напрасная угроза; съ тѣхъ поръ, какъ отечество въ опасности, мужество пробуждается; 9-го, при открытіи законодательнаго корпуса, вспыхиваетъ на минуту надежда на спасеніе.

То была лишь искра; мы уже упоминали объ этомъ. Лѣвая осталась лѣвой, не довѣряющей народу, не склонной къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ. Она не воспользовалась случаемъ, представлявшимся ей 10-го августа, дала прусской шашкѣ войти по рукоятку.

Б. Какимъ образомъ пруссаки овладѣли Парижемъ и деревенщина Франціей.

«Смѣлость!—это слово выражаетъ всю политику нашего времени».
(Докладъ Сенъ-Жюста Конвенту).

12-го выплываетъ наружу то, что удавалось скрывать до сихъ поръ: ложь Руэ, Лебефа, отозваннаго силой, идіотство главнаго командованія, переданнаго императоромъ Базену въ угоду публикѣ которая не переставала твердить: „Нужно назначить Базена“. 13-го нѣкоторые изъ депутатовъ требуютъ назначенія комитета обороны. Зачѣмъ? „безопасность страны обезпечена“,—говоритъ Бартеле-Сентилеръ, очень проницательный человѣкъ, alter ego г. Тьера.

Но тѣ отчаянные, которые выступили 9-го, нимало не чувствуютъ себя обезпеченными; во всеоружіи обрушившихся на страну бѣдствій они стараются пробудить спящее мужество. Въ редакціи „*Призыва*“ собираются дѣятели, избѣгнувшіе заключенія въ Сенъ-Пелажи; депутаты лѣвой сходятся у Нестора. Эти господа, и теперь столь же ошеломленные, какъ и 9-го, повидимому, гораздо больше боятся государственнаго переворота, чѣмъ побѣды пруссаковъ. Кремье выразился очень откровенно: „Подождемъ новой неудачи, взятія Страсбурга, напримѣръ“.

Приходилось ждать поневолѣ. Безъ этихъ куколъ ничего нельзя было сдѣлать. Мелкая буржуазія вѣрила въ крайнюю лѣвую, какъ она вѣрила раньше въ армію Лебефа. Тѣ, которые дѣйствовали помимо нихъ, терпѣли неудачи. 14-го, въ воскресенье, небольшая кучка бланкистовъ, которые во времена имперіи никогда не соединялись съ рабочими организаціями и вѣрили лишь во внезапные перевороты, пытается поднять возстаніе. Вопреки совѣту Бланки, Эдъ, Бридо и ихъ друзья нападаютъ въ предмѣстьѣ Вилеттъ на постъ

пожарной команды, въ которомъ находится кос-какое оружіе, ранятъ часового и убиваютъ прибѣжавшаго городового. Овладѣвъ мѣстомъ, бланкисты устремляются по наружному бульвару до Бельвиля съ криками: „Да здравствуетъ республика! Смерть пруссакамъ!“ Но толпа не переходитъ на ихъ сторону; они остаются совершенно одинокими. Толпа смотритъ на нихъ со стороны удивленная, неподвижная, съ недовѣріемъ, которое разжигается полицейскими, стремящимися отвлечь ея вниманіе отъ истиннаго врага—имперіи. Гамбетта, очень мало знакомый съ революціонными кругами, требуетъ привлеченія задержанныхъ лицъ къ суду. Военный судъ выноситъ четыре смертныхъ приговора. Чтобы воспрепятствовать этимъ казнямъ, нѣсколько благородныхъ людей отправляются къ Жоржъ Зандъ и Мишле, который даетъ трогательное письмо; имперія не успѣла свершить казни.

Генералъ Трошю тоже изрекъ свое слово: „Я предлагаю людямъ всѣхъ партій расправляться собственными средствами съ негодями, которые въ общественныхъ бѣдствіяхъ находятъ лишь случай удовлетворить своимъ гнуснымъ вожделѣніямъ“. Незадолго до того Наполеонъ III назначилъ его комендантомъ Парижа и главнокомандующимъ всѣми военными силами для обороны города. Этотъ военный, слава котораго составилась благодаря нѣсколькимъ книжонкамъ, былъ кумиромъ либераловъ за то, что выказывалъ недовольство имперіей. Онъ нравился парижанамъ, потому что красиво одѣвался, хорошо говорилъ и до сихъ поръ не разстрѣливалъ ни на одномъ бульварѣ. Съ Трошю въ Парижѣ и Базеномъ внѣ Парижа можно было на все надѣяться.

20-го Паликао съ трибуны докладываетъ, что 18-го Базенъ отбросилъ три армейскихъ корпуса къ копямъ Жомонъ... Это была битва при Гравелоттѣ, послѣ которой Базенъ оказался отрѣзаннымъ отъ Парижа и принужденъ былъ отступить къ Мецу. Но истина быстро распространяется: Базенъ окруженъ. Законодательный корпусъ этимъ не смущается. Остается вѣдь еще свободная армія Макъ-Магона, смѣсь побѣжденныхъ солдатъ и свѣжихъ отрядовъ, нѣсколько болѣе ста тысячъ человѣкъ. Она занимаетъ Шалонъ, можетъ защитить Парижъ. Макъ-Магонъ самъ это понялъ и хочетъ отступить. Паликао, императрица, Руэ ему это запрещаютъ, телеграфируютъ императору: „Если вы бросите Базена, то въ Парижѣ вспыхнетъ

революція“. Страхъ передъ революціей въ Тюильрійскомъ дворцѣ сильнѣе, чѣмъ страхъ передъ Пруссіей; подъ вліяніемъ этого страха почти всѣхъ политическихъ заключенныхъ изъ Сенъ-Пелажи отправляютъ въ арестантскихъ вагонахъ въ Бове.

Макъ-Магонъ повинуется; чтобы защитить Францію отъ революціи, онъ открываетъ ее нападеніямъ врага. 25-го въ законодательномъ корпусѣ узнаютъ объ этомъ безумномъ передвиженіи, при которомъ наша безпорядочная армія должна пробить себѣ путь черезъ побѣдоносную двухсотысячную нѣмецкую армію.

Тьеръ, который со времени неудачъ опять вошелъ въ милость, говоритъ, доказываетъ въ кулуарахъ, что это безуміе. Никто не всходитъ на каѳедру. Эти тупицы пассивно ждутъ своей судьбы; императрица продолжаетъ усиленно отправлять свои сундуки за границу.

30-го утромъ мы застигнуты врасплохъ, разбиты при Бомонъ, и въ теченіе ночи Макъ-Магонъ передвигаетъ армію, въ которой уже нѣтъ никакого порядка, въ Седанскую котловину. Въ утро 1-го сентября она окружена двумя стами тысячъ нѣмцевъ съ семью стами пушекъ, красующимися на всѣхъ высотахъ. Наполеонъ III вынимаетъ свою шпагу только затѣмъ, чтобы передать ее прусскому королю. 2-го вся армія взята въ плѣнъ. Вся Европа узнаетъ объ этомъ въ тотъ же вечеръ. Депутаты бездѣйствуютъ. 3-го нѣсколько энергичныхъ людей пытаются поднять народъ на бульварахъ; ихъ разсѣиваютъ городовые. Вечеромъ огромная толпа тѣснится у рѣшетки законодательнаго корпуса. Лишь въ полночь лѣвая рѣшается приступить къ дѣйствіямъ. Жюль Фавръ требуетъ назначенія комитета обороны, низложенія Наполеона, но ничего не говоритъ о низложеніи депутатовъ. Въ толпѣ на улицѣ кричатъ: „Да здравствуетъ республика!“ Гамбетта появляется у рѣшетки и говоритъ: „Вы неправы, не нужно устраивать революцію, намъ необходимо объединеніе“. Жюль Фавръ, котораго при выходѣ окружаетъ толпа, пытается успокоить народъ.

Если бы Парижъ послушалъ лѣвую, то Франція капитулировала бы. 7-го августа Жюль Фавръ, Жюль Симонъ, Пельтанъ—впослѣдствіи они признались въ этомъ—отправились къ Шнейдеру и сказали ему: „Мы не можемъ дольше держаться, намъ необходимо какъ

можно скорѣе заключить миръ“ [1]). Но 4-го утромъ, Парижъ прочелъ слѣдующее лживое сообщеніе: „Взято въ плѣнъ только сорокъ тысячъ человѣкъ; черезъ нѣсколько дней у насъ будутъ двѣ новыя арміи; императоръ взятъ въ плѣнъ во время сраженія“. Парижъ высыпаетъ на улицы. Многіе буржуа, вспомнивъ, что они національные гвардейцы, надѣли мундиры, взяли ружья и хотятъ силой перейти мостъ Согласія. Жандармы, видя такихъ почтенныхъ людей, пропускаютъ ихъ; толпа слѣдуетъ за ними, врывается въ Бурбонскій дворецъ. Въ часъ дня народъ, несмотря на отчаянныя усилія лѣвой, заполняетъ хоры. Какъ разъ во-время. Депутаты, озабоченные тѣмъ, какъ бы получить министерскіе портфели, пытаются образовать изъ себя правительство. Лѣвая всѣми силами поддерживаетъ эту комбинацію, возмущается, что осмѣливаются говорить о республикѣ. На хорахъ раздаются крики; Гамбетта дѣлаетъ невообразимыя усилія, заклинаетъ толпу подождать результата обсужденій. Результатъ этотъ можно предвидѣть заранѣе. Это правительственная коммиссія, назначенная собраніемъ; это миръ, какой бы цѣной онъ ни былъ купленъ; это, въ довершеніе позора, монархія, болѣе или менѣе конституціонная. Новая волна выламываетъ двери, наполняетъ залъ, вытѣсняетъ или затираетъ депутатовъ. Гамбетта, котораго втащили на каѳедру, вынужденъ провозгласить низложеніе императора. Народъ требуетъ бо́льшаго: республики!—увлекаетъ съ собой депутатовъ лѣвой, чтобы пойти въ городскую думу и тамъ провозгласить республику.

Городская дума уже въ рукахъ народа. Въ почетномъ залѣ трехцвѣтное знамя соперничаетъ съ краснымъ, которое одни встрѣчаютъ рукоплесканіями, другіе—свистками. Въ тронномъ залѣ многіе ораторы обращаются съ воззваніями къ толпѣ; появленіе Гамбетты, Жюля Фавра и нѣсколькихъ другихъ депутатовъ лѣвой привѣтствуется радостными восклицаніями. Мильеръ уступаетъ свое мѣсто Жюлю Фавру, со словами: „Сегодня у насъ одна задача—прогнать пруссаковъ“. Жюль Фавръ, Жюль Симонъ, Жюль Ферри, Гамбетта, Кремье, Эммануилъ Араго, Гле-Бизуэнъ, Пельтанъ, Гарнье-Пажесъ, Пикаръ объявляютъ себя правительствомъ, читаютъ толпѣ

---

[1]) Парламентская анкета о 4-мъ сентября. Жюль Фавръ.

свои имена. Слышится много протестовъ; имъ кричать имена революціонеровъ: Делеклюза, Ледрю-Роллена, Бланки. Гамбетта, котораго встрѣчаютъ жаркими аплодисментами, доказываетъ, что только депутаты Парижа способны управлять. Благодаря этой теоріи въ составъ правительства включается Рошфоръ, выпущенный изъ Сенъ-Пелажи, участіе котораго придаетъ правительству популярность.

Они посылаютъ къ генералу Трошю просить, чтобы онъ взялъ на себя руководство обороной. Генералъ незадолго до того далъ свое слово бретонца, католика и солдата, что онъ „умретъ на ступенькахъ Тюильри, защищая династію“. Но народъ не тронулъ Тюильрійскаго дворца — онъ пренебрегъ имъ, и Трошю, освобожденный такимъ образомъ отъ своей тройной клятвы, взошелъ на ступеньки городской думы. Онъ потребовалъ, чтобы ему гарантировали неприкосновенность религіи и чтобы его сдѣлали президентомъ. Его сдѣлали президентомъ и обѣщали остальное.

Такимъ образомъ двѣнадцать гражданъ сдѣлались властителями Франціи. Они объявили себя утвержденными мнѣніемъ народа. Они назвались громкимъ именемъ правительства національной обороны. Пятеро изъ этихъ двѣнадцати были виною паденія республики 48-го года.

Франція принадлежала имъ вполнѣ. При первыхъ же тревожныхъ признакахъ императрица удрала, подобравъ юбки. Воинственный сенатъ, съ Руэ во главѣ, поспѣшилъ убраться по-добру, по-здорову. Для усмиренія нѣсколькихъ депутатовъ, которые хотѣли собраться въ Бурбонскомъ дворцѣ, оказалось достаточнымъ послать комиссара, снабженнаго печатью. Сановники, крупные чиновники, свирѣпые мамелюки, торжественные камергеры, усатые генералы жалко улизнули 4-го сентября, какъ труша освистанныхъ комедіантовъ.

Делегаты рабочихъ синдикатовъ и Интернаціонала вечеромъ явились въ думу. Днемъ они отправили новое воззваніе къ германскимъ рабочимъ, заклиная ихъ воздержаться отъ участія въ этой братоубійственной войнѣ. Исполнивъ свой братскій долгъ, французскіе рабочіе всецѣло занялись обороной и потребовали отъ правительства, чтобы оно ее организовало. Гамбетта очень хорошо принялъ ихъ и отвѣтилъ на всѣ ихъ вопросы. 7-го, въ первомъ номерѣ своей газеты „*Отечество въ опасности*“, Бланки и его друзья, выпущенные на свободу, какъ и всѣ политическіе заключенные, предложили пра-

вительству самую энергичную и самую широкую помощь со своей стороны.

Парижъ весь отдался во власть депутатовъ лѣвой, забылъ объ ихъ немощности въ послѣднее время; опасность момента возвеличила ихъ въ его глазахъ. Захватить власть въ такой моментъ казалось смѣлымъ шагомъ, на который способенъ лишь геній. Парижъ, въ теченіе восьмидесяти лѣтъ жаждавшій муниципальной свободы, допустилъ назначеніе такого мэра, какъ этотъ старый Держиморда 48-го года, Этьенъ Араго, дядя Эммануила, который злобно ворчалъ при всякой революціонной вспышкѣ. Онъ назначилъ въ двадцати округахъ мэрами кого хотѣлъ; тѣ, въ свою очередь, выбрали себѣ помощниковъ по своему желанію. Но Араго объявлялъ о выборахъ въ ближайшемъ будущемъ и говорилъ, что воскреситъ великіе дни 92-го года; Жюль Фавръ, столь же гордый, какъ и Дантонъ, кричалъ, обращаясь къ Пруссіи, къ Европѣ: „Мы не уступимъ ни одной пяди нашей земли, ни одного камня нашихъ крѣпостей“. И Парижъ въ пылу увлеченія принялъ эту диктатуру, столь героическую на словахъ. 14-го, когда Трошю дѣлалъ смотръ національной гвардіи, триста тысячъ человѣкъ, выстроенные на бульварахъ, на площади Согласія и Елисейскихъ Поляхъ, устроили ему грандіозную овацію, знакъ довѣрія, подобный тому, который въ утро передъ Вальми былъ выраженъ ихъ отцами.

Да, Парижъ весь безъ исключенія ввѣрился этой лѣвой, которую онъ долженъ былъ бы уничтожить, чтобы сдѣлать революцію. Но его порывъ продолжался всего одинъ часъ. Когда имперія была свергнута, онъ подумалъ, что все уже кончено, и отступилъ. Напрасно проницательные люди пытались удержать его, напрасно Бланки писалъ: „Парижъ настолько же неприступенъ, насколько мы были непобѣдимы; Парижъ, обманутый хвастливой печатью, не знаетъ, какъ велика опасность; Парижъ слишкомъ довѣрчивъ“,—Парижъ всецѣло положился на своихъ новыхъ повелителей, упорно закрывая на все глаза. Между тѣмъ, всякій день приносилъ новыя доказательства въ пользу мнѣнія скептиковъ. Опасность осады надвигалась, а комитетъ обороны, вмѣсто того, чтобы удалить лишніе рты, наводнилъ городъ двумя стами тысячъ жителей пригородовъ. Работы по укрѣпленію не подвигались. Вмѣсто того, чтобы заставить все

парижское населеніе взяться за заступъ и съ развѣвающимся знаменемъ и горнистами во главѣ вывести за городскіе валы стотысячную толпу потомковъ тѣхъ людей, которые выровняли нѣкогда Марсово поле, Трошю передалъ земляныя работы обыкновеннымъ подрядчикамъ, которые увѣряли, что не находятъ рабочихъ рукъ. Возвышенность Шатильонъ, ключъ нашихъ укрѣпленій на югѣ, еще не была какъ слѣдуетъ обслѣдована, когда 19-го явился непріятель и прогналъ оттуда отрядъ обезумѣвшихъ зуавовъ и солдатъ, которые не хотѣли драться. Вопреки газетамъ, кричавшимъ, что Парижъ окружить невозможно, Парижъ на другой же день со всѣхъ сторонъ былъ обложенъ германскими войсками, отрѣзанъ отъ провинціи.

Эта неумѣлость быстро встревожила всѣхъ передовыхъ борцовъ Они обѣщали свою помощь, но не слѣпую вѣру. 5-го сентября, стремясь сконцентрировать силы активной партіи для защиты и упроченія республики, они предложили общественнымъ собраніямъ назначить въ каждомъ округѣ наблюдательный комитетъ, который долженъ контролировать мэровъ и принимать всякія жалобы. Каждый комитетъ назначаетъ четырехъ делегатовъ; всѣ делегаты вмѣстѣ составляютъ центральный комитетъ двадцати округовъ. Благодаря такимъ безпорядочнымъ выборамъ, комитетъ представлялъ изъ себя смѣсь рабочихъ, служащихъ, писателей, выдвинувшихся въ революціонномъ движеніи и въ собраніяхъ послѣдняго времени. Комитетъ засѣдалъ въ залѣ, на улицѣ Кордери, которую уступили ему Интернаціоналъ и федерація рабочихъ синдикатовъ.

Послѣдніе прекратили свою текущую работу, такъ какъ война и служба въ національной гвардіи поглощали всѣ ихъ силы. Нѣкоторые члены синдикатовъ и Интернаціонала участвовали въ наблюдательныхъ комитетахъ и въ центральномъ комитетѣ; благодаря этому образованіе послѣдняго совершенно несправедливо стали приписывать Интернаціоналу. 15-го комитетъ издалъ манифестъ, выставивъ слѣдующія требованія: выборы муниципалитетовъ, передача полиціи въ его руки, выборность и отвѣтственность всѣхъ судей, полная свобода печати, собраній, союзовъ, экспропріація всѣхъ предметовъ первой необходимости, выдача раціона и оружія всѣмъ гражданамъ, посылка комиссаровъ для поднятія провинціи. Въ этихъ требованіяхъ не было ничего незаконнаго. Но довѣріе парижанъ еще далеко

не было исчерпано; буржуазныя газеты начали кричать о пруссакахъ,—могучее средство всякаго, кто не желалъ разсуждать. Между тѣмъ нѣкоторые изъ подписавшихся, а именно: Жерменъ Кассъ, Ш.-Л. Шассенъ, Ланжалей, Лефрансэ, Лонге, Левердэ, Милльеръ, Малонъ, Пенди, Ранвье, Вольянъ, Жюль Валлесъ были извѣстны въ журналистикѣ.

20-го Жюль Фавръ возвращается изъ Ферріера, куда онъ поѣхалъ узнать у Бисмарка условія мира. Онъ отправился туда по собственной иниціативѣ, безъ вѣдома своихъ коллегъ, и, по его словамъ, во время свиданія слезы не давали ему говорить. „Онъ не пролилъ ни одной слезы, хотя очень старался заплакать“,—говоритъ секретарь Бисмарка. Комитетъ двадцати округовъ тотчасъ же собирается и посылаетъ въ думу депутата съ требованіемъ бороться до послѣдней крайности и немедленно произвести муниципальные выборы, о которыхъ четыре дня тому назадъ состоялось постановленіе. „Намъ необходимо“,—писалъ министръ внутреннихъ дѣлъ Гамбетта,—„чтобы насъ поддерживали и оказывали намъ содѣйствіе люди, выбранные всеобщимъ голосованіемъ“. Жюль Ферри принялъ депутацію, далъ честное слово, что правительство ни въ коемъ случаѣ не заключитъ мира, и назначилъ муниципальные выборы на конецъ мѣсяца. Три дня спустя, новымъ распоряженіемъ выборы отложены на неопредѣленное время.

Такимъ образомъ только что народившаяся власть уже отрекается отъ своихъ обязательствъ, отказывается отъ совѣта, котораго сама требовала. Можетъ быть, у нихъ въ рукахъ секретъ побѣды? Но Трошю говоритъ: „Сопротивленіе это героическое безуміе“; Пикаръ: „Мы будемъ сопротивляться чести ради, но всякая надежда—самообманъ“; изящный Кремье: „Пруссаки войдутъ въ Парижъ, какъ ножъ въ масло“ [1]); начальникъ генеральнаго штаба Трошю: „Мы не можемъ сопротивляться и мы примирились съ этимъ“. И вмѣсто того, чтобы честно предупредить Парижъ, вмѣсто того, чтобы сказать ему: „сдавайся немедленно или же организуй самъ свою оборону“, эти люди, объявляющіе, что борьба невозможна, требуютъ безраздѣльнаго руководства ею.

---

[1]) Парламентская анкета о 4-мъ сентября. Petetin de Lareinty.

Какова же ихъ цѣль? Ихъ цѣль заключить миръ. Со времени первыхъ пораженій, она одна руководитъ ими. Превратности, которыя въ былое время воодушевляли ихъ отцовъ, принизили людей этой лѣвой до уровня имперскихъ депутатовъ. Сдѣлавшись правительствомъ, они бьютъ отбой, посылаютъ Тьера просить мира по всей Европѣ, Жюля Фавра—къ Бисмарку. Когда весь Парижъ кричитъ имъ: „Защищайтесь; мы прогонимъ непріятеля“, они апплодируютъ, а про себя думаютъ: „мы заключимъ миръ“. Въ исторіи нѣтъ другого примѣра такой гнусной измѣны. И на вопросъ: не нарушило ли правительство 4-го сентября тотъ мандатъ, который оно получило отъ народа,—будущія поколѣнія отвѣтятъ: „да, нарушило“.

Мандатъ этотъ—правда не писанный — былъ однако настолько очевиденъ, что весь Парижъ затрепеталъ, услышавъ о свиданіи въ Ферріерѣ. Одна мысль о сдачѣ приводила въ ужасное волненіе даже самыхъ спокойныхъ обывателей. Парижъ весь до одного человѣка рѣшилъ бороться до послѣдней крайности. Члены правительства обороны должны были уступить и согласиться на то, что они, считая себя единственными въ Парижѣ не потерявшими головы, называли „безумiемъ осады“. Ну что жъ, придется драться, разъ этихъ парижанъ ничѣмъ нельзя уломать, но единственно для того, чтобы заставить ихъ отказаться отъ своихъ фантазій. 14-го, когда Трошю увидѣлъ то, чего, по его словамъ, „не видалъ никогда ни одинъ военный генералъ, триста батальоновъ, организованныхъ, вооруженныхъ, окруженныхъ всѣмъ населенiемъ, восторженно ихъ привѣтствовавшимъ“, онъ былъ тронутъ, объявилъ, что сумѣетъ удержать укрѣпленія [1]). Эта была высшая точка его одушевленія. Удержать, не открыть ворота. Но онъ и не подумалъ о томъ, чтобы основательно обучить эти триста тысячъ національныхъ гвардейцевъ, присоединить ихъ къ двумъ стамъ сорока тысячамъ мобилей и моряковъ, скопившихся въ Парижѣ, и образовать такимъ образомъ могучую силу, которая прогнала бы непріятеля по ту сторону Рейна. Не подумали объ этомъ и его коллеги, которые обсуждали съ нимъ лишь различныя каверзы, приписываемыя прусскимъ генераламъ.

---

[1]) Анкета о 4-мъ сентября. Гарнье-Пажесъ.

Онъ былъ сторонникомъ мягкихъ средствъ и, какъ человѣкъ благочестивый, чуждался безполезной жестокости. Такъ какъ великій городъ долженъ пасть,—это явствуетъ изъ всѣхъ военныхъ руководствъ,—то онъ постарается, чтобы паденіе было какъ можно менѣе кровопролитнымъ. Поэтому, предоставляя непріятелю располагаться вокругъ Парижа, какъ ему вздумается, Трошю организовалъ для вида нѣсколько стычекъ. Единственное серьезное столкновеніе было 30-го при Шевильи, гдѣ послѣ нѣкотораго успѣха мы отступили, оставивъ одну батарею, за недостаткомъ подкрѣпленій и лошадей.

Населеніе, попрежнему обманываемое печатью, которая раньше кричала: „Въ Берлинъ“, повѣрило нашему успѣху, но, какъ ударъ въ набатный колоколъ, пронесся слухъ: Туль и Страсбургъ сдались. Флурансъ, очень популярный въ Бельвилѣ, первый начинаетъ дѣйствовать. Повинуясь только своему горячему темпераменту, онъ созываетъ батальоны своего квартала, 5-го октября спускается къ думѣ, требуетъ всеобщаго набора, выступленія, муниципальныхъ выборовъ, выдачи опредѣленнаго раціона. Трошю, который съ цѣлью подкупить его далъ ему титулъ начальника валовъ, вступилъ съ нимъ въ длинный разговоръ и сумѣлъ его спровадить. Когда стали появляться многочисленныя депутаціи, требуя, чтобы Парижъ имѣлъ голосъ въ дѣлѣ обороны, чтобы населеніе назначило свой совѣтъ, свою коммуну, правительство сочло себя вынужденнымъ заявить, что его достоинство не позволяетъ ему уступить этимъ требованіямъ. Эта высокомѣрная выходка послужила причиной движенія 8-го октября. Комитетъ двадцати округовъ въ энергичномъ воззваніи высказалъ свой протестъ. Семь или восемь сотъ человѣкъ собрались у городской думы съ криками: „Да здравствуетъ коммуна!“ Но масса еще не потеряла довѣрія. Явилось много батальоновъ Трошю. Правительство осмотрѣло ихъ и объявило, что выборы невозможны,—оно привело неопровержимый доводъ, что все населеніе должно находиться на укрѣпленіяхъ.

Широкая публика съ жадностью слушала эти лживыя рѣчи. Когда 16-го Трошю написалъ своему куму Этьену: „Я до конца выполню планъ, который я себѣ начерталъ“, то пустомели снова затянули пѣсенку, которую въ августѣ пѣли про Базена: „Не будемъ ему мѣ-

шать; у него свой планъ". Въ агитаторахъ эти наивные люди скоро увидѣли пруссаковъ, такъ какъ іезуитъ Трошю, повторяя то, что онъ сказалъ при своемъ вступленіи, назвалъ ихъ „небольшой кучкой людей, преступныя намѣренія которыхъ выгодны непріятелю". Весь октябрь Парижъ безмолствовалъ, убаюканный сообщеніями о выступленіяхъ, удачно начинавшихся, но кончавшихся отступленіемъ. 13-го мы беремъ Баньё и болѣе рѣшительное нападеніе вернуло бы намъ Шатильонъ; но у Трошю нѣтъ резерва. 21-го развѣдочный отрядъ, направившійся въ Мальмезонъ, обнаруживаетъ слабость оккупаціи; паника охватываетъ прусскую армію, распространяясь вплоть до Версаля, главной квартиры пруссаковъ; вмѣсто того, чтобы рѣшительно атаковать непріятеля, генералъ Дюкро беретъ всего шесть тысячъ человѣкъ; пруссаки оттѣсняютъ его, захвативъ двѣ пушки. Правительство встрѣчаетъ возвратившихся съ благодарностью, расписываетъ Парижу смѣлую защиту Шатодена, козыряетъ телеграммами Гамбетты, посланнаго 8-го делегатомъ въ провинцію,—онъ стѣснялъ ихъ въ Парижѣ, такъ какъ вѣрилъ въ возможность сопротивленія.

Мэры поддерживали эту трогательную довѣрчивость. Они засѣдали со своими помощниками въ думѣ, въ двухъ шагахъ отъ правительства, и этимъ шестидесяти четыремъ человѣкамъ не трудно было увидѣть, съ чѣмъ они имѣютъ дѣло. Но громадное большинство ихъ составляли либералы и республиканцы-доктринеры, прекраснымъ выразителемъ которыхъ была парламентская лѣвая. Изрѣдка они стучались къ членамъ обороны, робко предлагали имъ вопросы, получали неопредѣленные отвѣты, не вѣрили имъ, но хотѣли, чтобы Парижъ имъ вѣрилъ. Одинъ изъ главныхъ, Корбонъ, говоритъ: „Имѣя дѣло съ встревоженнымъ населеніемъ, которое спрашивало у насъ, что думаетъ правительство, мы должны были защищать правительство, мы должны были говорить, что оно всецѣло занято обороной, что вожди арміи полны самоотверженія и работаютъ съ жаромъ. Мы говорили, не зная, не вѣря въ то, что говорили; мы ничего не знали" [1]).

Въ „Кордери", въ клубахъ, въ газетѣ Бланки, въ „*Пробужденіи*" Делеклюза, въ „*Битвѣ*" Феликса Піа стараются разоблачить планъ думы. Что означаютъ эти частичныя вылазки, ни разу какъ слѣдуетъ не поддержанныя? Почему національная гвардія остается плохо

[1]) Анкета о 4-мъ сентября.

вооруженной, неорганизованной, не участвуетъ ни въ одномъ военномъ дѣлѣ? На много ли подвинулась отливка пушекъ? Шесть недѣль болтовни, бездѣлія не оставляютъ никакого сомнѣнія въ томъ, что комитетъ обороны либо не умѣетъ, либо не хочетъ дѣйствовать. У всѣхъ является одна и та же мысль. Пусть невѣрующіе уступятъ мѣсто вѣрующимъ. Пусть Парижъ снова возьмется за дѣло. Пусть коммуна 92-го года еще разъ спасетъ городъ и Францію. Съ каждымъ днемъ мужественные люди все болѣе и болѣе укрѣпляются въ этомъ рѣшеніи. Газета „*Битва*“, которая въ напыщенныхъ выраженіяхъ превозносила коммуну и трескучія фразы которой больше привлекали толпу, чѣмъ нервная діалектика Бланки, 27-го печатаетъ слѣдующее сенсаціонное извѣстіе: „Базенъ готовится къ сдачѣ Меца, онъ собирается именемъ Наполеона III заключить миръ; его адъютантъ уже въ Версалѣ“. Городская дума опровергаетъ это сообщеніе, столь же безсовѣстное, сколь ложное. Базенъ, этотъ славный солдатъ, не перестаетъ тревожить осаждающую армію блестящими вылазками. Правительство призываетъ на голову журналиста „кару общественнаго мнѣнія“. На этотъ призывъ общественное мнѣніе, въ лицѣ хулигановъ, откликнулось немедленно; послѣдніе прибѣжали, сожгли газету и избили бы журналиста, если бы онъ своевременно не удралъ. На слѣдующій день „*Борьба*“ объявила, что извѣстіе это получено отъ Флуранса, которому сообщилъ его Рошфоръ, бывшій въ наилучшихъ отношеніяхъ со своимъ коллегой Трошю.

Въ тотъ день, благодаря удачному нападенію, Бурже перешло въ наши руки, и 29-го генеральный штабъ съ тріумфомъ возвѣстилъ объ этомъ. Въ теченіе всего дня онъ оставилъ нашихъ солдатъ безъ провіанта, безъ подкрѣпленій, подъ огнемъ пруссаковъ, которые 30-го вернулись съ пятнадцатью тысячами человѣкъ и снова отняли деревню, имѣвшую всего тысячу шестьсотъ защитниковъ. 31-го утромъ пробуждающійся Парижъ поразили три удара: потеря Бурже, сдача Меца и всей арміи „славнаго Базена“, пріѣздъ Тьера, прибывшаго заключить перемиріе.

Члены обороны, убѣжденные въ томъ, что Парижъ согласится на миръ, объявили одновременно о предстоящемъ перемиріи и неизбѣжной сдачѣ, „хорошей и дурной новости“, какъ выразился Жюль Ферри, который перемиріе называлъ „вознагражденіемъ“ [1]).

[1]) Анкета о 4-мъ сентября. Жюль Ферри.

Парижъ поднялся какъ одинъ человѣкъ и увлекъ за собою Марсель, Тулузу, Сентъ-Этьенъ. Черезъ часъ послѣ того, какъ были расклеены объявленія, толпа, стоя подъ дождемъ, кричитъ передъ думой: „Долой перемиріе!“ и, несмотря на сопротивленіе мобилей, врывается во внутрь зданія. Этьенъ Араго и его помощники Флоке и Анри Бриссонъ выбѣгаютъ, клянутся, что правительство напрягаетъ всѣ свои силы для спасенія Франціи. Первая толпа уходитъ, приходитъ другая. Въ полдень на нижнихъ ступенькахъ лѣстницы появляется Трошю, думая, что увѣщаніемъ сумѣетъ внести успокоеніе. Ему кричатъ: „Долой Трошю!“ Его замѣняетъ Жюль Симонъ, который выходитъ на площадь, разъясняетъ народу прелести перемирія. „Долой перемиріе!“ раздается въ отвѣтъ. Жюль Симону удается благополучно вывернуться лишь благодаря тому, что по его предложенію выбираютъ десять делегатовъ, которые слѣдуютъ за нимъ въ думу. Трошю, Жюль Фавръ, Жюль Ферри и Пикаръ принимаютъ ихъ въ тронномъ залѣ. Трошю весьма краснорѣчиво доказываетъ имъ ненужность Бурже, увѣряетъ, будто только что узналъ о сдачѣ Меца. „Вы лжете!“ кричитъ кто-то. Люди, проникшіе въ залъ—это депутація комитета двадцати округовъ и наблюдательныхъ комитетовъ. Другіе хотятъ, чтобы онъ продолжалъ, чтобы онъ высказался до конца. Внезапно на площади раздается выстрѣлъ, ораторъ прерываетъ свою рѣчь и исчезаетъ. Его замѣняетъ Жюль Фавръ, продолжая развивать его аргументацію.

Въ то время, какъ онъ разглагольствуетъ, мэры совѣщаются въ залѣ муниципальнаго совѣта. Для предотвращенія возстанія, они предлагаютъ слѣдующія мѣры: выборы въ муниципалитеты, образованіе батальоновъ національной гвардіи и присоединеніе ихъ къ арміи. Пустомеля Этьенъ идетъ съ этими затычками къ правительству.

Въ половинѣ третьяго на площади громадная толпа, плохо сдерживаемая мобилями, волнуется, кричитъ: „Долой Трошю! Да здравствуетъ коммуна!“ машетъ знаменемъ съ надписью: „Долой перемиріе!“ Такъ какъ делегаціи, отправленныя въ думу, не возвращаются, толпа теряетъ терпѣніе, оттѣсняетъ мобилей, вталкиваетъ въ залъ мэровъ Феликса Піа, случайно оказавшагося среди публики. Послѣдній протестуетъ, заявляетъ, что это неправильно, что онъ хочетъ войти какъ выборный, но отнюдь не насильственнымъ путемъ.

Мэры его всѣми силами поддерживаютъ, объявляютъ, что они потребовали уже выборовъ въ муниципалитеты, что указъ объ этомъ будетъ подписанъ. Толпа продвигается все дальше, достигаетъ троннаго зала, тамъ она прерываетъ проповѣдь Жюля Фавра. Послѣдній уходитъ къ своимъ коллегамъ; они принимаютъ въ принципѣ предложеніе мэровъ, но не назначаютъ срока выборовъ.

Около четырехъ часовъ залъ переполненъ толпой. Рошфоръ объщаетъ муниципальные выборы. Толпа смѣшиваетъ его съ другими членами обороны. Одинъ изъ делегатовъ комитета двадцати округовъ влѣзаетъ на столъ, объявляетъ о низложеніи правительства, требуетъ назначенія комиссіи, которая произвела бы выборы въ теченіе сорока восьми часовъ. Называютъ имена Доріана, единственнаго министра, относившагося серьезно къ оборонѣ, Луи Блана, Ледрю-Ролена, Виктора Гюго, Распайля, Делеклюза, Бланки, Феликса Піа, Мильера.

Если бы эта коммиссія сумѣла очистить думу, удержать ее за собой и издать воззваніе, назначающее немедленные выборы, то дѣло было бы закончено и, быть можетъ, благополучно закончено. Но Доріанъ отказался, изъ остальныхъ одни молчали, другіе поспѣшили удрать. Въ это время появляется Флурансъ. Онъ врывается вмѣстѣ со своими стрѣлками изъ Бельвиля, становится на столъ, вокругъ котораго сидятъ члены правительства, объявляетъ ихъ арестованными и предлагаетъ назначеніе комитета общественнаго спасенія. Одни ему апплодируютъ, другіе протестуютъ, заявляютъ, что дѣло не въ томъ, чтобы замѣнить одну диктатуру другой. Но Флурансъ беретъ верхъ; называетъ имена: сначала свое, затѣмъ Бланки, Делеклюза, Мильера, Ранвье, Феликса Піа, Моттю. Тутъ возгораются нескончаемые споры. Дѣятели 4-го сентября, несмотря на то, что ихъ сторожитъ національная гвардія, чувствуютъ, что они спасены и посмѣиваются надъ побѣдителями, не умѣющими удержать своей побѣды.

Съ этого момента воцаряется какой-то хаосъ. Во всякомъ залѣ свое правительство, свои ораторы. Замѣшательство такъ велико, что около восьми часовъ нѣсколькимъ реакціоннымъ національнымъ гвардейцамъ изъ-подъ носа Флуранса удается увести Трошю и Ферри. Другіе тутъ же похищаютъ Бланки, но его освобождаютъ вольные стрѣлки. Въ кабинетѣ мэра Этьенъ Араго и его товарищи созываютъ

на завтра избирателей подъ предсѣдательствомъ Доріана и Шельхера. Около десяти часовъ ихъ воззваніе расклеено по всему Парижу.

Парижъ цѣлый день оставался спокойнымъ зрителемъ. „Въ утро 31-го октября,“—говоритъ Жюль Ферри,—„парижское населеніе все, сверху до низу, было враждебно къ намъ настроено. Всѣ находили, что мы заслужили того, чтобы насъ устранили“. [1]). Солдаты одного изъ лучшихъ батальоновъ Трошю, вызванные генераломъ Тамизье, главнокомандующимъ національной гвардіей, на помощь правительству, придя на площадь, повернули ружья прикладами вверхъ [2]). Но все измѣнилось, когда узнали, что члены правительства арестованы, и особенно когда узнали имена ихъ замѣстителей. Урокъ показался слишкомъ жестокимъ. Тѣ, которые мирились съ Ледрю-Ролленомъ и Викторомъ Гюго, не могли примириться съ Флурансомъ и Бланки. Напрасно цѣлый день били тревогу; лишь къ вечеру генералъ-маршъ оказалъ свое дѣйствіе.

Батальоны, которые утромъ не повиновались, вечеромъ прибыли на Вандомскую площадь, большинство, правда, увѣренные, что выборы дарованы; группа офицеровъ, собравшихся на биржѣ, согласилась ждать правильныхъ выборовъ лишь на основаніи воззванія Доріанъ-Шельхера. Трошю и удравшіе изъ думы снова нашли своихъ сторонниковъ. Дума же, напротивъ, теряетъ силу.

Большинство батальоновъ, стоявшихъ за коммуну, думая, что вопросъ о выборахъ рѣшенъ, вернулись въ свои кварталы. Оставалось не больше тысячи человѣкъ безъ оружія и недисциплинированные стрѣлки Флуранса, которые бродили въ этой сутолокѣ. Бланки все подписывалъ да подписывалъ. Тогда Делеклюзъ попытался спасти хоть что-нибудь. Онъ отправился къ Доріану, получилъ формальное обѣщаніе, что выборы въ коммуну будутъ произведены на другой же день, а выборы во временное правительство на третій день, включилъ эти обѣщанія въ составленное имъ воззваніе, въ которомъ революціонное правительство заявляло, что оно остается на своемъ посту до выборовъ, и заставилъ Мильера, Флуранса и Бланки подписать это воззваніе. Мильеръ и Доріанъ отправились предъявить

---

[1]) Анкета о 4-мъ сентября. Жюль Ферри.

[2]) Маневръ, означающій, что войско отказывается драться съ народомъ. (*Прим. пер.*).

воззваніе членамъ обороны. Мильеръ предложилъ имъ вмѣстѣ уйти изъ думы, предоставивъ Доріану и Шельхеру приступить къ выборамъ, но лишь съ непремѣннымъ условіемъ, что не будутъ предприняты никакія преслѣдованія. Члены обороны согласились, и Мильеръ сказалъ имъ: „Вы свободны, господа“, но тутъ національная гвардія потребовала письменнаго обязательства. Арестованные пришли въ негодованіе, что не вѣрятъ ихъ слову. Несмотря на всѣ старанія, Мильеръ и Флурансъ не сумѣли доказать національнымъ гвардейцамъ, что подписи не нужны.

Въ это самое время Жюль Ферри внезапно атакуетъ двери, выходящія на площадь Лобо. Онъ воспользовался своей свободой, собралъ нѣсколько батальоновъ,—одинъ состоялъ изъ мобилей бретонцевъ, которые совершенно не понимаютъ по-французски. Делеклюзъ и Доріанъ выходятъ ему навстрѣчу, сообщаютъ о состоявшемся соглашеніи, убѣждаютъ его подождать. Въ три часа канитель еще продолжается; Трошю велитъ ударить въ барабаны, бретонскій батальонъ черезъ подвалъ казармы Наполеона проникаетъ въ думу, застигаетъ врасплохъ многихъ стрѣлковъ и обезоруживаетъ ихъ. Жюль Ферри врывается въ залъ, гдѣ находится правительство. Недисциплинированная охрана не оказываетъ никакого сопротивленія. Жюля Фавра и его коллегъ освобождаютъ. Въ отвѣтъ на угрозы бретонцевъ генералъ Тамизье напоминаетъ о принятомъ въ этотъ вечеръ соглашеніи и, въ знакъ взаимнаго примиренія, выходитъ изъ думы между Бланки и Флурансомъ. Трошю же гарцуетъ по улицамъ и набережнымъ, окруженный своими батальонами.

Такъ плачевно закончился этотъ день, который могъ внести новую жизнь въ оборону. Разрозненность передовыхъ борцовъ вернула правительству его сентябрьскую силу. Оно воспользовалось ею въ ту же ночь, сорвало воззваніе Доріанъ-Шельхера, назначило на 5-е муниципальные выборы, но зато устроило плебисцитъ и сдѣлало категорическое заявленіе: „Всѣ тѣ, которые желаютъ поддержать правительство, будутъ вотировать „да“. Напрасно комитетъ двадцати округовъ издалъ манифестъ, напрасно газеты „*Пробужденіе*“, „*Отечество въ опасности*“ и „*Битва*“ приводили сотни причинъ, по которымъ слѣдовало отвѣтить „нѣтъ“,—Парижъ, изъ страха передъ двумя-тремя людьми, открылъ новый кредитъ правительству, глу-

пость и наглость котораго превосходили всякія мѣры. Парижъ 322.900 разъ сказалъ ему: „Да, я тебя хочу“. Армія, мобили дали 237.000 *да*. Нашлось всего 54.000 штатскихъ и 9.000 военныхъ, которые отвѣтили *нѣтъ*.

Чѣмъ объяснить, что эти шестьдесятъ тысячъ сознательныхъ, умныхъ и энергичныхъ людей не сумѣли повліять на общественное мнѣніе? Тѣмъ, что они разбивались на сто различныхъ теченій. Горячка осаднаго времени не объединила революціонную партію, столь разрозненную нѣсколько недѣль тому назадъ; никто не дѣлалъ попытокъ объединенія. Делеклюзъ и Бланки жили исключительно въ кругу своихъ друзей и сторонниковъ. Феликсъ Піа, предлагавшій почетное ружье тому, кто убьетъ прусскаго короля, и обѣщавшій премію изобрѣтателю греческаго огня, способнаго пожрать нѣмецкую армію, становился практичнымъ лишь тогда, когда дѣло шло о его шкурѣ. Остальные—Ледрю-Ролленъ, Луи Бланъ, Шельхеръ и другіе—надежда республиканцевъ во времена имперіи—вернулись изъ ссылки усталые, тщеславные, эгоистичные, возстановленные противъ новаго поколѣнія соціалистовъ, которое не удовольствовалось ихъ ученіями. Радикалы, озабоченные своимъ будущимъ, не желали себя компрометировать участіемъ въ комитетѣ двадцати округовъ. Комитетъ могъ быть идейнымъ центромъ, но отнюдь не практическимъ руководителемъ,—это была секція „гравиллье“ 1870—71 г.г., которые, подобно своимъ предшественникамъ 1793 г., умѣли дѣйствовать лишь манифестаціями.

Но все же здѣсь, по крайней мѣрѣ, была жизнь, свѣтъ, хотя подчасъ и дававшій копоть, но никогда не угасавшій. Что дали мелкіе буржуа? Гдѣ ихъ якобинцы, ихъ кордельеры? Въ Кордери мы встрѣчаемъ заблудшихъ дѣтей мелкой буржуазіи, которыя пишутъ, ораторствуютъ,—но гдѣ же главная масса?

Всѣ молчатъ. За исключеніемъ предмѣстій г. Парижъ представляетъ изъ себя комнату больного, въ которой никто не рѣшается сказать слово. Эта нравственная слабость есть психологическій результатъ осады, тѣмъ болѣе странный, что онъ сочетается со страстнымъ желаніемъ бороться. Люди, говорящіе: „Мы предпочтемъ сжечь свои дома, чѣмъ отдать ихъ непріятелю“, возмущаются всякой попыткой отнять власть у трусовъ, сидящихъ въ городской думѣ. Если они

не довѣряютъ вѣтренникамъ, энтузіастамъ, компрометирующимъ сотрудникамъ, такъ почему же они сами не берутся за руководство движеніемъ? И они ограничиваются криками: „Не будемъ устраивать мятежей на глазахъ у непріятеля! Долой фанатиковъ!“ Какъ будто капитуляція лучше, чѣмъ бунтъ; какъ будто 10-е августа и 31-е мая не были бунтами на глазахъ у непріятеля; какъ будто нѣтъ середины между бездѣятельностью и изступленіемъ.

5-го и 7-го происходитъ всеобщее голосованіе для выборовъ мэровъ; выбранными въ громадномъ большинствѣ оказываются креатуры Этьена Араго. Четверо изъ новыхъ: Дюбель, Вотренъ, Десмаре и непримиримый демократъ во времена имперіи Вашеро были закоренѣлые буржуи. Изъ помощниковъ большинство были либералы; попало лишь нѣсколько очень умѣренныхъ интернаціоналистовъ: Толенъ, Мюра, Элигонъ и нѣсколько революціонеровъ: Малонъ, Жакларъ, Дереръ, Уде, Лео Мелье.

Вѣрныя своимъ традиціямъ, предмѣстья избрали Делеклюза въ XIX-мъ и Ранвье, Мильера, Флуранса въ XX-мъ округѣ; но послѣдніе не могли участвовать, такъ какъ господа, засѣдавшіе въ городской думѣ, нарушивъ договоръ Доріана-Тамизье, издали приказъ объ арестѣ участниковъ манифестаціи 31-го октября [1]). Само собой разумѣется, приказъ объ арестѣ заявлялъ, что арестуемые подкуплены имперской полиціей и что дѣло это якобы только что раскрыто префектурой. Центральнымъ мэромъ вмѣсто Араго, слишкомъ скомпрометировавшаго себя 31-го октября, сдѣлался Жюль Ферри, а командованіе національной гвардіей было передано Клеману Тома, разстрѣливавшему пролетаріевъ въ 48-мъ году; Тамизье, возмущенный нарушеніемъ договора, подалъ въ отставку.

Въ началѣ ноября ничего еще не было потеряно. Армія, мобили и моряки, судя по плебисциту, составляли всѣ вмѣстѣ 246.000 солдатъ и 7.500 офицеровъ. Кромѣ того въ Парижѣ легко можно отобрать 125.000 національныхъ гвардейцевъ, способныхъ сражаться,

---

[1]) Жакларъ, Верморель, Г. Лефрансэ, Феликсъ Піа, Эдъ, Левро-Тридонъ, Ранвье, Разуа, Тибальди, Гупиль, Везинье, Режеръ, Морисъ Жоли, Бланки, Мильеръ, Флурансъ. Послѣднимъ тремъ удалось убѣжать. Феликсъ Піа отвертѣлся. Его спасло то, что онъ написалъ Эммануилу Араго: „Какая досада, что я у тебя въ заключеніи, ты былъ бы моимъ адвокатомъ!“.

и оставить столько же для внутренней обороны. Перевооруженіе и новыя пушки могли быть закончены въ нѣсколько недѣль, особенно пушки, такъ какъ всякій отдавалъ свои послѣднія крохи, чтобы снабдить батальонъ хорошими орудіями—традиціонной гордостью парижанъ. Гдѣ взять тысячу артиллеристовъ?—вопрошалъ Трошю; но изъ каждаго парижскаго механика можно сдѣлать артиллериста—это показала коммуна. Повсюду даже избытокъ силъ. Парижъ изобиловалъ инженерами, техниками, мастерами, которые представляли богатый матеріалъ всѣхъ родовъ. Тутъ, при желаніи, можно было бы найти все необходимое для побѣды.

Но подагрики, въ рукахъ которыхъ была регулярная армія, повсюду видѣли только одно варварство. Въ Парижѣ, который былъ достоинъ такихъ восторженныхъ, горячихъ и прекрасныхъ вождей, какъ Ошъ, Марсо, Клеберъ, генералами были самые мерзкіе подонки имперіи и орлеанизма—Винуа, герой декабрьскаго переворота, Дюкро, Сюзаннъ, Лефло. Шабо-Латуръ, это высокомѣрное ископаемое, былъ главнымъ начальникомъ инженерной части. Въ своемъ интимномъ кружкѣ они подсмѣивались надъ этой обороной, находя, что комедія тянется слишкомъ долго. 31-е октября окончательно возстановило ихъ противъ національной гвардіи, и до послѣдняго часа они отказывались употреблять ее въ дѣло.

Вмѣсто того, чтобы спаять воедино всѣ силы Парижа, ввести одинъ строй, дать всѣмъ одно знамя и славное имя національной гвардіи, Трошю оставилъ раздѣленіе на три категоріи: армію, мобилей и гражданскую гвардію. При его отношеніи къ оборонѣ, это было вполнѣ естественно. Армія, подстрекаемая офицерами генеральнаго штаба, возненавидѣла Парижъ, который взваливалъ на нее совершенно безполезную работу. Мобили изъ провинціи, натравливаемые своими офицерами, дворянскими недорослями, тоже ожесточились. Всѣ, видя, какъ третируется національная гвардія, давали ей презрительныя клички: „горе-вояки“, „тридцать су“ (со времени осады всѣ парижане получали ежедневно полтора франка, т. е. 30 су).

31-е октября не внесло существенныхъ перемѣнъ. Правительство прекратило переговоры о мирѣ, продолженіе которыхъ, несмотря на его побѣду, все же грозило бы его существованію; оно издало постановленіе объ образованіи маршевыхъ ротъ національной гвардіи,

ускорило работы по отливкѣ пушекъ. Въ оборону оно вѣрило не больше, чѣмъ раньше, и надѣялось только на миръ. Больше всего оно опасалось возстанія. Теперь оно хотѣло спасти Парижъ уже не только отъ безумной осады, но прежде всего отъ революціонеровъ. Крупные буржуа разжигали это достойное усердіе. Передъ 4-мъ сентября они объявили,—сообщаетъ Жюль Симонъ,—что они вовсе не будутъ драться, если рабочій классъ будетъ вооруженъ и если онъ имѣетъ какіе-нибудь шансы взять верхъ. Вечеромъ, 4-го сентября, Жюль Фавръ и Жюль Симонъ пришли въ законодательный корпусъ успокоить ихъ, сказать имъ, что члены обороны не тронутъ зданія. Несокрушимая сила событій вооружила рабочихъ, надо было по крайней мѣрѣ, обезвредить ихъ оружіе, и крупная буржуазія уже два мѣсяца ждала подходящаго момента. Плебисцитъ показалъ ей, что этотъ моментъ наступилъ. Трошю держалъ въ своихъ рукахъ Парижъ, а она, при помощи духовенства, держала въ рукахъ Трошю,—ей удавалось это тѣмъ легче, что онъ считалъ себя отвѣтственнымъ исключительно передъ своей совѣстью. Удивительная совѣсть, безчисленныя пружины которой были устроены хитрѣе, чѣмъ театральныя кулисы! Онъ вѣрилъ въ небесныя чудеса, но не вѣрилъ въ подвиги; въ святую Женевьеву, но не въ Іоанну д'Аркъ; въ небесные легіоны, но не въ земные. Начиная съ 4-го сентября, онъ видѣлъ свой долгъ въ томъ, чтобы обмануть Парижъ; онъ думалъ: „Я устрою такъ, чтобы ты сдался, это для твоего же добра“. Послѣ 31-го октября его миссія еще выросла въ его глазахъ: онъ возомнилъ себя ангеломъ-хранителемъ гибнущаго общества. Это второй періодъ обороны. Весьма вѣроятно, что планъ ея разрабатывался въ какомъ-нибудь кабинетѣ на Почтовой улицѣ [1]); вѣдь руководители духовенства лучше, чѣмъ кто бы то ни было, предвидѣли опасность побѣды рабочихъ. Они дѣйствовали чрезвычайно хитро. Какой-то епископъ à la Turpin, въ высокихъ сапогахъ, съ бородой, большой шутникъ, усердн поклонникъ Бахуса и ухаживатель за дамами, расточительный и хвастливый, повсюду сопровождалъ Трошю, разжигая его ненависть къ національной гвардіи. Іезуиты сумѣли повсюду закинуть свои сѣти: и въ главный штабъ, и въ походный госпиталь, и въ мэрію.

---

[1]) Почтовая улица (rue des Postes)—центръ парижскихъ іезуитовъ. (*Прим. пер*).

Какъ рыболовъ, въ борьбѣ со слишкомъ крупной добычей, они старались удержать бьющійся Парижъ подъ поверхностью воды, истощая его силы отдѣльными ударами. 28-го ноября Трошю нанесъ первый ударъ: онъ объявилъ наступленіе въ крупномъ масштабѣ. Генералъ Дюкро, который долженъ былъ командовать, подражая Леониду, заявилъ: „Я приношу клятву передъ вами, передъ всѣмъ народомъ, что Парижъ увидитъ меня либо убитымъ, либо побѣдителемъ. Я, можетъ быть, паду, но не отступлю“. Это заявленіе воодушевило весь Парижъ. Всѣ почувствовали себя словно наканунѣ второй Жемаппы, когда парижскіе волонтеры взяли приступомъ горные хребты, которые были защищены артиллеріей,—вѣдь на этотъ разъ должна была выступить національная гвардія.

Намъ необходимо было пробиться къ Марнѣ, для того, чтобы соединиться съ нашей провинціальной арміей и перейти рѣку при Ножанѣ. Инженеръ Дюкро не сдѣлалъ необходимыхъ приготовленій, мосты были въ плохомъ состояніи. Пришлось ждать слѣдующаго дня. Вмѣсто того, чтобы напасть на непріятеля врасплохъ, ему дали время подготовиться. 30-го рѣшительнымъ приступомъ мы взяли Шампиньи. На слѣдующій день Дюкро оставался бездѣятельнымъ, между тѣмъ какъ непріятель оставлялъ Версаль и собиралъ свои силы возлѣ Шампиньи. 2-го непріятель снова овладѣлъ частью деревни. Весь день ожесточенно дрались. Члены правительства, которыхъ ихъ величіе удерживало въ городской думѣ, послали на поле битвы письмо своему „дорогому президенту“. Вечеръ мы провели на нашихъ позиціяхъ, но ужасно мерзли. „Дорогой президентъ“ приказалъ оставить теплую одежду въ Парижѣ, и мы выѣхали безъ палатокъ и лазаретовъ. На другой день Дюкро объявилъ, что мы должны отступить на глазахъ у Парижа; на глазахъ у всего народа этотъ обезчещенный хвастунъ вернулся во-свояси. Мы потеряли восемь тысячъ убитыми и ранеными на сто тысячъ всѣхъ выступившихъ и пятьдесятъ тысячъ участвовавшихъ въ сраженіи.

Трошю двадцать дней отдыхалъ на лаврахъ. Клеманъ Тома воспользовался свободнымъ временемъ, чтобы распустить и оклеветать батальонъ бельвильскихъ стрѣлковъ, правда, плохо дисциплинированный, но энергично дравшійся и потерявшій въ сраженіи нѣсколько человѣкъ. На основаніи простого доклада генерала, командовавшаго

при Венсеннѣ, онъ сталъ клеймить и 200-й батальонъ. Флуранса арестовали. 21-го декабря эти ревнители внутренняго спокойствія и порядка обратили свое благосклонное вниманіе и на пруссаковъ. Мобилей Сены безъ пушекъ двинули на укрѣпленія Стэна и на атаку Бурже. Непріятель встрѣтилъ ихъ подавляющей артиллеріей. Небольшая побѣда, одержанная правымъ флангомъ у Виль-Эвраръ, не была поддержана. Солдаты вернулись, упавшіе духомъ. Нѣкоторые кричали: „Да здравствуетъ миръ!“ Всякое новое выступленіе показывало негодность плана Трошю, ослабляло войска, но не подрывало мужества сражавшихся національныхъ гвардейцевъ. Послѣдніе на Авронской возвышенности, почти безъ прикрытія, въ теченіе двухъ дней держались подъ огнемъ шестидесяти орудій. Послѣ того какъ многіе уже были убиты, Трошю вдругъ открылъ, что позиція не имѣетъ значенія и велѣлъ отступить.

Эти неудачи начинали раздражать довѣрчивыхъ парижанъ. Голодъ съ часу на часъ усиливался. Конина становилась лакомствомъ. Поѣдали собакъ, кошекъ и крысъ. Женщины на 17-ти градусномъ морозѣ или въ грязи оттепели цѣлыми часами дожидались ничтожнаго пайка. Вмѣсто хлѣба они получали какія-то черныя лепешки, которыя выворачивали всѣ внутренности. Грудныя дѣти умирали у пустыхъ грудей. Дрова были на вѣсъ золота. Замерзавшимъ бѣднякамъ предоставлялось согрѣваться телеграммами Гамбетты, извѣщавшими объ его успѣхахъ въ провинціи. Въ концѣ декабря люди со впавшими отъ голода глазами заволновались. Неужели же погибнуть, не сражаясь?

Мэры продолжали бездѣйствовать, они ограничивались ролью статистовъ, воздерживаясь отъ нескромныхъ вопросовъ, избѣгая составленія протоколовъ, чтобы ничѣмъ не походить на истинный муниципалитетъ [1]). Жюль Фавръ устраивалъ у себя для нихъ еженедѣльные пріемы, на которыхъ дружески болтали объ устройствѣ продовольствія. Лишь одинъ исполнилъ свой долгъ — Делеклюзъ. Своими статьями въ „*Пробужденіи*“, неумолимыми по отношенію къ оборонѣ, онъ пріобрѣлъ большую силу. 30-го декабря онъ сдѣлалъ запросы Жюлю Фавру, заявилъ мэрамъ и ихъ помощникамъ, что

---

[1]) Анкета о 4-мъ сентября. Ж. Ферри.

они отвѣтственны передъ народомъ, потребовалъ, чтобы совѣтъ мэровъ былъ привлеченъ къ участію въ оборонѣ. Большинство изъ его коллегъ, особенно Дюбайль и Вашеро, протестовали противъ этого. Тѣмъ не менѣе, 4-го января онъ пришелъ въ думу и внесъ слѣдующее предложеніе: отставка Трошю и Клемана Тома; мобилизація національной гвардіи, учрежденіе совѣта обороны; возстановленіе военныхъ совѣтовъ. Но и на этотъ разъ его не послушали.

Комитетъ двадцати округовъ поддержалъ Делеклюза, выпустивъ 6-го воззваніе на красной бумагѣ, составленное Тридономъ и Жюлемъ Валлесомъ: „Исполнило ли свой долгъ правительство, взявшее на себя дѣло національной обороны? Нѣтъ... Своей медлительностью, своей нерѣшительностью, своимъ бездѣйствіемъ... люди, которые нами управляютъ, привели насъ на край гибели... Они не сумѣли ни управлять, ни сражаться... Люди умираютъ отъ холода, и чуть ли не отъ голода... Безцѣльныя вылазки, безплодныя кровопролитныя битвы, повторныя неудачи... Правительство себя показало, оно насъ губитъ... Продолженіе этого порядка вещей—это капитуляція... „Политикѣ, стратегіи, администраціи правительства 4-го сентября, составляющимъ продолженіе имперскихъ порядковъ, вынесенъ приговоръ. „Мѣсто народу! Мѣсто коммунѣ!“ Неспособный дѣйствовать, комитетъ все же высказалъ вѣрную мысль, и до конца осады онъ оставался проницательнымъ критикомъ происходящихъ въ Парижѣ событій.

Толпа, которой нужны были извѣстныя имена, не обратила вниманія на это воззваніе. Нѣкоторыхъ изъ подписавшихся арестовали. Тѣмъ не менѣе Трошю почувствовалъ себя задѣтымъ и вечеромъ расклеилъ по всему Парижу заявленіе: „Глава парижскаго правительства не сдастся“.

Парижъ снова встрѣтилъ это апплодисментами—четыре мѣсяца спустя послѣ 4-го сентября—и очень удивлялся, что, несмотря на это заявленіе Трошю, Делеклюзъ и его помощники вышли въ отставку.

Между тѣмъ, нужно было быть слѣпымъ, чтобы не видѣть, въ какую опасную яму оборона толкаетъ Парижъ. Пруссаки бомбардировали дома поверхъ фортовъ Исси и Ванвъ; нѣсколько человѣкъ уже было убито ихъ гранатами. 30-го декабря Трошю, ссылаясь на мнѣніе всѣхъ генераловъ, объявилъ, что никакое новое высту-

пленіе невозможно, и попросилъ, чтобы на его мѣсто назначили другого; 2-го, 3-го и 4-го января 71-го года члены обороны обсуждали вопросъ объ избраніи національнаго собранія, которое пережило бы катастрофу. Если бы не негодованіе патріотовъ, Парижъ сдался бы раньше 15-го.

Предмѣстья въ послѣднее время называли членовъ обороны не иначе, какъ шайкой Іуды. Далай-ламы демократіи, которые 31-го октября держались въ сторонѣ, теперь стали сторонниками коммуны. Республиканская Лига, въ которой древній Ледрю-Ролленъ священодѣйствовалъ передъ полдюжиной льстецовъ, республиканскій союзъ и другія буржуазныя организаціи начали энергично требовать парижскаго собранія, которое организовало бы оборону. Правительство почувствовало себя очень стѣсненнымъ. Если мелкая и средняя буржуазія соединится съ народомъ, то капитуляція неминуемо вызоветъ серьезное возстаніе. Этотъ народъ, который подъ взрывы гранатъ кричалъ „ура“, не допуститъ, чтобы съ нимъ поступили, какъ со стадомъ барановъ. Нужно было предварительно убить его силы, излѣчить его отъ „высокомѣрія“,—по выраженію Жюля Ферри,—выгнать изъ него лихорадку. „Національная гвардія удовлетворится не ранѣе, чѣмъ будетъ убито десять тысячъ національныхъ гвардейцевъ“,—говорили въ думѣ. Подъ давленіемъ Жюля Фавра и Пикара, съ одной стороны, и простофиль Эммануила Араго, Гарнье-Пажеса и Пельтана—съ другой, смягчившійся Трошю согласился дать еще одно представленіе.

Одновременно съ приготовленіями къ этой комедіи дѣлались приготовленія къ капитуляціи. Въ ночь съ 18-го января на 19-ое члены обороны приходятъ къ убѣжденію, что новая неудача приведетъ къ катастрофѣ; Трошю хочетъ привлечь мэровъ къ обсужденію вопросовъ о капитуляціи и продовольствіи; Жюль Симонъ, Гарнье-Пажесъ согласны отдать Парижъ, дѣлаютъ оговорки лишь для Франціи, Гарнье-Пажесъ предлагаетъ выбрать особыхъ уполномоченныхъ для веденія переговоровъ о капитуляціи. Вотъ чѣмъ они заняты въ ночь наканунѣ сраженія [1]).

18-го барабанный бой и звуки трубы подымаютъ на ноги весь

---

[1]) См. протоколы обороны, собранные Дрео, зятемъ Гарнье-Пажеса.

Парижъ и привлекаютъ вниманіе пруссаковъ. Для этой послѣдней попытки Трошю собралъ лишь 84.000 человѣкъ, изъ нихъ 19 полковъ національной гвардіи; ночь, дождливую и холодную, они, по его распоряженію, проводятъ въ грязныхъ и сырыхъ поляхъ Монъ-Валерьяна.

Наши войска напали на отряды, прикрывавшіе Версаль со стороны Бержери. 19-го, въ 10 часовъ утра, національная гвардія и мобили, которые составляли большинство лѣваго фланга и центра, словно испытанные солдаты,—Трошю призналъ это въ версальскомъ собраніи,—взяли редутъ Монтрету, Бюзенвальскій паркъ и часть Сенъ-Клу, продвинулись до Гаршъ, однимъ словомъ—заняли всѣ намѣченныя позиціи. Генералъ Дюкро, командовавшій лѣвымъ флангомъ, опоздалъ на два часа и не подвигался впередъ, несмотря на то, что его отряды состояли преимущественно изъ линейныхъ войскъ.

Мы овладѣли доминирующими высотами. Но генералы не укрѣпили ихъ. Пруссаки съ легкостью могли смести нашихъ солдатъ съ этихъ высотъ. Въ четыре часа нѣсколько прусскихъ колоннъ двинулись на приступъ. Наши ряды сначала дрогнули, но потомъ воспрянули и остановили ихъ движеніе. Къ шести часамъ огонь непріятеля сталъ затихать, Трошю далъ приказъ объ отступленіи. Между тѣмъ между фортомъ Монъ-Валерьянъ и Бюзанвалемъ было сорокъ тысячъ нетронутаго резерва. Изъ ста пятидесяти орудій лишь тридцать были пущены въ ходъ. Генералы, которые едва удостоивали входить въ сношенія съ національной гвардіей, заявили, что она не выдержитъ второй ночи, и, по приказанію Трошю, Монтрету и всѣ взятыя позиціи были очищены. Возвращавшіеся батальоны кричали отъ ярости. Всѣ поняли, что ихъ посылали лишь для того, чтобы ихъ погубить [1]).

Парижъ, увѣренный въ побѣдѣ, проснулся при звукѣ салюта Трошю. Генералъ объявлялъ, что ему необходимо двухдневное перемиріе, чтобы перенести раненыхъ и похоронить убитыхъ, и еще необходимо „время, повозки и много носильщиковъ“. Убитыхъ и раненыхъ вмѣстѣ было не больше трехъ тысячъ человѣкъ.

---

[1]) „Что жъ, мы уложимъ часть національной гвардіи, разъ она этого такъ хочетъ“,—сказалъ одинъ полковникъ инфантеріи, который былъ ужасно недоволенъ этой исторіей. Анкета о 4-мъ сентября. Полковникъ Шапе.

На этотъ разъ Парижъ, наконецъ, прозрѣлъ. Люди обороны, не находя нужнымъ дольше скрывать положеніе дѣлъ, собрали мэровъ и заявили имъ, что дальнѣйшее сопротивленіе невозможно. Чтобы ихъ утѣшить, Трошю прибавилъ: „еще 4-го сентября, вечеромъ, я сказалъ, что браться выдержать прусскую осаду—безуміе“ [1]). Зловѣщая новость вскорѣ облетѣла весь городъ.

Въ теченіе четырехмѣсячной осады парижане заранѣе приготовились ко всему—къ голоду, болѣзнямъ, штурму—ко всему, кромѣ капитуляціи. Въ этомъ вопросѣ они, несмотря на свое легковѣріе, несмотря на свою слабость, 20-го января 71-го года были тѣ же, что и въ сентябрѣ 70-го года. Когда это слово было произнесено, то первымъ движеніемъ былъ ужасъ, какъ передъ чудовищнымъ, противоестественнымъ преступленіемъ. Раны ихъ раскрылись, крича о мести. Холодъ, голодъ, бомбардировка, долгія ночи, проведенныя въ траншеяхъ, тысячи угасшихъ младенцевъ, людская кровь, пролитая во время выступленій, все это для того, чтобы такъ постыдно кончить, чтобы послѣдовать примѣру Базена, раздѣлить судьбу Меца. Многимъ слышались насмѣшки пруссаковъ. Нѣкоторые доходили до бѣшенства. Даже тѣ самые, которые желали сдачи, перемѣнили фронтъ. Испуганное стадо мэровъ встало на дыбы. 21-го, вечеромъ, Трошю еще принялъ ихъ, сказалъ имъ, что совѣщаніе всѣхъ генераловъ и даже офицеровъ низшаго ранга утромъ пришло къ заключенію, что новая вылазка невозможна. Онъ принялъ ихъ стоя, прислонившись къ камину, и, сопровождая свою аргументацію изящной жестикуляціей, математически доказалъ необходимость вступить въ переговоры съ непріятелемъ; онъ заявилъ, что не желаетъ въ это вмѣшиваться, и своимъ неподражаемымъ краснорѣчіемъ убѣдилъ мэровъ капитулировать за него. Они поморщились и осмѣлились протестовать, воображая, будто они не виноваты во всемъ происшедшемъ.

Послѣ ихъ ухода, члены обороны приступили къ совѣщанію. Жюль Фавръ потребовалъ отъ Трошю, чтобы онъ подалъ въ отставку. Но „апостолъ“ предпочиталъ, чтобы его отрѣшили отъ должности, желая фигурировать на страницахъ исторіи въ роли героя, до конца отвергавшаго капитуляцію: „отступить изъ-за голода—это

---

[1]) Анкета о 4-мъ сентября. Корбонъ.

значитъ умереть, не капитулировать“, [1])—изрекъ онъ. Они нѣсколько взволновались, когда въ три часа утра имъ сообщили, что тюрьма Мазасъ взята народомъ; Флурансъ и нѣсколько другихъ политическихъ заключенныхъ освобождены отрядомъ національной гвардіи. Члены обороны, чуя возможность другого 31-го октября, поспѣшили принять нѣкоторыя рѣшенія, назначили Винуа на мѣсто Трошю. Этотъ бонапартистъ еще заставилъ себя просить. Жюль Фавръ и военный министръ Ле-Фло стали говорить ему, что народъ уже подымается, что возстаніе неминуемо, что префектъ полиціи подалъ въ отставку. Герои 4-го сентября должны были умолять героевъ переворота 2-го декабря 51-го года. Винуа удостоилъ согласиться. Какъ истый бонапартистъ, онъ началъ съ того, что сталъ вооружаться противъ Парижа, открылъ границы города нападеніямъ пруссаковъ, отозвалъ войска изъ Сюренъ, Жантильи, Лила, поднялъ на ноги кавалерію и жандармерію. Одинъ батальонъ финистерскихъ мобилей, подъ предводительствомъ полковника національной гвардіи, крутого реакціонера Вабра, засѣлъ въ ратушѣ. Клеманъ Тома въ яростномъ воззваніи: „Бунтовщики соединяются съ непріятелемъ...“ сталъ заклинать національную гвардію, чтобы она поднялась вся противъ нихъ. Онъ не поднялъ ея всю противъ пруссаковъ.

Въ воздухѣ чувствовалось напряженіе, не предвѣщающее, однако, серьезныхъ событій. Многіе революціонеры, въ томъ числѣ и Бланки, сознавая, что все кончено, не желали новой вспышки движенія. Они боялись, что побѣда его спасетъ людей обороны и что оно займетъ ихъ мѣсто лишь для того, чтобы капитулировать. Другіе же, у которыхъ патріотизмъ бралъ верхъ надъ разсудкомъ, не остывшіе еще послѣ Бюзанвальской битвы, вѣрили въ массовое выступленіе противъ непріятеля, и говорили: „намъ нужно спасти нашу честь.“ Наканунѣ въ нѣсколькихъ собраніяхъ рѣшено было съ оружіемъ въ рукахъ противиться капитуляціи, и мѣстомъ сбора назначена была площадь передъ думой.

Въ полдень барабаны бьютъ сборъ въ Батиньолѣ. Въ половинѣ второго на площади передъ думой появляются нѣсколько вооруженныхъ группъ. Собирается толпа. Помощникъ мэра, Шодей,—съ 31-го

---

[1]) Жюль Симонъ. Воспоминанія о 4-мъ сентября.

октября правительство засѣдаетъ въ Лувръ,—принимаетъ депутацію. Ораторъ излагаетъ бѣдствія Парижа, требуетъ провозглашенія коммуны. Шодей отвѣчаетъ, что онъ находитъ идею коммуны неправильной, что онъ всегда съ ней боролся и будетъ энергично бороться и впредь. Онъ былъ человѣкъ страстный и ужасный спорщикъ. Появляется другая депутація, еще болѣе настойчивая. Шодей сердится, начинаетъ ругаться. Возбужденіе растетъ; 101-й батальонъ, прибывшій съ лѣваго берега, кричитъ: „Смерть измѣнникамъ!“ 207-й изъ Батиньоль, обошедшій всѣ бульвары, выходитъ на площадь черезъ улицу Тампль и выстраивается передъ думой, выходы которой заперты.

Раздаются выстрѣлы; окна думы застилаются дымомъ. Спрятанные за фонарными столбами и кучами песку, нѣсколько національныхъ гвардейцевъ поддерживаютъ огонь мобилей. Другіе стрѣляютъ въ дома авеню Викторіа. Перестрѣлка продолжается уже съ полчаса, когда на углу улицы появляются жандармы. За ними Винуа. Мятежники отступаютъ. Человѣкъ двѣнадцать арестовываютъ и отводятъ въ думу, гдѣ Винуа предлагаетъ разстрѣлять ихъ. Жюль Ферри оставляетъ ихъ для военнаго суда. Манифестанты, безобидная толпа, потеряли тридцать убитыми и ранеными, въ думѣ же былъ всего одинъ убитъ и ранено двое.

Правительство закрыло клубы и издало массу приказовъ объ арестѣ. Арестовано было восемьдесятъ три человѣка, изъ нихъ, по свидѣтельству Сумена, большинство совершенно непричастныхъ. Этимъ случаемъ воспользовались, чтобы заточить Делеклюза, несмотря на его шестьдесятъ пять лѣтъ и тяжелый бронхитъ, которымъ онъ страдалъ. Его заключили въ сырую башню Венсенской тюрьмы, гдѣ уже сидѣли арестованные 31-го октября. „*Пробужденіе*“ и „*Битва*“ были конфискованы.

Въ негодующей прокламаціи возставшіе объявлялись „союзниками непріятеля“—единственное орудіе героевъ 4-го сентября въ постыдные критическіе моменты. Только этимъ они походили на якобинцевъ. Кто услужилъ непріятелю—правительство, постоянно готовое заключить миръ, или парижане, яростно желавшіе сопротивленія? Исторія показала, что въ Мецѣ громадная армія, обученная, состоявшая изъ старыхъ солдатъ, сдалась, и ни одинъ генералъ, ни одинъ

корпусный командиръ не попытался спасти ее изъ рукъ Базена, тогда какъ парижане безъ вождей, безъ организаціи, съ двумя стами сорока тысячами солдатъ и мобилей, склонныхъ къ миру, на три мѣсяца отдалили капитуляцію и отомстили за нее своей кровью.

Это благородное негодованіе измѣнниковъ всѣхъ возмутило. Ни одинъ изъ бывшихъ батальоновъ Трошю не поднялся на призывъ Клемана Тома. Правительство защищали, пока въ него вѣрили; теперь же для всѣхъ было ясно, что оно виновно въ капитуляціи. Въ день стычки оно выкинуло свою послѣднюю іезуитскую хитрость. Жюль Симонъ собралъ мэровъ и дюжину высшихъ офицеровъ и предложилъ высшее военное командованіе тому, кто придумаетъ какой-нибудь планъ. Они получили Парижъ полнымъ жизни, а теперь, выпустивъ изъ него кровь, передавали его другимъ. Ни одинъ изъ присутствующихъ не указалъ на эту иронію. Они ограничились тѣмъ, что отказались отъ такого безнадежнаго наслѣдства. Но Жюль Симонъ только этого и ждалъ. Кто-то сказалъ: „Нужно капитулировать“—то былъ генералъ Леконтъ. Мэры, наконецъ, поняли, для чего ихъ созвали, и нѣкоторые прослезились.

Начиная съ этого времени, Парижъ жилъ, какъ больной, въ ожиданіи ампутаціи. Форты попрежнему гремѣли, попрежнему привозили убитыхъ и раненыхъ, но всѣ знали, что Жюль Фавръ въ Версалѣ. 27-го, въ полночь, орудія замолкли. Бисмаркъ и Жюль Фавръ пришли къ „почетному“ соглашенію. Парижъ былъ отданъ.

На слѣдующій день правительство обороны обнародовало основныя условія соглашенія: перемиріе на пятнадцать дней, немедленный созывъ національнаго собранія, оккупація фортовъ, обезоруженіе всѣхъ солдатъ и мобилей, за исключеніемъ одной дивизіи. Городъ какъ бы застылъ въ мрачномъ унынiи. Долгіе дни волненій ослабили злобу. Лишь отдѣльныя вспышки были въ этотъ день. Одинъ батальонъ національной гвардіи явился на площадь передъ думой съ криками: „Долой измѣнниковъ!“ Вечеромъ четыреста офицеровъ составили союзъ сопротивленія, выбрали вождемъ командира 107-го батальона, Брюнеля, бывшаго офицера, во времена имперіи исключеннаго изъ арміи за свои республиканскія убѣжденія, и рѣшили двинуться на восточные форты; здѣсь командовалъ Сэссе, котораго газеты провозгласили вторымъ Бореперомъ. Въ полночь ударили въ

набатъ, созывая X, XIII и XX округа. Но ночь была холодная, и національная гвардія слишкомъ истощена для такого отчаяннаго предпріятія. Лишь два или три батальона пришли на условленное мѣсто. Два дня спустя Брюнель былъ арестованъ.

29-го января 71-го года на фортахъ былъ водруженъ нѣмецкій флагъ. Договоръ былъ подписанъ наканунѣ. Четыреста тысячъ человѣкъ, вооруженныхъ ружьями и пушками, капитулировали передъ двумя стами тысячъ. Форты, ограда были разоружены. Вся армія, двѣсти сорокъ тысячъ солдатъ, моряковъ и мобилей стали военноплѣнными. Парижъ долженъ былъ заплатить въ теченіе пятнадцати дней двѣсти милліоновъ. Правительство гордилось тѣмъ, что національной гвардіи было оставлено ея оружіе, но всѣ прекрасно знали, что отнять оружіе у національной гвардіи можно было, лишь разрушивъ предварительно Парижъ. Но не удовлетворенное тѣмъ, что оно предало Парижъ, правительство національной обороны предало всю Францію; перемиріе распространялось на всѣ провинціальныя арміи, за исключеніемъ арміи Бурбаки, почти окруженной нѣмцами—единственной, которая могла бы извлечь изъ него пользу. Когда въ Парижъ проникли свѣжія вѣсти изъ провинціи, стало извѣстно, что Бурбаки, преслѣдуемый пруссаками, послѣ жалкой попытки самоубійства, перебросилъ свою армію въ Швейцарію.

Осадная лихорадка смѣнилась выборной... 8-ое февраля должно было обогатить Францію новымъ національнымъ собраніемъ, и Парижъ сталъ готовиться къ этому. Изъ членовъ обороны только одинъ Гамбетта, до конца вѣрившій въ родину, былъ внесенъ въ большинство списковъ; симпатіи къ нему еще возросли, когда стало извѣстно его воззваніе, клеймящее позорный миръ, и множество его рѣшительныхъ декретовъ.

Нѣсколько газетъ выставили Жюля Фавра и Пикара, которые ухитрились выдать себя за непримиримыхъ противниковъ правительственной политики; никто не рѣшился предложить Трошю, Жюля Симона, Жюля Ферри. Передовая партія обнародовала множество списковъ; эти списки показали причину ея безсилія во время осады. Люди 48-го года отказались принять Бланки, но для декораціи включили нѣсколько членовъ Интернаціонала, и свой списокъ, пестрѣвшій неоякобинцами и соціалистами, они назвали спискомъ четырехъ

комитетовъ. Клубы и рабочія группы составили очень рѣшительные списки, въ одномъ изъ нихъ фигурировалъ нѣмецкій соціалистъ Либкнехтъ. Наиболѣе выдержанный списокъ былъ предложенъ клубомъ на Кордери.

Интернаціоналъ и федеративный совѣтъ рабочихъ союзовъ, молчавшіе во время осады, вновь выступили со своимъ девизомъ: „Необходимо, чтобы среди людей, стоящихъ у власти, были рабочіе“. Они соединились съ комитетомъ двадцати округовъ, и эти три организаціи выпустили одинъ и тотъ же манифестъ: „Вотъ списокъ кандидатовъ, выставленныхъ партіей обездоленныхъ во имя новаго міра... Франція перестраивается заново; рабочіе имѣютъ право найти и занять свое мѣсто въ новомъ строѣ. Девизъ нашихъ соціалистическихъ и революціонныхъ кандидатовъ таковъ: запрещеніе кому бы то ни было перерѣшать вопросъ о республикѣ; отстаиваніе необходимости участія рабочихъ въ правительствѣ, уничтоженіе правительственной олигархіи и феодализма въ промышленности“. За исключеніемъ нѣсколькихъ именъ, знакомыхъ публикѣ, каковы Бланки, Ганбонъ, Гарибальди, Феликсъ Піа, Ранвье, Тридонъ, Малонъ, Ле-Франсэ, Валлесъ, Толенъ, эти соціалистическіе кандидаты были извѣстны лишь среди простого народа: служащихъ, механиковъ, сапожниковъ, слесарей, портныхъ, плотниковъ, поваровъ, столяровъ, токарей. Плакаты ихъ были рѣдки. Газетъ, которыя могли бы конкурировать съ трубными звуками буржуазной прессы, у соціалистовъ почти не было. Ихъ пора придетъ черезъ нѣсколько недѣль, когда въ коммуну уже будутъ выбраны двѣ трети ея состава. Теперь же изъ соціалистическихъ кандидатовъ могли пройти лишь тѣ, которыхъ поддержали буржуазныя газеты—всего на всего пять: Гарибальди, Ганбонъ, Феликсъ Піа, Толенъ, Малонъ.

Списокъ, выбранныхъ 8-го февраля, представлялъ смѣсь всѣхъ республиканскихъ оттѣнковъ и всѣхъ политическихъ фантазій. Луи Бланъ, державшій себя во время осады тихо-смирно и выставленный всѣми комитетами, кромѣ „Кордери“, открывалъ рядъ съ 216.000 голосовъ, за нимъ слѣдовали Викторъ Гюго, Гамбетта, Гарибальди. Делеклюзъ, который, казалось бы, долженъ былъ стоять на первомъ мѣстѣ, былъ выбранъ всего 154.000 голосами. Дальше шла смѣсь якобинскаго хлама, радикаловъ, офицеровъ, мэровъ, журналистовъ,

чудаковъ. Одинъ былъ выбранъ за то, что изобрѣлъ канонерскую лодку, другой за то, что онъ мистикъ. Изъ членовъ бывшаго правительства пробрался лишь одинъ—Жюль Фавръ, котораго незадолго передъ тѣмъ Мильеръ съ документами въ рукахъ изобличилъ въ подлогѣ, двоеженствѣ и казнокрадствѣ. Правда, Мильеръ тоже былъ выбранъ. По жестокой несправедливости неустанный часовой, проявившій во время осады столько проницательности—Бланки собралъ всего 52.000 голосовъ, между тѣмъ какъ Феликсъ Піа, за свои соловьиныя пѣсни въ „*Битвѣ*“, получилъ 145.000.

Результатъ этихъ выборовъ, хотя пестрый, нестройный, все же свидѣтельствовалъ о республиканскомъ настроеніи. Парижъ, задавленный имперіей и либералами, уцѣпился за мысль о республикѣ, въ надеждѣ, что она откроетъ ему новое будущее. Но вдругъ, еще до обнародованія результатовъ его голосованія, изъ урнъ провинціи до него доносится дикій крикъ реакціи. Еще ни одинъ изъ выборныхъ не выѣхалъ изъ Парижа, а уже видно, какъ въ Бордо направляется цѣлый полкъ жителей деревни, Пурсоньяковъ, угрюмыхъ клерикаловъ, мертвецовъ 1815, 1830 и 1849 годовъ; надутые, взбѣшенные, они приходятъ, чтобы именемъ всенароднаго голосованія завладѣть Франціей. Откуда это зловѣщее зрѣлище? Какъ удалось этой подземной растительности выбраться на поверхность земли и расцвѣсть такимъ пышнымъ цвѣтомъ?

Для того, чтобы Франція допустила эту грандіозную реакціонную махинацію, нужно было, чтобы предварительно Парижъ и провинція были обезсилены, чтобы прусскій Шейлокъ высосалъ наши милліарды и вырвалъ два куска изъ нашего тѣла, чтобы сорокъ два департамента въ теченіе четырехъ лѣтъ были на осадномъ положеніи, чтобы сто тысячъ французовъ были частью изгнаны, частью сметены съ лица земли, чтобы черные тараканы [1]) разъѣзжали по всей Франціи, повсюду устраивая свои процессіи! Республиканцы Парижа и провинціи съ перваго до послѣдняго часа неустанно указывали на этихъ людей властямъ, но власти сами были измѣнническими или безсильными.

Въ провинціи и поле сраженія и тактика были иныя. Работа велась не самимъ правительствомъ, а внѣ его. Весь сентябрь мѣсяцъ

---

[1]) Т. е. іезуиты. *Прим. пер.*

реакціонеры прятались въ своихъ углахъ. Люди изъ думы, увѣренные, что имъ удастся заключить миръ, послали въ провинцію только одного какого-то генерала для административной канцелярщины. Но провинція и къ оборонѣ и къ республикѣ относилась серьезно. Ліонъ даже раньше Парижа понялъ свой долгъ: 4-го сентября утромъ провозгласилъ республику и назначилъ комитетъ общественнаго спасенія. Марсель, Тулуза организовали областныя коммиссіи. Люди обороны, взволнованные этимъ патріотическимъ порывомъ, который мѣшалъ ихъ плану, заявили, что Франція дѣйствуетъ вразбродъ, и, чтобы помочь ея единенію, послали туда двухъ наиболѣе дряхлыхъ изъ своей шайки, Кремье и Гле-Бизуэна, да въ придачу къ нимъ еще бывшаго губернатора Каенны, безжалостно обращавшагося съ изгнанниками 25-года, бонапартистскаго адмирала Фуришона.

Они прибыли въ Туръ 18-го сентября вмѣстѣ съ министерскими канцеляріями,—всѣ они вмѣстѣ составляли, такъ называемую, делегацію. Патріоты поспѣшили явиться. На западѣ и на югѣ они организовали союзы, лиги, чтобы объединить департаменты противъ врага, восполнить недостатокъ центральнаго распоряженія. Они обступили парижскихъ депутатовъ, требовали директивы, рѣшительныхъ мѣръ, посылки комиссаровъ, обѣщали несомнѣнный успѣхъ. Подагрики отвѣтили имъ: „Мы здѣсь свои люди, будемъ же откровенны. У насъ нѣтъ больше арміи, никакое сопротивленіе невозможно. Мы сопротивляемся лишь для того, чтобы добиться лучшихъ условій“. Авторъ этой книги слышалъ это своими ушами. Негодованье охватило всѣхъ: „Какъ! таковъ вашъ отвѣтъ, когда тысячи французовъ готовы отдать въ ваше распоряженіе свою жизнь и имущество!“

28-го ліонцы возстали. Четыре департамента отдѣляли ихъ отъ врага, который съ минуты на минуту могъ занять ихъ городъ, и, начиная съ 4-го сентября, они требовали оружія. Муниципалитетъ, избранный 16-го на мѣсто комитета общественнаго спасенія, проводилъ все время въ спорахъ съ префектомъ Шальмель-Лакуромъ, чрезвычайно зубастымъ якобинцемъ. Всѣ мѣропріятія совѣта свелись къ тому, что 27-го онъ понизилъ на 50 сантимовъ плату рабочимъ, занятымъ на укрѣпленіяхъ, и назначилъ нѣкого Клюзере генераломъ арміи волонтеровъ, которую нужно было еще создать.

Этотъ господинъ былъ отставнымъ офицеромъ, которому во время

оно Кавеньякъ пожаловалъ орденъ за его доблестное поведеніе въ іюньскіе дни. Такъ какъ военная карьера ему не удалась, то онъ вышелъ въ отставку, сдѣлался корреспондентомъ въ войну изъ-за американской авантюры и сталъ величать себя генераломъ. Непонятый буржуазіей стараго и новаго свѣта, онъ принялся за политику съ другого конца, предложилъ свои услуги ирландскимъ феніямъ, поселился у нихъ, вызвалъ тамъ возстаніе и однажды ночью исчезъ. Когда возникъ Интернаціоналъ, то онъ сдѣлался его ярымъ сторонникомъ. Онъ издалъ много брошюръ, говорилъ сыновьямъ разстрѣлянныхъ имъ въ іюнѣ: „Мы или ничто“, считалъ себя гвоздемъ соціализма. Когда правительство 4-го сентября отказалось довѣрить ему армію, онъ обозвалъ Гамбетту пруссакомъ, добился того, чтобы клубъ на улицѣ Кордери,—куда онъ проникъ благодаря Варлену, котораго онъ долго водилъ за носъ,—отправилъ его делегатомъ въ Ліонъ. Въ Ліонѣ этотъ подозрительный болтунъ убѣдилъ муниципальный совѣтъ, что сумѣетъ организовать армію. Но ничего еще не было сдѣлано, когда республиканскіе комитеты кварталовъ Бротто, Гиллотьеръ, Круа-Руссъ и центральный комитетъ національной гвардіи рѣшились 28-го явиться въ думу съ энергичнымъ планомъ обороны. Рабочіе укрѣпленій, руководимые Сэньи, устроили демонстрацію, собрались на площади Терро и, наэлектризованные рѣчами и общимъ возбужденіемъ, ворвались въ думу. Сэньи предложилъ назначить революціонную коммиссію и, замѣтивъ Клюзере, назначилъ его начальникомъ національной гвардіи. Клюзере, котораго вопросъ о его будущихъ орденахъ очень безпокоилъ, вышелъ на балконъ лишь для того, чтобы изложить свой планъ и предложить всѣмъ сохранять спокойствіе. Такъ какъ комиссія составилась, то онъ не осмѣлился противиться и отправился въ поиски за своими войсками. При выходѣ, мэръ Энонъ и префектъ схватили его за шиворотъ: они проникли въ думу со стороны площади Комеди. Сэньи выбѣжалъ на балконъ и сообщилъ объ этомъ толпѣ, которая снова ринулась въ думу, освободила Клюзере и, въ свою очередь, арестовала мэра и префекта.

Вскорѣ на площадь Терро явились буржуазные батальоны. Вслѣдъ за ними вышли и батальоны кварталовъ Круа-Руссъ и. Гиллотьеръ. Первый выстрѣлъ могъ вызвать ужасное кровопролитіе. Начались переговоры. Коммиссія скрылась; Клюзере удралъ въ Женеву.

Это было лишь первое предупрежденіе. Въ нѣкоторыхъ другихъ городахъ тоже замѣчалось волненіе. Префекты предсѣдательствовали въ лигахъ, собирались для совѣщаній. Къ началу октября каеннскій адмиралъ собралъ всего на всего нѣсколько тысячъ человѣкъ, а изъ Тура не получалось никакихъ указаній.

Шефъ тріумвирата, еврей Кремье, жилъ въ домѣ архіепископа Гибера, папы французскихъ ультрамонтановъ, дававшаго ему столъ и квартиру взамѣнъ разнаго рода услугъ, которыя Кремье долженъ былъ оказывать духовенству. Однажды Кремье чуть не выгнали изъ дома. Гарибальди, ускользнувъ тайкомъ изъ Италіи, разбитый параличомъ, со скрюченными ревматизмомъ руками, явился въ Туръ предложить къ услугамъ республики все, что еще оставалось отъ него—сердце и имя. Гиберу почудилось, что явился дьяволъ, и онъ разсердился на Кремье; послѣдній оказался вынужденнымъ отвести Гарибальди въ префектуру и отправить его какъ можно скорѣе въ провинцію.

Не зная, какъ вывернуться изъ бѣды, делегаты созвали избирателей. Это было ихъ единственное честное намѣреніе. 16-го октября Франція должна выбирать своихъ представителей; вдругъ 9-го въ Туръ пріѣзжаетъ Гамбетта, вызванный Клеманомъ Лорье.

Люди изъ городской ратуши радовались его отъѣзду; они такъ твердо были убѣждены въ полной неосуществимости его плановъ, что „никто изъ правительства, ни генералъ Трошю, ни генералъ Лефло, не сказалъ ни слова о какихъ бы то ни было военныхъ дѣйствіяхъ“ [1]). Но у Гамбетты былъ свой планъ: вѣрить въ жизненныя силы націи. Увидя, что въ провинціи нѣтъ ни солдатъ, ни офицеровъ, ни оружія, ни припасовъ, ни аммуниціи, ни интендантства, ни денегъ,— онъ на моментъ предался отчаянію, но сейчасъ же воспрянулъ духомъ, нашелъ неизсякаемые источники, множество годныхъ въ дѣло людей. Буржъ, Брестъ, Лоріанъ, Рошфоръ, Тулонъ могли служить арсеналами; Лиль, Нантъ, Бордо-Тулуза, Марсель, Ліонъ—прекрасныя мастерскія, моря свободны; во сто разъ больше силъ, чѣмъ въ 1793 г., когда Франція воевала одновременно и съ внѣшнимъ непріятелемъ, и съ Вандеей; центры были охвачены патріотическимъ порывомъ,

---

[1]) Гамбетта. Анкета о 4-мъ сентября.

муниципальные совѣты, генеральные совѣты облагали себя налогами, вотировали займы, въ деревняхъ не было враждебнаго броженія. На прекрасный призывъ Гамбетты Франція отвѣтила такимъ же энтузіазмомъ, какъ Парижъ 14-го сентября. Реакціонеры попрятались; Гамбетта владѣлъ душой народа; все было въ его власти.

Ему удалось даже отложить выборы, какъ этого требовалъ одинъ декретъ правительства. Выборы предвидѣлись республиканскіе, воинственные. Бисмаркъ сказалъ Жюлю Фавру, что онъ не хочетъ, чтобы было созвано собраніе, потому что это собраніе будетъ за войну. Лишній поводъ, чтобы желать созыва собранія. Рядъ энергичныхъ циркуляровъ, нѣкоторыя мѣры противъ интригановъ, точныя распоряженія помогли бы этой пламенной жаждѣ сопротивленія развернуться и сдѣлали бы борьбу побѣдоносной. Собраніе, въ которое входили бы всѣ республиканскія силы, засѣдающее въ многолюдномъ городѣ, могло удесятерить національную энергію, потребовать отъ страны всего—крови и золота. Оно провозгласило бы республику и въ случаѣ пораженія, вынужденное заключить миръ, спасло бы насъ отъ гибели, уберегло бы отъ реакціи. Но инструкціи Гамбетты были точны: „Выборы въ Парижѣ вызвали бы повтореніе іюньскихъ дней,“—прибавлялъ онъ. „Обойдется и безъ Парижа“,—отвѣчали ему. Все было напрасно, даже заклинанія близкихъ друзей его, наименѣе революціонно настроенныхъ, напримѣръ Лорье. Нѣсколько префектовъ не сумѣли повліять на свои округа, и можно было предвидѣть, что выборы въ нихъ дадутъ нежелательные результаты; Гамбетта, которому ихъ нерѣшительность придала смѣлость, взялъ въ свои руки диктаторскую власть.

Его девизомъ было: „Упрочить порядокъ и свободу и поддержать войну“. Никто не нарушалъ порядка, и всѣ патріоты хотѣли воевать. Въ лигахъ были прекрасные элементы, способные составить кадры, и въ каждомъ департаментѣ были испытанныя республиканскія группы, которымъ можно было довѣрить завѣдываніе обороной подъ руководствомъ комиссаровъ. Къ несчастью, этотъ молодой человѣкъ, такой прекрасный агитаторъ, вѣрилъ въ старыя формы. Лиги казались ему сквернымъ новшествомъ; онъ тѣсно соединилъ тѣхъ немногихъ комиссаровъ, которыхъ онъ призналъ, передалъ всю власть префектамъ, представлявшимъ собою, большей частью,

инвалидовъ 48-го года или же его товарищей въ конференціи Моле, основной тенденціей которыхъ было всѣхъ и все щадить; нѣкоторые изъ нихъ заботились лишь о томъ, чтобы пріобрѣсти себѣ кругъ избирателей. Въ нѣсколькихъ префектурахъ сохранили свои мѣста люди, которые участвовали въ составленіи проскрипціонныхъ списковъ 2-го декабря. Кремье, вѣдь, называлъ бонапартистовъ „заблудшими республиканцами“. Въ министерствѣ финансовъ, этой засадѣ реакціонеровъ, въ министерствѣ народнаго просвѣщенія, въ которомъ служили почти сплошь бонапартисты, запрещено было отрѣшать служащихъ отъ должности, почти невозможно было удалить кого бы то ни было. Осуществлялся девизъ паралитиковъ: всѣхъ щадить. За исключеніемъ нѣсколькихъ мировыхъ судей и нѣсколькихъ магистратовъ, отставлены были лишь высшіе политическіе дѣятели.

Даже въ военномъ министерствѣ щадили противниковъ. Канцеляріи, находившіяся долго подъ управленіемъ бонапартиста Ловердо, потихоньку подкапывались подъ делегацію; адмиралъ Фуришонъ не давалъ флота, желѣзнодорожныя компаніи сдѣлались хозяевами транспорта. Дѣло дошло до того, что пришлось умолять представителя Французскаго банка, который далъ лишь то, что ему было угодно. Нѣкоторые департаменты вотировали принудительные займы, которые могли бы быть покрыты. Но Гамбетта отказался утвердить ихъ постановленія; Франція унизилась до того, что сдѣлала военный заемъ въ Лондонѣ.

Оборона въ провинціи хромала на обѣ ноги: бездѣятельный персоналъ и парализующее энергію примиренчество обусловливали застой. Несмотря на это, батальоны формировались одинъ за другимъ. По призыву исполненнаго вѣры Гамбетты, подъ дѣятельнымъ вліяніемъ Фрейсинэ, его техническаго делегата, остатки полковъ соединялись, склады отдавали свои запасы, мобили прибывали; къ концу октября, въ Сальбри, недалеко отъ Вьерзона, уже почти составилась настоящая армія, снабженная хорошимъ оружіемъ, подъ начальствомъ— увы!—генерала д'Орель-де-Паладина, эксъ-сенатора и ханжи.

Къ концу октября провинція могла бы побѣдить, если бы въ Парижѣ ничего не было потеряно. Для обложенія Парижа нѣмцы употребили всѣ свои войска, за исключеніемъ трехъ дивизій—тридцать тысячъ инфантеріи и большую часть кавалеріи. У нихъ не оста-

валось никакого резерва. Эти три дивизіи, стоявшія въ Орлеанѣ и Шатоденѣ, были иммобилизованы нашей арміей на Луарѣ. На западѣ, сѣверѣ и востокѣ кавалерія—1-й и 2-й баварскіе полки и 22-й прусскій—была раскинута по большой территоріи и потому не могла устоять противъ инфантеріи. Въ концѣ октября линія нѣмецкихъ войскъ, окружавшая Парижъ, очень хорошо укрѣпленная со стороны города, со стороны провинціи была плохо защищена. Пятьдесятъ тысячъ человѣкъ, даже неопытнаго войска, какіе были въ распоряженіи д'Ореля-де-Паладина, могли бы прорвать блокаду.

Освобожденіе Парижа отъ блокады, хотя бы на короткое время, могло вызвать вмѣшательство Европы, а въ результатѣ привести къ почетному миру; моральный эффектъ былъ бы громадный. Парижъ могъ бы быть снабженъ продовольствіемъ по южнымъ и восточнымъ желѣзнымъ дорогамъ, было бы выиграно время для организаціи армій въ провинціи.

Наша Луарская армія—15-ый корпусъ, стоявшій въ Сальбри, и 16-ый въ Блуа—насчитывала 70.000 человѣкъ. 26-го октября д'Орель-де-Паладинъ получаетъ приказъ отнять у баварцевъ Орлеанъ, 28-го онъ уже въ Блуа съ 40.000 человѣкъ. Въ 9 часовъ вечера командующій нѣмецкими войсками посылаетъ сказать ему, что Мецъ капитулировалъ. Бывшій на мѣстѣ, проѣздомъ въ Парижъ, Тьеръ совѣтуетъ ему подождать. Д'Орель тотчасъ же телеграфируетъ въ Туръ, что онъ откладываетъ наступленіе.

Всякій, сколько-нибудь талантливый генералъ, наоборотъ, постарался бы какъ можно скорѣе привести свой планъ въ исполненіе. Такъ какъ нѣмецкая армія, осаждавшая Мецъ, освобождалась и могла обрушиться на центръ Франціи, то нужно было употребить всѣ силы, чтобы опередить ее, и всякая минута была дорога. Это былъ критическій моментъ войны.

Турская делегація, вмѣсто того, чтобы смѣстить д'Ореля, ограничилась тѣмъ, что дала ему приказъ сконцентрировать свои силы. Эта концентрація была закончена къ 3-му ноября, и д'Орелль имѣлъ теперь 70.000 человѣкъ, расположенныхъ отъ Мера до Маршенуара. События благопріятствовали ему. Въ этотъ день прусская кавалерія—одна бригада—была вынуждена оставить Мантъ и отступить, устрашенная сильными отрядами вольныхъ стрѣлковъ; кромѣ того, были

обнаружены значительныя французскія силы всѣхъ родовъ оружія, шедшія изъ Курвиля по направленію къ Шартру. Если бы Луарская армія перешла въ наступленіе 4-го, продвинулась бы между баварцами, стоявшими въ Орлеанѣ, и 22-й прусской дивизіей въ Шатоденѣ, и, пользуясь своимъ значительнымъ численнымъ перевѣсомъ, разбила бы одну нѣмецкую армію за другой,—дорога въ Парижъ была бы свободна, и Парижъ, почти навѣрное, былъ бы освобожденъ.

Мольтке прекрасно понималъ опасность такого положенія вещей. Онъ рѣшилъ, въ случаѣ нужды, поступить, какъ Бонапартъ передъ Мантуей: снять блокаду, пожертвовать подготовившимся въ Виль-Кублэ осаднымъ паркомъ, сконцентрировать свою армію для дѣйствій въ открытомъ полѣ и возстановить блокаду лишь послѣ побѣды, т. е. послѣ прихода арміи изъ Меца. Обозъ Версальской главной квартиры былъ уже уложенъ; оставалось, по словамъ очевидца, швейцарскаго полковника фонъ-Эрлаха, лишь „впрячь лошадей“.

Д'Орель не двигается. Делегація, столь же бездѣятельная, какъ и онъ, ограничивается обмѣномъ писемъ съ министромъ: „Господинъ министръ,—пишетъ Фрейсинэ 4-го ноября,—уже нѣсколько дней, какъ армія и я самъ не знаемъ, желаетъ ли правительство мира или войны..... Въ моментъ, когда мы приготовились выполнить дѣло, подготовленное съ такимъ трудомъ, доходящіе до насъ слухи о перемиріи смущаютъ нашихъ генераловъ; я самъ не знаю, не подвергнусь ли завтра осужденію, если сегодня приложу старанія, чтобы поднять духъ войскъ и двинуть ихъ впередъ“. Гамбетта отвѣчаетъ: „Господинъ делегатъ, какъ и Вы, я сознаю, что нерѣшительная политика правительства вліяетъ развращающимъ образомъ..... Необходимо съ сегодняшняго дня прекратить наше наступленіе“. 7-го д'Орель все на томъ же мѣстѣ; 8-го онъ рѣшаетъ двинутся, проходитъ около 15 километровъ и вечеромъ предлагаетъ пріостановить движеніе. Его силы простираются до ста тысячъ человѣкъ; 9-го онъ рѣшается напасть на баварцевъ, стоящихъ у Кульмье. Баварцы немедленно очищаютъ Орлеанъ и отступаютъ къ Тури. Вмѣсто того, чтобы ихъ преслѣдовать, д'Орель объявляетъ, что будетъ укрѣпляться передъ городомъ. Делегація предоставляетъ ему дѣйствовать, и Гамбетта, прибывшій на главную квартиру, одобряетъ его планъ. Между тѣмъ, двѣ прусскія дивизіи (3-я и 4-я), отправленныя изъ Меца по желѣзной

дорогѣ, уже стояли передъ Парижемъ; это позволило Мольтке отправить 17-ю прусскую дивизію въ Тури, и 12-го она уже была тамъ. Кромѣ того, три корпуса Мецовской арміи усиленнымъ маршемъ направлялись къ Сенѣ. Благодаря бездѣятельности д'Ореля и вялости делегаціи, Луарская армія перестала безпокоить нѣмцевъ.

Необходимо, конечно, было отставить д'Ореля, но единственный удобный случай былъ пропущенъ. Луарская армія, раздѣленная на двѣ части, сражалась подъ предводительствомъ Шанзи, единственно, чтобы поддержать свою честь. Делегація должна была перебраться въ Бордо.

Въ концѣ ноября стало ясно, что дѣло плохо. Префекты, на обязанности которыхъ было организовать мобилей и мобилизованныхъ и поднять деревни, должны были вести постоянную борьбу съ генералами и не могли справиться съ экипировкой. Бѣдные генералы не знали, что дѣлать съ своими людьми безъ военной подготовки, и дѣйствовали,—по словамъ Гамбетты,—„лишь тогда, когда не оставалось другого выхода“.

Бездѣятельность делегаціи поощряла ихъ нерадивость. Гамбетта спрашивалъ нѣкоторыхъ генераловъ, согласятся ли они служить подъ начальствомъ Гарибальди, допускалъ, что они могутъ на это не согласиться, не возбудилъ преслѣдованія противъ одного священника, который съ кафедры обѣщалъ награду за голову генерала, входилъ въ объясненія съ роялистскими офицерами и позволилъ папскимъ зуавамъ водрузить свое особое знамя. Генералу Бурбаки, инвалиду въ полномъ смыслѣ слова, который незадолго до того передалъ императрицѣ письмо отъ Базена, онъ довѣрилъ восточную армію.

Можетъ быть, онъ не пользовался достаточнымъ авторитетомъ? Но его товарищи по делегаціи не осмѣливались даже поднимать глаза, префекты признавали только его одного, генералы въ его присутствіи держали себя какъ школьники. Страна слушалась, доставляла все съ слѣпымъ повиновеніемъ.

Люди шли безъ всякихъ возраженій. Въ деревняхъ не было непокорныхъ, несмотря на то, что вся жандармерія была въ рядахъ войска. Лиги, даже наиболѣе ярыя, покорились при первомъ замѣчаніи. Лишь 31-го октября прорвалось небольшое движеніе. Марсельскіе революціонеры, возмущенные бездѣятельностью муниципаль-

наго совѣта, провозгласили коммуну. Клюзере, который изъ Женевы попросилъ „пруссака“ Гамбетту поручить ему командованіе корпусомъ, явился въ Марсель, заставилъ назначить себя генераломъ, исчезъ снова и вернулся въ Швейцарію, такъ какъ его достоинство не позволяло ему служить въ качествѣ простого солдата. Въ Тулузѣ населеніе прогнало генерала, кровопійцу 48-го года. Въ Сентъ-Этьенѣ въ теченіе часа была коммуна. Но повсюду достаточно было слова, чтобы вернуть власть въ руки делегаціи,—такъ боялись всѣ создать ей малѣйшее затрудненіе.

Но это самоотреченіе было на руку лишь реакціонерамъ. Іезуиты, изгнанные изъ Марселя возмущеннымъ народомъ и благодаря Гамбеттѣ вновь тамъ водворившіеся, могли строить свои козни, духовенство—не давать войскамъ своихъ помѣщеній, бывшіе судьи смѣшанныхъ коммиссій—оскорблять республиканцевъ за то, что они отрѣшили отъ должности одного изъ ихъ почтенныхъ коллегъ (префектъ Верхней Гаронны былъ на одинъ моментъ отрѣшенъ), газеты—печатать воззванія претендентовъ на престолъ. Нѣкоторые муниципальные совѣты, забывъ всякій патріотизмъ, вотировали изъявленіе покорности пруссакамъ,—Гамбетта ограничился выговоромъ по ихъ адресу.

Бонапартисты открыто соединялись. Префектъ изъ Бордо, чрезвычайно умѣренный республиканецъ, попросилъ разрѣшенія арестовать нѣкоторыхъ изъ этихъ коноводовъ, но Гамбетта отвѣтилъ: „Это мѣры, практиковавшіяся при имперіи; имъ не мѣсто при республикѣ“.

Поднялась консервативная Вандея. Монархисты, клерикалы, крупные биржевики, притаившіеся въ своихъ замкахъ, своихъ нетронутыхъ семинаріяхъ, магистратурахъ, генеральныхъ совѣтахъ, которые делегація долго отказывалась распустить,—ждали лишь удобнаго момента. Они принимали нѣкоторое участіе въ военныхъ операціяхъ для того, чтобы все же казаться патріотами. Въ нѣсколько недѣль они раскусили Гамбетту; за пылкимъ ораторомъ они разглядѣли очень нерѣшительнаго человѣка.

У нихъ былъ опредѣленный планъ дѣйствія; руководили ими съ самаго начала іезуиты, стоявшіе во главѣ духовенства, единственные послѣдовательные тактики во Франціи. Ихъ политическимъ вождемъ былъ Тьеръ.

Люди 4-го сентября сдѣлали его, какъ извѣстно, своимъ посланникомъ. Франція, почти не имѣвшая видныхъ дипломатовъ со времени Талейрана, не могла бы найти другого, котораго можно было бы такъ легко водить за носъ, какъ этого маленькаго человѣчка. Онъ поѣхалъ въ Лондонъ, въ Петербургъ, въ Италію, столь имъ ненавидимую, искать для побѣжденной Франціи союзниковъ, которыхъ она не могла найти до пораженія. Его повсюду высмѣяли, и онъ добился лишь свиданія съ Бисмаркомъ, вступилъ съ нимъ въ переговоры относительно перемирія, которое, однако, было отвергнуто 31-го октября. Когда онъ въ началѣ ноября явился въ Туръ, онъ зналъ, что борьба теперь идетъ не на жизнь, а на смерть. Но вмѣсто того, чтобы смѣло взяться за дѣло, чтобы отдать свои знанія и опытъ въ распоряженіе делегаціи, онъ стремился лишь къ одному: похоронить оборону.

Оборона не могла имѣть болѣе опаснаго врага. Этотъ человѣкъ безъ политическихъ принциповъ и перспективы, безъ мужества, могъ выдвинуться только въ средѣ французской буржуазіи. Но онъ былъ всегда тутъ какъ тутъ, когда нуженъ былъ либералъ, который разстрѣливалъ бы народъ, и исторія знаетъ немного такихъ удивительныхъ артистовъ въ парламентскихъ интригахъ, какъ онъ. Никто не умѣлъ съ такой ловкостью нападать на правительство, изолировать его, использовать предразсудки, антипатіи, интересы, прикрывать патріотизмомъ и здравымъ смысломъ свои интриги. Кампанія 1870—71 г. навсегда останется его шедевромъ. Въ своемъ умѣ онъ давно уже отдѣлилъ пруссакамъ ихъ долю и также мало думалъ теперь о нихъ, какъ если бы они перешли обратно Мозель. Его непріятелемъ была оборона. Въ то время, какъ наши бѣдные войска мерзли подъ двадцатиградуснымъ морозомъ, Тьеръ радовался ихъ пораженіямъ. Въ то время, какъ въ Брюсселѣ и Лондонѣ, мамелюки, вѣрные традиціямъ Кобленца, Кассаньяки, Амиги, и другіе старались дискредитировать Францію, прилагали старанія къ тому, чтобы провалить наши займы, въ письмахъ къ плѣннымъ безчестили республику и ратовали за возстановленіе имперіи,—Тьеръ въ Бордо собиралъ всѣ реакціонныя силы провинціи противъ республики и обороны.

Консервативная пресса съ перваго же часа стала чернить деле-

гацію. Послѣ пріѣзда Тьера, она начала противъ нея открытую войну, не переставая поддразнивать, взводить обвиненія, клеветать. Гамбетта—„неистовствующій безумецъ“,—это слова Тьера. Заключеніе: „сопротивленіе—безуміе, неповиновеніе—законно“. Къ концу декабря этотъ лозунгъ проникъ и въ деревни.

Только теперь помѣщики нашли откликъ среди крестьянъ. Послѣ мобилей война должна была потребовать запасныхъ, и земля уже готовилась поглотить ихъ. Въ Германіи было 260.000 французовъ, въ Парижѣ, на Луарѣ, въ восточной арміи свыше 350.000; 30.000 были убиты и тысячи наполняли госпитали. Съ августа мѣсяца Франція выставила 700.000 человѣкъ, по меньшей мѣрѣ. Гдѣ же предѣлъ? Во всѣхъ хижинахъ раздавался вопль: „Это республика хочетъ продолженія войны! Парижъ въ рукахъ сторонниковъ раздѣла!“ Что зналъ тогда французскій крестьянинъ, и многіе ли могли сказать, гдѣ находится Эльзасъ? Крестьянина-то и имѣла въ виду буржуазія, противившаяся введенію обязательнаго обученія. Развѣ не сводились всѣ ея старанія въ послѣдніе восемьдесятъ лѣтъ къ тому, чтобы внуковъ волонтеровъ 92-го года превратить въ кули!

Среди мобилей, слишкомъ часто предводимыхъ завзятыми реакціонерами, замѣчалось броженіе. Нѣкоторые говорили Луарской арміи: „Мы не хотимъ сражаться изъ-за Гамбетты“. Офицеры хвастались тѣмъ, что никогда не подвергали опасности жизнь своихъ людей.

Въ началѣ 1871 года въ провинціи царствовалъ полный разбродъ. Распущенные генеральные совѣты вновь собирались. Делегація слѣдила за продѣлками внутренняго врага, проклинала Тьера, но конечно не рѣшалась арестовать его. Когда революціонеры пытались указать на опасность поднимающейся реакціи, имъ зажимали ротъ. Гамбетта, усталый, упавшій духомъ, съ грустью смотрѣлъ, какъ рушилась оборона. На его настойчивыя заявленія о томъ, что необходимо выступленіе, люди изъ думы отвѣчали напыщенной болтовней. Въ январѣ онъ въ своихъ телеграммахъ доходилъ до ругательствъ. Капитуляція, назначеніе Винуа, сдача восточной арміи, созывъ собранія—были послѣдними ударами. Гамбетта, внѣ себя, хотѣлъ было отмѣнить выборы, но, склоняясь передъ неизбѣжнымъ, ограничился тѣмъ, что лишилъ высшихъ сановниковъ и оффиціальныхъ депутатовъ имперіи права быть избираемыми, распустилъ генераль-

ные совѣты, уволилъ нѣсколькихъ членовъ смѣшанныхъ коммиссій. Бисмаркъ запротестовалъ, люди изъ думы испугались. Жюль Симонъ спѣшно явился въ Бордо. Гамбетта принялъ его стоя и въ присутствіи группы республиканцевъ бросилъ ему въ лицо свое презрѣніе къ людямъ обороны. Огорошенный проклятіями, этотъ іезуитъ поджалъ хвостъ, совершенно потерялся и смогъ только сказать: „Возьмите мою голову!“ — „Какое же употребленіе я могу изъ нея сдѣлать“,—крикнулъ ему Гамбетта,—„брелокъ, что ли!“ Выгнанный изъ префектуры, Жюль Симонъ укрылся у Тьера, созвалъ реакціонныхъ журналистовъ и продиктовалъ имъ коллективный протестъ. Гамбеттѣ на моментъ явилась мысль арестовать его, но видя безвыходность положенія, онъ рѣшилъ устраниться.

Въ день выборовъ, когда загудѣлъ свистокъ, декорація, приготовленная съ такимъ трудомъ, вся сразу появилась на сценѣ; консерваторы выступили цѣлыми полками со списками въ рукахъ. Какъ далекъ былъ октябрь, когда они даже не осмѣливались выставлять своихъ кандидатовъ. Декретъ о неизбираемыхъ былъ страшенъ только для инвалидовъ имперіи. Но коалиція совершенно не нуждалась въ нихъ, она старательно подобрала себѣ персоналъ изъ дворянскихъ выскочекъ, деревенскихъ кулаковъ и хищниковъ промышленности, которые готовы были по первому знаку прибѣгнуть къ самымъ крутымъ мѣрамъ. Духовенство весьма искусно соединило въ своихъ спискахъ легитимистовъ и орлеанистовъ, положивъ тѣмъ самымъ основу для сліянія. Голосованіе дало такіе же результаты, какъ плебисцитъ. Республиканцы пытались говорить о почетномъ мирѣ, но крестьяне требовали мира во что бы то ни стало и ничего другого слушать не хотѣли. Реакціонная волна захватила и города; они выбрали въ лучшемъ случаѣ либераловъ. Въ результатѣ, въ морѣ реакціи виднѣлись лишь отдѣльныя свѣтлыя точки. На 750 членовъ въ національномъ собраніи было 450 прирожденныхъ монархистовъ. Вождь сельскаго населенія, король либераловъ, Тьеръ былъ избранъ въ двадцати трехъ департаментахъ.

Эта партія, желавшая мира во что бы то ни стало, перещеголяла Трошю. Онъ погубилъ Парижъ, она—республику.

ГЛАВА I.

Ни глава исполнительной власти, ни національное собраніе, взаимно поддерживая и опираясь другъ на друга, отнюдь не были виновны въ возникновеніи парижскаго возстанія.

Рѣчь г. Дюфора противъ амнистіи (май 1876 г.)

Первые шаги коалиціи противъ Парижа.—Батальоны національной гвардіи соединяются и захватываютъ свои пушки.—Пруссаки вступаютъ въ Парижъ.

Какая досада! И послѣ вторженія врага опять все та же „незамѣнимая“ палата [1]). Мечтать о возрожденной Франціи, могучимъ полетомъ возносящейся къ свѣту, и чувствовать себя отброшеннымъ на полстолѣтія назадъ, подъ власть іезуита, грубаго дворянчика и церкви! Сердца многихъ разрывались. Многіе думали эмигрировать. Были поверхностные люди, говорившіе: „Это палата на часъ, съ однимъ только полномочіемъ рѣшить вопросъ войны или мира“. Но тотъ, кто слѣдилъ за заговоромъ, кто зналъ этихъ преданныхъ ханжей въ лиловыхъ рясахъ, понималъ, что такіе люди не отступятся отъ Франціи, не раздавивъ ея сначала.

---

[1]) Незамѣнимой палатой—chambre introuvable—Наполеонъ III называлъ палату народныхъ представителей, искусственно подтасованную, при помощи административнаго давленія на выборы, и потому отличавшуюся величайшей податливостью и угодливостью. *Прим. пер.*

Когда бѣглецы изъ Парижа, преисполненные патріотизма, съ впалыми, но сіяющими республиканскою вѣрой глазами, появились въ большомъ въ театрѣ Бордо, гдѣ засѣдало собраніе, они были встрѣчены сорокалѣтнею, алчною ненавистью. Видные заправилы захолустныхъ мѣстечекъ, тупоголовые владѣльцы замковъ, безмозглые мушкетеры, клерикальные денди, носители идей 1815 года, обреченные на третьестепенныя роли въ 1849 г., весь провинціальный міръ, внезапно объединился для борьбы противъ Парижа, этого атеиста, революціонера, который далъ три республики и низвергъ столькихъ боговъ. Уже въ первомъ засѣданіи ихъ желчь прорвалась. Вотъ встаетъ старикъ, одиноко сидѣвшій на скамьѣ, въ глубинѣ залы, и проситъ слова. Подъ его широкимъ плащемъ виднѣется красная рубашка. Это Гарибальди. Едва было произнесено его имя, онъ захотѣлъ отвѣтить, сказать сейчасъ же, что онъ слагаетъ съ себя полномочіе, которымъ его почтилъ Парижъ. Ревъ покрываетъ его голосъ. Онъ продолжаетъ стоять, поднимаетъ вверхъ изсохшую руку, отнявшую знамя у пруссаковъ, — брань усиливается. Съ трибунъ несется ропотъ негодованія. „Мужицкое большинство! позоръ Франціи!“—произноситъ звучный голосъ Гастона Кремье изъ Марселя. Депутаты оборачиваются, угрожаютъ. Клики одобренія и вызывающіе возгласы съ трибунъ продолжаются. Покидая засѣданіе, толпа апплодируетъ Гарибальди. Національная гвардія салютуетъ ему, и Тьеръ тщетно угрожаетъ командующему офицеру. На завтра народъ собирается вновь, выстраивается шпалерами передъ театромъ и заставляетъ реакціонныхъ депутатовъ выслушать свои республиканскіе возгласы. Но тѣ, въ сознаніи своей силы, при открытіи засѣданія переходятъ въ нападеніе. Указывая на представителей Парижа, одинъ сельскій депутатъ восклицаетъ: „Они запятнаны кровью гражданской войны!“ Выборный Парижа кричитъ: „Да здравствуетъ республика!“ Деревенскіе отражаютъ: „Вы только одна часть страны“. На слѣдующій день театръ окруженъ войсками, и манифестанты далеко оттѣснены.

Одновременно консервативныя газеты дружно принялись за злобную травлю Парижа, отрицая все, даже его страданія: „Національная гвардія бѣжала передъ пруссаками; единственными подвигами ея были 31-ое октября и 22-ое января; она была единственной виновни-

цей пораженія, разстроивъ своимъ возмущеніемъ прекрасные планы Трошю и Дюкро“. Клеветы эти принесли плоды въ провинціи, давно къ тому подготовленной. Такъ велико было ея невѣдѣніе событій осады, что она избрала, и нѣкоторыхъ неоднократно, такихъ людей, какъ Трошю, Дюкро, Жюль Ферри, Пельтанъ, Гарнье-Пажесъ, Эмануилъ Араго, которымъ Парижъ отказался бросить изъ милости хотя бы одинъ голосъ. Представители Парижа должны были бы разсказать о ходѣ осады, выставить въ истинномъ свѣтѣ отвѣтственныхъ лицъ, объяснить значеніе парижскаго голосованія и противъ клерикально-монархической коалиціи поднять стягъ республиканской Франціи. Они же или молчали, или устраивали ребяческія собранія, съ которыхъ Делеклюзъ ушелъ такимъ же удрученнымъ, какъ и съ собранія мэровъ. Эпимениды 48-го года отвѣчали бумагомараніемъ на лязгъ оружія враговъ, и это были наиболѣе молодые изъ тѣхъ, которые должны были придти.

Эти выборы, эти угрозы, оскорбленіе Гарибальди и народныхъ представителей—все это, ударъ за ударомъ, обрушивалось на объятый лихорадкой Парижъ, недостаточно снабженный провіантомъ, съ плохою доставкою муки (13-го февраля Бельвиль получилъ только 325 мѣшковъ вмѣсто 800).—Такъ вотъ награда за пять мѣсяцевъ страданій и упорства. Эта провинція, къ которой Парижъ взывалъ во все время осады, къ которой онъ простиралъ руки, кричала ему: „Презрѣнный!“ и отъ Бисмарка толкала къ королю. Такъ хорошо же; если понадобится, Парижъ самъ защититъ республику отъ этого мужицкаго собранія! Неизбѣжная опасность, горькій опытъ раздоровъ во время осады, сплотили волю, воротили великому городу его коллективную душу. Національная гвардія стала собираться.

Уже въ концѣ января нѣсколько республиканцевъ и проныръ, стремившихся попасть въ депутаты, пытались организовать національную гвардію, чтобы черезъ нее вліять на ходъ выборовъ. Въ Зимнемъ циркѣ состоялось большое собраніе подъ предсѣдательствомъ Курти, негоціанта изъ 3-го округа. Тутъ былъ составленъ довольно разнохарактерный кандидатскій списокъ, было рѣшено, въ случаѣ двойныхъ выборовъ, собраться вновь для постановленія и избрать бюро, которому поручить періодическій созывъ всѣхъ отрядовъ гвардіи.

Второе собраніе состоялось 15-го февраля въ залѣ Вокзалъ, на улицѣ Таможни. Но кого интересовали тогда выборы? Всѣхъ воодушевляла лишь одна мысль: единеніе всѣхъ силъ Парижа для борьбы съ ликовавшими провинціалами. Національными гвардейцами было поголовно все мужское населеніе Парижа. „Создать федерацію изъ батальоновъ гвардіи“—такова была ясная, простая, чисто французская мысль, которую уже давно лелѣяли всѣ. Она восторжествовала въ собраніи, и было постановлено сгруппировать батальоны вокругъ центральнаго комитета. Комиссіи поручили выработать уставъ. Каждый округъ, представленный въ залѣ—18 изъ 20ти—назначитъ сейчасъ же одного комиссара.

Кто они? Агитаторы періода осады? соціалисты изъ Кордери? извѣстные писатели? Никоимъ образомъ!

Между избранными нѣтъ имени, пользующагося извѣстностью. Комиссары: мѣщане, лавочники, чуждые всѣмъ партіямъ, да въ большинствѣ случаевъ и политикѣ. Имена ихъ: Женотель, Алавуанъ, Мане, Фронтье, Бадуа, Мортероль, Майеръ, Арнольдъ Пиконель, Одуано, Сонсіаль, Дакоста, Массонъ, Пе, Веберъ, Труйле, Лагардъ, Буи.

Предсѣдатель ихъ, Курти, извѣстенъ только по собранію въ циркѣ, онъ республиканецъ, но умѣренный. Съ перваго же дня мысль о федераціи оказалась тѣмъ, чѣмъ и была—идеей республиканской, не сектантской, и именно потому неотразимой. Клеманъ Тома понялъ это, сообщилъ правительству, что не отвѣчаетъ за національную гвардію, и подалъ въ отставку. Подписавшій капитуляцію Винуа, временно замѣстилъ его.

24-го комиссія прочла въ Вокзалѣ двумъ тысячамъ представителей отъ ротъ національной гвардіи свой проектъ устава и настаивала на немедленныхъ выборахъ въ центральный комитетъ.

Но въ этотъ день собраніе было бурно, безпокойно, и вынести опредѣленное рѣшеніе было невозможно. Каждый день истекшей недѣли приносилъ изъ Бордо все болѣе и болѣе оскорбительныя и грозныя вѣсти. Господинъ Тьеръ, могильщикъ республики 48-го года, былъ назначенъ главою исполнительной власти, министрами его были: Дюфоръ, де-Ларси, Пуйе-Кертье, Жюль Фавръ, Жюль Симонъ, Пикаръ; первые трое были сторонниками буржуазной реакціи, легитимизма, имперіализма, послѣдніе же предали Парижъ.

Выдача жалованья, которое являлось безусловной необходимостью до открытія мастерскихъ, была теперь замѣнена милостыней [1]).

Сверхъ всего предстояло страшное униженіе: срокъ перемирія, продолженный на 8 дней, истекалъ 26-го, и газеты извѣщали, что 27-го пруссаки вступятъ въ Парижъ.

Вотъ уже цѣлую недѣлю этотъ кошмаръ неотступно преслѣдовалъ парижанъ.

Подъ давленіемъ событій, собраніе перешло къ жгучимъ вопросамъ дня. Одинъ сдѣлалъ такое предложеніе: „Національная гвардія признаетъ начальниками только своихъ выборныхъ“. Это было равносильно освобожденію отъ Вандомской площади. Другой: „Національная гвардія протестуетъ противъ всякой попытки разоруженія и объявляетъ, что въ случаѣ необходимости она прибѣгнетъ къ оружію“. Послѣднее предложеніе принимается единогласно.—Но какъ быть съ пруссаками, допустить ихъ, какъ въ 1815 году, парадировать по бульварамъ Парижа? Обсужденіе этого вопроса невозможно. Возбужденіе доходитъ до крайнихъ предѣловъ, отдѣльные возгласы сливаются въ одинъ воинственный ревъ. Нѣсколько предостереженій заглушаются. Да! съ оружіемъ въ рукахъ будутъ противиться вступленію пруссаковъ. Предложеніе это будетъ передано ротнымъ кружкамъ. И назначая слѣдующее засѣданіе на 3-ье марта, собраніе толпою направляется къ площади Бастиліи, увлекая за собою много мобилей и солдатъ.

Въ страхѣ за свою свободу, Парижъ съ утра толпился вокругъ своей революціонной колонны, такъ же, какъ онъ толпился около статуи Страсбурга въ дни, когда дрожалъ за отчизну. Со знаменемъ и барабанщикомъ во главѣ шли батальоны, покрывая рѣшетку и пьедесталъ вѣнками изъ иммортелей. Иногда одинъ изъ представителей взбирался на цоколь и произносилъ зажигательную рѣчь, народъ отвѣчалъ: „Да здравствуетъ республика!“ Вотъ красное знамя врѣзывается въ толпу, исчезаетъ за памятникомъ, появляется у баллюстрады. Раздается громъ привѣтствій, его смѣняетъ молчаніе. Вотъ смѣльчакъ взбирается на куполъ и при восторженныхъ возгла-

---

[1]) Чтобы получить вознагражденіе, слѣдовало заявить объ этомъ письменно и необходимо было доказать, что найти работу не было возможности. (Жюль Симонъ. „Le gouvernement de M. Thiers“).

сахъ народа укрѣпляетъ древко въ рукѣ генія. Впервые, послѣ 48-го года, знамя равенства осѣняетъ площадь, столь недавно обагренную кровью тысячи мучениковъ.

По приказу правительства въ буржуазныхъ кварталахъ бьютъ сборъ, батальоны не отвѣчаютъ.

На завтра паломничество національныхъ гвардейцевъ, солдатъ и мобилей возобновляется. Мобили, предводительствуемые фуражирами, приходятъ первые. При ихъ появленіи, съ большими вѣнками изъ иммортелей, трубачи, на четырехъ углахъ цоколя, играютъ встрѣчу. За ними слѣдуетъ армія, дефилируетъ егерскій полкъ. Женщины, въ черныхъ нарядахъ, развертываютъ трехцвѣтное знамя съ надписью: „Мученикамъ—республиканскія женщины“. Знамена и флаги обвиваютъ колонну, скрываютъ ее, свѣшиваются съ балюстрады. Вечеромъ революціонная колонна, разукрашенная иммортелями, цвѣтами и орифламмами, возвышается торжественно и мрачно—символъ скорбнаго минувшаго, знакъ надежды на грядущее, надгробный памятникъ и исполинское майское дерево. 26-го манифестаціи удваиваются. Отмѣчающаго нумера батальоновъ полицейскаго агента схватываютъ и бросаютъ въ каналъ; ожесточенная толпа сопровождаетъ его до Сены, куда его несетъ теченіемъ. 25 батальоновъ продефилировали въ этотъ день, полный ужаса. Газеты возвѣщаютъ на завтра вступленіе нѣмецкой арміи черезъ Елисейскія Поля. Правительство стягиваетъ свои войска на лѣвомъ берегу и очищаетъ дворецъ Индустріи. Оно забываетъ лишь про 400 пушекъ національной гвардіи, размѣщенныхъ на площади Ваграмъ и въ Пасси. Небрежность капитулировавшихъ, какъ пишетъ Винуа, уже сдала лишнихъ двѣнадцать тысячъ ружей пруссакамъ. Кто знаетъ, не протянутъ ли они своихъ цѣпкихъ пальцевъ къ этимъ чуднымъ, такимъ дорогимъ для парижанъ орудіямъ, помѣченнымъ значками батальоновъ. Мгновенно всѣ подумали объ этомъ. Батальоны изъ Пасси и д'Отейль отправляются первыми; дѣйствуя заодно съ муниципалитетомъ, они тащатъ пушки изъ Ранела въ паркъ Монсо. Другіе батальоны Парижа отправляются къ своимъ орудіямъ въ Ваграмскомъ паркѣ и переводятъ ихъ въ городъ на Монмартръ, ла-Вилетъ, Бельвиль, на площадь Вогезовъ, улицу Бафруа, на итальянскій барьеръ и т. д.

Къ вечеру Парижъ снова имѣлъ видъ осажденнаго. Набатъ, сигналъ къ сбору, трубачи привлекали тысячи вооруженныхъ людей къ Бастиліи, къ Шато д'О, на улицу Риволи. Отряды, посланные Винуа для пріостановки манифестацій у Бастиліи, братались съ народомъ. Тюрьма Сенъ-Пелажи была взломана, Брюнель освобожденъ. Въ два часа по полуночи сорокъ тысячъ человѣкъ направлялось по Елисейскимъ Полямъ и аллеѣ Грандъ Арме навстрѣчу пруссакамъ. Они поджидали ихъ до разсвѣта. Возвращаясь, батальоны Монмартра впрягаются въ пушки, попадающіяся имъ на пути, и подкатываютъ ихъ къ мэріи 8-го округа и на бульваръ Орнано.

На этотъ рыцарскій порывъ Винуа отвѣтилъ позорнымъ дневнымъ приказомъ. Правительство, оскорблявшее Парижъ, требовало, чтобы онъ продолжалъ жертвовать собою для Франціи. Наканунѣ, вечеромъ, Тьеръ, также со слезами на глазахъ, подписалъ преліминаріи мира и, взамѣнъ Бельфора, открылъ Бисмарку безпрепятственный входъ въ Парижъ. 27-го въ афишѣ, сухой, какъ протоколъ, Пикаръ объявилъ, что 1-го марта тридцать тысячъ нѣмцевъ займутъ Елисейскія Поля. 28-го, въ два часа, собралась въ мэріи 3-го округа комиссія, которой было поручено составленіе статутовъ для центральнаго комитета. Ею были созваны начальники батальоновъ и представители различныхъ военныхъ комитетовъ, внезапно создавшихся въ Парижѣ, такъ, напр., Монмартрскій комитетъ въ улицѣ де-Розье. Засѣданіе, подъ предсѣдательствомъ Бержере изъ Монмартра, носитъ грозный характеръ. Большинство говоритъ лишь о борьбѣ, предъявляетъ императивныя полномочія, напоминаетъ о собраніи въ Вокзалѣ. Рѣшено почти единогласно встрѣтить пруссаковъ съ оружіемъ въ рукахъ. Мэръ Бонвале, очень обезпокоенный своими гостями, велитъ окружить мэрію, и, частью съ общаго согласія, частью силой, ему удается очистить зданіе [1]).

Весь день предмѣстья вооружаются, захватываютъ боевые при-

---

[1]) Священникъ Видье, авторъ одной „Исторіи коммуны“, претендовалъ на тонкое пониманіе этого движенія. «Тутъ, очевидно, былъ комплотъ. При первомъ взрывѣ пороха врагъ сбѣжится толпами, фортъ Валерьянъ подожжетъ лучшіе кварталы Парижа, всѣ остальные форты подожгутъ городъ, и въ это время свободно можно будетъ ловить рыбу въ мутной водѣ».

пасы. Нѣсколько орудій водружаются на лафетахъ, мобили забываютъ, что они военноплѣнные, и берутся за оружіе. Вечеромъ они захватываютъ Пепиньерскія казармы, занятыя моряками, и уводятъ ихъ на манифестацію на площадь Бастиліи.

Если бы не мужество нѣсколькихъ человѣкъ, посмѣвшихъ плыть противъ теченія, катастрофа была бы неизбѣжна. Вся ассоціація „Кордери“—комитетъ двадцати округовъ, Интернаціоналъ, федерація рабочихъ синдикатовъ—смотрѣли съ завистливою сдержанностью на этотъ задорный комитетъ, состоявшій изъ неизвѣстныхъ людей, не участвовавшихъ еще ни въ одномъ революціонномъ движеніи. Покинувъ мэрію 3-го округа, нѣсколько батальонныхъ представителей, причастныхъ къ группамъ въ „Кордери“, являются туда, разсказываютъ о засѣданіи и объ отчаянной резолюціи. Ихъ пытаются отговорить, и нѣсколько ораторовъ отправляются въ Вокзалъ на многолюдное собраніе. Ихъ выслушиваютъ. Многіе граждане силятся пробудить разсудительность. 28-го утромъ три группы изъ „Кордери“ опубликовываютъ манифестъ, заклиная рабочихъ воздерживаться отъ агрессивныхъ дѣйствій. „Всякая атака“,—говорятъ они,—„предастъ народъ въ руки враговъ революціи, которые потопятъ соціалистическія требованія въ рѣкахъ крови. Мы помнимъ еще страшные іюньскіе дни“.

Но это только одинъ голосъ, и то не вѣскій; со времени общихъ выборовъ, комитетъ двадцати округовъ состоялъ всего изъ двѣнадцати членовъ, Интернаціоналъ и синдикаты сюда не входили. Избранные же въ Вокзалѣ, напротивъ, представляли всю вооруженную массу. Достаточно было одной гранаты, брошенной съ Монмартра въ пруссаковъ,—и ужасный бой начался бы. Но они сумѣли понять это; и 28-го прокламація, обрамленная траурною каймою, возвѣщала новый приказъ: „Граждане, всякое наступленіе было бы низверженіемъ республики. Вокругъ всѣхъ кварталовъ, занятыхъ врагомъ, будетъ устроенъ рядъ баррикадъ для полнаго отчужденія этой части города. Національная гвардія вмѣстѣ съ арміей будутъ наблюдать за тѣмъ, чтобы врагъ не могъ сообщаться съ укрѣпленными частями города“. Слѣдуютъ двадцать девять подписей [1]).

---

[1]) Алавуанъ, Буи, Фронтье, Бурсье, Давидъ-Буассонъ, Барру Гритцъ, Тессье, Рамель, Бадуа, Арнольдъ, Пиконель, Одуано, Массонъ, Веберъ, Лагардъ, Ларокъ, Бержере, Пушенъ, Лавалетъ, Флери,

Эти двадцать девять, способные успокоить національную гвардію, привѣтствуются даже буржуазіей, которая, казалось, не удивлялась ихъ могуществу.

1-го марта пруссаки могли вступить въ Парижъ. Принадлежа снова народу, Парижъ не былъ болѣе Парижемъ дворянъ и крупной буржуазіи, какъ 30-го марта 1815-го года. Черные флаги, приспущенные надъ домами, пустынныя улицы, закрытые магазины, изсякшіе фонтаны, завѣшанныя статуи на площади Согласія, газъ, отказывающійся горѣть по вечерамъ,—все говорило, что городъ не укрощенъ. Такою, должно быть, показалась Москва великой арміи. Расположенные между Сеной и Лувромъ, съ закрытыми входами и цѣлымъ кордономъ баррикадъ, окружающихъ предмѣстье Сентъ-Оноре, нѣмцы, казалось, были пойманы въ ловушку. Дѣвицъ легкаго поведенія, посмѣвшихъ переступить границу, публично высѣкли. Кофейня на Елисейскихъ поляхъ открылась было для побѣдителей, ее разгромили. Только въ предмѣстьи Сенъ-Жерменъ нашелся одинъ дворянинъ, предложившій свой кровъ пруссакамъ.

Еще блѣдный отъ пережитаго позора, Парижъ подвергается новой лавинѣ оскорбленій изъ Бордо. У собранія не находится словъ соболѣзнованія для Парижа, переживающаго столь мучительный кризисъ; напротивъ, газеты, съ правительственнымъ „*Оффиціель'емъ*“ во главѣ, негодуютъ на то, что Парижъ могъ думать о нападеніи на пруссаковъ. Въ бюро уже подписываютъ предложеніе о засѣданіи національнаго собранія внѣ Парижа. Законопроектъ касательно вексельныхъ сроковъ и просроченныхъ квартирныхъ денегъ возвѣщалъ множество банкротствъ. По поспѣшномъ голосованіи, миръ принятъ. Эльзасъ, большая часть Лотарингіи, милліонъ шестьсотъ двадцать тысячъ французовъ, оторванныхъ отъ родины, пять милліардовъ, занятіе запад-

Мальжурналь, Шуто, Кадазъ, Кастіони, Дютиль Матте, Остенъ. Изъ коммиссіи, избранной 15-го, подписалось всего десять подъ этой прокламаціей, такъ какъ нѣкоторые, какъ, напримѣръ, Дакоста, удалились, найдя, что зашли слишкомъ далеко, другіе же отсутствовали на засѣданіи, гдѣ подписывалась прокламація. Делегаціи, новыя революціонныя отдѣленія, выставили девятнадцать новыхъ представителей, столь же неизвѣстныхъ, какъ и прежніе. Многія имена были искажены: Гару вмѣсто Бару, Гасто вмѣсто Кастіони, Мютенъ вмѣсто Остена.

ныхъ фортовъ Парижа, до внесенія первыхъ пятисотъ тысячъ милліоновъ, и западныхъ департаментовъ, до окончательной уплаты,—вотъ цѣна, за которую Бисмаркъ намъ возвращаетъ „незамѣнимую“ палату.

Чтобы утѣшить Парижъ за понесенное униженіе, Тьеръ назначаетъ генераломъ національной гвардіи д'Ореля-де-Паладина, очистившаго Орлеанъ, грубаго начальника Луарской арміи, отставленнаго Гамбеттой, того самаго, который въ письмѣ къ императору, только недавно опубликованномъ, жалѣлъ о томъ, что не могъ быть въ Парижѣ 12-го декабря 51-го года, для избіенія парижанъ. Два бонапартистскихъ сенатора, два палача во главѣ республиканскаго Парижа—Парижъ почувствовалъ неизбѣжность переворота.

3-го марта двѣсти батальоновъ посылаютъ въ Вокзалъ своихъ представителей. Проектъ устава, редактированный временнымъ центральнымъ комитетомъ, начинаетъ съ того, что признаетъ республику „какъ единственное управленіе по праву и справедливости, стоящее выше всеобщаго голосованія, которое было его созданіемъ“. „Делегаты,—говоритъ параграфъ шестой,—должны предупреждать всякую попытку, имѣющую цѣлью низверженіе республики“. Центральный комитетъ составляется изъ трехъ депутатовъ отъ каждаго округа, избранныхъ, безъ различія чина, ротами, легіонами и начальникомъ легіоновъ. Постановленія эти одобряются. Въ ожиданіи правильныхъ выборовъ, собраніе назначаетъ исполнительную комиссію. Въ ея составъ входятъ Варленъ, Пенди, Жакъ Дюранъ, выбранные своими батальонами. Перевыборы всѣхъ чиновъ голосуется единодушно. Дѣлается слѣдующее предложеніе: „Департаментъ Сены составитъ независимую республику, въ случаѣ, если собраніе перенесетъ столицу изъ Парижа“. Это неумѣстное, плохо обдуманное, предложеніе, казалось, отрѣзало Парижъ отъ остальной Франціи—мысль антиреволюціонная, антипарижская, жестоко направленная противъ коммуны. И кто же тебя накормитъ Парижъ, какъ не провинція? И кто же спасетъ тебя, деревенскій братъ, какъ не Парижъ? Но Парижъ уже шесть мѣсяцевъ живетъ въ одиночествѣ; онъ одинъ желаетъ борьбы до конца; онъ одинъ протестуетъ противъ роялистскаго собранія. Одиночество, провинціальныя голосованія, сельское большинство,—все это заставило людей, готовыхъ умереть за всемірную республику, воображать, что республика можетъ ограничиться Парижемъ.

ГЛАВА II.

«Мы взирали съ уваженіемъ на этотъ великій городъ, честь Франціи, вынесшій пятимѣсячную осаду».

Рѣчь Дюфора противъ амнистіи (май 1876 г.).

Монархисты открываютъ огонь по Парижу.— Образуется центральный комитетъ.—Тьеръ даетъ сигналъ къ приступу.

На мужицкій плебисцитъ національная гвардія отвѣтила федераціей, на угрозы монархистовъ—манифестаціями на площади Бастиліи, на проектъ сдачи, на пощечину д'Ореля—резолюціями отъ 3-го марта. Чего не смогли сдѣлать опасности осады, сдѣлало національное собраніе: оно осуществило союзъ мелкой буржуазіи и пролетаріата. Средняя буржуазія была возбуждена; перенесеніе мѣста засѣданій собранія разбудило ея гордость, заставило ее трепетать за ходъ коммерческихъ дѣлъ.

Огромное большинство Парижа смотрѣло безъ досады на организацію защиты. 3-го марта министръ внутреннихъ дѣлъ, Пикаръ, всячески поносилъ „этотъ анонимный центральный комитетъ“ и призывалъ „всѣхъ добрыхъ гражданъ подавить его преступныя манифестаціи“— никто не откликнулся, не двинулся. Обвиненіе было прямо-таки смѣхотворно. Комитетъ засѣдалъ средь бѣла дня, отчеты его печатались въ газетахъ, и манифестаціи онъ устраивалъ единственно для спасенія Парижа отъ катастрофы. Комитетъ отвѣтилъ на другой день, что онъ не анонименъ и является собраніемъ уполномоченныхъ отъ свободныхъ гражданъ, которые стремятся объединить всѣхъ членовъ національной гвардіи. Акты комитета всегда подписаны. Онъ отклоняетъ съ презрѣніемъ клеветы, обвиняющія его въ поощреніи къ

грабежу и гражданской войнѣ. Подписали избранные наканунѣ въ Вокзалѣ [1]).

Въ тотъ же день въ Парижъ прибылъ д'Орель и созвалъ начальниковъ батальоновъ. Явилось изъ двухсотъ шестидесяти всего около тридцати. „Я пріѣхалъ,—обратился онъ къ нимъ,—чтобы очистить національную гвардію отъ вредныхъ элементовъ," и онъ опубликовалъ приказъ въ жандармскомъ духѣ. Комитетъ отвѣтилъ расклейкой афишъ съ приглашеніемъ гражданъ организовать батальонные кружки, легіонные совѣты и назначить своихъ выборныхъ въ центральный комитетъ.

Главари роялистской коалиціи скоро поняли, къ чему клонится все дѣло. Къ тому же комиссія, сопровождавшая Тьера въ Версаль при переговорахъ о мирѣ, изобразила грозное состояніе Парижа самыми яркими красками. Республиканскій городъ съ каждымъ днемъ все болѣе пополняетъ свои арсеналы ружьями и пушками. Если не нанести быстраго удара, то вооруженіе вскорѣ будетъ закончено.

Чего они не видѣли, такъ это мощи своего непріятеля. Они вѣрили росказнямъ своихъ газетъ, вѣрили въ трусость національной гвардіи, принимали за чистую монету бахвальство Дюкро, клявшагося въ бюро національнаго собранія въ вѣчной ненависти къ демагогамъ, виновнымъ, какъ онъ говорилъ, въ его неудачѣ. Хвастуны реакціи въ своемъ самовосхваленіи и самовозвеличеніи дошли до того, что стали искренно вѣрить въ возможность проглотить Парижъ.

Предпріятіе повелось съ клерикальною ловкостью, послѣдовательностью и дисциплиной. Легитимисты, орлеанисты, бонапартисты, враждовавшіе лишь изъ-за имени монарха, приняли компромиссъ, придуманный Тьеромъ—такъ называемый, бордосскій договоръ, по которому партіямъ предоставлялось равное участіе во власти. Да вообще, разъ дѣло шло о борьбѣ съ Парижемъ, разногласій не могло быть.

Съ первыхъ дней марта ихъ провинціальныя газеты стали возвѣщать о пожарахъ и грабежахъ въ Парижѣ. 4-го марта въ бюро

---

[1]) Арнольдъ, Бержере, Буи, Кастіони, Шовіеръ, Шуто, Курти, Дютиль, Флери, Фронтье, Фортюне, Лакоръ, Лагардъ, Лавалетъ, Мальжурналь, Матте, Остенъ, Пиконель, Пенди, Прюдомъ, Варленъ, Верле, Віаръ. Лишь пятеро изъ выбранныхъ 15-го февраля.

національнаго собранія разносится тревожная вѣсть, что вспыхнуло возстаніе, телеграфныя сообщенія прерваны; генералъ Винуа отступилъ на лѣвый берегъ. Тьеръ, распространявшій эти слухи, послалъ въ Парижъ четырехъ депутатовъ-мэровъ: Арно де л'Аріежа, Клемансо, Тирара, Анри Мартена. Они нашли, что Парижъ „совершенно спокоенъ", и сообщили объ этомъ министру внуртенних дѣлъ; Пикаръ отвѣтилъ: „Это спокойствіе лишь показное, слѣдуетъ дѣйствовать", а мэръ 4-го округа, Вотренъ, замѣтилъ: „Быка надо взять за рога—арестовать центральный комитетъ".

Не проходило дня, чтобы коалиція не раздражала быка. Насмѣшки, провокаціи, оскорбленія такъ и сыпались на Парижъ и его представителей. Когда нѣсколько человѣкъ,—Малонъ, Ранъ, Рошфоръ, Тридонъ—отказались отъ голосованія, грозившаго судьбамъ родины, какъ это было сдѣлано Гамбеттою и представителями Эльзаса и Лотарингіи, имъ закричали: „Счастливаго пути!" 8-го Викторъ Гюго, вступившійся за Гарибальди, подвергся оскорбленіямъ; онъ подаетъ въ отставку. Делеклюзъ требуетъ преданія суду организаторовъ обороны, ему отвѣчаютъ бранью. 10-го четыреста двадцать семь деревенскихъ депутатовъ отказываются засѣдать въ Парижѣ. Они хотятъ бо́льшаго, окончательнаго перенесенія столицы въ Буржъ или Фонтэньбло. Тьеръ льстить имъ: „Никогда собраніе не получало болѣе широкихъ полномочій, оно не имѣло даже архива. Вы могли бы, еслибъ пожелали, составить конституцію". Съ трудомъ ему удалось получить согласіе на перенесеніе національнаго собранія въ Версаль, болѣе удобный для защиты. Этимъ самымъ онъ вызвалъ коммуну, такъ какъ Парижъ не могъ оставаться безъ правительства и муниципалитета.

Такъ было найдено поле битвы, и отчаяніе создало армію. Національное собраніе постановило, что векселя, срокъ которыхъ истекалъ между 13-мъ августа и 13-мъ ноября 70-го года, подлежатъ оплатѣ съ начетомъ процентовъ черезъ семь мѣсяцевъ по истеченіи срока; такимъ образомъ, черезъ три дня, 13-го марта, слѣдовало платить по обязательствамъ, срокъ которыхъ истекалъ 13-го августа 70-го года. Постановленіе это было невыполнимо, въ виду того, что уже семь мѣсяцевъ тому назадъ всѣ дѣла пріостановились и негдѣ было учитывать; банкъ не открывалъ еще своихъ отдѣленій. Нѣсколько депутатовъ Парижа отправились переговорить по этому поводу съ Дюфоромъ, пережившимъ все время

осады—онъ оказался несговорчивымъ, истинный Дюфоръ 48-го года. Оставался еще вопросъ о невнесенной квартирной платѣ вопросъ, страшный для всего Парижа. Мильеръ умоляетъ собраніе рѣшить этотъ вопросъ справедливо. Нѣтъ отвѣта. Триста тысячъ рабочихъ, лавочниковъ, модельщиковъ, мелкихъ фабрикантовъ и коммерсантовъ, истратившихъ свои сбереженія во время осады и еще ничего не зарабатывающихъ, были отданы во власть домовладѣльцевъ и разоренія. Съ 13-го по 17-ое марта было опротестовано сто пятьдесятъ тысячъ векселей. Большіе торговые города предъявляли требованія. Отвѣта не было.

Зарядивъ, такимъ образомъ, мину, національное собраніе назначило слѣдующее засѣданіе на 20-ое марта, получивъ предварительно удостовѣреніе Тьера въ томъ, что въ этотъ день можно будетъ собраться въ Версалѣ, „не опасаясь уличнаго мятежа“. Маленькій человѣчекъ также имѣлъ свой срокъ расплаты.

Парижъ не отступалъ передъ всѣми этими угрозами. Пикаръ, думая навести стархъ, обратился къ Курти со словами: „члены центральнаго комитета рискуютъ жизнью“. Курти якобы обѣщалъ выдать пушки. Комитетъ не одобрилъ поведенія Курти.

Съ 6-го онъ засѣдалъ въ Кордери, совершенно независимо отъ остальныхъ трехъ призрачныхъ группъ. Комитетъ вскорѣ доказалъ свою политическую зрѣлость, уничтоживъ интриги нѣкоего Рауля дю Биссона, стараго офицера колоніальныхъ армій, участника сомнительныхъ похожденій, который предсѣдательствовалъ на собраніи въ Вокзалѣ 24-го и стремился составить центральный комитетъ сверху съ помощью начальниковъ батальоновъ. Посланные комитетомъ три делегата встрѣтили живѣйшее сопротивленіе со стороны этой группы. Особенно несговорчивымъ оказался одинъ батальонный начальникъ Барбере; но зато другой, Фальто, увлекъ за собой все собраніе словами: „Я иду къ народу!“ Сліяніе произошло 10-го, въ день общаго собранія делегатовъ. Комитетъ представилъ свой докладъ, разсказавъ все случившееся за недѣлю: назначеніе д'Ореля, происшествіе съ Курти. „Событія сдѣлали насъ тѣмъ, чѣмъ мы теперь являемся; безпрестанныя нападки печати, враждебной демократіи, были намъ наукой; угрозы правительства подтвердили намъ, что мы непреоборимый оплотъ, воздвигнутый противъ всякой попытки низвер-

гнуть республику, Делегатамъ было предложено поспѣшить съ выборами въ центральный комитетъ. Затѣмъ былъ редактированъ призывъ къ арміи.

Уже нѣсколько дней тому назадъ правительство начало разсылать по провинціямъ тѣ 220,000 человѣкъ, которые были разоружены капитуляціей, принадлежали, въ большинствѣ случаевъ, къ запасу и подлежали увольненію; ихъ замѣняли солдаты Сѣверной и Луарской армій. Парижъ съ безпокойствомъ смотрѣлъ на эти отряды, натравляемые на него реакціонной прессой. Воззваніе собранія говорило имъ: „Солдаты, сыны народа, соединимся для спасенія республики. Короли и императоры причинили намъ достаточно зла“. На слѣдующій день солдаты защищали эту афишу отъ полиціи.

11-ое число было несчастливо для Парижа. Онъ узналъ одновременно, что не былъ больше столицей, и что его ожидаетъ банкротство. Винуа прекратилъ шесть республиканскихъ газетъ, изъ которыхъ четыре: *„Крикъ народа“*, *„Лозунгъ“*, *„Дядя Дюшенъ“* и *„Мститель“* расходились въ количествѣ до двухъ сотъ тысячъ экземпляровъ. Военный судъ, судившій обвиняемыхъ по дѣлу 31-го октября, приговорилъ нѣсколькихъ, въ томъ числѣ Флуранса и Бланки, къ смертной казни. Тройной ударъ, который поразилъ всѣхъ, какъ буржуа, такъ и республиканцевъ и революціонеровъ. Это бордосское собраніе, столь убійственное для Парижа, столь противоположное ему по чувству, по духу и по рѣчи, казалось правительствомъ чужестранцевъ. Послѣднія сомнѣнія исчезли. Депутатъ, мэръ 8-го округа, Клемансо, уже нѣсколько дней былъ занятъ сдачей пушекъ, находившихся на Монмартрѣ, и нашелъ даже офицеровъ, расположенныхъ помочь ему въ этомъ; воспротивился комитетъ улицы де-Розье; самый значительный изъ комитетовъ по своему положенію и по количеству пушекъ, онъ относился къ центральному комитету, какъ равный къ равному, и лишь очень поздно сталъ отправлять туда своихъ делегатовъ. Когда д'Орель послалъ запряжки на Монмартръ, національные гвардейцы не выдали пушекъ и перевезли ихъ на холмы, гдѣ командиръ Пулизакъ, умершій впослѣдствіи въ рядахъ версальской арміи, выстроилъ нѣчто, въ родѣ бруствера. Комитетъ улицы де-Розье поставилъ часовыхъ; пушки все подвозились, число ихъ возросло до ста семидесяти. Революція, лишенная газетъ, перегова-

ривалась теперь путемъ афишъ, всевозможныхъ цвѣтовъ и направленій; Флурансъ, Бланки, осужденные заочно, расклеивали протесты. Умѣренныя группы протестовали этимъ способомъ противъ указа о срокахъ платежей. Новые комитеты организовались въ демократическихъ округахъ. Главою 8-го округа былъ литейщикъ Дюваль, человѣкъ съ энергіей холодной и властной. Всѣ эти комитеты отмѣняли приказанія д'Ореля, фактически располагали національною гвардіей.

Винуа говорилъ, подобно Вотрену: „Арестуемъ центральный комитетъ“, и ничто не казалось болѣе легко исполнимымъ, такъ какъ всѣ члены комитета выставляли на афишахъ свои адреса. Пикаръ отвѣтилъ: „У меня нѣтъ полиціи, арестуйте сами“. Винуа возразилъ: „Это меня не касается“. Ему дали въ помощники генерала Валентина, любителя грубой расправы. 15-го центральный комитетъ собрался совершенно спокойно на третье общее засѣданіе въ Вокзалъ. Тамъ были представители двухсотъ пятнадцати батальоновъ. Гарибальди былъ провозглашенъ главнокомандующимъ національной гвардіи. Одинъ ораторъ привелъ собраніе въ восторгъ; то былъ Люлье, старый морской офицеръ, пьяница, сохранившій слѣды военной выправки, но въ моменты, когда мозгъ его не былъ отуманенъ алкоголемъ, дѣйствительно поражавшій блескомъ своего ума. Его-то и назначили командующимъ артиллеріей. Затѣмъ объявили имена избранныхъ въ центральный комитетъ—ихъ было до тридцати; нѣкоторые округа еще не голосовали. Это—законный центральный комитетъ, долженствовавшій вступить въ думу. Многіе изъ выборныхъ принадлежали къ предшествовавшей комиссіи. Остальные, одинаково неизвѣстные, изъ всѣхъ слоевъ населенія, засѣдавшіе развѣ на семейномъ или на своемъ батальонномъ совѣтахъ. Передовые люди не домогались голоса. Клубъ Кордери, какъ и Бланкисты, не хотѣлъ допустить, чтобы эта федерація, этотъ комитетъ, эти неизвѣстные захватили власть.

Они, правда, не станутъ дѣйствовать во имя какой-либо программы. Центральный комитетъ не глава партіи; онъ не можетъ выработать идеалы. Лишь простая мысль самозащиты противъ монархіи могла сплотить столько батальоновъ. Національная гвардія образуетъ охранительный оплотъ противъ государственнаго переворота; центральный комитетъ всего на всего часовой.

Въ воздухѣ чувствуется приближеніе грозы; никто не вѣдаетъ,

что будетъ. Маленькая группа Интернаціонала созываетъ депутатовъ-соціалистовъ для выясненія положенія. Никто не думаетъ о нападеніи. Помимо того, центральный комитетъ заявляетъ, что никогда народъ не произведетъ перваго выстрѣла, онъ будетъ лишь защищаться въ случаѣ нападенія.

Нападающій явился 15-го,—то былъ Тьеръ. Онъ надѣялся незамѣтно отвоевать Парижъ, съ помощью отборныхъ солдатъ, расквартированныхъ вдали отъ парижанъ; но не хватало времени, приближалось вѣщее 20-ое число. Еле успѣвъ прибыть, онъ былъ осажденъ и вызванъ на поспѣшныя мѣропріятія. Вмѣшались биржевики. Тѣ самые, что ускорили войну, дабы освѣжить свои аферы, говорили [1]): „Невозможны никакія финансовыя операціи, если вы не покончите съ этими нечестивцами“. Покончить съ ними! Зловѣщія слова іюня 48-го года звучали чудовищно въ мартѣ 71-го года.

Какъ! На глазахъ пруссаковъ, когда Франція еле трепещетъ, когда только трудъ можетъ ее возродить, вы, правители Франціи, подвергаете ее опасности гражданской войны, рискуете существованіемъ столькихъ тружениковъ! Увѣрены ли вы, по крайней мѣрѣ, что покончите съ ними? Повстанцы іюня 48-го года, почти что безоружные, въ теченіе трехъ дней противостояли лучшимъ генераламъ изъ Африки; въ 71-мъ году у васъ лишь Винуа, дивизія терпимая пруссаками, три тысячи городовыхъ и жандармовъ, пятнадцать тысячъ сильно изнуренныхъ людей, противъ союза батальоновъ съ хорошими ружьями и пушками, господствующими надъ высотами. Семь или восемь тысячъ, приведенныя съ Луары и съ сѣвера, чуть не возмутились на первомъ смотру. Плохо кормленные, плохо расквартированные, они блуждаютъ по наружнымъ бульварамъ; парижанки носятъ имъ въ бараки, въ которыхъ они зябнутъ, супъ и одѣяла.

Какъ обезоружить съ такимъ сбродомъ сто тысячъ человѣкъ? Вѣдь, чтобы завладѣть пушками, необходимо обезоружить національ-

---

[1]) „Нѣсколько биржевыхъ спекулянтовъ, думая, что достаточно шестинедѣльнаго срока для того, чтобы оживить спекуляціи, которыми они жили, говорили: „Не слѣдуетъ упускать такой моментъ; стоитъ пожертвовать какими-нибудь пятьюдесятью тысячами человѣкъ,—и горизонтъ прояснится, дѣла поправятся“. Тьеръ. Анкета о 4-мъ сентябрѣ.

ную гвардію. Коалиція смѣялась надъ укрѣпленіями Монмартра, надъ двадцатью пятью членами улицы де-Розье, объявила отобраніе пушекъ самымъ простымъ дѣломъ. Онѣ на самомъ дѣлѣ были плохо оберегаемы; но, вѣдь, стоило только выворотить пятьдесятъ булыжниковъ, и перевозка ихъ становилась невозможною. Стоило лишь дотронуться до нихъ, и сбѣжался бы весь Парижъ. Тьеру, вскорѣ по прибытіи, былъ преподанъ такой урокъ. Вотренъ обѣщалъ доставить пушки съ площади Вогезовъ; національные гвардейцы сняли пушки съ лафетовъ, а мѣщане улицы Турнель принялись выворачивать камни мостовой.

Нападеніе тутъ было безумствомъ. Тьеръ не замѣчалъ ни отвращенія всѣхъ классовъ, ни раздраженія предмѣстій. Выжидать время и обезоружить Парижъ уступками; нейтрализовать „деревню“ большимъ городомъ было выше его политическихъ способностей. Его презрѣніе къ народу сдѣлало остальное. Стѣсненный срокомъ 20-го, онъ дѣйствуетъ, очертя голову, и созываетъ 17-го совѣтъ, не посовѣтовавшись съ мэрами, какъ то обѣщалъ Пикаръ, не считаясь съ сообщеніемъ начальниковъ буржуазныхъ батальоновъ, заявившихъ еще въ тотъ же вечеръ, что они не могутъ положиться на своихъ людей,—это правительство, не бывшее въ состояніи арестовать двадцать пять членовъ центральнаго комитета, отдало приказъ захватить двѣсти пятьдесятъ пушекъ, охраняемыхъ всѣмъ Парижемъ.

ГЛАВА III.

„Итакъ мы сдѣлали лишь то, что намъ повелѣвалъ долгъ; парижское возстаніе рѣшительно ничѣмъ не вызвано“.
Люфоръ (май 1876 г.).

18-ое марта.

Выполненіе было также безразсудно, какъ и сама мысль.

Въ три часа утра, 18-го марта, наскоро набранные отряды, безъ припасовъ, безъ ранцевъ, направляются во всѣ стороны: къ холмамъ Шомонъ, въ Бельвиль, въ предмѣстье Тампль, къ Бастиліи, къ думѣ, на площадь Св. Михаила, къ Люксембургу, въ 18-ый округъ, къ Инвалидамъ. Генералъ Сюсбіель, командующій двумя бригадами—приблизительно 6 тысячъ человѣкъ—идетъ къ Монмартру. Предмѣстье еще спитъ. Бригада Патюреля занимаетъ мельницу ла-Галеттъ безъ единаго выстрѣла. Бригада Леконта, подойдя къ башнѣ Сольферино, встрѣчаетъ только одного караульнаго, Тюрпена. Онъ заграждаетъ имъ дорогу штыкомъ. Жандармы убиваютъ его и направляются къ посту на улицѣ де-Розье, захватываютъ его и бросаютъ гвардейцевъ въ подвалы башни. На валахъ Шомонъ, въ Бельвилѣ пушки захватываются такимъ же образомъ. Правительство торжествуетъ по всей линіи. Д'Орель отправляетъ въ газеты побѣдоносную прокламацію; она появляется въ нѣкоторыхъ вечернихъ газетахъ.

Не хватаетъ только лошадей и времени, чтобы использовать эту побѣду. Винуа почти что забылъ объ этомъ. Только въ восемь часовъ принялись впрягать лошадей въ орудія, многія изъ нихъ оказались овреженными и безъ передковъ.

Вотъ проснулись предмѣстья. Открываются лавки, у молочныхъ и винныхъ складовъ идетъ тихій разговоръ; указываютъ другъ другу на солдатъ, на митральезы, наведенныя на многолюдныя улицы, и на свѣже-отпечатанныя прокламаціи на стѣнахъ за подписью Тьера и министровъ. Прокламаціи говорятъ о пріостановкѣ торговли, объ отмѣненныхъ заказахъ, объ утекшихъ капиталахъ.

„Граждане Парижа, правительство рѣшило дѣйствовать въ вашихъ интересахъ. Добрые граждане, отдѣлитесь отъ злоумышленниковъ, содѣйствуйте правительству. Вы окажете услугу республикѣ!“— говорятъ г-да Пуйе-Кертье, де-Ларси, Дюфоръ и другіе республиканцы. Прокламація заканчивается фразой 51-го года: „Виновные будутъ преданы въ руки правосудія“.

Порядокъ полный, мгновенный, нерушимый долженъ возстановиться во что бы то ни стало. Заговорили о порядкѣ—значитъ, потечетъ кровь.

Какъ въ дни революціи, женщины двинулись первыя.

Женщины 18-го марта, закаленныя осадой (на нихъ нужда ложилась двойной тяжестью), не дожидались своихъ мужей.

Онѣ окружаютъ митральезы и заговариваютъ съ артиллеристами: „Какъ тебѣ не стыдно! Что ты дѣлаешь!“ Солдаты молчатъ. Лишь изрѣдка скажетъ одинъ изъ унтеръ-офицеровъ: „Уходите, добрыя женщины, уходите!“ Голосъ не грозный, онѣ остаются. Вдругъ играютъ сборъ! Національные гвардейцы нашли два барабана на посту улицы Дудовиль и обходятъ съ ними 18-ый округъ. Къ восьми часамъ 300 офицеровъ и солдатъ направляются по бульвару Орнано. Навстрѣчу имъ идетъ взводъ 88-го полка, имъ кричатъ: „Да здравствуетъ республика!“ Они присоединяются.

Постъ съ улицы Дежанъ такъ же слѣдуетъ за ними; повернувъ ружья прикладами вверхъ, солдаты и національные гвардейцы, смѣшавшись, идутъ по улицѣ Мюллеръ къ Монмартрскимъ холмамъ, ближайшіе склоны которыхъ заняты солдатами 88-го полка. Увидя среди гвардейцевъ своихъ товарищей, послѣдніе приглашаютъ ихъ знаками подойти, обѣщая свободный пропускъ. Генералъ Леконтъ, замѣтивъ эти сигналы, приказываетъ бросить солдатъ въ башню Сольферино со словами: „Ваша пѣсенка спѣта“ и замѣняетъ ихъ городовыми.

Замѣстители едва успѣваютъ дать нѣсколько выстрѣловъ. Гвар-

дейцы и солдаты переходятъ черезъ брустверъ. Съ противоположной стороны, изъ улицы де-Розье, валитъ значительная толпа гвардейцевъ съ ружьями, повернутыми прикладами вверхъ, въ сопровожденіи женщинъ и дѣтей. Леконтъ окруженъ. Трижды онъ отдаетъ приказъ стрѣлять. Солдаты остаются неподвижными, взявъ ружья къ ногѣ. Толпа сплачивается, братается съ солдатами и арестуетъ Леконта и его офицеровъ.

Солдаты, заключенные имъ въ башню, требуютъ его разстрѣла. Національнымъ гвардейцамъ лишь съ трудомъ удается высвободить его изъ толпы, принявшей его за Винуа. Его отводятъ вмѣстѣ съ офицерами въ Шато-Ружъ, главную квартиру батальоновъ Монмартра.

Тутъ у него требуютъ очистки холмовъ отъ войскъ.

Безъ колебаній онъ подписываетъ этотъ приказъ, подобно Бреа, сдѣлавшему то же въ 48-мъ году [1]).

Приказъ относится къ офицерамъ и солдатамъ, занимающимъ еще улицу де-Розье. Жандармы слагаютъ оружіе и кричатъ: „Да здравствуетъ республика!“ Три холостыхъ пушечныхъ выстрѣла возвѣщаютъ Парижу, что холмы Монмартра снова въ его власти.

Налѣво отъ Леконта командуетъ генералъ Патюрель. Напрасно силится онъ свезти черезъ улицу Лепикъ нѣсколько пушекъ изъ Мельницы ла-Галеттъ. Толпа останавливаетъ лошадей, перерѣзаетъ постромки, оттѣсняетъ солдатъ и на рукахъ перевозитъ пушки обратно на валы. Солдаты, охраняющіе нижній конецъ улицы, площадь Бланшъ, повернули ружья прикладами вверхъ. На площади Пигаль генералъ Сюсбіель велитъ стрѣлять въ толпу, собравшуюся на улицѣ Удонъ.

Испуганные криками женщинъ, егеря гонятъ своихъ лошадей вспять; ихъ осыпаютъ градомъ насмѣшекъ. Одинъ изъ капитановъ бросается впередъ съ саблею наголо, наноситъ рану одному гвар-

---

[1]) Этотъ приказъ, предписывавшій отряду продефилировать среди національныхъ гвардейцевъ, былъ написанъ карандашемъ однимъ капитаномъ. Леконтъ подписалъ его перомъ, не измѣнивъ ни одного слова. Чтобы придать нѣкоторое достоинство этому генералу, умершему столь малодушно, военный судъ отрицалъ этотъ фактъ.

дейцу и падаетъ, пронзенный пулями. Жандармы, скрывавшіеся до этого времени за баррикадами бульвара, открываютъ огонь,— ихъ выбиваютъ. Генералъ Сюсбіель спасается бѣгствомъ. Винуа, занявшій было постъ на площади Клиши, исчезаетъ. Плѣнныхъ жандармовъ, человѣкъ до 60, отводятъ въ мэрію Монмартра [1]).

На холмахъ Шомонъ, въ Бельвилѣ, въ Люксембургѣ, народъ такъ же останавливаетъ и отбиваетъ свои пушки.

Генералъ Лефло, командующій на площади Бастиліи, едва избѣгаетъ плѣна, его солдаты братаются съ народомъ.

Вдругъ наступаетъ минутная тишина. Съ Орлеанскаго вокзала движется погребальная процессія, за гробомъ идетъ старецъ, окруженный провожающими: это Викторъ Гюго, онъ провожаетъ тѣло своего сына Карла на кладбище Перъ-Лашезъ. Федералисты салютуютъ и разбираютъ баррикады, чтобы дать дорогу славѣ и смерти.

Къ одиннадцати часамъ народъ отразилъ нападеніе на всѣхъ пунктахъ, сохранилъ почти всѣ свои орудія (упряжками увезено только десять) и захватилъ тысячи ружей. Объединившіеся батальоны на ногахъ; предмѣстья разворачиваютъ мостовую.

Въ кварталахъ центра уже съ шести часовъ утра бьютъ сборъ по приказанію д'Ореля-де-Паладина, но напрасно. Батальоны, въ былое время ярые приверженцы Трошю, не выставляютъ теперь и 20-ти человѣкъ. Читая афиши, весь Парижъ говоритъ въ одинъ голосъ: „Это государственный переворотъ!“ Въ полдень д'Орель и и Пикаръ велятъ бить въ набатъ: „Правительство призываетъ васъ къ защитѣ вашего очага, вашей семьи, вашего имущества. Нѣсколько безумцевъ, подъ предводительствомъ тайныхъ вождей, направляютъ на Парижъ дула тѣхъ пушекъ, которыя удалось скрыть отъ пруссаковъ“. Видя, что это обвиненіе въ неделикатности по отношенію къ пруссакамъ никого не трогаетъ, все министерство въ совокупности рѣшаетъ высказаться: „Распространяютъ нелѣпые слухи будто правительство подготовляетъ переворотъ... Оно хотѣло и хочетъ только одного—покончить съ мятежнымъ комитетомъ, члены котораго являются представителями коммунистическихъ идей; они предали бы Парижъ грабежу, уготовали бы Франціи могилу“. Жалкіе

---

[1]) Въ то время площадь дезъ-Абессъ.

іюньскіе вопли! Баталіоны порядка, представлявшіе значительную силу, выставили отъ 500 до 600 человѣкъ.

Тьеръ и другіе министры спасаются въ министерство иностранныхъ дѣлъ. Узнавъ о пораженіи войскъ, Тьеръ приказываетъ стянуть войска къ Марсову полю. Оставленный буржуазными батальонами, онъ заговорилъ объ очищеніи Парижа и о сформированіи новой арміи въ Версалѣ. То была старая мысль жирондистовъ, которую предлагали осуществить Карлу X, Людовику-Филиппу, собранію 48-го года, и которую удачно выполнилъ только австрійскій генералъ Виндишгрецъ. Многіе министры противятся этому плану и требуютъ, чтобы такіе важные пункты, какъ дума, казармы, занятые бригадою Дерроя, и военная школа были сохранены и чтобы была занята позиція у Трокадеро. Но маленькій человѣчекъ совсѣмъ потерялъ голову, онъ выслушиваетъ лишь мнѣнія, продиктованныя отчаяніемъ, и рѣшаетъ очистить весь городъ—даже южные форты, реставрированные пруссаками двѣ недѣли тому назадъ. Приблизительно въ три часа батальоны изъ Гро-Кайю, съ барабанщиками и трубачами во главѣ, дефилируютъ мимо министерства. Министры съ перепугу рѣшаютъ, что они погибли [1]). Тьеръ спасается по черной лѣстницѣ и бѣжитъ въ Версаль. Растерянность его такъ велика, что на Севрскомъ мосту онъ даетъ письменный приказъ очистить Монъ-Валерьянъ.

Въ часъ его бѣгства союзными баталіонами еще ничего не предпринято. Утреннее нападеніе застало врасплохъ не только Парижъ, но и центральный комитетъ.

Наканунѣ, вечеромъ, онъ разошелся, какъ обыкновенно, назначивъ слѣдующее засѣданіе на 18-ое, въ 11 часовъ вечера, въ школѣ улицы Бафруа, за площадью Бастиліи, такъ какъ обычное мѣсто собраній на Кордери, находясь подъ строгимъ наблюденіемъ

---

[1]) Тьеръ въ Enquête говоритъ сначала: „Имъ дали продефилировать“ и двадцать строкъ ниже: „Ихъ отбросили“. Генералъ Лефло не скрылъ испуга совѣта. „Минута казалась мнѣ критической, и я сказалъ: „Мы пропали, мы будемъ взяты...“ Дѣйствительно, баталіонамъ стоило только проникнуть во дворецъ, и мы были бы въ ихъ рукахъ всѣ до послѣдняго. Но три баталіона прошли, не предпринявъ ничего“.

полиціи, было уже не безопасно. При выборахъ, состоявшихся послѣ 15-го марта, комитетъ пополнился нѣсколькими новыми членами и назначилъ комитетъ защиты.

При извѣстіи о нападеніи, одни бросаются на улицу Бафруа, другіе спѣшатъ созвать батальоны своихъ кварталовъ. Къ десяти часамъ успѣло собраться до 12-ти членовъ, ихъ забрасываютъ вопросами, требованіями, загромождаютъ плѣнными, приведенными со всѣхъ концовъ. Вѣрныя извѣстія получаются лишь къ двумъ часамъ. Варленъ распоряжается въ Батиньолѣ, Бержере—въ Монмартрѣ, Дюваль—въ Пантеонѣ, Пенди—въ 3-мъ округѣ, Фальто—на улицѣ де-Севръ, Ранвье и Брюнель, не принадлежа къ комитету, агитировали въ Бельвилѣ и въ десятомъ округѣ. Набрасывается извѣстный планъ концентраціи батальоновъ вокругъ городской думы. Члены центральнаго комитета разсыпаются во всѣ стороны для передачи приказовъ. Батальоны, правда, наготовѣ, но не трогаются съ мѣста; не зная о полнотѣ своей побѣды и боясь вторичнаго нападенія, революціонные кварталы поспѣшно строятъ баррикады. Никто не покидаетъ Монмартра; онъ похожъ на огромный муравейникъ, кишитъ гвардейцами, приносящими новости, и солдатами, для которыхъ тутъ же устраиваются сборы, потому что съ самаго утра они ничего не ѣли. Часовъ около $3^{1}/_{2}$ наблюдательный комитетъ, помѣщенный на улицѣ Клиньянкуръ, получаетъ извѣстіе, что генералъ Леконтъ въ большой опасности: толпа солдатъ окружила Шато-Ружъ и требуетъ немедленной казни. Члены комитета Ферре, Бержере, Жаклярь сейчасъ же посылаютъ командующему въ Шато-Ружъ приказъ охранять плѣннаго. Когда этотъ приказъ доходитъ по назначенію, Леконтъ уже увезенъ

Генералъ давно уже требовалъ, чтобъ его доставили въ центральный комитетъ. Постовые начальники, сильно обезпокоенные криками, желаютъ избавиться отъ отвѣтственности и, зная только о комитетѣ на улицѣ де-Розье, рѣшаютъ отправить туда генерала и его офицеровъ. Къ четыремъ часамъ они прибываютъ туда, окруженные разъяренной толпой; но ударить еще никто не осмѣливаегся. Генерала помѣщаютъ на виду въ маленькой комнаткѣ нижняго этажа, офицеровъ же въ первомъ этажѣ, гдѣ находятся уже многіе ихъ товарищи, такъ же плѣнные. Снова возобновляются сцены изъ

Шато-Ружъ. Ожесточенные солдаты кричатъ: „Смерть имъ! смерть!“ Офицеры національной гвардіи выбиваются изъ силъ, заслоняя отъ нихъ дверь, и кричатъ: „Подождите же комитетъ!“ Какой? Центральный комитетъ на противоположномъ концѣ Парижа; комитетъ улицы де-Розье вразбродѣ: одни въ наблюдательномъ комитетѣ на улицѣ Клиньянкуръ, другіе въ мэріи, гдѣ комендантъ Дардель, Рауль Риго, Паскаль Груссе препираются съ мэромъ Клемансо, очень недовольнымъ всѣмъ происходящимъ. Но имя „комитетъ“ дѣйствуетъ магически, удается разставить чесовыхъ, и ярость толпы нѣсколько утихаетъ. Часовъ около 4½ подымается оглушительный шумъ. Разсвирѣпѣвшая толпа несется быстро, какъ ураганъ, выбрасываетъ изъ своей среды бѣлобородаго человѣка и швыряетъ его о домъ: это Клеманъ Тома, палачъ 48-го года, оскорбитель революціонныхъ батальоновъ, болѣе виновный въ обезчещеніи національной гвардіи, чѣмъ Дюкро. Онъ былъ узнанъ и арестованъ на улицѣ де-Мартиръ, гдѣ осматривалъ баррикаду; онъ поднялся на холмъ, сопровождаемый кровожаднымъ гиканьемъ. Иронія судьбы! Крокодилъ нашелъ возможность бѣжать, а эта лягушка попалась въ руки мстителей.

Появленіе Клемана Тома переполнило чашу. Раздается вопль: „Смерть имъ!“ Офицеры національной гвардіи противятся; капитанъ Эрпенъ-Лакруа, гарибальдіецъ, человѣкъ атлетическаго сложенія, цѣпляется за косякъ двери, на него сыпятся удары, толпа врывается внутрь. Клемана Тома схватываютъ и тащатъ въ садъ за домомъ; пронзенный пулями, онъ падаетъ. Не успѣлъ онъ умереть, какъ солдаты 88-го полка разбили окно комнаты, гдѣ находился генералъ Леконтъ, выволокли плѣнника въ садъ и выстрѣлами убили его. Ярость затихаетъ. Осталось еще 10 офицеровъ, но имъ ужъ ничто не грозитъ. Ихъ уводятъ въ Шато-Ружъ и съ наступленіемъ сумерекъ отпускаютъ на свободу.

Въ то же время толпа захватываетъ генерала въ парадной формѣ на Орлеанскомъ вокзалѣ. Она думаетъ, что держитъ въ своихъ рукахъ д'Ореля,—но то былъ Шанси. Исходъ недоразумѣнія могъ быть смертельнымъ для плѣнника. Офицеры, федералисты, помощники мэра 14-го округа, Левъ Мейе,—вступаются за него, защищаютъ его и укрываютъ въ мѣстной тюрьмѣ, гдѣ уже находится генералъ Лангуріанъ, тоже арестованный. Освободить генераловъ

сейчасъ же было бы не безопасно, но депутата Тюрке, сопровождавшаго Шанси, отпускаютъ немедленно.

Мало-по-малу батальоны федералистовъ переходятъ въ наступленіе, Брюнель окружаетъ казарму принца Евгенія, занятую 120-ымъ линейнымъ полкомъ, который не прочь побрататься съ народомъ. Двери взламываются. Командиръ, окруженный офицерами, силится принять воинственный видъ,—Брюнель приказываетъ всѣхъ ихъ забрать; оттуда онъ спускается по улицѣ Тампль къ городской думѣ, Пенди маршируетъ туда же по улицѣ Вьелль-дю-Тампль, а Ранвье по набережной.

Въ пять часовъ захвачена національная типографія; въ шесть часовъ прорубаютъ брешь въ дверяхъ казармы Наполеона. Изъ отверстія раздается залпъ, три человѣка падаютъ, пѣхотинцы кричатъ изъ оконъ: „Да здравствуетъ республика! это стрѣляли жандармы!“ Затѣмъ они открываютъ ворота и сдаютъ свои ружья! [1]).

Въ 7½ часовъ городская дума окружена. Жандармы, занимающіе ее, удираютъ черезъ подвальный этажъ казармы Лобо. Въ 8½ часовъ Жюль Ферри и Фавръ, покинутые войсками, не имѣя никакихъ указаній со стороны правительства, въ свою очередь, скрываются. Вскорѣ послѣ этого отрядъ Брюнеля появляется на площади и занимаетъ темный и покинутый коммунальный домъ. Брюнель приказываетъ зажечь газъ и выкинуть красный флагъ на каланчѣ.

Батальоны продолжаютъ притекать. Брюнель строитъ баррикады на улицѣ Риволи, на набережной, занимаетъ входы, распредѣляетъ посты, разсылаетъ сильные патрули. Одинъ изъ нихъ окружаетъ мэрію Лувра, гдѣ совѣщаются мэры. Во избѣжаніе плѣна, Жюль Ферри выскакиваетъ изъ окна.

Испуганные дерзкимъ нападеніемъ, многіе мэры и ихъ помощники еще днемъ собрались въ мэріи биржи, въ ожиданіи распоряженій и вдохновенія извнѣ. Въ четыре часа они посылаютъ делегацію къ правительству. Оказывается, что Тьеръ исчезъ. Пикаръ выпроваживаетъ депутацію. Д'Орель умываетъ руки и сваливаетъ вину на адвокатовъ. Между тѣмъ, къ ночи необходимо принять какое-нибудь рѣшеніе.

---

[1]) Винуа, лживый, какъ бюллетень, говоритъ въ своей книгѣ „*Перемиріе и коммуна*“: „Генералъ собралъ своихъ людей и, *съ саблей наголо*, мужественно сталъ во главѣ своихъ солдатъ“.

Тѣмъ временемъ батальоны федералистовъ изъ Батиньоля и Монмартра, предводимые Варленомъ, Арнольдомъ и Бержере, окружили городскую думу и заняли Вандомскую площадь. Вашеро, Вотрэнъ и другіе ярые реакціонеры требуютъ противодѣйствія во что бы то ни стало, точно въ ихъ распоряженіи цѣлая армія. Другіе, болѣе разсудительные, ищутъ выхода. Они думаютъ уладить все, назначивъ префектомъ полиціи Эдмонда Адама, отличившагося въ борьбѣ противъ іюньскихъ инсургентовъ; а генераломъ національной гвардіи полковника Ланглуа, когда-то интернаціоналиста, бывшаго 31-го октября утромъ за движеніе—вечеромъ же противъ него. Этотъ закоренѣлый буржуа, подъ маской энтузіаста, былъ избранъ въ депутаты за контузію, полученную при Бюзанвалѣ. Къ семи часамъ Тираръ, Мелинъ, Толэнъ, Эриссонъ, Вашеро, Пейра и Мильеръ являются къ Жюлю Фавру и преподносятъ ему это хитроумное рѣшеніе. Онъ заставляетъ ихъ ждать, вздрагиваетъ при видѣ Милльера и прерываетъ ихъ на полусловѣ: „Правда ли, что генералы разстрѣляны?“ На утвердительный отвѣтъ, онъ восклицаетъ; „Съ убійцами въ сдѣлки не входятъ!“ Вашеро, Вотрэнъ очарованы его твердостью, что и высказываютъ ему. Приносятъ эстафету: „Дума покинута“. Жюль Фавръ отпускаетъ мэровъ; они направляются въ мэрію Лувра, гдѣ главный секретарь центральной мэріи предлагаетъ имъ занять городскую думу. Въ это мгновеніе появляется патруль федералистовъ. У мэровъ нѣтъ иного исхода, какъ вернуться въ мэрію биржи, которая и становится ихъ главной квартирой.

Уцѣлѣвшіе члены правительства: Дюфоръ, Жюль Симонъ, Потюо, Пикаръ, Лефло, тайно собираются на улицѣ Аббатуччи, гдѣ Жюль Фавръ сообщаетъ имъ о попыткѣ мэровъ. Они рѣшаютъ отставить д'Ореля и передать его полномочія Ланглуа, жестикуляція котораго на нихъ дѣйствуетъ успокоительно, и назначаютъ его главнокомандующимъ національной гвардіей. Ланглуа соглашается и въ полночь приноситъ эту добрую вѣсть въ мэрію биржи, обѣщаетъ, что правительство помѣститъ Доріана въ центральной мэріи, внесетъ въ собраніе проектъ муниципальнаго закона, и со словами: „Я иду на мученичество!“ новый Лафайетъ отправляется, подъ прикрытіемъ депутатовъ Локруа и Курне, въ городскую думу. Площадь оживлена, какъ среди бѣла дня. Чрезъ окна городской думы видно, что жизнь

тамъ кипитъ, но ничто не напоминаетъ былую сумятицу. Часовые пропускаютъ только офицеровъ или членовъ центральнаго комитета. Члены прибыли сюда, одинъ за другимъ, къ одиннадцати часамъ и въ числѣ двадцати, испуганные и нерѣшительные, они засѣдаютъ теперь въ той самой залѣ, гдѣ устраивалъ свои засѣданія Трошю. Никто изъ нихъ не мечталъ объ этой власти, которая такъ тяжело ложится теперь на ихъ плечи. Многіе отказываются засѣдать въ городской думѣ и повторяютъ безъ конца: „Мы не уполномочены управлять.“ Съ каждымъ вновь прибывающимъ этотъ споръ возобновляется. Наконецъ, Эдуарду Моро удается внести нѣкоторый порядокъ въ эту сумятицу. Покинуть завоеванный постъ невозможно, и потому рѣшено остаться до выборовъ, которые не могутъ продлиться долѣе двухъ-трехъ дней. Въ настоящую минуту надо подумать объ отраженіи возможнаго нападенія. Присутствующій здѣсь Люлье, переживая одну изъ своихъ ясныхъ минутъ, ручается за все и напоминаетъ о рѣшеніи въ Вокзалѣ. Его назначаютъ командиромъ національной гвардіи, совершая этимъ огромную оплошность; Брюнель же, сдѣлавшій такъ много, остается въ городской думѣ. Въ два часа дня появляется Ланглуа. Онъ уже отослалъ свою прокламацію въ „*Оффиціель*“. „Кто вы?“—спрашиваютъ часовые.—„Генералъ національной гвардіи“,—отвѣчаетъ бравый генералъ,—„центральный комитетъ не откажетъ принять меня“.—„Кѣмъ вы назначены?“—„Собраніемъ! Мое имя“,—прибавилъ онъ,—„является порукою мира“. Но Эдуардъ Моро отвѣчаетъ: „Національная гвардія назначаетъ сама своего начальника; санъ, данный вамъ собраніемъ, напавшимъ на Парижъ, ни въ коемъ случаѣ не можетъ служить порукою мира“. Ланглуа клянется, что принялъ командованіе лишь для того, чтобы уладить конфликтъ. „Прекрасно,“—отвѣчаетъ комитетъ,—но мы предпочитаемъ сами назначать нашихъ начальниковъ, производить муниципальные выборы, устанавливать гарантіи противъ монархистовъ. Если вы съ нами, подчинитесь народному голосованію“. Ланглуа и Лакруа продолжаютъ утверждать, что существуетъ только одна законная власть и эта власть—національное собраніе; она никогда не утвердитъ что-либо, исходящее отъ комитета мятежниковъ. Эта защита, въ стилѣ деревенскихъ депутатовъ собранія, выводитъ всѣхъ изъ терпѣнія. „Признаете вы центральный комитетъ, да или нѣтъ?“—„Нѣтъ“,—гово-

ритъ Ланглуа и съ этими словами удаляется вслѣдъ за своей прокламаціей.

Ночь проходитъ спокойно, для свободы этотъ покой смертеленъ. Чрезъ южныя ворота Винуа эвакуируетъ въ Версаль полки, артилерію и обозъ. Солдаты еле тащатся, осыпаютъ ругательствами жандармовъ. Генеральный штабъ, какъ того требовали традиціи, потерялъ голову и забылъ въ Парижѣ три полка, шесть батарей и всѣ канонерки, для спасенія которыхъ достаточно было пустить ихъ по теченію. Ничтожной демонстраціи со стороны федералистовъ было бы достаточно, чтобы остановить это движеніе. Но мысль закрыть ворота не осѣнила командира національной гвардіи Люлье, онъ оставилъ арміи всѣ проходы и самъ потомъ хвасталъ этимъ передъ военнымъ судомъ.

ГЛАВА IV.

«Наши разбитыя сердца взываютъ къ вашимъ».

Мэры Парижа и ихъ помощники и депутаты Сены къ національной гвардіи и ко всѣмъ гражданамъ.

Центральный комитетъ созываетъ избирателей.—Мэры Парижа и депутаты Сены возстаютъ противъ него.

Только 19-го утромъ Парижъ узнаетъ о своей побѣдѣ. Какая перемѣна декораціи! поразительная даже послѣ всѣхъ безчисленныхъ декорацій этой драмы, длящейся уже семь мѣсяцевъ. Красное знамя развѣвается надъ городской думой. Съ утренними туманами испарились и армія, и правительство, и администрація. А во главѣ Парижа оказался центральный комитетъ; выйдя изъ глубины Сентъ-Антуанскаго предмѣстья, изъ мрачной улицы Бафруа, онъ предсталъ открыто предъ всѣмъ міромъ. Итакъ, 4-го сентября имперія исчезла, депутаты лѣвой только приняли уже покинутую власть.

Честь, спасеніе комитета было въ единодушномъ стремленіи его возвратить власть Парижу. Если бы онъ былъ сектантскимъ, способнымъ только на декреты, движеніе свелось бы къ результатамъ 31-го октября. Къ счастью же, онъ состоялъ изъ новичковъ, безъ прошедшаго и политическихъ претензій, изъ людей, мало интересовавшихся системами, озабоченныхъ прежде всего спасеніемъ республики. Одна лишь мысль давала имъ точку опоры на этой головокружительной высотѣ, но то была вѣрная, истинно парижская мысль: Парижу необходимо сохранить его муниципалитетъ.

Это было излюбленною темой лѣвыхъ во времена имперіи. На этой почвѣ Жюль Ферри и Пикаръ завоевали себѣ симпатіи парижской буржуазіи, приниженной восьмидесятилѣтней административной опекой, возмущенной беззастѣнчивымъ хозяйничаньемъ Оссмана. Народъ же въ муниципальномъ совѣтѣ видѣлъ коммуну, свою прежнюю кормилицу, заступницу угнетенныхъ, защитницу отъ нужды.

Въ $8^1/_2$ часовъ происходитъ засѣданіе центральнаго комитета. Предсѣдательствуетъ Эдуардъ Моро, никому неизвѣстный торговый коммиссіонеръ, который отвыкъ становится душою комитета. „Я,“—говоритъ онъ,—не былъ того мнѣнія, что должно засѣдать въ городской думѣ, но разъ мы уже въ ней находимся, слѣдуетъ возможно быстрѣе выяснить положеніе дѣлъ, сказать Парижу о нашемъ намѣреніи: произвести выборы въ самый краткій срокъ, замѣстить общественныя должности, предохранить городъ отъ сюрпризовъ“.

Другіе говорятъ: „Надо идти на Версаль, разогнать собраніе и принудить высказаться всю Францію“. „Нѣтъ“,—отвѣчаетъ авторъ предложенія въ Вокзалѣ,—„мы уполномочены только упрочить права Парижа. Если провинція думаетъ какъ мы, пусть она подражаетъ намъ“.

Нѣкоторые хотятъ ликвидировать революцію до начала выборовъ. Другіе оспариваютъ эту столь неопредѣленную формулу. Комитетъ рѣшаетъ приступить сейчасъ же къ выборамъ и поручаетъ Моро редактировать воззваніе. Когда его подписываютъ, приходитъ Дюваль: „Граждане!“—говоритъ онъ:—„насъ извѣстили, что большинство членовъ правительства еще въ Парижѣ. Въ первомъ и второмъ округѣ готовится сопротивленіе, солдаты уходятъ въ Версаль. Надо принять быстрыя мѣры: захватить министровъ, разогнать враждебные батальоны, помѣшать врагу уйти“.

Въ самомъ дѣлѣ, Жюль Фавръ и Пикаръ только что покинули Парижъ. Жюль Симонъ, Жюль Ферри, Дюфоръ, Лефло, Потюо бѣжали уже ночью. Министры переѣзжали открыто; длинныя вереницы военныхъ плетутся еще черезъ ворота на лѣвомъ берегу. Комитетъ продолжаетъ подписываться, пренебрегаетъ классическою предосторожностью, закрытіемъ воротъ, и всецѣло погружается въ работы по выборамъ. Не видитъ онъ, да вообще очень немногіе видятъ, что между Парижемъ и Версалемъ возгорается борьба на жизнь и смерть.

Комитетъ, раздѣливъ между собою работу, посылаетъ делегатовъ

захватить министерства и различныя канцеляріи. Многіе делегаты—не члены комитета,—это все уже извѣстные люди дѣла. Изъ нихъ Варленъ и Журдъ отправляются въ министерство финансовъ, Эдъ—въ военное, Дюваль и Рауль Риго—въ полицейское управленіе, Бержере—на площадь, Эдуарду Моро поручено наблюденіе за „*Оффиціелемъ*“ и типографіей, Асси—управленіе городскою думой. Когда кто-то изъ комитета заговорилъ объ увеличеніи окладовъ, его коллеги запротестовали. „Дѣйствуя внѣ контроля и преградъ,“--говоритъ Моро,—„безнравственно брать какое-либо вознагражденіе. До сихъ поръ мы жили на наши тридцать су, проживемъ на нихъ и впредь“. Объявивъ себя постояннымъ, комитетъ назначаетъ слѣдующее засѣданіе на часъ дня.

На улицахъ раздается радостный ропотъ.

Солнце по-весеннему улыбается парижанамъ.

Это первый день надежды послѣ восьми тяжелыхъ мѣсяцевъ. Передъ баррикадами городской думы, на холмѣ Монмартръ, на всѣхъ бульварахъ толпятся любопытные. Кто же тутъ говоритъ о гражданской войнѣ? Только „*Оффиціель*“. Онъ имѣетъ свою особую манеру говорить о событіяхъ: „Правительство сдѣлало все для примиренія“; затѣмъ слѣдуетъ отчаянный призывъ къ національной гвардіи: „Какой-то комитетъ, назвавшій себя центральнымъ, хладнокровно убилъ генераловъ Клемана Тома и Леконта. Кто члены этого комитета? Коммунисты, бонапартисты, пруссаки? Берете вы на себя отвѣтственность за ихъ убійства?“ Эти вопли бѣглецовъ дѣйствуютъ только на нѣсколько ротъ центра. Но вотъ и тревожный симптомъ: молодые буржуа политехнической школы начинаютъ собираться у мэріи второго округа; извѣстно, что и студенты школъ, бывшіе до сихъ поръ авангардомъ революціи, высказались противъ комитета.

Но вѣдь это революція пролетаріевъ. Кто они такіе? Чего хотятъ они? Въ два часа народъ обступаетъ воззваніе комитета, вышедшее изъ національной типографіи: „Граждане! мирное и невозмутимое въ своей силѣ населеніе Парижа безъ страха и вызова относилось къ этимъ обезумѣвшимъ негодямъ, рѣшившимся посягнуть на республику.... Пусть Парижъ и съ нимъ вся Франція положатъ основаніе республикѣ со всѣми ея послѣдствіями; только эта форма правленія закончитъ эру вторженій и гражданскихъ войнъ. Населеніе Парижа

приглашается по секціямъ для выборовъ въ коммуну". И обращаясь къ національной гвардіи: „Вы возложили на насъ организацію защиты Парижа и вашихъ правъ. Этимъ исчерпываются наши полномочія, и мы возвращаемъ ихъ вамъ.... Подготовьте же и проведите ваши выборы въ коммуну. Въ ожиданіи выборовъ, мы сохранили во имя народа думу". Слѣдуютъ двадцать подписей [1]) которыя, за исключеніемъ двухъ или трехъ: Асси, Варлена, Люлье, извѣстны только по афишамъ послѣднихъ дней. Со времени знаменитаго утра 10-го августа 1792-го года въ Парижѣ еще не было случая, чтобы во главѣ управленія оказалось столько лицъ безъ политическаго имени. И все же ихъ афиши уважаются, ихъ батальоны дѣйствуютъ совершенно свободно, занимаютъ безъ сопротивленія всѣ важные пункты: въ часъ дня—министерство финансовъ и внутреннихъ дѣлъ, въ два часа—морское и военное, телеграфы, редакцію „*Оффиціель*", полицейское правленіе. Все это происходитъ потому, что ихъ первый шагъ былъ вѣренъ. Въ чемъ можно упрекнуть правительство, которое, лишь родившись, говоритъ уже о своемъ исчезновеніи? Вокругъ него лѣсъ ружей все растетъ, двадцать тысячъ человѣкъ съ хлѣбомъ, вздернутымъ на пики, расположились лагеремъ на площади городской думы. Пятьдесятъ жерлъ пушекъ и митральезъ, поставленныхъ вдоль фасада, служатъ защитой коммунальному дому. Дворы, лѣстницы, полны обѣдающими гвардейцами. Большая тронная зала изобилуетъ офицерами, гвардейцами, статскими. Въ залѣ, налѣво, главный штабъ—тутъ шумъ прекращается. Комната, выходящая на Сену, служитъ прихожей комитету. Здѣсь до 50-ти человѣкъ пишутъ за длиннымъ столомъ. Царствуетъ тишина, дисциплина. Отъ времени до времени дверь, охраняемая двумя часовыми, отворяется и пропускаетъ члена комитета, который несетъ или приказъ, или воззваніе.

Засѣданіе возобновилось. Бабикъ требуетъ, чтобы комитетъ протестовалъ противъ казни Клемана Тома и Леконта, къ которой онъ

---

[1]) Асси, Бильорэ, Бабикъ, Ферра, Эдуардъ Моро, Дюпонъ, Варленъ, Бурсье, Мортье, Гуіе, Лавалеттъ, Ф. Журдъ, Руссо, Люлье, Бланше, Ж. Гролларъ, Барру, Жеремъ, Фабръ, Фужере,—все это члены, присутствовавшіе на утреннемъ засѣданіи и подписавшіеся. Впослѣдствіи комитетъ рѣшилъ подписывать свои публикаціи именами всѣхъ членовъ,—присутствовали ли они, или нѣтъ.

совершенно не причастенъ. „Очень важно“,—говоритъ онъ,—„чтобы комитетъ освободился отъ отвѣтственности“. Ему отвѣчаютъ: „Остерегайтесь осуждать народъ или же бойтесь, ибо и онъ можетъ осудить васъ“.—Руссо говоритъ: „Газета „*Оффиціель*“ объявляетъ, что разстрѣлы совершены на нашихъ глазахъ. Мы должны уничтожить эти клеветы. Народъ и буржуазія протянули другъ другу руки въ этой революціи. Этотъ союзъ долженъ упрочиться. Вамъ необходимо, чтобы всѣ приняли участіе въ выборахъ“.—„Прекрасно! покидайте народъ, чтобы сохранить буржуазію; народъ удалится, и вы тогда увидите, кто творецъ революціи—народъ или буржуазія?“ [1]). Комитетъ рѣшаетъ возстановить истину при помощи оффиціальнаго сообщенія въ газетѣ „*Оффиціель*“.

Моро предлагаетъ и прочитываетъ проектъ манифеста, который принимается.

Комитетъ обсуждаетъ время и форму выборовъ; вдругъ ему объявляютъ, что въ мэріи 3-го округа созвано большое собраніе батальонныхъ начальниковъ, мэровъ и депутатовъ Сены. Комитету говорятъ, что это собраніе согласно созвать выборщиковъ.

„Если дѣло обстоитъ такъ“,—говоритъ Моро,—„слѣдуетъ сговориться съ ними, чтобы упорядочить положеніе“. Другіе, вспомнивъ времена осады, требуютъ просто, чтобы одинъ изъ батальоновъ окружилъ мэрію и арестовалъ ихъ. Грелье ищетъ соглашенія. Бабикъ говоритъ: „Если мы хотимъ увлечь Францію, не слѣдуетъ ее пугать. Подумайте о томъ, какое впечатлѣніе произведетъ арестъ депутатовъ и мэровъ, и какое—ихъ согласіе“. Арнольдъ: „Очень

---

[1]) Протоколы засѣданій центральнаго комитета никогда не были изданы, но одинъ изъ его ревностныхъ членовъ воспроизвелъ главныя засѣданія. Приведенныя подробности взяты изъ его замѣтокъ, просмотрѣнныхъ его коллегами. Отчеты газеты „*Paris-Journal*“, которыми пользовались реакціонные историки, не полны, не точны, основаны часто на фантазіи и невѣжественныхъ разоблаченіяхъ. Въ этихъ отчетахъ на всѣхъ засѣданіяхъ предсѣдательствуетъ Асси, которому приписывется одна изъ главныхъ ролей; и это потому, что во время имперіи Асси считался руководителемъ стачки въ Крезо. Въ дѣйствительности, предсѣдатели мѣнялись на каждомъ засѣданіи, и Асси никогда не пользовался вліяніемъ ни въ комитетѣ, ни въ коммунѣ, которая велѣла арестовать его.

важно собрать внушительное число голосовъ. Весь Парижъ явится къ урнамъ, если представители и мэры соединятся съ нами“.— „Скажите лучше“,—кричитъ одинъ возбужденный голосъ,—„что вы не подходите къ вашей роли и что ваша единственная забота—освободиться отъ нея!“

Въ концѣ концовъ, Арнольда отряжаютъ въ мэрію. Утромъ Тьеръ передалъ мэрамъ временную администрацію Парижа, и многіе парижскіе депутаты присоединились къ нимъ. Ланглуа, взбѣшенный крушеніемъ своего генеральства, осыпаетъ бранью „убійцъ“; Шельхеръ предаетъ анаѳемѣ городскую думу. Анри Бриссонъ заявляетъ, что собраніе уже сумѣетъ поддержать порядокъ; граверъ Толэнъ пожимаетъ плечами, когда ему говорятъ про этотъ комитетъ, составленный изъ какихъ-то рабочихъ. Нѣкоторые, менѣе озлобленные, боялись вмѣшательства пруссаковъ и какъ слѣдствія его—имперіи. Искренніе соціалисты, какъ Мильеръ, Малонъ и представители коммуны, страшились кроваваго пораженія пролетаріевъ.

Въ мэріи 3-го округа, гдѣ собралось много начальниковъ батальоновъ, покинутыхъ подчиненными и поэтому страшно озлобленныхъ на центральный комитетъ, Арнольда принимаютъ довольно плохо, самые возбужденные отказываются даже выслушивать что-либо о центральномъ комитетѣ. Въ концѣ концовъ, рѣшаютъ послать делегатовъ въ городскую думу, ибо, пріятно это или нѣтъ, а приходится признать, что сила въ ея рукахъ.

Между тѣмъ, центральный комитетъ назначаетъ выборы на среду 23-го марта, издаетъ декретъ о снятіи осаднаго положенія, отмѣнѣ военныхъ судовъ и амнистіи за всѣ политическіе проступки и преступленія.

Въ восемь часовъ вечера онъ собирается снова, чтобы принять депутатовъ отъ собранія въ 3-мъ округѣ. Эти депутаты: Мильеръ, Клемансо, Толэнъ, Курне, Локруа; мэры: Бонвале и Моттю; помощники мэровъ: Малонъ, Мюра, Жакларъ, Лео Мелье.

Первымъ говоритъ Клемансо, молодой мэръ Монмартра. Онъ понялъ сложныя чувства своихъ коллегъ и очень живо излагаетъ ихъ. Положеніе центральнаго комитета совершенно фальшиво, мотивъ возстанія незаконенъ, пушки принадлежали государству. Онъ напоминаетъ о своихъ многочисленныхъ попыткахъ въ комитетѣ на улицѣ

де-Розье, скорбитъ о томъ, что не послѣдовали его совѣтамъ, говоритъ о разстрѣлѣ генераловъ, возмутившемъ общественное мнѣніе. Идя до конца, онъ утверждаетъ, что центральный комитетъ не властвуетъ надъ Парижемъ, что многіе батальоны собираются вокругъ мэровъ и депутатовъ; скоро, говоритъ онъ, комитетъ сдѣлается смѣшнымъ, и его декреты будутъ презираться. Онъ допускаетъ правомѣрность требованія возстановить столицу, сожалѣетъ о томъ, что правительство возбудило справедливый гнѣвъ, но отказываетъ Парижу въ правѣ возставать противъ Франціи; Парижъ долженъ признать права собранія. Комитету остается одинъ выходъ: очистить мѣсто депутатамъ и мэрамъ, которые рѣшили добиться у собранія всѣхъ требованій, выставленныхъ Парижемъ.

Голоса изъ комитета часто прерываютъ его. Какъ! Смѣютъ говорить о возстаніи! Кто же вызвалъ гражданскую войну, кто напалъ? Вѣдь національная гвардія только отразила ночное нападеніе и возвратила себѣ пушки, купленныя ею, а центральный комитетъ лишь подчинился народу и занялъ покинутую городскую думу.

Одинъ членъ комитета говоритъ: „Центральный комитетъ получилъ законный императивный мандатъ. Этотъ мандатъ запрещаетъ ему допустить, чтобы правительство или собраніе коснулись свободъ и республики. Собраніе не пропускало дня безъ попытки поколебать республику. Главою національной гвардіи оно назначило обезчещеннаго генерала, оно лишило Парижъ значенія столицы, старалось разорить нашу торговлю. Оно смѣялось надъ нашими страданіями, оно отрицало преданность, храбрость и самоотверженность, которую проявилъ Парижъ при осадѣ, освистало нашихъ любимыхъ делегатовъ: Гарибальди, Гюго. Заговоръ противъ республики очевиденъ. Начали съ того, что зажали ротъ печати, закончить надѣялись разоруженіемъ нашихъ батальоновъ. Да! мы прибѣгли только къ законной защитѣ. Если бы мы склонились и передъ этимъ новымъ безчестіемъ,—республика была бы потеряна. Вы говорили намъ о національномъ собраніи, о Франціи. Полномочія собранія прекратились. Что касается Франціи, мы не претендуемъ диктовать ей свои законы—мы слишкомъ много выстрадали отъ ея предписаній,—но мы не хотимъ болѣе выносить подтасованныхъ администраціей плебисцитовъ, которые ставятъ во главѣ страны деревенскихъ реакціонеровъ. Вы ви-

дите, что не зачѣмъ доказывать еще, которыя изъ полномочій болѣе законны. Мы вамъ говоримъ: революція совершилась, но мы не узурпаторы. Мы созываемъ Парижъ для выборовъ его представителей. Желаете вы намъ помочь произвести выборы? Мы примемъ вашу помощь съ благодарностью!“

При упоминаніи объ автономной коммунѣ, о федераціи коммунъ, вмѣшивается Мильеръ. Онъ подвергался одинаковымъ преслѣдованіямъ и со стороны правительства имперіи, и со стороны правительства обороны, этотъ боецъ соціализма, холодный, уравновѣшенный, односторонній, съ грустнымъ лицомъ, на которомъ лишь иногда вспыхиваетъ огонекъ энтузіазма. „Берегитесь!“—говоритъ онъ,—„если вы выкините это знамя, правительство натравитъ на Парижъ всю Францію,—я предвижу въ будущемъ ужасные іюньскіе дни. Часъ соціальной революціи еще не пробилъ. Надо отказаться отъ нея или погибнуть, увлекая въ своемъ паденіи всѣхъ пролетаріевъ. Прогрессъ достигается болѣе медленнымъ путемъ. Покиньте же высоты, на которыя вы поднялись. Побѣдоносное сегодня, ваше возстаніе можетъ быть побѣждено завтра. Используйте движеніе возможно лучше и не бойтесь удовольствоваться малымъ: одна уступка служитъ оружіемъ добыть другую. Я заклинаю васъ уступить мѣсто собранію депутатовъ и мэровъ; ваше довѣріе не будетъ обмануто“.

Выступаетъ Бурсье: „Такъ какъ въ первый разъ заговорили о соціальной революціи, то я заявляю, что мы не уполномочены осуществлять ее. (Голоса изъ комитета: Да! да! Нѣтъ! нѣтъ!). Говорили о федераціи, о Парижѣ, какъ о свободномъ городѣ. Наша задача гораздо проще, она исчерпывается выборами. Народъ затѣмъ самъ рѣшитъ свою дальнѣйшую судьбу. Требованіе уступить мѣсто депутатамъ и мэрамъ невыполнимо. Они не популярны и не пользуются въ національномъ собраніи никакимъ авторитетомъ. Выборы произойдутъ съ ихъ помощью или безъ нея. Хотятъ они намъ помочь—мы протягиваемъ имъ руку. Если же нѣтъ, мы обойдемся безъ нихъ и, если они попробуютъ противодѣйствовать, мы сумѣемъ обезвредить ихъ“.

Делегаты противятся. Споръ становится бурнымъ. „Въ чемъ же, наконецъ, состоятъ ваши требованія?—говоритъ Клемансо. Не удовольствуетесь ли вы, уполномочивъ насъ потребовать у собранія учрежденія муниципальнаго совѣта?“ Многіе изъ комитета: „Нѣтъ! нѣтъ!“

„Мы хотимъ“,—говоритъ Варленъ, —„не только выборнаго муниципальнаго совѣта, но и серьезныхъ муниципальныхъ свободъ, упраздненія полицейской префектуры; для національной гвардіи—права назначать своихъ начальниковъ и реорганизоваться. Требуемъ провозглашенія республики, какъ законнаго правительства, полнаго прощенія долга по квартирной платѣ, числящагося за недостаточными квартиронанимателями, справедливаго закона о векселяхъ, воспрещенія войскамъ вступать на парижскую территорію“.

Малонъ дѣлаетъ послѣднее усиліе: „Я раздѣляю, повѣрьте мнѣ, всѣ ваши стремленія, но положеніе чрезвычайно опасно. Ясно, что собраніе не пожелаетъ выслушать что-либо, пока центральный комитетъ будетъ хозяиномъ Парижа. Между тѣмъ, если Парижъ вернется къ своимъ законнымъ представителямъ, они могутъ получить и муниципальный совѣтъ и выборы національной гвардіи и даже уничтоженіе закона о векселяхъ. Что касается требованія относительно арміи,—мы не можемъ надѣяться на его выполненіе“.

„Что же, вы хотите новаго 31-го октября!“ Споръ тянется до половины одиннадцатаго, комитетъ защищаетъ свое право произвести выборы, делегаты—свои требованія ихъ замѣстить. Наконецъ, комитетъ соглашается послать въ мэрію 2-го округа четырехъ человѣкъ: Варлена, Моро, Журда и Арнольда.

Они находятъ въ сборѣ весь генеральный штабъ либерализма и радикализма, депутатовъ, мэровъ и помощниковъ мэровъ; тутъ Луи Бланъ, Шельхеръ, Карно, Флоке, Тираръ, Демаре, Вотренъ, Дюбайль, приблизительно шестьдесятъ человѣкъ. И здѣсь народное дѣло имѣетъ нѣсколькихъ искреннихъ защитниковъ, но всѣ они глубоко испуганы совершившимся прыжкомъ въ неизвѣстное. Предсѣдательствуетъ мэръ 2-го округа, Тираръ, высокомѣрный либералъ, одинъ изъ тѣхъ, которые сковавъ Парижъ, передали его въ руки Трошю. Передъ коммиссіей деревенскихъ реакціонеровъ онъ изложилъ въ урѣзанномъ и искаженномъ видѣ ходъ этого засѣданія, въ которомъ буржуазія раскрыла все свое постыдное существо. Вотъ голая истина.

Делегаты: „Центральный комитетъ готовъ соединиться съ муниципалитетомъ, если послѣдній согласенъ произвести выборы“. Шельхеръ, Тираръ, Пейра, Луи Бланъ и всѣ либералы хоромъ: „Муниципалитетъ не вступитъ въ сношеніе съ центральнымъ комитетомъ. Существуетъ

только одна законная власть: собраніе мэровъ, назначенныхъ делегаціей правительства“.

Делегаты: „Не будемъ спорить объ этомъ. Центральный комитетъ существуетъ. Насъ уполномочила національная гвардія. Городская дума въ нашей власти, хотите вы произвести выборы?“

— „Но какова ваша программа?“

Варленъ развиваетъ ее. На него нападаютъ со всѣхъ сторонъ. Четверо должны выдержать напоръ двадцати. Самымъ сильнымъ доводомъ старыхъ мятежниковъ 1830, 48 и 70-го года является то, что Парижъ не можетъ самъ назначать свои выборы и долженъ выждать позволенія собранія.

Делегаты: „Народъ имѣетъ право созывать себя. Это его неоспоримое право и онъ пользовался имъ неоднократно въ дни большой опасности. Такой часъ насталъ, потому что собраніе въ Версалѣ стремится къ монархіи“.

Цѣлый дождь взаимныхъ обвиненій:--„Вы стоите передъ силой,“—говорятъ делегаты.—„Остерегайтесь вызвать гражданскую войну вашимъ упорствомъ“. „Это вы хотите гражданской войны“,—отвѣчаютъ либералы.

Въ полночь Моро и Арнольдъ, возмущенные, удаляются. Ихъ собратья готовы послѣдовать за ними, но помощники мэровъ умоляютъ ихъ остаться и исчерпать всѣ средства примиренія.

„Мы обѣщаемъ,“—говорятъ нѣкоторые мэры и депутаты,—„приложить всѣ наши усилія, чтобы добиться отъ правительства муниципальныхъ выборовъ въ самый краткій срокъ“. „Очень хорошо,“—отвѣчаютъ делегаты,—„но мы сохранимъ наши позиціи, мы должны имѣть гарантію“. Делегаты и мэры настаиваютъ, требуютъ, чтобы Парижъ отдался въ ихъ руки на честное слово. Журдъ хочетъ удалиться, нѣсколько помощниковъ мэровъ удерживаютъ его. Одно мгновеніе кажется, что согласіе возможно; предложена такая формула: „Комитетъ передастъ административную власть мэрамъ, которые займутъ часть городской думы; комитетъ, продолжая съ своей стороны засѣдать тамъ, сохранитъ въ своихъ рукахъ только управленіе національной гвардіей и охрану безопасности города. Остается только закрѣпить состоявшееся соглашеніе въ общей прокламаціи,—но споръ разгорается съ новою силой, когда дѣло доходитъ до формулировки. Делегаты центральнаго комитета желаютъ, чтобы было сказано прямо: „Депутаты,

мэры и ихъ помощники въ согласіи съ центральнымъ комитетомъ". Эти же господа, напротивъ, желаютъ замаскировать свое выступленіе. Тираръ, Шельхеръ возстаютъ противъ делегатовъ. Происходитъ и комическій эпизодъ. Вдругъ, какъ кукушка, выскакивающая изъ часовъ, подымается на своихъ маленькихъ каблучкахъ Луи Бланъ, до тѣхъ поръ молчавшій, неистово жестикулируетъ, возвращается къ своимъ манерамъ 16-го марта 48-го года и выкрикиваетъ проклятья: „Вы возстали противъ свободно избраннаго національнаго собранія",— это были слова Тьера,—„мы законные уполномоченные, мы не можемъ согласиться на объединеніе съ инсургентами. Мы очень желаемъ предупредить гражданскую войну, но не хотимъ казаться вашими помощниками въ глазахъ Франціи". Журдъ отвѣчаетъ человѣчку, что сдѣлка, чтобы быть принятой народомъ, должна быть признана открыто и, отчаиваясь въ успѣхѣ, онъ покидаетъ собраніе.

Въ этомъ цвѣтѣ либеральной буржуазіи, прежнихъ изгнанниковъ, адвокатовъ, старыхъ революціонеровъ не раздалось ни одного негодующаго голоса: „Прекратимъ эти жестокіе споры, вы, центральный комитетъ, согласный съ Парижемъ, и мы, которымъ внемлетъ республиканская Франція, установимъ и разграничимъ наши взаимныя требованія. Вы приносите силу, воодушевленіе; мы вамъ дадимъ опытъ неумолимой дѣйствительности. Мы доложимъ собранію объ этомъ практическомъ союзѣ, одинаково уважающемъ и права націи, и права города. И когда Франція увидитъ возставшій Парижъ, въ которомъ идея и матеріальная мощь уравновѣшены, въ которомъ полные силы новаторы соединились со старыми уважаемыми именами, создавъ такимъ образомъ надежный щитъ противъ роялистовъ и клерикаловъ, —голосъ Парижа будетъ услышанъ въ Версалѣ, собраніе будетъ вынуждено склониться передъ его волей". Но что могли дать эти людишки, не нашедшіе достаточно мужества, чтобы вырвать Парижъ изъ рукъ Тропю.

Варленъ, одинокій, долженъ былъ вынести напоръ всей этой своры. Истощенный, обезсиленный—борьба продолжалась пять часовъ—онъ уступаетъ наконецъ со всевозможными оговорками. Лишь на воздухѣ къ нему возвращается его обычная ясность и вернувшись въ городскую думу, онъ говоритъ своимъ коллегамъ, что теперь прекрасно понялъ ловушку и совѣтуетъ имъ отвергнуть требованіе мэровъ и депутатовъ.

ГЛАВА V.

„Я думалъ, что парижскіе инсургенты не сумѣютъ управлять своею ладьею“.
(Жюль Фавръ. Анкета о 18-мъ марта).

Центральный Комитетъ заявляетъ о себѣ, реорганизуетъ общественныя должности и овладѣваетъ Парижемъ.

Соглашеніе не состоялось. Изъ четырехъ делегатовъ уступилъ только одинъ, да и то въ минуту крайняго утомленія. Итакъ, когда мэръ Бонвале и два помощника, 20-го утромъ, явились занимать городскую думу, члены комитета воскликнули единодушно: „Мы не договаривались!“ Бонвале говоритъ: „Депутаты потребуютъ сегодня муниципальныхъ свободъ; мэры ихъ поддержатъ. Переговоры ихъ ни къ чему не приведутъ, если администрація Парижа не будетъ возвращена мэрамъ. Вы должны уважать обязательства вашихъ делегатовъ, если не хотите сдѣлать безплодными всякія усилія васъ спасти“. Комитетъ: „Наши делегаты не уполномочены навязывать намъ обязательства. Мы не желаемъ, чтобы насъ спасали!“ Беретъ слово неизвѣстный человѣкъ, только что вошедшій: „Я изъ Кордери. Комитетъ двадцати округовъ, интернаціоналъ, заклинаютъ центральный комитетъ оставаться на своемъ посту до выборовъ“. Другой говоритъ: „Если комитетъ уступитъ свое мѣсто, революція будетъ обезоружена. Мы останемся, но я протестую противъ вмѣшательства Кордери. Намъ приказываетъ только національная гвардія. Если Интернаціоналъ сегодня и съ нами, мы не должны забывать, что не всегда это было такъ“.

Споры возобновляются, Бонвале заявляетъ, что онъ пришелъ занять городскую думу, а не спорить, и удаляется.

Это упорство подтверждаетъ всѣ подозрѣнія. За спиною мэровъ, комитетъ видѣлъ надвигающуюся безпощадную реакцію. „Эти люди хотятъ насъ выдать“,—думали даже тѣ, что помирились бы еще наканунѣ. Какъ бы то ни было, но требовать отъ комитета выдачи городской думы—означало требовать его жизни. Въ концѣ концовъ, онъ отрѣзалъ себѣ всѣ пути.

„*Оффиціель*“ впервые въ рукахъ народа, афиши заговорили:

„Выборы въ муниципальный совѣтъ состоятся въ будущую среду, 22-го марта“, объявлялъ центральный комитетъ. И въ манифестѣ: „Какъ дитя республики, написавшее на своемъ знамени великое слово „братство“, онъ прощаетъ клеветникамъ, но онъ хочетъ разяснить дѣло честнымъ людямъ, повѣрившимъ этой клеветѣ по невѣдѣнію... Комитетъ не былъ тайнымъ, члены его всегда выставляли свои имена на афишахъ. Комитетъ не былъ собраніемъ неизвѣстныхъ лицъ, такъ какъ онъ созданъ свободными выборами двухсотъ пятнадцати батальоновъ... Онъ не былъ виновникомъ безпорядковъ, потому что національная гвардія не совершала насилій... И все же не было недостатка въ провокаціи... Правительство оклеветало Парижъ и натравило на него провинцію... оно хотѣло навязать намъ генерала... старалось насъ обезоружить... сказало Парижу: „Ты оказался героемъ, мы боимся тебя и потому срываемъ съ тебя вѣнецъ столицы“... Что сдѣлалъ центральный комитетъ въ отвѣтъ на эти нападки? Онъ основалъ федерацію, проповѣдывалъ умѣренность, великодушіе... Предметомъ наибольшихъ упрековъ служитъ неизвѣстность нашихъ именъ. Увы, многія имена намъ были извѣстны, очень извѣстны, и эта извѣстность сдѣлалась для насъ роковой... Извѣстность дешево дается: достаточно нѣсколькихъ трескучихъ фразъ и немного подлости,—недавнее прошлое намъ это доказало... Достигнувъ цѣли, мы говорили народу, уважавшему насъ настолько, чтобы подчиниться нашему мнѣнію, несмотря на то, что мы часто сдерживали его нетерпѣніе: Возвращаемъ тебѣ полномочія, которыя ты намъ довѣрилъ; тамъ, гдѣ начинаются наши личные интересы, кончается нашъ долгъ; исполни свою волю. Мой господинъ! Ты освободился. Неизвѣстные нѣсколько дней тому назадъ,

мы вернемся неизвѣстными въ твои ряды и докажемъ управителямъ, что можно съ гордо поднятой головой спуститься по ступенямъ городской думы, въ увѣренности встрѣтить внизу пожатіе твоей сильной и честной руки“.

На ряду съ этой прокламаціей, полной столь новаго, своеобразнаго краснорѣчія, представителями и мэрами было расклеено нѣсколько сухихъ и блѣдныхъ строкъ, въ которыхъ они обѣщали потребовать отъ собранія выборовъ всѣхъ начальниковъ національной гвардіи и установленія муниципальнаго совѣта.

Въ Версалѣ они нашли сборище умалишенныхъ. Служащіе, бѣжавшіе изъ-подъ власти террора въ Парижѣ, распространяли ужасные слухи. Объявлялось о пяти или шести возстаніяхъ въ провинціи. Коалиція была въ унынiи. Парижъ—побѣдитель, правительство—въ бѣгствѣ,это совсѣмъ не то, что было обѣщано. Эти заговорщики, взорванные миной, которую сами же они начинили и подожгли, кричали о заговорѣ, говорили о бѣгствѣ въ Буржъ. Пикаръ, правда, телеграфировалъ въ провинцію: „Армія, въ составѣ сорока тысячъ человѣкъ, стягивается къ Версалю“, но вмѣсто арміи попадались лишь шайки,—по выраженію Жюля Симона,—не отдававшія болѣе чести офицерамъ, свирѣпо поглядывавшія на нихъ. Были солдаты, заявлявшіе во всеуслышаніе, что они не намѣрены сражаться со своими парижскими братьями [1]). Съ большимъ трудомъ только удалось Винуа разставить нѣсколько постовъ на дорогахъ въ Шантильонъ и въ Севръ.

Это національное собраніе, составленное изъ бутафорскихъ эффектовъ, работало всегда на подмосткахъ, и нынѣшнее засѣданіе его состоялось въ театральномъ залѣ. Президентъ Греви, очень уважаемый реакціонерами (4-го сентября вечеромъ онъ пытался возстановить законодательный корпусъ противъ городской думы и въ продолженіе всей войны боролся противъ делегаціи), началъ съ нападокъ по адресу этого преступнаго возстанія, „для котораго ни въ чемъ не можетъ быть ни малѣйшаго оправданія“. Вмѣсто коллективнаго манифеста, депутаты Парижа предложили рядъ отрывочныхъ, безсвязныхъ постановленій, безъ общаго взгляда на вещи, безъ предисловія, которое бы

---

[1]) Жюль Фавръ. Парламентская анкета.

ихъ поясняло; одинъ проектъ предлагаетъ созвать избирателей Парижа въ кратчайшій срокъ, другой—утвердить за національною гвардіей право выбора своихъ начальниковъ. Только Мильеръ вспомнилъ о платежныхъ срокахъ и предложилъ отсрочить ихъ на шесть мѣсяцевъ.

За исключеніемъ возгласовъ и полузаглушенныхъ оскорбленій, по адресу Парижа еще не предъявлялось формальнаго иска. На вечернемъ засѣданіи выступилъ Трошю, и—о, сцена, достойная пера Шекспира! — этотъ негодяй, предавшій великій городъ въ руки Вильгельма, сваливаетъ свою измѣну на революціонеровъ, обвиняетъ ихъ въ томъ, что они десять разъ рисковали отдать Парижъ пруссакамъ. Признательное собраніе наградило его рѣчь аплодисментами. Эксъ-прокуроръ имперіи, Тюрке, арестованный наканунѣ на часъ, разсказалъ про арестъ генераловъ Шанзи и Лангуріана. „Я надѣюсь“,—сказалъ лицемѣръ,—„что они не будутъ убиты!“)

Въ этотъ критическій часъ консерваторы, отрываясь на мгновеніе отъ своихъ мечтаній, поспѣшно принялись за освобожденіе отъ революціи; окруживъ Тьера, они возобновили коалицію 1848—49 годовъ, такъ хорошо охарактеризованную Беррье:

„Мы прежде всего монархисты и ждемъ лишь, когда пробьетъ нашъ часъ; но теперь важно соединиться, чтобы создать сильную армію, способную дать отпоръ соціализму“. Итакъ, только что спасши свою шкуру, Тьеръ и его министры могли снова заняться своей „высокой“ миссіей. Развѣ провинція не поднимется имъ на помощь, какъ въ іюнѣ 49-го года? Развѣ эти пролетаріи, безъ политическаго образованія, безъ администраціи, безъ денегъ, сумѣютъ „направить свою ладью“?

Въ 1831-мъ году пролетаріи, владѣвшіе Ліономъ въ продолженіе десяти дней, не сумѣли управиться съ властью,—насколько же труднѣе положеніе въ Парижѣ?! Всѣ новыя власти получали огромную административную машину нетронутой, готовой работать на пользу

---

[1]) Оба генерала свидѣтельствуютъ въ парламентской анкетѣ о чрезвычайно внимательномъ обращеніи съ ними. Послѣ того, какъ обѣщаніе не служить противъ Парижа было письменно засвидѣтельствовано Шанзи, центральный комитетъ отпустилъ ихъ на свободу.

побѣдителя. Центральный комитетъ нашелъ колеса разобранными. По данному сигналу изъ Версаля, большинство служащихъ покинуло свои посты. Городскіе налоги, надзоръ за путями сообщенія, освѣщеніе, рынки и склады, общественныя благотворительныя учрежденія, всѣ пищеварительные и дыхательные органы этого города въ 1.600.000 душъ—все это предстояло организовать. Нѣкоторые мэры увезли съ собою печати, счеты и кассы своихъ мэрій. Военное министерство покинуто безъ копейки, въ больницахъ и амбулаторіяхъ 6.000 больныхъ. До кладбищенскихъ сторожей включительно не существуетъ ничего, не приведеннаго въ безпорядокъ стараніями Тьера.

Жалокъ тотъ, кто не зналъ никогда силы Парижа, неизъяснимой глубины его чувства, его чудесной упругости. Со всѣхъ сторонъ спѣшатъ въ центральный комитетъ. Окружные комитеты поставляютъ персоналъ для мэрій, мелкая буржуазія предлагаетъ свою дѣловую опытность. Главныя должности въ одно мгновеніе ока замѣщены людьми умѣлыми и разумными, доказавшими, что эти качества равноцѣнны рутинѣ. Служащіе, оставшіеся на постахъ для переправки денежныхъ фондовъ въ Версаль, вскорѣ были обнаружены.

Центральный комитетъ побѣждаетъ еще одну, гораздо болѣе грозную, опасность. 300.000 человѣкъ безработныхъ, безъ всякихъ средствъ къ существованію, ждутъ ежедневно 30 су, на которые они живутъ вотъ уже 7 мѣсяцевъ. 19-го делегаты Варленъ и Журдъ направляются въ министерство финансовъ. Въ городскихъ кассахъ имѣлось въ то время четыре милліона шесть тысячъ франковъ, но ключи были въ Версалѣ. Въ виду переговоровъ съ мэрами, делегаты не хотятъ ломать замковъ, и они обращаются къ Ротшильду съ просьбой открыть имъ кредитъ въ банкѣ. Онъ велитъ имъ отвѣтить, что выдастъ 500.000 франковъ. Центральный комитетъ берется энергично за дѣло и посылаетъ въ банкъ трехъ делегатовъ, имъ говорятъ, что въ распоряженіе Журда и Варлена будетъ передано 1 милліонъ франковъ. Въ шесть часовъ вечера оба делегата принимаются управляющимъ. „Я ждалъ вашего посѣщенія“;—говоритъ г-нъ Руланъ.—„При каждой перемѣнѣ правительства, банкъ приходилъ на помощь новому. Я не призванъ судить о событіяхъ. Французскій банкъ не занимается политикой. Фактическое правительство—вы. На сегодня банкъ ассигнуетъ вамъ 1 милліонъ.

Будьте только добры упомянуть въ вашей распискѣ, что эта сумма потребована за счетъ города". Делегаты уносятъ милліонъ франковъ въ банковыхъ билетахъ; остается размѣнять ихъ, — но служащіе министерства финансовъ исчезли; только благодаря немногимъ изъ нихъ сторонникамъ новой власти удается быстро реализовать сумму. Въ десять часовъ Варленъ и Журдъ оповѣщаютъ центральный комитетъ, что жалованье раздается во всѣхъ округахъ [1]).

Банкъ поступилъ разумно. Комитетъ прочно утвердился въ Парижѣ. Мэры и депутаты смогли собрать лишь отъ 300 до 400 человѣкъ. Комитетъ настолько увѣренъ въ своей силѣ, что велитъ разобрать баррикады. Все идетъ къ нему; гарнизонъ Венсеня добровольно предлагаетъ себя и свою крѣпость. Его побѣда становится даже опасной, обязывая его раздѣлить свои войска для занятія покинутыхъ южныхъ фортовъ.

19-го и 20-го Люлье, на котораго возложена эта миссія, велитъ занять форты д'Иври, Бисетръ, Монружъ, Ванвъ, Исси. Послѣднимъ занимается Монъ-Валерьянъ, этотъ ключъ Парижа, а слѣдовательно и Версаля. Въ продолженіе 36-ти часовъ непобѣдимая крѣпость пустовала. 18-го вечеромъ, послѣ приказа Тьера объ эвакуаціи, въ ней было оставлено только двадцать ружей да Венсенскіе егеря, арестованные за манифестацію у Бастиліи. Въ тотъ же вечеръ они сломали замки и вернулись въ Парижъ. Генералы и депутаты упрашиваютъ Тьера занять вновь Монъ-Валерьянъ. Онъ упрямо отказываетъ, основываясь на томъ, что это укрѣпленіе не имѣетъ будто бы никакого стратегическаго значенія. Все 19-ое число они терпятъ неудачу. Наконецъ, Винуа, тѣснимый депутатами, вынуждаетъ его отдать приказъ 20-го, въ часъ утра. Посланный отрядъ, подъ командою генерала Ноэля, обѣщавшаго, безъ сомнѣнія, измѣнить свой ме-

---

[1]) Лѣвая усмотрѣла въ этомъ бонапартистскій маневръ; она писала и кричала съ трибуны: „Бонапартистъ-директоръ французскаго банка спасъ центральный комитетъ; безъ милліона, даннаго ему въ понедѣльникъ, комитетъ сдался бы". Отвѣтомъ служатъ два факта. 19-го комитетъ могъ взять въ министерствѣ финансовъ четыре милліона шестьсотъ тысячъ франковъ, кромѣ того въ муниципальной кассѣ было 1.200,000 фр., 21-го городскія пошлины дали пятьсотъ тысячъ франковъ.

тодъ стрѣльбы, занимаетъ крѣпость 21-го, въ двѣнадцать часовъ. Только къ восьми часамъ вечера являются батальоны изъ Терн. Парламентеромъ служитъ комендантъ; онъ говоритъ, что не имѣетъ приказа нападать, и ему удается убѣдить офицеровъ отступить. Между тѣмъ Люлье, отдавая отчетъ центральному комитету, назвалъ и тѣ батальоны, которые, по его словамъ, заняли Монъ-Валерьянскую крѣпость.

ГЛАВА VI.

„Мысль быть свидѣтелемъ кровавой бани, причиняла мнѣ боль“.

(Жюль Фавръ. Анкета о 4-мъ сентября).

Мэры, депутаты, журналисты, національное собраніе—всѣ набрасываются на Парижъ.—Реакція является на Вандомскую площадь и получаетъ свою кару.

21-го положеніе обрисовывается очень опредѣленно.

Въ Парижѣ—центральный комитетъ, съ нимъ всѣ рабочіе, всѣ наиболѣе порядочные и сознательные элементы мелкой буржуазіи. Онъ говоритъ: „У меня только одна цѣль: выборы. Я принимаю всякую помощь, но я оставлю городскую думу не ранѣе, чѣмъ они будутъ произведены“.

Въ Версалѣ—національное собраніе. Всѣ монархисты, вся высшая буржуазія, всѣ крѣпостники.

Они кричатъ: „Парижъ—гнѣздо бунтовщиковъ, центральный комитетъ—сборище разбойниковъ“.

Между Парижемъ и Версалемъ—нѣсколько депутатовъ, мэровъ, ихъ помощниковъ. Вокругъ нихъ толпятся буржуа, либералы—это испуганное стадо, дѣлающее всѣ революціи и принимающее имперіи. Національное собраніе презираетъ ихъ, народъ имъ не довѣряетъ, а они кричатъ центральному комитету: „Узурпаторы!“, національному собранію: „Вы погубите все!“

21-ое марта останется памятнымъ днемъ, такъ какъ именно тогда раздались всѣ эти голоса.

Центральный комитетъ заявляетъ: „Парижъ далекъ отъ намѣренія отдѣлиться отъ Франціи; ради нея онъ терпѣлъ имперію, правительство національной обороны, всѣ его измѣны и всѣ его низости. И сегодня онъ не думаетъ покинуть ее, но только говоритъ ей въ качествѣ старшаго брата: „Сумѣй постоять за себя, какъ это сдѣлалъ я, возстань противъ угнетенія, какъ возсталъ я“. „*Оффисіель*“ говоритъ въ первой изъ своихъ прекрасныхъ статей, въ которыхъ Моро, Рожаръ, Лонге разъясняютъ значеніе новой революціи:

„Пролетаріи столицы въ моментъ слабости и измѣны правящихъ классовъ поняли, что насталъ ихъ часъ спасти положеніе, взявъ въ свои руки веденіе общественныхъ дѣлъ... Только что достигнувъ власти, они спѣшатъ созвать народъ Парижа въ избирательныя собранія... Въ исторіи нѣтъ примѣровъ временнаго правительства, которое бы такъ спѣшило сложить свои полномочія... Въ виду такого безкорыстнаго поведенія, невольно возникаетъ вопросъ, какъ можетъ печать осыпать клеветами, оскорбленіями и обидами такихъ гражданъ. Работники, тѣ, которые все производятъ и ничѣмъ не пользуются... неужели они всегда будутъ... служить мишенью для оскорбленій? Неужели имъ никогда не позволятъ работать надъ своимъ освобожденіемъ, не подымая противъ нихъ цѣлаго хора проклятій?.. Неужели буржуазія, ихъ старшая сестра, освободившаяся три четверти вѣка тому назадъ, не понимаетъ, что чередъ освободиться насталъ сегодня для пролетаріата... зачѣмъ же она такъ упорно отказываетъ ему въ его законной долѣ?“

Это было первое соціалистическое объясненіе этой революціи, глубоко правдивое, трогательное и политичное. Движеніе, носившее въ началѣ характеръ чисто республиканской защиты, получило соціалистическую окраску лишь благодаря тому, что имъ руководили рабочіе.

Въ тотъ же день комитетъ пріостановилъ распродажу вещей, заложенныхъ въ ломбардѣ, отсрочилъ на мѣсяцъ платежи, запретилъ домохозяевамъ выселять жильцовъ впредь до новаго распоряженія. Тремя строками онъ водворилъ справедливость, побѣдилъ Версаль, завоевалъ Парижъ.

Передъ лицомъ народа, самоопредѣляющагося въ своемъ поступательномъ движеніи, представители и мэры заявляютъ: „Не надо

выборовъ, все идетъ прекрасно. „Мы желали“,—такъ говорятъ они въ своихъ листкахъ,—„сохраненія національной гвардіи, мы добьемся его. Мы желали, чтобы Парижъ возстановилъ свою муниципальную свободу, мы добьемся ея. Ваши желанія переданы національному собранію, національное собраніе удовлетворило ихъ единогласнымъ голосованіемъ, гарантирующимъ муниципальные выборы... Въ ожиданіи этихъ выборовъ, которые одни только и могутъ быть законными, мы заявляемъ, что не примемъ участія въ выборахъ, назначенныхъ на завтра, и протестуемъ противъ ихъ незаконности“.

Заявленіе трижды лживое. Національное собраніе ни слова не сказало о національной гвардіи; оно не обѣщало никакой муниципальной свободы; многія подписи были подложныя.

Буржуазная пресса послѣдовала этому примѣру. Начиная съ 19-го, продажные листки, либеральныя газеты, которыми пользовался Трошю, чтобы принудить Парижъ къ сдачѣ, наемные писаки всѣхъ версальскихъ партій, объединившіеся, какъ и въ іюнѣ 48-го года, противъ рабочихъ, не переставали оплевывать національную гвардію. По поводу убійства генераловъ они сочинили дикую легенду о толпѣ, раздирающей трупы, топчущей ихъ ногами. Они утверждали, что общественныя кассы и частное имущество подверглись разграбленію, что предмѣстья залиты прусскимъ золотомъ, что члены центральнаго комитета уничтожили судебные документы. Нѣкоторыя республиканскія газеты тоже возмущались смертью генераловъ, забывая, что 14-го іюля комендантъ Бастиліи и городской голова были убиты буржуазіей при аналогичныхъ обстоятельствахъ. Они тоже видѣли за этимъ движеніемъ золото, но золото бонапартистское, и лучшіе изъ нихъ, убѣжденные въ томъ, что республика должна принадлежать ихъ патронамъ, говорили по адресу пролетарскаго комитета: „Эти людишки позорятъ насъ“. Центральный комитетъ не мѣшалъ этимъ разговорамъ и даже защищалъ своихъ оскорбителей. Когда 19-го возмущенная толпа разнесла кіоски газетъ „*Голуа*“ и „*Фигаро*“, комитетъ заявилъ въ „*Оффиціель*“, что онъ заставитъ уважать свободу печати и „надѣется, что газеты сочтутъ своимъ долгомъ уважать республику, истину и справедливость“. Пользуясь этой терпимостью, возбужденные сопротивленіемъ мэровъ и депутатовъ,

реакціонеры сговорились устроить возмущеніе и 21-го выпустили коллективное заявленіе, составленное у одного друга принца Наполеона, въ которомъ приглашали избирателей считать недѣйствительнымъ нелегальный призывъ городской думы.

Нелегальность! Вотъ какъ ставили вопросъ легитимисты, два года добивавшіеся власти силой иноземныхъ штыковъ, орлеанисты, поднявшіеся съ баррикадъ, бандиты декабрьскаго переворота, возвращенные благодаря возстанію. И что же? Если сильные міра сего, создающіе всѣ законы, всегда поступаютъ незаконно, какъ же должны поступать рабочіе, противъ которыхъ всѣ законы составлены?

Эти двойныя нападки со стороны мэровъ, депутатовъ и со стороны газетъ придали храбрости болтунамъ реакціи. Свора этихъ „франкъ-филёровъ“ [1]), которые во время осады отравляли воздухъ въ кофейняхъ Брюсселя и на тротуарахъ Гей-Маркета [2]), разглагольствовала послѣдніе два дня на блестящихъ бульварахъ, требуя порядка и возобновленія работы. 21-го, около часу дня, сотня этихъ „рабочихъ“ появилась на площади биржи, обошла съ развѣвающимся знаменемъ вокругъ священной арки, появилась на бульварѣ съ возгласами: „Да здравствуетъ національное собраніе!“ и припла на Вандомскую площадь къ зданію главнаго штаба, крича: „Долой комптетъ!“ Комендантъ Бержере попробовалъ было сказать имъ: „Пришлите намъ делегатовъ“.—„Нѣтъ, нѣтъ! не нужно делегатовъ! вы убьете ихъ!“ Федералисты потеряли терпѣніе и велѣли очистить площадь. Биржевики постановили сойтись на другой день передъ Новой оперой.

Въ тотъ же часъ національное собраніе устроило свою манифестацію. Его „*Оффисіель*“ утверждалъ, „что найдено неопровержимое доказательство сообщничества мятежниковъ съ самыми гнусными агентами имперіи и съ кознями врага“. Пикаръ прочелъ воззваніе, составленное для народа и войска, воззваніе полное лжи и проклятій по адресу Парижа; Мильеръ позволилъ себѣ замѣтить, что въ немъ попадаются неудачныя выраженія; его освистали. Ланглуа и его

---

[1]) „Franc fileurs“, т. е. „удравшіе“ изъ Парижа во время осады,— въ противоположность „franc tireurs“ (т. е. вольные стрѣлки).

[2]) Мѣсто въ Лондонѣ, служащее средоточіемъ золотой молодежи и дамъ полусвѣта.

Примѣч. пер.

друзья хотѣли, чтобы воззваніе кончалось словами: „Да здравствуетъ республика!“ Громадное большинство противится этому. Клемансо, Бриссонъ, даже Луи Бланъ умоляютъ національное собраніе немедленно разсмотрѣть ихъ проектъ муниципальнаго закона, противопоставить свои выборы тѣмъ, которые назначены комитетомъ на слѣдующій день. „Дайте намъ время, чтобы изучить вопросъ“,—рѣзко отвѣчаетъ г-нъ Тьеръ,—„нельзя управлять Парижемъ, какъ городомъ съ тремя тысячами душъ“. „Время!“—восклицаетъ Клемансо:—„его-то именно и нѣтъ у всѣхъ насъ!“—„Въ такомъ случаѣ“,—продолжаетъ Тьеръ,—„къ чему приведутъ всѣ уступки? Какое значеніе имѣютъ онѣ кромѣ того, для Парижа? Кто послушается ихъ въ городской думѣ? Неужели вы полагаете, что принятіе законопроекта можетъ обезоружить партію разбоя, партію убійцъ?“ Затѣмъ онъ предоставилъ Жюлю Фавру произвести торжественную экзекуцію—выборъ очень удачный съ точки зрѣнія наибольшаго эффекта среди провинціаловъ. Въ теченіе полутора часа этотъ желчный ученикъ Годе терзалъ Парижъ въ своихъ ученыхъ періодахъ, обрызгивалъ его своей ядовитой слюной.

Безъ сомнѣнія онъ снова переживалъ 31-ое октября, мучительное воспоминаніе для этого тщеславнаго, страшно злопамятнаго человѣка. Онъ началъ съ чтенія заявленія прессы, „мужественно составленнаго подъ ножами убійцъ“. Онъ рисовалъ Парижъ въ рукахъ „кучки негодяевъ, противоставляющихъ правамъ національнаго собранія какой-то кровавый, разбойничій идеалъ“. Одновременно взывая къ симпатіямъ монархистовъ, католиковъ и республиканцевъ, онъ говорилъ: „Чего хотѣли, чего добились?—осуществленія той пагубной доктрины, которая въ философіи можетъ быть названа индивидуализмомъ и матеріализмомъ, а въ политикѣ—республикой, поставленной выше всеобщаго голосованія“. При этой идіотской тирадѣ національное собраніе захрюкало отъ восторга. „Эти новые профессора“,—продолжалъ онъ,—„не скрываютъ своего намѣренія разлучить Парижъ съ Франціей. Но пусть знаютъ бунтовщики: если мы покинули Парижъ, то въ надеждѣ вернуться туда, чтобы вступить съ ними въ рѣшительный бой. (Браво! браво!). Раздувая панику этихъ мужиковъ, которые каждую минуту ожидали появленія федеральныхъ батальоновъ, онъ продолжалъ: „Если бы кому-нибудь изъ васъ пришлось

попасть въ руки этихъ людей, захватившихъ власть только для насилія, убійствъ и грабежей, участь несчастныхъ жертвъ сдѣлалась бы вашей участью“. Наконецъ, искажая и ловко переиначивая одно чрезвычайно неудачное замѣчаніе „*Оффиціеля*“ по поводу казни генераловъ, онъ сказалъ: „Довольно, отнынѣ долой снисходительность! Я три дня боролся противъ требованія побѣдителя обезоружить національную гвардію. Я прошу за это прощенія передъ Богомъ и людьми!“ Каждое новое проклятіе, каждая новая стрѣла, направленная въ самое сердце Парижа, вызывала у собранія ревъ восторга. Адмиралъ Сэссе прыгалъ отъ радости при нѣкоторыхъ фразахъ. Пришпориваемый апплодисментами, Жюль Фавръ возносился все выше въ своей брани. Со временъ Жиронды, со временъ Инара на Парижъ не сыпалось такихъ проклятій. Даже Ланглуа не могъ больше выдержать и вскричалъ: „Нѣтъ, это ужасно, это отвратительно такъ говорить!“

Когда, наконецъ, Жюль Фавръ, неумолимый и безчувственный, съ пѣной въ углахъ рта закончилъ слѣдующей фразой: „Франція не поддастся кровавому игу негодяевъ, угнетающихъ столицу“,—изступленное собраніе поднялось все, какъ одинъ человѣкъ, со своихъ мѣстъ: „Сдѣлаемъ воззваніе къ провинціи!“ Сэссе: „Призовемъ на помощь провинцію и пойдемъ на Парижъ!“ Напрасно одинъ изъ депутатовъ-мэровъ умолялъ національное собраніе не дать имъ вернуться въ Парижъ съ пустыми руками. Эта высшая буржуазія, предавшая пруссакамъ гордость, богатство и землю Франціи, дрожала отъ гнѣва при одной только мысли о какихъ-либо уступкахъ Парижу.

На завтра послѣ этой ужасной сцены радикальные представители не могли сдѣлать ничего лучшаго, какъ напечатать слезливое воззваніе, приглашавшее Парижъ къ терпѣливому ожиданію. Назначенные центральнымъ комитетомъ на этотъ день, выборы стали невозможными. Онъ отложилъ ихъ на слѣдующій день 23-е и предупредилъ газеты, что всякое возбужденіе къ возмущенію будетъ строго наказано.

Реакціонные матадоры, распаленные рѣчами Жюля Фавра, смѣялись надъ этимъ предупрежденіемъ. Въ полдень они столпились на площади Оперы. Въ часъ около тысячи приверженцевъ имперіи—знатные, богатые люди и журналисты—проходятъ по улицѣ Мира съ

возгласами: „Да здравствуетъ порядокъ!“ Ихъ планъ—занять подъ видомъ мирной демонстраціи Вандомскую площадь и прогнать оттуда федералистовъ. Оттуда они, овладѣвъ мэріей Лувра и половиной II округа Пасси, думали раздѣлить Парижъ на двѣ части и осадить городскую думу. Адмиралъ Сэссе слѣдуетъ за ними.

Передъ Новой Сентъ-Августинской улицей эти мирные манифестанты обезоружили и исколотили двухъ національныхъ гвардейцевъ, стоявшихъ на часахъ. Тогда федералисты на Вандомской площади хватаются за ружья и бѣгутъ на высоты улицы Пти-Шанъ. Ихъ не болѣе двухсотъ, весь гарнизонъ площади. Несмотря на сдѣланное наканунѣ предупрежденіе, Бержере не принялъ никакихъ мѣръ предосторожности, обѣ пушки, наведенныя на улицу Мира, не имѣютъ снарядовъ.

Реакціонеры нападаютъ на первые ряды, кричатъ гвардейцамъ прямо въ лицо: „Долой комитетъ! Долой убійцъ!“ машутъ знаменами, платками и нѣкоторые пытаются выхватить ружья изъ рукъ федералистовъ. Бержере, Мальжурналь, прибѣжавшіе первыми, требуютъ, чтобы мятежники удалились. Бѣшеные крики заглушаютъ ихъ голоса: „Подлецы! разбойники!“ и на нихъ сыплются удары палками. Бержере дѣлаетъ знакъ барабанщикамъ. Десять разъ повторяютъ требованіе разойтись. Въ теченіе пяти минутъ слышна только барабанная дробь и въ промежуткахъ свистки. Вторые ряды манифестантовъ напираютъ на первые, пытаются опрокинуть федералистовъ и, отчаявшись въ этой попыткѣ, стрѣляютъ изъ своихъ револьверовъ [1]). Они убиваютъ двухъ гвардейцевъ и ранятъ семерыхъ.

Федералисты инстинктивно даютъ залпъ изъ своихъ ружей. Раздаются выстрѣлы, крики, потомъ сразу дѣлается тихо. Улица Мира въ пять минутъ совершенно пустѣетъ. На опустѣвшемъ шоссе валяется съ дюжину труповъ, револьверы, трости съ вдѣланными въ нихъ шпагами, фуражки—все это залито ослѣпительнымъ солнцемъ. Если бы федералисты, дѣйствительно, прицѣливались, если бы они стрѣляли въ уровень человѣческаго роста,—было бы не меньше двухсотъ

---

[1]) Нападеніе было настолько очевидно, что ни одинъ изъ двадцати шести военныхъ судовъ, разбиравшихъ малѣйшія событія революціи 18-го марта, не осмѣлился возбудить дѣло о случаѣ на Вандомской площади.

труповъ, каждый выстрѣлъ долженъ былъ бы попасть въ цѣль въ этой густой толпѣ. Мятежники убили одного изъ своихъ, виконта Молине; онъ упалъ въ переднемъ ряду лицомъ въ землю, пуля попала ему въ затылокъ; на тѣлѣ найденъ былъ кинжалъ, прикрѣпленный цѣпочкой къ поясу. Одна остроумная пуля угодила въ задній проходъ главному редактору „*Газеты Парижа*“ бонапартисту де-Пенъ, одному изъ самыхъ гнусныхъ клеветниковъ возстанія.

„Держите убійцъ!“—кричали разбѣгавшіеся реакціонеры. На бульварахъ поспѣшно закрылись лавки; на площади Биржи столпились разъяренныя кучи народа. Въ четыре часа появились нѣсколько ротъ партіи порядка и съ очень рѣшительнымъ видомъ, съ ружьями на плечо, заняли весь кварталъ Биржи.

Національное собраніе только что отвергло проектъ Луи Блана, и Пикаръ читалъ другой проектъ, отказывавшій Парижу въ его справедливыхъ требованіяхъ,—когда въ Версаль пришло извѣстіе объ этомъ происшествіи. Засѣданіе тотчасъ же было прекращено; министры пришли въ ужасъ.

Своимъ вчерашнимъ шипѣньемъ они думали только напугать Парижъ, подогрѣть людей порядка, вызвать переворотъ. Случай представился, но центральный комитетъ восторжествовалъ. Въ первый разъ г-ну Тьеру пришло въ голову, что эти бунтовщики, умѣющіе подавить возмущеніе, дѣйствительно могутъ сдѣлаться правительствомъ.

Вечернія новости были для него пріятнѣе. Сторонники порядка собрались на площади Биржи. Много офицеровъ, только что вернувшихся изъ Германіи, предложили свои услуги. Реакціонныя роты прочно утвердились въ мэріи 9-го округа, снова заняли мэрію 6-го округа, выгнали федералистовъ изъ вокзала Сенъ-Лазаръ, караулили всѣ проходы въ занятыхъ ими кварталахъ, останавливали всѣхъ прохожихъ. Образовался городъ въ городѣ. Мэры объявили свое собраніе въ мэріи 2-го округа постояннымъ. Ихъ сопротивленіе опиралось теперь на армію.

ГЛАВА VII.

Центральный комитетъ преодолѣваетъ всѣ препятствія и заставляетъ мэровъ сдаться.

Центральный комитетъ оказался на высотѣ положенія. Его воззванія, соціалистическія статьи въ „*Оффисіель*“, озлобленіе мэровъ и депутатовъ привлекли на его сторону тѣ революціонныя группы, которыя до тѣхъ поръ были въ сторонѣ. Къ нему присоединились, кромѣ того, такіе люди, какъ Ранвье, Эдъ, популярные среди широкой массы. По его приказу, Вандомская площадь была забаррикадирована, батальоны городской думы удвоены, усиленные патрули разъѣзжали по Монмартрскому и Итальянскому бульварамъ вплоть до улицъ Вивіенъ и Друо, на которыхъ находились посты реакціонеровъ. Благодаря этимъ мѣрамъ ночь прошла спокойно.

Но снова невозможно было устроить выборы въ назначенный день, 23-го. Комитетъ назначилъ ихъ на воскресенье, 26-го, и объявилъ объ этомъ Парижу въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „Реакція, начатая вашими мэрами и депутатами, объявляетъ намъ войну. Мы должны принять сраженіе и сломить ихъ упорство... Граждане, Парижъ желаетъ не власти, а свободы... диктатура, которой домогается онъ, диктатура примѣра; онъ не хочетъ ни отказываться отъ своей воли, ни предписывать ее другимъ; онъ такъ же мало склоненъ издавать декреты, какъ подчиняться плебисцитамъ; онъ возбуждаетъ движеніе, самъ первый начиная его, и, создавая себѣ свободу, готовитъ ее и другимъ; онъ никого не толкаетъ насильно къ республикѣ, онъ довольствуется тѣмъ, что первый принимаетъ ее“. Слѣдуютъ подписи.

Въ то же время комитетъ заявилъ, что привлечетъ къ отвѣтственности оскорбителей народа; онъ послалъ батальонъ изъ Бель-

виля, чтобы вновь овладѣть мэріей 2-го округа; его делегаты силой заняли мѣста мэровъ и ихъ помощниковъ 3-го, 10-го, 12-го и 13-го округовъ; онъ приказалъ занять желѣзную дорогу въ Батиньоль, чтобы помѣшать захвату Сенъ-Лазарскаго вокзала; онъ принялъ энергичныя мѣры по отношенію къ банку.

Реакція разсчитывала, что голодъ заставитъ городскую думу сдаться. Милліонъ, занятый въ понедѣльникъ, былъ уже истраченъ. 22-го банкъ обѣщалъ еще милліонъ и выдалъ 300.000 франковъ въ счетъ этого. Вечеромъ Варленъ и Журдъ пришли за жалованьемъ; ихъ выпроводили. Они написали: „Господинъ губернаторъ, морить голодомъ парижское населеніе—таково оружіе партіи, считающей себя честной. Голодъ никого не усмиритъ, онъ только толкнетъ населеніе къ погрому. Мы подымаемъ перчатку, которая была намъ брошена“. И, не удостаивая посѣщеніемъ хвастуновъ биржи, комитетъ отрядилъ къ банку два батальона; ему пришлось уплатить.

Комитетъ ни передъ чѣмъ не останавливался, чтобы успокоить Парижъ. Много преступниковъ было выпущено въ городъ. Комитетъ поручилъ ихъ бдительности національныхъ гвардейцевъ и написалъ на дверяхъ городской думы: „Всѣ, застигнутые во время совершенія кражи, будутъ разстрѣляны“. Въ то время, какъ полиціи Пикара никакъ не удавалось справиться съ азартными играми, широко захватившими Парижъ по окончаніи осады, Дюваль достигъ цѣли простымъ распоряженіемъ. Солдаты, оставшіеся въ Парижѣ, были присоединены къ національнымъ гвардейцамъ. Страшнымъ пугаломъ были для реакціонеровъ пруссаки, о скоромъ вмѣшательствѣ которыхъ говорилъ Жюль Фавръ. Комендантъ изъ Компіеня написалъ комитету: „Нѣмецкія войска не станутъ вмѣшиваться, поскольку Парижъ самъ не приступитъ къ враждебнымъ дѣйствіямъ“. Комитетъ отвѣчалъ: „Совершившаяся въ Парижѣ революція имѣетъ характеръ преимущественно муниципальный. Мы не имѣемъ полномочій вести предварительные переговоры о мирѣ“. И онъ опубликовалъ телеграммы [1]). Съ этой стороны Парижу нечего было опасаться.

---

[1]) Это разные славные историки назвали впослѣдствіи соглашеніемъ съ пруссаками, угодливостью пруссакамъ. Г-нъ Жюль Кларети негодуетъ, почему центральный комитетъ не поднялъ Парижа на нѣмцевъ.

Агитація велась только со стороны мэровъ. 23-го они, съ согласія Тьера, назначили комендантомъ національной гвардіи адмирала Сэссе, неистовствовавшаго на засѣданіи 21-го, и его помощниками — Ланглуа и Шельхера; они старались собрать народъ на площади Биржи, гдѣ, по ихъ словамъ, хранилась единственная законная касса. Явилось нѣсколько сотъ очень корректныхъ людей, чтобы получить деньги, но не для того, чтобы сражаться. Расколъ начинался уже между самими вождями. Нѣсколько самыхъ ярыхъ все еще говорили о томъ, что необходимо все смести; сюда принадлежали: Вотрэнъ, Дюбайль, Денорманди, Дегувъ-Дененкъ, Элигонъ, бывшій членъ интернаціонала, допущенный съ 4-го сентября къ буржуазнымъ кухнямъ и озлобленный, какъ всѣ ренегаты; но большинство желало примиренія, особенно съ тѣхъ поръ, какъ многіе депутаты и адъюнкты— Мильеръ, Малонъ, Дерёръ, Жакларъ и др.—послѣ своего выхода изъ собранія, стали жаловаться на его реакціонную физіономію. Нѣкоторые мэры задумали просвѣтить крестьянъ посредствомъ слѣдующей трогательной сцены.

Они явились 23-го въ Версаль въ тотъ моментъ, когда собраніе, набравшись снова храбрости, призывало провинцію выступить противъ Парижа. Чрезвычайно торжественно, съ своими лентами черезъ плечо, они подошли къ трибунѣ президента. Лѣвая апплодируетъ, кричитъ: „Да здравствуетъ республика!“. Мэры принимаютъ еще болѣе торжественный видъ. Правая и центръ восклицаютъ: „Да здравствуетъ Франція! къ порядку!“ и грозятъ кулакомъ депутатамъ лѣвой, которые отвѣчаютъ: „Вы оскорбляете Парижъ!“ „Вы оскорбляете Францію!“—кричатъ въ отвѣтъ деревенскіе реакціонеры. Ихъ другъ Греви надѣваетъ шляпу. Засѣданіе сорвано. Вечеромъ депутатъ-мэръ Арно-де-л'Аріэжъ читаетъ съ трибуны заявленіе своихъ коллегъ и заканчиваетъ слѣдующими словами: „Мы наканунѣ ужасной гражданской войны. Есть только одно средство избѣжать ея: выборы главнокомандующаго національной гвардіей должны быть назначены на 28-ое, выборы муниципальнаго совѣта на 3-е апрѣля“. Это пожеланіе было положено подъ сукно.

Мэры возвратились въ Парижъ въ страшномъ негодованіи. Парижъ, въ свою очередь, былъ очень взбудораженъ телеграммой Тьера, въ которой онъ объявлялъ провинціи, что беретъ подъ свое покрови-

тельство бывшихъ бонапартистскихъ министровъ—Руэ, Шевро и Буателя, арестованныхъ въ Булонѣ народомъ, и что маршалъ Канроберъ, соумышленникъ Базэна, явился въ Версаль предложить правительству свои услуги. Буржуазно-республиканскія газеты сразу измѣнили свой тонъ. Нападки на центральный комитетъ ослабѣли. Даже умѣренные начали опасаться всего со стороны Версаля.

Центральный комитетъ сумѣлъ использовать это настроеніе. Онъ только что узналъ о провозглашеніи коммуны въ Ліонѣ и 24-го заявилъ безъ всякихъ обиняковъ слѣдующее: „Нѣсколько батальоновъ, сбитые съ толку своими реакціонными начальниками, вообразили, что они должны воспрепятствовать нашему движенію... Нашлись мэры и депутаты, которые, забывъ свои обязанности, покровительствовали ихъ сопротивленію... Мы разсчитываемъ на вашу смѣлость, чтобы идти до конца... Намъ возражаютъ, что національное собраніе обѣщаетъ, черезъ неопредѣленное время, устроить коммунальные выборы и выборы нашихъ шефовъ и что тогда наше упорство станетъ безсмысленнымъ. Мы слишкомъ много разъ были обмануты, чтобы допустить это еще разъ; правая рука отниметъ то, что дано будетъ лѣвой... Посмотрите, какъ уже теперь поступаетъ правительство. Устами Жюля Фавра оно дѣлаетъ въ палатѣ ужасный призывъ къ гражданской войнѣ, къ разрушенію Парижа провинціей и распространяетъ про насъ самыя отвратительныя клеветы“.

Послѣ словъ комитетъ приступилъ къ дѣйствіямъ, назначилъ трехъ генераловъ—Брюнеля, Дюваля и Эда. Онъ арестовалъ совершенно спившагося Люлье, который, при содѣйствіи главнаго штаба интригановъ, еще наканунѣ далъ выйти изъ Парижа цѣлому полку, стоявшему въ Люксембургѣ, съ оружіемъ и обозами. Былъ моментъ, когда генералъ Кремеръ, блестящій офицеръ Вогезской арміи, явившійся въ думу, чтобы потребовать освобожденія генерала Шанзи и встрѣченный радостными восклицаніями толпы, готовъ былъ предложить свои услуги центральному комитету.

Генералы высказывались чрезвычайно энергически: „Теперь не время парламентаризма... надо дѣйствовать... Парижъ хочетъ быть свободнымъ... Всѣ, кто не за насъ, противъ насъ. Великій городъ не допускаетъ безнаказаннаго нарушенія общественнаго порядка“.

Это было прямое предостереженіе въ сторону лагеря на площади

Биржи, который, впрочемъ, сталъ поразительно быстро таять. Каждое засѣданіе въ Версалѣ вызывало новые побѣги. Женщины приходили за мужьями и говорили имъ: „Не вмѣшивайся въ это“. Бонапартистскіе офицеры, хватившіе уже черезъ край, вызывали раздраженіе. Программа мэровъ, состоявшая въ безусловномъ подчиненіи Версалю, обезкураживала среднюю буржуазію. Главный штабъ этой дезорганизованной арміи по глупости помѣстиливъ Грандъ-Отелѣ. Тамъ засѣдало тріо помѣшанныхъ: Сэссе, Ланглуа и Шельхеръ, перешедшіе отъ крайней самонадѣянности къ отчаянію. Самый сумасбродный изъ нихъ, Сэссе, придумалъ расклеить объявленіе о томъ, что національное собраніе согласилось на полное признаніе муниципальныхъ свободъ, выборъ всѣхъ офицеровъ національной гвардіи, въ томъ числѣ и главнокомандующаго, смягченіе закона о платежахъ, проектъ закона о квартирной платѣ, благопріятный для квартиронанимателей. Но эта утка могла мистифицировать лишь одинъ Версаль.

Нужно было кончать. Центральный комитетъ поручилъ Брюнелю взять мэріи 1-го и 2-го округовъ. Въ три часа Брюнель является въ мэрію Лувра съ 600 человѣкъ изъ Бельвиля, двумя артиллерійскими орудіями, въ сопровожденіи двухъ делегатовъ комитета, Лисбонна и Прото. Роты порядка готовятся къ сопротивленію. Брюнель велитъ выдвинуть орудія; ему очищаютъ проходъ. Онъ сообщаетъ адъюнктамъ Мелину и Эдмонду Адану, что комитетъ желаетъ безотлагательныхъ выборовъ. Оробѣвшіе адъюнкты обращаются въ мэрію 2-го округа, прося разрѣшенія вступить въ переговоры. Дюбайль отвѣчаетъ, что можно обѣщать выборы на 3-ье апрѣля. Брюнель настаиваетъ на 30-мъ; адъюнкты уступаютъ. Національные гвардейцы обоихъ лагерей съ восторгомъ привѣтствуютъ это соглашеніе, смѣшиваютъ свои ряды и вмѣстѣ направляются къ мэріи 2-го округа. Во время ихъ слѣдованія окна домовъ разукрашиваются, ихъ сопровождаютъ рукоплесканіями. На Монмартрской улицѣ нѣсколько ротъ съ площади Биржи пытаются заградить имъ дорогу. Раздаются возгласы: „Миръ заключенъ!“. Въ мэріи 2-го округа Дюбайль, Вотрэнъ и Шельхеръ отказываются подтвердить законность состоявшагося соглашенія. Но члены собранія его принимаютъ; восторженный крикъ радости возвѣщаетъ новость. Буржуазные батальоны салютуютъ народнымъ батальонамъ, и они дефилируютъ по улицѣ Вивіенъ и буль-

варамъ съ своими пушками, на которыхъ верхомъ ѣдутъ уличные мальчуганы съ зелеными вѣтками въ рукахъ.

Но центральный комитетъ не могъ отнестись къ этому съ большимъ довѣріемъ. Онъ дважды вынужденъ былъ отложить выборы, и батальоны федералистовъ, все время остававшіеся на ногахъ съ 18-го, буквально выбились изъ силъ. Ранвье и Арнольдъ вечеромъ отправились въ мэрію 2-го округа, чтобы настаивать на устройствѣ выборовъ 26-го. Нѣкоторые мэры и адъюнкты, стремившіеся лишь къ одной цѣли,—они сами впослѣдствіи признались въ этомъ,—дать Версалю время вооружиться, начали кричать о недобросовѣстности Тогда Ранвье сказалъ имъ: „Гражданинъ Брюнель получилъ рѣшительный приказъ занять мэріи“. Произошелъ ожесточенный споръ. Арнольдъ и Ранвье удалились въ 2 часа утра, предоставивъ наиболѣе несговорчивымъ взвѣсить шансы сопротивленія. Неукротимый Дюбайль составилъ призывъ къ оружію, послалъ напечатать его, провелъ ночь съ вѣрнымъ Элигономъ, раздавая приказы шефамъ батальоновъ; кромѣ того, онъ велѣлъ поставить митральезы во дворѣ мэріи.

Въ то время, какъ ихъ друзья прилагали всѣ усилія къ сопротивленію, деревенскіе депутаты собранія считали себя преданными. Съ каждымъ часомъ они дѣлались все нервнѣе, живя безъ привычнаго комфорта въ кулуарахъ дворца, открытыхъ вѣтрамъ и паникѣ. Поведеніе мэровъ ихъ безпокоило, а объявленіе Сэссе вызвало негодованіе. Они подумали, что Тьеръ втайнѣ стоитъ за возстаніе, что „мелкій буржуа“, какъ онъ лицемѣрно называлъ себя, хочетъ провести монархистовъ, воспользовавшись Парижемъ, какъ рычагомъ, чтобы подцѣпить ихъ; они подумывали о назначеніи главнокомандующимъ одного изъ орлеанистовъ—Жуанвиля или д'Омаля. Этотъ заговоръ могъ раскрыться на вечернемъ засѣданіи, куда должно было поступить предложеніе мэровъ. Тьеръ предупредилъ ихъ, умоляя отложить всякія препирательства; „какое нибудь неосторожное слово могло-бы вызвать потоки крови“,—увѣрялъ онъ. Греви въ десять минутъ справился съ засѣданіемъ, но слухъ о заговорѣ невозможно было заглушить.

Въ субботу долженъ былъ разрѣшиться кризисъ. Либо центральный комитетъ, либо мэры должны были потерпѣть пораженіе. Комитетъ опубликовалъ слѣдующее: „Мы прямодушно протянули руку нашимъ противникамъ, но помѣщеніе пушекъ въ мэріи 2-го округа заста-

вляетъ насъ настаивать на нашемъ рѣшеніи. Выборы состоятся въ воскресенье, 26-го марта". Парижъ, повѣрившій уже въ окончательное примиреніе и въ первый разъ за послѣдніе пять дней заснувшій спокойнымъ сномъ, былъ очень недоволенъ, увидѣвъ, что мэры опять принимаются за старое. Идея выборовъ проникла во всѣ общественные слои; къ ней присоединились многія газеты даже изъ тѣхъ, которыя подписались подъ протестомъ 21-го числа. Никто не сознавалъ, что спорятъ только о числѣ. Неудержимый братскій порывъ увлекъ весь городъ. Ряды двухсотъ или трехсотъ защитниковъ „порядка", которые оставались до тѣхъ поръ вѣрными Дюбайлю, рѣдѣли съ каждымъ часомъ, предоставляя адмиралу Сэссе дѣлать свои призывы въ опустѣвшемъ залѣ Грандъ-Отеля. У мэровъ больше не было арміи, когда около десяти часовъ утра Ранвье и Арнольдъ пришли за послѣднимъ словомъ. Шельхеръ, все еще непреклонный, держался твердо. Явились депутаты изъ Версаля и принесли слухъ о назначеніи графа д'Омаля генералъ-лейтенантомъ. Большинство уступило и согласилось назначить выборы на воскресенье, 26-го. Составлено заявленіе, которое должны были подписать, съ одной стороны, мэры и депутаты, съ другой стороны—центральный комитетъ въ лицѣ Ранвье и Арнольда. Центральный комитетъ хотѣлъ подписаться весь и, немного измѣнивъ начало, написалъ такъ: „Центральный комитетъ и присоединившіеся къ нему депутаты, мэры и адъюнкты созываютъ..." Нѣкоторые мэры воспользовались этимъ предлогомъ, чтобы возмутиться: „Это нарушаетъ нашъ договоръ; мы говорили такъ: депутаты, мэры, помощники мэровъ и члены комитета". И, рискуя снова раздуть пламя, они напечатали свой протестъ. Между тѣмъ комитетъ имѣлъ право сказать: „присоединившіеся къ нему", такъ какъ онъ не сдѣлалъ рѣшительно никакихъ уступокъ. Парижане не дали разгорѣться этимъ тлѣющимъ углямъ вражды. Адмиралъ Сэссе отпустилъ оставшихся у него четырехъ человѣкъ. Тираръ приглашалъ избирателей приступить къ голосованію; не далѣе какъ утромъ того же дня Тьеръ сказалъ ему: „Не продолжайте болѣе безполезнаго сопротивленія, я собираюсь реорганизовать армію. Я надѣюсь, что черезъ двѣ-три недѣли мы будемъ располагать достаточными силами, чтобы освободить Парижъ".

Только пять депутатовъ подписали заявленіе: Локруа, Флоке,

Клемансо, Толенъ, Греппо. Группа Луи Блана оставалась все время въ Версалѣ. Эти бабы, всю свою жизнь воспѣвавшія революцію, при ея появленіи въ ужасѣ бѣжали отъ нея, подобно арабскимъ рыбакамъ при явленіи Генія.

Рядомъ съ этими мандаринами трибуны, исторіи, журналистики, не способными на живое слово, движеніе, стояли сыны толпы—безымянные, но брызжущіе силой, волей, краснорѣчіемъ. Ихъ прощальный адресъ былъ достоенъ ихъ перваго шага: „Не забывайте, что наилучшія услуги окажутъ вамъ люди, которыхъ вы выберете изъ своей среды, которые живутъ вашей жизнью, болѣютъ вашими горестями. Опасайтесь одинаково честолюбцевъ и выскочекъ... Не довѣряйте также болтунамъ... Избѣгайте баловней судьбы, такъ какъ слишкомъ рѣдко случается, чтобы человѣкъ, владѣющій большимъ имуществомъ, смотрѣлъ на рабочаго, какъ на брата... Отдавайте предпочтеніе тѣмъ, кто не будетъ добиваться вашихъ голосовъ. Истинныя заслуги скромны, и рабочіе лучше знаютъ, какіе люди имъ нужны, чѣмъ тѣ, которые у нихъ заискиваютъ“.

Они могли „сойти съ высоко поднятой головой по ступенямъ городской думы“, эти безымянные, сумѣвшіе привести въ счастливую гавань революцію 18-го марта. Призванные только для защиты республики, силою обстоятельствъ очутившіеся во главѣ революціи, небывалой въ исторіи, они сумѣли обуздать нетерпѣливыхъ, осадить реакціонеровъ, возстановить общественныя должности, прокормить Парижъ, разрушить всѣ ловушки, использовать ошибки Версаля и мэровъ и, окруженные всевозможными опасностями, подъ постоянной угрозой гражданской войны, въ подходящій моментъ завязать переговоры и дѣйствовать тамъ и такъ, гдѣ и какъ это представлялось нужнымъ. Они сумѣли понять потребности минуты, ограничить свою программу муниципальными требованіями, привлечь все населеніе къ участію въ выборахъ. Они создали могучій братскій языкъ, неизвѣстный буржуазному правительству.

И всѣ они были люди неизвѣстные, почти всѣ съ плохимъ образованіемъ; нѣкоторые изъ нихъ принадлежали къ числу увлекающихся энтузіастовъ. Но съ ними былъ народъ, посылавшій имъ порывы своего вдохновенія, которое сдѣлало коммуну 92—93-го года великой. Парижъ былъ очагомъ, городская дума—пламенемъ

Въ этой думѣ, гдѣ знаменитые буржуа нагромоздили предательства на пораженія, первые встрѣчные одержали побѣду, такъ какъ они слушали Парижъ.

Ихъ заслуги искупаютъ ту непростительную ошибку, что они выпустили изъ города армію и чиновниковъ и допустили снова занять Монъ-Валерьянъ. Говорятъ, что 19-го или 20-го имъ слѣдовало пойти на Версаль. Но, при первой тревогѣ, національное собраніе бѣжало бы въ Фонтэнбло со всей арміей, администраціей и лѣвой,— со всѣмъ, что нужно было для того, чтобы управлять провинціей. Занятіе Версаля только перемѣстило бы непріятеля и не могло быть прочнымъ; народное войско было слишкомъ мало подготовлено для одновременной защиты этого неукрѣпленнаго города и Парижа.

Во всякомъ случаѣ, центральный комитетъ оставилъ послѣ себя хорошее наслѣдство—тысячу средствъ, чтобы обезоружить врага.

ГЛАВА VIII.

„Значительная часть населенія и національной гвардіи Парижа обращается къ департаментамъ за помощью для возстановленія порядка“.

Циркуляръ Тьера къ префектамъ (27-го марта 71-го г.).

Провозглашеніе коммуны.

Эта недѣля, начавшаяся нападеніемъ на Парижъ, кончилась его тріумфомъ. Съ каждымъ днемъ идея коммуны получала все большее распространеніе. Парижъ-коммуна снова пріобрѣталъ все свое значеніе столичнаго города и становился вождемъ націи. Десятый разъ уже съ 89-го г. рабочіе выводили Францію на вѣрный путь.

Прусскіе штыки ясно показали, чѣмъ стала наша страна послѣ восьмидесятилѣтняго господства буржуазіи: она походила на Гулливера, предоставленнаго милости карликовъ. Но явился Парижъ, онъ разорвалъ тысячи путъ, привязывавшихъ Францію къ землѣ, возстановилъ циркуляцію крови въ ея захирѣвшихъ членахъ и сказалъ: пусть въ каждомъ обломкѣ націи таится зародышъ жизни всей націи. Единство улья, но не казармы. Органическая клѣтка французской республики—городская община, коммуна.

Франція, какъ Лазарь, воскресла, наконецъ, отъ ига имперіи, осады. Она сдернула покрывало съ головы, сбросила саванъ и начинала новую жизнь. Она снова жила своимъ умомъ, дышала своими легкими, она протянула братскую руку всѣмъ возродившимся французскимъ общинамъ. Люди, впавшіе было за послѣдній мѣсяцъ въ полное отчаяніе снова сіяли одушевленіемъ. Незнакомые подхо-

дили другъ къ другу, чувствовали себя братьями: у всѣхъ была одна и та же воля, вѣра, любовь.

Воскресенье 26-го марта—настоящій праздникъ весны. Вздохъ облегченія вырвался изъ груди Парижа, какъ при выходѣ изъ царства тьмы или при избавленіи отъ страшной опасности. Улицы Версаля пріобрѣли какой-то зловѣщій видъ, вокзалъ былъ занятъ жандармами; они грубо требуютъ паспорта у проѣзжающихъ, конфискуютъ парижскія газеты, арестуютъ первыхъ попавшихся за малѣйшее слово симпатіи городу. Входъ въ Парижъ свободенъ. На улицахъ оживленіе, въ кафе гулъ голосовъ. Одни и тѣ же мальчишки продаютъ „*Газету Парижа*“ и „*Коммуну*“; нападки на думу, протесты нѣкоторыхъ озлобленныхъ фигурируютъ рядомъ съ объявленіями центральнаго комитета. У народа нѣтъ больше злобы, такъ какъ ему больше нечего бояться. Избирательные листы замѣнили Шаспо.

По проекту Пикара, Парижъ долженъ былъ получить шестьдесятъ муниципальныхъ совѣтниковъ, по три на каждый округъ, независимо отъ численности его населенія; сто пятьдесятъ тысячъ жителей 11-го округа имѣли бы не больше представителей, чѣмъ сорокъ пять тысячъ 16-го. Центральный комитетъ постановилъ выбирать по одному совѣтнику на каждыя двадцать тысячъ жителей, всего девяносто. Выборы должны были производиться по избирательнымъ спискамъ февраля 71-го г. и по обычному способу; центральный комитетъ только высказалъ пожеланіе, чтобы въ будущемъ было принято поименное голосованіе, какъ наиболѣе соотвѣтствующее демократическимъ принципамъ. Предмѣстья согласились съ этимъ и выбирали открытой подачей голосовъ. Избиратели Сентъ-Антуанскаго квартала выстроились колонной, съ бюллетенями на шляпахъ продефилировали черезъ площадь Бастиліи и въ томъ же порядкѣ пошли къ секціямъ.

Присоединеніе мэровъ побудило принять участіе въ выборахъ и буржуазные кварталы. Выборы сдѣлались законными, потому что уполномоченные правительственной власти ихъ допустили. Голосовало двѣсти восемьдесятъ семь тысячъ человѣкъ, относительно гораздо больше, чѣмъ при февральскихъ выборахъ. А Тьеръ имѣлъ смѣлость телеграфировать: „Граждане—друзья порядка не приняли участія въ выборахъ“.

Это было открытое голосованіе свободнаго народа. Ни какихъ-

либо интригъ, ни полиціи при входахъ въ залы. „Нынѣшніе выборы не будутъ свободными“,—телеграфировалъ Тьеръ. Между тѣмъ, вотъ доказательство абсолютной свободы выборовъ: много противниковъ центральнаго комитета прошли на выборахъ, другіе же получили очень значительное меньшинство: Луи Бланъ—5.680 голосовъ, Вотрэнъ—5.133, и не было слышно ни одного протеста.

Умѣренныя газеты даже похвалили статью въ „*Оффиціель*“, въ которой говорилось о значеніи будущаго коммунальнаго собранія: „Прежде всего ему нужно будетъ опредѣлить свои полномочія, область своей компетенціи... Первымъ дѣломъ его должно быть обсужденіе и редактированіе хартіи... Затѣмъ ему предстоитъ обсудить, какими средствами заставить центральную власть признать и гарантировать положеніе о муниципальной автономіи“. Эта ясность, эта мудрость, эта умѣренность, отличавшая оффиціальные акты, покорила, въ концѣ концовъ, наиболѣе строптивыхъ. Оставался только Версаль, проклятія котораго не умолкали. 27-го Тьеръ сказалъ съ трибуны: „Нѣтъ, Франція не допуститъ, чтобы въ ея лонѣ торжествовали презрѣнные, жаждущіе залить ее кровью“.

На слѣдующій день двѣсти тысячъ этихъ „презрѣнныхъ“ пришли въ городскую думу, чтобы утвердить въ должности своихъ избранниковъ. Батальоны, съ барабаннымъ боемъ, со знаменами, украшенными фригійскими шапочками, съ красной бахромой у ружей, увеличенные линейными солдатами, артиллеристами и моряками, оставшимися вѣрными Парижу, разлились по всѣмъ улицамъ и по Гревской площади, какъ притоки одной громадной рѣки. Посрединѣ городской думы, противъ центральной двери, выстроена большая эстрада. На ней возвышается и какъ бы осѣняетъ собраніе бюстъ Республики съ красной лентой черезъ плечо, сверкая связками красныхъ флаговъ. На фронтонѣ развѣшены громадные красные щиты, возвѣщающіе радость Франціи. Сто батальоновъ выстраиваются передъ думой со своими штыками, на которыхъ играетъ солнце. Тѣ, что не могли пробраться туда, стоятъ на набережныхъ, на улицѣ Риволи, на Севастопольскомъ бульварѣ. Знамена, разставленныя передъ эстрадой, почти всѣ красныя, есть лишь нѣсколько трехцвѣтныхъ, но и тѣ убраны краснымъ,—это служитъ символомъ побѣды народа. Въ то время, какъ батальоны выстраиваются передъ зданіемъ, раздается

хоровое пѣніе, полковая музыка гремитъ марсельезу и „Chant du Depart“, горнисты трубятъ, пушка коммуны 92-го года даетъ залпъ на набережной.

Водворяется тишина, всѣ готовятся слушать. На эстраду выходятъ члены центральнаго комитета и коммуны съ красными лентами черезъ плечо. Ранвье говоритъ: „Центральный комитетъ возвращаетъ коммунѣ свои полномочія. Граждане, сердце мое переполнилось радостью, и я не могу говорить рѣчи. Дозвольте мнѣ лишь воздать хвалу населенію Парижа, показавшаго міру такой великій примѣръ“. Одинъ изъ членовъ центральнаго комитета, братъ убитаго въ 52-мъ г. на улицѣ Тикетонъ ребенка,—„дитя было ранено двумя пулями въ голову“,—читаетъ имена выбранныхъ. Бьютъ барабаны, двѣсти тысячъ голосовъ снова затягиваютъ марсельезу, не желаютъ больше никакихъ рѣчей. Ранвье едва удается уловить моментъ, чтобы крикнуть: „Именемъ народа коммуна провозглашена.“.

Въ отвѣтъ раздается безумный крикъ восторга, вырвавшійся изъ двухсотъ тысячъ грудей. „Да здравствуетъ коммуна!“ На штыкахъ качаются кэпи солдатъ, знамена развѣваются въ воздухѣ. Изъ оконъ тянутся тысячи рукъ, машутъ платками. Непрерывный грохотъ шумекъ, музыка, трубные звуки, барабанный бой—все сливается въ одну величественную симфонію. Сердца трепещутъ, на глазахъ выступаютъ слезы. Еще ни разу съ 1790-го г. Парижъ не былъ такъ потрясенъ въ своихъ нѣдрахъ. У худшихъ писателей, описывающихъ эту сцену, казалось, въ этотъ мигъ вспыхнула вѣра въ душѣ.

Брюнель руководилъ церемоніальнымъ маршемъ очень хорошо; ему удалось провести въ думу батальоны, горѣвшіе желаньемъ привѣтствовать коммуну. Передъ бюстомъ Республики знамена склонялись, офицеры салютовали саблями, солдаты брали ружья на караулъ. Послѣдніе ряды прошли лишь къ семи часамъ.

Агенты Тьера возвратились въ отчаяніи. „Это былъ, дѣйствительно, весь Парижъ“. Центральный комитетъ могъ воскликнуть въ порывѣ горячей благодарности: „Сегодня Парижъ раскрылъ новую страницу въ книгѣ исторіи и вписалъ туда свое великое имя... Пусть версальскіе шпіоны, шныряющіе вокругъ насъ, разскажутъ своимъ господамъ, какія чувства кипятъ въ груди всего населенія. Пусть эти шпіоны нарисуютъ имъ величественное зрѣлище, какъ народъ вступаетъ въ свои самодержавныя права“.

Блескъ этой молніи, кажется, слѣпыхъ заставилъ бы прозрѣть. Двѣсти двадцать семь тысячъ голосующихъ, двѣсти тысячъ, слившихся въ одномъ радостномъ возгласѣ—ихъ ужъ нельзя было назвать тайнымъ комитетомъ, горстью разбойниковъ и бандитовъ, какъ кричали о нихъ уже десять дней. Мы тутъ видимъ громадную силу на службѣ у опредѣленной идеи—независимой общины. Сила, неоцѣнимая въ часъ всеобщей анеміи, находка такая же цѣнная, какъ компасъ, сохранившійся при кораблекрушеніи, спасающій уцѣлѣвшихъ.

Моментъ исключительный въ теченіе всего этого періода. Снова загорѣлась заря нашего единенія. Всѣ души охвачены однимъ пламенемъ, мелкая буржуазія растворяется въ пролетаріатѣ, средняя буржуазія дѣлается терпимѣе. Въ такія минуты народъ способенъ къ полному перерожденію.

Либералы, если вы чистосердечно требовали децентрализаціи, республиканцы, если вы поняли, почему іюнь создалъ декабрь, если вы желаете, чтобы народъ самъ былъ себѣ господиномъ, внемлите новому голосу, укрѣпите парусъ, чтобы направить вѣтеръ возрожденія.

Вамъ угрожаютъ пруссаки?—Что съ того! Развѣ не болѣе благородно ковать оружіе на глазахъ у врага? Буржуа, развѣ не передъ лицомъ врага вашъ праотецъ Этіенъ Марсель хотѣлъ возродить Францію? Развѣ конвентъ не работалъ при бурныхъ порывахъ вѣтра?

Что же отвѣчаютъ они?—Смерть! Кровавое солнце гражданской войны заставило сбросить маски, стереть румяна. Они снова вмѣстѣ, другъ возлѣ друга такъ же, какъ въ 1791-мъ, 1794-мъ, 1848-мъ г.г.—монархисты, клерикалы, либералы, грозящіе народу своими кулаками—одна армія въ различныхъ мундирахъ. Ихъ децентрализація—феодализмъ помѣщиковъ и капиталистовъ, ихъ самоуправленіе—использованіе бюджета для самихъ себя, а вся политическая мудрость ихъ вождя—избіенія и осадное положеніе.

Какая власть въ мірѣ не постаралась бы послѣ столькихъ разгромовъ сохранить, сберечь этотъ родникъ нежданныхъ силъ? А у нихъ, при видѣ Парижа, способнаго родить новый міръ, этого сердца, въ которомъ билась лучшая кровь Франціи,—не явилось иной мысли, какъ сдѣлать кровопусканіе Парижу.

ГЛАВА IX.

„Всѣ части Франціи объединились и сосредоточились вокругъ національнаго собранія и правительства“.

Изъ циркуляра Тьера къ провинціи, написаннаго 23-го марта 71-го г., вечеромъ.

Коммуна въ Ліонѣ, Сентъ-Этьеннѣ и Крезо.

Что же дѣлала провинція?

Лишенная парижскихъ газетъ, она сначала питалась лживыми сообщеніями, которыя составлялъ для нея самъ г-нъ Тьеръ [1]), потомъ имъ на смѣну появились предписанія за подписями членовъ комитета. Не видя среди этихъ подписей ни одного депутата изъ лѣвой, ни одного знакомаго демократическаго имени, провинція тоже задалась вопросомъ: „Кто же эти незнакомцы?“ Подобно тому, какъ

---

[1]) Мы сейчасъ развернемъ картину той сѣти лжи, которою Тьеръ хотѣлъ опутать провинцію. 19-го онъ писалъ слѣдующее: „Сорокатысячная армія въ полномъ порядкѣ стянулась въ Версаль“. На самомъ дѣлѣ тамъ было всего двадцать двѣ тысячи человѣкъ (онъ самъ даетъ это число въ анкетѣ), совершенно дезорганизованныхъ. 20-го: „Правительство не желало примѣнять кровавыхъ мѣръ, хотя его провоцировали къ этому“. 21-го численность арміи повысилась до 45 тысячъ человѣкъ. „Возстаніе встрѣчаетъ всеобщее несочувствіе“. 22-го: „Со всѣхъ сторонъ на помощь правительству предлагаютъ батальоны мобилей, чтобы поддержать его противъ анархіи“. 27-го, во время подсчета голосовъ, „значительная часть населенія и національной гвардіи Парижа ищетъ поддержки департаментовъ для возстановленія порядка“. Всѣ эти оффиціальные бюллетени,—говоритъ Жюль Симонъ,—составлялись *„съ 19-го марта вплоть до взятія Парижа каждый вечеръ лично самимъ г-номъ Тьеромъ“*.

нѣкогда ихъ отцы важно толковали о „Питтѣ и Кобургѣ“, когда они не понимали народнаго движенія, буржуазные республиканцы, которые ничего не знали объ осадѣ и которыхъ консервативная печать ловко держала въ отдаленіи, говорили теперь: „Эти незнакомцы не могутъ быть никѣмъ инымъ, кромѣ бонапартистовъ“. И только самъ народъ обнаружилъ чутье. Первымъ откликнулся Ліонъ. Здѣсь мы встрѣчаемъ неизбѣжное отраженіе парижскихъ событій. Съ момента открытія „мужицкаго собранія“ рабочіе почувствовали себя настороже. Муниципальные совѣтники, робкіе и безсильные, нѣкоторые даже близкіе къ реакціи, убрали красное знамя, подъ предлогомъ, что „гордое знамя сопротивленія до послѣдней крайности не должно пережить униженія Франціи“. Этотъ грубый подвохъ не могъ обмануть народъ, который на Гиллотьерѣ окружилъ свое знамя стражей. Новый префектъ Валентенъ, бывшій офицеръ, вульгарный и жестокій, въ стилѣ Клемана Тома, разъяснилъ народу, какую республику готовили для него.

19-го марта, при первыхъ вѣстяхъ, ліонскіе республиканцы уже на ногахъ, они не скрываютъ своей симпатіи къ Парижу. На слѣдующій день Валентенъ выпускаетъ провокаторскую прокламацію, перехватываетъ парижскія газеты, отказывается передавать телеграммы. 21-го въ муниципальномъ совѣтѣ многіе приходятъ въ негодованіе и кто-то говоритъ: „Найдемъ въ себѣ смѣлость быть коммуной Ліона“. 22-го, въ полдень, восемьсотъ делегатовъ національной гвардіи собираются во дворцѣ св. Петра. Гражданинъ, прибывшій изъ Парижа, выясняетъ характеръ движенія. Многіе желаютъ, чтобы сейчасъ высказались открыто противъ Версаля. Собраніе заканчивается посылкой депутатовъ въ городскую думу съ требованіемъ расширенія городскихъ вольностей, назначенія мэра шефомъ національной гвардіи и предоставленія ему полномочій префекта.

На муниципальномъ совѣтѣ мэръ Генонъ, одинъ изъ пяти при имперіи, высказался противъ всякой борьбы съ Версалемъ. Мэръ Гиллотьера Крестенъ требовалъ, чтобы, по крайней мѣрѣ, былъ высказанъ протестъ. Генонъ грозилъ выйти въ отставку, если пойдутъ еще дальше, и предложилъ отправиться къ префекту, который въ это самое время созывалъ реакціонные батальоны. Въ это время являются делегаты изъ дворца св. Петра. Генонъ встрѣчаетъ ихъ очень

нелюбезно. Депутаціи слѣдуютъ одна за другой, отказы тоже. Одновременно съ этимъ батальоны изъ Бротто и Гиллотьеръ вооружаются; въ восемь часовъ толпа народа наполняетъ площадь Терро и кричитъ: „Да здравствуетъ коммуна! Долой Версаль!“ Реакціонные батальоны не слушаются приказанія префекта.

Часть муниципальнаго совѣта въ 9 часовъ возвращается на засѣданіе, тогда какъ другая часть оказываетъ сопротивленіе делегатамъ. Послѣ одного отвѣта мэра, не оставляющаго болѣе никакихъ надеждъ, делегаты наводняютъ залу совѣта. Народъ, извѣщенный объ этомъ, бросается въ думу. Делегаты садятся за столъ совѣта, назначаютъ Крестена мэромъ Ліона. Онъ отказывается, говоря, что руководить движеніемъ должны тѣ, кто были его иниціаторами. Послѣ долгой сумятицы выбираютъ коммунальную комиссію съ пятью совѣтниками во главѣ: Крестенъ, Дюранъ, Буватье, Перре, Велэ. Делегаты зовутъ Валентена, спрашиваютъ его, стоитъ ли онъ за Версаль. Онъ отвѣчаетъ, что прокламація его не оставляетъ никакихъ сомнѣній на этотъ счетъ, и его арестуютъ. Тогда объявляютъ коммуну, распущеніе муниципальнаго совѣта, отрѣшеніе префекта, назначеніе Риччіотти Гарибальди генераломъ національной гвардіи, за что говоритъ его имя и заслуги въ Вогезской арміи. Эти рѣшенія объявляются толпѣ, которая встрѣчаетъ ихъ съ восторгомъ; красное знамя снова появляется у большого балкона.

23-го, съ ранняго утра, назначенные наканунѣ совѣтники отказываются, и возставшіе вынуждены сами предстать передъ Ліономъ и сосѣдними городами. „Коммуна“,—говорили они,—„должна сохранить за Ліономъ право самому устанавливать и взимать свои налоги, учредить свою полицію и располагать своей національной гвардіей, которая охраняетъ всѣ посты и укрѣпленія“. Эта программа была лишь немного подробнѣе разработана въ комитетахъ національной гвардіи и республиканскомъ союзѣ. „Вмѣстѣ съ коммуной облегчены будутъ налоги, общественные доходы болѣе не будутъ расхищаться, соціальныя учрежденія, которыхъ ждутъ рабочіе, будутъ основаны. Много нужды и страданія уменьшится раньше, чѣмъ исчезнетъ отвратительная язва нищеты“. Совершенно неудовлетворительныя заявленія, безъ всякихъ выводовъ, ничего не говорившія объ опас-

ности республики, о клерикальномъ заговорѣ—единственныхъ рычагахъ, которыми можно было бы поднять мелкую буржуазію.

Коммиссія сразу почувствовала себя одинокой. Она сумѣла захватить фортъ Шарпеннъ, собрать патроны, разставить пушки и митральезы вокругъ городской думы; но народные батальоны отступили, за исключеніемъ двухъ или трехъ, не оставивъ ни одного пикета, въ то время какъ противникъ организовывалъ сопротивленіе. Генералъ Круза собралъ на вокзалѣ всѣхъ солдатъ, моряковъ и мобилизированныхъ, разсѣянныхъ по Ліону; Генонъ назначилъ генераломъ національной гвардіи Бура, бывшаго офицера Вогезской арміи; офицеры батальоновъ порядка возстали противъ коммуны и стали подъ начальство муниципальнаго совѣта, который засѣдалъ въ кабинетѣ мэровъ, въ двухъ шагахъ отъ комиссіи.

Комиссія въ сильномъ замѣшательствѣ предложила совѣту снова занять прежній залъ его засѣданій. Онъ пришелъ туда къ четыремъ часамъ. Комиссія уступила ему мѣсто, національная гвардія помѣстилась на мѣстахъ, отведенныхъ для публики. Если бы у этой средней буржуазіи была хоть какая-нибудь жизненная сила, какое-нибудь предвидѣніе предстоящихъ ужасовъ консерватизма,—республиканскіе совѣтники взяли бы въ свои руки движеніе. Но она состояла наполовину изъ купеческой аристократіи, презиравшей бѣдныхъ, наполовину изъ честолюбцевъ, желающихъ управлять рабочими, но отнюдь не освобождать ихъ. Пока они совѣщались, не зная, на что рѣшиться, національные гвардейцы послали по ихъ адресу нѣсколько ругательствъ. Ихъ самолюбіе было уязвлено. Они внезапно закрыли засѣданіе и отправились составлять адресъ вмѣстѣ съ Геномъ.

Вечеромъ Амуру и два делегата центральнаго комитета прибыли въ клубъ улицы Дюгекленъ. Ихъ привели въ думу, и они произнесли съ большого балкона рѣчь къ толпѣ. Она отвѣтила возгласами: „Да здравствуетъ Парижъ! Да здравствуетъ коммуна!“ Имя Ричіотти снова встрѣчено было привѣтствіями.

Делегаты—молодые люди безъ всякаго политическаго опыта и знанія провинціи—не смогли сдѣлать движеніе жизненнымъ. 24-го на площади Терро осталось лишь нѣсколько кучекъ любопытныхъ. Всѣ четыре большія ліонскія газеты категорически отвергали всякое

свое соучастіе въ парижскомъ, ліонскомъ и другихъ какихъ-либо мятежахъ. Генералъ Круза распространилъ слухъ, что стоявшіе въ Дижонѣ пруссаки угрожаютъ въ двадцать четыре часа занять Ліонъ, если порядокъ не будетъ возстановленъ. Комиссія, еще болѣе безпомощная, чѣмъ раньше, снова обратилась къ муниципальному совѣту, засѣдавшему въ Биржѣ, и предложила ему взять на себя управленіе городомъ. „Нѣтъ,“ отвѣтилъ мэръ,—„мы никогда не примемъ коммуны“. И когда сообщили о прибытіи мобилей изъ Бельфора, совѣтъ рѣшилъ сдѣлать имъ торжественную встрѣчу.

Переговоры длились весь день и затянулись до поздняго вечера. Дума понемногу опустѣла. Къ четыремъ часамъ утра тамъ оставалось только два члена комиссіи; они удалились, снявъ стражу, охранявшую префекта. На утро Ліонъ констатировалъ смерть своей коммуны.

Въ тотъ же самый вечеръ, когда угасло движеніе въ Ліонѣ, оно вспыхнуло въ Сентъ-Этіеннѣ. Съ 31-го октября, когда коммуна была почти уже объявлена оффиціально, соціалисты не переставали требовать ея провозглашенія, несмотря на упорство и угрозы муниципальнаго совѣта.

Было два революціонныхъ очага: комитетъ національной гвардіи, находившійся подъ вліяніемъ революціоннаго клуба, и республиканскій союзъ, объединявшій выдающихся республиканцевъ. Муницальный совѣтъ, за двумя-тремя исключеніями, состоялъ изъ тѣхъ республиканцевъ, которые умѣли лишь сопротивляться требованіямъ народа, для того, чтобы самимъ быть раздавленными реакціей. Комитетъ и союзъ рѣшили потребовать обновленія всего его состава.

18-ое марта воодушевило рабочихъ. Радикальный органъ „*L'Eclaireur*“, не дѣлая никакихъ выводовъ, заявилъ: „Если возьметъ верхъ національное собраніе, то съ республикой кончено; если же, съ другой стороны, депутаты Парижа откажутся отъ центральнаго комитета, то они имѣютъ для этого серьезныя основанія“. Народъ пошелъ напроломъ. 23-го клубъ „де-ла-Вьержъ“ послалъ своихъ делегатовъ въ городскую думу объявить коммуну. Мэръ обѣщалъ передать этотъ вопросъ на разсмотрѣніе своимъ товарищамъ. Союзъ потребовалъ принятія въ совѣтъ извѣстнаго числа делегатовъ.

24-го снова пришли делегаціи. Совѣтъ объявилъ, что выходитъ въ отставку и будетъ засѣдать лишь до новыхъ выборовъ, которые состоятся въ самомъ непродолжительномъ времени. Но въ тотъ же самый день временно занимающій должность префекта, Морелле, сталъ умолять народъ не объявлять коммуны, подчиниться авторитету національнаго собранія. Въ семь часовъ вечера рота національныхъ гвардейцевъ подняла гвардію при крикахъ: „Да здравствуетъ коммуна!“ Центральный комитетъ послалъ своихъ людей въ союзъ съ требованіемъ присоединиться и захватить городскую думу. Союзъ отказался, сказавъ, что считаетъ обѣщаніе совѣта совершенно достаточнымъ, что въ парижскомъ и ліонскомъ движеніи мало сознательности, что нужно оберегать общественный порядокъ и спокойствіе.

Во время этихъ переговоровъ клубъ „де-ла-Вьержъ“ сѣтовалъ на вялость своихъ первыхъ делегатовъ, и рѣшилъ послать новыхъ и пойти вмѣстѣ съ ними, чтобы они не дали себя уговорить. Къ десяти часамъ двѣ колонны, въ четыреста человѣкъ каждая, подошли къ рѣшеткамъ городской думы, запертымъ по приказанію новаго префекта, г-на де-л'Эпе, одного изъ фабричныхъ самодержцевъ, занявшаго свой постъ съ твердымъ намѣреніемъ подавить смутьяновъ. Но толпа ломится въ рѣшетку и добивается пропуска своихъ делегатовъ, которые требуютъ коммуны и, впредь до ея фактическаго осуществленія, передачи власти въ руки народнаго комитета. Мэръ отказываетъ имъ; Морелле старается доказать, что коммуна—изобрѣтеніе пруссаковъ. Отчаявшись въ возможности убѣдить делегатовъ, онъ далъ знать г-ну де-л'Эпе,—префектура помѣщалась въ мэріи,—и обоимъ удалось бѣжать черезъ садъ и присоединиться къ генералу Лавуа, командующему дивизіей.

Въ полночь делегаты, ничего не добившись, рѣшили, чтобы никто не выходилъ изъ думы, и отправились къ манифестантамъ, приглашая ихъ дѣйствовать; одни побѣжали за оружіемъ, другіе проникли въ залу синдиковъ, гдѣ образовался митингъ. Народъ хотѣлъ, чтобы били сборъ. Мэръ отказался. Къ семи часамъ онъ придумалъ уловку: обѣщалъ предложить плебисцитъ относительно учрежденія коммуны. Одинъ изъ делегатовъ прочелъ это заявленіе народу, который тотчасъ же ушелъ изъ думы.

Какъ разъ въ этотъ моментъ у г-на де-л'Эпе явилась счастливая идея велѣть бить сборъ, котораго требовалъ народъ уже съ полуночи. Онъ собралъ нѣсколько національныхъ гвардейцевъ партіи порядка, явился въ совершенно опустѣвшій залъ думы и провозгласилъ побѣду. Муниципальный совѣтъ пришелъ сообщить ему о состоявшемся утромъ соглашеніи; де-л'Эпе отказался назначить день выборовъ; генералъ обѣщалъ ему содѣйствіе гарнизона.

Въ одиннадцать часовъ утра призывъ префекта собралъ народные батальоны. Отдѣльныя группы кричатъ передъ городской ратушей: „Да здравствуетъ коммуна!“ Де-л'Эпе посылаетъ за своимъ гарнизономъ—двѣсти пятьдесятъ пѣхотинцевъ и два эскадрона гусаръ,—которые являются неохотно. Народъ окружаетъ ихъ. Противъ него остается только одна шпалера пожарныхъ и двѣ роты въ городской думѣ, изъ которыхъ только одна на сторонѣ порядка.

Около полудня одна делегація требуетъ, чтобы муниципальный совѣтъ исполнилъ свое обѣщаніе. Присутствующіе совѣтники—довольно незначительное число ихъ—согласились включить въ совѣтъ по два делегата отъ каждой роты; де-л'Эпе отвергаетъ какія-либо уступки. Въ четыре часа прибываетъ очень многочисленная делегація отъ національной гвардіи. Префектъ не хочетъ принять ее, говоритъ о томъ, что нужно укрѣпить зданіе, блиндировать рѣшетки. Но пожарные берутъ ружья на перевѣсъ, очищаютъ проходъ и вынуждаютъ де-л'Эпе принять нѣсколькихъ делегатовъ.

Публика, стоящая на улицѣ, обезпокоена этими переговорами. Въ половинѣ пятаго подходятъ рабочіе оружейной мануфактуры. Изъ одного дома на площади раздается выстрѣлъ, который убиваетъ рабочаго-позументщика Ліонне. Въ отвѣтъ гремятъ сотни выстрѣловъ; бьютъ барабаны, играетъ рожокъ, батальоны укрываются въ думѣ, въ то время какъ обыскиваютъ домъ, изъ котораго, какъ полагали, сдѣлано было нападеніе.

Подъ шумъ выстрѣловъ префектъ прерываетъ засѣданіе и хочетъ повторить свое ночное бѣгство, но попадаетъ не въ тотъ коридоръ; его узнаютъ, арестуютъ вмѣстѣ съ товарищемъ прокурора, приводятъ обоихъ въ большой залъ и показываютъ ихъ съ балкона. Толпа встрѣчаетъ префекта шиканьемъ и свистками, убѣжденная, что онъ приказалъ стрѣлять въ народъ. Одного національнаго гвардейца партіи

порядка, пытавшагося спастись бѣгствомъ, принимаютъ за убійцу Ліонне и проносятъ на носилкахъ, на которыхъ отнесли въ госпиталь трупъ убитаго.

Префектъ и товарищъ прокурора остаются въ большомъ залѣ, представляющемъ изъ себя настоящій вулканъ. Де-л' Эпе обвиняютъ въ томъ, что онъ въ прошломъ году приказалъ стрѣлять въ рудокоповъ Обена... Онъ возражаетъ, что завѣдывалъ вовсе не этими копями, а копями въ Аршамбо. Отъ него требуютъ объявленія коммуны или же выхода въ отставку. Онъ сопротивляется, споритъ. Понемногу толпа утомляется и начинаетъ расходиться. Къ восьми часамъ въ залѣ остается лишь съ дюжину гвардейцевъ, и плѣнникамъ приносятъ немного пищи. Предсѣдатель коммиссіи, находившійся въ одномъ изъ смежныхъ кабинетовъ, уходитъ, видя, что все успокоилось. Въ девять часовъ толпа возвращается. Снова разгорается злоба. Префекту кричатъ: „Коммуну, коммуну подпишите!“ Де-ль' Эпе предлагаетъ подписать, если ему разрѣшатъ прибавить, что его вынудили сдѣлать это. Вмѣстѣ съ товарищемъ прокурора онъ находится во власти двухъ экзальтированныхъ субъектовъ, Виктуара и Филлона; послѣдній, бывшій ссыльный, человѣкъ ненормальный, становится то на сторону толпы, то на сторону своего плѣнника. Въ десять часовъ происходитъ стычка. Филлонъ оборачивается, дѣлаетъ наугадъ два револьверныхъ выстрѣла, убиваетъ своего друга Виктуара и ранитъ одного барабанщика. Тотчасъ вспыхиваетъ ружейная пальба; Филлонъ и де-л'Эпе падаютъ замертво. Товарищъ прокурора, прикрытый тѣломъ Филлона, спасается, такимъ образомъ, отъ выстрѣловъ. На слѣдующій день его и Вентавона отпускаютъ на волю.

Въ теченіе ночи образовалась комиссія изъ офицеровъ національной гвардіи и обычныхъ ораторовъ клуба „де-ла-Вьержъ“. Она распорядилась занять вокзалъ, овладѣла телеграфомъ, патроннымъ и пороховымъ погребомъ и созвала избирателей на 29-ое. „Коммуна— вовсе не разбой, грабежъ и бунтъ, какъ любятъ говорить про нее, она торжество свободы и независимости, похищенной у насъ имперскимъ и монархическимъ законодательствомъ; она истинное основаніе республики“. Въ этомъ рабочемъ ульѣ, бокъ-о-бокъ съ рудокопами Рикамори и Фирмини, не нашли нужнымъ ни слова сказать о соціаль-

номъ вопросѣ. Комиссія умѣла только бить сборъ, но она не нашла отклика.

На слѣдующее утро, въ воскресенье, успокоившійся городъ читалъ объявленія коммуны, прибитыя рядомъ съ воззваніями генерала и прокурора. Генералъ приглашалъ муниципальный совѣтъ взять обратно свою отставку; онъ сказалъ спрятавшимся въ его казармахъ совѣтникамъ: „Мои солдаты не желаютъ драться, но у меня есть тысяча шаспо; если вы желаете ими воспользоваться, то впередъ!“ Совѣтъ не нашелъ у себя никакихъ военныхъ наклонностей и, слѣдуя примѣру Ліона, отказался послать депутатовъ въ городскую думу, „такъ какъ лишь съ честными людьми вступаютъ въ договоры“.

27-го союзъ и „L'Eclaireur“ совершенно распались. Комиссія распустила себя. Вечеромъ нѣсколько членовъ, оставшихся вѣрными, приняли двухъ молодыхъ людей, присланныхъ Амуру изъ Ліона. Они говорили о сопротивленіи, а готовыхъ сопротивляться въ думѣ становилось все меньше. 28-го, къ шести часамъ утра, тамъ оставалось не болѣе сотни человѣкъ, когда появился генералъ Лавуа съ вогезскими вольными стрѣлками и нѣсколькими полками изъ Монбризонъ. Къ національнымъ гвардейцамъ посланъ былъ парламентеръ, который умолялъ ихъ сложить оружіе, чтобы избѣжать кровопролитія. Они согласились очистить мэрію.

Послѣдовали многочисленные аресты. Консерваторы изрыгали обычную клевету, разсказывали, будто между убійцами префекта замѣчены были каннибалы. Преемникъ префекта Дюкро, изобрѣтатель слишкомъ короткихъ мостовъ черезъ Марну, впослѣдствіи знаменитый префектъ моральнаго порядка, сдѣлалъ слѣдующій отчетъ версальской коммиссіи: „Даже трупу его не было оказано уваженія: ему отрубили голову. Ночью произошла невѣроятная по своему ужасу вещь: одинъ изъ участниковъ убійства, преданный суду, пришелъ въ кафе и предложилъ гостямъ попробовать кусочекъ черепа г-на де-л' Эпе, при чемъ куски этого черепа хрустѣли между его зубами“. Дюкро добавлялъ еще: „Этотъ человѣкъ былъ арестованъ, преданъ суду и оправданъ! Отвратительная выдумка, осужденная даже буржуазными радикалами, очень мало симпатизировавшими коммунѣ, которую ихъ органъ „*L'Eclaieur*“ считалъ бонапартистской затѣей.

Рабочіе хорошо поняли, что они побѣждены, и при похоронахъ г-на де-л' Эпе слышался глухой ропотъ.

Въ Крезо имѣло мѣсто такое же пораженіе пролетаріевъ. Между тѣмъ соціалисты управляли городомъ съ 4-го сентября. Бывшій фабричный рабочій Дюмэ занималъ мѣсто мэра. 25-го марта, когда пришли извѣстія изъ Ліона, заговорили о провозглашеніи коммуны. 26-го, во время смотра, національные гвардейцы крикнули: „Да здравствуетъ коммуна!“ и толпа провожала ихъ до площади мэріи, занятой полковникомъ кирасировъ Жераромъ. Онъ велитъ открыть огонь; пѣхота отказывается. Онъ хочетъ заставить стрѣлять кавалеристовъ: гвардія бросается въ штыки и завладѣваетъ мэріей. Дюмэ объявляетъ низложеніе версальцевъ и коммуну. Затѣмъ, какъ и повсюду, все остается по-старому. На слѣдующій день комендантъ Крезо приводитъ подкрѣпленія, разсѣиваетъ толпу, которая, несмотря на живой интересъ къ текущимъ событіямъ, остается пассивной и беретъ мэрію.

Въ теченіе четырехъ дней коммуна проваливается во всѣхъ революціонныхъ очагахъ на востокѣ: Ліонѣ, Сентъ-Этіеннѣ, и Крезо. Спустимся теперь по Ронѣ и пойдемъ на югъ.

ГЛАВА X.

Коммуна въ Марселѣ, Тулузѣ и Нарбоннѣ.

Со времени выборовъ 8-го февраля Марсель снова охватило революціонное волненіе. Выступленіе реакціонеровъ, назначеніе Тьера, постыдный миръ, заключенный на скорую руку, надвигающаяся монархія, вызовы и пораженія—все это славный городъ чувствовалъ, такъ же живо, какъ и Парижъ. Тѣмъ не менѣе народъ еще не двигался, ожидая болѣе точныхъ свѣдѣній, когда 22-го была получена телеграмма отъ Руэ и Канробера.

Клубы, эти истинные очаги кипучей марсельской жизни, тотчасъ же оживились. Осторожные и методичные радикалы собирались въ клубѣ національной гвардіи. Волны народа заливали Эльдорадо, откуда доносились рукоплесканія блестящей, изящной и остроумной рѣчи Кремьё, еще раньше выступавшаго въ Бордо.

Въ 69-омъ году Гамбетта былъ обязанъ ему своимъ избраніемъ въ Марселѣ. Онъ прибѣжалъ въ клубъ національной гвардіи, разоблачилъ поступки версальцевъ, сказалъ, что нельзя дать погибнуть республикѣ и что необходимо дѣйствовать. Хотя и очень возмущенные депешей, члены клуба не хотѣли ничего предпринять. „Въ своихъ прокламаціяхъ центральный комитетъ не опредѣлялъ ясно своей политики“, говорили они; подписанныя неизвѣстными лицами, эти прокламаціи могли быть дѣломъ бонапартистовъ.

Въ Марселѣ, гдѣ волненіе вспыхнуло изъ-за депешъ Тьера, этотъ аргументъ становился смѣшнымъ. Гдѣ чувствовался бонапартизмъ?—въ дѣйствіяхъ этихъ неизвѣстныхъ, возставшихъ противъ Версаля, или въ дѣйствіяхъ Тьера, покровительствующаго Руэ и его министрамъ и хвастающагося предложеніемъ Канробера?

Послѣ рѣчи Буше, товарища прокурора, Гастонъ Кремье вернулся къ своему прежнему настроенію и, въ сопровожденіи представителей клуба, вернулся въ Эльдорадо. Онъ прочелъ съ комментаріями выдержки парижскаго „*Оффисіель*“ и, увлекшись своей рѣчью, кончилъ словами: „Версальское правительство подняло костыль противъ того, что оно называетъ парижскимъ мятежомъ, но онъ разсыпался въ ею рукахъ, и изъ него вышла коммуна... Поклянемся, что мы собрались сюда для защиты парижскаго правительства, единственнаго, которое мы признаемъ“.

Населеніе еще сдерживалось, но префектъ провоцировалъ его безсмысленнымъ оскорбленіемъ. Извѣстный морякъ, адмиралъ Конье, полное ничтожество въ политикѣ, незнакомый съ средой, въ которую только что вступилъ, сдѣлался орудіемъ въ рукахъ реакціи. Съ 4-го сентября реакціи уже нѣсколько разъ приходилось сталкиваться съ національной гвардіей изъ гражданъ, провозгласившихъ коммуну и изгнавшихъ іезуитовъ. Р. П. Тиссье и послѣ своего отъѣзда продолжалъ руководить реакціонерами. Умѣренность клубовъ реакція приняла за трусость и вообразила себя достаточно сильной для насильственнаго переворота.

Вечеромъ адмиралъ держалъ совѣтъ съ мэромъ Бори, членомъ всѣхъ клерикально-либеральныхъ коалицій, съ застѣнчивымъ и нерѣшительнымъ прокуроромъ Гильберомъ и съ генераломъ Эспиваномъ Вильбуане, одной изъ тѣхъ, обагренныхъ кровью, каррикатуръ, которыя нерѣдко порождаются гражданскими войнами. Тупоголовый легитимистъ, обезумѣвшій ханжа, ходячая папская булла, генералъ изъ пресмыкающихся въ переднихъ, бывшій членъ смѣшанныхъ комиссій, во время войны изгнанный [изъ Лилля народомъ, возмущеннымъ его глупостью и его прошлымъ, онъ явился въ мэрію съ лозунгомъ поповъ и реакціонныхъ пугалъ: манифестація національной гвардіи въ честь Версаля. Онъ пошелъ бы и дальше, если бы весь гарнизонъ не состоялъ изъ остатковъ Восточной арміи и разбѣжавшихся артиллеристовъ. Совершенно растерявшійся адмиралъ-префектъ одобрилъ манифестацію и приказалъ мэру и полковнику національной гвардіи къ ней готовиться.

23-го марта, въ семь часовъ утра, раздается бой барабана, на который отвѣчаютъ народные батальоны. Въ десять часовъ они уже

на Куръ-дю-Шапитръ; артиллерія національной гвардіи выстраивается на Куръ Сенъ-Луи. Въ полдень вольные стрѣлки, національные гвардейцы, солдаты всевозможнаго оружія смѣшиваются и толпятся на Куръ Бельзенсъ. Батальоны изъ Бель-де-Май и Андумъ появляются въ полномъ составѣ съ криками: „Да здравствуетъ Парижъ!“ Батальоновъ порядка нѣтъ на мѣстѣ назначенія.

Муниципальный совѣтъ приходитъ въ ужасъ, осуждаетъ манифестацію и распространяетъ по городу республиканское воззваніе. Клубъ національной гвардіи присоединяется къ совѣту, требуя возвращенія собранія въ Парижъ и исключенія съ государственной службы всѣхъ сообщниковъ имперіи. Батальоны продолжаютъ стоять на мѣстѣ, кричатъ: „Да здравствуетъ Парижъ!“ Популярные ораторы проходятъ вдоль фронта и говорятъ рѣчи. Клубъ, видя, что взрывъ не минуемъ, посылаетъ къ Кремье, Буше и Фрейсине съ просьбой распустить манифестантовъ и сообщить депеши изъ Парижа. Пока уполномоченные препираются съ Конье, на площади раздается страшный крикъ: „Префектура окружена!“

Уставшіе отъ шестичасовой стоянки батальоны двинулись, предшествуемые барабанщиками. Нѣсколько тысячъ человѣкъ выходятъ на Каннебьеръ и по улицѣ Сенъ-Фереоль приближаются къ префектурѣ. Уполномоченные клуба ведутъ переговоры; раздается выстрѣлъ. Толпа бросается, задерживаетъ префекта, его двоихъ секретарей и генерала Оливье. Гастонъ Кремье показывается на балконѣ, говоритъ о правахъ Парижа, призываетъ къ порядку. Толпа рукоплещетъ, продолжаетъ наступать, ищетъ и требуетъ оружія. Кремье составляетъ двѣ колонны и посылаетъ ихъ на верфь и на желѣзо-дѣлательный заводъ Манпанти, гдѣ и отбираются ружья.

Среди суматохи образуется комиссія изъ шести членовъ: Кремье, Жоба, Этьенна, носильщика Мавіеля, башмачника Гильяра и установщика машинъ Аллерини. Они тутъ же совѣщаются. Кремье предлагаетъ освободить адмирала и другихъ задержанныхъ. Народъ хочетъ, чтобы они оставались въ видѣ заложниковъ. Адмирала уводятъ въ сосѣднюю комнату и оставляютъ тамъ подъ строгимъ надзоромъ. Его заставляютъ подать въ отставку—своеобразная манія, замѣчаемая при всѣхъ народныхъ движеніяхъ. Конье, совершенно сбитый съ толку, подписываетъ прошеніе объ отставкѣ, какъ честный чело-

вѣкъ, желающій избѣжать кровопролитія. Оскорбляемый реакціонерами, онъ застрѣлился нѣсколько мѣсяцевъ спустя, боясь, чтобы эту отставку не объяснили малодушіемъ.

Коммиссія объявила, что она сосредоточивала въ своихъ рукахъ всѣ полномочія, и, чувствуя, что ей надо укрѣпиться, предложила муниципальному совѣту и клубу національной гвардіи прислать въ нее по три депутата. Совѣтъ назначилъ Давида Боска, Дессерви и Сидора, клубъ—Буше, Карту и Фюльжера. На слѣдующій день они выпустили прокламацію умѣреннаго характера: „Марсель хочетъ предотвратить гражданскую войну, провоцируемую циркулярами Версаля. Марсель будетъ поддерживать правильно выбранное республиканское правительство, которое будетъ засѣдать въ Парижѣ. Департаментская комиссія, созданная при содѣйствіи всѣхъ республиканскихъ партій, будетъ охранять республику до тѣхъ поръ, пока ея не замѣнить новая власть, исходящая отъ законнаго правительства, засѣдающаго въ столицѣ“.

Имена муниципальнаго совѣта и клуба успокоили среднюю буржуазію. Реакціонеры все еще не проявляли себя. За ночь армія очистила городъ. Трусливый Эспиванъ покинулъ префекта въ безднѣ, въ которую его столкнулъ, а самъ, въ виду того, что префектура была захвачена, спрятался у любовницы одного изъ командировъ національной гвардіи, котораго впослѣдствіи наградилъ за эту благородную услугу. Въ полночь онъ скрылся и присоединился къ войскамъ, спокойно достигшимъ деревни Обаньи, находящейся въ 17-ти километрахъ отъ Марселя.

Городъ всецѣло находился въ рукахъ народа. Эта полная побѣда вскружила голову болѣе пылкимъ. Въ этомъ городѣ солнца нѣтъ оттѣнковъ. Тамъ въ природѣ, преобладаютъ рѣзкіе и яркіе цвѣта, а характеры отличаются живостью и неуравновѣшенностью.

24-го граждане выкинули красный флагъ. Находившаяся въ зависимости отъ нихъ комиссія казалась имъ недостаточно энергичной. Сидоръ, Дессерви и Фюльжера избѣгали посѣщать префектуру, Карту отправился въ Парижъ за свѣдѣніями. Вся отвѣтственность лежала на Боскѣ и Буше, старавшихся вмѣстѣ съ Гастономъ Кремье урегулировать движеніе; они находили, что красное знамя можетъ повредить движенію, а задержаніе заложниковъ считали излишнимъ.

этимъ они навлекли на себя подозрѣніе, и на нихъ посыпались угрозы. 24-го, вечеромъ, пришедшій въ уныніе Буше подалъ въ отставку.

Гастонъ Кремье отправился съ жалобой въ клубъ національной гвардіи, и Буше согласился снова занять свой постъ.

Слухъ объ этихъ недоразумѣніяхъ облетѣлъ городъ. 25-го комиссія возвѣстила, „что полнѣйшее согласіе царило между нею и муниципальнымъ совѣтомъ“; въ тотъ же день совѣтъ объявилъ себя единственною существующею властью и призывалъ къ дѣятельности національныхъ гвардейцевъ. Колеблясь между реакціей и народомъ, онъ началъ низкую интригу по примѣру депутатовъ лѣвой, на которыхъ опирался Дюфоръ въ своихъ телеграммахъ. Эспиванъ же подражалъ тактикѣ Тьера. Онъ лишилъ Марсель всей администраціи, народныя деньги, общественныя учрежденія, все было отправлено въ Обаньи. Полторы тысячи гарибальдійцевъ Вогезской арміи, ожидавшихъ своего водворенія на родину, и солдаты, направлявшіеся на свои квартиры въ Африку, безъ хлѣба, безъ жалованья, безъ письменнаго маршрута, остались бы посреди улицы, если бы Кремье и Буше не приказали совѣту назначить временнаго интенданта. Итакъ, только благодаря комиссіи, люди, проливавшіе за Францію свою кровь, получили хлѣбъ и пріютъ. Въ одной изъ рѣчей Кремье сказалъ имъ: „Когда понадобится, вы вспомните руку, которую мы вамъ братски протянули“. Этому нѣжному энтузіасту революція казалась идилліей.

26-го оторванность сдѣлалась еще замѣтнѣе. Никто не возставалъ противъ коммиссіи, но никто и не примыкалъ къ ней. Почти всѣ мэры департамента отказывались распространять ея прокламаціи. Въ Арлѣ попытка революціонеровъ устроить манифестацію съ краснымъ знаменемъ не удалась. Засѣдавшіе же въ префектурѣ ничего не дѣлали, чтобы объяснить, что означалъ выкинутый ими флагъ, и въ этой мертвой тишинѣ онъ, какъ загадка, спокойно и безмолвно свѣшивался съ колокольни передъ томящимся въ ожиданіи Марселемъ.

Въ столицѣ юго-западной Франціи движеніе стало быстро замирать. Тулуза вздрогнула отъ взрыва 18-го марта. Тамъ, въ предмѣстьѣ Сенъ-Сипріанъ, поднялось мужественное и развитое рабочее

населеніе. Рабочіе составляли ядро національной гвардіи и съ 19-го занимали посты при крикахъ: „Да здравствуетъ Парижъ!“ Къ префекту Дюпорталю, изгнаннику 51-го года, обратились съ требованіемъ высказаться за или противъ Парижа. Газета „*Эмансипація*“ которою онъ руководилъ, вела борьбу съ деревенскими реакціонерами, и у него на одномъ изъ публичныхъ собраній выдѣлилась республиканская нотка. Клубы производили на него давленіе, заставляя офицеровъ національной гвардіи клясться въ вѣрности республикѣ и требуя патроновъ. Тьеръ, видя, что Дюпорталь неизбѣжно будетъ скользить по наклонной плоскости, назначилъ на его мѣсто Кератри, бывшаго префекта полиціи при режимѣ 4-го сентября. Онъ пріѣхалъ въ ночь съ 21-го на 22-ое и, узнавъ, что гарнизонъ состоитъ изъ 600 неорганизованныхъ солдатъ, а вся національная гвардія приметъ сторону Дюпорталя, пустился назадъ, въ Ажанъ.

22-го національная гвардія готовитъ манифестацію съ цѣлью завладѣть арсеналомъ. Дюпорталь и мэръ спѣшатъ въ Капитолій, гдѣ помѣщалась городская дума Тулузы. Мэръ заявляетъ, что смотръ не состоится. Дюпорталь—что скорѣе подастъ въ отставку, чѣмъ выскажется. Генералы, испуганные возбужденіемъ предмѣстья, скрываются въ арсеналъ. Мэръ и муниципальная комиссія прячутся, и симпатія національной гвардіи еще больше склоняется въ пользу Дюпорталя, оставшагося на своемъ посту. Онъ старается успокоить генераловъ, говоритъ имъ о своемъ непоколебимомъ рѣшеніи поддерживать порядокъ во имя версальскаго правительства, единственнаго, законность котораго онъ признаетъ, и успѣваетъ настолько ихъ убѣдить, что тѣ пишутъ Тьеру, прося сохранить за Дюпорталемъ его должность. Заручившись его заявленіями, Кератри проситъ помочь ему захватить префектуру. Дюпорталь предлагаетъ ему встрѣтиться въ собраніи офицеровъ мобилей и національныхъ гвардейцевъ, которое созывается на 24-ое. Тотъ понимаетъ, чѣмъ это пахнетъ и остается въ Ажанѣ.

На этомъ собраніи должны были вербовать сторонниковъ Версаля. Изъ шестидесяти офицеровъ мобилей четыре предложили свои услуги; въ это же время офицеры національной гвардіи присутствовали при манифестаціи совершенно другого рода, организованной противъ Кератри-

Въ часъ двѣ тысячи человѣкъ выходятъ съ площади Капитолія и направляются къ префектурѣ. Дюпорталь принимаетъ офицеровъ. Они не только не обнаруживаютъ готовности поддерживать версальское собраніе, но прямо говорятъ, что готовы идти противъ него; если Тьеръ не согласится заключить миръ съ Парижемъ, они провозгласятъ коммуну. Со всѣхъ сторонъ раздаются возгласы: „Да здравствуетъ коммуна! Да здравствуетъ Парижъ“. Возбужденные офицеры арестуютъ Кератри, провозглашаютъ коммуну и заставляютъ Дюпорталя взять на себя руководство ею. Онъ отказывается, безъ конца, даетъ совѣты. Офицеры упрекаютъ его въ слабости и, наконецъ склоняютъ выйти на площадь передъ префектурой, гдѣ его привѣтствуютъ клики національной гвардіи. Манифестанты возвращаются въ Капитолій.

Придя въ большой залъ, вожди чувствуютъ себя очень смущенными. Они предлагаютъ предсѣдательство мэру, другимъ исчезающимъ чиновникамъ и, наконецъ, Дюпорталю; этотъ послѣдній составляетъ манифестъ и, такимъ образомъ, выходитъ изъ затруднительнаго положенія. Манифестъ этотъ прочитывается съ большого балкона. Тулузская коммуна требуетъ единой и нераздѣльной республики, Тьеру повелѣваетъ распустить собраніе, а парижскимъ депутатамъ—быть посредниками между великимъ городомъ и правительствомъ. Толпа привѣтствуетъ коммуну, вѣрившую въ депутатовъ лѣвой и въ безсиліе Тьера.

Вечеромъ офицеры національной гвардіи назначаютъ исполнительную комиссію, въ которую главари движенія не попадаютъ. Она ограничивается опубликованіемъ манифеста и, пренебрегая всякими предосторожностями, даже не овладѣваетъ вокзаломъ. Между тѣмъ генералы все еще боятся покинуть арсеналъ.

26-го первый президентъ и генеральный прокуроръ выпускаютъ воззваніе съ цѣлью привлечь къ себѣ населеніе.

Національная гвардія рѣшается отвѣтить на это взятіемъ арсенала, и все населеніе предмѣстья Сенъ-Сипріанъ собирается на площади Капитолія. Исполнительная комиссія, предпочитая рѣшительнымъ дѣйствіямъ переговоры, посылаетъ въ арсеналъ сказать, что она готова разойтись, если на мѣсто Кератри правительство назначитъ республиканскаго префекта, и совершенно отстраняетъ Дюпорталя, ни-

чего, впрочемъ, не сдѣлавшаго для того, чтобы стать во главѣ движенія. Переговоры продолжаются весь вечеръ. Національные гвардейцы расходятся, думая, что все уже кончено.

27-го, узнавъ объ этихъ неудачахъ республиканцевъ, Кератри прибываетъ съ тремя кавалерійскими эскадронами, направляется въ арсеналъ, прерываетъ переговоры и отдаетъ приказаніе къ выступленію. Въ часъ дня армія порядка, состоящая изъ двухсотъ кавалеристовъ и шестисотъ солдатъ разнаго оружія, приступаетъ къ дѣйствіямъ. Одинъ отрядъ занимаетъ мостъ Сенъ-Сипріанъ съ цѣлью отрѣзать городъ отъ предмѣстья, другой—направляется къ префектурѣ, а третій, съ генералами Нансути, Кератри и городскими властями, идетъ на Капитолій. Триста человѣкъ занимаютъ дворы, окна, террасу. Кератри развертываетъ фронтъ и въ шестистахъ метрахъ отъ зданія, внѣ выстрѣловъ возставшихъ, устанавливаетъ орудія. Старшій предсѣдатель и прокуроръ выходятъ для переговоровъ; Кератри выставляетъ требованія; крики заглушаютъ ихъ. Если бы главари не покинули Капитолія, одного залпа холостыми зарядами было бы достаточно, чтобы разсѣять нападающихъ. Нѣсколько мужественныхъ человѣкъ, оставшихся въ думѣ, хотятъ уже завязать бой, когда вмѣшивается республиканская ассоціація и убѣждаетъ національныхъ гвардейцевъ отступить. Взять префектуру было еще легче, и вечеромъ Кератри уже спалъ въ постели Дюпорталя. На слѣдующій день члены исполнительной комиссіи обнародовали манифестъ, чѣмъ и заслужили прощеніе; одного изъ нихъ Кератри назначилъ мэромъ.

Такъ великодушное рабочее населеніе Тулузы, поднявшееся при крикахъ: „Да здравствуетъ Парижъ!“ было покинуто тѣми, кто его побуждалъ къ возстанію. Жестокій ударъ для Парижа, такъ какъ юго-востокъ послѣдовалъ бы за Тулузой.

Человѣкъ мысли и дѣла, какого не доставало на югѣ, нашелся въ Нарбоннѣ, старомъ городѣ, галльскомъ по темпераменту, римскомъ по упорству и настоящемъ центрѣ демократіи въ департаментѣ Одъ. Во время войны нигдѣ такъ сильно не высказывалось неудовольствіе по поводу безсилія делегаціи. У нарбоннской національной гвардіи не было ружей, тогда какъ каркассоннская гвардія была уже давно вооружена. При вѣсти о 18-мъ марта, Нарбоннъ, не колеблясь, сталъ на сторону Парижа. Для обнародованія ком-

муны обратились къ Дижону, изгнаннику временъ имперіи, человѣку твердаго характера и непоколебимыхъ убѣжденій. Дижонъ, такой же скромный, какъ и рѣшительный, предложилъ руководство движеніемъ своему товарищу по изгнанію Марку, извѣстному вождю демократіи въ департаментъ Одъ и одному изъ самыхъ непримиримыхъ противниковъ Гамбетты во время войны. Марку, хитрый адвокатъ, боящійся себя скомпрометировать и опасающійся соперничества Дижона въ главномъ городѣ, направилъ его въ Нарбоннъ. Онъ прибылъ туда 23-го и рѣшилъ, прежде всего, склонить въ пользу коммуны муниципальный совѣтъ. Такъ какъ мэръ Рэналь отказался созвать совѣтъ, 24-го вечеромъ народъ хлынулъ въ думу, вооружился ружьями, имѣвшимися въ распоряженіи муниципалитета, и водворилъ тамъ Дижона и его друзей. Дижонъ показался на балконѣ, провозгласилъ нарбоннскую коммуну присоединенной къ парижской и тотчасъ же принялъ всѣ мѣры предосторожности.

На слѣдующій день мэръ попробовалъ привлечь солдатъ, и передъ думой показались роты. Народъ, особенно воодушевленныя коммуной женщины, достойныя сестры парижанокъ, обезоружили солдатъ. Капитанъ и лейтенантъ были задержаны въ качествѣ заложниковъ. Уцѣлѣвшій гарнизонъ заперся въ Сенъ-Бернарской казармѣ. 26-го толпа арестовала Рэналя, продолжавшаго упорно бороться съ возстаніемъ. Дижонъ помѣстилъ троихъ заложниковъ впереди одного изъ отрядовъ національной гвардіи, завладѣлъ префектурой и разставилъ пикеты у вокзала и у телеграфа. Чтобы вооружиться, онъ взломалъ арсеналъ, гдѣ солдаты, несмотря на приказаніе лейтенанта стрѣлять, сдали оружіе. Въ тотъ же день прибыли делегаты отъ сосѣднихъ коммунъ, и Дижонъ занялся объединеніемъ движенія.

Онъ очень хорошо понималъ, что мѣстныя возмущенія быстро заглохнутъ, если между ними не будетъ существовать крѣпкой связи, и спѣшилъ протянуть руку марсельскому и тулузскому возстаніямъ. Безьеръ, Перпиньянъ, Сеттъ уже обѣщали ему свою поддержку. Онъ уже готовился къ отъѣзду въ Безьеръ, когда 28-го прибыло двѣ роты тюркосовъ, а вслѣдъ за ними войска, посланныя изъ Монпелье, Тулузы и Перпиньяна. Дижонъ долженъ былъ приготовиться къ защитѣ; онъ воздвигъ баррикады, усилилъ посты, совѣтуя возставшимъ лучше выждать нападенія и стрѣлять только по офицерамъ...

Но вернемся къ нашей главной темѣ. Насъ призываетъ Парижъ. Возстанія въ другихъ провинціяхъ были лишь конвульсіями. И 28-го, въ ту минуту, когда Парижъ предается своей радости, во всей Франціи держатся еще лишь двѣ коммуны—марсельская и нарбоннская.

ГЛАВА XI.

Революцію дѣлаетъ народъ, а не сила отдѣльныхъ личностей.

(Рѣчь Сенъ-Жюста въ конвентѣ 31-го мая 1794 г.).

Первыя засѣданія коммуны. — Бѣгство мэровъ и ихъ адъюнктовъ.

Площадь еще волновалась, когда въ думѣ сошлись шестьдесятъ выборныхъ отъ Парижа. Многіе изъ нихъ встрѣчались въ первый разъ; большинство же узнавало другъ въ другѣ противника или сторонника; тутъ были посрамленные послѣднимъ пораженіемъ либералы и революціонеры, воодушевленные побѣдой. Выборы дали 16 либеральныхъ мэровъ и адъюнктовъ, нѣсколькихъ непримиримыхъ и 62-хъ революціонеровъ всѣхъ оттѣнковъ [1]).

---

[1]) Эд. Адамъ, Мелинъ, Рошаръ, Барре (Лувръ).—Брелэ, Луазо-Пенсонъ. Тираръ, Шеронъ (Биржа). — Шарль Мюра (Тампль).— Альберъ-Ле-Руа, Робине (Люксембургъ).—Демаре, Э. Ферри, Настъ (Опера). — Мармоттанъ, Де-Бутейле (Пасси). — Гупиль (Люксембургъ).—Э. Лефевръ (Бурбонскій дворецъ).—А. Ранъ, Улиссъ Паранъ (Опера).

Демэ, Антуанъ Арну, Пенди, Дюпонъ (Тампль).—Артуръ Арну, Лефрансэ, Клемансъ Жерарденъ, Амуру (Дума).—Режеръ Журдъ, Тридонъ, Бланше, Ледруа (Пантеонъ).—Белэ, Варленъ (Люксембургъ).—Паризель, Урбенъ, Брюнель (Бурбонскій дворецъ).—Рауль Риго, Вальянъ, Артуръ Арну, Жюль Аликсъ (Елисейскія поля).—Гамбонъ, Феликсъ Піа, Фортюне Анри, Шампи, Бабикъ, Растуль, Мортье, Делеклюзъ, Асси, Прото, Эдъ, Авріаль, Вердюръ (Попенкуръ).—Варленъ, Жересмъ, Тейсъ, Фрюно (Рейли).—Лео Мейле, Дюваль, Шардонъ, Лео Франкель (Гобелены).—Бильорэ, Мартеле, Де-

Это были отголоски осады и послѣднихъ недѣль. Ни одинъ округъ, за исключеніемъ двухъ или трехъ, не составилъ своимъ избранникамъ наказовъ, несмотря на то, что 19-го центральный комитетъ предупредилъ ихъ, чтобы они готовились къ коммунальнымъ выборамъ, а „*Оффисіель*“ начерталъ даже нѣчто, въ родѣ программы. Инстинктивно богатые кварталы выбрали много мэровъ и адъюнктовъ; въ бѣдныхъ кварталахъ было выбрано нѣсколько ветерановъ республики: Делеклюзъ, Гамбонъ, Бланки, 17-го арестованный въ провинціи, Феликсъ Піа, Жюль Міо, Ш. Белэ и нѣсколько борцовъ временъ имперіи и осады: Флурансъ, Тридонъ, Верморель, Валлесъ, Лефрансэ, Вальянъ, Рауль Риго, Ферре, Курнэ, Паскаль Груссе и др., замѣшались также лица, извѣстныя по публичнымъ собраніямъ. Центральный комитетъ не выставилъ своей кандидатуры, но все же изъ него было выбрано нѣсколько человѣкъ: Журдъ, Мортье, Асси, Бильорэ и др.

Двадцать пять рабочихъ, изъ которыхъ только тринадцать принадлежали къ Интернаціоналу, являлись представителями всего, что было честнаго, мыслящаго и мужественнаго среди парижскаго пролетаріата: Малонъ, Варленъ, Дюваль, Тейсъ, Авріаль, Ранвье, Пенди, Ланжевенъ, Амуру, Франкель, Шампи и др. Итакъ, большая часть революціонеровъ состояла изъ мелкой буржуазіи: чиновниковъ, счетоводовъ, врачей, учителей, судейскихъ, публицистовъ—послѣднихъ было около двѣнадцати.

Изъ рукъ членовъ центральнаго комитета, ничего не понимавшихъ въ политикѣ, Парижъ неизбѣжно долженъ былъ перейти въ руки соціалистовъ и политическихъ дѣятелей, уже давно извѣстныхъ въ своей средѣ. Были выбраны преимущественно молодые люди, нѣкоторымъ изъ нихъ едва исполнилось 25 лѣтъ.

Первая ихъ встрѣча имѣла мѣсто въ девять часовъ въ томъ самомъ залѣ, гдѣ во времена имперіи засѣдала муниципальная ко-

---

канъ (Обсерваторія).—В. Клеманъ, Жюль Валлесъ, Ланжевенъ (Вожираръ).—Варленъ, Е. Клеманъ, Ш. Жирарденъ, Шалэнъ, Малонъ (Батиньоль).—Бланки, Тейсъ, Дереръ, Ж. Б. Клеманъ, Ферре, Верморель, Паскаль Груссе (Монмартръ). — Уде, Пюже, Делеклюзъ, Жюль Міо, Остинъ, Флурансъ (Шомонскіе холмы). — Бержере, Ранвье, Бланки Флурансъ (Менильмонтанъ).

миссія; залъ этотъ, какъ извѣстно, выходитъ на знаменитую, въ два поворота, лѣстницу, спускающуюся во дворъ Людовика XIV.

Предсѣдателемъ выбираютъ Белэ. Это старикъ семидесяти двухъ лѣтъ, худой, довольно высокій, бретонскаго сложенія; сынъ либеральнаго депутата, онъ былъ избранъ въ 1830-мъ и 48-мъ годахъ; сначала Белэ принадлежалъ къ либеральной партіи, потомъ къ республиканской и, несмотря на то, что стоялъ во главѣ крупнаго промышленнаго предпріятія, къ концу жизни сталъ исповѣдывать соціализмъ. Будучи однимъ изъ основателей Интернаціонала, онъ отказался войти въ его организацію и говорилъ рабочимъ: „Оставайтесь одни, не принимайте въ свою среду ни капиталистовъ, ни хозяевъ“. Семидесяти одного года, послѣ нашествія, онъ отправляется въ Мецъ, около Сенъ-Прива убиваетъ своей суковатой палкой встрѣтившагося ему улана, имѣетъ силы достигнуть Парижа, гдѣ побуждаетъ населеніе къ сопротивленію, подписываетъ прокламаціи клуба „Кордери“ и преслѣдуетъ своего земляка Трошю, рискуя быть арестованнымъ. Предъ нами рѣдкій образчикъ мощи среди вырождающейся буржуазіи и еще болѣе рѣдкій примѣръ признательности народа, пославшаго этого ветерана въ думу.

Онъ не ведетъ засѣданія, а присутствуетъ при какомъ-то безпорядочномъ обмѣнѣ неясными, противорѣчивыми мнѣніями, время отъ времени прерываемыми ропотомъ расположившихся во дворѣ національныхъ гвардейцевъ. Паскаль Груссе и Мортье требуютъ назначенія Бланки почетнымъ предсѣдателемъ, и по этому поводу начались бы пренія, если бы Лефрансэ не поставилъ сначала на очередь слѣдующую резолюцію: „Парижъ и республика многимъ обязаны центральному комитету и національной гвардіи“. Принято безъ преній. По просьбѣ Ж. Б. Клемана, Валлесу, Лефрансэ и Ранку поручаютъ составить прокламацію по соглашенію съ центральнымъ комитетомъ, делегаты котораго дожидаются въ сосѣднемъ залѣ. Лефрансэ предлагаютъ соединиться съ ними. Вносятся предложенія провѣрить полномочія сообразно съ такимъ-то или такимъ-то закономъ. Для самыхъ горячихъ законы не существуютъ, они предлагаютъ порядокъ дня, объявляютъ собраніе революціоннымъ и особенно возстаютъ противъ публичности засѣданій. При открытіи конвента Дантонъ осудилъ подобное предложеніе; оно было отвергнуто

и коммуной. Артуръ Арну: „Мы не совѣтъ какой-нибудь маленькой коммуны“.—„Мы военный совѣтъ“,—возражаетъ Паскаль Груссе,—„и намъ нечего разсказывать врагу о нашихъ рѣшеніяхъ“. Многіе, въ томъ числѣ Журдъ и Тейсъ: „Все же мы должны нести отвѣтственность“. Ранъ хочетъ отложить пренія до слѣдующаго дня. Луазо-Пенсонъ требуетъ уничтоженія смертной казни по всѣмъ статьямъ. Опять возвращаются къ выборамъ; Валлесъ, Журдъ, Тейсъ говорятъ, что полномочія депутата и члена коммуны не должны быть совмѣстимы. Послѣ этого Тираръ, едва сдерживавшійся въ этомъ хаосѣ предложеній, проситъ слова: „Мои полномочія чисто муниципальныя“,—говоритъ онъ,—„и такъ какъ здѣсь говорилось объ отмѣнѣ законовъ и о коммунѣ, какъ о военномъ совѣтѣ, то я не въ правѣ здѣсь больше оставаться; что же касается двойныхъ полномочій, такъ соотвѣтствующее предложеніе надо было внести раньше“, и полный иронiи онъ заявляетъ о своей отставкѣ:—„я васъ оставляю съ искренними пожеланіями разрѣшить вашу трудную задачу“. Эта насмѣшка и очевидная недобросовѣстность всѣхъ возмущаютъ. Лефрансэ не принимаетъ отставки и требуетъ признанія закона о полномочіяхъ недѣйствительнымъ. Тѣ, кто не въ силахъ больше сдерживаться, поднимаютъ вопросъ объ арестѣ. Но Тирара оставляютъ на свободѣ, такъ какъ однажды онъ заявилъ съ версальской трибуны: „Входящій въ думу не увѣренъ въ томъ, что выйдетъ оттуда“.

Въ противоположность Тирару, Курне слагаетъ съ себя депутатскія полномочія, а Делеклюзъ объясняетъ, почему онъ не сложилъ ихъ съ себя еще въ Бордо, теперь онъ готовъ это сдѣлать. Пренія возобновляются. Отданъ приказъ поручить вѣрнымъ національнымъ гвардейцамъ охрану воротъ Пасси и Отейля. Лефрансэ возвращается и говоритъ, что депутаты отъ центральнаго комитета спрашиваютъ, въ которомъ часу они завтра могутъ явиться, чтобы передать свои полномочія. Наконецъ, намѣчаютъ порядокъ дня слѣдующаго засѣданія

На старой башнѣ бьетъ полночь. Собраніе поднимается съ криками: „Да здравствуетъ республика! Да здравствуетъ коммуна!“ Секретарь Ферре вмѣстѣ съ Раулемъ Риго составляютъ протоколъ по разрозненнымъ замѣткамъ. При выходѣ избранниковъ караулъ кричитъ: „Да здравствуетъ коммуна!“ Въ этотъ день Парижъ уснулъ при замирающихъ звукахъ военной музыки, и въ первый разъ съ

18-го марта огни въ думѣ были погашены, а часовые не обмѣнивались паролемъ.

На слѣдующій день Делеклюзъ отказывается отъ депутатства и заявляетъ, что принимаетъ новыя полномочія, которыя на него возлагаетъ Парижъ; Рошаръ, напротивъ, слѣдуетъ примѣру Тирара и удаляется. Возвращаясь къ преніямъ предыдущаго дня, Рауль Риго требуетъ назначенія Бланки почетнымъ предсѣдателемъ. Делеклюзъ противится этому, и Курне говоритъ: „По отношенію къ Бланки мы должны сдѣлать нѣчто большее“. Рѣшаютъ, что бюро будетъ состоять изъ президента, двухъ помощниковъ и двухъ секретарей и возобновляться каждую недѣлю. Президентомъ выбираютъ Лефрансэ. Прежде чѣмъ уступить ему мѣсто, Белэ мощнымъ голосомъ привѣтствуетъ коммуну и очень удачно опредѣляетъ молодую революцію: „Освобожденіе парижской коммуны есть освобожденіе всѣхъ коммунъ республики... Съ большимъ мужествомъ, чѣмъ ваши предшественники, выступили вы впередъ, и можно надѣяться, что республика послѣдуетъ за вами. Ваши противники говорятъ, что вы наносите удары республикѣ... Если мы по ней ударяемъ, то какъ по сваѣ, которая все глубже и глубже уходитъ въ землю. Республика 1793-го года была солдатомъ, которому было нужно централизовать всѣ силы отечества; республика 1871 года—это рабочій, которому для оплодотворенія мира необходима свобода. Миръ и работа—вотъ наше будущее! Вотъ залогъ нашего возмездія и нашего соціальнаго возрожденія! Коммуна займется мѣстными вопросами, департаментъ—областными, правительство—національными. Не будемъ переступать этой границы, и тогда страна и правительство, счастливыя и гордыя, будутъ привѣтствовать эту революцію, столь великую и столь простую“... Наивныя иллюзіи старца, имѣвшаго однако опытъ долгой политической жизни.

Собраніе подѣлилось на комиссіи, взявшія на себя различныя обязанности; комиссіи были слѣдующія: военная, финансовая, юстиціи, общественной безопасности, труда и торговли, продовольственная, внѣшнихъ сношеній, публичныхъ работъ и народнаго просвѣщенія. На одинъ мѣсяцъ была назначена постоянная исполнительная комиссія; въ нее вошли Лефрансэ, Дюваль, Феликсъ Піа, Бержере, Тридонъ, Эдъ, Вальянъ. Трое изъ нихъ—Дюваль, Бержере и Эдъ состояли также въ военной комиссіи.

Наконецъ, вводятъ делегацію центральнаго комитета. „Граждане“,— говоритъ Бурсье,—„центральный комитетъ приходитъ сюда, чтобы передать вамъ свои революціонныя полномочія. Мы вновь вступаемъ въ кругъ дѣятельности, опредѣленный законами. Центральный комитетъ не можетъ вмѣшиваться въ дѣйствія коммуны—единственной правильной власти; онъ заставитъ уважать ихъ и ограничится реорганизаціей національной гвардіи“. Судя по протоколу, эти объясненія были приняты благосклонно, и комитетъ удалился при крикахъ: „Да здравствуетъ коммуна! Да здравствуетъ республика!“

Акцизные чиновники пришли въ ночное засѣданіе, чтобы присоединиться къ коммунѣ. Отъ имени коммиссіи, назначенной наканунѣ, Лефрансэ прочелъ прокламацію; ее нашли длинной и неполной. Было поручено другой комиссіи составить новый проектъ. Между тѣмъ, чтобы заполнить время, пока она работала, Феликсъ Піа внесъ предложеніе объ уничтоженіи рекрутскаго набора.

Не взявъ отставки, онъ исчезъ 3-го марта изъ національнаго собранія точно такъ же, какъ 31-го октября покинулъ думу, а нѣсколько дней спустя—тюрьму. 18-го марта онъ оставался въ сторонѣ, какъ и 31-го октября, въ то время, какъ Делеклюзъ присоединился съ первыхъ же дней. Феликсъ Піа ждалъ побѣды и наканунѣ выборовъ началъ пѣть гимны комитету, „который затмѣваетъ геніевъ и передъ которымъ стушевываются отдѣльныя личности“. Избранный въ X округѣ двѣнадцатью тысячами голосовъ, Піа съ самоувѣреннымъ видомъ явился въ думу.

Въ толпѣ драматурговъ, шарлатановъ, романтиковъ, духовидцевъ, съ 1830-го года терзавшихъ соціальную революцію, онъ держалъ сторону революціонныхъ авантюристовъ, призывавшихъ къ убійству короля; его письма, тосты, воззванія, риторическія изліянія по поводу событій дня—все это было старымъ монтаньярскимъ товаромъ, подновленнымъ слоемъ гуманитарнаго лака. Во время имперіи его свирѣпые манифесты изъ изгнанія доставляли удовольствіе полиціи и бонапартистскимъ газетамъ; они представляли изъ себя вываренную говядину, которую можно было безопасно выбросить народу, такъ какъ изъ нея онъ все равно не могъ извлечь никакихъ жизненныхъ соковъ. На три четверти это опьянѣніе илота было притворствомъ. Растрепанный и безумный на подмосткахъ, за кулисами онъ

становился хитрымъ, лукавымъ, осторожнымъ. Въ глубинѣ души онъ былъ ни во что не вѣрящій скептикъ, искренній лишь въ обожаніи самого себя. Передъ коммуной онъ предсталъ съ карманами, полными декретовъ.

Романтики принялись рукоплескать, когда Піа прочелъ свое предложеніе, и оно прошло безъ преній, несмотря на то, что утромъ аплодировали Белэ, предлагавшему совершенно другое и оставлявшему за государствомъ управленіе общенаціональными учрежденіями; равнымъ образомъ проектъ прокламаціи, представленный комиссіей, отнюдь не предлагалъ превратить коммуну въ учредительное собраніе и однако былъ вотированъ и подписанъ: „*Коммуна Парижа*“. Въ 1789 году Лустало жаловался на то, что парижскій муниципалитетъ узурпировалъ наименованіе „коммуна“, обозначающее, говорилъ онъ, совокупность всѣхъ гражданъ. Иное произошло въ 1871 году; здѣсь „коммуна“ сдѣлалась наименованіемъ партіи; избранники 18-го марта приняли названіе членовъ коммуны, которое имъ далъ народъ, и названіе это приходится сохранить за ними ради ясности исторіи.

30-го марта, утромъ, коммуна оповѣстила Парижъ: „Сегодня“,—говорилось въ прокламаціи,—„будетъ принято рѣшеніе относительно платы за квартиры, завтра относительно платежей по истекшимъ срокамъ; въ самомъ непродолжительномъ времени будутъ возстановлены и упрощены общественныя должности и реорганизована національная гвардія—таковы наши ближайшія задачи“.

Декретомъ уничтожались обязательства по квартирнымъ контрактамъ, заключеннымъ съ октября 1870-го по іюль 1871-го года и уплата денегъ за меблированныя комнаты. Версаль предлагалъ только отсрочку; это было несправедливо. Коммуна погашала долги, справедливо замѣчая, что собственность тоже должна принести свою долю жертвъ, но она забывала о толпѣ промышленниковъ, постыдно нажившихся во время осады, она отступала передъ разслѣдованіемъ.

Въ одной прокламаціи центральный комитетъ охотно соглашался съ декретами коммуны. Въ засѣданіи 30-го числа коммуна выразила по этому поводу свое негодованіе, и Дюваль потребовалъ, чтобы центральный комитетъ былъ лишенъ всѣхъ политическихъ полномочій. Въ это время явилась делегація отъ комитета. Коммунѣ

надо было воспользоваться этимъ моментомъ для закрѣпленія за собой власти. Единственная представительница націи и одна только отвѣтственная, въ этотъ часъ она сосредоточивала въ себѣ всю власть и не могла выносить подлѣ себя комитета, не забывавшаго о своемъ бывшемъ значеніи. Наканунѣ она горячо приняла его и воздала ему должное, вотировавъ, что Парижъ и республика ему многимъ обязаны; сегодня она должна была заявить, что его роль окончена. Вмѣсто того, чтобы говорить прямо, начали обвинять другъ друга.

Одинъ изъ членовъ коммуны напомнилъ объ обѣщаніи центральнаго комитета разойтись послѣ выборовъ. Непонятно, для чего нужно его существованіе, если только онъ не разсчитываетъ сохранить за собой какую-нибудь власть. Делегаты, руководимые Арнольдомъ, вошедшимъ позднѣе въ коммуну, дѣйствовали очень хитро.

„Федерація“,—говорили они,—„спасла республику. Еще не все кончено. Распустить эту организацію значитъ уменьшить вашу силу. Центральный комитетъ не имѣетъ притязаній ни на какое участіе въ правительствѣ, онъ продолжаетъ только соединять васъ съ національной гвардіей орудіемъ революціи. Мы остаемся тѣмъ, чѣмъ были: большимъ семейнымъ совѣтомъ національной гвардіи“.

Эти доводы показались убѣдительными; делегаты, по ихъ словамъ, хотѣли только, чтобы были опредѣлены полномочія комитета. Имъ повѣрили. Но вотъ на слѣдующій день до коммуны доходитъ слѣдующее оффиціальное заявленіе: „Центральный комитетъ назначаетъ генерала Клюзере въ военный департаментъ, гдѣ, подъ наблюденіемъ комитета, онъ долженъ реорганизовать національную гвардію“. Собраніе возмущается. Мортье и Паскаль Груссе требуютъ упраздненія комитета. У Дюваля спрашиваютъ, гарантируетъ ли онъ собранію безопасность. Дюваль спѣшитъ смѣнить начальника думы и на мѣсто Пенди назначаетъ Асси. Артуръ Арну требуетъ привлеченія къ отвѣтственности центральнаго комитета. Членамъ коммуны, принадлежавшимъ къ комитету, поручаютъ потребовать отъ него объясненій. Они излагаютъ ихъ въ ночномъ засѣданіи. Комитетъ отказывается отъ редакціи заявленія, а Клюзере отказывается отъ своего назначенія. Коммуна удовлетворяется и оставляетъ все по-старому.

На другой день комитетъ возвращается къ своимъ обязанностямъ.

Его делегаты требуютъ завѣдованія интендантствомъ, права реорганизовать національную гвардію и назначать начальника штаба. Коммуна отсылаетъ ихъ къ исполнительной и военной комиссіямъ и ничего еще не рѣшаетъ. Въ этотъ день вспоминаютъ, наконецъ, и о провинціи, куда хотятъ послать делегатовъ.

Декреты, незаконныя присвоенія власти, безпорядочность совѣщанія—все это послужило поводомъ для отпаденія отъ собранія радикально-либеральной фракціи. Не проходило ни одного засѣданія безъ того, чтобы три или четыре члена коммуны не сложили съ себя полномочій. Если бы мэры и адъюнкты искренно примкнули къ соглашенію 25-го числа, если бы ихъ дѣйствительно заботили судьбы Парижа, они должны были бы мужественно выполнить свой долгъ, и, быть можетъ, имъ удалось бы измѣнить характеръ большинства. Но они предпочли дезертировать, слѣдуя примѣру своихъ провинціальныхъ товарищей, несмотря на то, что кандидатура была ими принята. Многіе ни разу не показались въ думу. Другіе воздѣвали руки и жалобно взывали: „Куда мы идемъ!“ Одинъ совсѣмъ уже умиралъ: „Вы видите, я еле дышу“. Тѣ же, которые впослѣдствіи выступили съ самыми несправедливыми обвиненіями, отдѣлывались пустыми отговорками, какъ, напримѣръ, Мелинъ. Когда коммуна утвердила полномочія, ихъ отставки и двойные выборы освободили двадцать два мѣста. Вѣрная лучшимъ завѣтамъ французской республики, коммуна приняла въ свои ряды одного изъ способнѣйшихъ членовъ Интернаціонала, венгерца Леона Франкеля, выбраннаго XIII округомъ. Шесть кандидатовъ не получили и восьмой части голосовъ, необходимыхъ по закону 49-го года; на это не обратили вниманія, такъ какъ въ ихъ округа входили реакціонные кварталы, пустѣющіе съ каждымъ днемъ.

Побитые на Вандомской площади и во время выборовъ, капиталисты и люди партіи порядка продолжаютъ спасаться бѣгствомъ въ Версаль, гдѣ еще больше разжигаютъ ненависть. Реакціонный городъ принимаетъ боевую внѣшность. Все предвѣщаетъ близкую борьбу. Тьеръ уже отрѣзалъ Парижъ отъ Франціи.

31-го марта, нарушивъ слово, данное Тейсу, наканунѣ истеченія срока апрѣльскихъ платежей, скрылся директоръ почты Рампонъ, чѣмъ привелъ въ безпорядокъ всѣ дѣла; между тѣмъ Версаль не

пропускалъ почтовыхъ вагоновъ и задерживалъ корреспонденцію, направляемую въ Парижъ.

1-го апрѣля Тьеръ оффиціально объявилъ войну: „Собраніе засѣдаетъ въ Версалѣ, гдѣ заканчивается организація одной изъ прекраснѣйшихъ армій, какими когда-либо обладала Франція. Итакъ добрые граждане могутъ успокоиться и надѣяться на конецъ хотя тягостной, но зато короткой войны“. Циничное хвастовство старика, мѣшавшаго организаціи арміи противъ пруссаковъ. „Одна изъ прекраснѣйшихъ армій“ была пока только сбродомъ, оставшимся отъ 18-го марта, подкрѣпленнымъ пятью или шестью полками, около тридцати пяти тысячъ человѣкъ, съ тремя тысячами лошадей и пятью тысячами жандармовъ или городовыхъ—единственнымъ, хорошо организованнымъ отрядомъ.

Парижъ не хотѣлъ вѣрить въ существованіе этой арміи. Народныя газеты требовали выступленія, о походѣ на Версаль говорили, какъ о прогулкѣ. Въ самой радикальной изъ газетъ, „*Мститель*“, Феликсъ Піа бряцалъ своей погремушкой и убѣждалъ коммуну „напасть на Версаль... Жалкій Версаль! онъ забылъ о 5-мъ и 6-мъ октября, когда было достаточно однѣхъ женщинъ коммуны, чтобы захватить его короля“. Этотъ хорошо освѣдомленный членъ исполнительной комиссіи возвѣстилъ Парижу слѣдующую удивительную новость: „Вчера вотировали *за* и *противъ* наступленія на Парижъ. Солдаты подали голоса *противъ*“.

ГЛАВА XII.

Выступленіе 3-го апрѣля.—Парижане повсюду отбиты. Флурансъ и Дюваль убиты. Версальцы избиваютъ плѣнныхъ.

Въ тотъ же день, т. е. въ воскресенье, безъ предупрежденія, безъ вызова, версальцы въ часъ дня открываютъ огонь, осыпаютъ Парижъ гранатами.

Уже нѣсколько дней ихъ кавалерія обмѣнивалась выстрѣлами съ парижскими передовыми постами въ Шатильонѣ и Пюто. Федералисты занимали Курбвуа—позицію, господствующую надъ проходомъ въ Версаль, что очень безпокоило собраніе. 2-го апрѣля, въ въ 11 часовъ утра, три версальскія бригады, построенныя въ двѣ колонны, прошли одна черезъ Рейль, другая черезъ Монтрету и соединились между собой.

Отъ шести до семисотъ кавалеристовъ бригады Галлифе прикрывали это движеніе. У федералистовъ въ Курбвуа было только человѣкъ пятьсотъ, шестьсотъ, защищенныхъ незаконченной баррикадой, устроенной на дорогѣ въ Сенъ-Жерменъ. Они были насторожѣ; еще утромъ ихъ ведетъ смертельно ранилъ пріѣхавшаго на развѣдки Пакье, главнаго врача версальской арміи,—что Тьеръ назвалъ убійствомъ парламентера.

Разгромивъ баррикаду и казарму въ Курбвуа, версальцы въ полдень рѣшились на приступъ. При первыхъ же выстрѣлахъ федералистовъ они обратились въ бѣгство, оставляя по пути пушки и офицеровъ. Генералъ Винуа долженъ былъ самъ собирать бѣглецовъ. Въ это время 113-ый линейный полкъ огибалъ Курбвуа справа, а

морская инфантерія направлялась влѣво черезъ Пюто. Боясь быть отрѣзанными отъ Парижа, слишкомъ малочисленные федералисты эвакуировали Курбвуа и подъ градомъ ядеръ отступили по дорогѣ въ Нейли, оставивъ двѣнадцать убитыхъ и нѣсколько человѣкъ плѣнныхъ. Пятерыхъ изъ нихъ захватили жандармы и разстрѣляли у подножія Монъ-Валерьянъ. Послѣ этой экспедиціи армія вернулась въ свои квартиры.

Парижъ замеръ при грохотѣ пушекъ. Съ 28-го марта всѣ до такой степени были проникнуты атмосферой безпечности, что никто не подозрѣвалъ возможности атаки. Это, конечно, салютъ, самое бо̀льшее—какое-нибудь недоразумѣніе. Когда пришли вѣсти, когда появились кареты подвижныхъ госпиталей, когда пронеслись слова: „Осада возобновляется!“—одно и то же чувство одушевило всѣ кварталы. Воздвигаются баррикады. На валъ возлѣ воротъ Мальо и Тернъ втаскиваютъ пушки. Въ три часа пятьдесятъ тысячъ человѣкъ кричатъ: „Въ Версаль!“ Женщины хотятъ идти впередъ.

Собирается исполнительная комиссія и распространяетъ слѣдующую прокламацію: „Насъ атаковали роялистскіе заговорщики. Они атаковали насъ, несмотря на нашу сдержанность. Наша обязанность защитить великій городъ отъ этихъ преступныхъ нападеній!“ Дюваль, которому поручено военное командованіе полицейской префектурой, Бержере, командующій на площади Думы, Эдъ, прикомандированный къ военному вѣдомству—настойчиво высказываются за атаку. Смѣлый порывъ, охвативши парижанъ, непобѣдимъ, по ихъ мнѣнію, имъ надо воспользоваться: что могутъ сдѣлать версальцы противъ ста тысячъ человѣкъ,—надо выступать. Тридонъ, Вальянъ, Лефрансэ, Феликсъ Піа противятся этому, особенно Феликсъ Піа, потерявшій всю свою самоувѣренность. „Нельзя выступать на-авось“,—говоритъ онъ,—„безъ пушекъ, безъ вождей, безъ организованнаго войска“; онъ требуетъ выясненія положенія вещей. Еще съ 19-го марта стремившійся къ выступленію Дюваль рѣзко спрашиваетъ его: „Зачѣмъ же въ теченіе трехъ дней вы не переставая кричите: „въ Версаль!“ Всѣхъ энергичнѣе противъ выступленія говоритъ Лефрансэ. Наконецъ, четыре гражданскихъ члена, т. е. большинство, рѣшаютъ, что генералы представятъ имъ подробный отчетъ въ своихъ силахъ. Въ 7 часовъ комиссія назначаетъ Клюзере въ помощники

Эду, думая, что въ лицѣ перваго нашла человѣка опытнаго въ военномъ дѣлѣ.

Генералы выступили, несмотря на большинство голосовъ въ коммиссіи. Они не получили формальнаго запрещенія. Феликсъ Піа кончилъ даже тѣмъ, что сказалъ: „Въ концѣ концовъ, если вы думаете, что готовы, то это ваше дѣло“. Видя Флуранса, всегда готоваго къ бою, и другихъ не менѣе отчаянныхъ товарищей, увѣренные, что, благодаря ихъ авторитету, національная гвардія послѣдуетъ за ними, генералы отдали начальникамъ легіона приказъ строиться въ колонны. Батальоны праваго берега должны были собраться на Вандомской и Ваграмской площадяхъ, батальоны же лѣваго берега на Италійской площади и на Марсовомъ полѣ.

Эти передвиженія, безъ руководства штабныхъ офицеровъ, производились очень безпорядочно. Войска утомились отъ безцѣльныхъ переходовъ, продолжавшихся нѣсколько часовъ сряду. Въ полночь еще оставалось двадцать тысячъ человѣкъ на правомъ берегу и семнадцать тысячъ на лѣвомъ.

Коммуна засѣдала съ десяти часовъ вечера до половины перваго ночи. Сначала хотѣли отложить опубликованіе протоколовъ, настоятельно требуемое еще съ 28-го марта и, наконецъ, вотированное наканунѣ. Феликсъ Піа объявилъ, что всѣ недоразумѣнія съ центральнымъ комитетомъ устранены, упомянулъ о зачисленіи Клюзере въ военное вѣдомство, разсказалъ о западнѣ въ Нейли, представилъ декретъ о привлеченіи къ суду Тьера, Фавра и др., всѣ имущества которыхъ должны быть секвестрованы, и, всегда имѣя наготовѣ какое-нибудь предложеніе, заговорилъ объ уничтоженіи бюджета культовъ. Точно съ такимъ же успѣхомъ онъ могъ бы декретировать и уничтоженіе Версальской арміи. Болѣе разсудительные потребовали отсрочки. Піа настаивалъ на скорѣйшемъ проведеніи декрета въ жизнь и тотчасъ же унесъ его, добившись согласія. Просили, по крайней мѣрѣ, не спѣшить съ опубликованіемъ этого декрета въ „*Оффисіель*“. Но, по настоянію Піа, было отдано приказаніе о немедленномъ его напечатаніи. Лео Мелье былъ назначенъ квесторомъ, для того, чтобы охранять доступъ въ залъ, кишащій репортерами и шпіонами. Прото внесъ на голосованіе предложеніе о взятіи коммуной подъ свое покровительство семей тѣхъ гражданъ,

которые погибли или погибнутъ въ борьбѣ съ Версалемъ. Никто даже не заикнулся о выступленіи и о военныхъ приготовленіяхъ наполнявшихъ весь Парижъ, никто не оспаривалъ у генераловъ поле дѣйствій. Они сообщили Клюзере, что ихъ планъ состоитъ въ томъ, чтобы энергично напасть на Рейль, отвлечь, такимъ образомъ, вниманіе непріятеля и въ то же время направить двѣ колонны черезъ Медонъ и Шатильонское плато къ Версалю. Бержере съ Флураномъ должны были дѣйствовать на правомъ флангѣ, Эдъ и Дюваль— командовать лѣвой и средней колоннами. Простой замыселъ и легко исполнимый при наличности опытныхъ офицеровъ и при надежныхъ командирахъ колоннъ. Но съ 18-го марта многіе батальоны были безъ начальниковъ, національные гвардейцы не въ полномъ составѣ, наконецъ, генералы, бравшіе на себя отвѣтственность предводительствовать войскомъ въ 40 тысячъ человѣкъ, не обладали никакими военными знаніями и никогда не водили въ бой ни одного батальона. Они не сдѣлали самыхъ необходимыхъ распоряженій: не стянули ни артиллеріи, ни обоза, ни госпиталей и въ продолженіе нѣсколькихъ часовъ продержали людей безъ провіанта въ пронизывающемъ туманѣ. Каждый федералистъ самъ выбралъ себѣ начальника. У многихъ, повѣрившихъ газетамъ, что это будетъ простая прогулка, не было патроновъ. Къ шести часамъ исполнительная комиссія расклеила слѣдующую телеграмму:

„Бержере въ Нейли. Всѣ пѣхотинцы переходятъ на сторону коммуны и говорятъ, что никто не хочетъ драться, за исключеніемъ главныхъ офицеровъ“.

3-го апрѣля, въ три часа утра, колонна Бержере расположилась около моста Нейли; она состояла приблизительно изъ шести тысячъ человѣкъ и имѣла только восемь огнестрѣльныхъ орудій. Надо было дать время подкрѣпиться людямъ, ничего не ѣвшимъ со вчерашняго дня. На разсвѣтѣ Бержере пріѣзжаетъ въ экипажѣ; это вызываетъ ропотъ; направляются по дорогѣ къ Рейль. Батальоны идутъ безъ развѣдчиковъ, по серединѣ дороги, по полувзводу въ рядъ, и бодро поднимаются на плато Бержеръ, какъ вдругъ падаетъ граната, за ней другая. Фортъ Монъ-Валерьянъ открылъ огонь.

Страшная паника охватываетъ батальоны, они приходятъ въ смятеніе, слово „измѣна“ вылетаетъ изъ тысячи устъ. Вся національная

гвардія думала, что коммуна занимала Монъ-Валерьянъ. Нѣсколько человѣкъ въ думѣ и въ центральномъ комитетѣ знали истину и поступили очень опрометчиво, скрывъ ее, въ надеждѣ, что крѣпость не будетъ стрѣлять. Правда, тамъ было всего лишь двѣ или три плохо установленныя пушки, которыя не могли нанести хоть сколько-нибудь значительнаго вреда. Но захваченные врасплохъ гвардейцы думаютъ, что ихъ предали, и разбѣгаются во всѣ стороны. Снарядъ разсѣкаетъ пополамъ Продомма, брата начальника генеральнаго штаба, лейтенанта регулярной арміи, перешедшаго къ коммунѣ. Бо́льшая часть федералистовъ разсѣивается по окрестностямъ и возвращается въ Парижъ. Только 91-й и остатки другихъ полковъ, всего 1200 человѣкъ, небольшими кучками достигаютъ Рейля. Вскорѣ по Аніерской дорогѣ подходитъ Флурансъ, ведя за собою около тысячи человѣкъ. Остальные отстали еще въ Парижѣ или по дорогѣ. Но все же Флурансъ продолжаетъ свой путь къ Рейлю.

Не ожидавшіе этой вылазки, версальцы еще долго не могли построиться въ боевомъ порядкѣ. Только въ десять часовъ въ Буживаль были отправлены десять тысячъ человѣкъ. Батареи, возведенныя на холмѣ Жоншеръ, открыли огонь по Рейлю. Двѣ кавалерійскія бригады дѣйствовали на правомъ флангѣ, а бригада Галлифе—на лѣвомъ. Горсточка людей парижскаго авангарда, сопротивлялась. чтобы дать товарищамъ время отступить отъ Рейля. Отступленіе началось въ часъ по направленію къ Нейли, гдѣ устроили мостовое укрѣпленіе. Нѣсколько храбрецовъ, упорно продолжавшихъ отбиваться въ Рейлѣ, съ трудомъ достигли Асніерскаго моста; преслѣдуемые кавалеріей, они потеряли нѣсколько человѣкъ плѣнными.

Флурансъ былъ настигнутъ въ Рейлѣ. Обыкновенно очень словоохотливый, онъ сдѣлался молчаливъ, какъ бы предчувствуя приближеніе несчастья. Послѣ пораженія онъ отказался вернуться; сойдя съ лошади, грустный, онъ пошелъ вдоль берега Сены, не отвѣчая Чипріани, заклинавшему его поберечь себя; этотъ молодой и мужественный итальянецъ, всегда готовый постоять за правое дѣло, былъ его стариннымъ товарищемъ по Криту. Усталый, впавшій въ отчаяніе, Флурансъ легъ на откосъ берега и заснулъ. Неподалеку, около моста Шату, Чипріани замѣтилъ домикъ, нанялъ тамъ комнату, Флурансъ послѣдовалъ туда за нимъ, снялъ саблю, револьверъ, фу-

ражку и бросился на постель. Одинъ изъ развѣдчиковъ открылъ ихъ, и человѣкъ сорокъ жандармовъ окружили домъ. Найденный первымъ, Чипріани хочетъ защищаться, но его оглушаютъ. Флуранса узнаютъ по депешѣ, найденной на немъ и отводятъ на берегъ Сены, гдѣ онъ стоитъ съ непокрытой головой, со скрещенными руками. Прискакавшій жандармскій капитанъ Демаре рычитъ: „Такъ это вы, Флурансъ, стрѣляющій въ моихъ жандармовъ!“ и, приподнимаясь на стременахъ, разсѣкаетъ ему черепъ саблей съ такой силой, что „дѣлаетъ изъ него два эполета“, какъ сказалъ одинъ жандармъ, имѣвшій всегда въ запасѣ какую-нибудь шутку. Вмѣстѣ съ трупомъ еще живой Чипріани былъ брошенъ на навозную телѣгу и отвезенъ въ Версаль, гдѣ пріятельницы офицеровъ пришли обнюхивать трупы. Такъ окончилъ свою жизнь этотъ честный странствующій рыцарь, любимецъ революціи.

2-го числа, командующій лѣвой частью лѣваго крыла, Дюваль, проводитъ всю ночь на Шатильонской возвышенности съ шестью или семью тысячами человѣкъ. 3-го, часамъ къ семи онъ формируетъ колонны, доходитъ до Пти-Бисетръ, разсѣиваетъ передовые посты генерала Дю-Барайля и посылаетъ на развѣдки офицера къ Виллькублэ, господствующему надъ дорогой. Офицеръ доноситъ, что пути свободны и федералисты могутъ безбоязненно подвигаться впередъ, какъ вдругъ около деревни начинается стрѣльба. Отрядъ разсыпаетъ цѣпь стрѣлковъ. Дюваль, оставаясь посреди дороги безъ всякаго прикрытія, подаетъ примѣръ своимъ людямъ. Перестрѣлка продолжается нѣсколько часовъ. Нѣсколькихъ гранатъ было бы достаточно, чтобы выбить непріятеля, но у Дюваля нѣтъ артиллеріи; уже патроны приходятъ къ концу, за ними посылаютъ въ Шатильонъ.

Федералисты, занимающіе редутъ, совершенно потерявшіеся въ этомъ безпорядкѣ, думаютъ, что ихъ уже окружили. Посланные Дюваля молчатъ, угрожаютъ и никакъ не могутъ добиться ни подкрѣпленій, ни боевыхъ запасовъ. Какой-то офицеръ отдаетъ приказъ отступить. На покинутаго Дюваля нападаетъ бригада Деррожа и вся дивизія Пелле, состоящая изъ 8000 человѣкъ. Со своими храбрецами ему приходится отступить къ Шатильонской возвышенности.

Попытки въ центрѣ были не болѣе удачны. Въ три часа утра

предводительствуемые Ранвье и Авріалемъ десять тысячъ человѣкъ покинули Марсово поле. Вмѣсто всякихъ распоряженій генералъ Эдъ далъ только приказъ идти впередъ. Въ шесть часовъ 61-ый полкъ атаковалъ Мулино, защищаемый жандармами. Ихъ заставляютъ отступить къ Медону, гдѣ окопалась и крѣпко засѣла версальская бригада, снабженная митральезами. У федералистовъ же только восемь орудій (между тѣмъ какъ въ Парижѣ ихъ сотни), для каждаго орудія всего лишь по восьми снарядовъ.

Убѣдившись въ полнѣйшей безнадежности своей попытки, федералисты въ девять часовъ отступаютъ къ Мулино.

Тѣмъ временемъ Ранвье поспѣшилъ за пушками и установилъ ихъ на фортѣ Исси. Это помѣшало версальцамъ перейти въ наступленіе.

Пораженіе было полное, а въ депешахъ провозглашалась побѣда. Исполнительная комиссія, приведенная въ заблужденіе военными штабами, не знавшими даже именъ генераловъ, возвѣщала о соединеніи Дюваля съ Флурансомъ въ Курбвуа. Феликсъ Піа, къ которому вернулся его воинственный пылъ, писалъ въ „*Мстителѣ*“: „*Въ Версаль!* если мы не хотимъ опять подниматься на воздушныхъ шарахъ! *Въ Версаль!* если мы не хотимъ снова пользоваться голубиной почтой! *Въ Версаль!* если мы не хотимъ питаться хлѣбомъ изъ отрубей! *Въ Версаль!* если... и пр.“ Несмотря на то, что бѣглецы уже прибыли въ Парижъ, настроеніе еще оставалось приподнятымъ. Съ краснымъ знаменемъ впереди поднимался по Елисейскимъ Полямъ батальонъ 300 женщинъ, желавшихъ идти навстрѣчу непріятелю. Вечернія коммунальныя газеты сообщали о прибытіи Флуранса въ Версаль. Несчастный, онъ дѣйствительно былъ тамъ.

Коммуна, собравшаяся къ десяти часамъ вечера, была освѣдомлена не лучше. Феликсъ Піа потребовалъ, чтобы въ исполнительную комиссію были назначены замѣстители Эду, Дювалю и Бержеле, задержаннымъ внѣ Парижа. Надо было также найти замѣстителя Лефрансэ, который требовалъ отставки. Его убѣждаютъ остаться, онъ отказывается, жалуется на то, что былъ обманутъ, и хочетъ, чтобы о его отставкѣ было напечатано въ „*Оффисіель*“. Віардъ прибываетъ изъ Шатильона, гдѣ, по его словамъ, все идетъ хорошо.

Артуръ Арну далеко не такого мнѣнія, съ мѣста дѣйствій онъ приноситъ совершенно противоположныя свѣдѣнія; Паскаль Груссе и Дюмэ думаютъ такъ же, какъ и Арну. Делегаты изъ Исси, Медона и Нейли приносятъ успокоительныя извѣстія.

Возбуждаются другіе вопросы, и Паскаль Груссе вноситъ предложеніе довести до свѣдѣнія другихъ державъ о вступленіи коммуны въ ея права, напротивъ, Ж. Б. Клеманъ отрицаетъ необходимость со стороны коммуны дѣлать какія бы то ни было заявленія королямъ. Въ часъ ночи собраніе расходится, не придя ни къ какимъ результатамъ, въ то время, какъ Дюваль истощаетъ всѣ силы, чтобы удержать около себя людей.

Какъ и Флурансъ, онъ не хочетъ вернуться, но, въ отличіе отъ Флуранса, Дюваль, обыкновенно молчаливый, съ 18-го марта становится очень разговорчивъ, почти болтливъ. Имѣя при себѣ только горсточку людей, онъ всю ночь безпрестанно повторяетъ: „Не отступлю“.

4-го, въ пять часовъ, возвышенность и сосѣднія деревни окружены бригадой Деррожа и дивизіей Пелле: „Сдайтесь, вы останетесь невредимы“,—велитъ сказать имъ генералъ Пелле. Федераласты сдаются. Тотчасъ же версальцы схватываютъ солдатъ, сражавшихся въ рядахъ федералистовъ и разстрѣливаютъ ихъ. Другихъ же плѣнныхъ оцѣпляютъ двумя рядами стрѣлковъ и отправляютъ въ Версаль. Съ непокрытой головой, съ оборванными галунами ихъ офицеры идутъ впереди шествія.

Въ Пти-Бисетръ колонна встрѣчаетъ Винуа. Онъ приказываетъ разстрѣлять офицеровъ. Начальникъ конвоя напоминаетъ объ обѣщаніи Пелле. Тогда Винуа говоритъ: „Есть здѣсь командиръ?“—„Я“,—отвѣчаетъ Дюваль, выходя изъ рядовъ. Другой выступаетъ впередъ со словами: „Я штабный начальникъ Дюваля“. Командующій волонтерами изъ Монружъ тоже становится рядомъ съ ними. „Вы гнусныя канальи!“—говоритъ Винуа и, обращаясь къ своимъ офицерамъ, отдаетъ приказъ разстрѣлять ихъ. Дюваль и его товарищи отвѣчаютъ презрительнымъ молчаніемъ, они перепрыгиваютъ черезъ ровъ, прислоняются къ стѣнѣ, жмутъ другъ другу руки и съ возгласами: „Да здравствуетъ коммуна!“ умираютъ за нее! Какой-то кавалеристъ стаскиваетъ съ Дюваля сапоги и уноситъ ихъ, какъ тро-

фей; редакторъ *Фигаро* присвоиваетъ себѣ окровавленный воротничекъ [1]).

Партія порядка, слѣдуя жестокой традиціи времени іюня 48-го года, избиваетъ плѣнныхъ. Избіеніе началось 2-го числа. 3-го въ Шату генералъ Галлифе приказалъ разстрѣлять троихъ федералистовъ, застигнутыхъ въ гостиницѣ, гдѣ они обѣдали, и опубликовалъ слѣдующее нелѣпое объясненіе этого жестокаго поступка: „Парижскіе разбойники объявили войну... Они убили моихъ солдатъ... Въ свою очередь, я объявляю этимъ убійцамъ безпощадную войну... Я долженъ былъ показать это на примѣрѣ“.

Генералъ, называвшій борцовъ за коммуну разбойниками, а три убійства примѣромъ, былъ никто иной, какъ одинъ изъ негодяевъ, принимавшихъ участіе въ мексиканской войнѣ и ставшій бригаднымъ генераломъ послѣ одной стычки при Седанѣ, въ которой онъ даже и не участвовалъ. Ничто такъ не знаменательно въ этой гражданской войнѣ, какъ подборъ знаменосцевъ этихъ честныхъ людей. Ихъ банда въ полномъ составѣ явилась на парижскую дорогу, чтобы встрѣтить взятыхъ въ плѣнъ въ Шатильонѣ. Всѣ парижскіе эмигранты—чиновники, элегантныя свѣтскія дѣвушки, проститутки, шакалы и гіены прибѣжали, чтобы ударить узниковъ, кто кулакомъ, кто палкой или зонтикомъ; они срывали съ нихъ фуражки и одежду при крикахъ: „Убійца! На гильотину!“ Среди „убійцъ“ шелъ Элизэ Реклю, взятый вмѣстѣ съ Дювалемъ. Прежде чѣмъ отвести плѣнныхъ въ жандармскія казармы, конвой нѣсколько разъ останавливался, чтобы дать толпѣ время утолить ея ярость. Послѣ этого ихъ бросили въ Саторійскіе сараи, а оттуда въ вагонахъ для скота отправили въ Брестъ.

Пикаръ хотѣлъ присоединить къ этимъ жертвамъ всѣхъ порядочныхъ людей Франціи. „Никогда“,—писалъ этотъ прыщеватый Фальстафъ,—„демагогія не представала въ такомъ нагломъ видѣ опечаленнымъ взорамъ честныхъ людей“.

Послѣ бойни при Монъ-Валерьянъ и при Шату Тьеръ написалъ своимъ префектамъ: „Нравственное воздѣйствіе превосходно“. Когда

---

[1]) Винуа писалъ: „Мятежники сложили оружіе и сдались на волю побѣдителя; извѣстный Дюваль *былъ убитъ въ дѣлѣ*.

русское правительство заявляло: „порядокъ царитъ въ Варшавѣ“, а Файли: „ружья шаспо дѣлаютъ чудеса!“,—они говорили по крайней мѣрѣ объ иностранцахъ, а не о своихъ соотечественникахъ. Конечно, всѣмъ хорошо извѣстно, что не буржуазія, а дочь народа сказала слѣдующія прекрасныя слова: „Я не могу видѣть, какъ льется французская кровь безъ того, чтобы волосы не стали у меня дыбомъ“.

ГЛАВА XIII.

Пораженіе коммуны въ Марселѣ и Нарбоннѣ.

То же солнце, которое свѣтило при неудачѣ парижскаго движенія, сіяло теперь при пораженіи народа въ Марселѣ.

Паралитичная комиссія продолжала пребывать въ дремотѣ. 26-го Эспиванъ велѣлъ бить тревогу, объявилъ департаментъ въ осадномъ положеніи и выпустилъ прокламацію въ духѣ Тьера. Муниципальный совѣтъ снова пришелъ въ трепетъ и отозвалъ своихъ делегатовъ изъ префектуры. Гастонъ Кремье заявилъ совѣту, что комиссія готова распустить себя. Совѣтъ попросилъ, чтобы ему дали время подумать.

Вечеръ былъ на исходѣ. Комиссія почувствовала, что она виситъ въ воздухѣ. Буше предложилъ ей телеграфировать въ Версаль о своей готовности передать свои полномочія республиканскому префекту.—Жалкій исходъ великаго движенія! Всѣ хорошо знали, что представляютъ изъ себя республиканскіе префекты г-на Тьера. Обезкураженная комиссія уже согласилась было составить телеграмму, когда явились Ландекъ, Амуру и Май, присланные, по ихъ словамъ, изъ Парижа.

Нѣсколько горячихъ головъ изъ членовъ комиссіи восторгались побѣдоноснымъ Парижемъ. Муниципальный совѣтъ, напротивъ того, рѣшилъ стоять на своемъ и въ полночь сообщилъ объ этомъ клубу національной гвардіи, который рѣшилъ послѣдовать его примѣру. Въ половинѣ второго делегаты клуба увѣдомили комиссію, что полномочія ихъ окончились. Либеральная буржуазія струсила, радикалы спрятались, народъ остался одинъ на одинъ съ реакціей.

Это вторая фаза движенія. Самый страстный изъ трехъ делегатовъ Ландекъ, сдѣлался теперь главнымъ авторитетомъ въ комиссіи. Республиканцы, знавшіе его низкое поведеніе во время процесса Ин-

тернаціонала, заподозрѣли бонапартиста въ этомъ хвастунѣ. Въ дѣйствительности это былъ просто балаганный актеръ, рѣшавшійся на всякія рискованныя предпріятія благодаря своему безграничному невѣжеству. Подъ руководствомъ этого скомороха положеніе становилось трагическимъ. Не видя другого выхода, Гастонъ Кремье все еще держался за вчерашнее рѣшеніе. 28-го онъ написалъ совѣту, что комиссія готова разойтись, возлагая отвѣтственность за событія на совѣтъ, и онъ настаивалъ передъ своими коллегами на освобожденіи заложниковъ. Онъ достигъ лишь того, что его заподозрѣли въ умѣренности, и, утомленный этими препирательствами, онъ вечеромъ ушелъ изъ префектуры. Его уходъ поставилъ комиссію въ совершенно беззащитное положеніе. Ей удалось, однако, разыскать его и, взывая къ его самоотверженію, вернуть его обратно въ префектуру, гдѣ снова возложена была на него странная роль плѣннаго, но отвѣтственнаго начальника.

Муниципальный совѣтъ не отвѣтилъ на письмо Кремье. 29-го комиссія возобновила свое предложеніе. Совѣтъ снова промолчалъ. Вечеромъ четыреста делегатовъ національной гвардіи на собраніи въ музеѣ рѣшили объединить батальоны и назначили комиссію для переговоровъ между городской думой и префектурой. Эти делегаты были представителями однихъ только революціонныхъ элементовъ батальоновъ и городская дума все сильнѣе и сильнѣе отдавалась чувству страха.

Тогда началась война между двумя властями посредствомъ прокламацій. 30-го совѣтъ въ отвѣтъ на рѣшеніе, принятое въ музеѣ, выпустилъ прокламацію командировъ реакціонныхъ батальоновъ. Комиссія отвѣтила манифестомъ съ требованіемъ автономіи коммуны и уничтоженія префектуръ. Совѣтъ тотчасъ объявилъ генеральнаго секретаря префекта законнымъ представителемъ правительства и предложилъ ему снова занять свою должность. Но секретарь пропустилъ это мимо ушей и убѣжалъ на фрегатъ „La Couronne“, стоявшій въ новомъ порту. Многіе члены совѣта также перетащились на фрегатъ со своими ночными колпаками,—совершенно излишняя предосторожность, такъ какъ наиболѣе видные реакціонеры невредимо расхаживали по городу. Вся энергія комиссіи исчерпалась жестикуляціей. Она арестовала не болѣе двухъ-трехъ чиновниковъ: прокурора, его

помощника и на очень короткое время директора таможни и сына мэра. Генерала Оливье освободили, какъ только выяснилось, что онъ отказался отъ участія въ смѣшанныхъ комиссіяхъ 51-го года.

Комиссія проявила настолько простодушія, что не тронула стрѣлковаго поста, забытаго Эспиваномъ и стоявшаго въ двухъ шагахъ отъ префектуры. Тѣмъ болѣе позорнымъ казалось бѣгство совѣта. Настроеніе въ городѣ оставалось спокойнымъ, даже весе-лымъ. Когда развѣдочное судно „Le Renard“ явилось въ Каннебьеръ демонстрировать свои пушки, народъ освисталъ его такъ энергично, что оно подняло якорь и вернулось обратно къ фрегату.

Комиссія рѣшила, что на нее не осмѣлятся сдѣлать нападенія, и не приняла рѣшительно никакихъ мѣръ самообороны. Между тѣмъ, она могла бы вооружить высоты „Нотръ-Дамъ-де-ла-Гардъ“, господствующія надъ городомъ, и навербовать большое число гари-бальдійцевъ. Нѣсколько офицеровъ, участвовавшихъ въ послѣдней кампаніи, предлагали ей взять на себя организацію дѣла. Комиссія выразила имъ свою благодарность, но сказала, что войска вовсе не придутъ, или же, во всякомъ случаѣ, они побратаются съ наро-домъ. Она удовольствовалась тѣмъ, что подняла черный флагъ, со-ставила прокламацію къ солдатамъ и нагромоздила въ префектурѣ оружіе и пушки, къ которымъ не имѣлось снарядовъ подходящаго калибра. Ландекъ захотѣлъ отличиться. Онъ объявилъ Эспивана лишеннымъ должности и на его мѣсто назначилъ стараго кавале-рійскаго бригадира Пелиссье. „До вступленія его въ должность“,— говорилось въ приказѣ,—„войска останутся подъ начальствомъ гене-рала Эспивана“. Этотъ фарсъ помѣченъ 1-ымъ апрѣля. Пелиссье очень остроумно выразился на военномъ судѣ. Когда его спросили: „Какой арміи были вы генераломъ?“ Онъ отвѣтилъ: „Я былъ генераломъ положенія“. Онъ никогда и не имѣлъ другого войска. 24-го рабочіе снова приступили къ работѣ, такъ какъ служба въ національной гвардіи, исключая гвардейцевъ префектуры, не оплачивалась. Съ трудомъ находили достаточно людей, чтобы охранять посты. Къ по-луночи у префектуры оставалось менѣе сотни защитниковъ.

Моментъ очень благопріятный для внезапнаго нападенія. Нѣ-сколько богатыхъ буржуа захотѣли попытаться. Нашли подходящихъ людей, разработали планъ. Въ полночь предполагали захватить ко-

миссію и занять префектуру, а въ то же самое время Эспиванъ долженъ былъ идти на городъ, чтобы прибыть туда до разсвѣта. Одного офицера отправили въ Обаньи. Генералъ отказался подъ предлогомъ осторожности, но окружающіе открыли истинную причину его отказа: „Мы бѣжали изъ Марселя какъ трусы, мы хотимъ вернуться туда послѣ блестящихъ подвиговъ“.

Блестящіе подвиги были очень трудны съ Обаньской арміей, состоявшей изъ шести - семи тысячъ неорганизованныхъ и недисциплинированныхъ солдатъ. Только одинъ 6-ой стрѣлковый полкъ былъ сколько-нибудь дисциплинированъ; но Эспиванъ разсчитывалъ на моряковъ съ „La Couronne“, на національныхъ гвардейцевъ партіи порядка, находившихся въ постоянныхъ сношеніяхъ съ нимъ, и прежде всего—на безпечность комиссіи.

Комиссія думала укрѣпить себя, присоединивъ къ себѣ делегатовъ національной гвардіи. Они постановили распустить муниципальный совѣтъ, и комиссія назначила на 3-ье апрѣля выборы. Если бы это было сдѣлано 24-го марта, то такая мѣра могла бы, быть можетъ, успокоить городъ. 2-го апрѣля было уже слишкомъ поздно, это было наканунѣ взрыва.

3-го, при полученіи вѣстей изъ Версаля, Эспиванъ приказалъ шефамъ реакціонныхъ батальоновъ держаться наготовѣ. Вечеромъ, около одиннадцати часовъ, гарибальдійскіе офицеры пришли въ префектуру съ извѣстіемъ, что изъ Обаньи двинулись полки. Комиссія запѣла старую пѣсню: „Пусть они придутъ; мы готовы ихъ встрѣтить“. Въ $1^1/_2$ часа она рѣшилась бить сборъ. Къ четыремъ часамъ въ префектурѣ собралось до четырехсотъ человѣкъ. Около ста вольныхъ стрѣлковъ расположились на вокзалѣ, куда комиссія даже не догадалась поставить ни одной пушки.

Въ пять часовъ утра 4-го нѣсколько реакціонныхъ ротъ появляются на площади дворца Юстиціи и на улицѣ Бонапарта; моряки съ „La Couronne“ выстраиваются передъ биржей; съ вокзала раздаются первые выстрѣлы.

Отряды Эспивана появляются въ трехъ пунктахъ города: на вокзалѣ, на Кастелянской площади и на Плэнъ. Вольные стрѣлки оказываютъ сильное сопротивленіе, но все же вынуждены бить отбой. Версальцы застрѣливаютъ комиссара вокзала на глазахъ его

сына—шестнадцатилѣтняго юноши, который бросается къ ногамъ офицера, предлагая отдать свою жизнь взамѣнъ жизни отца. Второму комиссару Брюнелю удается спастись съ раздробленной рукой. Колонны съ Плэнъ и Эспланады отодвигаютъ свои передовые посты на триста метровъ отъ префектуры.

Комиссія, все еще не очнувшаяся отъ своей дремоты, посылаетъ депутацію къ Эспивану. Гастонъ Кремье и Пелиссье уѣзжаютъ, провожаемые толпой взрослыхъ и дѣтей, которые кричатъ: „Да здравствуетъ Парижъ!“ Около передовыхъ постовъ на Кастелянской площади, гдѣ помѣщается главный штабъ, къ делегатамъ подступаетъ командующій 6-мъ стрѣлковымъ батальономъ Вильневъ. „Каковы ваши намѣренія?“—спрашиваетъ Кремье.—„Мы пришли водворить порядокъ“.—„Какъ, вы осмѣлитесь стрѣлять въ народъ!“—восклицаетъ Кремье, и онъ начинаетъ говорить рѣчь; версальцы угрожаютъ двинуть своихъ стрѣлковъ. Тогда делегаты даютъ отвести себя къ Эспивану. Онъ хочетъ арестовать ихъ, даетъ имъ пять минутъ сроку, чтобы очистить префектуру. При своемъ возвращеніи, Гастонъ Кремье застаетъ драку между стрѣлками и толпой, которая пытается обезоружить ихъ. Приближается еще новая толпа народа съ чернымъ знаменемъ и нападаетъ на солдатъ. Одинъ нѣмецкій офицеръ, поступившій на службу къ Эспивану въ качествѣ добровольца, арестуетъ Пелиссье; версальскіе генералы, видя, что войска ихъ въ большомъ замѣшательствѣ, велятъ отступать.

Толпа рукоплещетъ, думая, что тѣ переходятъ на сторону народа. Уже два корпуса пѣхоты отказались наступать. Площадь префектуры наполняется довѣрчивыми группами. Около десяти часовъ стрѣлки проходятъ по Римской и Армянской улицамъ. Ихъ окружаютъ съ крикомъ. Многіе подымаютъ вверхъ ружейные приклады. Одному офицеру удается, однако, освободить свою роту, которая бросается въ штыки; онъ падаетъ съ прострѣленной головой. Его солдаты, возмущенные его убійствомъ, стрѣляютъ въ національныхъ гвардейцевъ и преслѣдуютъ ихъ до префектуры, гдѣ ихъ арестуютъ. У оконъ префектуры идетъ перестрѣлка. Стрѣлки и національные гвардейцы изъ партіи порядка стрѣляютъ съ улицы Бонапарта и изъ сосѣднихъ домовъ. Домъ, принадлежащій монашескому ордену, открываетъ бѣглый огонь.

Два часа продолжалась перестрѣлка, а федералисты не получили никакого подкрѣпленія. Хотя и неприступные въ прочномъ четырехугольномъ зданіи префектуры, все же они были побѣждены, такъ какъ у нихъ не было достаточнаго количества жизненныхъ и боевыхъ припасовъ. Чтобы заставить ихъ сдаться, достаточно было подождать, сложивъ оружіе, пока у нихъ не кончатся патроны. Но генералъ дю-Сакре-Керъ не хотѣлъ побѣды на половину. Это было его первое военное дѣло; ему нужно было крови и прежде всего шума. Въ одиннадцать часовъ онъ приказалъ бомбардировать префектуру съ высотъ Нотръ-Дамъ-де-ла-Гардъ, отстоящихъ на 500 метровъ оттуда. Фортъ св. Николая тоже открылъ огонь; но его гранаты, менѣе ясновидящія, чѣмъ гранаты Богоматери *), разрушили аристократическіе дома на улицѣ Бонапарта и убили одного изъ гвардейцевъ партіи порядка, который стрѣлялъ въ солдатъ съ тыла. Къ тремъ часамъ префектура подняла флагъ, желая вступить въ переговоры. Эспиванъ продолжалъ стрѣлять. Послали парламентера. Эспиванъ требовалъ безусловной сдачи. Къ пяти часамъ въ зданіе попало триста гранатъ и было ранено много федералистовъ. Понемногу, защитники, не получивъ никакого подкрѣпленія, оставили префектуру. Эспиванъ продолжалъ бомбардировку долго послѣ того, какъ стрѣльба оттуда прекратилась. Въ половинѣ седьмого моряки съ „Couronne“ и „Magnanime“ мужественно отважились проникнуть въ пустую префектуру. „Она была взята приступомъ“, — сказалъ г-нъ Тьеръ простакамъ національнаго собранія,—„и знаете какъ? Абордажными топорами!“ (Сильное движеніе).

Они нашли тамъ заложниковъ цѣлыми и невредимыми, такъ же, какъ и стрѣлковъ, взятыхъ утромъ. И все же іезуитскія репрессіи были страшно жестоки. Люди порядка хватали всѣхъ совершенно произвольно и тащили свои жертвы въ ламповую кладовую вокзала. Тамъ одинъ офицеръ разстрѣливалъ плѣнниковъ. Онъ дѣлалъ тому или другому знакъ подойти къ нему и всаживалъ ему пулю въ лобъ. Въ слѣдующіе дни разсказывали о массовыхъ казняхъ въ казармахъ, крѣпостяхъ и тюрьмахъ. Точное число убитыхъ изъ народа осталось неизвѣстнымъ, но оно превышало полтораста;

---

*) Т. е. Нотръ-Дамскихъ пушекъ.

много раненыхъ скрывалось у версальцевъ. Имѣлось тридцать убитыхъ и пятьдесятъ раненыхъ. Болѣе девятисотъ раненыхъ было брошено въ казематы Шато д'Ифъ и крѣпости св. Николая. Гастона Кремье арестовали у привратника еврейскаго кладбища. Онъ добровольно отдался своимъ преслѣдователямъ, сильный своей чистой совѣстью и думая, что будетъ имѣть дѣло съ судомъ. Храбрый Этьенъ тоже былъ арестованъ. Ландеку удалось скрыться.

5-го Эспиванъ совершилъ тріумфальный въѣздъ и былъ встрѣченъ восторженными привѣтствіями реакціонеровъ. Но изъ вторыхъ рядовъ толпы противъ палачей раздались свистки, шиканье и крики. На площади С.-Ферреоль выстрѣлили въ одного капитана, и толпа бросала камнями въ окна одного дома, откуда привѣтствовали моряковъ.

Два дня послѣ этого столкновенія, муниципальный совѣтъ, возвратившись съ „Couronne“, снова обрѣлъ способность рѣчи, но лишь для того, чтобы обрушиться на побѣжденныхъ.

Національная гвардія была обезоружена. Эспиванъ совершалъ паломничества при крикахъ: „Хвала Іисусу! Хвала Святому Сердцу!“ Клубъ національной гвардіи былъ закрытъ, и радикалы, проклинаемые, преслѣдуемые, еще лишній разъ узнали, что значитъ покинуть народъ.

Нарбонна тоже сдалась. 30-го марта префектъ и прокуроръ опубликовали прокламацію, въ которой они говорили о горсти крамольниковъ и объявляли самихъ себя единственной истинной республикой; они телеграфировали во всѣ стороны о неудачѣ провинціальнаго движенія. „Развѣ это причина,—писалъ Дижонъ“—„для того, чтобы передъ лицомъ грубой силы опустить наше красное знамя, залитое кровью нашихъ мучениковъ?.. Пусть другіе соглашаются жить подъ вѣчнымъ гнетомъ“...—и онъ забаррикадировалъ улицы, ведущія въ городскую думу. Снова женщины были первыми: онѣ разрушили мостовыя, нагромоздили мебель. Власти, опасавшіяся серьезнаго сопротивленія, послали Марку для воздѣйствія на его друга Дижона. Брутъ Каркассоны явился въ думу въ сопровожденіи двухъ республиканцевъ изъ Лиму и предложилъ отъ имени генеральнаго прокурора полную амнистію тѣмъ, кто очиститъ зданіе, а Дижону предоставилъ двадцать четыре часа сроку, чтобы добраться

до границы. Дижонъ собралъ свой совѣтъ; всѣ отказались бѣжать. Марку предупредилъ объ этомъ военныя власти. Тогда въ Нарбонну командировали генерала Зентца.

Въ три часа утра одинъ отрядъ тюркосовъ осматриваетъ баррикаду на улицѣ дю-Понъ. Федералисты хотятъ побрататься съ нимъ и переходятъ черезъ баррикаду. Ихъ встрѣчаетъ ружейный залпъ, который убиваетъ двоихъ и троихъ ранитъ. 31-го въ семь часовъ Зентеръ объявляетъ, что начнется бомбардировка. Дижонъ пишетъ ему: „На эту дикую угрозу я имѣю право отвѣтить аналогичнымъ образомъ. Предупреждаю васъ, если вы будете бомбардировать городъ, я велю разстрѣлять трехъ человѣкъ, которые находятся въ моихъ рукахъ“. Зентцъ арестуетъ посланнаго съ письмомъ и приказываетъ дать водки солдатамъ. Эти негодяи ведутъ себя въ Нарбоннѣ, какъ разбойники, и уже разгромили три кафе. Генеральный прокуроръ посылаетъ еще двухъ парламентеровъ. Онъ снова обѣщаетъ амнистію, предложенную наканунѣ всѣмъ, кто уйдетъ изъ городской думы раньше, чѣмъ станутъ стрѣлять; казнь заложниковъ будетъ наказана избіеніемъ всѣхъ находящихся тамъ. Дижонъ пишетъ свои условія подъ диктовку одного изъ парламентеровъ, читаетъ ихъ федералистамъ, предоставляетъ каждому желающему выйти изъ думы. Въ эту минуту передъ садовой террассой появляется генеральный прокуроръ съ тюркосами. Дижонъ спѣшитъ туда. Прокуроръ держитъ рѣчь передъ толпой и говоритъ о снисхожденіи. Дижонъ протестуетъ—только-что обѣщали амнистію. Прокуроръ прерываетъ споръ барабанной дробью, передъ фасадомъ думы повторяетъ свое „законное“ требованіе разойтись и настаиваетъ на выдачѣ заложниковъ, которыхъ ему и выдаютъ перебѣжчики-солдаты.

Всѣ эти переговоры страшно деморализовали защиту. Дума не могла устоять противъ бомбардировки, которая разрушила бы цѣлый городъ. Дижонъ приказалъ очистить ее и заперся одинъ въ кабинетѣ мэра, рѣшивъ не отдать дешево своей жизни. Толпа увела его насильно, несмотря на его сопротивленіе. Городская дума была совершенно пуста, когда туда явились тюркосы. Они обшарили всѣ углы; многіе видѣли, какъ ихъ офицеры украшали себя краденными вещами.

Несмотря на формальныя обѣщанія амнистіи, отдано было много

приказовъ объ арестахъ. Дижонъ отказался бѣжать и предложилъ генеральному прокурору, чтобы тотъ арестовалъ его.

Несчастный день 4-го апрѣля далъ проблескъ надежды Лиможу. Революціонная столица центра не могла помочь Парижу, не имѣя оружія. 23-го марта народное общество, которое руководило объединенными дѣйствіями демократовъ, голосовало выраженіе благодарности Парижу за его поведеніе 18-го марта. Когда изъ Версаля вызвали добровольцевъ, общество приказало муниципальному совѣту помѣшать этому, какъ возбужденію къ гражданской войнѣ. Вскорѣ послѣ провозглашенія коммуны въ Парижѣ, рабочія общества послали туда делегата, чтобы ознакомить его съ принципами коммуны, ея программой и чтобы потребовать изъ Парижа комиссара. Исполнительная комиссія отвѣтила, что въ настоящій моментъ это невозможно, послѣ видно будетъ. Народное общество, предоставленное самому себѣ, заставило муниципальный совѣтъ сдѣлать смотръ національной гвардіи, увѣренное, что это приведетъ къ манифестаціи противъ Версаля. Совѣтъ, состоявшій, за немногими исключеніями, изъ людей нерѣшительныхъ, все откладывалъ, всячески оттягивалъ дѣло, до тѣхъ поръ, пока не пришла телеграмма изъ Версаля съ извѣстіемъ о пораженіи 3-го апрѣля. 4-го вспыхнуло возмущеніе среди рабочихъ каменщиковъ. Въ Версаль долженъ былъ отбыть отрядъ изъ 500 солдатъ. Толпа рабочихъ сопровождаетъ этихъ солдатъ, говоритъ имъ рѣчи, убѣждаетъ ихъ присоединиться къ народу. Окруженные народомъ, солдаты братаются съ ними, отдаютъ свое оружіе, значительную часть котораго спрятали въ Народномъ обществѣ. Народъ окружаетъ также кирасирскаго полковника Билле, который разъѣзжаетъ въ сопровожденіи вѣстовыхъ по городу, и его заставляютъ кричать: „Да здравствуетъ республика!“. Въ пять часовъ національная гвардія выстраивается въ полномъ вооруженіи на площади Мэріи. Офицеры засѣдаютъ въ городской думѣ; одинъ изъ совѣтниковъ предлагаетъ провозгласить коммуну. Мэръ сопротивляется; со всѣхъ сторонъ раздаются крики, и капитанъ Куассакъ берется пойти на вокзалъ остановить поѣзда съ войсками. Другіе офицеры совѣтуются съ полками. Тѣ отвѣчаютъ на все однимъ возгласомъ: „Да здравствуетъ Парижъ! Долой Версаль!“ Батальоны возмущаются, дефилируютъ передъ городской думой, предводительствуе-

мые двумя муниципальными совѣтниками, и требуютъ у генерала освобожденія арестованныхъ днемъ солдатъ. Генералъ приказываетъ отпустить ихъ и потихоньку даетъ знать Билле, чтобы онъ приготовился принять мѣры противъ мятежа. Національные гвардейцы отправляются съ площади Турми къ префектурѣ, занимаютъ ее, несмотря на сопротивленіе консерваторовъ, и строятъ нѣсколько баррикадъ. Когда черезъ Тюремную улицу проходятъ солдаты, многіе граждане умоляютъ офицеровъ не начинать гражданской войны. Тѣ колеблются и уходятъ; въ это время полковникъ Билле, во главѣ полсотни кирассировъ, появляется на площади св. Михаила и велитъ солдатамъ обнажить сабли. Они даютъ револьверный залпъ; гвардейцы отвѣчаютъ; полковникъ смертельно раненъ. Его конь поворачиваетъ обратно и привозитъ своего всадника къ площади св. Петра, при чемъ весь отрядъ слѣдуетъ за нимъ. Національные гвардейцы остаются хозяевами на полѣ сраженія. Но, благодаря отсутствію организаціи, они за ночь разбрелись и оставили префектуру. На слѣдующій день полкъ, оккупировавшій вокзалъ, тоже удалился, оставленный всѣми. Начались аресты. Многимъ пришлось скрыться.

Возстанія городовъ, такимъ образомъ, погасли одно за другимъ, подобно боковымъ кратерамъ угасающаго вулкана. Повсюду въ провинціи революціонеры оказались совершенно неорганизованными, неспособными удержать власть въ своихъ рукахъ. Повсюду—побѣдители въ первыхъ стычкахъ — рабочіе не умѣли ничего другого, какъ кричать: „Да здравствуетъ Парижъ!“ Но зато они, по крайней мѣрѣ, доказали, что восемьдесятъ лѣтъ буржуазнаго господства не сумѣли задушить ихъ жизни, души, гордости и не сумѣли превратить народъ въ толпу попрошаекъ.

ГЛАВА XIV.

Большія средства коммуны.—Слабыя стороны ея совѣта.—Центральный комитетъ.—Декретъ о заложникахъ.—Банкъ.

Послѣ семидесятидневнаго перемирія Парижъ одинъ возобновляетъ борьбу за Францію. Онъ борется уже не только за территорію, но за жизненныя основы націи. Если онъ побѣдитъ, его побѣда не будетъ безплодной, какъ побѣда на поляхъ битвы; обновленный народъ подведетъ фундаментъ подъ зданіе общественной жизни. Если онъ будетъ побѣжденъ, свобода погаснетъ; буржуазія снабжаетъ желѣзными крючками тотъ кнутъ, который она держитъ въ рукахъ, и цѣлое поколѣніе гибнетъ. Благородный, братски-настроенный Парижъ не содрогается при этой борьбѣ между французами. Идея осѣняетъ батальоны своими широкими крыльями. Они движутся съ приподнятымъ челомъ, съ блестящими глазами, съ гордымъ выраженіемъ на устахъ. Если буржуа отказывается идти въ сраженіе и говоритъ: „я семейный человѣкъ“, рабочій возражаетъ: „я сражаюсь за моихъ дѣтей“.

Въ третій разъ послѣ 18-го марта городъ чуть дышетъ. Оффиціальныя извѣстія, наемные журналисты, пристроенные въ Версалѣ, описывали Парижъ, какъ сборище всѣхъ преступниковъ Европы; по ихъ словамъ, честныя женщины не отваживались больше выйти на улицу, полтора милліона жителей, притѣсняемые двадцатью тысячами разбойниковъ, возсылали пламенныя молитвы за Версаль.

Путешественникъ, вошедшій въ Парижъ, находилъ спокойныя улицы и бульвары, живущіе ихъ обычной жизнью. Эти грабители уничтожили только гильотину, торжественно сожженную передъ мэ-

ріей 11-го округа. Во всѣхъ кварталахъ слышался одинъ и тотъ же ропотъ, одно и то же проклятіе убійцамъ узниковъ, гнуснымъ сценамъ Версаля. И если кто приходилъ, заранѣе возмущенный Парижемъ, то увидѣвъ этотъ покой, это объединеніе сердецъ, этихъ раненыхъ, восклицающихъ: „Да здравствуетъ коммуна!“ эти воодушевленные батальоны, тамъ—Монъ-Валерьянъ, изрыгающій смерть, здѣсь—людей, живущихъ по-братски,—даже такой предубѣжденный человѣкъ послѣ всего этого чувствовалъ, что глаза его влажны, что дрожь пробѣгаетъ по его кожѣ, и въ нѣсколько часовъ заболѣвалъ онъ парижскою болѣзнью.

Это была лихорадка вѣры, самоотверженія и, главное, надежды.

Какое возстаніе было когда-либо такъ хорошо вооружено?

Дѣло уже не шло, какъ въ іюнѣ 48-го года, объ отчаянныхъ людяхъ, спрятанныхъ за грудами булыжника, принужденныхъ заряжать свои ружья слитками свинца или камнями. Коммуна 71-го года, вооруженная совсѣмъ иначе, чѣмъ коммуна 1793-го г., располагаетъ больше чѣмъ шестидесятью тысячами людей, обученныхъ военному дѣлу, сотнями тысячъ ружей, тысячью двѣсти пушками, пятью крѣпостями, огороженною площадью съ высотами Монмартръ, Бельвиль, Пантеонъ, запасами на многіе годы, мильярдами, если она захочетъ. Что же ей нужно для побѣды? Нѣкоторый революціонный инстинктъ. Никого нѣтъ въ думѣ, кто бы не хвалился, что онъ имъ обладаетъ. 4-го, во время ночного засѣданія, центральный комитетъ, сдѣлавшись смѣлѣе благодаря пораженію, снова требуетъ передачи ему интендантства и права преобразовать національную гвардію. Коммуна выражаетъ сожалѣніе по поводу его упорнаго рѣшенія остаться при власти и, черезъ нѣсколько мгновеній, соглашается, поручаетъ ему интендантство. Мало того, Бержере входитъ, и его просятъ подробно описать состояніе военныхъ силъ. Онъ излагаетъ холодно, относитъ вину пораженія на счетъ „прискорбныхъ опозданій“ и „удаляется при единодушныхъ рукоплесканіяхъ собранія“. Въ такихъ выраженіяхъ составленъ протоколъ, не изданный по сей день, какъ и протоколы первыхъ шестнадцати засѣданій [1]).

---

[1]) Оффиціальные протоколы коммуны были спасены изъ думы во вторникъ, 23-го мая, другомъ секретаря Амуру, наканунѣ аре-

Коммуна не только не порицаетъ виновниковъ вылазки, но она „предоставляетъ имъ полную свободу для веденія военныхъ операцій, далекая отъ того, чтобы ихъ оскорблять, какъ и отъ того, чтобы ослаблять ихъ авторитетъ“. И тѣмъ не менѣе ихъ безпечность, ихъ неспособность были пагубны. Безъ сомнѣнія коммуна поняла, что она была отвѣтственной, и, чтобы быть справедливой, она должна была обвинить и себя.

Она предполагала, что все уладится съ утвержденіемъ избранія Клюзере въ делегаты Военнаго Управленія. Съ 19-го марта онъ докучалъ центральному комитету, добиваясь генеральства, предлагая планы сраженія съ мэрами. Когда его выпроводили, онъ привязался къ исполнительной комиссіи, которая, несмотря на Лефрансэ, присоединила его къ генераламъ 2-го апрѣля вечеромъ. Какъ разъ въ это время пробилъ барабанъ, призывающій къ злополучной вылазкѣ. Клюзере увидѣлся съ генералами, заставилъ ихъ зарваться и на другой день объявилъ объ ихъ „мальчишествѣ“. Этому-то сочинителю военныхъ брошюръ, не имѣющему никакихъ заслугъ, кромѣ знака отличія полученнаго на іюньскихъ баррикадахъ, (въ борьбѣ съ соціалистами 48-го года), поручили соціалисты 71-го года защиту революціи. Подобно Трошю, онъ явился со своимъ планомъ, и, подобно тому, какъ тотъ обѣщалъ ліонцамъ, онъ обѣщалъ коммунѣ собрать въ двадцать или двадцать пять дней армію, способную перейти къ наступательнымъ дѣйствіямъ. Центральный комитетъ не возставалъ противъ этого выбора. Онъ расположился на улицѣ Антрепо за таможней, около своей колыбели, и 3-го онъ отвѣтилъ на версальское нападеніе слѣдующей прокламаціей: „Рабочіе, не ошибитесь теперь, это великая борьба. Борются паразитизмъ и трудъ, эксплоатація и производительность. Если вамъ надоѣло прозябать въ невѣжествѣ, и коснѣть въ нищетѣ; если вы хотите, чтобы ваши дѣти были людьми, извлекающими пользу изъ своего труда, а не какими-то животными, дрессированными для мастерской и для сраженія; если вы не хотите, чтобы ваши дочери, которыхъ вы не можете воспитывать и блюсти

стованнаго. Авторъ нашелъ ихъ совсѣмъ недавно въ музеѣ Карнавале. По нимъ онъ можетъ многое провѣрить и заполнить пробѣлы.

по вашему желанію, были орудіями наслажденія въ объятіяхъ денежной аристократіи, если вы наконецъ стремитесь къ царству Справедливости, рабочіе, поймите значеніе момента и подымайтесь!“ Центральный комитетъ ясно высказалъ въ другомъ заявленіи, что онъ совсѣмъ не стремится къ политической власти; но власть во время революціи, сама переходитъ къ тому, кто ее утвердитъ. Дума не сумѣла еще уяснить себѣ значеніе коммуны и ея политическій багажъ состоялъ изъ двухъ декретовъ, брошенныхъ на вѣтеръ. Центральный комитетъ, напротивъ того, не переставалъ указывать очень ясно на характеръ этой борьбы, которая сдѣлалась соціальной и, вскрывая политическія украшенія, отмѣчалъ кроющійся за этимъ столкновеніемъ изъ-за городскихъ вольностей, пролетарскій вопросъ.

Коммуна могла воспользоваться этимъ новымъ урокомъ, засвидѣтельствовать, въ случаѣ необходимости, манифестъ, и затѣмъ, основываясь на обѣщаніяхъ комитета, заставить его разойтись, распредѣливъ своихъ членовъ по различнымъ должностямъ. Коммуна удовлетворялась проклятіями противъ комитета.

И тѣмъ не менѣе, если она считала себя сильной, она не ошибалась именно въ это время. Версальская дикость, убійство плѣнниковъ Флуранса и Дюваля возмутило наиболѣе спокойныхъ. Еще три дня тому назадъ они были здѣсь, полные жизни, эти храбрые товарищи, и въ то же время друзья и братья. Ихъ опустѣвшія мѣста, казалось, взывали къ мести. Что жъ, пусть версальцы ведутъ эту дикую войну; имъ отвѣтятъ око за око, зубъ за зубъ.

Впрочемъ, если коммуна,—говорили тогда,—не дѣйствовала, то народъ отомститъ болѣе страшнымъ образомъ. 4-го Вальянъ потребовалъ, чтобы въ отвѣтъ на убійство версальцевъ, коммуна вспомнила, что у нея есть заложники, и отвѣтила бы ударомъ на ударъ. 5-го Деклюзъ представилъ проектъ, и всѣ единогласно постановили, что каждый, относительно кого существуетъ подозрѣніе въ соучастіи съ Версалемъ, подвергается въ продолженіе сорока восьми часовъ суду, и, въ случаѣ признанія за нимъ вины, задерживается въ качествѣ заложника. Казнь, совершенная Версалемъ надъ защитниками коммуны, должна была сопровождаться казнью заложниковъ, въ тройномъ количествѣ, какъ гласилъ декретъ, въ равномъ или двойномъ количествѣ, какъ говорила прокламація.

Эти варіанты свидѣтельствовали о томъ, насколько велико было потрясеніе. Буржуазныя газеты кричали о гнусности, и г. Тьеръ, который разстрѣливалъ безъ декрета, назвалъ поведеніе коммуны дикимъ; всѣ эти люди, въ концѣ концовъ, смѣялись изподтишка. Реакціонеры поважнѣе давнымъ-давно уже скрылись. Въ Парижѣ осталась только всякая мелюзга и нѣсколько запоздалыхъ, которыми Версаль могъ бы, въ случаѣ необходимости, легко пожертвовать. „Заложники! заложники! тѣмъ хуже для нихъ!“ говорилъ добрый Бартелеми Сентъ-Илеръ, когда ему указывали на то, что ихъ могутъ убить въ тюрьмахъ. Коммуна, въ своемъ слѣпомъ негодованіи, не видѣла настоящихъ заложниковъ, бывшихъ передъ глазами: Банкъ, Регистратурную Экспедицію, государственныя имущества, сохранную кассу. Здѣсь можно было овладѣть корнями, питающими Версаль, можно было смѣяться надъ его опытностью, надъ его пушками. Не подвергая опасности ни одного человѣка, коммуна должна была ему сказать только: „Мирись или умри!“

Выборные отъ 26-го марта не были людьми, способными осмѣлиться на это. Центральный комитетъ сдѣлалъ большую ошибку, допустивъ версальскую армію убраться; коммуна совершила ошибку во сто разъ тяжелѣе. Всѣ серьезныя возстанія начинались съ того, что поражали нервъ непріятеля—кассу. Одна коммуна отъ этого отказалась. Она уничтожила бюджетную ассигновку на религіозныя нужды, зависѣвшую отъ Версаля, и остановилась въ почтительномъ трепетѣ передъ кассой высшей буржуазіи, бывшей у нея подъ рукой.

Сцена въ высшей степени комичная, еслибъ можно было смѣяться надъ небрежностью, изъ-за которой пролилось столько крови. Съ 19-го марта банкъ ждалъ каждое утро описи своей кассы. Чтобы перевезти ее въ Версаль, нужно было подумать не менѣе, какъ о ста фургонахъ и объ отрядѣ войска. 23-го управляющій банкомъ Руланъ оставилъ свое мѣсто и исчезъ. Его замѣнилъ его помощникъ де-Плекъ. Съ перваго же свиданія съ делегатами изъ думы послѣдній замѣтилъ ихъ нерѣшительность, онъ спорилъ, принималъ покорный видъ, вытягивалъ деньги экю за экю. Водевильная сторона всего этого заключается въ томъ, что онъ сутяжничалъ съ Парижемъ изъ-за денегъ, принадлежащихъ самому Парижу, вложенныхъ въ банкъ въ размѣрѣ девяти милліоновъ четырехсотъ тысячъ.

Онъ маневрировалъ такимъ образомъ до 28-го марта. Банкъ заключалъ въ себѣ: 77 милліоновъ звонкой монетой, банковыхъ билетовъ на 166 милліоновъ [1]), государственныхъ бумагъ на 899 милліоновъ, гарантированныхъ цѣнностей на 120 милліоновъ, въ слиткахъ 11 милліоновъ, драгоцѣнностей на 7 милліоновъ, вкладовъ на храненіе 900 милліоновъ, итого два милліарда 180 милліоновъ. Восемьсотъ милліоновъ банковыми бплетами ждали только подписи кассира, которую очень легко было достать. Коммуна имѣла такимъ образомъ около трехъ милліардовъ подъ рукой, при чемъ почти цѣлый милліардъ наличными деньгами, на который можно было купить тысячу разъ всѣхъ Галлифе и высшихъ чиновниковъ Версаля. Въ качествѣ заложниковъ имѣлось девяносто тысячъ вкладчиковъ и два милліарда въ обращеніи, обезпеченіе которыхъ находилось на улицѣ Врильеръ.

30-го марта Белэ явился въ это святилище въ качествѣ делегата отъ коммуны. Онъ хотѣлъ было послѣ своей вступительной рѣчи удалиться, находя, что онъ слишкомъ старъ, чтобы служить въ такой борьбѣ, и лишь по настоянію всѣхъ своихъ коллегъ остался Де-Плекъ устроилъ ему внушительную встрѣчу, собравъ своихъ четыреста тридцать служащихъ, вооруженныхъ ружьями безъ патроновъ.

Белэ, который его хорошо зналъ, просилъ его выдать деньги для раздачи жалованья.

Де-Плекъ заговорилъ о самозащитѣ. „Но если бы наконецъ,—сказалъ Белэ,—чтобъ избѣгнуть кровопролитія, коммуна сама назначила управляющаго банкомъ. Управляющаго! никогда,—сказалъ Де-Плекъ,—но делегата; если бы этимъ делегатомъ были вы, мы бы могли сговориться“.

И, впадая въ пафосъ, онъ воскликнулъ: „Помогите мнѣ въ этомъ дѣлѣ спасенія, господинъ Белэ: это богатство вашей родины, это имущество Франціи!“

Белэ, весьма смягченный, явился вечеромъ въ коммуну и по-

---

[1]) Белэ въ своей книгѣ „Мои воспоминанія“, обнародованной въ 1873: г., говоритъ: „Наличными было сорокъ съ чѣмъ-то милліоновъ“. Безъ сомнѣнія, онъ имѣлъ въ виду только звонкую монету, которую ему показали. Де-Плекъ говоритъ въ своемъ показаніи: „двѣсти три милліона“. Анкета о 18-мъ мартѣ. Эрра.

вторилъ свои аргументы—тѣмъ рѣшительнѣе, что онъ нѣсколько тщеславился своимъ пониманіемъ финансовъ. „Банкъ Франціи есть имущество страны; внѣ его нѣтъ промышленности, нѣтъ торговли; если вы его захватите силою, всѣ бумаги утратятъ свою цѣнность“.

Эти глупости находили себѣ сочувствіе въ думѣ. Прудонисты совѣта, забывъ, что ихъ учитель поставилъ упраздненіе банка впередъ всей революціонной программы, поддерживали старика Белэ. Капиталистическая крѣпость не имѣла въ Версалѣ болѣе ожесточенныхъ защитниковъ. Если бы еще сказали: „Займемъ, по крайней мѣрѣ, банкъ, чтобы онъ не могъ питать Версаль“. Но коммуна не имѣла даже для этого достаточной храбрости, она удовлетворялась тѣмъ, что давала порученія Белэ. Де-Плекъ принялъ его съ распростертыми объятіями, устроилъ его въ самомъ близкомъ кабинетѣ, даже оставилъ ночевать его въ банкѣ, и съ тѣхъ поръ оживился.

Съ первой же недѣли коммуна оказалась слабой по отношенію къ виновникамъ вылазки, центральному комитету, банку,—легкомысленной въ своихъ декретахъ, въ выборѣ своего делегата Военнаго Управленія, лишенной военнаго плана, неспособной разобраться въ трудныхъ задачахъ момента.

Непримиримые, оставшіеся послѣ бѣгства либераловъ, поняли, куда шло дѣло. Не желая быть мучениками, они подали въ отставку.

ГЛАВА XV.

Первыя сраженія при Нейли и д'Аніеръ.— Организація и пораженіе примирителей.

Бѣгство 3-го числа подавило робкихъ, воодушевило горячія сердца. Батальоны, бывшіе до сихъ поръ бездѣятельными, поднялись. Вооруженіе крѣпостей не замедлялось.

Укрѣпленія Исси и Ванвъ были очень повреждены, но другія стояли нетронутыя.

Парижъ услышалъ эти прекрасныя семи-фунтовыя орудія, которыми такъ пренебрегалъ Трошю, не пожелавшій имѣть ихъ въ числѣ больше сорока, услышалъ ихъ рѣшительные выстрѣлы, столь мѣткіе, что 4-го вечеромъ версальцы очистили возвышенность Шатильонъ.

Траншеи, подъ защитой которыхъ находились форты, запасались орудіями. Мулино, Кламаръ, Валь-Флери изрыгали огонь. Направо федералисты снова заняли Курбвуа, и мостъ Нейли былъ забаррикадированъ.

Оттуда они угрожали Версалю. Винуа получилъ приказъ взять Нейли.

6-го, утромъ, фортъ Монъ-Валерьянъ, заново вооруженный 24-хъ-фунтовыми пушками, открылъ огонь противъ Курбвуа. Послѣ шести-часовой бомбардировки федералисты очистили круглую площадку и заняли позицію за большою баррикадою моста Нейли. Версальцы стрѣляли въ нее; она сопротивлялась, защищенная артилеріей воротъ Мальо.

Эти ворота Мальо, относительно которыхъ создалась впослѣдствіи цѣлая легенда, охранялись только нѣсколькими орудіями, стрѣляв-

шими безъ всякаго прикрытія подъ навѣснымъ огнемъ изъ Монъ-Валерьянъ.

Въ продолженіе сорока восьми дней коммуна находила людей, чтобы удержать ненадежное передовое укрѣпленіе. Любопытные приходили посмотрѣть ихъ, прячась за каменнымъ валомъ Тріумфальной Арки; уличные мальчишки рѣзвились въ аллеѣ Великой Арміи, выжидая взрыва, чтобы бѣжать за осколками гранатъ.

Парижская неустрашимость скоро проявилась при первыхъ же стычкахъ. Буржуазныя газеты сами сожалѣли, что такое мужество не было направлено противъ пруссаковъ. Даже во время паники 3-го числа были совершены героическія дѣйствія.

Коммуна призвала народъ устроить своимъ защитникамъ достойныя похороны. 6-го въ два часа толпа направилась въ больницу Божонъ, гдѣ мертвые были выставлены съ открытыми лицами. Матери, супруги, припавъ къ тѣламъ, испускали крики ярости, клятвы мести. Три катафалка, на каждомъ изъ которыхъ было по тридцати пяти гробовъ, задрапированные чернымъ крепомъ, расцвѣченные красными флагами, влекомые четырьмя парами лошадей, медленно катились къ большимъ бульварамъ; впереди шествовали горнисты и „Мстители Парижа“.

Делеклюзъ и пять членовъ коммуны, съ красной перевязью, съ обнаженной головою, шли во главѣ похороннаго шествія. За ними, родственники жертвъ, вдовы сегодняшняго дня, поддерживаемыя вдовами завтрашняго. Тысячи и тысячи, съ иммортелями въ бутоньеркѣ, двигались молча, подъ заглушенные звуки барабановъ. По временамъ раздавалась глухая музыка, невольный взрывъ слишкомъ сдержаннаго горя. На большихъ бульварахъ ихъ было двѣсти тысячъ, и сто тысячъ блѣдныхъ лицъ глядѣли изъ оконъ.

Женщины рыдали; многія падали въ обморокъ. Священный путь революціи, бывшій русломъ столькихъ несчастій и столькихъ праздненствъ, рѣдко видѣлъ такое объединеніе сердецъ. Делеклюзъ воскликнулъ: „Что за удивительный народъ! Неужели они еще скажутъ, что мы только горсть бунтовщиковъ!“ На кладбищѣ Перъ-Лашезъ онъ приблизился къ общей могилѣ. Жестокія испытанія въ Венсенской темницѣ сломили его хрупкое тѣло. Сморщенный, сгорбленный, молчаливый, поддерживаемый только своею непреклонною вѣрою,

этотъ умирающій воздалъ честь этимъ умершимъ. Онъ говорилъ: „Я не буду вести съ вами долгихъ разговоровъ, они намъ слишкомъ многаго стоили... Справедливости для семействъ этихъ жертвъ... Справедливости для великаго города, который послѣ пятимѣсячной осады, преданный своимъ правительствомъ, еще держитъ въ своихъ рукахъ будущее человѣчества... Не будемъ оплакивать нашихъ братьевъ, погибшихъ героевъ, но поклянемся продолжать наше дѣло и спасти свободу, коммуну, республику.“

На другое утро версальцы бомбардировали баррикаду и аллею Нейли. У нихъ не хватило человѣчности предупредить жителей, которымъ пришлось попрятаться въ погребахъ. Къ четыремъ часамъ съ половиной огонь версальцевъ прекратился, и федералисты могли немного отдохнуть, какъ вдругъ солдаты вышли въ большомъ количествѣ на мостъ. Федералисты попытались ихъ остановить, убили двухъ генераловъ, изъ которыхъ одинъ, Бессонъ, былъ во время Седанскаго похода виновникомъ нежданнаго нападенія Бомонъ-л'Аргона, и ранили третьяго. Солдаты, несравненно болѣе многочисленные, сумѣли достигнуть стараго парка Нейли. Потеря этого выхода была тѣмъ болѣе чувствительной, что Бержере, въ письмѣ, помѣщенномъ въ „*Оффисіель*“, ручался за Нейли. Исполнительная комиссія замѣстила его Домбровскимъ, полякомъ, котораго Гарибальди призвалъ для своей Вогезской арміи. Главный штабъ Бержере протестовалъ, и своими карканьями добился ареста своего начальника, навлекшаго на себя насмѣшки депешей 3-го числа. Національная гвардія обнаружила нѣкоторое недовѣріе къ Домбровскому и послала делегацію къ коммунѣ. Вальянъ, Делеклюзъ защищали Домбровскаго, котораго исполнительная комиссія должна была теперь отрекомендовать Парижу. Плохо освѣдомленная, она создала о немъ героическую легенду; Домбровскій, впрочемъ, не замедлилъ оправдать ее.

7-го федералисты Нейли увидѣли молодого человѣка невысокаго роста, въ скромной формѣ, который подъ пулями осматривалъ передовыя позиціи. Вмѣсто живой и блестящей горячности французовъ, холодная и какъ бы не сознающая себя славянская храбрость. Въ нѣсколько часовъ новый главнокомандующій пріобрѣлъ симпатіи подчиненныхъ. Офицеръ скоро показалъ себя.

9-го ночью съ двумя монмартрскими батальонами Домбровскій, сопровождаемый Верморелемъ, атаковалъ версальцевъ въ Аніерѣ, прогналъ ихъ оттуда, овладѣлъ ихъ орудіями и съ полотна желѣзной дороги, маневрируя блиндированными вагонами, бомбардировалъ съ фланга Курбвуа и мостъ Нейли. Его братъ овладѣлъ замкомъ Бекона, который господствовалъ надъ дорогой отъ Аніеръ до Курбвуа. Когда Винуа хотѣлъ вернуть эту позицію въ ночь на 12-ое, его солдаты были отбиты и бѣжали до Курбвуа. Парижъ не зналъ объ этомъ успѣхѣ, до того несовершенна была служба генеральнаго штаба. Эта блестящая атака была дѣломъ одного человѣка, подобно тому какъ защита города зависѣла отъ добровольнаго желанія національной гвардіи. Здѣсь еще не было никакого плана. Кто хотѣлъ временно отдалиться отъ операціонной линіи,—отдалялся; если кто хотѣлъ получить пушки, подкрѣпленія, онъ бѣжалъ искать ихъ, гдѣ только могъ, на той или другой площади, въ думѣ, въ центральномъ комитетѣ, у генералиссимуса Клюзере.

Клюзере началъ свою дѣятельность съ ошибки, призвавъ только холостыхъ, отъ 17 до 35 лѣтъ, лишая такимъ образомъ коммуну наиболѣе энергичныхъ людей, людей съ сѣдыми волосами, первыхъ и послѣднихъ въ огнѣ всѣхъ возстаній. Уже черезъ три дня пришлось пересмотрѣть это постановленіе. 5-го, въ своемъ донесеніи къ коммунѣ, этотъ мудрый стратегъ объявилъ, что атака Версаля маскируетъ движеніе, направленное къ тому, чтобы занять укрѣпленія на правомъ берегу, находящіяся въ данный моментъ въ прусскихъ рукахъ. Онъ порицалъ, подобно Трошю, бомбардировку послѣднихъ дней, которая, по его словамъ, растрачивала запасы; и это въ то время, когда Парижъ изобиловалъ порохомъ и гранатами, когда онъ обладалъ молодыми войсками, которыхъ артиллерія поддерживала и воодушевляла, когда версальцы Шатильона, неустанно преслѣдуемые нашимъ огнемъ, каждую ночь вынуждены были отступать, когда одна только непрерывная бомбардировка могла спасти Нейли! Не лучше были и распоряженія коммуны. Она издала постановленіе объ обязательной службѣ и объ разоруженіи ослушниковъ; однако розыскъ, устроенный наудачу, безъ полиціи, не могъ прибавить ни одного человѣка, ни сотни ружей. Она присудила вдовамъ убитыхъ національныхъ гвардейцевъ, даже вторично вышедшимъ замужъ, пожиз-

ныя пенсіи въ 600 франковъ, а ихъ родственникамъ, по восходящей линіи, пропорціональныя пенсіи отъ 100 до 800 франковъ, ихъ дѣтямъ ренту въ 365 франковъ до 18 лѣтъ, и усыновляла сиротъ; чудесныя мѣры, облегчающія сердце борцамъ, но предполагающія, что Парижъ уже побѣдилъ. Не лучше ли было бы сейчасъ выдать вознагражденіе имѣющимъ на то право, подобно тому какъ это было сдѣлано по отношенію къ вдовамъ Дюваля и Домбровскаго? Дѣйствительно, пользующіеся этими рентами получили только нѣсколько жалкихъ задатковъ.

Эти неполныя или непродуманныя рѣшенія указывали на недостаточную дѣеспособность. Тѣ, кто посѣщали думу, могли ожидать еще большаго. Какъ рѣдки были выборные, которые, видимо, понимали свою великую отвѣтственность; какъ много изъ нихъ не являлось на засѣданіе. 30-го марта, 4-го, 5-го апрѣля, черезъ нѣсколько часовъ, собраніе уже не въ полномъ составѣ; 9-го уже необходимо постановить, что отсутствующіе лишаются вознагражденія. Большая часть является не ознакомившись съ дѣломъ, готовая голосовать какъ попало.

Дума представляетъ изъ себя нѣчто въ родѣ клуба „Кордери“, превращеннаго въ парламентъ. Рѣшенія, принятыя наканунѣ, забыты. 5-го апрѣля рѣшаютъ, несмотря на постановленіе 29-го марта, что предсѣдатель будетъ избираться для каждаго засѣданія; 11-го, несмотря на постановленіе отъ 2-го числа, рѣшеніе гласитъ, что протоколы будутъ печататься въ „*Оффисіель*“. Вопросы разрѣшаются наполовину. Коммуна создаетъ военные совѣты, военный судъ и предоставляетъ центральному комитету регулировать судопроизводство и осуществленіе приговоровъ. Она организуетъ одну половину медицинской службы, а Клюзере другую. Она уничтожаетъ генеральскій титулъ, а делегатъ даетъ его главнымъ командирамъ.

14-го, во время дневного засѣданія она обвиняетъ того самого Бержере, котораго еще 4-го апрѣля привѣтствовали единодушныя рукоплесканія въ томъ, что онъ повелъ союзныя войска подъ выстрѣлы форта Монъ-Валерьянъ, сдѣлалъ военныя дѣйствія смѣшными, распространялъ опасную роскошь, возбуждалъ къ неповиновенію; во время вечерняго засѣданія она обсуждаетъ проектъ уничтоженія Вандомской колонны, представленный Феликсомъ Піа, и ставитъ вопросъ

на голосованіе, несмотря на протесты Авріаля, Малона, Тейса, Ланжевена, Клемана, которые хотятъ прекратить эти разговоры, и не внемлетъ отчаяннымъ призывамъ Домбровскаго.

У послѣдняго едва наберется 2500 человѣкъ, чтобы защищать Нейли, Аніеръ, полуостровъ Женнвилье отъ версальцевъ, которые собираютъ противъ него свои лучшія войска. Съ 14-го до 17-го они бомбардируютъ замокъ Беконъ и 17-го утромъ атакуютъ его въ составѣ одной бригады. 250 федералистовъ, которые его занимали, держалпсь шесть часовъ, а жители бѣжали въ Аніеръ, гдѣ началась паника. Домбровскій, Околович и еще нѣсколько дѣльныхъ командировъ поспѣшили на помощь, добились нѣкотораго порядка и укрѣпили прикрытіе передъ мостомъ. Домбровскій попросилъ подкрѣпленія, но Военное Управленіе послало ему только нѣсколько ротъ. На другой день передовые посты были застигнуты сильными отрядами, а артиллерія Курбвуа стрѣляла въ Аніеръ. Послѣ сраженія, около часу, много батальоновъ, чрезвычайно утомленныхъ, покинули южную часть деревни. Въ сѣверной части продолжалось ожесточенное сраженіе. Домбровскій получилъ только 300 человѣкъ, несмотря на то, что онъ посылалъ депешу за депешей. Въ пять часовъ вечера версальцы сдѣлали рѣшительный натискъ; федералисты, въ изнеможеніи, боясь, чтобы ихъ не отрѣзали, бросились на плавучій мостъ и перешли его въ безпорядкѣ.

Реакціонныя газеты подняли большой шумъ изъ-за этого пораженія; Парижъ взволновался. Ожесточенность сраженія открыла глаза самымъ оптимистичнымъ людямъ. Многіе вѣрили до сихъ поръ, что происходитъ „роковое“ недоразумѣніе, и создавали группы перемирія. 4-го апрѣля промышленники и торговцы основали „Національный Союзъ синдикальныхъ палатъ“, съ программой: „Сохраненіе и освобожденіе республики, признаніе городскихъ льготъ Парижа“. Профессора, врачи, адвокаты, инженеры, студенты, требовали въ своемъ манифестѣ демократической и свѣтской республики, автономной коммуны, федераціи общинъ. Подобная же группа послала письмо къ г. Тьеру: „Вы думаете, что это стихійный мятежъ, вы находитесь лицомъ къ лицу съ ясно сознанными и общими убѣжденіями. Громадное большинство въ Парижѣ желаетъ республики, какъ высшаго, безспорнаго права. Парижъ увидѣлъ во всемъ поведеніи со-

бранія предумышленный замыселъ возстановленія монархіи". Нѣсколько сановниковъ-масоновъ послали одно и то же воззваніе къ версальцамъ и къ коммунѣ: „Остановите пролитіе этой драгоцѣнной крови".

Наконецъ нѣсколько старыхъ мэровъ и адъюнктовъ, которые уступили центральному комитету только въ самое послѣднее время, выступили въ „Лигу республиканскаго союза для защиты правъ Парижа". Они требовали признанія республики, права самоуправленія для Парижа, предоставленія защиты города исключительно національной гвардіи, всего того, что требовала коммуна, съ чѣмъ они боролись съ 19-го по 25-ое марта. Нѣсколько парижскихъ депутатовъ, которымъ было совѣстно подать въ отставку, Клемансо, Локруа, Флоке, присоединились къ нимъ.

Образовались и другія группы, всѣ согласныя между собой относительно двухъ пунктовъ: укрѣпленія республики, признанія парижскихъ правъ. Почти всѣ газеты коммуны воспроизводили эту программу, радикальныя газеты ее принимали. Парижскіе депутаты, которые рѣшительно утвердились въ Версалѣ, заговорили послѣдніе. Ихъ цѣлью было униженіе Парижа. Луи Бланъ плаксивымъ и іезуитскимъ тономъ, которымъ онъ перевиралъ исторію въ своихъ многословныхъ сантиментальныхъ періодахъ, скрывая въ нихъ сухость своего сердца, написалъ 8-го отъ имени своихъ товарищей: „Еще ни одинъ членъ большинства не поставилъ на обсужденіе республиканскихъ принциповъ. Что же касается до участниковъ возстанія, мы скажемъ имъ, что они должны были содрогнуться отъ одной мысли увеличить или продлить бремя чужеземнаго владычества, присоединяя къ нему бремя гражданской междоусобицы".

То же самое, слово въ слово, повторилъ г. Тьеръ первымъ примирителямъ, которые къ нему явились, делегатамъ „*синдикальнаго союза*": „Пусть разоружится сперва возстаніе, собраніе не можетъ разоружиться".—„Однако Парижъ желаетъ республики".—„Республика существуетъ; клянусь честью, если я буду обладать властью: она не падетъ",—„Парижъ желаетъ муниципальныхъ свободъ".—„Палата приготовляетъ законъ, предоставляющій ихъ всѣмъ общинамъ. Парижъ не получитъ ни больше, ни меньше, чѣмъ онѣ". Делегаты прочли проектъ мирнаго соглашенія, гдѣ говорилось о

всеобщей амнистіи, о прекращеніи военныхъ дѣйствій. Г. Тьеръ допустилъ чтеніе проекта, не возражалъ формально ни на одну статью, и делегаты вернулись въ Парижъ, убѣжденные, что они нашли фундаментъ для возстановленія порядка.

Едва они удалились, какъ г. Тьеръ поспѣшилъ въ собраніе. Оно какъ разъ признало за всѣми общинами право избирать своего мэра. Г. Тьеръ взошелъ на трибуну и потребовалъ, чтобы это право было отнято отъ городовъ, насчитывающихъ меньше двадцати тысячъ жителей. Ему крикнули; „это уже голосовали“. Онъ настоялъ, утверждая, что въ республикѣ нужно тѣмъ болѣе вооружать власть, что здѣсь труднѣе удержать порядокъ, угрожалъ подать въ отставку, заставилъ собраніе взять постановленіе обратно.

10-го „*Лига парижскихъ правъ*“ затрубила: „Пусть правительство откажется преслѣдовать судомъ дѣянія, совершенныя 18-го марта. Пусть приступятъ къ новымъ общимъ выборамъ коммуны. Если версальское правительство останется глухо ко всѣмъ этимъ законнымъ требованіямъ, весь Парижъ подымется, чтобы ихъ защищать“. На другой день депутаты отправились въ Версаль. Г. Тьеръ повторялъ все одно и то же: „Пусть Парижъ разоружится“ и не хотѣлъ слышать ни о перемиріи ни объ амнистіи. „Помилованы будутъ тѣ,—сказалъ онъ,—которые разоружатся, кромѣ убійцъ Клемана Тома и Леконта“. Это значило—отдать себя на произволъ врага, вернуться къ 18-му марта, несмотря на выигранную побѣду. Въ тотъ же день онъ сказалъ делегатамъ масонскихъ ложъ: „Обратитесь къ коммунѣ; если что необходимо, такъ это подчиненіе инсургентовъ, а не отставка законной власти“. Чтобы способствовать подчиненію версальская „*Оффиціальная Газета*“ сравнивала Парижъ съ Мараѳонской долиной, только что опустошенной „шайкой разбойниковъ и убійцъ“; 13-го, одинъ изъ депутатовъ, Брюне, задалъ правительству вопросъ, хочетъ ли оно заключить миръ съ Парижемъ или нѣтъ, и собраніе отложило на мѣсяцъ обсужденіе этой интерпелляціи. Такимъ образомъ „*Лига*“, не добившись ничего кромѣ униженія, явилась 14-го въ думу.

Коммуна, чуждая всѣмъ этимъ переговорамъ, предоставила имъ полную свободу и запретила лишь одно собраніе, объявленное на биржѣ плохо замаскированными маклерами Версаля. Она удовле-

творилась тѣмъ, что указала „*Лигѣ*“ ея же собственное рѣшеніе отъ 10-го числа: „Вы сказали, что если Версаль останется глухимъ, весь Парижъ возстанетъ: Версаль глухъ: возстаньте“.—Чтобы Парижъ былъ судьею, коммуна оффиціально обнародовала въ „*Оффиціель*“ отчетъ примирителей.

ГЛАВА XVI.

Манифестъ коммуны.—Дополнительные выборы 16-го апрѣля обособляютъ группу меньшинства. — Первые споры. — Источники пораженія.

Во второй разъ положеніе было ясно очерчено. Если люди, засѣдавшіе въ думѣ, не могли выяснить истинную физіономію коммуны, то битва, бомбардировка, неистовства версальцевъ, неудача примирителей ясно показали всему Парижу, что это лагерь повстанцевъ. Дополнительные выборы 16-го апрѣля—смерть, двойные выборы, отставки очистили тридцать одно мѣсто,—показали дѣйствительный составъ возстанія. Иллюзіи 26-го марта исчезли; теперь голосованіе шло подъ гранатами. Газеты коммуны, делегаты синдикальныхъ камеръ могли сколько угодно звать выборщиковъ къ урнамъ,—пришла только шестьдесятъ одна тысяча. Округи подавшихъ въ отставку дали 16.000 вмѣсто 51.000 голосовъ.

Это было время наиболѣе подходящее для того, чтобы обратиться къ Франціи. 6-го марта исполнительная комиссія въ письмѣ къ провинціи рѣзко протестовала противъ версальскихъ клеветъ, говоря, что Парижъ сражается за всю Францію; она не формулировала программы. Республиканскія обѣщанія г. Тьера, враждебное отношеніе лѣвой, безконечные декреты совѣта, окончательно сбили съ толку провинцію. Надо было какъ можно скорѣе ее закрѣпить за собою. 19-го Жюль Валле, которому отъ имени комиссіи было поручено составить программу, представилъ свою работу, или, вѣрнѣе, работу другого. Грустный и весьма характерный симптомъ изъ пяти чле-

новъ комиссіи одинъ Делеклюзъ доставилъ нѣсколько набросковъ, и мало того: техническая часть была работой одного несвѣдущаго въ дѣлѣ журналиста, Пьера Дени. Въ „Крикѣ Народа“ онъ снова вытащилъ на свѣтъ Божій и формулировалъ въ видѣ закона вздорную мысль о провозглашеніи Парижа *вольнымъ городомъ*,—мысль возникшую при первыхъ вспышкахъ народнаго гнѣва на собраніяхъ въ Вокзалѣ.

Парижъ дѣлался ганзеатическимъ городомъ, украшался всѣми свободами и съ высоты своихъ укрѣпленій говорилъ соединеннымъ общинамъ Франціи: „Подражайте мнѣ, если можете; все, что я въ состояніи сдѣлать для васъ,—это показать примѣръ“. Этотъ милый проектъ внесъ сумбуръ въ головы многихъ членовъ коммуны, и слишкомъ много слѣдовъ отъ него осталось въ декларації. „Чего требуетъ Парижъ?—говорила она.—Признанія и утвержденія Республики. Полной автономіи коммуны, распространенной по всѣмъ мѣстностямъ Франціи. Права, принадлежащія коммунѣ суть: голосованіе общиннаго бюджета; назначеніе и распредѣленіе налоговъ; управленіе мѣстными учрежденіями; организація магистратуры, внутренней полиціи и учебнаго дѣла; завѣдываніе общинными имуществами; выборъ и постоянное право контроля надъ чиновниками и служащими въ общинахъ; полная гарантія свободы личности, свободы совѣсти и свободы труда; организація городской обороны и національной гвардіи; одна коммуна призвана ограждать и обезпечивать свободное и справедливое осуществленіе права собраній и гласности. Парижъ ничего большаго не хочетъ подъ условіемъ, что онъ найдетъ въ высшей центральной администраціи, избранной объединенными общинами, осуществленіе и выполненіе тѣхъ же принциповъ“.

Каковы же будутъ полномочія этой центральной дегелаціи, взаимныя обязательства общинъ? Декларація объ этомъ умалчиваетъ. Согласно ея тексту, каждая мѣстность должна обладать автономіей. Что можно было ожидать отъ автономіи Нижней-Бретани, девяти десятыхъ Французскихъ общинъ, болѣе половины которыхъ не имѣютъ даже пятисотъ жителей, если парижская декларація нарушала основныя права, поручала коммунѣ „ограждать“ „справедливое“ осуществленіе права собраній и гласности, и совершенно забыла упомянуть о правѣ союзовъ.

Слабое, дезорганизованное, запутанное въ тысячу сѣтей, населеніе деревень могло быть освобождено только городами, а города не могли обойдись безъ Парижа. Неудача всѣхъ возстаній въ провинціи ясно это доказывала. Когда декларація говорила: „Объединеніе въ томъ видѣ, какъ оно было намъ до сихъ поръ навязано имперіей, монархіей и парламентаризмомъ, есть не что иное, какъ деспотическая, некультурная централизація и т. д., она обнажала язву, которая разъѣдала Францію; но когда она прибавляла: „Политическое объединеніе въ томъ видѣ, какъ его желаетъ Парижъ, это—добровольное соединеніе всѣхъ мѣстныхъ начинаній“, она выказывала незнаніе провинціи.

„Это надгробное слово якобинству, произнесенное однимъ изъ его вождей!“ воскрикнулъ Растуль. Это было нѣчто большее, надгробное слово надъ всѣми слабыми.

Декларація продолжала въ стилѣ адреса и совершенно справедливо утверждала: „Парижъ работаетъ и страдаетъ за всю Францію, которой онъ готовитъ своими битвами и жертвами интеллектуальное, моральное, административное, экономическое возрожденіе... коммунальная революція, начатая по народной иниціативѣ 18-го марта, вѣщаетъ новую эру“; но ничего точно опредѣленнаго она не содержала. Почему не вернулась она къ формулѣ 29-го марта: „Коммунѣ принадлежитъ все общинное, націи все національное“; не намѣтила для будущей коммуны рамокъ, достаточно обширныхъ, чтобы тамъ была возможна политическая жизнь, достаточно опредѣленныхъ, чтобы граждане могли легко распредѣлять свои общественныя функціи; почему не провозгласила она коммуну въ пятнадцать или двадцать тысячъ душъ, Коммуну-Кантонъ, не опредѣлила точно своихъ правъ и правъ Франціи.

Въ томъ видѣ, какъ она была, эта темная, неполная, опасная во многихъ своихъ пунктахъ программа не могла, несмотря на братскія мысли, удовлетворительно выяснитъ дѣло для провинціи.

Объ остальной части населенія она ничего не говорила. Эта революція, провозглашенная всею республикой, казалось не замѣчала огромной семьи рабочихъ, которые боязливо за ней наблюдали. Дума 1871-го года осталась позади коммуны 1793-го.

Но вѣдь это былъ только проектъ; въ совѣтѣ его, безъ сомнѣнія,

предполагалось основательно разсмотрѣть. Увы, нѣтъ, коммуна голосовала предложеніе на вечернемъ засѣданіи, почти безъ преній. Это собраніе, четыре дня посвятившее вопросамъ о срокахъ коммерческихъ платежей, безконечные часы вопросу о Монъ-де-Піете, не сочло нужнымъ открыть генеральные дебаты по поводу декларації, бывшей его программой въ случаѣ побѣды, его завѣщаніемъ въ случаѣ пораженія.

Зато тамъ нашлись казуисты. Коммуна утвердила шесть выборовъ 26-го марта абсолютнымъ большинствомъ. Докладчикъ о выборахъ 16-го апрѣля предложилъ утвердить всѣ тѣ выборы, которые объединили абсолютное большинство. Эти добросовѣстные люди возмущались: „Это былъ бы, говорили они, самый большой подвохъ, который когда либо правительство устраивало всеобщей подачѣ голосовъ“. И однако невозможно было созывать избирателей безъ конца.

Три наиболѣе преданныхъ коммунѣ округа, а особенно 13-ый, лучшіе члены котораго въ это время сражались, не дали никакого результата.

Новая баллотировка только выставила бы еще отчетливѣе изолированное положеніе коммуны.

Обсужденіе было очень оживленнымъ; были люди, совершенно помѣшанные на законности въ этой думѣ, находившейся внѣ закона. Парижъ долженъ былъ задохнуться отъ ихъ спасительныхъ принциповъ. Именемъ священной автономіи, которая запрещаетъ вмѣшиваться въ самоуправленіе сосѣда, исполнительная коммиссія уже отказалась вооружить общины, подчиненныя Парижу, стремившіяся выступить противъ версальцевъ. Тьеръ не сдѣлалъ ничего лучшаго для того, чтобы изолировать Парижъ.

Двадцать шесть голосовъ противъ тринадцати голосовали за постановленія доклада. Только двадцать избраній были утверждены [1]), что было нелогично.

---

[1]) Везинье, Клюзере, Пилло, Андрье *(Лувръ)*; Потье, Сералье, Дюранъ, Жоаннаръ *(Биржа)*; Курбе, Рожаръ *(Люксембургъ)*; Сикаръ *(Бурбонскій Дворецъ)*; Бріоснъ *(Опера)*; Филиппъ, Лонкла *(Рейли)*; Лонге *(Пасси)*; Дюпонъ *(Батиньоль)*; Клюзере, Арнольдъ *(Монмартръ)*; Менотти Гарибальди *(Холмы Шомона)*; Віардъ, Тринке *(Менильмонтанъ)*.

Нужно было утвердить всѣхъ или не утвердить никого, такъ какъ одинъ былъ избранъ 1.100 голосами, а другой остался за флагомъ съ 2.500. Четверо были журналисты, шестеро рабочіе. Одиннадцать, посланные публичными собраніями, только усилили романтиковъ.

Двое изъ утвержденныхъ отказались отъ участія въ засѣданіяхъ, какъ какъ они не получили восьмой части голосовъ: Бріоснъ и авторъ извѣстныхъ „*Замыткомъ Лабіенуса*“ Рожаръ, который далъ себя обмануть ложной добросовѣстностью законности. Это было единственной слабостью этого благороднаго сердца, посвятившаго коммунѣ свое блестящее и чистое краснорѣчіе. Его отставка лишила совѣтъ человѣка, обладающаго здравымъ смысломъ, но въ то же время она лишній разъ разоблачила загадочнаго Феликса Піа.

1-го апрѣля предчувствуя грозу и питая къ выстрѣламъ такой же страхъ какъ Панургъ, Феликсъ Піа увѣдомилъ о своемъ отказѣ отъ должности члена исполнительной комиссіи и заявилъ, что его присутствіе необходимо въ Марселѣ. Такъ какъ стрѣлки Галлифе сдѣлали выѣздъ опаснымъ, онъ рѣшилъ остаться, но подъ двумя масками, подъ одной для думы, подъ другой для публики.

Въ коммунѣ, при закрытыхъ дверяхъ онъ побуждалъ къ насильственнымъ мѣрамъ, въ своей газетѣ онъ священнодѣйствовалъ, потрясалъ своими сѣдыми волосами, восклицалъ: „Къ урнамъ, а не въ Версаль!“ И тамъ онъ имѣлъ два лица. Если онъ стремился къ упраздненію газетъ, онъ подписывался „*Мститель*“. Если нужно было зарычать, онъ подписывался Феликсъ Піа. Пораженіе при Аніеръ его опять испугало и онъ снова искалъ выхода. Выходъ открылся съ отставкой Рожара. Подъ защитой этого безупречнаго имени, Феликсъ Піа пролѣзъ въ отставку. „Коммуна оскорбила законъ, писалъ онъ; я не хочу быть соучастникомъ“... Чтобъ закрыть себѣ всякій доступъ къ возвращенію, онъ замѣшалъ въ дѣло достоинство коммуны. Если она *будетъ упорствовать*, сказалъ онъ, онъ будетъ принужденъ, къ своему великому сожалѣнію, подать въ отставку *до побѣды*.

Эта продѣлка возмутила совѣтъ. „Мститель“ какъ разъ передъ этимъ порицалъ закрытіе трехъ реакціонныхъ газетъ, котораго Феликсъ Піа многократно требовалъ во время тайныхъ засѣданій. Вер-

морель заявилъ объ этомъ двуличіи. Одинъ изъ членовъ беретъ слово: „здѣсь говорили, что отказъ отъ должности будетъ разсматриваться какъ предательство“. Другой сказалъ: „не слѣдуетъ покидать своей должности, если она опасна и почетна“. Третій требовалъ формальнымъ образомъ ареста Феликса Піа. „Къ сожалѣнію, замѣтилъ одинъ изъ членовъ, нѣкоторые не понимаютъ, что только тѣ, кто послалъ насъ сюда, имѣютъ право дать намъ отставку“. А Делеклюзъ сказалъ: „Изъ-за личнаго злопамятства, или изъ-за того, что идеалъ, къ которому стремишься, не вяжется съ даннымъ отдѣльнымъ предложеніемъ, нельзя уходить. Неужели вы думаете, что всѣ одобряютъ то, что здѣсь происходитъ? И все же есть члены, которые остались и которые останутся до конца, несмотря на совершаемыя противъ нихъ несправедливости. Что касается меня, я рѣшилъ остаться на своемъ посту, и если мы не увидимъ побѣды, мы сумѣемъ по крайней мѣрѣ погибнуть на валахъ или на ступеняхъ думы“. Это мужественное слово было встрѣчено рукоплесканіями. Какое высокое самоотверженіе! Посѣдѣлый въ своихъ идеяхъ централизаціи, Делеклюзъ очень страдалъ, когда видѣлъ, что на нихъ нападаютъ. Можно ли представить себѣ болѣе благородную фигуру, нежели этотъ старецъ, жаждущій справедливости, изучающій въ концѣ своей жизни соціальные вопросы, преданный народу, безъ фразъ и несмотря ни на что! Былъ одинъ моментъ, когда подавленный болѣзнью, опечаленный направленіемъ собраній, онъ говорилъ о своемъ уходѣ. Но достаточно было сказать ему, что его уходъ причинитъ большой вредъ народному дѣлу, и онъ остался, чтобы ждать, не побѣды—также хорошо, какъ и Піа, зналъ онъ, что она невозможна—но смерти, оплодотворяющей будущую жизнь.

Феликсъ Піа, не осмѣливаясь задѣть Делеклюза, накинулся на Вермореля, третировалъ его, какъ шпіона и, такъ какъ Верморель былъ членомъ комиссіи безопасности, обвинилъ его на столбцахъ „*Мстителя*“ въ томъ, что онъ раскрываетъ свой портфель въ префектурѣ полиціи. Эта заячья душенка назвалъ Вермореля пролазой; подъ маской утонченнаго литератора въ немъ скрывалась вульгарная психика рыночной торговки. Въ 48-мъ году, въ учредительномъ собраніи онъ назвалъ Прудона свиньей; во время коммуны онъ назвалъ Тридона „кучей навоза“. Среди этого собранія, гдѣ были

рабочіе грубыхъ профессій, онъ былъ единственнымъ членомъ, употреблявшимъ въ преніяхъ вульгарныя слова. Верморель отвѣтилъ въ „*Крикѣ народа*“ и безъ труда съ нимъ справился. Его избиратели послали ему три раза требованіе, чтобъ онъ остался на своемъ мѣстѣ: „Вы солдаты и вы должны остаться на своемъ посту. Мы одни имѣемъ право васъ отозвать“. Осажденный своими избирателями, подъ угрозой ареста со стороны совѣта этотъ мужъ „греческаго огня“ вернулся, жеманясь въ думу.

Версаль торжествовалъ, когда обнаружились эти нестроенія. Впервые общество узнало внутреннюю жизнь коммуны, ея маленькія партіи, созданныя только личной симпатіей и антипатіей. Кто принадлежалъ къ такой группѣ, находилъ поддержку, несмотря ни на что, несмотря ни на какія ошибки. Чтобы быть допущеннымъ къ участію въ коммунѣ, нужно было принадлежать ка такому-то кружку. Было сдѣлано много самоотверженныхъ предложеній, испытанными демократами, чиновниками и даже республиканскими офицерами, дезертировавшими изъ Версаля. Они были приняты высокомѣрно нѣсколькими неспособными людьми, выскочками, чье самоотверженіе должно было окончиться съ вступленіемъ войскъ. И тѣмъ не менѣе неудовлетворительный составъ людей и недостаточность познаній становились съ каждымъ днемъ все болѣе очевидными. „Уже цѣлый мѣсяцъ, сказалъ Верморель на засѣданіи 20 числа, мы дремлемъ, у насъ нѣтъ организаціи“. „Клюзере былъ избранъ оттого, что не нашли другого солдата“—сказалъ Делеклюзъ. Исполнительная комиссія не умѣла распоряжаться; центральный комитетъ не хотѣлъ подчиняться. Правленіе, администрація, оборона—все дѣйствовало на удачу, какъ это было при вылазкѣ 3-го апрѣля.

ГЛАВА XVII.

Парижанки. — Перемиріе съ цѣлью очистить Нейли.—Армія Версальцевъ и парижская армія.

Великое пламя, охватившее Парижъ, скрывало пока его слабости. Тотъ, кто не былъ имъ обожженъ, не сумѣетъ описать его. Коммунальныя газеты, несмотря на ихъ романтизмъ, казались рядомъ съ нимъ безцвѣтными. Въ декоративной сторонѣ дѣла было мало эффекта. На улицахъ, на молчаливыхъ бульварахъ, батальонъ въ сто человѣкъ, идущій въ огонь или возвращающійся оттуда, какая-нибудь женщина, слѣдующая за нимъ, прохожій, встрѣчающій его рукоплесканіями,—вотъ драма этой революціи, простая и громадная, какъ драма Эсхила.

Начальникъ—въ матросскомъ костюмѣ, запыленный, съ ржавыми галунами. Люди съ сѣдыми волосами, съ бѣлокурыми головами, старики іюньскаго прошлаго и юные воспитанники идеи. Часто сынъ маршировалъ рядомъ съ отцомъ.

Эта женщина, привѣтствующая или сопровождающая борцовъ,—это мужественная и истинная парижанка. Нечистое существо средняго пола, рожденное въ распутствѣ Имперіи, послѣдовало за своей кліентурой въ Версаль или эксплоатируетъ прусскія богатства въ Сенъ-Дени. Теперь здѣсь первенствуетъ сильная, самоотверженная, трагическая женщина, умѣющая умирать такъ же, какъ и любить, порожденная тѣмъ чистымъ и благороднымъ источникомъ, который съ 89-го года протекаетъ въ народныхъ глубинахъ. Подруга труда хочетъ быть сообщницей смерти. „Если бы французская нація состояла только изъ женщинъ, какою страшной націей была бы она

тогда!“ писалъ корреспондентъ газеты „Times“. 24-го марта одинъ изъ федералистовъ обратился къ буржуазнымъ батальонамъ мэріи 1-го округа съ рѣчью, которая заставила ихъ выронить оружіе изъ рукъ: „Вѣрьте мнѣ, вы не сможете устоять: ваши жены въ слезахъ, а наши не плачутъ“.

Парижанка не удерживаетъ своего мужа [1]), напротивъ того, вовлекаетъ его въ сраженіе, несетъ ему въ траншеи бѣлье и супъ, какъ она это дѣлала въ мастерской. Многія не хотятъ вернуться назадъ, берутъ ружье. 4-го апрѣля, на шатильонскомъ плоскогорьѣ, онѣ принимаютъ участіе въ стрѣльбѣ.

Маркитантки одѣты просто, какъ работники. 3-го апрѣля въ Медонѣ, маркитантка 66-го полка, гражданка Ламезъ, осталась цѣлый день на полѣ сраженія, ухаживая за больными, почти безъ всякой помощи, безъ врача. Если онѣ возвращаются, то только съ тѣмъ, чтобы призывать къ оружію. Онѣ соединяютъ самоотверженныхъ борцовъ въ центральномъ комитетѣ, прибиваютъ къ стѣнамъ 10-й мэріи трогательное воззваніе: „Нужно побѣдить или умереть. Всѣ вы, что говорите: Какое мнѣ дѣло до торжества нашего предпріятія, если я долженъ утратить тѣхъ, кого я люблю, знайте, что единственное средство спасти тѣхъ, которые вамъ дороги, это броситься въ борьбу“. Они предлагаютъ коммунѣ свои услуги, просятъ оружія, военной должности, возмущаются трусами. „У меня сердце кровью обливается, пишетъ одна, когда я вижу въ сраженіи только тѣхъ, что сами туда стремятся. Я васъ ни въ чемъ не обвиняю, гражданинъ делегатъ; я далека отъ этой мысли; но мое сердце гражданки страшится, чтобы благодаря слабости членовъ коммуны не рушились наши планы на будущее“.

Г-жа Андре Лео въ краснорѣчивыхъ строкахъ истолковываетъ

---

[1]) Вотъ образчикъ ея вѣры, столь возвышенной, несмотря на всю наивность. Мы слышали въ омнибусѣ двухъ женщинъ, которыя только-что возвращались съ траншей отъ своихъ мужей. Одна плакала; другая говорила: «Не отчаивайся; наши мужья вернуться. И потомъ, коммуна обѣщала заботиться о насъ и о нашихъ дѣтяхъ. Но нѣтъ! Это невозможно, чтобы они были убиты, защищая такое благородное дѣло. И, наконецъ, видишь ли, я предпочитаю свою собственную смерть, смерти въ рукахъ этихъ версальцевъ».

смыслъ коммуны и побуждаетъ делегата военнаго вѣдомства использовать „священный огонь, палящій сердце женщинъ“. Знатная русская, образованная, красивая, богатая, называвшая себя Дмитріевой, была Теруаньй [1]) этой революціи, сердцемъ и дѣломъ принадлежала народу. Луиза Мишель, учительница 17-го округа, нѣжная и терпѣливая мать по отношенію къ маленькимъ дѣтямъ, которыя ее обожали, превращалась въ львицу въ борьбѣ за народное дѣло. Она организовала походный госпиталь изъ женщинъ, и онѣ ухаживали за больными подъ картечью.

Онѣ приходили также и въ больницы, чтобы соперничать изъза своихъ дорогихъ товарищей съ непривѣтливыми монахинями, и глаза умирающихъ оживлялись при шопотѣ этихъ милыхъ голосовъ, говорящихъ о республикѣ и надеждѣ.

Въ этомъ состязаніи самопожертвованія дѣти стремились превзойти мужчинъ и женщинъ. Послѣ побѣды версальцы захватили 660 дѣтей, и многіе погибли въ уличной борьбѣ. Они слѣдовали за батальонами на траншеи, на укрѣпленія, прицѣплялись къ пушкамъ. Между защитниками воротъ Мальо были дѣти 13 и 14 лѣтъ. Въ открытомъ полѣ они выказали безумную храбрость.

Это парижское пламя свѣтило и за чертой города. Муниципальныя власти изъ Ссо и Сенъ-Дени соединились въ Венсеннѣ, чтобы протестовать противъ бомбардировки, потребовать возстановленія городскихъ вольностей и республики.

Жаръ отъ этого пламени доходилъ и до провинціи. Она начала вѣрить въ неприступность Парижа, несмотря на слѣдующія депеши г-на Тьера: 3 апрѣля: „Этотъ день рѣшаетъ судьбу возстанія“; 4-го: „Инсургенты потерпѣли сегодня рѣшительную неудачу“; 11-го: „Противъ инсургентовъ подготовляются неотрозимыя мѣропріятія“; 12-го: „Инсургенты бѣгутъ стремглавъ; ожидается рѣшительный моментъ“; 15-го: „Мы попробуемъ путемъ рѣшительной попытки положить предѣлъ этой гражданской войнѣ“; 17-го: „Мы продолжаемъ избѣгать маленькихъ столкновеній до рѣшительнаго столкновенія“. Несмотря на столько рѣшительныхъ успѣховъ и на неотразимыя мѣ-

---

[1]) „Теруаньй-де-Мерикуръ“ — извѣстная героиня революціи 1789 года. *Прим. пер.*

ропріятія, версальская армія теряла даромъ время на парижскихъ аванпостахъ. Ея единственными рѣшительными побѣдами были побѣды надъ домами городскихъ окраинъ и пригородовъ.

Окрестности воротъ Мальо, авеню Великой Арміи, Тернъ освѣтились безпрерывными пожарами. Аніеръ, Леваллуа наполнились развалинами.

Жители Нейли прозябали, голодая, въ своихъ погребахъ.

Версальцы посылали въ одни только эти пункты полторы тысячи гранатъ ежедневно, а г-нъ Тьеръ писалъ своимъ префектамъ: „Если слышны пушечные выстрѣлы, не Правительство тому виною, а кучка инсургентовъ, которые хотятъ показать, что они сражаются, тогда какъ на самомъ дѣлѣ они едва осмѣливаются высунуть свой носъ“. Коммуна оказывала помощь осажденнымъ въ Парижѣ; но она ничего не могла сдѣлать для тѣхъ, которые находились въ Нейли между двумя огнями.

Вся пресса призывала къ состраданію, требовала перемирія, чтобы дать возможность очистить Нейли. Вмѣшались масоны, *Лига правъ Парижа*. Съ большимъ трудомъ—такъ какъ генералы не хотѣли перемирія—делегаты Лиги достигли пріостановки военныхъ дѣйствій на восемь часовъ. Коммуна поручила пяти своимъ членамъ принять осажденныхъ, а муниципальныя власти приготовили имъ убѣжище.

Женскіе отряды отправились вмѣстѣ съ вспомогательнымъ войскомъ. 25-го въ девять часовъ утра артиллерія смолкла отъ воротъ Мальо до Аніеръ. Огромная толпа Парижанъ явилась, чтобъ посѣтить развалины на авеню и ворота Мальо, представлявшія лишь груды земли, гранита, осколки гранатъ; публика останавливалась передъ артилеристами, прислонившимся къ своимъ орудіямъ, вокругъ которыхъ уже складывалась сказочная легенда.

Многіе разсѣялись по Нейли. Маленькій городъ, столь кокетливый когда то, предоставлялъ лучамъ прекраснаго солнечнаго дня одни только разоренные дома.

На условленныхъ границахъ стоятъ два ряда войскъ: съ одной стороны линейные солдаты, съ другой федералисты, отдѣленные двадцатью метрами промежуточнаго пространства. Версальцы, избранные среди наиболѣе надежныхъ, находились подъ присмотромъ офицеровъ съ каторжными лицами.

Когда добродушные парижане подходили къ солдатамъ, офицеры давали имъ оплеухи. Когда одинъ изъ солдать вѣжливо отвѣтилъ двумъ дамамъ, офицеръ вырвалъ у него ружье и, цѣлясь въ парижанокъ, воскликнулъ: „Вотъ какъ разговариваютъ!“ Нѣсколько лицъ, переступившихъ границы по обѣимъ сторонамъ, были арестованы. Удалось, однако, протянуть до пяти часовъ безъ битвы. Каждый парижанинъ приносилъ при возвращеніи мѣшокъ земли для укрѣпленій воротъ Мальо. Домбровскій велѣлъ разстрѣлять одного изъ тѣхъ несчастныхъ, которые воспользовались переходомъ для грабежа. Вечеромъ версальцы возобновили стрѣльбу. Она не прекращалась вовсе по направленію къ южнымъ фортамъ, гдѣ враги обнаружили новыя батареи; такова была первая часть плана г-на Тьера. 6-го онъ передалъ начальство надъ одной изъ французскихъ армій Макъ-Магону, тому самому Макъ-Магону, который погубилъ ввѣренную ему армію при Седанѣ. Версальская армія, набранная повсюду, насчитывала сначала 46.000 человѣкъ, большею частью совершенно негодныхъ людей, неспособныхъ къ серьезнымъ дѣйствіямъ. Призывъ добровольцевъ изъ Парижа и провинціи далъ въ результатѣ только два отряда: отрядъ добровольцевъ департамента Сены въ числѣ 350 человѣкъ, и добровольцевъ департамента Сены и Уазы около 200,—это былъ сбродъ въ родѣ гверильясовъ, отставные офицеры вольныхъ стрѣлковъ, мобили, съ формой, напоминающей форму національной гвардіи. Чтобъ добыть силу, г-нъ Тьеръ послалъ Жюль Фавра поклянчить у Бисмарка. Пруссакъ вернулъ 60.000 плѣнныхъ и дозволилъ своему собрату увеличить до 130.000 число солдатъ подъ Парижемъ, число, которое, по предварительнымъ статьямъ мира, не должно было превышать 40.000. 25-го апрѣля версальская армія заключала въ себѣ пять корпусовъ, изъ которыхъ два, предводительствуемые Дуэ и Кленшаномъ, были сформированы изъ освобожденныхъ плѣнныхъ, и резервы, предводительствуемые Винуа, въ общемъ 110.000 человѣкъ. Она возросла до 130.000 строевыхъ и 170.000 получавшихъ военное продовольствіе. Г-нъ Тьеръ выказалъ поразительную способность къ тому, чтобы направить ее противъ Парижа. Солдатъ хорошо кормили, хорошо одѣвали, строго отдаляли отъ всякаго соприкосновенія съ внѣшнимъ міромъ; возстановилась дисциплина. Это, однако, не было войско, способное къ на-

паденію, и солдаты бѣжали при выдержанномъ сопротивленіи. Несмотря на оффиціальное хвастовство, генералы на самомъ дѣлѣ разсчитывали только на артиллерію, которой они были обязаны успѣхами при Курбвуа и Аніеръ. Одна артиллерія могла сражаться съ Парижемъ.

Онъ былъ буквально окруженъ штыками, какъ во время первой осады, на этотъ разъ на половину чужеземными, на половину французскими. Нѣмецкая армія растянулась полукругомъ отъ Марны до Сенъ-Дени, занимая форты восточной стороны, кромѣ Венсеннскаго, который былъ разоруженъ,—и сѣверной; версальская армія заполняла кругъ отъ Сенъ-Дени до Вилльневъ-Сенъ-Жоржъ, владѣя только фортомъ Монъ-Валерьянъ. Федералисты занимали пять фортовъ: Иври, Бисетрскій, Монружъ, Ванвскій и Исси, траншеи и аванпосты, которые ихъ соединяли, и деревни Нейли, Аніеръ, Сенъ-Уанъ.

Уязвимымъ мѣстомъ городской ограды былъ выступъ у Пуанъ-дю-Журъ на юго-востокѣ. Онъ находился подъ защитой форта Исси. Достаточно защищенный справа паркомъ, замкомъ Исси и траншеей, соединявшей его съ Сеной, на которой кружили канонерныя лодки федералистовъ, этотъ фортъ былъ открытъ спереди и слѣва дѣйствію снарядовъ съ высотъ Белльвю, Медона и Шатильона. Г-нъ Тьеръ вооружилъ ихъ большими орудіями, доставленными изъ Тулона, Шербурга, Дуэ, Ліона и Безансона—293 осадныхъ жерлъ—и ихъ дѣйствіе было таково, что съ первыхъ же дней фортъ Исси подался. Генералъ Сиссей, которому было приказано вести эти операціи, сейчасъ же началъ подступъ.

Уничтожить фортъ Исси и фортъ Ванвъ, который его поддерживалъ, взять потомъ Пуанъ-дю-Журъ, откуда войско можетъ продвинуться въ Парижѣ,—таковъ былъ планъ г-на Тьера. Операціи на линіи Сенъ-Уанъ—Нейли имѣли цѣлью только заградить парижанамъ доступъ къ Курбвуа. Какія силы и какой планъ дѣйстій противопоставляла коммуна? Наличнаго состава числилось 96.000 солдатъ и около 4.000 офицеровъ въ дѣйствующей національной гвардіи; вторичнаго набора 100.000 солдатъ и 3.500 офицеровъ. Весьма неточныя цифры, такъ какъ вѣдомости были ложными, часто фиктивными, главнымъ образомъ съ тѣхъ поръ, какъ управленіе перешло къ начальнику штаба, Майеру. Тридцать шесть вольныхъ отря-

довъ насчитывали 3.450 человѣкъ. Во всякомъ случаѣ, даже принявъ во вниманіе эти преувеличенія, можно было набрать 60,000 сражающихся, если только умѣло за это взяться. Но по слабости военное управленіе не контролировало менѣе храбрыхъ или тѣхъ, которые могли обходиться безъ жалованья, и на дѣлѣ, отъ Сенъ-Уана до Иври, она сумѣла противопоставить версальской арміи только неплотную линію въ 15, 16 тысячъ федералистовъ.

Кавалерія фигурировала только въ вѣдомостяхъ: самое бо́льшее, было пятьсотъ лошадей, чтобы везти артиллерію или фургоны, для офицеровъ и для нарочныхъ. Инженерная служба была очень примитивна, несмотря на самыя прекрасныя постановленія. Изъ 1.100 орудій, которыми располагалъ Парижъ, военное управленіе воспользовалось только 200. Было только пятьсотъ артиллеристовъ, въ то время, какъ по вѣдомости значилось 2.500.

Домбровскій занялъ Аніерскій мостъ, Левалуа Нейли, съ четырьмя или пятью тысячами солдатъ, самое бо́льшее [1]). Чтобы создать себѣ прикрытіе, онъ имѣлъ въ Клиши и Аніеръ тридцать орудій и два блиндированныхъ вагона, которые, начиная съ 15-го апрѣля до 22-го мая, уже послѣ вступленія войскъ, не переставали сновать по дорогѣ; въ Левалуа у него было двѣнадцать орудій. Сѣверные валы ему содѣйствовали, а доблестныя ворота Мальо доставляли ему прикрытіе въ Нейли.

На лѣвомъ берегу отъ Исси до Иври, въ фортахъ, въ деревняхъ, въ траншеяхъ, находилось десять или одиннадцать тысячъ федералистовъ. Въ фортѣ Исси было въ среднемъ шестьсотъ человѣкъ, пятьдесятъ семифунтовыхъ и двѣнадцатифунтовыхъ орудій, изъ

---

[1]) Цифры были тщательно провѣрены, прежде всего de visu, во время борьбы, затѣмъ согласно свѣдѣніямъ начальниковъ арміи, старшихъ офицеровъ и служащихъ коммуны. Генералъ Аппер составилъ крайне фантастическія таблицы. Онъ создалъ воображаемыя бригады, строилъ наличный составъ арміи, какъ будто обозначенные батальоны дѣйствительно выступили, и все время велъ двойной счетъ. Онъ дошелъ такимъ образомъ до того, что числилъ за Домбровскимъ больше 20.000 человѣкъ, а за тремя начальниками арміи до 50.000. Его докладъ кишитъ ошибками въ именахъ, въ должностяхъ, онъ не знаетъ даже именъ нѣкоторыхъ командующихъ генераловъ.

которыхъ двѣ трети бездѣйствовали. 72 и 73 бастіоны его немного поддерживали при помощи четырехъ блиндированныхъ локомотивовъ, находившихся на путепроводѣ Пуанъ-дю-Журъ. Внизу заново вооруженные канонерки обстрѣливали Бретейль, Севръ, Бримборіонъ, осмѣливались даже подвинуться до Шатильона и обстрѣливать Медонъ безъ прикрытія. Нѣсколько сотъ стрѣлковъ занимали паркъ и дворецъ Исси, Мулино, Валъ и траншеи, которыя соединяли фортъ Исси съ фортомъ Ванвъ. Послѣдній, открытый, какъ Исси, дѣйствію пушекъ, помѣщенныхъ на высотахъ, мужественно выдерживалъ натискъ съ гарнизономъ въ пятьсотъ человѣкъ и двадцатью пушками. Бастіоны городской ограды ему очень мало способствовали.

Фортъ Монружъ съ 350 солдатами и десятью или пятнадцатью орудіями не преслѣдовалъ другой цѣли, кромѣ поддержки стрѣльбы изъ Ванвъ. Фортъ Бисетра, снабженный 500 человѣкъ и двадцатью орудіями, стрѣлялъ на удачу. Три важныхъ редута его защищали: Отъ-Брюйеръ съ 500 человѣкъ и двадцатью орудіями, Муленъ Саке съ семью стами человѣкъ и четырнадцатью орудіями, Вилльжюифъ съ тремя стами человѣкъ и сорока орудіями. На крайней лѣвой фортъ Иври и прилежащія къ нему сооруженія имѣли 500 человѣкъ и 40 орудій. Промежуточныя деревни, Жентилли Кашанъ, Аркейль, были заняты 2.000-ми или 2.500-ми федералистовъ. Номинальная команда надъ южными фортами, сначала довѣренная Эду, которому помогалъ Ла-Сесиліа, бывшій офицеръ Инженернаго корпуса арміи Муары, перешла, 20 апрѣля, къ эльзасцу Ветцелю, офицеру той же арміи. Изъ своей главной квартиры въ Исси онъ долженъ былъ оберегать траншеи въ Исси и Ванвъ и вести защиту фортовъ. На самомъ же дѣлѣ начальники фортовъ, часто смѣняющіеся, дѣйствовали всегда по своему усмотрѣнію. Команда на пространствѣ отъ Иври до Аркейль была передана въ серединѣ апрѣля Вроблевскому, одному изъ лучшихъ офицеровъ польскаго возстанія 63-го года, молодому, съ хорошими военными знаніями, смѣлому, дѣйствующему обдуманно, проницательному, пользующемуся всѣмъ и всѣми, отличному начальнику молодыхъ войскъ.

Всѣ эти главные офицеры получили одинъ только приказъ: „защищайтесь“. Не было основного плана. Былъ только одинъ военный совѣтъ обороны. Люди часто предоставлялись самимъ себѣ,

безъ заботы и ухода. Было немного или вовсе не было перемѣщеній. Всѣ усилія были возложены на однихъ и тѣхъ же лицъ. Одни батальоны оставались двадцать, тридцать дней въ траншеяхъ, лишенные всего необходимаго, другіе находились постоянно въ резервахъ. Если и было нѣсколько безстрашныхъ, которые закалялись въ огнѣ, такъ-что больше не хотѣли вернуться оттуда, зато другіе теряли всякое мужество, приходили, чтобъ показать свою кишащую паразитами одежду, просили отдыха; начальники были вынуждены оставить ихъ, не имѣя никого, кто-бы могъ ихъ замѣстить. Эта безпечность вскорѣ подорвала дисциплину. Храбрые люди не хотѣли зависѣть ни отъ кого, кромѣ самихъ себя, другіе избѣгали службы. Офицеры поступали также; одни покидали свой постъ, чтобы участвовать въ стрѣльбѣ сосѣда, другіе совсѣмъ оставляли его. Военный судъ, подъ предсѣдательствомъ Росселя, хотѣлъ ввести наказанія. Тогда пожаловались коммунѣ на его строгость. Лонге говорилъ, чт у него нѣтъ „политическаго такта“. Коммуна отмѣнила его постановленія, перемѣнила на три мѣсяца тюремнаго заключенія смертную казнь. Россель былъ удаленъ, его смѣнилъ Гуа.

Не признавая военной дисциплины, надо было перемѣнить тактику. Только и дѣлали, что обвиняли Клюзере. На засѣданіи 23-го, Авріаль прижимаетъ его къ стѣнѣ, осыпаетъ его вопросами о числѣ людей и пушекъ, которыми располагаетъ коммуна. Клюзере сталъ въ позу. „Видъ диктатора вамъ не къ лицу“,—грубо сказалъ ему Делеклюзъ и упрекнулъ его въ томъ, что онъ оставилъ Домбровскаго, Аніеръ съ 1.200 человѣкъ, при чемъ употребилъ слово „измѣна“. „Меня обезчестили!“—воскликнулъ Клюзере и хотѣлъ покинуть залъ. Этому воспротивились. Въ длинной рѣчи онъ сталъ оправдываться, никого не убѣждая, такъ какъ уже на слѣдующій день одинъ изъ членовъ коммуны потребовалъ его ареста за то, что онъ содѣйствовалъ подъ-комитетамъ. Эти подъ-комитеты были отпрысками центральнаго комитета и были до извѣстной степени повсюду распространены. 1-го апрѣля коммуна поставила вопросъ, какую роль играетъ такой комитетъ на улицѣ д'Алигръ, и на какомъ основаніи онъ издаетъ приказы; 6-го она рѣшаетъ, что эти подъ-комитеты будутъ распущены; 9-го Тейсъ сообщаетъ, что они продолжаютъ функціонировать, что комитетъ 18-го округа только-

что учрежденъ центральнымъ комитетомъ, 26-го подъ-комитеты все еще такъ вліятельны, что коммуна еще разъ рѣшаетъ ихъ распустить, а Верморель заявляетъ: „Нужно знать, кому принадлежитъ власть,—коммунѣ или центральному комитету“, онъ хочетъ чтобъ съ этимъ покончили. Но до конца еще далеко. 26-го, военная комиссія, узнавъ, что декреты и постановленія остаются мертвой буквой, поручаетъ муниципальнымъ властямъ, центральному комитету, начальникамъ легіоновъ преобразовать національную гвардію; ни одинъ изъ этихъ механизмовъ не функціонируетъ серьезно, благодаря чему члены коммуны и главные офицеры начинаютъ мечтать о военной диктатурѣ.

До конца апрѣля, какъ было ясно всякому опытному глазу, наступательныя дѣйствія, обѣщанныя Клюзере, были невозможны. Внутри дѣятельные, самоотверженные люди изнемогаютъ въ борьбѣ съ разными бюро, комитетами, подъ-комитетами, безчисленными претенціозными механизмами соперничающихъ управленій, тратя цѣлый день на то, чтобы получить какую-нибудь пушку. На валахъ нѣсколько артиллеристовъ прорываютъ ряды версальцевъ, и, не прося ничего, кромѣ хлѣба и желѣза, покидаютъ свои мѣста только тогда, когда ихъ уничтожаютъ гранаты. Форты съ разоруженными казематами, съ превращенными въ порошокъ амбразурами отвѣчаютъ на безконечную стрѣльбу съ высотъ.

Смѣлые стрѣлки безъ всякаго прикрытія бросаются впередъ и захватываютъ пѣхотинцевъ въ ихъ ямахъ. Это самоотверженіе, эти героическія проявленія растрачиваются попусту. Это былъ машинный котелъ, изъ котораго весь паръ удаляется черезъ сотню отверстій.

ГЛАВА XVIII.

Организація общественныхъ учрежденій, финансовъ, военнаго дѣла, полиціи, внѣшнихъ сношеній, юстиціи, просвѣщенія, труда и обмѣна.

20 апрѣля коммуна рѣшила смѣнить исполнительную комиссію делегатами девяти комиссій, подѣлившими между собою общественныя должности. Эти комиссіи были возстановлены въ тотъ же день. Дѣла въ нихъ были достаточно запущены; фактически невозможно было удовлетворительно работать въ ежедневныхъ засѣданіяхъ думы, своей комиссіи и своей мэріи—коммуна слишкомъ обременила своихъ членовъ административными обязанностями въ предѣлахъ отдѣльныхъ округовъ. Такимъ образомъ вся работа ложилась на делегатовъ. Большинство изъ выборныхъ отъ 20 числа предсѣдательствовали съ самаго начала въ тѣхъ же самыхъ комиссіяхъ. Они продолжали, какъ и прежде, дѣйствовать почти что въ одиночествѣ. Разсмотримъ ихъ труды, прежде чѣмъ снова погрузиться въ описаніе битвъ.

Двѣ делегаціи нуждались только въ доброй волѣ: продовольственное дѣло и общественныя или муниципальныя учрежденія. Снабженіе продовольствіемъ совершалось черезъ нейтральную полосу, гдѣ г. Тьеръ, который старался уморить Парижъ голодомъ, не могъ помѣшать доставкѣ припасовъ; большинство такъ называемыхъ „экипъ“ [1])

---

[1]) „Экипъ“—организація рабочихъ, выполняющая извѣстную спеціальную функцію муниципальной службы, напр.: очистка улицъ, зажиганіе фонарей и т. п. *Прим. пер.*

оставались на своихъ мѣстахъ, поэтому муниципальное дѣло не очень страдало. Четыре делегаціи: финансы, военное дѣло, общественная безопасность, внѣшнія сношенія, требовали спеціальныхъ способностей. Три должны были раскрыть философію этой революціи: учебная часть, суды, организація труда и обмѣна. Всѣ делегаты, кромѣ одного, Лео Франкеля, бывшаго рабочимъ по ювелирной части, были учеными изъ мелкой буржуазіи.

Въ комиссіи финансовъ былъ Журдъ, этотъ молодой счетоводъ выказавшій рѣдкое искусство 18 марта. Очень остроумный, въ то же время восторженный, съ замѣчательной легкостью владѣющій словомъ, онъ пріобрѣлъ дружбу своего коллеги Варлена. Первой задачей каждаго утра было накормить триста или триста пятьдесятъ тысячъ человѣкъ. Изъ 600.000 рабочихъ, работавшихъ у хозяина или самостоятельно, которые находились въ Парижѣ въ 1870—71 году, было занято около 114.000, изъ нихъ 62.500 женщинъ [1]). Нужно было затѣмъ содержать различныя службы. Версальцы, какъ мы видѣли, оставили въ кассахъ только 4.658.000 франковъ, а Журдъ хотѣлъ оставитъ въ неприкосновенности 214 милліоновъ цѣнными бумагами найденныхъ въ министерствѣ финансовъ. Въ рукахъ парижанъ находился богатый французскій Банкъ; было запрещено его трогать. Делегація была принуждена поддерживать и защищать Парижъ пользуясь только доходами общественныхъ учрежденій: телеграфнымъ, почтовымъ, акцизнымъ сборами, прямыми налогами, таможенной, базарной и рыночной, табачной пошлиной, доходами отъ городской кассы, желѣзныхъ дорогъ. Французскій банкъ долженъ былъ мало-по-малу выдать 9.400.000 франковъ, принадлежащихъ городу, и далъ взаймы съ дозволенія г. Тьера [2]), свои собственные 7.290.000 франковъ. Съ 20 марта по 30 апрѣля коммуна собрала такимъ образомъ 26 милліоновъ. Въ продолженіи того же періода

---

[1]) *Одиганнъ*: Revue des Deux Mondes отъ 15 мая 1871 г.

[2]) Банкъ потребовалъ впослѣдствіи свои милліоны у г. Тьера, который направилъ его къ государственному совѣту. Послѣдній заявилъ, что банкъ и такъ ужъ очень удачно выпутался изъ этого положенія, такъ дешево отдѣлавшись, объявилъ государство неотвѣтственнымъ, какъ это было установлено въ бюджетной комиссіи.

Военное Управленіе добыло больше 20. Интендантство получило 1.813.000 франковъ, муниципальныя власти въ общемъ 1.446.000, управленіе внутреннихъ дѣлъ 103.000, морское вѣдомство 29.000, судъ, 5.500, торговля 50.000, народное просвѣщеніе *тысячу*, управленіе внѣшнихъ сношеній 112.000, пожарная команда 100.000, національная библіотека 80.000, комиссія баррикадъ 44.500, національная типографія 100.000, общество портныхъ и башмачниковъ 24.662. Эти пропорціи приблизительно сохранились съ 1-го мая до паденія коммуны. Расходы этого второго періода достигаютъ приблизительно 20 милліоновъ. Общая цифра расходовъ центральнаго комитета и коммуны за девять недѣль немного больше 46.300.000 франковъ, изъ которыхъ 16.696.000 доставлены банкомъ, а остальное вѣдомствами, при чемъ городская таможня дала около двѣнадцати милліоновъ. А Жюль Симонъ писалъ: „Ни при какомъ режимѣ не происходило такого расточенія денегъ“. Въ то время какъ коммуна получала ровно столько, чтобы не умереть, французскій банкъ принялъ 257.630.000 франковъ векселями, переведенными на него Версалемъ, что бы бороться съ Парижемъ.

Всѣ перечисленныя вѣдомства находились въ рукахъ рабочихъ или служащихъ пролетаріевъ. Всюду оказалась достаточной четвертая часть обыкновенныхъ чиновниковъ. Директоръ почты, Тейсъ, бывшій чеканщикъ, нашелъ дѣло въ полномъ безпорядкѣ, участковые бюро закрытыми, марки спрятанными или унесенными; приборы, печати, повозки были расхищены, касса разорена. Объявленія, вывѣшенныя въ залахъ или во дворахъ, приказывали чиновникамъ передаться Версалю подъ угрозой ихъ смѣны. Тейсъ дѣйствовалъ быстро и энергично. Когда младшіе служащіе явились, по обыкновенію, чтобы разойтись, онъ обратился къ нимъ съ рѣчью, спорилъ съ ними, приказалъ закрыть двери. Мало-по-малу удалось наладить дѣло. Нѣсколько чиновниковъ-соціалистовъ оказали помощь. Старшіе канцелярскіе служащіе поставлены были во главѣ учрежденія. Участковые бюро были открыты и въ сорокъ восемь часовъ пріемъ и выдача писемъ для Парижа возстановлены. Ловкіе агенты отправились, чтобъ опустить въ бюро Сенъ-Дени и на десять лье кругомъ письма для провинціи. Ввозъ писемъ въ Парижъ былъ предоставленъ во всей своей широтѣ частной иниціативѣ, которая органи-

зовала агентства. Былъ учрежденъ высшій совѣтъ, который повысилъ оклады почтальоновъ, сторожей бюро, экспедиторовъ, сократилъ сверхштатную службу, постановилъ, что способности работниковъ будутъ опредѣляться путемъ испытаній и экзамена.

Монетный дворъ фабриковалъ марки, управляемый Камелина, бронзировщикомъ. Такъ же какъ и въ почтовомъ управленіи директоръ и главные чиновники монетнаго двора вели переговоры, затѣмъ исчезли. Камелина съ помощью нѣсколькихъ друзей, заставилъ продолжать работы, и такъ какъ каждый вносилъ свой профессіональный опытъ, были введены усовершенствованія въ приборахъ, новые методы. Чеканили серебряную монету изъ матерьяла присланнаго изъ думы [1]), изъ дворца почетнаго легіона, изъ разныхъ управленій, отчасти также изъ богослужебной утвари. Банкъ, скрывавшій свои слитки, долженъ былъ въ концѣ концовъ доставить серебра на 1.100.000 франковъ; онъ послалъ эту сумму въ пятифранковыхъ монетахъ чеканки 48-го года, съ надписью *національная гарантія* и трезубцемъ. Начали новую чеканку.

Общественное призрѣніе было также подчинено финансовому вѣдомству. Трейларъ, человѣкъ, оказавшій большія услуги народу, одинъ изъ осужденныхъ 51-го года, преобразовалъ это дѣло, которое было страшно запущено. Врачи, низшіе служащіе оставили больницы. Директоръ и экономъ „Пти-Менансъ“ въ Исси бѣжали, предоставивъ своимъ призрѣваемымъ идти просить милостыню. Служащіе заставляли нашихъ раненыхъ ждать передъ воротами больницъ; врачи, сестры милосердія старались пристыдить ихъ, указывая на славныя раны паціентовъ.

Трейларъ ввелъ новый порядокъ. Во второй разъ, съ 1799 года, больные и немощные нашли друзей въ лицѣ своихъ администраторовъ и благословляли коммуну, которая обращалась съ ними, какъ мать. Этотъ сердечный и умный человѣкъ, котораго версальцы убили 24 мая, во дворѣ политехнической школы, оставилъ очень извѣ-

---

[1]) Федералисты, занимавшіе думу, употребляли желѣзныя ложки и вилки, а отнюдь не серебряныя. Серебро, доставленное коммунѣ, было исправно отлито на монетномъ дворѣ: ни одна штука не пропала. (Докладъ, представленный 9 марта 1880 года муниципальному совѣту).

етный докладъ объ уничтоженіи благотворительныхъ бюро, которые подчиняютъ бѣдняка правительству и духовенству. Онъ предлагалъ замѣнить ихъ однимъ бюро общественнаго призрѣнія въ каждомъ округѣ, подъ управленіемъ коммунальнаго комитета. Телеграфъ, регистратура и государственныя имущества находились подъ искуснымъ управленіемъ честнаго Фонтэна; податныя учрежденія были цѣликомъ возстановлены Файле и Комбо, національная типографія, преобразованная Дебокомъ и Алавуаномъ, находилась подъ ихъ опытнымъ управленіемъ; всѣ остальныя учрежденія, связанныя съ финансовымъ дѣломъ и обыкновенно предоставляемыя высшей буржуазіи, управлялись искусно и экономно (до максимума вкладовъ— 6.000 франковъ—ни разу не дошли) людьми, которые не думали о своей карьерѣ, и это было не самымъ ничтожнымъ изъ ихъ преступленій въ глазахъ версальской буржуазіи.

По сравненію съ финансами военное вѣдомство представлялось какимъ-то темнымъ помѣщеніемъ, въ которомъ безпомощно толкались всякіе люди. Офицеры, гвардейцы наводняли бюро министерства, умоляя о припасахъ, о содержаніи, жалуясь на то, что ихъ не смѣняютъ. Ихъ отсылали на площадь, гдѣ распоряжался сперва полковникъ Анри Продоммъ, затѣмъ Домбровскій. Въ нижнемъ этажѣ центральный комитетъ, учрежденный Клюзере, велъ многословныя засѣданія, порицалъ делегата, забавлялся, создавая знакъ отличія, принималъ недовольныхъ, распрашивалъ о положеніи дѣлъ у генеральнаго штаба, выражалъ притязаніе подавать совѣты въ военныхъ дѣйствіяхъ. Съ своей стороны артиллерійскій комитетъ, возникшій 18 марта, оспаривалъ у военнаго министерства орудія. Послѣднее завѣдывало орудіями Марсова Поля, а комитетъ на Монмартрѣ. Никакъ не возможно было создать центральный артиллерійскій паркъ, ни даже узнать точное число орудій. Это число доходило до тысячи ста пушекъ, гаубицъ, мортиръ и митральезъ. Дальнобойныя орудія оставались до послѣдняго момента на валахъ, въ то время какъ форты могли противопоставить громаднымъ флотскимъ пушкамъ противника только семи и двѣнадцатифунтовыя орудія; часто присланные боевые снаряды были неподходящаго калибра.

Снабженіе оружіемъ было организовано плохо; коммуна не сумѣла снабдить ружьями „шаспо“ всѣхъ участниковъ военныхъ дѣй-

ствій, а версальцы послѣ побѣды нашли ружья этой системы въ количествѣ 285.000, болѣе 190.000 магазинныхъ ружей и 14.000 карабиновъ Энфильда. Къ тому же царилъ полный безпорядокъ. „Я видѣлъ необычайные счеты артиллерійскихъ приборовъ, говоритъ 9-го мая Авріаль; съ 18-го марта были доставлены офицерамъ тысяча револьверовъ по 50 франковъ, оружіе, сабли по чрезвычайной цѣнѣ. Я себѣ взялъ человѣка, центральный комитетъ послалъ делегата съ перевязью, который выкинулъ моего человѣка за дверь“. Коммуна издаетъ постановленіе, что чиновники, гражданскіе и военные, виновные во взяточничествѣ, должны немедленно предаваться военному суду. Еще 8-го, Жоаннаръ дѣлаетъ ожесточенную вылазку противъ офицеровъ главнаго штаба, созданныхъ центральнымъ комитетомъ; „Разные молодчики не стѣсняются приходить въ наши магазины и выбирать то оружіе, которое имъ по вкусу“. Съ самаго начала коммуна жаловалась на интендантство: „Это настоящій хаосъ“, говорятъ о немъ еще 24 апрѣля. Делеклюзъ указываетъ на скверную экипировку людей, у которыхъ нѣтъ ни штановъ, ни сапогъ, ни одѣялъ; 28 жалобы удваиваются; братья Мэ интенданты отставлены, и коммуна клеймитъ ихъ въ статьѣ, помѣщенной въ „Оффисіель“. 8 мая Варленъ утверждаетъ, что, благодаря ошибкѣ контроля, многіе батальоны получали по многу разъ одежду, тогда какъ другіе ничего не получаютъ.

Такъ же великъ безпорядокъ въ правленіи баррикадъ, которыя должны были образовать вторую и третью ограду. Ихъ постройка была предоставлена фантазеру, который раздавалъ работы безъ системы и противно плану своихъ начальниковъ. Другія отрасли управленія велись такимъ же образомъ, безъ установленныхъ принциповъ, безъ разграниченія функцій,—механизмъ, въ которомъ, колеса безсмысленно задѣваютъ другъ за друга. Въ этомъ концертѣ безъ дирижера каждый инструментъ игралъ то, что ему нравилось, смѣшивая свою партію съ партіей сосѣда. Твердая рука могла бы скоро возстановить гармонію. Центральный комитетъ было бы очень легко ограничить, несмотря на его претензію господствовать надъ коммуной, о которой онъ говорилъ: „Это дочь наша, мы должны оградить ее отъ ложныхъ шаговъ“. Онъ въ большей своей части обновился путемъ выборовъ, правильность которыхъ возбуждала сомнѣнія;

только двѣнадцать членовъ прежняго комитета фигурировали во второмъ; Эд. Моро не прошелъ во время новыхъ выборовъ, и нужна была уловка, чтобъ ввести его. Только соперничество коммуны раздувало значеніе второго комитета. Артиллерійскій комитетъ, состоявшій изъ крикуновъ, уступилъ бы первому дуновенію. Интенданство и другія службы зависѣли отъ энергіи делегата.

Призрачный полководецъ, развалясь на своемъ диванѣ, диктовалъ свои приказы, циркуляры, иногда меланхоличные иногда надменные, и затѣмъ уходилъ. Онъ разсказывалъ впослѣдствіи въ англійскихъ газетахъ, что, благодаря его заботамъ, 30 апрѣля 41.500 человѣкъ были выстроены, одѣты, и что черезъ двѣ недѣли у него ихъ было бы 103.000; все это пропало послѣ его ареста, такъ какъ національные гвардейцы довѣряли ему одному. Это шарлатанство характеризуетъ его. На самомъ же дѣлѣ онъ маралъ бумагу, сидя на своемъ мѣстѣ. Когда кто то сказалъ, чтобъ его обуздать: „Что вы дѣлаете, однако; въ такомъ то мѣстѣ надвигается опасность“, онъ отвѣтилъ: „Я принялъ всѣ предосторожности; дайте моимъ комбинаціямъ время осуществиться“. Однажды онъ арестовалъ члена центральнаго комитета и раздосадованный комитетъ направился на улицу Антрепо; уже черезъ недѣлю онъ побѣжалъ за комитетомъ, помѣстилъ его въ министерствѣ. Доходя въ своемъ тщеславіи до утвержденія, будто врагъ оцѣниваетъ его въ милліонъ, онъ показывалъ мнимыя письма Тотлебена, предлагающія ему планы обороны. Болѣе того, онъ искалъ 15 апрѣля свиданія съ нѣмецкимъ штабомъ, достигъ его и, по его словамъ, графъ Гастфельдъ, секретарь графа Бисмарка, осыпалъ его похвалами. Много надеждъ возлагалось на начальника штаба Росселя, молодого радикала 28 лѣтъ, сосредоточеннаго пуританина, новоявленнаго революціонера.

Будучи капитаномъ артиллеріи въ арміи Базена, онъ пытался сопротивляться, бѣжалъ отъ пруссаковъ. Гамбетта назначилъ его полковникомъ инженерныхъ войскъ въ Неверскомъ лагерѣ, гдѣ онъ томился отъ скуки, когда настало 18 марта. Онъ былъ пораженъ, увидѣлъ въ Парижѣ будущее Франціи, и свое будущее также, быстро подалъ въ отставку и поспѣшилъ туда. Нѣсколько друзей помѣстили его въ 17-ый легіонъ; онъ велъ себя чрезвычайно рѣзко, скоро утратилъ всякую популярность и былъ арестованъ 3 апрѣля.

Два члена коммуны, Малонъ и Жерарденъ освободили его и представили Клюзере, который принялъ его въ качествѣ начальника главнаго штаба. Россель повѣрилъ, что центральный комитетъ,—сила, просилъ у него совѣтовъ, искалъ знакомства съ людьми, въ популярность которыхъ онъ вѣрилъ.

Его холодность, его техническія выраженія, точность его словъ, его личина великаго человѣка привели всѣ бюро въ восторгъ; тѣ, кто слѣдили за нимъ, замѣчали его бѣгающій взглядъ, вѣрный знакъ безпокойной души. Мало-по-малу молодой офицеръ-революціонеръ вошелъ въ моду, и его консульская манера понравилась публикѣ, которой опротивѣла вялость Клюзере. Ничто однако не оправдывало этого пристрастія. Будучи начальникомъ штаба съ 5 апрѣля, Россель разстроилъ всѣ подчиненныя ему отрасли военнаго управленія. Единственная изъ нихъ, болѣе или менѣе организованная, — контроль общей развѣдочной службы—зависѣла отъ Моро, который доставлялъ каждое утро военному управленію и коммунѣ подробные отчеты, часто очень выразительные, о военныхъ дѣйствіяхъ и моральномъ состояніи Парижа.

Этимъ въ сущности ограничивалась вся полицейская власть коммуны. Организація общественной безопасности, которая должна была бы освѣщать малѣйшіе закоулки, въ дѣйствительности еле-еле мерцала подобно блуждающему огоньку.

Центральный комитетъ присоединилъ къ Дювалю, въ качествѣ гражданскаго делегата полицейской префектуры, молодого Рауля Риго, котораго весьма неправильно считали хорошимъ слѣдователемъ. Риго въ рукахъ опытнаго руководителя могъ быть хорошимъ помощникомъ, и, пока Дюваль былъ живъ, онъ не дѣлалъ ошибокъ. Коммуна поступила неправильно, поставивъ его во главѣ учрежденія, гдѣ малѣйшее неправильное дѣйствіе было такъ же опасно, какъ на аванпостахъ.

Его друзья, которые за исключеніемъ Ферре, Реньяра, Левро и немногихъ др., были столь же легкомысленны, какъ и онъ, заняли самыя отвѣтственныя функціи. Комиссія безопасности, которая должна была слѣдить за Риго, подчинялась ему. Тамъ также все было поставлено на товарищескую ногу, и царило величайшее легкомысліе и распущенность.

Начиная съ 1-го апрѣля, Ранкъ, Верморель требуютъ къ отвѣту Риго, который помѣстилъ въ „Оффисіель“ декреты своего собственнаго измышленія. 4-го Ле-Франсэ упрекаетъ его въ томъ, что онъ не сообщилъ коммунѣ объ арестѣ одного изъ ея членовъ Асси; 5-го Делеклюзъ указываетъ на незаконное расширеніе полномочій со стороны общественной безопасности, и Ле-Франсэ требуетъ смѣщенія Риго. Но уже больше не было непреклонныхъ людей въ стѣнахъ думы. Многіе изъ тѣхъ, которые вмѣстѣ боролись и составляли заговоры во время имперіи, олицетворяли революцію въ своихъ друзьяхъ. Риго ограничился тѣмъ, что пожалъ плечами съ дерзко-презрительнымъ видомъ. Скоро увидѣли, что въ префектурѣ творится что то недоброе. Газеты, запрещенныя утромъ, продавались на улицахъ по вечерамъ; заговорщики парализовали дѣятельность всѣхъ управленій, не привлекая къ себѣ вниманія Риго и его товарищей. Они никогда ничего не знали; надо было узнавать за нихъ. Они вели арестованныхъ, какъ военное шествіе, днемъ, при помощи національной гвардіи. Послѣ декрета о заложникахъ, они нашли только нѣсколько лицъ духовнаго званія: галликанскаго архіепископа Дарбуа, яраго бонапартиста, его старшаго викарія Лагарда Кюре изъ церкви св. Магдалины, Дегерри, нѣчто вродѣ Морни въ Сутанѣ; аббата Аллара, епископа Сюра, нѣсколько іезуитовъ и кюре, изъ которыхъ одного—изъ церкви св. Евстахія, — Белэ отпустилъ на волю. Всѣ, кто принадлежалъ къ коммунѣ, не одобряли этого нашествія рясъ. Верморель, Артуръ Арну не видѣли серьезныхъ заложниковъ въ кюре, которые не участвовали въ политикѣ. „Родственники, сотрудники членовъ національнаго собранія — вотъ настоящіе заложники“—сказалъ Верморель. Наша цѣль состоитъ не въ томъ, чтобы проливать кровь версальцевъ и заложниковъ, но въ томъ, чтобы помѣшать проливать нашу“. Рауль Риго отвѣтилъ словами, въ которыхъ было больше проницательности, чѣмъ можно было отъ нихъ ожидать: „Священники наиболѣе могущественные агенты пропаганды“. И дѣйствительно, они были наиболѣе могущественными агитаторами противъ коммуны, наиболѣе ревностными ея врагами.

Легкость арестовъ очень безпокоила членовъ коммуны. Остенъ, Клеманъ, Тейсъ высказываются противъ этой системы арестовъ на удачу. „Мы видимъ только безстыдство со стороны полиціи и больше

ничего“, пишетъ Малонъ; лучше бы онъ сказалъ—фантасмагорію. Національная гвардія раскрыла тайны монастыря Пикпуса, нашла трехъ несчастныхъ, запертыхъ въ клѣткахъ за рѣшетками, странные инструменты, желѣзные корсеты, пояса, застѣнки, каски, наводящія на мысль объ инквизиціи, трактатъ о томъ, какъ производится выкидышъ, кромѣ того два черепа, покрытыхъ волосами. Одна изъ заключенныхъ, единственная, которая сохранила разсудокъ, разсказала, что она живетъ въ этой клѣткѣ уже десять лѣтъ. Сестра, исполнявшая обязанности старшей, высокая и наглая дѣвка, разговаривала съ Риго съ величайшей развязностью. „Зачѣмъ заперли вы этихъ женщинъ? — Чтобъ оказать услугу ихъ семействамъ; онѣ вѣдь были сумасшедшими. Не правда ли, господа, вы вѣдь сами члены семьи, вы понимаете, иногда весьма пріятно припрятать сумасшедшаго родственничка. Вы, очевидно, не знаете закона?—Нѣтъ, господинъ комиссаръ, мы слушаемся своего начальства.—Кому принадлежатъ эти книги?—Я не знаю“. Они принимали, такимъ образомъ, наивный видъ, говорили глупости. Жители 10-го округа нашли въ погребахъ церкви святого Лаврентія женскіе скелеты. Но префектура произвела лишь самый поверхностный допросъ, не давшій никакихъ результатовъ.

Надъ всѣмъ этимъ хаосомъ и безпорядкомъ парила идея гуманности, свидѣтельствовавшая о глубоко здоровыхъ основахъ этой народной революціи. Мы не услышимъ въ коммунѣ тѣхъ кровавыхъ словъ, которыя такъ часто раздавались изъ устъ членовъ комитета общественной безопасности во время конвента. Припомните слова Давида. „Побольше крови“, или Вадье: „Будемъ рѣзать головы, это необходимыя конфискаціи“. Начальникъ соотвѣтственнаго учрежденія въ коммунѣ 71-года говоритъ языкомъ Шалье и Шометтъ: „Коммуна послала хлѣба девяносто двумъ женамъ тѣхъ людей, которые убиваютъ насъ. Для вдовъ нѣтъ знамени. Республика имѣетъ хлѣбъ для всѣхъ несчастныхъ и поцѣлуи для всѣхъ сиротъ“.

Осыпанная доносами делегація общественной безопасности объявляетъ, что она не будетъ считаться съ анонимными. „Человѣкъ, который не осмѣливается подписать обвиненія, служитъ личнымъ цѣлямъ, а не общественному интересу“. Обращеніе съ заключенными было всегда вѣжливымъ. 9 апрѣля коммуна отвергла безъ обсу-

женія предложенія Бланше обращаться съ заложниками такъ же скверно, какъ версальцы обращались съ плѣнными федералистами. Наиболѣе важные заложники могли совершенно свободно получать извнѣ пищу, бѣлье, книги, газеты, принимать друзей, даже репортеровъ иностранныхъ газетъ. Предложили даже г. Тьеру обмѣнять архіепископа, Дегерри, Бонжана и Лагарда на одного Бланки. Вотъ какъ это было:

Одинъ изъ начальниковъ префектуры, Левро, попросилъ архіепископа обратиться къ г. Тьеру съ тѣмъ, чтобы остановить казнь плѣнныхъ. Дарбуа написалъ патетическое письмо и воспользовался случаемъ, чтобъ поговорить о заложникахъ. Г. Тьеръ не отвѣтилъ. Одинъ изъ старыхъ друзей Бланки, Флоттъ, предложилъ президенту обмѣнъ, указалъ на то, что архіепископъ могъ подвергнуться опасности. Г. Тьеръ сдѣлалъ многозначительный жестъ. Флоттъ снова повелъ дѣло черезъ Дарбуа, который намѣтилъ Дегерри для переговоровъ съ Версалемъ. Такъ какъ префектура не хотѣла терять такого заложника, главный викарій Лагардъ замѣнилъ Дегерри. Архіепископъ далъ ему инструкціи и, 12 апрѣля, Флоттъ проводилъ Лагарда къ станціи и взялъ съ него клятву, что онъ вернется, если его миссія не будетъ имѣть успѣха. Лагардъ поклялся: „Если я даже долженъ буду быть разстрѣляннымъ, я вернусь... Неужели вы можете думать, что я, хотя бы на мгновеніе, рѣшусь оставить Его Высокопреосвященство здѣсь одного?“ Въ моментъ отхода поѣзда, Флоттъ опять повторилъ: „Не уѣзжайте, если у васъ нѣтъ намѣренія вернуться“. Священникъ опять поклялся. Онъ уѣхалъ и передалъ г. Тьеру письмо, въ которомъ архіепископъ высказывался за обмѣнъ. Г. Тьеръ, ни словомъ не упоминая объ этомъ второмъ письмѣ, послалъ отвѣтъ лишь на первое письмо. Отвѣтъ этотъ, напечатанный въ одной изъ газетъ коммуны, одинъ изъ шедевровъ Тьеровскаго лицемѣрія и лжи, гласитъ: „*Факты, на которые вы обращаете мое вниманіе, безусловно не вѣрны, и я дѣйствительно удивленъ, что прелатъ настолько просвѣщенный, какъ вы, Ваше Высокопреосвященство... Никогда наши солдаты не разстрѣливали плѣнныхъ, не старались добить раненыхъ. Возможно, что въ пылу сраженія, они пользовались своимъ оружіемъ противъ людей, убивающихъ ихъ генераловъ; но,*

послѣ сраженія, они снова исполнены благородствомъ своего національнаго характера. Итакъ, я отвергаю, Ваше Высокопреосвященство, клевету, которую вы услышали. Я настаиваю на томъ, что солдаты не стрѣляли въ плѣнныхъ“. 17-го Флоттъ получилъ письмо, въ которомъ Лагардъ сообщалъ ему, что его присутствіе необходимо въ Версалѣ. Флоттъ явился съ жалобой на поведеніе Лагарда къ архіепископу, который не хотѣлъ вѣрить, что онъ покинутъ. „Невозможно, сказалъ онъ, чтобъ Лагардъ остался въ Версалѣ; онъ вернется; онъ поклялся мнѣ лично“. И онъ передалъ Флотту записку для главнаго викарія. Лагардъ отвѣтилъ, что г. Тьеръ его удерживаетъ. 23-го Дарбуа написалъ опять своему главному викарію: „*По полученіи этого письма, г. Лагардъ навѣрное захочетъ отправиться въ Парижъ и вернуться въ Мазасъ. Это опозданіе насъ сильно компрометируетъ* и можетъ имѣть досадные результаты“. Лагардъ не отвѣчалъ. Г. Тьеръ отказался отъ обмѣна, прячась за комиссіей Пятнадцати. Ихъ предлогомъ было то, что Бланки сталъ бы во главѣ возстанія, ихъ цѣлью — вызвать казнь заложниковъ: смерть галликанца Дарбуа была вдвойнѣ желательна Версалю, открывая богатое наслѣдство и создавая мученика. Главный викарій Лагардъ, рѣшилъ, что не за чѣмъ подражать Регулу, и скромно остался въ Версалѣ. Коммуна не наказала архіепископа за это вѣроломство, и, спустя нѣсколько дней, освободила его сестру. Никогда не забывала она о привилегіяхъ женщинъ, даже въ дни отчаянія. Провинившіяся сестры монастыря Пикнусъ и другія монашенки, уведенныя въ Сенъ-Лазарскую тюрьму, получили помѣщеніе.

Префектура и делегація юстиціи дали новое доказательство своего человѣколюбія, улучшивъ режимъ въ тюрьмахъ, гдѣ былъ сохраненъ весь составъ служащихъ, кромѣ однихъ директоровъ. Съ своей стороны, коммуна, стремясь къ тому, чтобы гарантировать личную свободу, постановила 14-го апрѣля, что каждый арестъ долженъ быть немедленно объявленъ делегату юстиціи, и что ни одно дознаніе не можетъ быть начато безъ установленнаго предписанія. Такъ какъ плохо освѣдомленные національные гвардейцы арестовали нѣсколько субъектовъ съ подозрительной репутаціей, коммуна объявила въ „Оффисіель“, что всякое произвольное дѣйствіе будетъ

сопровождаться отрѣшеніемъ отъ должности и немедленнымъ преслѣдованіемъ. Одинъ батальонъ искалъ оружія у газовой компаніи и счелъ тебя въ правѣ конфисковать также и кассу. Коммуна приказала немедленно вернуть всю сумму и снять печати. Полицейскій комиссаръ, арестовавшій Гюстава Шодея, обвиненнаго въ томъ, что онъ далъ приказъ начать стрѣльбу, 22-го января [1]), присвоилъ себѣ деньги заключеннаго; коммуна отрѣшила комиссара отъ должности и опубликовала о его отрѣшеніи въ „Оффисіель“. Чтобъ обнаружить злоупотребленія властью, она приказала 23-го произвести разслѣдованіе о положеніи заключенныхъ и о мотивахъ ихъ заключенія и признала за всѣми своими членами право посѣщать заключенныхъ.

Риго послѣ этого подалъ въ отставку, которая была принята. Делеклюзъ уже ранѣе не разъ вынужденъ былъ дѣлать ему выговоры. Его выходки забавляли версальскія газеты. Послѣднія обвиняли парижскую ребяческую полицію въ томъ, что она терроризируетъ Парижъ, изображали въ видѣ убійцъ тѣхъ самыхъ членовъ коммуны, которые отказывались утверждать приговоры военнаго суда, распространяли слухъ, что уголовные преступники выпущены на свободу [2]), тогда какъ въ дѣйствительности былъ заключенъ въ тюрьму поддѣлыватель документовъ, бонапартистъ Тайлефе, освобожденный 4-го сентября. Эта буржуазія, склонявшая свою голову во время тридцати тысячъ арестовъ и тайныхъ приказовъ объ арестѣ имперіи, апплодировала пятидесяти тысячамъ майскихъ арестовъ и тысячамъ послѣдовавшихъ за тѣмъ дознаній, выла черезъ нѣсколько лѣтъ по поводу сорока или пятидесяти дознаній, тысячи трехсотъ или четырехсотъ арестовъ коммуны. Они не превысили этой цифры за два мѣсяца борьбы, и вдобавокъ двѣ трети заключенныхъ, бѣглецовъ, уличныхъ скандалистовъ, были въ тюрьмѣ только нѣсколько дней, нѣкоторые—только нѣсколько часовъ. Провинція, которую питала одна только версальская пресса, вѣрила этимъ изобрѣтеніямъ, преувеличеннымъ еще въ циркулярахъ г. Тьера, телеграфировавшаго

---

[1]) Арестъ не обоснованный; Шодей защищалъ на столбцахъ „Вѣка“ дѣло Парижа.

[2]) Были освобождены только осужденные военные, человѣкъ, осужденный за кражу топлива во время осады, нѣсколько подсудимыхъ, въ общемъ двадцать человѣкъ.

префектамъ: „Инсургенты опустошаютъ главныя зданія, чтобы продать ихъ движимое имущество“.

Просвѣтить провинцію, вызвать ея вмѣшательство, такова была роль делегаціи внѣшнихъ сношеній, которая въ своей дѣятельности подчинялась только военному вѣдомству. Съ самыхъ первыхъ шаговъ коммуны, провинція требовала отъ нея делегатовъ. 6-го апрѣля Межи, Амуру, Коле-де-Тойакъ были посланы въ Марсель. 7-го Гамбонъ, пробывшій короткое время въ Корсикѣ, сдѣлалъ печальный докладъ. Въ коммунѣ услышали этого стараго республиканца, который имѣлъ во время имперіи мужество отказаться отъ платежа налоговъ. „Франція спитъ, сказалъ онъ, положеніе коммуны было бы обезпечено въ Ліонѣ, въ Марселѣ и въ другихъ мѣстахъ, если бы умѣли дѣйствовать революціоннымъ образомъ“. Онъ потребовалъ чтобы всюду были посланы делегаты. Съ 4-го апрѣля—къ чему мы еще вернемся впослѣдствіи — департаменты снова заволновались. Исключая Марсель, національная гвардія взялась повсюду за оружіе. Въ центрѣ, на западѣ, на востокѣ, на югѣ, можно было сдѣлать значительныя диверсіи, захватить нѣкоторыя станціи, остановить подкрѣпленія и артиллерію, направляющуюся въ Версаль.

Делегація удовлетворилась тѣмъ, что послала небольшое количество эмиссаровъ, не знающихъ мѣстности, не пользующихся авторитетомъ. Она кромѣ того сдѣлалась жертвой нѣкоторыхъ предателей, которые обворовали ее и доставили ея предписанія въ Версаль. Извѣстные республиканцы, освѣдомленные въ провинціальныхъ нравахъ, напрасно предлагали свои услуги. Здѣсь, какъ и въ другихъ дѣлахъ, нужно было прежде всего умѣть понравиться. Наконецъ, для того, чтобы возбудить Францію къ возстанію, выдали на все сто тысячъ франковъ. Делегація послала довольно ограниченное число документовъ; краснорѣчивое и правдивое резюме парижской революціи; два воззванія къ крестьянамъ, одно, написанное г-жей Андре Лео, простое, горячее, весьма подходящее къ деревнѣ: „Братъ, тебя обманываютъ. У насъ одни и тѣ же интересы. Я требую того же, что и ты; освобожденіе, котораго я добиваюсь, есть не только мое, но и твое освобожденіе... Парижъ стремится въ концѣ концовъ къ тому, чтобъ земля принадлежала крестьянину, орудія производства рабочему“. Эти добрыя сѣмена были разнесены воздушными шарами,

которые роняли печатные листы на опредѣленныхъ разстояніяхъ. Многія погибли, не упали на борозду.

Эта делегація, созданная только для внѣшнихъ сношеній, забыла мало-по-малу обо всемъ остальномъ мірѣ. По всей Европѣ рабочій классъ съ жадностью поглощалъ парижскія новости, въ мечтахъ своихъ боролся вмѣстѣ съ великимъ городомъ, который сдѣлался его столицей, умножилъ митинги, шествія, адреса. Его газеты, большей частью бѣдныя, боролись смѣло съ клеветами буржуазной прессы. Обязанностью делегаціи было поддерживать своихъ драгоцѣнныхъ помощниковъ. Она ничего почти не сдѣлала. Нѣсколько иностранныхъ газетъ вошли въ долги и обанкротились, стараясь поддержать эту парижскую коммуну, которая допустила гибель своихъ защитниковъ, не имѣющихъ, на что существовать. Делегація сдѣлала еще другую ошибку. По постановленіямъ военнаго соглашенія нѣмецкая армія должна была очистить западные форты Парижа, послѣ взноса въ 500 милліоновъ со стороны государства. Для коммуны было важно узнать, былъ ли сдѣланъ этотъ взносъ, такъ какъ въ этомъ случаѣ Парижъ былъ бы совершенно окруженъ версальцами. Делегатъ имѣлъ наивность, правда, съ разрѣшенія коммуны написать начальнику нѣмецкихъ войскъ; послѣдній конечно поспѣшилъ доставить письмо Жюль Фавру, а этотъ прочелъ его въ версальскомъ собраніи съ желательными комментаріями. Делегація обольстилась мыслью, что коммуна сможетъ заплатить эти 500 милліоновъ и завладѣть такимъ образомъ западными фортами. Нѣмцы смѣялись надъ этой претензіей замѣнить государство и не скупились на всякія услуги Версалю. Когда федералисты снова вооружили Венсенскій фортъ, плотно стиснутый пруссаками, нѣмцы потребовали у коммуны немедленнаго разоруженія. Делегація была оскорблена, что къ ней не обратились съ переговорами. Изъ этого вышелъ непріятный инцидентъ, и нѣмецкій парламентеръ смогъ посѣтить фортъ. Россель выразилъ по этому поводу сожалѣніе во время засѣданія 5-го мая. Эта болтовня, эти ненужныя волненія дали клеветникамъ возможность утверждать, что коммуна ведетъ интриги съ иностранными властями.

Делегація, управляемая подобнымъ образомъ, ничего не могла противопоставить коварному искусству г. Тьера. Когда, 15-го мая, она призвала провинціи къ оружію и предложила представителямъ

для совѣщанія Люксембургскій дворецъ, провинція была уже давно обработана. Правда, делегація выказала много горячности въ дѣлѣ защиты иностранцевъ, послала монетному двору серебро министерства,—„которое эти люди себѣ присвоили“ не преминулъ сказать Жюль Фавръ,—но полезная работа подвигалась весьма вяло.

Таковы были жизнеспособныя делегаціи. Такъ какъ коммуна сдѣлалась, силою обстоятельствъ, передовымъ революціоннымъ борцомъ, такъ какъ она взяла на себя защиту національныхъ правъ, она должна была возвѣстить о правахъ своего вѣка, и, въ случаѣ гибели, завѣщать, умирая, будущимъ поколѣніямъ свое знамя. Достаточно для нея ясно формулировать совокупность требованій, накопившихся со времени французской революціи. Делегатъ юстиціи долженъ былъ только резюмировать реформы, провозглашенныя уже издавна всѣми демократами. Дѣломъ пролетарской революціи было показать аристократизмъ нашей правовой системы; деспотическія и отсталыя доктрины наполеоновсклго кодекса; суверенный народъ, лишенный суда надъ самимъ собою, управляемый кастой, опирающейся на власть, не имѣющую ничего общаго съ властью народа; безсмысленное множество судовъ и трибунъ; нотаріальную систему, прокуратуру, 40.000 нотаріусовъ, стряпчихъ, судебныхъ приставовъ, регистраторовъ, повѣренныхъ коммерческихъ судовъ, оцѣнщиковъ, адвокатовъ, заранѣе вычитывающихъ ежегодно сотни милліоновъ изъ народнаго состоянія; набросать въ общихъ чертахъ устройство трибунала, гдѣ бы возстановленный въ своихъ правахъ народъ рѣшалъ черезъ посредство жюри всѣ дѣла гражданскія, коммерческія, исправительныя и уголовныя, трибуналъ единый, приговоры котораго подлежатъ аппеляціи лишь въ случаѣ неправильности судопроизводства. Делегатъ ограничился тѣмъ, что назначилъ нотаріусовъ, судебныхъ приставовъ, оцѣнщиковъ съ опредѣленнымъ содержаніемъ, что въ этотъ періодъ сраженій было совершенно безполезно и давало лишь принципіальную санкцію всѣмъ этимъ должностямъ. Еле-еле удалось осуществить нѣкоторыя особенно настоятельныя преобразованія. Профессіональная присяга была отмѣнена; было постановлено, что протоколы объ арестахъ будутъ сообщать мотивы и имена свидѣтелей; бумаги, цѣнности и имущество заключенныхъ предписывалось сдавать на храненіе въ депозитныя кассы. Былъ данъ приказъ директорамъ

учрежденій для умалишенныхъ прислать, въ продолженіе четырехъ дней, отчетъ о числѣ и о состояніи ихъ больныхъ. Если бы коммуна пролила свѣтъ на эти берлоги, ей было бы благодарно все человѣчество.

Не обладая солидной подготовкой, делегація могла выказать только нѣкоторый революціонный инстинктъ; она извлекла на свѣтъ Божій застѣнки монастыря Пикпусъ, скелеты изъ св. Лаврентія. Но и этому дѣлу делегація не посвятила достаточнаго вниманія, и реакція глумилась надъ этими „мнимыми“ разоблаченіями. Делегація упустила даже случай присоединить, по крайней мѣрѣ на одинъ день, всю революціонную Францію къ коммунѣ. Виновникъ мексиканской экспедиціи, Жекеръ, явился въ префектуру, гдѣ онъ съ наивнымъ видомъ попросилъ себѣ паспортъ. Храбрый, до крайности дерзкій, онъ жилъ безнаказанно, такъ какъ не существуетъ наказанія для подобныхъ преступленій въ буржуазномъ законодательствѣ. Ничего не было проще, какъ возбудить противъ него процессъ. Жекеръ, который утверждалъ, что имперія его обманула, предлагалъ сдѣлать разоблаченія. Въ открытомъ засѣданіи суда, передъ двѣнадцатью, наудачу избранными, присяжными, передъ публикой, можно было, благодаря ему, возстановить мексиканскую экспедицію, разоблачить клерикальныя интриги, вывернуть карманы воровъ, показать продѣлки императрицы, Мирамона, Альмонта, Морни, показать, изъ-за какого дѣла и изъ-за какихъ людей Франція потеряла тридцать тысячъ человѣкъ и болѣе милліарда. Искупленіе могло совершиться при полномъ свѣтѣ на площади Согласія, передъ дворцомъ Тюильри который былъ соучастникомъ преступленія. Поэты, которыхъ рѣдко разстрѣливали, вздохнули бы, можетъ быть; несчетныя жертвы рукоплескали бы, восклицая: „Революція одна осуществляетъ правосудіе“. Но Жекера даже не допросили.

Делегація просвѣщенія должна была написать одну изъ самыхъ прекрасныхъ страницъ коммуны. Послѣ столькихъ лѣтъ изученія и опыта, этотъ вопросъ долженъ былъ выйти въ полномъ вооруженіи изъ головы настоящаго революціонера. Делегація не оставила ни одного свидѣтельства для будущаго. Делегатъ былъ, тѣмъ не менѣе однимъ изъ наиболѣе образованныхъ людей. Онъ удовлетворился, тѣмъ, что снялъ распятія во всѣхъ школьныхъ залахъ и созвалъ

всѣхъ тѣхъ, которые изучили вопросы учебнаго дѣла. Было поручено комиссіи организовать первоначальное и профессіональное обученіе, вся ея работа заключалась въ томъ, что она объявила 6-го мая открытіе школы. Другая комиссія по дѣлу женскаго образованія была избрана въ день вступленія версальцевъ. Административная роль этой делегаціи ограничилась мало осуществимыми постановленіями и нѣсколькими назначеніями. Два самоотверженныхъ и одаренныхъ человѣка, Эли Реклю и Бенжаменъ Гастино, получили порученіе прообразовать національную библіотеку. Они запретили выдавать книги, положивъ предѣлъ неприличному поведенію привилегированныхъ, которые выкраивали себѣ библіотеку изъ общественныхъ коллекцій. Союзъ артистовъ, гдѣ предсѣдательствовалъ Курбе, сдѣлавшійся 16-го апрѣля членомъ коммуны, и другой ея членъ, скульпторъ Далу, поставили своей задачей открыть и оберегать музеи.

Ничего не было бы извѣстно объ этой революціи въ отношеніи учебнаго дѣла безъ циркуляровъ муниципальныхъ властей. Многія снова открыли школы, покинутыя членами духовныхъ конгрегацій и городскими учителями, или прогнали братьевъ, которые тамъ еще остались. Делегація XX округа одѣла и накормила дѣтей, положивъ такимъ образомъ первое основаніе школьныхъ кассъ, которыя съ тѣхъ поръ начали преуспѣвать. Делегація IV округа говорила: „Научить ребенка любить и уважать себѣ подобныхъ, внушить ему любовь къ правосудію, показать ему, что онъ долженъ стремиться къ образованію въ виду общаго блага—таковы моральные принципы, на которыхъ отнынѣ будетъ основано общественное воспитаніе“. „Учителя пріютскихъ школъ“,—предписывала делегація XVII округа, „будутъ употреблять исключительно экспериментальную и научную систему, которая всегда основывается на разсмотрѣніи физическихъ, моральныхъ, интеллектуальныхъ фактовъ“. Еще далеко было до законченной программы.

Кто же призванъ былъ прежде всего защищать интересы народа? Делегація труда и обмѣна, составленная исключительно изъ соціалистовъ-революціонеровъ. Она поставила себѣ задачей изученіе всѣхъ тѣхъ реформъ, которыя необходимо ввести какъ въ организаціи общественныхъ учрежденій коммуны, такъ и въ отношеніяхъ

рабочихъ—мужчинъ и женщинъ—къ своимъ хозяевамъ, ревизію коммерческаго кодекса, таможенныхъ тарифовъ, преобразованіе всѣхъ налоговъ, прямыхъ и косвенныхъ, учрежденіе статистики труда". Она искала у гражданъ основаній для декретовъ, которые она могла бы предложить коммунѣ. Делегатъ Лео Франкель работалъ съ помощью комиссіи почина, составленной изъ рабочихъ. Въ округахъ были открыты бюро для регулированія спроса и предложенія труда. По просьбѣ пекарей, делегація запретила ночной трудъ,—мѣра, необходимая какъ въ интересахъ гигіены, такъ и въ интересахъ морали. Она изготовила проектъ ликвидаціи ломбарда, декретъ, касающійся вычетовъ изъ жалованья, и поддержала декретъ относительно мастерскихъ, закрытыхъ хозяевами.

Проектъ предоставлялъ безвозмездное пособіе жертвамъ войны и нуждающимся. Тѣ же, которые отказывались отъ этого послѣдняго названія, должны были получать свое пособіе подъ условіемъ уплаты его въ продолженіе пяти лѣтъ. Докладъ говорилъ въ концѣ: „Само собою разумѣется, что мѣсто ликвидированнаго ломбарда должна заступить общественная организація, которая предоставила бы рабочимъ реальныя гарантіи помощи и поддержки, въ случаѣ пріостановки работы. Коммуна создаетъ новые институты, которые должны оградить рабочаго, зависимо отъ эксплоатаціи капитала". Декретъ, отмѣнившій вычеты изъ жалованья и рабочей платы, положилъ конецъ одной изъ наиболѣе явныхъ несправедливостей капиталистическаго режима, такъ какъ эти штрафы налагаются, часто подъ пустымъ предлогомъ, самимъ хозяиномъ, который, такимъ образомъ, играетъ одновременно роль судьи и одной изъ сторонъ.

Декретъ о закрытыхъ мастерскихъ снова предоставилъ обездоленной массѣ владѣніе своими орудіями производства. Анкетная комиссія, учрежденная синдикальными камерами, должна была составить статистику и опись оставленныхъ мастерскихъ, которыя предполагалось возвратить рабочимъ. Такимъ образомъ „экспропріаторы, въ свою очередь, экспропріировались". XX столѣтіе увидитъ эту революцію. Каждый прогрессъ въ дѣлѣ употребленія машинъ приближаетъ ее. Чѣмъ болѣе эксплоатація сосредоточивается въ нѣсколькихъ рукахъ, тѣмъ больше растетъ и дисциплинируется рабочая армія; скоро классъ производителей, сознательный и объ-

единенный, увидитъ передъ собою только горсть привилегированныхъ, подобно молодой Франціи 89-го года. Наиболѣе ревностный революціонеръ-соціалистъ—это монополистъ.

Безъ сомнѣнія, декретъ содержалъ пробѣлы и требовалъ серьезныхъ комментаріевъ, главнымъ образомъ по отношенію къ параграфу о кооперативныхъ ассоціаціяхъ, къ которымъ должны были перейти мастерскія. Онъ былъ такъ же, какъ и всякій другой, непримѣнимъ въ этотъ часъ борьбы и нуждался въ очень многихъ добавочныхъ декретахъ; но, по крайней мѣрѣ, онъ возбуждалъ нѣкоторое представленіе о рабочихъ требованіяхъ, и, если бы даже роль его ограничивалась созданіемъ комиссіи труда и обмѣна, революція 18-го марта сдѣлала бы для рабочаго больше, чѣмъ до тѣхъ поръ всѣ буржуазные парламенты Франціи съ 5-го мая 1789 года.

Делегація труда хотѣла тщательно разслѣдовать дѣла интендантства. Она доказала, что пониженіе цѣнъ покоится на пониженіи рабочей платы, а не барыша предпринимателей, которые принимаютъ подряды по любой цѣнѣ, увѣренные въ томъ, что всегда вознаградятъ себя на счетъ рабочаго. „И коммуна достаточно слѣпа, чтобы дать одурачить себя подобными пріемами“,— говорилъ докладъ.—„Между тѣмъ, какъ разъ въ переживаемый моментъ, рабочій рискуетъ жизнью, чтобы больше не подвергаться этой эксплоатаціи!“ Делегатъ потребовалъ, чтобы договоры о поставкѣ товаровъ указывали на величину заработной платы, чтобы рынки были предоставлены преимущественно робочимъ корпораціямъ, чтобы цѣны опредѣлялись третейскимъ судомъ, установленнымъ интендантствомъ, синдикальной камерой корпораціи и делегатомъ труда.

Чтобы слѣдитъ за финансами всѣхъ делегацій, коммуна учредила въ маѣ высшую комиссію счетоводства, обязанностью которой было провѣрять ихъ счета. Она постановила также, какъ мы видѣли, что служащіе или поставщики, виновные во взяточничествѣ, хищеніи или кражѣ, подлежатъ военному суду. Въ общемъ, кромѣ делегаціи труда, куда не погляди, всѣ остальныя основныя делегаціи были неудовлетворительны. Всѣ сдѣлали одну и ту же ошибку. Въ продолженіе двухъ мѣсяцевъ у нихъ были подъ рукой архивы буржуазіи, начиная съ 89-го года. Расчетная палата давала матеріалъ, разоблачающій секретныя официальныя каверзы, государственный совѣтъ—

секретныя постановленія деспотизма, министерство юстиціи—раболѣпство и преступленія магистратуры; въ думѣ хранились неопубликованные еще документы французской революціи 1815, 1830, 1848, 1851 годовъ; въ префектурѣ полиціи скрывалась самая постыдная оборотная сторона всѣхъ дѣлъ общественнаго управленія; всѣ дипломаты всегда страшились, что ящики министерства иностранныхъ дѣлъ будутъ раскрыты для глазъ публики. Можно было развернуть передъ глазами народа интимную исторію революціи, директоріи, первой имперіи, іюльской монархіи, 48-го года, Наполеона III. Достаточно было пустить по вѣтру всѣ документы, предоставляя будущему разбираться въ нихъ. Напечатаны были только двѣ или три тетради. Делегаты спали рядомъ съ этими сокровищами и, казалось, не подозрѣвали о нихъ.

Луи Бланъ и ему подобные, увидѣвъ, что эти адвокаты, эти врачи, эти публицисты не даютъ говорить Жекеру, оставляютъ расчетную палату запертой, не касаются бумагъ имперіи, не хотѣли вѣритъ ихъ невѣжеству и кричали о бонапартизмѣ. Глупое обвиненіе, опровергнутое тысячью доказательствъ. Къ чести делегатовъ,—нужно сказать полную правду,—ни одинъ изъ нихъ не былъ знакомъ съ политическимъ и административнымъ механизмомъ этой буржуазіи, изъ рядовъ которой они почти всѣ вышли.

ГЛАВА XIX.

Масоны присоединяются къ коммунѣ.—Первое очищеніе форта Исси.—Созданіе комитета общественной безопасности.

Г. Тьеръ хорошо зналъ о слабости коммуны. Но онъ зналъ также слабость своихъ войскъ, разительные повороты въ жизни великаго города и не рѣшался попытать счастья. При всемъ томъ онъ кокетничалъ, разыгрывая солдата передъ пруссаками, приводилъ батареи въ порядокъ, управлялъ траншеями, говорилъ Макъ-Магону, который ворчалъ, что ему приходится подчиняться человѣку невоенному: „Я знаю эти укрѣпленія, я самъ ихъ создалъ“. Чтобы успокоить непримиримыхъ членовъ собранія, которые побуждали его къ приступу, онъ принималъ совѣтниковъ всевозможнаго общественнаго положенія, безъ конца атаковавшихъ его своими проектами и убогими комбинаціями. Всѣ мѣшались въ это дѣло, начиная съ добраго и мечтательнаго Консидерана и кончая акробатомъ Жирарденомъ или адъютантомъ Сэссе Шельхеромъ, который замѣнилъ свой планъ сраженія 24-го числа планомъ перемирія.

Эта смѣшанная компанія возбуждала всеобщій смѣхъ. Начиная съ перемирія въ Нейли и извѣстнаго: „Весь Парижъ возстанетъ“,—„Лига парижскихъ правъ“ продолжала свое существованіе безъ успѣха. Смѣлое поведеніе масоновъ отбросило членовъ лиги далеко на задній планъ. 21-го апрѣля, когда они потребовали перемирія, масоны представили жалобу на муниципальный законъ, только-что принятый собраніемъ. „Какъ“,—отвѣтилъ имъ г. Тьеръ,—„но вѣдь это самый либеральный изъ всѣхъ законовъ, которые мы имѣли въ продолженіе двадцати четырехъ лѣтъ!“—„Извините, а наши коммуналь-

ныя учрежденія 91-го года?“ — „А! вы хотите вернуться къ сумасшествію нашихъ отцовъ?“ — „Но, въ концѣ концовъ, вы, значитъ, рѣшили пожертвовать Парижемъ?“ — „Тамъ будетъ нѣсколько разрушенныхъ домовъ, нѣсколько убитыхъ, но сила останется на сторонѣ закона“. Масоны распространили въ Парижѣ этотъ ужасный отвѣтъ. Совершенно животная дикость солдатъ не была болѣе жестокой. Эти несчастные искренно вѣрили, что федералисты — воры, выпущенные коммуной или пруссаками, и что они пытали своихъ заключенныхъ. Между послѣдними находились такіе, которые отказывались нѣкоторое время отъ всякой пищи, боясь, чтобы ихъ не отравили. Офицеры, большей частью бонапартисты, распространяли эти выдумки; нѣкоторые сами имъ вѣрили [1]). Они являлись изъ Германіи страшно озлобленные противъ Парижа, говорили публично: „Мы будемъ безпощадны съ этими канальями“ и подавали примѣръ величайшей жестокости. 25-го апрѣля на Белль-Эпинъ, около Вилльжюифъ, четыре національныхъ гвардейца были неожиданно захвачены конными стрѣлками, и, когда у нихъ потребовали, чтобы они сдались, отдали свое оружіе. Солдаты увели ихъ; подошелъ офицеръ и, не говоря ни слова, разрядилъ въ нихъ свой револьверъ. Двое были убиты, остальные, которыхъ бросили, предполагая, что они мертвы, притащились на сосѣднюю траншею, гдѣ одинъ изъ нихъ умеръ; четвертый былъ перенесенъ въ походный госпиталь.

26-го въ коммунѣ Лео Мелье разсказалъ объ этомъ убійствѣ. Месть воодушевила самыхъ умѣренныхъ. „Нужно принять репрессивныя мѣры и разстрѣлять плѣнныхъ, которые находятся у насъ подъ

---

[1]) 12-го мая, на баррикадѣ въ При-Ванвъ, офицеръ-инженеръ изъ отряда Лакретелль, 2-го корпуса, капитанъ Роземъ былъ взятъ въ плѣнъ. Когда его привели къ начальнику траншеи, онъ сказалъ: „Я знаю, что меня ждетъ. Разстрѣляйте меня!“ Начальникъ пожалъ плечами и отправилъ плѣнника къ Делеклюзу. „Капитанъ“, — сказалъ делегатъ, — „обѣщайте мнѣ, что вы не будете бороться съ коммуной, и вы свободны“. Офицеръ обѣщалъ и, глубоко тронутый, попросилъ у Делеклюза позволенія пожать ему руку. Начиная съ открытія враждебныхъ дѣйствій до 23-го мая, союзники не разстрѣляли *ни одного* плѣннаго, ни офицера, ни солдата. Строгости войны были примѣнены только къ тремъ шпіонамъ, и то лишь послѣ суда.

руками!“ Многіе восклицали: „Архіепископа парижскаго“. Тридонъ: „Какъ только представляется вопросъ, требующій мужества, вы стараетесь какъ можно скорѣе похоронить его... но вы теряете часы, обсуждая мелкіе отвлеченные вопросы; сегодня вы уже не можете принять репрессивныхъ мѣръ“. Бланше хочетъ, чтобы утромъ были разстрѣляны плѣнные жандармы и сыщики. Арно говоритъ: „Надо публично казнить двѣнадцать жандармовъ“. Тридонъ: „Зачѣмъ убивать двѣнадцать человѣкъ за четырехъ: вы не имѣете на это права“. Остенъ противится казнямъ: „Коммуна должна дѣйствовать, соображаясь только съ своими задачами“. Вальянъ: „Нужно нанести ударъ собственникамъ, вотъ кому“. Авріаль и Журдъ: „Надо дѣйствовать, оставаясь на почвѣ закона“. Артуръ Арно: „Возьмемся за Тьера, надо разрушить его домъ“. Поднялся болѣе проницательный генералъ Гамбонъ: „Если версальскіе господа разстрѣливаютъ нашихъ плѣнныхъ, то пусть объявитъ коммуна передъ лицомъ Франціи, всего міра, что она будетъ уважать всѣхъ, кого ни возьметъ въ плѣнъ, что даже офицеры, понуждающіе солдатъ идти противъ воли, встрѣтятъ извѣстное уваженіе“.

Въ заключеніе онъ предложилъ учредить слѣдственную комиссію Эта комиссія констатировала, что преступленіе было совершено. Пренія переходятъ на личности и становятся настолько бурными, что собраніе постановляетъ не печатать протокола.

Увѣдомленіе о томъ, что явилась масонская делегація, вноситъ нѣкоторое спокойствіе. Ее ввелъ Ранвье. Масоны собрались послѣ полудня въ театрѣ Шателе.

Когда одинъ изъ нихъ выразилъ намѣреніе утвердить на валахъ масонскія знамена, тысячи рукоплесканій была ему отвѣтомъ. Нѣсколько человѣкъ, воспротивившихся этому, не могли побѣдить всеобщаго энтузіазма, и было постановлено пойти, со знаменемъ во главѣ, къ думѣ и передать ей рѣшительную резолюцію. Коммуна приняла делегатовъ на почетномъ дворѣ. „Если сначала“,—сказалъ ораторъ Тирифокъ,—„масоны не хотѣли дѣйствовать, то только потому, что они считали необходимымъ удостовѣриться въ нежеланіи Версаля вступить въ какое бы то ни было соглашеніе. Сегодня они готовы утвердить свои знамена на валахъ. Если ихъ коснется хотя бы одна пуля, масоны двинутся съ тѣмъ же одушевленіемъ

противъ общаго врага“. Послѣ этого заявленія начались рукоплесканія, объятія. Жюль Валлесъ, отъ имени всей коммуны, вынулъ свой красный шарфъ и обвилъ имъ знамя, делегація отъ коммуны проводила братьевъ до храма улицы Каде.

Они явились черезъ три дня, чтобы сдержать свое слово. Вмѣшательство этой таинственной и могущественной корпораціи внушило большую надежду Парижу. 29-го, утромъ, громадная толпа наполняла всѣ проходы къ площади Каррусель—мѣсто сборища всѣхъ ложъ. Несмотря на нѣсколько масоновъ, протестовавшихъ въ особыхъ афишахъ, въ шесть часовъ шесть тысячъ братьевъ, представляющихъ пятьдесятъ пять ложъ, расположились на площади Каррусель.

Шесть членовъ коммуны проводили ихъ къ думѣ среди толпы и батальоновъ, построенныхъ шпалерами. Серьезная, торжественная музыка звучала впереди процессіи; старшіе офицеры, великіе магистры, члены коммуны и братья съ широкой лентой, синяго, зеленаго, бѣлаго, краснаго или чернаго цвѣта, смотря по ихъ чину, шли, группируясь вокругъ шестидесяти пяти знаменъ, впервые увидѣвшихъ солнечный свѣтъ. На знамени, двигавшемся впереди, бѣломъ знамени Венсенна, красными буквами горѣлъ братскій и революціонный девизъ: *„Будемъ любить другъ друга“*. Ложа женщинъ была встрѣчена съ особымъ энтузіазмомъ. Знамена и многочисленная делегація прошли въ думу. Члены коммуны, размѣстившись на площадяхъ лѣстницы почетнаго двора, ждали ихъ.

Знамена расположились на ступеняхъ. Эти знамена мира, соединенныя съ краснымъ флагомъ, эта мелкая буржуазія, рука объ руку съ пролетаріатомъ передъ лицомъ республики, эти братскіе возгласы,— все это воодушевляло самыхъ малодушныхъ. Феликсъ Піа сказалъ реторическую рѣчь, отдѣланную антитезами. Старикъ Белэ былъ несравненно болѣе краснорѣчивымъ, сказавъ нѣсколько словъ, смѣшанныхъ съ искренними слезами. Одинъ изъ братьевъ попросилъ чести первому укрѣпить на валахъ знамя своей ложи „Персеверансъ“, основанной въ 1790 году, во время образованія большихъ союзовъ. Одинъ изъ членовъ коммуны далъ красный флагъ: „Пусть онъ сопровождаетъ ваши знамена. Пусть ни одна рука отнынѣ не сможетъ направить насъ другъ противъ друга съ иною цѣлью, нежели объятія“. А ораторъ Тирифокъ сказалъ, указывая на знамя

Венсенна: „Мы водрузимъ его первымъ передъ вражескими рядами. Мы скажемъ имъ: солдаты родины-матери, побратайтесь съ нами, идите въ наши объятія... Если мы ничего не достигнемъ, мы присоединимся къ военнымъ ротамъ“.

Когда делегаты ушли изъ думы, поднялся воздушный шаръ, украшенный тремя символическими знаками; онъ разбрасывалъ въ воздухѣ манифестъ масонства. Громадная процессія пронесла черезъ площадь Бастиліи и по бульварамъ свои знамена, встрѣченныя неистовыми рукоплесканіями, и дошла, къ двумъ часамъ, до круглой площадки на Елисейскихъ Поляхъ. Гранаты съ Монъ-Валерьянъ вынудили ее пройти боковыми путями къ Тріумфальной аркѣ. Делегація изъ почтенныхъ людей утвердила знамена на пространствѣ отъ воротъ Мальо до воротъ Бино. Бѣлое знамя было воздвигнуто на наиболѣе опасномъ мѣстѣ, на передовомъ укрѣпленіи воротъ Мальо; версальцы пріостановили стрѣльбу.

Делегаты и нѣсколько членовъ коммуны, избранныхъ по жребію, вышли впередъ, предводительствуемые знаменемъ, въ авеню Нейли. На мосту Курбвуа передъ версальской баррикадой, ихъ встрѣтилъ офицеръ и препроводилъ ихъ къ генералу Монтодону, бывшему также масономъ.

Они объяснились, попросили перемирія. Генералъ разрѣшилъ тремъ делегатамъ отправиться въ Версаль. Въ этотъ вечеръ было все спокойно, начиная отъ Сентъ-Уана до Нейли.

На другой день делегаты вернулись. Г-нъ Тьеръ ихъ еле-еле принялъ. Раздраженный, рѣшивъ не дѣлать больше никакихъ уступокъ, онъ не хотѣлъ больше допускать къ себѣ депутацій. Въ это самое время версальскія пули продырявили знамена. Масоны немедленно соединились въ залѣ Дурланъ и рѣшили выйти въ сраженіе со своими значками. Черезъ два дня „Лига парижскихъ правъ“ рѣшила, что она противопоставитъ версальской артиллеріи „безконечное количество подписей“.

Послѣ полудня „Республиканскій союзъ департаментовъ“ торжественно присоединился къ коммунѣ. Мильеръ велъ эту армію въ нѣсколько тысячъ. Онъ былъ безусловно преданъ коммунѣ; ему удалось сгруппировать уроженцевъ провинціи. Извѣстно, что она доставляетъ великому городу кровь и нервы. Изъ тридцати пяти ты-

сячъ плѣнныхъ французскаго происхожденія, признанныхъ версальцами, было только девять тысячъ парижскихъ уроженцевъ. Мильеръ организовалъ союзъ по департаментскимъ группамъ, и каждая изъ нихъ старалась дать своей мѣстности правильное освѣщеніе парижскихъ событій, разсылала циркуляры, объявленія делегатовъ. 30-го апрѣля всѣ группы соединились во дворѣ Лувра, обсудили обращеніе къ департаментамъ и явились въ думу, чтобы возобновить свою связь съ патріотическимъ дѣломъ парижской коммуны. Члены коммуны сошли внизъ, чтобы встрѣтить ихъ по-братски.

Взоры еще были обращены на манифестацію, какъ вдругъ на площади поднялся шумъ: фортъ Исси очищенъ.

Подъ прикрытіемъ своихъ баттарей версальцы пошли на подступъ и застали въ ночь съ 26-го на 27-е врасплохъ Мулино, откуда можно было достичь парка Исси. Въ послѣдующіе дни шестьдесятъ орудій большого калибра сосредоточили свои гранаты на фортѣ, въ то время, какъ другія осыпали снарядами Ванвъ, Монружъ, бойницы, ограду. Исси отвѣчалъ изо всѣхъ силъ, но траншеи, которыми неумѣло командовалъ Ветцель, держались очень плохо. 29-го бомбардировка продолжалась съ удвоенной силой, и метательными снарядами былъ изрытъ паркъ. Въ полночь версальцы прекратили огонь, напали врасплохъ на федералистовъ и заняли траншеи. 30-го фортъ, не получившій никакого увѣдомленія объ этой эвакуаціи, пробудился, окруженный полукругомъ версальцевъ. Комендантъ Межи смѣшался, попросилъ подкрѣпленій, ничего не получилъ. Гарнизонъ взволновался, и эти федералисты, такъ хорошо переносившіе дождь гранатъ, испугались нѣсколькихъ стрѣлковъ. Межи собралъ совѣтъ; была рѣшена эвакуація. Наскоро заклепали пушки, и такъ скверно, что заклепки были выдернуты въ тотъ же вечеръ. Большая часть гарнизона вышла. Нѣсколько человѣкъ иначе поняли свою обязанность и хотѣли остаться, чтобы спасти свою честь. Днемъ одинъ изъ версальскихъ офицеровъ потребовалъ отъ нихъ, чтобы они сдались въ продолженіе четверти часа, подъ угрозой быть вынужденными къ этому посредствомъ оружія. Они не отвѣтили. Версальцы не осмѣлились туда явиться.

Въ пять часовъ Клюзере и Ла-Сесиліа пришли въ Исси съ нѣсколькими наспѣхъ собранными ротами. Они разсыпали стрѣлковую

цѣпь; въ восемь часовъ федералисты снова вступили въ фортъ. Подъ воротами входа нашли они мальчика Дюфура около тачки, наполненной картечью и пушечными снарядами; онъ хотѣлъ взорваться, думая, что сводъ взлетитъ вмѣстѣ съ нимъ. Вечеромъ Верморель и Тринке привлекли другія подкрѣпленія, и федералисты снова заняли всѣ позиціи.

При первомъ слухѣ объ эвакуаціи, національные гвардейцы явились въ думу и потребовали отвѣта отъ исполнительной комиссіи. Она утверждала, что не давала никакого распоряженія очистить фортъ, и обѣщала наказать предателей, если таковые были. Вечеромъ она арестовала Клюзере, когда онъ вернулся изъ форта Исси. Онъ покинулъ министерство, оставивъ военное дѣло въ положеніи еще болѣе скверномъ, чѣмъ оно было при его вступленіи; операціонная армія, которую онъ пообѣщалъ, не была соединена, вооруженіе и экипировка не подвинулись впередъ; меньшее количество людей было вооружено, и фортъ Исси былъ въ плачевномъ состояніи. Вся его внутренняя оборона заключалась въ томъ, что онъ врылъ на Трокадеро орудія, которыя, по его словамъ, пробивали бреши въ укрѣпленіи Монъ-Валерьянъ. Впослѣдствіи онъ старался перенести отвѣтственность на своихъ товарищей, третируя ихъ какъ глупцовъ, честолюбцевъ, обвиняя Делеклюза въ мошенничествѣ, утверждая, что его арестъ погубилъ все дѣло, скромно называя себя „воплощеніемъ народа“.

Эта паника въ Исси создала комитетъ общественной безопасности. 28-го апрѣля, въ концѣ засѣданія, Жюль Міо, обладавшій одной изъ самыхъ великолѣпныхъ бородъ 48-го года, поднялся, чтобы потребовать «безъ фразъ» созданія комитета общественной безопасности, который бы имѣлъ власть надъ всѣми комиссіями и былъ уполномоченъ „снять голову любому измѣннику“. Когда у него потребовали указанія мотивовъ, онъ отвѣтилъ торжественно, что „онъ считаетъ необходимымъ этотъ комитетъ“. Всѣ были согласны, что нужно усилить контроль и активность, такъ какъ вторая исполнительная комиссія выказала такое же безсиліе, какъ и первая; но къ чему это названіе—комитетъ общественнаго спасенія, пародія прошедшаго, пугало глупцовъ? Оно звучало зловѣще въ этой пролетарской революціи, въ этой думѣ, откуда комитетъ общественнаго спасенія

вырвалъ Жака Ру, Шометта и лучшихъ друзей народа. Къ несчастію, большая часть совѣта только перелистовала исторію революціи. Это громкое названіе приводило ихъ въ восхищеніе. Они готовы были голосовать немедленно, въ то же самое засѣданіе, если бы этому не помѣшали нѣсколько энергичныхъ товарищей, потребовавшихъ обсужденія. „Да“,—говорили послѣдніе,—„мы хотимъ, чтобы была мощная комиссія, но намъ не нужны революціонныя подражанія. Пусть коммуна преобразуется; пусть она больше не будетъ маленькимъ болтливымъ парламентомъ, который разрушаетъ на другой день, по капризу своей фантазіи, то, что онъ наканунѣ создалъ“. И они предложили учредить исполнительный комитетъ. Голоса уравновѣсились.

Инцидентъ съ Исси нарушилъ равенство голосовъ въ собраніи. 1-го мая 34 голосами противъ 28 названіе было принято. Относительно проекта въ цѣломъ—45 голосами за и 23 противъ. Многіе голосовали, несмотря на названіе, съ единственною цѣлью создать сильную власть. Многіе мотивировали, почему они голосуютъ въ пользу проекта. Нѣкоторые хотѣли подчиниться императивному мандату своихъ избирателей. Одни хотѣли заставить „дрожать подлецовъ и измѣнниковъ“. Другіе объявляли просто, подобно Міо, что это необходимая мѣра. Феликсъ Піа, который настроилъ Міо и горячо поддерживалъ предложеніе, чтобы сохранить уваженіе крикуновъ, выставилъ слѣдующее могущественное соображеніе: „За, по той причинѣ, что слово „общественное спасеніе“ относится безусловно къ той же эпохѣ, какъ и слова „французская республика“ и „парижская коммуна“. Но Тридонъ отвѣтилъ: „Противъ, такъ какъ я не люблю ненужнаго и смѣшного старья“. Верморель: „Противъ, такъ какъ это только слово, а народъ слишкомъ долго платилъ за слова“. Валлесъ: „Именемъ общественнаго спасенія я воздерживаюсь отъ голосованія и протестую“. Семнадцать заявили коллективно, что они голосуютъ противъ учрежденія комитета, который создалъ бы диктатуру, и многіе другіе указывали на тотъ же мотивъ. Этотъ мотивъ былъ, конечно, наивенъ: коммуна сохраняла свой суверенитетъ настолько, что черезъ недѣлю она ниспровергла комитетъ. Оппозиція отказалась подвергнуть голосованію списокъ. „Я не вижу людей, которыхъ можно посадить въ этотъ комитетъ“,—сказалъ Тридонъ.

„Мы не можемъ“,—говорили они всѣ,—„избрать кого-нибудь въ учрежденіе, которое мы считаемъ безполезнымъ и пагубнымъ... Мы считаемъ воздержаніе единственнымъ достойнымъ, логичнымъ и политичнымъ поведеніемъ“. О да! Это было логично, но воздерживаться въ революціи—значитъ создавать преимущества для противника.

Баллотировка, такимъ образомъ осужденная заранѣе, создала власть, лишенную авторитета. Было только тридцать семь голосующихъ. Были избраны Ранвье, Антуанъ Арно, Лео Мелье, Ш. Жерарденъ, Феликсъ Піа. Распространители тревожныхъ слуховъ могли успокоиться. Единственный, обладавшій настоящей энергіей, Ранвье, человѣкъ прямой и съ горячимъ сердцемъ, находился во власти своей доброты, испорченной слабостью.

Отчетъ объ этомъ засѣданіи появился въ очень сокращенномъ видѣ въ „*Оффисіель*“, который включилъ, однако, мотивированныя мнѣнія. Друзья коммуны, храбрецы траншей, фортовъ, сраженій, узнали тогда, что въ думѣ было свое меньшинство. Оно утвердилось какъ разъ въ то время, когда версальцы открыли свои южныя батареи. Это меньшинство, которое заключало въ себѣ, за десятью исключеніями приблизительно, самыхъ интеллигентныхъ, самыхъ просвѣщенныхъ членовъ коммуны,—никогда не умѣло войти въ положеніе вещей [1]). Главнымъ заблужденіемъ была вѣра въ прочность своего положенія,—вѣра настолько сильная, что уплата прежнихъ долговъ коммунѣ была отложена на три года; меньшинство, все еще не отказавшееся отъ преувеличеній, никогда не хотѣло понять, что коммуна была только баррикадой. Нѣкоторые носили свои принципы на щитѣ, какъ голову Медузы, и не сдѣлали бы уступокъ даже для побѣды; они говорили: „Мы были на сторонѣ свободы во время имперіи, ради власти мы не отречемся отъ самихъ себя“.

Даже въ изгнаніи нѣкоторые утверждали, что коммуна погибла изъ-за своихъ самовластныхъ стремленій. Вмѣсто того, чтобы примѣнять свой умъ для побѣды надъ большинствомъ, для примиренія

---

[1]) Меньшинство заключало въ себѣ, по крайней мѣрѣ, 22 члена: Андріе, Арнольдъ, Артуръ Арну, Авріаль, Белэ, Клемансъ, В. Клеманъ, Курбе, Франкель, Э. Жерарденъ, Журдъ, Лефрансэ, Лонге, Малонъ, Остенъ, Серралье, Тейсъ, Тридонъ, Валлесъ, Варленъ, Верморель.

съ обстоятельствами и слабостями своихъ товарищей, они погрузились въ свои автономистскіе принципы, ожидая, что всѣ къ нимъ присоединятся, какъ это сдѣлалъ Тридонъ. Осада познакомила съ нимъ народную массу.

Его статьи въ газетѣ „*Отечество въ опасности*“, равныя статьямъ Бланки по своей яркой силѣ, его изящная и язвительная рѣчь въ общественныхъ собраніяхъ, доставили ему шестьдесятъ пять тысячъ голосовъ въ февралѣ. Выбранный въ Котъ-д-Оръ, гдѣ у него были большія земли, онъ покинулъ Бордосское собраніе послѣ неправильнаго голосованія. Въ думѣ онъ говорилъ рѣдко и порывами; столь же разсудительный, какъ и революціонно настроенный, онъ питалъ отвращеніе къ хвастунамъ, и когда онъ увидѣлъ пустоту романтиковъ, несостоятельность своихъ прежнихъ друзей бланкистовъ, онъ порвалъ съ ними и никого не увлекъ за собой. Его вспыльчивый, недовѣрчивый характеръ, ожесточенный вдобавокъ тяжкой болѣзнью, отъ которой онъ умеръ вскорѣ послѣ гибели коммуны, завѣщавъ свое состояніе въ пользу дѣла, дѣлалъ его неспособнымъ увлекать умы.

Эта роль искушала Вермореля. Заключенный въ темницу послѣ 31-го октября, онъ бросилъ вызовъ людямъ 48-го года, требуя, чтобы они теперь, когда въ ихъ рукахъ были документы имперіи, обосновали клеветы, которыми они его преслѣдовали. Послѣ осады, охваченный сильной грустью, какъ и многіе другіе, онъ удалился къ своей матери въ провинцію, и монмартрскіе избиратели отправились за нимъ туда. Атмосфера соціальной битвы опять воодушевила его; онъ очертя голову ей отдался. Болѣе чѣмъ кто-либо дѣятельный и трудолюбивый, онъ уходилъ изъ совѣта только на аванпосты. Много разъ распространялся слухъ о его смерти. Несмотря на это счастливое сочетаніе здраваго смысла и храбрости, онъ не могъ добиться вліянія. Его внѣшность губила его. Чрезмѣрно высокій, неловкій, съ робкими движеніями, съ фигурой и волосами семинариста, съ бѣглою рѣчью, которая, казалось, боролась съ его мыслью, онъ совершенно не умѣлъ привлекать людей.

Большинство располагало многими серьезными людьми, которыхъ могла бы привлечь на свою сторону ясная и благородная программа; педантичность меньшинства отталкивала такихъ людей.

Изворотливость Піа довершала остальное.

Болѣзнь Делеклюза, который часто находился въ постели, предоставляла полную свободу его ухищреніямъ. Делеклюзъ говорилъ только въ пользу объединенія; Піа предпочелъ бы смерть коммуны ея спасенію тѣми, которыхъ онъ ненавидѣлъ. А онъ ненавидѣлъ всѣхъ, кто смѣялся надъ его глупостями. Для него было неважно лишить собраніе уваженія, если только онъ могъ отомстить за свою оскорбленную гордость. Онъ умѣлъ нагло лгать, пустить въ ходъ подлую клевету, затѣмъ вдругъ смягчиться, раскрыть объятія, воскликнуть: „Обнимемся!“

Въ своей газетѣ онъ инсинуировалъ, что Журдъ не платитъ по своимъ счетамъ, и, получивъ пощечину отъ Журда, ручался честью, что не хотѣлъ его задѣть. Теперь онъ обвинялъ Вермореля въ томъ, что онъ продалъ свою газету „*Французскій Курьеръ*“ имперіи, предложивъ ее сначала орлеанистамъ. Его никогда не видали на аванпостахъ, но своею походкою стараго селадона онъ скользилъ по коридорамъ, по комиссіямъ, иногда съ ласковымъ, заигрывающимъ видомъ, иногда съ патріархальнымъ.

„Коммуна—это мое дитя! Я оберегалъ ее двадцать лѣтъ, я вскормилъ, я качалъ ее“.

Если его послушать, ему были обязаны 18-мъ марта. „У меня нѣтъ“,—говорилъ онъ,—„энергіи Марата, но у меня есть его осторожность, я другъ народа“. И онъ не зналъ,—до того велико было его невѣжество,—что свойствами Марата были здравый революціонный смыслъ и ясность ума, что Маратъ былъ вѣрный вождь народа и не уклонялся отъ смерти.

Бланкисты исподтишка смѣялись надъ Піа, но они пользовались имъ, чтобы сдерживать романтиковъ и обуздывать соціалистовъ, слишкомъ большихъ спорщиковъ. Съ этихъ поръ разногласія перешли во вражду. Залъ засѣданій былъ невеликъ, съ плохой вентиляціей и безпокоенъ, вслѣдствіе шума извнѣ; воздухъ скоро нагрѣвался, что вызывало лихорадочное возбужденіе среди присутствующихъ. Раздоръ—источникъ пораженія—разгорался.

Онъ прекратился, тѣмъ не менѣе,— пусть народъ знаетъ это такъ же хорошо, какъ ихъ ошибки,—когда они подумали о народѣ, когда ихъ душа возвысилась надъ злосчастными личными ссорами. Они

слѣдовали за гробомъ философа Пьера Леру, который защищалъ инсургентовъ въ іюнѣ, дали приказаніе разрушить церковь Бреа, воздвигнутую въ память измѣнника, наказаннаго по справедливости, церковь искупительнаго памятника, оскорбляющую республику, и облагородили площадь Италіи именемъ Дюваля.

Всѣ соціалистическіе декреты прошли единогласно, такъ какъ, при всемъ ихъ стремленіи къ разногласіямъ, они были всѣ соціалистами.

Совѣтъ былъ единодушенъ, когда потребовалось изгнать двухъ его членовъ, уличенныхъ въ прежнемъ вѣроломствѣ [1]).

И никто, даже во время самой сильной опасности, не рѣшился заикнуться о капитуляціи.

---

[1]) Бланше экс-капуцинъ, банкротъ; Эмиль Клеманъ, который во время имперіи предлагалъ свои услуги полиціи. Рауль Риго внимательно изслѣдовалъ документы префектуры.

ГЛАВА XX.

Россель замѣщаетъ Клюзере.—Разгорается соперничество.—Раздоры въ коммунѣ.—Россель идетъ по стопамъ Клюзере.—Оборона форта Исси.

Послѣднимъ дѣйствіемъ второй исполнительной комиссіи было назначеніе Росселя делегатомъ военнаго министерства. Вечеромъ 30-го числа она послала за нимъ. Онъ прибѣжалъ, разсказалъ исторію знаменитыхъ осадъ, далъ обѣщаніе сдѣлать Парижъ неприступнымъ, очаровалъ тѣхъ самыхъ людей, которые думали держать его взаперти. Никто не потребовалъ у него разработаннаго плана, и тутъ же во время засѣданія состоялось его назначеніе. Онъ написалъ коммунѣ: „*Я принимаю эти трудныя обязанности, но я нуждаюсь въ самомъ энергичномъ вашемъ содѣйствіи, чтобы не пасть подъ тяжестью обстоятельствъ*“.

Росселю эти обстоятельства были хорошо извѣстны. Будучи уже двадцать пять дней начальникомъ главнаго штаба, онъ лучше, чѣмъ кто-либо другой въ Парижѣ, зналъ состояніе находящихся въ распоряженіи города военныхъ силъ. Онъ зналъ почти всѣхъ членовъ коммуны, центральнаго комитета, главныхъ офицеровъ, наличный составъ войскъ, характеръ войскъ, предводительство надъ которыми онъ принималъ. Онъ началъ съ безтактнаго заявленія, отвѣчая версальскому офицеру, который предъявилъ требованія форту Исси: „*Дорогой товарищъ, въ первый же разъ, какъ вы себѣ позволите послать намъ столь оскорбительное требованіе, я прикажу разстрѣлять вашего парламентера... Преданный вамъ товарищъ*“... Эта развязность пахла кондотьеромъ. Онъ не прислушивался къ душѣ

Парижа, этого великаго города, этотъ человѣкъ, угрожающій разстрѣлять невиннаго, посылающій слова „*дорогой*“, „*преданный*“ товарищъ—сотруднику Галлифе.

Никто не былъ болѣе далекъ отъ города, отъ національной гвардіи. Онъ воображалъ, что газета „*Père Duchêne*“ была голосомъ рабочаго, и совѣщался съ ея редакторомъ Вермешемъ, человѣкомъ, скептически настроеннымъ и тщеславнымъ. Едва вступивъ въ министерство, онъ говорилъ о томъ, что нужно помѣстить въ казармы національную гвардію, стрѣлять въ бѣглецовъ. Онъ хотѣлъ раздѣлить легіоны, сдѣлать изъ нихъ полки, которымъ онъ самъ бы назначалъ полковниковъ. Центральный комитетъ протестовалъ, батальоны пожаловались коммунѣ, которая призвала Росселя. Онъ явился 2-го мая и подвергся своего рода экзамену. Допотопный Міо задалъ ему вопросъ, каково было его демократическое прошлое. „Я васъ не буду увѣрять“,—отвѣтилъ Россель,—„въ томъ, что я глубоко изучилъ соціальныя реформы, но меня ужасаетъ это общество, которое такъ подло предало Францію. Я не знаю, каковъ будетъ новый соціалистическій порядокъ; я люблю его, довѣряя ему, онъ во всякомъ случаѣ будетъ цѣннѣе стараго порядка“. Послѣ этого онъ началъ говорить по существу, далъ объясненія относительно форта Исси, представилъ свой проектъ образованія полковъ тономъ спеціалиста, въ сдержанной рѣчи, мѣстами такъ удачно построенной, что собраніе было увлечено имъ. „Ваши искреннія объясненія удовлетворили коммуну“,—сказалъ ему предсѣдатель,—„будьте увѣрены въ ея безусловномъ содѣйствіи“.

Центральный комитетъ не счелъ себя побѣжденнымъ; на другой день, сговорившись съ начальниками легіоновъ, онъ послалъ ихъ въ думу. Россель провѣдалъ объ этомъ планѣ и приказалъ арестовать одного изъ нихъ. Остальные явились въ комитетъ общественнаго спасенія съ саблями на боку и, не найдя никого, оставили слѣдующую маленькую записку: „Комитетъ общественнаго спасенія приметъ центральный комитетъ въ пять часовъ“. Феликсъ Піа вернулся, нашелъ это требованіе и явился, въ смущеніи, къ коммунѣ съ вопросомъ, что дѣлать. Коммуна возмутилась оскорбительнымъ поведеніемъ центральнаго комитета и отвѣтила, что комитетъ общественнаго спасенія вооруженъ властью и можетъ ему отвѣтить.

Но комитетъ общественнаго спасенія отнюдь не хочетъ принять на себя отвѣтственность. На другой день онъ снова спрашиваетъ совѣта по поводу нѣкоего проекта соглашенія, представленнаго коммунѣ и Версалю добрѣйшей „Лигой парижскихъ правъ“. „Я удивляюсь“,—говоритъ Паскаль Груссе,—„что комитетъ общественнаго спасенія прочелъ намъ этотъ оскорбительный ультиматумъ; единственный достойный отвѣтъ на него—это арестъ и наказаніе его авторовъ“; онъ высказывается за выговоръ комитету. „Пусть онъ будетъ уничтоженъ!“—говоритъ другой. „Отнынѣ“,—говоритъ Раннье,—„мы будемъ принимать рѣшенія, не совѣтуясь съ вами“. Коротко говоря, коммуна еще ссылается на декретъ, который предоставляетъ комитету полную власть. Феликсъ Піа немедленно подаетъ въ отставку. Тридонъ обрываетъ его. „Гражданинъ Піа“,—говоритъ Жоаннаръ,—„былъ однимъ изъ главныхъ зачинщиковъ въ этомъ комитетѣ, я предлагаю сдѣлать выговоръ гражданину Піа, который ежедневно подаетъ въ отставку, чтобы снова и снова сюда возвращаться“. Піа отвѣчаетъ: „Я встрѣчаю здѣсь вражду чисто личнаго характера“. Валлесъ восклицаетъ: „На мѣстѣ Піа я бы не сложилъ съ себя должности“. Піа говоритъ: „Хорошо! Я требую искренности. Пусть тѣ, кто напали на меня, пусть граждане Тридонъ, Жоаннаръ, Верморель возьмутъ свои оскорбленія обратно, и я не сохраню никакого воспоминанія объ этомъ грустномъ инцидентѣ (его прерываютъ возгласы); я требую, чтобы все было уничтожено, покончено, пусть прошедшее будетъ прошедшимъ“. Верморель отвѣтилъ: „Нужно, чтобы все было взаимно. Я открыто заявилъ о своей симпатіи къ гражданину Піа 31-го октября. Когда онъ, тогда еще впервые, подалъ въ отставку, я не нашелъ для этого никакого основанія, я высказалъ это. Когда дѣло шло о томъ, чтобы закрыть газету „*Общественное благо*“, гражданинъ Піа поддерживалъ здѣсь это закрытіе, а въ своей газетѣ протестовалъ противъ него; я отмѣтилъ это противорѣчіе; вмѣсто отвѣта гражданинъ Піа обвинилъ меня въ томъ, что я имѣю сношенія съ Руе, монмартрскіе избиратели потребовали отъ меня объясненій; они послали меня сюда, зная, что я совершенно чистъ. Нужно, чтобы собраніе, наконецъ, узнало объ этомъ; существуетъ докладъ Меркадье (Его прерываютъ). Я хочу объясниться... Въ документахъ 4-го сентября найдена корреспонденція Руе, гдѣ онъ выра-

жаетъ сожалѣніе о томъ, что я былъ приговоренъ только къ пяти стамъ франковъ штрафа за газетную статью; это казалось ему скандальнымъ. Гражданинъ Піа нашелъ докладъ Меркадье, въ которомъ онъ говоритъ, что я, „какъ извѣстно“, агентъ Руе. И это на основаніи донесеній нѣкоего Люсьена Мореля, ничтожнаго негодяя, котораго я уже указалъ моимъ друзьямъ. Если бы Піа попросилъ у меня объясненій, я бы ихъ ему далъ“.—Малонъ говоритъ: „Я былъ однимъ изъ членовъ жюри при разбирательствѣ дѣла между Рошфоромъ и Верморелемъ, я утверждаю, что я никогда не видалъ данныхъ, позволяющихъ говорить о Верморелѣ, какъ объ агентѣ Руе. Многочисленные голоса: „Довольно! довольно!“ Тридонъ и Жоаннаръ говорятъ,—одинъ—что онъ вспылилъ; другой—что онъ неоскорбилъ Піа. Послѣдній отвѣчаетъ, что его только что обвинили въ подлости, что по отношенію къ его отставкѣ употребили слово отступничество, что Верморель втиснулъ въ газету Рошфора клевету,—онъ имѣетъ въ виду инцидентъ съ угольнымъ судномъ,—и заканчиваетъ рѣчь: „Я требую, чтобы коммуна открыто объявила, что я честный человѣкъ“. Со всѣхъ сторонъ раздаются голоса: „Эти пренія очень прискорбны“. Піа подымается. Крики: „Порядокъ дня!“ Инцидентъ Піа-Вермореля рѣшено не опубликовывать въ „*Оффисіель*“. Отчеты, публиковавшіеся въ „*Оффисіель*“ съ самаго начала, являлись, по большей части, въ укороченномъ, подчищенномъ видѣ, который давалъ весьма блѣдный отблескъ преній. Продолжали еще препираться, когда явился Мортье и разсказалъ о неожиданномъ случаѣ въ Муленъ-Саке. Утомленные, не имѣя хорошихъ начальниковъ, федералисты не были готовы ко всевозможнымъ случайностямъ. Самая ужасная имѣла мѣсто какъ разъ въ ночь съ 3-го на 4-ое на редутѣ Муленъ-Саке, занятомъ въ это время пятью стами человѣкъ. Они спали въ палаткахъ, когда версальцы, устранивъ стражу, проникли въ редутъ и перебили человѣкъ пятьдесятъ федералистовъ. Солдаты изрѣзали трупы, забрали пять пушекъ и двѣсти плѣнныхъ. Начальникъ 55-го отряда былъ осужденъ за то, что выдалъ лозунгъ.

Собраніе образовало изъ себя секретный комитетъ и призвало Росселя. Онъ является, описываетъ положеніе Исси, говоритъ, что неожиданный случай въ Муленъ-Саке является дѣломъ комитета общественнаго спасенія, который приказалъ Вроблевскому и Домбров-

скому двинуться къ форту Исси; онъ читаетъ депешу Вроблевскаго. Вообще же, это не единственная ошибка комитета. Домбровскій получилъ, безъ вѣдома Росселя, главное управленіе военными дѣйствіями и долженъ былъ оставить Нейли въ рукахъ человѣка смѣлаго, но неудовлетворительнаго начальника, который и допустилъ, чтобы его обошли. „При этихъ условіяхъ“,—оканчиваетъ свою рѣчь Россель,—„я не могу взять на себя отвѣтственности, и я требую, чтобы засѣданія происходили публично“. Феликсъ Піа говоритъ: „Мой отвѣтъ очень простъ; ни комитетъ общественнаго спасенія, ни я самъ не подписали приказа Вроблевскому отправиться въ фортъ Исси; единственная революціонная мѣра, предпринятая нами, это уничтоженіе Парижской площади“. Россель восклицаетъ: „Это разрушительная мѣра; гражданинъ Піа не сказалъ еще, предоставилъ ли онъ Домбровскому полную власть въ выполненіи военныхъ операцій“.—Піа: „Выполненіе да, но управленіе оставалось довѣреннымъ гражданину Росселю“.

Во время ночного засѣданія Тридонъ заявилъ, что считаетъ весьма серьезными факты, разоблаченные Росселемъ; Верморель говоритъ, что комитетъ общественнаго спасенія не что иное, какъ комитетъ противодѣйствія; Феликсъ Піа дѣлаетъ формальный доносъ на отсутствующаго Росселя. Артуръ Арну говоритъ: „Если комитетъ не давалъ распоряженій, такъ какъ Россель отрицаетъ, что таковыя были даны, то какимъ же образомъ Домбровскій и Вроблевскій не арестованы?“ Піа продолжаетъ отрицать; Верморель доказываетъ, что комитетъ превысилъ свои полномочія. Пренія, очень оживленныя, кончаются только въ половинѣ перваго ночи.

Они продолжаются на слѣдующій день. Арну читаетъ копію приказа, посланнаго Вроблевскому. Приказъ подписанъ: Лео Мелье, А. Арно, Феликсъ Піа. Лео Мелье защищается побочными соображеніями: „Не смѣщеніе Вроблевскаго было причиной неожиданнаго нападенія, а измѣна“.—Авріаль: „Здѣсь замѣшана ложь, которую нужно разоблачить“. Посылаютъ за Феликсомъ Піа. Въ промежуткѣ Паризель требуетъ къ отвѣту тайный комитетъ и говоритъ: „Я могу сейчасъ же“... Протоколъ здѣсь прерывается. 23-го апрѣля этотъ оригиналъ Паризель потребовалъ, чтобы коммуна, употребляя всѣ средства науки въ борьбѣ съ версальцами, образовала изъ компетентныхъ людей

новое министерство, которое Алликсъ, въ экстазѣ, назвалъ „министерствомъ прогресса“, что вызвало много смѣха. Паризель заявляетъ, что необходимъ энергичный человѣкъ, чтобы произвести разслѣдованіе. Является Феликсъ Піа. Ему говорятъ о бумагѣ, посланной Домбровскому. „Я признаюсь“,—говоритъ онъ,—„къ своему стыду, что я ничего не помню объ этой бумагѣ“. Ему кладутъ ее передъ глазами: „Это ваша подпись, не правда ли?“—Піа заявляетъ: „Я не думалъ, написавъ двѣ строчки внизу на бумагѣ, что я подписываю приказъ Вроблевскому“. Артуръ Арну читаетъ множество военныхъ приказовъ, посланныхъ комитетомъ общественнаго спасенія. Ланжевенъ говоритъ: „Пусть собраніе рѣшитъ, въ какой степени можетъ оно довѣрять комитету, который рѣшительно отрицалъ, что онъ давалъ приказанія, отрицать которыя сегодня уже невозможно“.—Ж.-Б. Клеманъ: „Нельзя быть столь безпамятнымъ, гражданинъ Феликсъ Піа; я былъ бы того мнѣнія, что вамъ слѣдуетъ подать въ отставку“. Піа говоритъ: „Я подалъ уже... и я умоляю собраніе принять ее... вообще, такъ какъ сегодня вы уже не можете мнѣ вѣрить, я принужденъ отказаться отъ обязанностей, которыя вы мнѣ довѣрили“. Ферре требуетъ, чтобы призвали всѣхъ членовъ комитета общественнаго спасенія. Пренія принимаютъ двойственный характеръ. „А гдѣ Клюзере?“—Піа: „Я не знаю, это орѣхъ, исчезнувшій въ бокалѣ фокусниковъ исполнительной комиссіи“.—Андріе, одинъ изъ членовъ этой комиссіи возражаетъ: „Это у комитета общественнаго спасенія должны мы требовать отчета“.—Піа говоритъ: „Нѣтъ, вы должны дать въ этомъ отчетъ“. (Продолжительный шумъ).

Пока препирались въ думѣ, Версаль торжествовалъ по поводу бойни въ Муленъ-Саке; г. Тьеръ объявилъ объ этомъ „элегантномъ внезапномъ нападеніи“—на основаніи письма одного изъ его офицеровъ—въ шутливой депешѣ, гдѣ онъ говорилъ, что „убиты двѣсти человѣкъ, остальные бѣжали такъ скоро, какъ только ихъ ноги могли ихъ унести; такова побѣда, о которой коммуна можетъ сообщить въ своихъ бюллетеняхъ“. Плѣнные, уведенные въ Версаль, были запачканы грязью этой толпой, которая бѣжала за каждымъ шествіемъ, чтобы покрыть ударами и плевками защитниковъ Парижа. Она была вся какъ разъ настолько смѣла, чтобы слушать выстрѣлы пушекъ, бомбардировавшихъ Исси.

Версальцы снова начали стрѣлять съ яростью. Гранаты прорывали помѣщенія, превращали въ порошокъ каменныя прикрытія; мортирки, стрѣлявшія картечью, покрывали желѣзомъ траншеи. Часть деревни Исси находилась во власти солдатъ. Въ ночь съ 1-го на 2-ое, подвигаясь впередъ всегда путемъ неожиданныхъ ночныхъ нападеній, они атаковали вокзалъ Кламаръ, который былъ взятъ почти безъ сопротивленія, и замокъ Исси, который пришлось брать шагъ за шагомъ. 2-го, утромъ, фортъ былъ въ томъ же скверномъ положеніи, какъ и два дня тому назадъ. Днемъ батальонъ *парижскихъ вольныхъ стрѣлковъ* выбилъ ихъ оттуда въ штыки. Эдъ объявилъ военному министерству, что онъ не останется, если Ветцель не будетъ смѣщенъ. Ветцель былъ смѣненъ Ла-Сесиліа. Эдъ оставилъ команду своему начальнику главнаго штаба и не вернулся назадъ. Несмотря на это небреженіе, Россель назначилъ его начальникомъ 2-го дѣйствующаго резерва.

Вскорѣ стало очевиднымъ, что при Росселѣ, несмотря на его причуды, все будетъ продолжаться въ томъ же видѣ, какъ и при Клюзере. Россель, правда, требовалъ, чтобы муниципальнымъ властямъ было предписано достать оружіе, улучшить состояніе лошадей, преслѣдовать бѣглецовъ; но онъ не указалъ ни одного пути для осуществленія всего этого. Онъ далъ приказъ соорудить вторую линію загражденій изъ баррикадъ и трехъ цитаделей на Монмартрѣ, Трокадеро и Пантеонѣ, которыя могли сдѣлать Парижъ недоступнымъ для врага; но самъ онъ не пошевельнулъ и пальцемъ. Онъ расширилъ власть Вроблевскаго, подчинивъ послѣднему всѣ войска и форты лѣваго берега, но черезъ три дня снова отобралъ у него эту власть по частямъ. Генераламъ онъ не давалъ никакихъ инструкцій для атаки и для обороны. Не чаще своего предшественника посылалъ коммунѣ донесенія. Не болѣе, чѣмъ Клюзере, умѣлъ онъ указать этой борьбѣ безъ прецедентовъ новую тактику, найти поле битвы этимъ импровизированнымъ солдатамъ. Сильная голова, которую за нимъ всѣ признавали, была, на самомъ дѣлѣ, головою человѣка школы, мечтающаго о правильно построенномъ сраженіи, солдата съ выучкой, оригинальнаго только по своей манерѣ держать себя и по своему стилю. Онъ вѣчно жаловался на недостатокъ дисциплины, людей и допускалъ лучшую кровь Парижа проливаться

въ безплодныхъ сраженіяхъ внѣ города, въ героическихъ вылазкахъ при Нейли, Ванвѣ, Исси. Главнымъ образомъ при Исси. Это уже не былъ фортъ, едва ли даже сильная позиція, — это была груда земли и камней, взрытая гранатами. Изъ разбитыхъ казематовъ можно было видѣть поле; пороховые погреба раскрылись; половина 3-го бастіона была во рву; можно было подняться къ бреши въ колескѣ. Около двѣнадцати орудій отвѣчало на градъ выстрѣловъ шестидесяти версальскихъ жерлъ; стрѣльба съ непріятельскихъ траншей, направленная противъ амбразуръ, убила почти всѣхъ артилеристовъ. 3-го версальцы возобновили свое требованіе, имъ отвѣтили словами Камброна. Начальникъ главнаго штаба, оставленный Эдомъ, бѣжалъ. Фортъ остался въ доблестныхъ рукахъ двухъ благородныхъ людей, инженера Риста и Жюльена, начальника 141-го батальона XI-го округа. Имъ и тѣмъ федералистамъ, которыхъ они сумѣли удержать, принадлежитъ честь этой замѣчательной обороны. Вотъ нѣсколько выдержекъ изъ ихъ журнала:

„4-го.—Въ насъ стрѣляютъ разрывными снарядами, которые взрываются съ трескомъ, подобнымъ треску разбиваемой капсюли. Фургоны не прибываютъ; провіанта мало и скоро не хватитъ снарядовъ для семифунтовыхъ гаубицъ, нашихъ лучшихъ орудій. Подкрѣпленія, которыя намъ обѣщаютъ каждый день, не показываются. Два начальника батальоновъ отыскали Росселя. Онъ ихъ принялъ очень плохо и сказалъ имъ, что онъ имѣлъ бы право ихъ разстрѣлять за то, что они покинули свой постъ. Они описали наше положеніе. Россель отвѣтилъ, что фортъ можетъ защищаться штыками; цитировалъ трудъ Карно. Тѣмъ не менѣе онъ обѣщалъ подкрѣпленія. Масоны явились водрузить знамя на нашихъ валахъ. Версальцы сбиваютъ его. Наши госпитали переполнены; тюрьма и коридоръ, который къ ней ведетъ, загромождены трупами; ихъ больше трехсотъ. Омнибусъ походнаго госпиталя прибываетъ вечеромъ. Мы сложимъ туда кучами по возможности больше нашихъ раненыхъ. Версальцы осыпаютъ пулями переѣздъ изъ форта въ деревню Исси“.

„5-го.—Огонь врага не прекращается ни на минуту. Наши амбразуры уже не существуютъ; орудія фронта продолжаютъ отвѣчать. Въ два часа мы получаемъ десять фургоновъ съ семифунтовыми гранатами. Россель явился. Онъ долго разсматривалъ версальскія ра-

боты. Прислуга при орудіяхъ 5-го бастіона терпитъ большія потери, но твердо остается на своемъ посту. Теперь въ темницахъ навалены трупы сплошной грудой до двухъ метровъ высотой. Всѣ наши траншеи, обстрѣлянныя артиллеріей, очищены. Траншея версальцевъ находится въ 60-ти метрахъ отъ контрескарпа. Они все больше приближаются. Необходимыя предосторожности приняты на случай атаки въ ближайшую ночь. Всѣ орудія фланговъ заряжены картечью. У насъ двѣ митральезы внѣ валгановъ, чтобы разомъ обстрѣливать ровъ и гласисъ“.

„6-го.—Батарея Флери посылаетъ намъ регулярно свои шесть выстрѣловъ въ каждыя пять минутъ. Несутъ въ госпиталь маркитантку, которая получила пулю въ пахъ съ лѣвой стороны. Вотъ уже четыре дня, какъ три женщины идутъ въ самый сильный огонь, чтобы подбирать раненыхъ. Эта женщина умираетъ и поручаетъ намъ своихъ двухъ маленькихъ дѣтей. Больше нѣтъ провіанта. Мы ѣдимъ только лошадей. Вечеръ, валъ не можетъ больше держаться. Въ тотъ же день Ранвье сообщаетъ коммунѣ, что въ Ванвъ смятеніе, получены также очень дурныя вѣсти относительно форта Исси; высказывается сожалѣніе, что орудія на валу Вожирара и Монружъ не содѣйствуютъ форту. Паризель проситъ, чтобы ему прислали шесть семифунтовыхъ орудій и разрѣшили перевезти на батарею флотскія орудія бастіона. Ему возражаютъ, что комитетъ общественнаго спасенія одинъ уполномоченъ давать военныя распоряженія“.

На другой день журналъ форта сообщаетъ:

„7-го.—Мы получаемъ до десяти гранатъ въ минуту. Валы совершенно безъ прикрытія. Всѣ орудія, кромѣ трехъ, подбиты. Прибавилось тридцать труповъ. Намъ сообщили о смерти Ветцеля; нѣкоторые говорятъ, что онъ получилъ пулю въ спину. Теперь насъ окружаютъ“...

ГЛАВА XXI.

„Величайшая изъ всѣхъ гнусностей, занесенныхъ на страницы исторіи, совершается въ данный моментъ: Парижъ подвергается бомбардировкѣ“.

(Трошю, Жюль Фавръ. Э. Пикаръ, Жюль Симонъ, Жюль Ферри, Э. Араго, Гарнье-Пажесъ, Пелльтанъ).

„*Это значитъ оклеветать правительство, какимъ бы оно ни было, если предположить, что оно можетъ, хотя бы одинъ день, хотѣть удержаться, бомбардируя столицу*“.

(Тьеръ. Проектъ закона объ укрѣпленіяхъ Парижа. Декабрь 1840).

„Мы сокрушили цѣлый кварталъ Парижа“.

(Рѣчь Тьера въ національномъ собраніи 5-го августа 1871).

Парижъ подвергается бомбардировкѣ.—Фортъ Исси взятъ.—Коммуна обновляетъ свой комитетъ общественнаго спасенія.—Бѣгство Росселя.

Изъ этой героической атмосферы нужно вернуться къ спорамъ коммуны и центральнаго комитета. Жаль, что они не ведутъ своихъ засѣданій на Ла-Мюэттъ. Гранаты Монтрету, открывшаго свою могущественную батарею, возвратили бы ихъ безъ сомнѣнія къ борьбѣ противъ общаго врага. Началось наступленіе съ осадными орудіями. 8-го мая, утромъ, семьдесятъ орудій флота начали сокрушать ограду, начиная съ 60-го бастіона до Пуанъ-дю-Журъ. Гранаты Кламара достигали набережной Жавель, а баттарея Бретейля покрывала снарядами кварталъ Гренелль. Въ нѣсколько часовъ половина Пасси сдѣлалась непригодной для жительства. Г-нъ Тьеръ сопровождалъ свои гранаты воззваніемъ: „Парижане, правительство не будетъ бом-

бардировать Парижа, какъ вамъ не преминутъ заявить люди изъ коммуны. Оно убереть пушки... Оно знаетъ, и оно было бы увѣрено, если бы вы даже не заявляли объ этомъ со всѣхъ сторонъ, что, какъ только солдаты переступятъ ограду, вы соединитесь у національнаго знамени". И онъ приглашалъ парижанъ открыть ему ворота. Что же противопоставила коммуна этому призыву къ измѣнѣ? 7-го не всѣ въ сборѣ; послѣдніе, оказавшіеся на своемъ посту, отпускали стенографовъ, секретарей и подписывали протоколъ, что они не въ полномъ составѣ. 9-го придираются къ секретарю Амуру за его отчеты въ „*Оффисіель*". Это уже не первый разъ, и 1-го мая онъ напрямикъ отвѣтилъ: „Если я уничтожаю половину отчета, это дѣлается въ интересахъ коммуны, чтобы уничтожить глупости". Теперь онъ менѣе рѣзокъ, „каждый членъ могъ бы явиться и перечитать все, что къ нему относится, мы часто вынуждены дѣлать сокращенія". „Отчего бы не отмѣнить публичность засѣданій?"—предлагаетъ одинъ изъ большинства, забывая, что пять дней тому назадъ было постановлено допущеніе публики и дано порученіе комиссіи найти помѣщеніе. Продолжаются жалобы на центральный комитетъ, присваивающій себѣ функціи военной комиссіи. „Вамъ это я говорю, комитетъ общественнаго спасенія",—восклицаетъ Журдъ,—„вы ввели волка въ овчарню". Феликсъ Піа обвиняетъ Росселя.

Начиная съ засѣданія 4-го числа, онъ не переставалъ подкапываться подъ него, пуская въ ходъ весь свой несравненный талантъ. „Вы видите этого человѣка",—говорилъ онъ романтикамъ.—„Такъ вотъ! Это измѣнникъ! цезаристъ! послѣ плана Трошю планъ Росселя". По поводу текущихъ событій онъ замѣчаетъ: „Это не вина комитета общественнаго спасенія, если у Росселя нѣтъ ни силы ни ума, чтобы удержать центральный комитетъ при его полномочіяхъ". Режеръ говоритъ: „Центральный комитетъ есть необходимое зло". Журдъ не можетъ перенести, что комитетъ вмѣшивается въ его службу. Потерявъ постъ главы финансоваго вѣдомства во время учрежденія комитета общественнаго спасенія, Журдъ сказалъ: „Я оставляю моему преемнику больше денегъ, нежели я когда-либо имѣлъ; у него будетъ весьма удобное положеніе". Впослѣдствіи онъ былъ вынужденъ весьма лестной баллотировкой снова вступить на свой постъ.

Коммуна имѣла нѣкоторое основаніе безпокоиться изъ-за цен-

тральнаго комитета; въ этотъ моментъ происходили странныя сцены въ военномъ вѣдомствѣ. Начальники легіона, которые все болѣе возбуждались противъ Росселя, постановили въ этотъ день потребовать отъ него отчета о всѣхъ постановленіяхъ, которыя онъ готовилъ для національной гвардіи. Россель узналъ объ ихъ планѣ, и, когда они явились въ министерство, они нашли во дворѣ вооруженный взводъ. Делегатъ изъ своего окна глядѣлъ на нихъ: „Вы смѣлы“,— сказалъ онъ имъ. — „Знаете ли вы, что этотъ взводъ находится здѣсь, чтобы васъ разстрѣлять?“ Они отвѣтили, не очень волнуясь: „ Здѣсь не нужна смѣлость; мы пришли просто для того, чтобы поговорить съ вами объ организаціи національной гвардіи“. Россель уступилъ и сказалъ: „Пусть взводъ удалится!“ Эта шуточная демонстрація оказала свое дѣйствіе. Начальники легіона оспаривали проектъ организаціи полковъ, доказывали его неосуществимость. Россель усталъ отъ споровъ: „Я хорошо знаю, что у меня нѣтъ силы, но я утверждаю, что и у васъ нѣтъ ея... Вы оспариваете это?.. Отлично! докажите мнѣ. Завтра, въ одиннадцать часовъ, приведите мнѣ на площадь Согласія двѣнадцать тысячъ человѣкъ, и я кое-что попробую“. Онъ хотѣлъ повести атаку на Кламарскій вокзалъ. Начальники легіоновъ обѣщали и всю ночь бѣгали, чтобы соединить батальоны.

Во время этихъ столкновеній фортъ Исси былъ очищенъ. Онъ изнемогалъ уже начиная съ утра. Всѣ, кто находились при орудіяхъ, были убиты. Къ вечеру офицеры сошлись и увидѣли, что держаться больше невозможно; ихъ подчиненныхъ гнали со всѣхъ сторонъ гранаты; они толпились подъ сводомъ входа; граната съ Муленъ-де-Пьеръ упала среди толпы и убила шестнадцать человѣкъ. Ристъ, Жюльенъ и многіе, которые, несмотря ни на что, хотѣли упорно держаться въ этихъ развалинахъ, были вынуждены уступить. Къ семи часамъ началось очищеніе; комендантъ Лисбоннъ, очень храбрый человѣкъ, высказался за отступленіе, которое совершилось подъ выстрѣлами.

Черезъ нѣсколько часовъ версальцы перерѣзали Сену, утвердились передъ Булонь и противъ бастіоновъ Пуанъ-дю-Журъ, и провели траншею въ трехстахъ метровъ отъ ограды. Всю эту ночь и утро военное министерство и комитетъ общественнаго спасенія не знали объ очищеніи форта. 9-го, въ полдень, батальоны, которыхъ требо-

валъ Россель, выстроились на площади Согласія. Россель явился верхомъ, быстро объѣхалъ ряды, бросилъ начальникамъ легіона слова: „Здѣсь не хватаетъ, по моему счету“ и повернулъ назадъ. Онъ не хотѣлъ ничего слышать, схватился поспѣшно за перо, написалъ: „Трехцвѣтное знамя развѣвается на фортѣ Исси, который вчера оставленъ гарнизономъ“; и, не предупреждая ни коммуны, ни комитета общественнаго спасенія, онъ далъ приказъ обнародовать эти двѣ строчки въ количествѣ десяти тысячъ экземпляровъ, тогда какъ обыкновенно печаталось шесть тысячъ.

Онъ объявилъ затѣмъ о своемъ уходѣ: „*Граждане, члены коммуны, я чувствую себя неспособнымъ нести дольше отвѣтственность начальника тамъ, гдѣ всѣ разсуждаютъ и никто не слушается. Когда нужно было организовать артиллерію, центральный артиллерійскій комитетъ занимался разсужденіями и ничего не предписалъ... Коммуна занималась разсужденіями и ничего не рѣшила... Центральный комитетъ разсуждаетъ и ни разу еще не сумѣлъ дѣйствовать. Во время этого промедленія врагъ обступалъ фортъ Исси, производя рискованныя атаки, за которыя я бы его наказалъ, если бы я обладалъ малѣйшей военной силой, сколько-нибудь дисциплинированной*“. Онъ разсказалъ по своему и весьма неточно объ очищеніи форта, о смотрѣ на площади Согласія, заявилъ, что вмѣсто двѣнадцати тысячъ человѣкъ тамъ было семь тысячъ [1]), и заключилъ свое посланіе слѣдующими словами:

„*Такимъ-то образомъ ничтожество артиллерійскаго комитета помѣшало организаціи артиллеріи; нерѣшительность центральнаго комитета парализуетъ управленіе; недостаточная заботливость начальниковъ легіона задерживаетъ мобилизацію войскъ... Мой предшественникъ сдѣлалъ ошибку, оставаясь въ этомъ нелѣпомъ положеніи... Я удаляюсь и имѣю честь просить у васъ отвести мнѣ камеру въ Мазасѣ*“.

Онъ думалъ такимъ образомъ спасти свою военную репутацію; но на дѣлѣ онъ только со всѣхъ сторонъ открылъ себя для спра-

---

[1]) Начальники легіоновъ сказали десять тысячъ; правда между двумя этими заявленіями.

ведливыхъ нападокъ. Зачѣмъ приняли вы это „нелѣпое“ положеніе, которое вы прекрасно знали? Зачѣмъ не поставили вы никакаго условія исполнительной комиссіи 30-го апрѣля, никакого условія 2-го и 5-го мая коммунѣ? Зачѣмъ отослали вы въ это утро „семь тысячъ человѣкъ“, въ то время какъ вы заявляете, что у васъ нѣтъ „ни малѣйшей военной силы, хоть сколько-нибудь дисциплинированной?“ Отчего вы не знали въ продолженіе пятнадцати часовъ объ очищеніи форта, за нуждами котораго вы должны были слѣдить съ часу на часъ? Гдѣ ваша вторая линія заграждeній? Почему вы не учредили никакихъ работъ ни на Монмартрѣ, ни въ Пантеонѣ?

Россель имѣлъ полное право направить свои упреки въ коммуну; онъ сдѣлалъ непростительную ошибку,ославъ свое письмо въ газеты. Менѣе чѣмъ въ два часа онъ обезкуражилъ тысячи борцовъ, распространилъ панику, обезчестилъ храбрецовъ Исси, открылъ врагу слабыя стороны обороны. Тамъ всѣ были празднично настроены. Г-нъ Тьеръ и Макъ-Магонъ говорили рѣчи солдатамъ, которые принесли съ пѣніемъ нѣсколько орудій, найденныхъ въ фортѣ. Собраніе прекратило свои засѣданія и явилось на мраморный дворъ, чтобы рукоплескать этимъ дѣтямъ народа, которые считали себя побѣдителями. Тьеръ, мѣсяцъ спустя, сказалъ съ трибуны: „Когда я вижу этихъ дѣтей нашихъ полей, часто чуждыхъ образованію, возвышающему душу, когда я вижу, какъ они умираютъ за васъ, за насъ,—я глубоко тронутъ“. Трогательное волненіе охотника передъ своею гончею стаей. Не забывайте объ этомъ признаніи, о томъ, за кого вы умираете въ гражданской войнѣ, дѣти полей!

А въ думѣ идутъ споры! Рауль Риго снова обвиняетъ Вермореля, который хочетъ бросить свѣтъ на организацію безопасности. Послѣ отказа Гамбона, большинство избрало Риго прокуроромъ коммуны. Пренія усиливаются, когда Делеклюзъ, внезапно вошедшій, беретъ слово: „Вы спорите въ то время, когда объявлено, что трехцвѣтное знамя развѣвается на фортѣ Исси! Предательство окружаетъ насъ со всѣхъ сторонъ. Восемьдесятъ орудій Монтрету угрожаютъ намъ,—а вы спорите!.. Это плачевныя пренія послѣдней недѣли, на которыхъ я, къ счастью, отсутствовалъ, виноваты въ безпорядкѣ... И въ такой-то моментъ вы теряете время на вопросы личнаго самолюбія!.. Я надѣялся, что Франція будетъ спасена Парижемъ, а Ев-

ропа—Франціей... Что же, сегодня національная гвардія больше не хочетъ сражаться, а вы разсуждаете о вопросахъ протокола!.. Я хотѣлъ бы, чтобы Межи, прежній начальникъ форта Исси, предсталъ передъ военнымъ судомъ; чтобы гражданинъ Эдъ далъ отчетъ въ своемъ поведеніи, онъ долженъ былъ наблюдать за фортами юга, а югъ былъ совершенно беззащитенъ... А трехцвѣтное знамя развѣвается на фортѣ Исси!.. Центральный комитетъ изгоняетъ коммуну; это значитъ поразить революцію въ самое сердце. Несмотря на неудовлетворительность членовъ, составляющихъ это собраніе, коммуна дышитъ могуществомъ революціоннаго чувства, способнымъ спасти отечество. Мы спасемъ его, но можетъ быть за баррикадами... Забудьте на сегодня всю вашу ненависть... Я видѣлъ этимъ утромъ Росселя на смотрѣ на площади Согласія; онъ былъ подавленъ болѣе, чѣмъ когда-либо.. Въ парижанинѣ нѣтъ трусости; только когда имъ плохо руководятъ, или когда онъ предполагаетъ измѣну, онъ способенъ отказаться отъ борьбы. Нужно принять немедленно мѣры, или погибнемъ въ нашемъ безсиліи, какъ люди, недостойные миссіи защитить отечество. Франція простираетъ къ намъ объятія... Комитетъ общественнаго спасенія не далъ того, чего отъ него ожидали. Нужно оставить его. Что создаетъ онъ? Частныя назначенія. Приказъ, за подписью Лео Мелье, назначаетъ этого гражданина начальникомъ Бисетрскаго форта; тамъ былъ солдатъ, котораго находили слишкомъ строгимъ... Вашъ комитетъ общественнаго спасенія уничтоженъ, подавленъ тяжестью воспоминаній, которыя его обременяютъ. Для парижскаго населенія это синонимъ притѣсняющей власти, это постоянная угроза. Можно совершать великія дѣла, употребляя простыя выраженія. Я не сочувствую комитетамъ общественнаго спасенія; это только слова“. Собраніе, потрясенное, аплодировало, также и прерывало, покоренное этимъ суровымъ человѣкомъ, который былъ олицетвореніемъ долга. Оно образуетъ изъ себя тайный комитетъ, разбираетъ основательно дѣйствія комитета общественнаго спасенія. Что сдѣлалъ онъ въ теченіе послѣдней недѣли? Онъ навязалъ центральный комитетъ военному министерству, увеличилъ безпорядокъ, перенесъ два крушенія. Его члены погружаются въ мелочи или служатъ по-любительски. Членъ комитета хочетъ защитить его; ссылается на недостаточность его полномочій. Ему показываютъ 3-ю статью устава,

въ которой комитету предоставляется полная власть. Послѣ многихъ часовъ рѣшаютъ обновить комитетъ, избрать гражданскаго делегата въ военное министерство, сочинить воззваніе, не собираться чаще, чѣмъ три раза въ недѣлю, кромѣ случаевъ крайней необходимости, снова назначить постоянный комитетъ въ думѣ, при чемъ члены коммуны должны также безсмѣнно остаться въ своихъ округахъ.

Вечеромъ собираются снова. Большинство посадило на президентское кресло Феликса Піа, разъяреннаго нападеніями дневного засѣданія.

Онъ открылъ засѣданіе, требуя ареста Росселя. Ловко группируя чисто внѣшнія и несущественныя обстоятельства, которыя людямъ подозрительнымъ казались уликами, онъ сдѣлалъ Росселя козломъ отпущенія за ошибки комитета, направилъ противъ делегата негодованіе совѣта.

„Я вамъ ясно говорилъ, граждане, что это измѣнникъ, но вы не хотѣли мнѣ вѣрить. Вы молоды, вы не умѣли, подобно вашимъ учителямъ изъ конвента, лишить своего довѣрія военную власть“. Это вызываніе духовъ привело романтиковъ въ восхищеніе. Они только объ одномъ и мечтали: казаться членами народнаго конвента,— настолько эта революція была опять заражена подражаніями.

Не нужна была ярость Піа, чтобы убѣдить собраніе. Дѣйствія Росселя были преступными въ глазахъ наименѣе предубѣжденныхъ. Его арестъ былъ постановленъ всѣми, кромѣ двухъ голосовъ, и комиссія военнаго вѣдомства получила приказъ привести его въ исполненіе, считаясь при этомъ съ обстоятельствами.

Послѣ этого перешли къ избранію комитета.

Меньшинство, немного успокоенное тѣмъ, что Журдъ находился въ делегаціи финансовъ, и поведеніемъ Делеклюза, рѣшило на этотъ разъ голосовать и потребовало себѣ мѣста въ спискѣ.

Отличный случай прекратить раздоры, соединить силы для натиска противъ версальцевъ. Но предательскій Феликсъ Піа сумѣлъ заставить романтиковъ обращаться со своими товарищами изъ меньшинства, какъ съ настоящими реакціонерами. Послѣ его рѣчи засѣданіе было закрыто. Мало-по-малу члены меньшинства очутились въ залѣ одни.

Они нашли своихъ товарищей въ сосѣдней комнатѣ, гдѣ они сговаривались относительно списка. Нѣсколькими сильными словами они вернули ихъ въ собраніе.

Одинъ изъ членовъ меньшинства потребовалъ прекращенія этихъ недостойныхъ дѣленій. Одинъ изъ романтиковъ отвѣтилъ, требуя ареста „мятежнаго меньшинства“, и предсѣдатель Піа уже готовился излить всю свою желчь, когда Малонъ воскликнулъ: „Замолчите! вы злой духъ этой революціи. Держите про себя ваши ядовитыя подозрѣнія, не разжигайте раздоръ. Это ваше вліяніе губитъ коммуну!“ И Арнольдъ, одинъ изъ учредителей центральнаго комитета, сказалъ: „Это все еще эти люди 48-го года губятъ революцію!“

Но слишкомъ поздно было начинать борьбу, и меньшинство должно было искупить свое доктринерство и свою неловкость. Списокъ большинства прошелъ цѣликомъ: Ранвье, Арно, Гамбонъ, Делеклюзъ, Эдъ.

Собраніе разошлось въ часъ ночи. „Мы ихъ скрутили достаточно, и что скажете вы о пріемѣ, которымъ я повелъ дѣло?“—говорилъ своимъ друзьямъ Феликсъ Піа. Честный предсѣдатель, всецѣло занятый тѣмъ, какъ бы „скрутить“ своихъ товарищей, забылъ о взятіи форта Исси.

И въ тотъ же вечеръ, черезъ двадцать шесть часовъ послѣ эвакуаціи, дума вывѣсила на воротахъ мэріи объявленіе: „Невѣрно, что трехцвѣтный флагъ развѣвается на фортѣ Исси. Версальцы его не занимаютъ и не займутъ“. Опроверженіе, вывѣшенное Піа, стоило опроверженія, сдѣланнаго Трошю по поводу Базена.

Во время этихъ бурныхъ инцидентовъ въ думѣ, центральный комитетъ призвалъ Росселя и упрекалъ его какъ за содержаніе его послѣдняго воззванія, такъ и за необычное число экземпляровъ, въ которомъ оно было выпущено. Онъ горячо защищался: „Это было моею обязанностью. Чѣмъ больше опасность, тѣмъ больше долженъ знать о ней народъ“.

Однако онъ не сдѣлалъ ничего подобнаго для предупрежденія неожиданнаго нападеніе на Муленъ-Саке. Послѣ его ухода, комитетъ занялся разсужденіями. Кто-то сказалъ: „Мы погибли, если не будетъ диктатуры“. Эта мысль нѣсколько дней уже увлекала нѣкоторыхъ членовъ комитета. Постановили, что будетъ диктаторъ, что этимъ диктаторомъ будетъ Россель, и депутація изъ пяти членовъ отправилась отыскать его.

Онъ сошелъ внизъ, подумалъ и, наконецъ, сказалъ слѣдующее: „Слишкомъ поздно. Я уже не делегатъ. Я подалъ въ отставку“. Нѣкоторые возмутились; онъ рѣзко далъ имъ отпоръ и ушелъ.

Члены комиссіи военнаго вѣдомства—Делеклюзъ, Тридонъ, Авріаль, Жоаннаръ, Варленъ, Арнольдъ—ждали его въ его кабинетѣ. Делеклюзъ выяснилъ возложенную на нихъ миссію. Россель сказалъ, что декретъ объ арестѣ несправедливъ, что тѣмъ не менѣе онъ ему подчиняется. Онъ обрисовалъ военное положеніе, всевозможныя интриги, которыя его постоянно сковывали, слабость коммуны. „Она не умѣла“--сказалъ онъ,--„ни воспользоваться центральнымъ комитетомъ, ни сломить его своевременно. Наши средства весьма удовлетворительны, и я, со своей стороны, готовъ взять на себя всякую отвѣтственность, но при условіи, что меня будетъ поддерживать сильная, однородная власть. Я не могъ взять на себя, передъ лицомъ исторіи, отвѣтственности за нѣкоторыя необходимыя репрессіи безъ согласія и безъ поддержки коммуны“. Онъ говорилъ долго, со своей нервной манерой, которая дважды въ совѣтѣ пріобрѣтала ему самыхъ рѣшительныхъ приверженцевъ. Комиссія, крайне потрясенная его доводами, удалилась въ сосѣднюю залу. Делеклюзъ объявилъ, что онъ не можетъ рѣшиться арестовать Росселя, прежде чѣмъ коммуна выслушаетъ послѣдняго. Его това- рищи были того же мнѣнія и оставили эксъ-делегата, поручивъ Ав- ріалю и Жоаннару наблюденіе за нимъ.

На другой день онъ является въ думу во время засѣданія коммуны, только что избравшей Делеклюза делегатомъ военнаго вѣдомства 42 голосами изъ 46 и обсуждавшей въ данный моментъ докладъ Курбе, которому было поручено найти залу для засѣданій. Великій художникъ высказывается за залу маршаловъ въ Тюильри другіе предлагаютъ залу штатовъ въ Люксембургскомъ дворцѣ, залу Сенъ-Жанъ, находящуюся тутъ же въ зданіи думы. Входитъ Жоаннаръ. „Россель“, — говоритъ онъ, — „находится въ квестурѣ“. Комиссія военнаго вѣдомства требуетъ, чтобы ввели Росселя.— „Мы должны его судить, не выслушивая его, въ этомъ залѣ“,—говоритъ Паскаль Груссе. Арнольдъ говоритъ: „Если онъ не сдѣлалъ того, что онъ былъ обязанъ сдѣлать для коммуны, онъ еще не совершилъ предательства“.

Феликсъ Піа восклицаетъ: „Если коммуна не сотретъ оскорбленія, заключеннаго въ этомъ письмѣ, она себя погубитъ!“ Дюпонъ: „Клюзере мы не выслушали; почему же нужно выслушать Росселя?“—

Двадцать шесть голосовъ противъ шестнадцати отказываются выслушать Росселя.

Кто будетъ его судить? Военный судъ,—рѣшаетъ собраніе тридцатью четырьмя голосами противъ двухъ, при семи отсутствующихъ. Куда помѣстить его? Согласно его просьбѣ, въ Мазасъ.

Собраніе болѣе или менѣе внимательно выслушало одного изъ своихъ членовъ, Алликса, арестованнаго за свои выходки, когда прибѣжалъ Авріаль и объявилъ, что Россель и Жерарденъ исчезли.

Ш. Жерарденъ, другъ Росселя, увидѣвъ, какой оборотъ приняли пренія, покинулъ собраніе и явился въ квестуру. „Что рѣшила коммуна?“—спросилъ его Авріаль. „Еще ничего“,—отвѣтилъ Жерарденъ, и, замѣтивъ на столѣ револьверъ Авріаля, онъ сказалъ Росселю:—„Вашъ сторожъ добросовѣстно исполняетъ свои обязанности“. „Я не предполагаю“,--возразилъ съ живостью Россель,—„что эта предосторожность меня касается. Вообще, гражданинъ Авріаль, я даю вамъ *свое честное слово солдата*, что я не буду пытаться бѣжать“.

Авріаль, которому страшно надоѣло выполнять обязанности караульнаго, попросилъ, чтобы его смѣнили. Онъ подумалъ, что можетъ воспользоваться присутствіемъ Жерардена, и, оставивъ заключеннаго подъ его наблюденіемъ, явился въ собраніе. Когда онъ вернулся, Россель и его сторожъ уже исчезли. Молодой честолюбецъ увернулся, несмотря на свое слово, отъ этой революціи, въ которую онъ такъ необдуманно впутался.

Можно себѣ представить, какими ругательствами осыпалъ бѣглеца Піа. Новый комитетъ издалъ отчаянное воззваніе (ему какъ разъ открыли два новыхъ заговора): „Измѣна проскользнула въ наши ряды. Отдача форта Исси, о которой сообщилъ въ гнусномъ объявленіи несчастный, бывшій ея виновникомъ, была только первымъ актомъ драмы. Монархическое возстаніе внутри, совпадающее съ отдачей однихъ изъ нашихъ воротъ, должно было послѣдовать за ней... Всѣ нити темнаго заговора въ настоящее время находятся въ нашихъ рукахъ. Большинство виновныхъ арестованы... Пусть всѣ очи будутъ раскрыты, пусть всѣ руки будутъ готовы поразить измѣнни-

ковъ!“ Это была мелодрама въ то время, когда необходимо было хладнокровіе. И комитетъ общественнаго спасенія безбожно хвасталъ, выражая претензію на то, что онъ арестовалъ „большинство виновныхъ“ и держитъ въ своихъ рукахъ „всѣ нити темнаго заговора“.

ГЛАВА XXII.

Заговоры противъ коммуны.

Коммуна создала цѣлый промыселъ „темныхъ заговоровъ“. Появились профессіональные открыватели воротъ, маклеры всякаго рода конспирацій. Вульгарные и трусливые игроки, уличные шалопаи, которыхъ одна только тѣнь полицейской власти привела бы въ смятеніе, они опирались исключительно на слабость префектуры и безпечность делегаціи. Впослѣдствіи они многое обнародовали, многое раскрылось при ихъ взаимныхъ перебранкахъ и, благодаря частнымъ указаніямъ, а также благодаря изгнанію, которое вообще приводитъ къ разоблаченію тайнъ; пользуясь всѣми этими данными, мы можемъ проникнуть въ ихъ жалкій міръ.

Начиная съ 1-го апрѣля, они эксплоатировали всѣ министерства Версаля, предлагая раскрыть ворота или устранить членовъ коммуны. Мало-по-малу имъ всѣмъ удалось пристроиться. Полковникъ генеральнаго штаба Корбенъ получилъ порученіе организовать національныхъ гвардейцевъ, оставшихся въ Парижѣ. Начальникъ одного реакціоннаго батальона Шарпантье, бывшій офицеръ-инструкторъ въ Сенъ-Сиръ, предложилъ свои услуги, добился того, что его приняли, и рекомендовалъ нѣсколько своихъ сотоварищей: Дюрушу, виноторговца, Демэ, Галлимара. Они получили приказаніе набрать тайные батальоны, которые должны были занять внутри стратегическіе пункты въ день, когда генеральная атака привлечетъ федералистовъ на валы. Лейтенантъ флота, Домалэнъ, полковникъ бретонскаго легіона, предложилъ, въ этотъ моментъ, захватить Монмартръ, думу, Вандомскую площадь, интендантство, при помощи нѣсколькихъ тысячъ волонте-

ровъ, которыхъ онъ, по его заявленію, имѣлъ подъ рукой. Онъ соединился съ Шарпантье.

Эти темные воины много горячились, сгруппировали удивительное множество людей вокругъ официальныхъ угощеній и вскорѣ объявили, что собрали 6000 человѣкъ и 150 артиллеристовъ, вооруженныхъ инструментами для заклепыванія орудій. Эти храбрецы ждали только сигнала, однако нужны были деньги, чтобы питать ихъ пылъ, и фирма Шарпантье-Домалэнъ, при посредничествѣ Дюрушу, выцѣдила изъ казначейства сотни тысячъ франковъ.

Къ концу апрѣля они получили грознаго конкурента въ лицѣ Меръ де-Бофонъ, бывшаго флотскаго офицера, временно назначеннаго кайенскимъ губернаторомъ. Вмѣсто того, чтобы вербовать буржуа, мысль, которую онъ назвалъ смѣшной, Бофонъ предложилъ парализовать сопротивленіе при помощи способныхъ агентовъ, которые могли бы вызвать раздоры среди коммунаровъ и внести дезорганизацію въ учрежденія коммуны. Его планъ, совершенно во вкусѣ г-на Тьера, былъ охотно принятъ, и Бофонъ получилъ необходимыя полномочія. Онъ приблизилъ къ себѣ двухъ рѣшительныхъ людей, Ларока, банковскаго чиновника, и Ланье, бывшаго офицера легіона Шельхера.

Въ распоряженіи правительства имѣлись еще и другіе сыщики: Аронсхоннъ, бывшій полковникомъ вольнаго корпуса во время войны, прогнанный своими подчиненными, добивавшійся впослѣдствіи отъ центральнаго комитета освобожденія Шанзи, Франзини, выданный Англіей въ качествѣ мошенника; Барраль-де-Монто, который прямо явился въ военное министерство и, благодаря своему апломбу, заставилъ себя назначить начальникомъ 7-го легіона; аббатъ Челлини, священникъ неизвѣстно какого флота, окруженный многочисленными духовными лицами и покровительствуемый Жюлемъ Симономъ. Были также заговорщики, дѣйствующіе изъ одного усердія, важные генералы, которыми пренебрегла революція, Люлье, Биссонъ, Ганье-д-Абенъ. Эти честные республиканцы не могли перенести того, что коммуна вредила дѣла республики. Если они и принимали деньги отъ Версаля, то единственно съ цѣлью спасти Парижъ, его республиканскую часть, отъ людей, засѣвшихъ въ думѣ. Они очень хотѣли опрокинуть коммуну, но предать!—о ни въ коемъ случаѣ!

Нѣкто Бріеръ-де-Сенъ-Лажье составлялъ общіе отчеты объ этихъ почтенныхъ дѣятеляхъ, и секретарь г. Тьера Тронсенъ-Дюмерсанъ, три года спустя осужденный за мошенничество, ходилъ взадъ и впередъ между Парижемъ и Версалемъ, приносилъ плату, оберегалъ нити этихъ заговоровъ, не подозрѣвавшихъ одинъ о другомъ.

Вслѣдствіе этого возникали постоянныя столкновенія. Заговорщики доносили другъ на друга. Бріеръ-де-Сенъ-Лажье писалъ: „*Я прошу господина министра внутреннихъ дѣлъ слѣдить за господиномъ Ле-Меръ-де-Бофонъ. Я сильно подозрѣваю, что онъ бонапартистъ. Деньги, которыя онъ получилъ, послужили, большей частью, на уплату его долговъ*“. Наоборотъ, другой доносъ гласилъ: „*Г.г. Домалэнъ, Шарпантье и Бріеръ-де-Сенъ-Лажье мнѣ подозрительны. Они часто бываютъ у Петерса, и вмѣсто того, чтобы заниматься великимъ дѣломъ освобожденія, подражаютъ Пантагрюелю. Они слывутъ орлеанистами.*

Наиболѣе предпріимчивый между ними, Бофонъ, достигъ того, что завязалъ сношенія со штабомъ полковника Анри Прюдома, съ военной школой, гдѣ былъ начальникомъ Вино, съ военнымъ министерствомъ, гдѣ начальникъ артиллеріи, Гюйе, запуталъ все дѣло вооруженія. Его агенты Ланье и Ларокъ руководили нѣкіимъ Мюлеемъ, добившимся, при содѣйствіи центральнаго комитета, назначенія начальникомъ 17-го легіона, который онъ частью привелъ въ состояніе застоя. Одинъ артиллерійскій офицеръ, предоставленный въ ихъ распоряженіе министерствомъ, капитанъ Пигье добылъ планъ баррикадъ, а одинъ изъ ихъ шайки, Бассе, писалъ 8-го мая: „*Тамъ нѣтъ никакихъ засадъ; армія можетъ выйти по звуку трубы. Въ разныхъ вѣдомствахъ ужасныя безпорядки*“. То они вводили въ обманъ бывшихъ офицеровъ національной гвардіи, убѣждая ихъ, что центральный комитетъ или коммуна осудили ихъ на смерть и тѣмъ завлекали ихъ въ свои ряды, то ловкими ухищреніями выпытывали отъ нихъ свѣдѣнія.

Многіе занимали официальное положеніе въ превотальномъ судѣ. Улиссъ Паранъ, бывшій членъ коммуны, увидѣлъ слѣдующую сцену „двое или трое обвиняемыхъ изъ должностныхъ лицъ, далеко не самаго послѣдняго ранга — одинъ былъ полицейскимъ коммиссаромъ,

другой директоромъ въ депо вооруженія въ кварталѣ Рейли—спокойно выслушали обвиненія, направленныя противъ нихъ, не менѣе спокойно вынули изъ кармана бумагу, которую и передали офицерамъ, шепнувъ имъ на ухо нѣсколько словъ, и послѣ этого были освобождены и ушли, обмѣнявшись поклонами".

Неосторожность нѣкоторыхъ служащихъ коммуны способствовала работѣ шпіоновъ. Офицеры главнаго штаба, начальники службъ, принимая важный видъ, громко изъяснялись въ кафе на бульварахъ, наполненныхъ шпіонами мужского и женскаго пола. Курне смѣнившій Риго въ префектурѣ, хотя и обладалъ большей выдержкой, ничего не сдѣлалъ для улучшенія организаціи общественной безопасности. Люлье былъ два раза арестованъ и всегда ускользалъ; онъ говорилъ всему свѣту, что хочетъ смести коммуну. Тронсенъ-Дюмерсанъ, котораго въ продолженіе двадцати лѣтъ знали въ качествѣ полицейскаго орудія министерства внутреннихъ дѣлъ, устраивалъ на бульварахъ смотръ своихъ подчиненныхъ. Подрядчики, которымъ было порученo укрѣпить Монмартръ, находили каждый день новый предлогъ, чтобы тормозить открытіе работъ. Церковь Бреа оставалась нетронутой. Подрядчикъ, взявшій на себя разрѣшеніе искупительнаго памятника, сумѣлъ затянуть дѣло до вступленія войскъ. Совершенно случайно былъ раскрытъ заговоръ „брассардье" *), и, благодаря вѣрности Домбровскаго, былъ обнаруженъ заговоръ Вэссе.

Этотъ дѣловой агентъ явился въ Версаль, чтобы предложить министру операцію снабженія провіантомъ. Выпровоженный, онъ вытащилъ другой проектъ изъ своего мѣшка и предложилъ адмиралу Сэссе, который былъ всегда одинаково безуменъ, купить Домбровскаго—человѣка, совершенно ему неизвѣстнаго. Онъ поставилъ свое предпріятіе на коммерческую ногу, собралъ товарищей, 20.000 франковъ на неизбѣжные расходы и имѣлъ свиданіе съ однимъ изъ адъютантовъ Домбровскаго, Гютцингеромъ. Вэссе сказалъ ему, что Версаль дастъ Домбровскому милліонъ, если генералъ захочетъ отдать ворота, которыми онъ командовалъ. Домбровскій немедленно

---

*) „Брассардье", т. е. „люди съ повязками"—реакціонная, враждебная коммунѣ, организація, члены которой носили повязки опредѣленныхъ цвѣтовъ.

(*Прим. пер.*)

увѣдомилъ комитетъ общественной безопасности и предложилъ ему впустить одинъ или два отряда версальской арміи и затѣмъ сокрушить ихъ приготовленными для этого батальонами. Комитетъ не согласился на это предпріятіе, но приказалъ Домбровскому продолжать вести переговоры. Гютцингеръ сопровождалъ Вэссе въ Версаль, увидѣлся съ Сэссе, который предложилъ себя въ качествѣ заложника, чтобы гарантировать выполненіе обѣщаній, данныхъ Домбровскому. Адмиралъ долженъ былъ, въ назначенный вечеръ, тайно явиться на Вандомскую площадь, и комитетъ общественнаго спасенія, предупрежденный объ этомъ, приготовился арестовать его, когда Бартелеми Сентъ-Илеръ отговорилъ Сэссе отъ этой новой ошибки. Префектура полиціи, которая не знала дипломатіи комитета, слѣдовала по пятамъ за Вэссе, едва не схватила его, арестовала его жену и его товарища Гюттена. Вэссе удалился въ Сенъ-Дени и продолжалъ свои сношенія съ Гютцингеромъ [1]).

Неудача этого заговора побудила г-на Тьера снова вернуться къ мысли о неожиданномъ нападеніи, бывшемъ его мечтою съ первыхъ дней мая. Основываясь на увѣреніяхъ судебнаго пристава, который брался открыть ворота Дофинъ черезъ своего друга Лапорта, начальника 16-го легіона, г-нъ Тьеръ предпринялъ экспедицію, несмотря на возраженія Макъ-Магона и его офицеровъ, которые хотѣли штурма. „Болѣе цѣнно было бы завладѣть городомъ

---

[1]) Послѣ смерти своего начальника компанія Вэссе потребовала отъ Бартелеми Сентъ-Илера около 39.000 франковъ. Адмиралъ Сэссе, который такъ довѣрялъ Гютцингеру, поддержалъ требованіе, и сумма въ 15.000 франковъ была уплачена. Компанія настаивала чтобы остальное было ей уплачено изъ фондовъ, взятыхъ у федералистовъ; она попробовала даже пустить въ ходъ шантажъ противъ адмирала, который, наконецъ, выпроводилъ ее. Послѣ того, какъ всякая надежда была потеряна, она напечатала, въ 1873 г. за подписью вдовы Вэссе, брошюру, наполненную желательными для нея неточными свѣдѣніями, чтобы оправдать свое требованіе, брошюру, которую приняли въ серьезъ всѣ рептиліи прессы, несмотря, на ея несоотвѣтствіе фактамъ и документамъ. Гютцингеръ протестовалъ, началъ даже писать брошюру въ опроверженіе, затѣмъ сдѣлался шпіономъ политическихъ эмигрантовъ и, разоблаченный, покинулъ Лондонъ, Брюссель.

силой“,—говорилъ папскій ставленникъ Менъ, капитанъ кирасировъ, другъ добрыхъ рабочихъ,—„право обнаруживается безспорнымъ путемъ“,—право бойни, онъ доказалъ это. По приказу генерала Тьера, дѣйствующая армія и часть резервовъ были поставлены на ноги въ ночь на 3-е мая, и президентъ пріѣхалъ на ночлегъ въ Севръ. Въ полночь полки собрались въ Булонскомъ лѣсу, передъ внутреннимъ озеромъ; глаза всѣхъ были обращены на ворота. Они должны были быть открыты ротой реакціонеровъ, которая образовалась въ Пасси, подъ предводительствомъ Вери, лейтенанта 38-го батальона, уполномоченнаго своимъ прежнимъ начальникомъ Лавиньемъ. Только заговорщики не позаботились о томъ, чтобы предупредить Лавинья. Рота не получила приказа отъ своего главнаго начальника, но боялась западни и отказалась отъ предпріятія. Федералисты, находившіеся на посту, не были смѣнены. Поутру, потерявъ много часовъ, войска вернулись въ свои квартиры. Черезъ два дня Лапортъ былъ арестованъ; онъ нашелъ средство выбраться на волю.

Бофонъ велъ дѣло въ томъ же духѣ; онъ также гарантировалъ отдачу воротъ д'Отейль и Дофинъ въ ночь съ 12-го на 13-ое. Г-нъ Тьеръ позволилъ себя вторично обмануть и прислалъ цѣлую систему разныхъ снарядовъ для приступа. Многочисленные отряды были направлены къ Пуанъ-дю-Журъ, и армія была готова слѣдовать за ними. Въ послѣдній моментъ глубокія комбинаціи заговорщиковъ рушились, и, какъ и 3-го, армія возвратилась назадъ безъ лавровъ. Эта попытка сдѣлалась извѣстной комитету общественнаго спасенія, который не зналъ о первой.

Ланье былъ арестованъ на слѣдующій день. Комитетъ конфисковалъ трехцвѣтныя повязки, которыя національные гвардейцы партіи порядка должны были надѣть при вступленіи арміи. Женщина, по имени Легро, изготовлявшая ихъ, не позаботилась о томъ, чтобы заплатить своимъ работницамъ. Одна изъ послѣднихъ, думая, что она работаетъ на коммуну, явилась потребовать себѣ плату въ думу. Розыски, предпринятые черезъ Легро, навели на слѣдъ Бофона и его единомышленниковъ. Бофонъ и Ларокъ спрятались, Тронсенъ-Дюмерсанъ вернулся въ Версаль. Шарпантье остался господиномъ положенія. Корбенъ его вынуждалъ организовать подчиненныхъ въ десятки, сотни, намѣчалъ ему планъ, какъ овладѣть

думой во время вступленія войскъ. Шарпантье, не смущаясь, говорилъ съ нимъ каждый день о новыхъ успѣхахъ, говорилъ о 20.000 рекрутахъ, просилъ динамита, чтобы взорвать дома, и поглощалъ съ аппетитомъ Пантагрюеля значительныя суммы, которыя передавалъ ему Дюрушу.

За этими солидными офиціальными агентствами туманными пятнами намѣчались отдѣльныя измѣнническія начинанія. Передъ военными судами очень многіе господа: старшіе офицеры, начальники частныхъ службъ, хвалились, что служили коммунѣ только съ тѣмъ, чтобы лучше предать ее; это было для нихъ только средствомъ обороны.

Въ итогѣ, всѣ заговорщики, вмѣстѣ взятые, не могли отдать ни однихъ воротъ; но они способствовали дезорганизаціи управленія. Одинъ изъ нихъ, комендантъ Жерріэ, видимо, приписывалъ себѣ заслугу взрыва въ аллеѣ Рапп. Тѣмъ не менѣе слѣдуетъ съ оговорками читать донесенія этихъ господъ, часто переполненныя воображаемыми успѣхами, чтобы оправдать затрату сотенъ тысячъ франковъ и знаковъ отличія, которые они прикарманили.

ГЛАВА XXIII.

„Взятіемъ Парижа обязаны мы нашей артиллеріи и нашей политикѣ“.

(Г-нъ Тьеръ. Анкета о 18-омъ марта.)

„Большая рѣчь предсѣдателя Совѣта была встрѣчена рукоплесканіями крайней лѣвой“.

(Дюфоръ главному прокурору въ Э).

Политика г-на Тьера по отношенію къ провинціи.—Лѣвая выдаетъ Парижъ.

Кто главный заговорщикъ противъ Парижа?—Версальская лѣвая.

Что остается 19-го марта г-ну Тьеру для управленія Франціей? У него нѣтъ ни арміи, ни артиллеріи, ни большихъ городовъ. Они вооружены ружьями, ихъ рабочее населеніе возбуждено. Если мелкая буржуазія, повторяющая въ провинціи столичныя революціи, послѣдуетъ за движеніемъ, будетъ подражать своей сестрѣ въ Парижѣ,—г-нъ Тьеръ не сможетъ противопоставить ей настоящаго войска. Бисмаркъ съ большой готовностью предлагалъ занять его мѣсто, но это было бы концомъ всего. Чтобы существовать, сдержать провинцію, помѣшать ей остановить орудія, которыя должны покорить Парижъ,—каковы единственныя средства начальника буржуазіи? Одно слово и горсть людей. Слово—республика; люди: традиціонные главари республиканской части населенія.

Пусть тупоумные помѣщики подымаютъ лай при одномъ имени республики и отказываются его вносить въ свои воззванія. Г-нъ

Тьеръ очень хитеръ, онъ пускаетъ это слово во всю и, извращая голосованіе собранія [1]), даетъ его въ качествѣ лозунга.

При первыхъ же возстаніяхъ всѣ служащіе провинціи получаютъ ту же формулу: „Мы защищаемъ республику противъ мятежниковъ“.

Это уже было кое-что. Но голоса деревенщины, прошлое г-на Тьера громко противорѣчили этимъ республиканскимъ увѣреніямъ, и бывшіе герои обороны не являлись больше удовлетворительной порукой. Г-нъ Тьеръ почувствовалъ это и призвалъ самыхъ вѣрныхъ изъ вѣрныхъ, старыхъ борцовъ движенія, которыхъ намъ возвратило изгнаніе. Ихъ престижъ былъ еще неприкосновеннымъ въ глазахъ демократовъ провинціи. Г-нъ Тьеръ имѣлъ съ ними тайныя свиданія, сказалъ имъ, что отъ нихъ зависитъ судьба республики, польстилъ ихъ старческому тщеславію, убѣдилъ ихъ такъ удачно, что образовалъ себѣ опору, и могъ телеграфировать, что они рукоплескали проклятіямъ 21-го марта. Когда республиканцы мелкой провинціальной буржуазіи увидѣли, какъ знаменитый Луи Бланъ, безтрепетный Шельхеръ и наиболѣе извѣстные радикальные вожди поносятъ центральный комитетъ, въ то время, какъ сами они не получали изъ Парижа ни программы, ни способныхъ эмиссаровъ, умѣющихъ защищать свое дѣло, они отвернулись отъ коммуны и, какъ мы видѣли, оставили гаснуть факелъ, зажженный рабочими.

Выстрѣлы 5-го апрѣля слегка разбудили ихъ. 5-го муниципальный совѣтъ города Лилля, составленный изъ извѣстныхъ республиканцевъ, заговорилъ о перемиріи, попросилъ г-на Тьера упрочить республику. Въ то же время и совѣтъ Ліона и Сентъ-Уана послалъ делегатовъ въ Версаль. Труа объявилъ, что онъ умомъ и сердцемъ съ героями-гражданами, которые борются за свои республиканскія убѣжденія. Маконъ требовалъ отъ правительства и собранія положить конецъ борьбѣ, признавъ республиканскія учрежденія. Дромъ, Варъ, Воклюзъ, Адремъ, Луара, Савоя, Эро, Жеръ, Восточные Пиренеи, двадцать департаментовъ, написали подобные же адреса. Рабочіе Руана объявили, что они присоединились къ коммунѣ; ра-

---

[1]) 23-го Пикаръ телеграфируетъ генералу въ Э: „Республика снова была подтверждена вчера, въ воззваніи собранія,—воззваніи, которое собраніе отказалось закончить словами: „Да здравствуетъ республика!“

бочіе Гавра, которыхъ оттолкнули буржуазные республиканцы, образовали группу, симпатизирующую Парижу. 16-го, въ Греноблѣ, шестьсотъ человѣкъ, женщинъ и дѣтей, пошли къ станціи, чтобы помѣшать выходу войскъ и запасовъ для Версаля. 18-го, въ Нимѣ, манифестація, съ краснымъ флагомъ во главѣ, прошла по городу съ криками: „Да здравствуетъ коммуна! Да здравствуетъ Парижъ! Долой Версаль!“ 16, 17 и 18, въ Бордо, полицейскіе агенты были посажены въ тюрьму, офицеры избиты, казарма инфантеріи осыпана камнями, и раздавались крики: „Да здравствуетъ Парижъ! Смерть измѣнникамъ!“ Движеніе захватило и сельскіе классы. Въ Сенкуанѣ, въ Шарите-на-Луарѣ, въ Пуйли вооруженные національные гвардейцы ходили съ краснымъ знаменемъ. Коенъ присоединился 18-го; Флери-на-Луарѣ—19-го. Красное знамя постоянно развѣвалось въ Аріежѣ; въ Фуа была задержана артиллерія, въ Вариль была попытка сбросить съ рельсовъ вагоны съ припасами; въ Периге станціонные рабочіе захватили митральезы.

15-го пять делегатовъ ліонскаго муниципальнаго совѣта явились къ г-ну Тьеру. Онъ увѣрялъ ихъ въ своей преданности республикѣ, поклялся, что собраніе не сдѣлается учредительнымъ. Если онъ выбиралъ себѣ чиновниковъ помимо республиканцевъ, это происходило, по его словамъ, съ цѣлью удержать при себѣ всѣ партіи, что необходимо въ интересахъ самой республики. Онъ защищалъ ее противъ членовъ думы, „ея злѣйшихъ враговъ“,—говорилъ онъ. Делегаты могутъ убѣдиться въ этомъ въ самомъ Парижѣ, и онъ готовъ доставить имъ пропуски.

Какъ бы то ни было, если Ліонъ позволитъ себѣ примкнуть къ возстанію, въ распоряженіи правительства 30.000 человѣкъ, готовыхъ укротить мятежный городъ—явная ложь, въ которой онъ самъ сознался четыре года спустя въ Бордо. Остальныя депутаціи имѣли съ нимъ такой же разговоръ, при чемъ онъ велъ его съ добродушнымъ видомъ, съ величайшею фамильярностью, которая побѣждала провинціаловъ.

Отъ президента они переходили къ свѣтиламъ крайней лѣвой: Луи Блану, Шельхеру, Эдмонду Адаму и другимъ знаменитымъ демократамъ, которые подтверждали рѣчи г-на Тьера. Эти господа соглашались признать, что дѣло Парижа справедливо въ принципѣ,

но они объявляли, что оно ложно направлено, скомпрометировано преступной борьбой.

Слишкомъ трусливые, чтобы сказать, подобно Прудону въ 58-мъ году: „Надо убить ребенка, чтобы спасти мать“, они безчестили ребенка. Луи Бланъ, вся жизнь котораго прошла въ пустословіи, впрочемъ весьма невинномъ по отношенію къ обществу, питалъ злобу противъ коммунаровъ, которые, по его увѣреніямъ, приговорили его къ смерти: „Съ кѣмъ тутъ“,—говорилъ онъ делегатамъ,—„разсуждать въ Парижѣ? Люди, которые тамъ оспариваютъ другъ у друга власть, фанатики, глупцы или мошенники, не говоря уже о бонапартистскихъ и прусскихъ интригахъ“.

И всѣ эти господа гордо выпячивали грудь: „Развѣ мы не были бы въ Парижѣ, если бы Парижъ былъ правъ?“

Большинство провинціальныхъ делегатовъ, адвокаты, доктора, негоціанты, воспитанные въ уваженіи къ старымъ славнымъ именамъ, прислушавшись къ рѣчамъ молодыхъ сторонниковъ лѣвой, говорившихъ тономъ апостоловъ, возвращались къ себѣ домой и, повторяя передъ своими согражданами проповѣдь лѣвой, призывали ихъ слѣдовать за ней, чтобы спасти республику. Небольшое число проникло даже въ Парижъ.

Будучи свидѣтелями раздоровъ въ думѣ, принятые людьми, которые не умѣли формулировать своихъ мыслей, встрѣтивъ угрозы со стороны Феликса Піа въ „*Мстителѣ*“ и другихъ лицъ въ коммунѣ, они возвращались, убѣжденные, что ничего не извлечешь изъ этого безпорядка. Когда они снова являлись въ Версаль, депутаты лѣвой торжествовали. „Ну чтожъ! Что мы вамъ говорили?“ Вплоть до Мартинъ-Бернара, бывшаго рьяного приверженца Барбеса, не было среди нихъ ни одного, кто бы ни далъ своимъ избирателямъ удара ослинымъ копытомъ.

Многіе въ Парижѣ не могли повѣрить въ такую полную измѣну лѣвой, продолжали ее еще убѣждать. „Что дѣлаете вы въ Версалѣ въ то время, какъ Версаль бомбардируетъ Парижъ?“—говорилъ одинъ изъ адресовъ въ концѣ апрѣля.—„Развѣ вамъ мѣсто посреди тѣхъ изъ вашихъ коллегъ, которые убиваютъ вашихъ избирателей? Если вы непремѣнно хотите остаться среди враговъ Парижа, то проте-

стуйте, по крайней мѣрѣ; благодаря вашему молчанію, вы становитесь фактически ихъ соумышленниками... Какъ! вы допускаете г-на Тьера писать къ департаментамъ: *Инсургенты опустошаютъ богатые дома Парижа, чтобы продать ихъ движимость*, и вы не подымаетесь на трибуну, чтобы протестовать!.. Какъ! вся бонапартистская и сельская пресса можетъ наводнять департаменты гнусными статьями, гдѣ утверждается, что въ Парижѣ убиваютъ, насилуютъ, крадутъ, а вы молчите!... Какъ! г-нъ Тьеръ можетъ утверждать, что его жандармы не убиваютъ плѣнныхъ: вы не можете не знать объ этихъ дикихъ казняхъ, и вы молчите! Взойдите на трибуну, скажите департаментамъ правду, которую прячутъ отъ нихъ враги коммуны съ такою заботливостью... Но развѣ наши враги также и ваши враги?“

Напрасный призывъ; трусость версальской лѣвой сумѣла повернуть его въ свою пользу. Луи Бланъ лицемѣрилъ: „О гражданская война! Ужасная борьба! Артиллерія гремитъ! Убиваютъ, умираютъ, а тѣ, которые въ собраніи охотно пожертвовали бы жизнью, чтобы увидѣть эту кровавую проблему разрѣшенной мирнымъ путемъ, приговорены къ казни полнаго бездѣйствія, къ невозможности крикнуть, сказать слово!...“

Начиная съ зарожденія французскихъ представительныхъ собраній никогда еще скамьи лѣвой не покрывали себя такимъ позоромъ. Удары, оскорбленія, которыми осыпали плѣнныхъ, не могли вызвать протеста у этихъ парижскихъ депутатовъ. Одинъ только Толэнъ потребовалъ объясненій по поводу убійства Белль-Эпина.

Своей клеветой они могли парализовать дѣйствія, но не стремленія провинціи. Сердцемъ, волею рабочіе Франціи были съ Парижемъ. Служащіе на станціяхъ обращались къ проѣзжающимъ солдатамъ съ рѣчами, заклинали ихъ стрѣлять въ воздухъ, толпа срывала официальныя объявленія. Центральныя мѣста разсылали свои адреса сотнями. Всѣ республиканскія газеты проповѣдывали перемиріе. Возбужденіе дѣлалось хроническимъ. Г-нъ Тьеръ далъ отставку Дюфору, одному изъ наиболѣе ненавистныхъ исполнителей его низкихъ дѣлъ. 23-го апрѣля онъ предписалъ своимъ прокурорамъ начать преслѣдованіе противъ тѣхъ писателей, которые будутъ поддерживать коммуну, „эту диктатуру, узурпированную ино-

странцами и преступниками, которая ознаменовала себя кражами, взломомъ по ночамъ съ оружіемъ въ рукахъ частныхъ домовъ, преслѣдованіемъ посредниковъ, которые умоляли собраніе протянуть свою благородную руку запятнанной кровью рукѣ своихъ враговъ".

Версаль надѣялся такимъ образомъ вызвать терроръ въ моментъ муниципальныхъ выборовъ, которые должны были состояться 30-го апрѣля согласно новому закону.

Они были республиканскими. Эта провинція, поднявшаяся противъ Парижа въ іюнѣ 48-го года и при выборахъ 49-го, хотѣла бороться только съ собраніями 71-го года. Въ Рошфорѣ большая часть бюллетеней гласила: „Да здравствуетъ коммуна!" Въ Тьерѣ народъ занялъ городскую думу, водрузилъ красный флагъ, завладѣлъ телеграфомъ. Были волненія въ Суннъ, Немурѣ, Шато-Ландонъ, въ округѣ Фонтэнебло.

Въ Дордивъ коммунары съ краснымъ знаменемъ посадили передъ мэріей дерево свободы. Въ Монтаржи они расклеили воззваніе коммуны по деревнямъ и принудили одного стряпчаго, который хотѣлъ уничтожить плакатъ, попросить на колѣняхъ прощенія. Въ Кулломьеръ состоялась манифестація съ криками: „Да здравствуетъ республика! Да здравствуетъ коммуна!"

Ліонъ возсталъ. Трехцвѣтное знамя царило тамъ, начиная съ 24-го марта вездѣ, кромѣ Гиллотьеръ, гдѣ народъ сохранилъ свое собственное, Муниципальный совѣтъ, вернувшись изъ Парижа, потребовалъ признанія правъ Парижа, избранія учредительнаго собранія и назначилъ офицера вольныхъ стрѣлковъ Бурра начальникомъ національной гвардіи. Въ то время, какъ послѣдній съ энергіей, достойной лучшей участи, писалъ адреса и прошенія г-ну Тьеру, національная ліонская гвардія снова возмутилась. Она представила муниципальному совѣту программу, которую тотъ отказался офиціально принять. Неудача делегатовъ, посланныхъ въ Версаль, усилила раздраженіе. При объявленіи коммунальныхъ выборовъ, революціонный элементъ настаивалъ на томъ, что муниципальный законъ не имѣетъ никакой силы, а собраніе не пользуется правами учредительнаго собранія.

Два парижскихъ делегата потребовали отъ мэра Энона отложить выборы. Одно изъ дѣйствующихъ лицъ стычки 28-го сентября—

Гаспаръ Бланъ снова появился на сценѣ. Лѣвая, въ поискахъ за бонапартизмомъ, начала торжествовать по поводу появленія этого лица; онъ былъ, однако, тогда еще просто повѣсой и надѣлъ имперскую ливрею только въ изгнаніи. 27-го въ Бротто, въ большомъ публичномъ собраніи, постановили воздержаться, а 29-го, въ Гиллотьеръ, воспротивиться голосованію.

30-го, въ шесть часовъ утра, въ Гиллотьеръ раздался генералъ-маршъ. Національные гвардейцы убираютъ урну и ставятъ часовыхъ у входа въ залу. На стѣнахъ слѣдующая прокламація: „Городъ Ліонъ не можетъ больше допускать, чтобы душили его родного брата, героическій городъ Парижъ. Ліонскіе революціонеры, въ полномъ согласіи между собою, избрали временный комитетъ... Его члены твердо рѣшили прежде, нежели они откажутся отъ побѣды, превратить въ груду развалинъ этотъ городъ, столь трусливый, что онъ допускаетъ гибель Парижа и республики“. Площадь мэріи наполнилась возбужденной толпой. Мэръ Крестенъ и его помощникъ, которые хотятъ вмѣшаться, ничего не могутъ подѣлать: революціонная комиссія занимаетъ мэрію.

Бурра посылаетъ начальникамъ Гиллотьеръ приказъ соединить свои батальоны. Они строятся къ двумъ часамъ на Куръ-де-Броссъ. Значительная часть гвардіи порицаетъ движеніе; никто не хочетъ быть солдатомъ версальцевъ. Толпа окружаетъ ихъ и они, въ концѣ концовъ, смѣшиваютъ свои ряды. Сотня, предводительствуемая капитаномъ, является въ мэрію, чтобы водрузить свой красный ротный значекъ. Идутъ за мэромъ, котораго комиссія хочетъ присоединить къ движенію. Онъ отказывается подобно тому, какъ онъ отказался 22-го марта. Неожиданно гремитъ пушка.

Энонъ и муниципальный совѣтъ хотѣли бы держаться выжидательной политики, какъ въ послѣдній мѣсяцъ. Префектъ Валентенъ и Креза грезили Эспиваномъ. Въ пять часовъ 38-ой полкъ подходитъ къ Гиллотьерскому мосту. Толпа проникаетъ въ ряды солдатъ, умоляетъ ихъ не стрѣлять. Офицеры принуждены ввести своихъ подчиненныхъ въ казармы. Въ продолженіе этого времени Гиллотьеръ укрѣпляется. Большая баррикада, простирающаяся отъ магазиновъ Новаго Свѣта до угла мэріи, загромождаетъ Большую улицу, другая подымается у входа улицы Трехъ Королей, третья—въ уровень улипы Шаброль.

Въ шесть съ половиной 38-й полкъ выходитъ изъ казармы, на этотъ разъ плотно окруженный батальономъ стрѣлковъ. Во главѣ Валентенъ, Креза и прокуроръ Андрье, арестованный во время имперіи за свои дикія рѣчи, освобожденный народомъ 4-го сентября и помѣщенный въ магистратуру благодаря благосклонности Гамбетты. Онъ требуетъ отъ своихъ бывшихъ товарищей, чтобы они сдались; выстрѣлы раздаются въ отвѣтъ, префектъ раненъ. Кавалерія очищаетъ Куръ-де-Броссъ и площадь мэріи; двѣ пушки открываютъ огонь по зданію. Ворота вскорѣ разлетаются вдребезги; тѣ, кто были внутри, спасаются. Полкъ проникаетъ внутрь, убивъ часовыхъ, которые рѣшили стоять на своемъ посту до послѣдняго момента. Говорили, что инсургенты, захваченные внутри врасплохъ, были убиты револьверными выстрѣлами версальскимъ офицеромъ.

Борьба продолжалась значительную часть ночи въ сосѣднихъ улицахъ. Солдаты, обманутые темнотою, убивали другъ друга въ большомъ количествѣ. Потери коммунаровъ были очень незначительны. Въ три часа утра все прекратилось. Въ Круа-Руссъ нѣсколько гражданъ захватили мэрію и разсѣяли урны, неудача въ Гиллотьеръ завершила ихъ сопротивленіе.

Версальцы воспользовались побѣдой, чтобы разоружить батальоны Гиллотьеръ; населеніе не хотѣло соединиться съ побѣдителями. Нѣсколько монархистовъ были избраны въ продолженіе дня. Они были принуждены подвергнуться второй баллотировкѣ, такъ какъ всѣ считали выборы 30-го числа не имѣющими никакого значенія. Ни одинъ изъ нихъ не былъ избранъ вторично. Агитація въ пользу Парижа продолжалась.

Эти заново избранные республиканскіе совѣты могли предписывать законы Версалю. Передовая пресса воодушевляла ихъ. „*Трибуна*“ въ Бордо предложила конгрессъ всѣхъ городовъ Франціи, чтобы положить конецъ гражданской войнѣ, обезпечить муниципальныя вольности и утвердить республику. Муниципальный совѣтъ Ліона, съ тою же программой, пригласилъ всѣ муниципальныя власти послать въ Ліонъ делегатовъ. 4-го мая делегаты совѣтовъ главныхъ городовъ департамента Эро соединились въ Монпелье. „*Свобода Эро*“ въ горячемъ воззваніи, воспроизведенномъ пятидесятью газетами, созвала департаментскую прессу на конгрессъ. Коллективное дѣй-

ствіе готовилось смѣнить безсвязныя дѣйствія послѣднихъ недѣль. Если провинція поняла свою силу, значеніе момента, свои нужды, если она нашла группу лицъ, находящихся на высотѣ положенія,—Версаль, сдавленный между Парижемъ и департаментами, долженъ былъ сдаться республиканской Франціи. Г. Тьеръ почувствовалъ опасность, рѣшилъ дѣйствовать смѣло, энергично запретилъ конгрессы. „Правительство предало бы собраніе, Францію, цивилизацію,“—говоритъ *Оффиціель*“ 8-го мая,—„если бы допустило образоваться рядомъ съ законной властью, установленной всеобщимъ голосованіемъ, засѣданіямъ коммунизма и возмущенія“. Пикаръ говоритъ съ трибуны по адресу иниціаторовъ конгресса: „Ничье покушеніе не было болѣе преступнымъ, чѣмъ ихъ покушеніе. Внѣ собранія нѣтъ права“. Главные прокуроры, префекты получили приказаніе помѣшать всѣмъ собраніямъ и арестовать муниципальныхъ совѣтниковъ, которые отправятся въ Бордо. Многіе члены лиги правъ Парижа были арестованы въ Турѣ, въ Біаррицѣ. Больше ничего не нужно было для того, чтобы испугать радикаловъ.

Организаторы конгресса въ Бордо изворачивались. Находившіеся въ Ліонѣ написали въ Версаль, что они хотѣли созвать только нѣчто въ родѣ собранія нотаблей. Г. Тьеръ, достигнувъ своей цѣли, рѣшилъ, что ихъ не стоитъ преслѣдовать, и позволилъ делегатамъ шестнадцати департаментовъ изложить свои нужды и торжественно заявить, что они возлагаютъ отвѣтственность на „ту изъ двухъ борющихся сторонъ, которая не приметъ ихъ условій“. Такимъ образомъ мелкая провинціальная буржуазія потеряла весьма рѣдкій случай возобновить свою великую роль 1792 года. Съ 19-го марта до 5-го апрѣля она оставила рабочихъ однихъ, вмѣсто того, чтобы способствовать ихъ усиліямъ, спасти и довести до конца вмѣстѣ съ ними революцію. Когда она захотѣла говорить, она оказалась одна, игрушка и посмѣшище своихъ враговъ.

10-го мая г. Тьеръ былъ полнымъ господиномъ положенія. Пользуясь рѣшительно всѣмъ: развращенностью, патріотизмомъ, наполняя ложью свои телеграммы, заставляя лгать газеты, добродушный или надменный смотря по депутаціямъ, выпуская порою своихъ жандармовъ, иногда своихъ депутатовъ лѣвой, онъ достигъ того, что устранилъ всѣ попытки перемирія. Трактатъ о мирѣ былъ подписанъ во

Франкфуртѣ, и, свободный съ этой стороны, отдѣлавшись отъ провинціи, онъ остался лицомъ къ лицу съ Парижемъ.

Это было своевременно. Пять недѣль осады истощили терпѣніе сельскихъ депутатовъ. Подозрѣнія первыхъ дней снова возродились, мелкую буржуазію обвиняли въ томъ, что она умышленно затягиваетъ дѣло, чтобы спасти Парижъ. *Союзъ синдикатовъ* обнародовалъ отчетъ о новомъ свиданіи, во время котораго г. Тьеръ, казалось, шелъ на уступки; послѣ этого одинъ депутатъ правой поднялся на трибуну и упрекалъ г. Тьера за то, что онъ откладываетъ вступленіе. Онъ отвѣтилъ, хмурясь: „Если наша армія открыла траншею въ 600 метрахъ отъ Парижа, это не означаетъ, что мы не хотимъ туда вступить“. На другой день правая возобновила попытку. Правда ли, что г. Тьеръ сказалъ мэру въ Бордо: „Если инсургенты захотятъ прекратить враждебныя дѣйствія, ворота будутъ открыты въ продолженіе недѣли для всѣхъ, кромѣ убійцъ генераловъ“. Развѣ правительство намѣревается освободить нѣсколько парижанъ изъ-подъ власти собранія? Г. Тьеръ захныкалъ: „Вы избираете день, когда я попалъ въ проскрипціи, и когда разрушаютъ мой домъ. Это недостойно.. Я вынужденъ предписывать ужасныя мѣры, и я ихъ предписываю... Я прошу вотума довѣрія“... Доведенный до крайности, онъ отвѣтилъ на ворчаніе правой грубостью: „Я утверждаю, что между вами есть непроницательные люди, слишкомъ поспѣшные. Для нихъ нужна еще недѣля. По истеченіи этой недѣли опасность будетъ устранена, и задача будетъ соотвѣтствовать запасу ихъ храбрости и ихъ способностямъ“.

ГЛАВА XXIV.

Безсиліе второго комитета общественнаго спасенія.—Фортъ Ванвъ и деревня Исси очищены. Манифестъ меньшинства.—Взрывъ въ аллеѣ Раппъ.—Паденіе Вандомской колонны.

10-го, когда приступилъ къ дѣятельности новый комитетъ общественнаго спасенія, стратегическое положеніе коммуны осталось безъ перемѣны на пространствѣ отъ Сентъ-Уана до Нейли, гдѣ постоянно сражались; оно сдѣлалось серьезнымъ, начиная съ Ла-Мюэттъ. Батареи Монтрету, Медона и Монъ-Валерьяна покрывали Пасси гранатами и разрушали валъ. Траншеи версальцевъ простирались отъ Булонья до Сены. Ихъ стрѣлки окружали деревню Исси и занимали траншеи между фортомъ Ванвъ, который они пытались отрѣзать отъ Монружъ. Безпечность организаторовъ защиты не измѣнилась. Валы начиная отъ Мюэттъ до воротъ Ванвъ были едва вооружены; канонерки, едва ли не однѣ, отвѣчали на огонь Медона, Кламаръ и Валь Флери.

Первымъ дѣйствіемъ новаго комитета былъ приказъ разрушить домъ г. Тьера, иниціаторомъ чего явился Артуръ Арну. Благодаря этому безразсудству президентъ-бомбардиръ получилъ хорошенькій дворецъ, который ему на другой же день даровало помѣщичье собраніе. Послѣ этого комитетъ выпустилъ свою прокламацію: „Измѣна проскользнула и т. д.“...

Делеклюзъ выпустилъ тоже одну съ своей стороны. Онъ черезъ силу притащился въ засѣданіе и, задыхаясь, произнесъ: „Если бы я считался только со своими силами, я бы отклонилъ отъ себя эту обязан-

ность. Положеніе серьезно... Но когда я гляжу въ лицо великому будущему, которое открывается нашимъ дѣтямъ, даже въ томъ случаѣ, если намъ не будетъ дано пожать то, что мы посѣяли, я все же привѣтствую съ восторгомъ революцію 18-го марта". Войдя въ министерство, онъ нашелъ тамъ центральный комитетъ, который также выработалъ прокламацію: „Центральный комитетъ объявляетъ, что онъ обязанъ поддерживать эту революцію 18-го марта, которую онъ такъ энергично осуществлялъ... Онъ будетъ безжалостно разрушать всѣ препятствія... Онъ хочетъ просвѣтить безсознательныхъ, побѣдить дурную волю, положить конецъ соперничеству, невѣжеству и бездарности". Это значило взять болѣе высокій тонъ, чѣмъ сама коммуна, и льстить себѣ превыше всякой мѣры.

Въ первую ночь нужно было возстановить одну крупную потерю. Фортъ Ванвъ, на которомъ были сосредоточены всѣ выстрѣлы, направленные раньше на фортъ Исси, сдѣлался почти вовсе беззащитнымъ, и комендантъ очистилъ его. Вроблевскій принялъ команду изъ рукъ больного Ла-Сесилія и въ ночь съ 10-го на 11-ое явился во главѣ 187-го и 105-го батальона славнаго 11-го легіона, который до самаго послѣдняго дня съ неослабной энергіей поддерживалъ оборону. Въ четыре часа утра Вроблевскій показался передъ гласисомъ, гдѣ держались версальцы, атаковалъ ихъ въ штыки, обратилъ въ бѣгство, взялъ нѣкоторыхъ въ плѣнъ и вернулъ фортъ въ руки федералистовъ. Лишній разъ храбрые федералисты показали, на что они способны, когда у нихъ былъ предводитель.

Днемъ версальцы засыпали ядрами и гранатами, начиненными пикриново-кислымъ каліемъ, монастырь Уазо и деревню Исси, отъ большой улицы которой остались одни обломки. Въ ночь съ 12-го на 13-ое они неожиданно напали на лицей Ванвъ, 15-го атаковали семинарію въ Исси. Въ продолженіе пяти дней Брюнель напрягалъ свои силы, чтобы внести нѣкоторый порядокъ въ оборону деревни. Россель послалъ за этимъ смѣлымъ членомъ коммуны, который, изъ-за зависти партій, вынужденъ былъ держаться въ отдаленіи, и сказалъ ему: „Позиція въ Исси почти-что отдана, не возьметесь ли вы защищать ее?" Брюнель пожертвовалъ собою, возстановилъ баррикады, потребовалъ артиллеріи (тамъ было только четыре орудія) и новыхъ батальоновъ, чтобы замѣнить 2.000 человѣкъ, которые

держались тамъ въ продолженіе сорока одного дня. Ему послали только двѣсти или триста человѣкъ. Это и есть то самое, что генералъ Апперъ называетъ бригадой Брюнеля, силой въ 7.882 человѣка. Брюнель укрѣпилъ семинарію, гдѣ федералисты, осыпаемые гранатами, не могли держаться, организовалъ вторую линію въ послѣднихъ домахъ деревни и вечеромъ отправился въ военное министерство, гдѣ Делеклюзъ созвалъ военный совѣтъ.

Это былъ первый совѣтъ послѣ 3-го апрѣля. Тамъ находились Домбровскій, Вроблевскій, Ла-Сесиліа. Домбровскій, все еще восторженный, говорилъ о томъ, чтобы собрать сто тысячъ человѣкъ. Вроблевскій, болѣе практичный, предлагалъ направить противъ южныхъ траншей усилія, которыя напрасно расточались въ Нейли. Говорили много, но не пришли ни къ какому рѣшенію. Засѣданіе уже прекратилось, когда явился Брюнель; онъ разыскалъ Делеклюза въ думѣ и отправился назадъ въ Исси. У версальскихъ воротъ онъ увидѣлъ по ту сторону ограды свои батальоны, которые, не слушаясь своихъ начальниковъ, очистили деревню и намѣревались возвратиться назадъ. Брюнель, не желая доставить имъ проходъ, попытался добраться до мѣста черезъ ворота Ванвъ, гдѣ его не пропустили. Онъ вернулся въ военное министерство, описалъ положеніе, увидѣлся также съ центральнымъ комитетомъ, потребовалъ себѣ людей, блуждалъ всю ночь, чтобы найти ихъ, и въ четыре часа утра удалился со ста пятидесятью федералистами. Деревня была въ рукахъ версальцевъ. Офицеры Исси были приведены на военный судъ. Брюнель въ своемъ показаніи горько жаловался на ту безпечность, которая парализовала оборону. Вмѣсто всякаго отвѣта его арестовали.

Въ его словахъ было только слишкомъ много правды. Безпорядокъ въ военномъ вѣдомствѣ дѣлалъ сопротивленіе химеричнымъ. Делеклюзъ принесъ только свое самоотверженіе. Будучи человѣкомъ слабаго характера, несмотря на свое видимое упорство, онъ находился во власти главнаго штаба, управляемаго теперь интриганомъ Продомомъ, который пережилъ всѣхъ своихъ начальниковъ.

Центральный комитетъ, сильный благодаря раздорамъ въ коммунѣ, всюду проявлялъ свою власть, производилъ аресты, давалъ предписанія о расходахъ, не подчиняясь контролю военной комиссіи.

Члены комиссіи, люди неглупые, но принадлежавшіе къ меньшинству, пожаловались комитету общественнаго спасенія, который замѣнилъ ихъ романтиками. Тѣмъ не менѣе споръ продолжался и столь горячо, что слухъ о раздорѣ между думой и центральнымъ комитетомъ распространился въ легіонахъ.

Версальцы непрерывно подвигались. Въ ночь съ 13-го на 14-ое фортъ Ванвъ, который давалъ только рѣдкіе залпы, замолкъ и не могъ снова начать пальбу. Гарнизонъ, отовсюду отрѣзанный, отступилъ черезъ каменоломню Монружъ. Версальцы заняли то, что осталось отъ форта. Еще одно побѣдное торжество въ Версалѣ.

16-го не осталось ни одного защитника, на всемъ пространствѣ, начиная съ лѣваго берега до Пти-Ванвъ, гдѣ около двухъ тысячъ федералистовъ расположились лагеремъ подъ начальствомъ Ла-Сесиліа и Лисбонна. Они попытались возвратиться въ деревню Исси, но были отбиты. Врагъ могъ продолжать свою работу наступленія и вооружить два бастіона форта Исси, направленные противъ города. Ихъ огонь, которому короткое время противодѣйствовали валы, началъ замѣтно побѣждать и присоединился къ батареямъ, которыя разрушали 16-й округъ. Этотъ несчастный округъ былъ атакованъ спереди, съ фланга, по прямой линіи, приблизительно ста орудіями. Тогда только собрались немного подумать о внутренней оборонѣ. Делеклюзъ распространилъ власть трехъ генераловъ на тѣ кварталы города, которые прилегали къ ввѣреннымъ имъ районамъ, распустилъ батальонъ бывшихъ на баррикадахъ, которые не приносили пользы для дѣла, передалъ работу инженерному отряду. Большая часть его постановленій осталась мертвою буквой или переплелась съ постановленіями другихъ лицъ. Когда делегатъ предложилъ 3 фр. 50 землекопамъ, комитетъ общественнаго спасенія на томъ же столбцѣ „*Оффиціель*“ обѣщалъ 3 фр. 75.

Комитетъ общественнаго спасенія способствовалъ оборонѣ приказомъ, который принуждалъ всѣхъ парижанъ запастись особой карточкой, удостовѣряющей личность предъявителя, при чемъ каждый національный гвардеецъ имѣлъ право требовать предъявленія такого билета,—приказъ, столь же невыполнимый и такъ же невыполненный, какъ и декретъ объ ослушникахъ.

Дума никому не внушала страха. За этими громкими голосами

чувствовалось безсиліе. Когда батальоны окружили банкъ, чтобы произвести розыскъ, старикъ Белэ воспротивился этому, и ужасные диктаторы комитета отреклись отъ своего агента. Публика улыбалась. Еще послѣдній ударъ—и покончено съ авторитетомъ коммуны; этотъ ударъ нанесло меньшинство.

Съ нимъ, дѣйствительно, дурно обращались. Уже когда дѣло шло о томъ, чтобы замѣстить Делеклюза, большинство предпочло Варлену Бильорэ, человѣка совершенно недостойнаго; оно исключило Варлена изъ интендантства, Вермореля изъ комитета безопасности, Лонге изъ редакціи „*Оффисіель*“. Раздраженное и серьезно обезпокоенное увеличивающимся безпорядкомъ, меньшинство хотѣло снять съ себя отвѣтственность и сдѣлало это въ манифестѣ, который былъ принесенъ на засѣданіе 15-го числа. Увѣдомленное заранѣе большинство не явилось, за исключеніемъ четырехъ или пяти членовъ. Меньшинство отмѣтило ихъ отсутствіе и вмѣсто того, чтобы подождать слѣдующаго собранія, послало въ газеты свое заявленіе: „Коммуна“,—говорило оно,—„сложила съ себя власть въ пользу диктатуры, которой она дала названіе комитета общественнаго спасенія... Этимъ своимъ вотумомъ большинство объявило себя неотвѣтственнымъ. Меньшинство утверждаетъ напротивъ, что коммуна должна по отношенію къ революціонному движенію взять на себя всякую отвѣтственность... Что касается насъ, то мы требуемъ себѣ права самостоятельно отвѣчать за наши дѣйствія, не прячась за верховную диктатуру. Мы удалимся въ наши округа“.

Большая непростительная ошибка: меньшинство не имѣло права кричать о диктатурѣ послѣ того, какъ оно голосовало въ пользу второго комитета общественнаго спасенія. Обнародованіе результатовъ голосованія въ достаточной степени снимало съ меньшинства отвѣтственность передъ его избирателями. Болѣе достойнымъ было бы открыто осудить дѣйствія комитета и предложить самимъ нѣчто лучшее. Меньшинство поступило бы болѣе послѣдовательно, не дискредитируя обороны своимъ выходомъ изъ думы; вѣдь само же оно утверждало, что „вопросъ о войнѣ стоялъ впереди всѣхъ другихъ“. Округи послали уполномоченныхъ въ думу не для того, чтобы они вернулись будировать среди своихъ избирателей.

Избиратели, къ которымъ многіе изъ нихъ обратились, предло-

жили имъ снова занять свои мѣста; но ударъ былъ нанесенъ; версальскія газеты испускали крики радости. Протестанты поняли свою ошибку и пятнадцать изъ нихъ явились на засѣданіе 17-го числа. Засѣданіе было полно. Поименная перекличка дала шестьдесятъ шесть членовъ, чего никогда раньше не бывало. Сначала обсуждалось предложеніе, нашептанное однимъ предателемъ. Барраль Монто, начальникъ штаба 7-го легіона, напечаталъ, что версальцы въ Ванвъ разстрѣляли одну маркитантку коммуны. Одинъ изъ членовъ большинства, побуждаемый Монто, потребовалъ, чтобы, въ видѣ репрессіи, пять заложниковъ были разстрѣляны въ самомъ Парижѣ, и пять на аванпостахъ. Коммуна сослалась на свой декретъ отъ 7-го апрѣля и перешла къ порядку дня. Поднимается Паскаль Груссе, призываетъ къ отвѣту членовъ меньшинства, доказываетъ ничтожность причинъ, указанныхъ въ ихъ манифестѣ, и называетъ ихъ въ заключеніе жирондистам. „Жиронидисты!“—возражаетъ Франкель,—„вотъ вы ложитесь и встаете съ Мониторомъ 93-го года! иначе бы вы знали разницу между соціалистами и жирондистами“. Пренія разгораются. Валлесъ, который подписалъ манифестъ, говоритъ: „Я объявилъ, что нужно считаться съ большинствомъ, но нужно уважать и меньшинство, которое есть сила“, и онъ требуетъ, чтобы всѣ усилія были направлены на борьбу противъ врага. Жюль Міо отвѣчаетъ суровымъ ворчаніемъ. Одинъ изъ большинства говоритъ о перемиріи; Феликсъ Піа, чтобы разжечь гнѣвъ, требуетъ прочтенія манифеста. Напрасно Вальянъ съ присущимъ ему здравымъ смысломъ и чувствомъ справедливости говоритъ: „Когда наши товарищи возвращаются къ намъ, отрекаются отъ своей программы, не нужно имъ колоть ею глаза, чтобы побудить ихъ настаивать на своей ошибкѣ“. Примирительная резолюція отвергнута и принята резолюція Міо, составленная въ выраженіяхъ, оскорбительныхъ для меньшинства.

Взрывъ прерываетъ ссору. Бильорэ поспѣшно врывается въ залу и сообщаетъ, что фабрика патроновъ въ авеню Рапп взорвана. Весь кварталъ Гренелль находится въ возбужденіи. Снопъ пламени, расплавленнаго свинца, человѣческихъ останковъ, горящихъ бревенъ, взлетѣвшій съ Марсова Поля на громадную высоту, осыпалъ окрестности метательными снарядами. Четыре дома обрушились, больше сорока человѣкъ изуродовано. Катастрофа была бы болѣе ужасной,

если бы пожарные коммуны не подоспѣли и не вырвали изъ середины пламени фургоновъ съ картечью и бочекъ съ порохомъ. Обезумѣвшая толпа прибѣжала туда, подозрѣвая преступленіе. Нѣсколько человѣкъ были задержаны, одинъ артиллеристъ препровожденъ въ военную школу. Гдѣ виновникъ? Никто не назвалъ его. Ни коммуна, ни ея прокуроръ не изслѣдовали этого дѣла; подобно дѣлу Муленъ-Саке, оно осталось темнымъ. Тѣмъ не менѣе комитетъ общественнаго спасенія сообщилъ въ прокламаціи, что онъ захватилъ четырехъ изъ числа виновныхъ, а Делеклюзъ, что въ военномъ судѣ уже возбуждено дѣло. Серьезное разслѣдованіе, по всей вѣроятности, открыло бы преступниковъ. Рабочіе, которые обыкновенно уходили въ семь часовъ вечера, были въ этотъ день распущены въ шесть часовъ. Видѣли, что Шарпантье попросилъ динамита у полковника Корбена. Для заговорщиковъ было бы очень выгодно однимъ ударомъ распространить панику въ военномъ министерствѣ, въ военной школѣ, въ артиллерійскомъ паркѣ и въ баракахъ Марсова Поля, гдѣ все еще находились нѣсколько федералистовъ. Парижъ твердо вѣрилъ въ заговоръ. Реакціонеры говорили: „Это месть за Вандомскую колонну“.

Она пала наканунѣ съ большой торжественностью, оправдывая черезъ тридцать лѣтъ пророчество Генриха Гейне:

„Однажды буря уже сорвала съ вершины Вандомской колонны желѣзнаго человѣка, который на ней торжественно возвышается, и въ случаѣ, если соціалисты достигнутъ правительственной власти, съ нимъ вторично можетъ случиться то же самое, и, быть можетъ, даже гнѣвъ радикальнаго равенства опрокинетъ всю колонну, чтобы этотъ символъ славы былъ совершенно стертъ съ лица земли“.

Инженеръ, которому было поручено разрушеніе, въ длинномъ высокопарномъ контрактѣ „именемъ позитивистскаго клуба въ Парижѣ“ обязался выполнить „5-го мая, въ годовщину смерти Наполеона, приговоръ произнесенный ему исторіей и объявленный парижской коммуной“. Но его рабочихъ часто отрывали отъ работы и операція была отложена до 16-го. 16-го къ двумъ часамъ дня прилегающія къ площади улицы были запружены народомъ, встревоженнымъ циркулировавшими слухами о возможныхъ катастрофахъ при разрушеніи колонны. Однако инженеръ въ своемъ договорѣ объ-

являлъ, что онъ „берется предупредить всякую опасность“. Онъ перепилилъ колонну горизонтально, нѣсколько выше пьедестала. Косой надрѣзъ долженъ былъ облегчить паденіе кзади на широкое ложе изъ прутьевъ, песку и навоза, наваленныхъ по серединѣ улицы Мира.

Канатъ, прикрѣпленный къ вершинѣ колонны, былъ обвитъ вокругъ ворота, поставленнаго въ началѣ улицы. Вся площадь наполнена національными гвардейцами, окна, крыши заняты любопытными. За отсутствіемъ Жюля Симона и Ферри, еще недавнихъ сторонниковъ разрушенія колонны, Глэ-Бизуанъ, бывшій турскій делегатъ поздравляетъ новаго делегата полиціи Ферре, который недавно назначенъ на мѣсто Курне, и повѣряетъ ему, что вотъ уже сорокъ лѣтъ, какъ онъ страстно желаетъ увидѣть паденіе этого искупительнаго памятника. Музыка играетъ марсельезу. Воротъ начинаетъ вертѣться, блокъ ломается и ранитъ одного человѣка. Въ толпѣ уже слышатся разговоры объ измѣнѣ. Но вскорѣ устанавливаютъ новый блокъ. Въ пять часовъ на баллюстрадѣ появляется офицеръ, онъ долго размахиваетъ трехцвѣтнымъ флагомъ и прикрѣпляетъ его къ рѣшеткѣ. Въ пять съ половиной часовъ воротъ снова начинаетъ вертѣться, Цезарь качается и увѣнчанная побѣдой рука его напрасно простирается къ небу. Колонна постепенно наклоняется и вдругъ рушится на землю, описывая зигзаги въ воздухѣ. Земля содрогается при ея паденіи. Голова Цезаря катится по землѣ, а смертоносная рука лежитъ на площади, отдѣленная отъ туловища. Крики восторга вырываются изъ тысячи грудей какъ бы освобожденнаго народа. Толпа бросается на развалины и съ радостными возгласами водружаетъ красное знамя на пьедесталѣ колонны.

Народъ хотѣлъ раздѣлить между собой обломки колонны. Монетный дворъ воспротивился, жалѣя матеріалъ, могущій пригодиться для чеканки мелкихъ монетъ. Однимъ изъ первыхъ дѣйствій побѣдоносной буржуазіи было возстановленіе этого громаднаго жезла, символа ея власти. Чтобы снова поставить повелителя на его пьедесталъ она должна была перешагнуть черезъ тридцать тысячъ труповъ. И сколько современныхъ матерей, подобно матерямъ первой имперіи, не могутъ безъ слезъ видѣть эту бронзовую статую, стоившую имъ такъ дорого!

ГЛАВА XXV.

Парижъ наканунѣ смерти.—Версаль.

Коммунѣ Парижа осталось жить всего три дня. Постараемся запечатлѣть въ исторіи ея свѣтлый образъ.

Тотъ, кто жилъ твоей лихорадочной жизнью, чье сердце трепетало на твоихъ бульварахъ, кто плакалъ въ твоихъ предмѣстьяхъ, кто воспѣвалъ зарю твоихъ революцій и нѣсколько недѣль спустя мылъ позади баррикадъ свои руки, почернѣвшія отъ пороха, кто слышитъ голоса мучениковъ идеи изъ-подъ твоихъ каменныхъ плитъ и привѣтствуетъ твои улицы, какъ творившія эпохи въ развитіи человѣчества, для кого каждая твоя улица—живой нервъ,—даже и тотъ не можетъ воздать тебѣ должное, великій мятежный Парижъ, если не видѣлъ тебя со стороны. Иностранные филистеры говорятъ съ презрительной ужимкой: „Посмотрите на этого сумасшедшаго!“, но они зорко слѣдятъ за своимъ пролетаріемъ, который повѣсилъ свой молотъ и присматривается, они страшатся, чтобы твой порывъ не научилъ его, какъ лишить ихъ главной пружины ихъ могущества. Притягательная сила Парижа была такъ велика, что изъ Америки пріѣзжали посмотрѣть на это невиданное зрѣлище; самый большой городъ европейскаго материка въ рукахъ пролетаріевъ. Даже малодушныхъ людей это привлекало.

Въ первыхъ числахъ мая къ намъ въ Парижъ явился другъ—одинъ изъ робкихъ людей робкой провинціи. Друзья проводили его со слезами, какъ будто онъ отправлялся въ адъ. Онъ обратился къ намъ съ вопросомъ: „Что происходитъ у васъ въ дѣйствительности?“—Что же! обойдемте всѣ закоулки этого вертепа.

Начнемъ съ Бастиліи. Мальчишки пронзительно выкрикиваютъ: „*Слово порядка*!“, Рогифора, „*Перъ-Дюшенъ*!“ „*Крикъ народа*!“ Жюля Валлеса, „*Мститель*!“ Феликса Піа, „*Коммуна*!“, -„*Трибуна народа*!“ „*Освобожденный*!“ „*Авангардъ*!“ „*Позорный столбъ предателей*!“ „*Оффисіель*“ мало раскупается, журналисты изъ совѣта коммуны подавляютъ его своей конкуренціей; одинъ изъ нихъ, Везинье, дошелъ до того, что напечаталъ въ „*Свободномъ Парижѣ*“ о секретномъ засѣданіи. „*Крикъ народа*“ расходится въ ста тысячахъ экземпляровъ. Это—самая ранняя газета, она появляется съ пѣтухами. Хорошо, если сегодня есть статья Валлеса, но онъ слишкомъ часто уступаетъ слово Пьеру Дени, который скученъ до послѣдней крайности. Не покупайте больше одного раза „*Перъ-Дюшенъ*“, хотя онъ и расходится въ шестидесяти тысячахъ экземпляровъ. Статья Феликса Піа въ „*Мстителѣ*“ можетъ служить прекраснымъ образчикомъ неудержимой болтливости. „*Коммуна*“—доктринерскій органъ, въ которомъ иногда пишетъ Мильеръ и въ которомъ Жоржъ Дюшенъ критикуетъ и молодыхъ и старыхъ изъ думы со строгостью, на которую не имѣетъ никакого права.

Вотъ въ кіоскахъ вы видите каррикатуры: Тьеръ, Пикаръ и Жюль Фавръ въ видѣ трехъ грацій, стягивающихъ свои жирные животы. Эта рыба съ голубовато-зеленой чешуей, постилающая постель съ царской короной—изображаетъ маркиза Галиффе. „*Будущее*“, органъ „Лиги“, „*Вѣкъ*“, ставшій враждебнымъ коммунѣ со времени ареста Шодея, „*Истина*“, издаваемая янки Порталисомъ, лежатъ на прилавкахъ печальные и нетронутые. Около тридцати версальскихъ газетъ запрещены полицейской префектурой, но онѣ продолжаютъ издаваться; газетчикъ тутъ же намъ ихъ предлагаетъ.

Читайте, постарайтесь найти въ этихъ газетахъ коммуны, разгоряченныхъ борьбой, призывы къ убійству, грабежу, какія-нибудь жестокости. Сравните ихъ съ версальскими газетами, которыя требуютъ массовыхъ разстрѣловъ сейчасъ же послѣ того, какъ войска возьмутъ Парижъ.

Послѣдуемъ за похоронной процессіей, которая двигается по улицѣ Рокеттъ. Войдемте вмѣстѣ съ ней на кладбище Перъ-Лашезъ. Всѣхъ, кто умираетъ за Парижъ, хоронятъ въ одномъ большомъ фамильномъ склепѣ, и коммуна считаетъ для себя честью устраивать похо-

роны на свой счетъ. Ея красное знамя развѣвается на четырехъ углахъ колесницы, за которой всегда слѣдуютъ товарищи по батальону и нѣсколько прохожихъ. Женщина провожаетъ тѣло своего мужа. За гробомъ идетъ и членъ совѣта коммуны. И надъ могилой онъ говоритъ не о горѣ, а о надеждѣ и мести. Вдова прижимаетъ дѣтей къ своей груди, говоритъ имъ:—„Запомните это и восклицайте вмѣстѣ со мною: Да здравствуетъ республика! Да здравствуетъ коммуна!“—„Это жена лейтенанта Шателе“,—говоритъ намъ одинъ изъ присутствующихъ.

На обратномъ пути мы проходимъ мимо мэріи XI округа, задрапированной въ черное, въ знакъ траура по плебисцитѣ имперіи. Населеніе Парижа, совершенно неповинное въ этомъ плебисцитѣ, становится его жертвой. Площадь Бастиліи, оживленная базаромъ, представляетъ собой веселое зрѣлище. Парижъ ничѣмъ не хочетъ поступиться изъ-за пальбы пушекъ, онъ даже продолжилъ свой базаръ на недѣлю. Качаются качели, скрипятъ турникеты, лавочники выкрикиваютъ игрушки по тринадцать су штуку, фокусники говорятъ свои вступительныя рѣчи и обѣщаютъ отдать половину своей выручки въ пользу раненыхъ. Какой-то національный гвардеецъ, возвращающійся изъ траншей, опершись на свое ружье, разсматриваетъ панораму осады, въѣзда Гарибальди въ Дижонъ.

Спустимся теперь по большимъ бульварамъ. Въ циркѣ Наполеонъ пять тысячъ человѣкъ, всѣ мѣста сверху до низу заполнены. Маленькія знамена приглашаютъ земляковъ группироваться по департаментамъ. Собраніе созвано нѣсколькими коммерсантами, которые предлагаютъ гражданамъ департаментовъ выбрать делегатовъ и послать ихъ къ депутатамъ въ Версаль; они думаютъ, что, можетъ быть, удастся ихъ образумить, путемъ объясненій добиться мира. Одинъ гражданинъ проситъ слова и всходитъ на эстраду. Это Мильеръ, толпа ему апплодируетъ: „Миръ! мы всѣ его жаждемъ“,—говоритъ онъ,—„но кто началъ войну? Кто отказался отъ всякаго соглашенія? Кто напалъ на Парижъ 18-го марта?—Тьеръ. Кто напалъ на Парижъ 2-го апрѣля?—Тьеръ. Кто говорилъ о примиреніи, дѣлалъ неоднократныя попытки къ тому?—Парижъ. Кто ихъ постоянно отвергалъ?—Тьеръ. Не г-нъ ли Дюфоръ [1]) сказалъ:—„*Примиреніе! нѣтъ, мятежъ*

[1]) Дюфоръ—министръ юстиціи въ кабинетѣ Тьера.

менѣе преступенъ...? И то, чего не могли сдѣлать ни франкъ-масоны, ни лиги, ни адреса, ни муниципальные совѣты провинціи, того вы ждете отъ депутаціи, избранной изъ парижанъ! Знаете ли, что, сами того не сознавая, вы подрываете этимъ оборону. Нѣтъ, довольно депутацій; намъ нужны дѣятельныя сношенія съ провинціей; въ этомъ наше спасеніе!“—„Такъ вотъ этотъ неистовый Мильеръ, которымъ насъ пугаютъ въ провинціи!”—воскликнулъ мой другъ.—„Да, а эти тысячи людей всѣхъ званій, жаждущіе мира, терпѣливо выслушивающіе другъ друга и вѣжливо отвѣчающіе,—это тотъ одержимый бѣсомъ народъ, кучка „бандитовъ, которая держитъ въ своихъ рукахъ столицу“.

У казармы принца Евгенія слоняются полторы тысячи солдатъ, оставшихся 18-го марта въ Парижѣ, коммуна содержитъ ихъ, хотя они не несутъ никакой службы; эти бездѣльники говорятъ, что не желаютъ стать ни на сторону Парижа, ни на сторону Версаля. На бульварѣ Мажента разложены многочисленные скелеты изъ церкви св. Лаврентія, ихъ расположили въ томъ же порядкѣ, въ какомъ они были найдены, безъ гробовъ и савановъ. Развѣ погребеніе въ церквахъ не было строго воспрещено? А между тѣмъ нѣкоторыя церкви, особенно Нотръ-Дамъ-де-Виктуаръ, переполнены скелетами. Развѣ не долгъ коммуны предать гласности эти беззаконія, за которыми, можетъ быть, скрываются преступленія?

На бульварахъ, начиная отъ Боннъ-Нувелль до бульвара Оперы, мы видимъ все тотъ же неизмѣнный Парижъ, фланирующій по магазинамъ или сидящій передъ кафе. Извозчики рѣдки, вслѣдствіе осаднаго положенія не хватаетъ корма для лошадей. Идя по улицѣ 4-го сентября, мы доходимъ до биржи, украшенной краснымъ флагомъ, и до національной библіотеки, которая полна читателями. Пройдя черезъ Пале-Рояль, мы подходимъ къ Луврскому музею. Его залы, украшенные всѣми картинами, которыя оставлены администраціей 4-го сентября, открыты для публики. Это, однако, не мѣшаетъ Жюлю Фавру и его газетамъ утверждать, что коммуна продаетъ національныя коллекціи иностранцамъ.

Спустимся по улицѣ Риволи. На Кастильонской улицѣ внушительная баррикада закрываетъ выходъ на Вандомскую площадь. Выходъ на площадь Согласія запертъ Сенъ-Флорентинскимъ редутомъ,

который тянется отъ морского министерства къ Тюильрійскому саду; въ этомъ редутѣ, въ восемь метровъ толщиной, продѣланы три бойницы, правда, устроенныя довольно плохо. Широкій ровъ, въ глубинѣ котораго видны всѣ артеріи подземной жизни, отдѣляетъ площадь отъ редута. Рабочіе заканчиваютъ отдѣлку его и покрываютъ его скаты дерномъ. Многіе любопытные стоятъ и смотрятъ, и не по одному лицу пробѣгаетъ мрачная тѣнь. Искусно продѣланный проходъ ведетъ на площадь Согласія. Строгія очертанія статуи Страсбурга выдѣляются на фонѣ красныхъ знаменъ. Эти коммунары, которыхъ обвиняютъ въ томъ, что они ничего не хотятъ знать о Франціи, замѣнили надгробные вѣнки, возложенные во время первой осады у подножія статуи, молодыми цвѣтами весны.

Мы вступаемъ теперь въ зону сраженія. Авеню Елисейскихъ Полей протянулось здѣсь длинной линіей, пустынное, изрытое зловѣщими слѣдами гранатъ съ Монъ-Валерьянъ и Курбвуа. Гранаты долетаютъ до дворца Промышленности; сокровища послѣдняго мужественно охраняются служащими коммуны. Вдали вырисовываются массивныя очертанія Тріумфальной арки. Любопытные первыхъ дней исчезли съ площади Звѣзды, пребываніе на ней теперь почти столь же опасно, какъ и на крѣпостномъ валу. Гранаты ударяютъ въ фасадъ, отбиваютъ тѣ самые барельефы, которые, по иниціативѣ Жюля Симона, были блиндированы во время прусской осады. Картечь повсюду падаетъ смертельнымъ дождемъ. Пролетъ главной арки задѣланъ для того, чтобы снаряды не пролетали насквозь.

За этой баррикадой возвышаются особые аппараты для подъема пушекъ на платформу, господствующую надъ прилегающими авеню.

Мы идемъ по предмѣстью Сентъ-Оноре, вдоль Елисейскихъ Полей. Въ четырехугольникѣ, образуемомъ авеню Великой Арміи, авеню Тернъ, валами и авеню Ваграмъ, нѣтъ ни одного неповрежденнаго дома. Видно, что Тьеръ „*вовсе не бомбардируетъ Парижа, какъ это, навѣрное, будутъ утверждать люди коммуны*“. На одной полуразрушенной стѣнѣ видны обрывки какого-то плаката. Это рѣчь г-на Тьера противъ короля Бомбы, очень кстати перепечатанная группой примирителей. „*Вы знаете, милостивые государи*“— говорилъ онъ господамъ буржуа 1848-го года,—„*что происходитъ въ Палермо. Вы всѣ содрогнулись отъ ужаса, когда узнали,*

что Большой городъ въ теченіе сорока восьми часовъ подвергался бомбардировкѣ. И кто же его бомбардировалъ? Непріятель, который воспользовался военнымъ правомъ? Нѣтъ, господа, его собственное правительство. И почему же? Потому что этотъ несчастный городъ потребовалъ правъ. Что же! За требованіе правъ онъ былъ наказанъ сорока восьмичасовой бомбардировкой!“... Счастливое Палермо. Парижъ уже сорокъ дней бомбардируется „своимъ собственнымъ правительствомъ“.

Намъ, можетъ быть, удастся дойти до бульвара Перейръ, если мы будемъ держаться лѣвой стороны авеню Тернъ. На небольшомъ пространствѣ между авеню Тернъ и воротами Мальо всѣ люди одинаково близки къ могилѣ. Выждавъ минутку затишья, мы подходимъ къ воротамъ, или, вѣрнѣе, къ грудѣ обломковъ, которая возвышается на мѣстѣ бывшихъ воротъ. Вокзала уже нѣтъ; тунель засыпанъ; валы сливаются со рвами. Люди съ изворотливостью саламандръ копошатся среди этихъ развалинъ. Передъ воротами стоятъ три орудія, которыми командуетъ капитанъ Ла-Марсельезъ, направо отъ него находится капитанъ Роша съ пятью орудіями, налѣво—капитанъ Мартенъ съ четырьмя. Уже пять недѣль генералъ Монтере держитси на этомъ посту подъ непрерывнымъ дождемъ гранатъ. Монъ-Валерьянъ, Курбвуа и Беконъ выпустили свыше восьми тысячъ снарядовъ. Всего десять человѣкъ защищаютъ эти двѣнадцать орудій; они стоятъ обнаженные до пояса, съ почернѣвшимъ отъ пороха тѣломъ и руками; Краонъ, погибшій на своемъ посту, управлялъ одинъ двумя орудіями. Держа въ обѣихъ рукахъ фитили, онъ стрѣлялъ одновременно изъ двухъ пушекъ. Бонавантюръ, единственный оставшійся въ живыхъ изъ перваго отряда, былъ свидѣтелемъ того, какъ его товарищей разорвало въ клочки. И тѣмъ не менѣе люди держатся, и эти орудія, неоднократно сбиваемыя съ лафетовъ, вновь ставятся на мѣсто. Версальцы уже много разъ пытались захватить ихъ и могутъ ежеминутио сдѣлать новую попытку. Но Монтере сторожитъ днемъ и ночью; онъ можетъ, не хвастаясь, написать комитету общественнаго спасенія, что, пока онъ здѣсь, версальцы не войдутъ черезъ ворота Мальо.

Каждый шагъ по направленію къ Ла-Мюэттъ—это вызовъ смерти.

На валу, близъ воротъ Мюэттъ, какой-то офицеръ машетъ своимъ кепи въ сторону Булонскаго лѣса, пули свистятъ вокругъ него. Это Домбровскій, онъ забавляется тѣмъ, что поддразниваетъ версальцевъ, сидящихъ въ траншеяхъ. Генералъ приводитъ насъ въ замокъ Мюэттъ, одну изъ его главныхъ квартиръ. Стѣны комнатъ насквозь пробиты пулями. Тѣмъ не менѣе онъ тамъ остается и оставляетъ тамъ своихъ людей; было высчитано, что его адъютанты въ средъ немъ жили по восьми дней. Въ этотъ моментъ прибѣгаетъ часовой съ бельведера, въ который попала граната. „Останьтесь тамъ“,—говоритъ Домбровскій,—„если вамъ не суждено умереть, то вамъ нечего бояться“. Онъ фаталистъ, и этимъ можно объяснить его храбрость. Несмотря на свои телеграммы въ военное министерство, онъ не получаетъ никакихъ подкрѣпленій, считаетъ дѣло проиграннымъ и слишкомъ часто говоритъ объ этомъ. Это единственный упрекъ, который я могъ бы ему сдѣлать. Вы не ждете отъ меня, чтобы я сталъ оправдывать коммуну въ томъ, что она приняла услуги иностранныхъ демократовъ. Развѣ эта революція—не революція всѣхъ пролетаріевъ? И развѣ французы во всѣ войны не открывали доступа въ свои ряды великодушнымъ людямъ всѣхъ націй, желавшимъ сражаться вмѣстѣ съ ними?

Домбровскій идетъ вмѣстѣ съ нами черезъ Пасси до Сены и печальнымъ жестомъ указываетъ на почти покинутые валы. Гранаты разрываютъ и портятъ всѣ пути, ведущіе къ желѣзной дорогѣ. Большой путепроводъ разрушенъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ. Блиндированные локомотивы покорoблены, опрокинуты. Версальская батарея съ острова Вилланкуръ стрѣляетъ въ наши канонерки по ватерлиніи, и одну изъ нихъ, „Эстокъ“, пускаетъ ко дну. Сторожевая лодка снимаетъ съ нея экипажъ и идетъ вверхъ по Сенѣ подъ огнемъ, который преслѣдуетъ ее до Іенскаго моста.

Мягкій воздухъ, жизнерадостное солнце, мирная тишина и тутъ же гибель судна и гранаты, нарушающія спокойствіе. Смерть въ атмосферѣ расцвѣтающей природы кажется еще болѣе жестокой. Но взглянемъ на раненыхъ въ Пасси. Вы знаете, что, по приказанію Тьера, стрѣляютъ въ лазареты коммуны. На протесты *международнаго общества помощи раненымъ* онъ отвѣтилъ: „Такъ какъ коммуна не примкнула къ Женевской конвенціи, то версальское пра-

вительство въ данномъ случаѣ не обязано исполнять ея постановленій“. Но коммуна примкнула къ конвенціи, она сдѣлала больше того: несмотря на самыя дикія звѣрства противника, она не нарушала законовъ гуманности; г. Тьеръ продолжаетъ добивать раненыхъ. Посмотрите на нихъ. Одинъ членъ коммуны, Лефрансэ, посѣтилъ лазаретъ доктора Демаркэ, разспрашивалъ его о состояніи раненыхъ. „Я не раздѣляю вашихъ идей“,—отвѣтилъ ему докторъ,—„и не могу желать торжества вашего дѣла; но я никогда не видалъ раненыхъ, которые такъ спокойно переносили бы операціи. Я приписываю это мужество силѣ ихъ убѣжденія“. Большинство больныхъ съ тревогой спрашиваютъ, когда они сумѣютъ снова приняться за службу. Молодой человѣкъ восемнадцати лѣтъ, у котораго ампутирована правая рука, подымаетъ лѣвую и восклицаетъ:—„У меня еще осталась эта для службы коммунѣ!“ Одному изъ офицеровъ, смертельно раненому, говорятъ, что его содержаніе передано его женѣ и дѣтямъ: „Я не имѣлъ на это права“,—отвѣчаетъ онъ.—Вотъ, другъ мой, тѣ „пьяные скоты“, изъ которыхъ, по словамъ Версаля, состоитъ армія коммуны!

Пойдемте обратно черезъ Марсово поле. Его обширные бараки довольно плохо оборудованы. Нужны были бы другіе кадры, другая дисциплина, чтобы удержать тамъ батальоны.

Передъ военной школой сто пушекъ, ихъ огненныя жерла не вычищены, бездѣйствуютъ,—это въ ста пятидесяти метрахъ отъ валовъ, въ двухъ шагахъ отъ военнаго министерства. Но оставимъ въ сторонѣ этотъ очагъ раздора и зайдемъ въ зданіе законодательнаго корпуса, который превращенъ въ мастерскую. Полторы тысячи женщинъ шьютъ мѣшки для земли, которыми законопачиваютъ бреши. Высокая и красивая дѣвушка Марта, съ красной перевязью съ серебряной бахромой, подаренной ей товарищами, распредѣляетъ работу. Подъ звуки веселыхъ пѣсенъ незамѣтно пролетаютъ часы работы. Каждый вечеръ выдаютъ плату, и работницы получаютъ весь свой заработокъ, по восьми сантимовъ за мѣшокъ; между тѣмъ прежній предприниматель платилъ имъ не болѣе, чѣмъ по два сантима.

Подымемся опять по сонной, неизмѣнно спокойной, набережной. Въ академіи наукъ по понедѣльникамъ попрежнему происходятъ засѣданія. Не рабочимъ принадлежитъ изреченіе: „Республикѣ не нужн

ученые". Делонэ на своемъ предсѣдательскомъ креслѣ. Илья Бомонъ просматриваетъ корреспонденцію и прочитываетъ записку своего коллеги Ж. Бертрана, который убѣжалъ въ Сенъ-Жерменъ; этотъ сухой, безплодный математикъ былъ совершенно чуждъ творческой смѣлости, никогда не могъ уразумѣть теорему природы. Завтра въ „*Оффиціелъ*" коммуны мы найдемъ отчетъ объ этомъ засѣданіи.

Прежде, чѣмъ покинуть лѣвый берегъ Сены, зайдемъ въ военную тюрьму. Спросите у версальскихъ плѣнныхъ, слышали ли они въ Парижѣ хотя бы одну угрозу, одно проклятіе,—они вамъ скажутъ, что съ ними обращаются, какъ съ товарищами, что они подчинены общему режиму, что ихъ отпускаютъ на свободу, какъ только они выражаютъ желаніе помочь своимъ парижскимъ братьямъ.

Взгляните на великій городъ въ вечернюю пору. Открываются театры. Въ „Лирическомъ" большой музыкальный вечеръ въ пользу раненыхъ, въ „Комической Оперѣ" на-дняхъ тоже будетъ благотворительный спектакль. Въ „Оперѣ", гдѣ попрежнему поетъ Мишо, на понедѣльникъ, 22-го, объявленъ торжественный вечеръ, въ которомъ Рауль Пюньо исполнитъ гимнъ Госсека. Артисты „Gaîté", оставшіеся безъ директора, сами управляютъ театромъ. „Жимназъ", „Шатле", „Французскій Театръ", „Амбигю-Комикъ", „Делассманъ" каждый вечеръ переполнены. Но пойдемте теперь посмотрѣть на зрѣлище, котораго Парижъ не видѣлъ съ 93-го года.

Открываются двери десяти церквей, и съ кафедръ раздается проповѣдь революціи. Въ старомъ кварталѣ Гравилье, въ соборѣ св. Николая гулъ многочисленной толпы. Огромное помѣщеніе, биткомъ набитое народомъ, освѣщено дрожащимъ пламенемъ нѣсколькихъ газовыхъ рожковъ, и въ глубинѣ, въ тѣни сводовъ видно изображеніе Христа, украшенное перевязью коммуны. Единственное ярко освѣщенное мѣсто—столикъ противъ кафедры тоже задрапированъ краснымъ. Органъ и толпа затягиваютъ марсельезу. Изъ устъ оратора, наэлектризованнаго фантастической обстановкой, вырываются отрывистыя восклицанія, повторяемыя гулкимъ резонансомъ; они звучатъ, какъ угрозы. Онъ говоритъ о событіи дня, о способахъ обороны. Онъ жестоко нападаетъ на членовъ коммуны. Резолюціи, которыя приметъ это собраніе, завтра будутъ сообщены городской думѣ. Иногда и женщины просятъ слова; въ Батиньолѣ онѣ имѣютъ свой

особый клубъ, въ которомъ обсуждается вопросъ о мирѣ и войнѣ. Правда, въ этихъ собраніяхъ высказывается мало дѣльныхъ мыслей, но зато для многихъ онѣ являются источникомъ воодушевленія и мужества.

Девять часовъ вечера; мы можемъ еще поспѣть въ концертъ въ Тюильри. У входа стоятъ гражданки съ комиссарами и собираютъ деньги въ пользу вдовъ и сиротъ коммуны. Въ первый разъ на скамейкахъ во дворцѣ сидятъ прилично одѣтыя женщины. Въ галлереяхъ играютъ три оркестра. Центръ празднества въ Маршальскомъ залѣ. На томъ мѣстѣ, гдѣ десять мѣсяцевъ тому назадъ возсѣдалъ Бонапартъ и его шайка, теперь г-жа Агарь, на которую версальскія газеты возводятъ всякія гнусности, декламируетъ „Les Châtiments“, „L' Idole“. Вмѣсто непристойной музыки имперіи, теперь исполняютъ Моцарта, Мейербера и другія великія произведенія искусства. Черезъ большое среднее окно звуки музыки проникаютъ въ садъ. Свѣтъ люстръ и веселыхъ разноцвѣтныхъ фонариковъ падаетъ на траву, скользитъ по деревьямъ, отражается въ водѣ фонтановъ. Изъ сада доносится смѣхъ гуляющей тамъ толпы. А Елисейскія Поля, погруженныя въ мракъ, какъ будто протестуютъ противъ этихъ хозяевъ изъ простого народа, котораго они никогда не признавали. Версаль тоже протестуетъ своими выстрѣлами, бросающими багровые отблески на Тріумфальную арку, подъ темными сводами которой идетъ великая гражданская война. Въ одиннадцать часовъ около капеллы замѣтно какое-то волненіе. Арестовали Шельхера. Онъ уѣхалъ изъ Версаля только для того, чтобы посмотрѣть на празднества Парижа, того самаго Парижа, паденію котораго онъ содѣйствуетъ въ Версалѣ. Его отводятъ въ префектуру, гдѣ Рауль Риго, посмѣявшись надъ нимъ, отпускаетъ его на свободу.

Бульвары теперь полны толпой, выходящей изъ театровъ. Въ кафе Петерсъ скандальное сборище публичныхъ женщинъ и офицеровъ главнаго штаба въ мягкихъ сапогахъ съ красными отворотами, съ саблями, никогда не бывшими въ дѣлѣ. Но вотъ появляется отрядъ національныхъ гвардейцевъ и уводитъ ихъ. Вмѣстѣ съ ними мы идемъ въ городскую думу; тамъ ихъ принимаетъ Ранвье,—онъ дежуритъ въ думѣ. Процедура недолга: женщинъ онъ отправляетъ въ тюрьму Сенъ-Лазаръ, офицеровъ съ лопатами и кирками—въ траншеи.

Часъ ночи. Парижъ спитъ мирнымъ сномъ. Вотъ онъ, этотъ Парижъ разбойниковъ, другъ мой! Ты видѣлъ его мыслящимъ, плачущимъ, сражающимся, работающимъ, братски настроеннымъ, но строгимъ къ преступленіямъ. Его улицы, по которымъ ты спокойно идешь днемъ, не менѣе безопасны въ часы ночной тишины. Съ тѣхъ поръ, какъ парижское населеніе само исполняетъ полицейскія обязанности, число преступленій уменьшилось [1]). Гдѣ торжество разгула и разврата? Эти работники, въ рукахъ которыхъ имѣются милліарды, живутъ на содержанье, ничтожное, въ сравненіи съ ихъ обычнымъ заработкомъ. Богатые дома тѣхъ, кто ихъ бомбардируетъ, къ ихъ услугамъ; гдѣ же громилы?

Узнаешь ли ты, наконецъ, Парижъ, тотъ Парижъ, который съ 1789 года семь разъ подвергался разстрѣлу, Парижъ, никогда не капитулирующій, всегда готовый подняться для спасенія Франціи. Теперь ему приходится выносить больше, чѣмъ вынесли Эльзасъ и Лотарингія, на защиту которыхъ онъ всталъ. Ты спрашиваешь, въ чемъ его программа? Такъ ищи же ее въ томъ, что передъ тобой, не въ городской думѣ, которая запинается на каждомъ словѣ. Эти дымящіеся валы, эти взрывы героизма, участіе женщинъ, мужчинъ всѣхъ профессій, сочувствіе рабочихъ всего міра нашей борьбѣ союзъ буржуазіи всѣхъ странъ противъ насъ—развѣ изъ этого не ясна руководящая идея, развѣ это не говоритъ тебѣ, что здѣсь идетъ борьба за республику и за торжество соціализма. Возвратись скорѣе къ себѣ и разскажи тамъ, что такое Парижъ. Скажи республиканской провинціи:—„Парижскіе пролетаріи борятся за васъ, которыхъ завтра же ожидаетъ преслѣдованіе. Если они падутъ, то вы надолго будете похоронены подъ ихъ трупами“.

Рядомъ съ Парижемъ его прямая противоположность—Версаль, вѣчная угроза. Городъ, которому суждено быть резиденціей враговъ Парижа. Позавчера этимъ врагомъ былъ король, вчера—Вильгельмъ, сегодня—Тьеръ. И съ 89-го года у нихъ всѣхъ одинъ девизъ, мысль Бретейля: „Если нужно будетъ сжечь Парижъ, Парижъ будетъ сожженъ“! Идея сжечь Парижъ принадлежитъ французской аристократіи.

Въ королевскихъ аллеяхъ красуются пушки. На „Cour d'honneur“

---

[1]) *Клодъ*, начальникъ охраны при имперіи. Анкета о 18-омъ марта.

бронзовые доги, сидящіе на заднихъ лапахъ, охраняютъ дворецъ, національное собраніе—этотъ вертепъ. Пройти туда могутъ лишь люди въ орденахъ, депутаты или полицейскіе шпіоны; никто не останавливается въ Версалѣ, никто не можетъ остаться тамъ, если онъ не внесенъ въ списокъ.

Главный штабъ деревенщины засѣдаетъ въ „Резервуаръ“ [1]); здѣсь собираются чистокровные правые, „chevaux-legers“ [2]), орлеанисты, іезуиты. Тутъ же притонъ общипанныхъ сановниковъ имперіи, дипломатовъ á la Грамонъ, префектовъ, камергеровъ, лакеевъ, бѣглецовъ 4-го сентября, франкъ-филеровъ осады. Одни изъ нихъ говорятъ:—„Мы признаемъ только короля“, другіе:—„Мы признаемъ только императора“,—этимъ исчерпывается ихъ характеристика. Спасающіеся вмѣстѣ отъ грозы въ этомъ Ноевомъ ковчегѣ, бывшіе изгнанники и бывшіе гонители съ ненавистью подстерегаютъ другъ друга, чтобы воспользоваться выгодами побѣды.

Войско на сторонѣ бонапартистовъ, но правительство не на ихъ сторонѣ, а это теперь все, когда деревенская реакція царствуетъ въ національномъ собраніи. Теплая компанія депутатовъ, чиновниковъ, офицеровъ, торгашей, господствующая въ собраніи, въ восторгѣ отъ того, что въ руки ея попала такая неоцѣненная находка, какъ снабженіе провіантомъ и амуниціей 130.000 человѣкъ, не считая уже крупныхъ работъ по ремонту дорогъ, мостовъ, общественныхъ зданій. Префекты, обезпокоенные за свои департаменты, прислушиваются къ этимъ группамъ, слѣдятъ за этими таинственными заговорщиками, назначающими на опредѣленный день побѣду надъ Парижемъ. Правые съ головы до ногъ осматриваютъ почтенныхъ лѣвыхъ, которые служатъ посмѣшищемъ для собраній.

Толэнъ съ каѳедры требуетъ объясненій по поводу Белль-Эпинскихъ убійствъ. Онъ остался въ Версалѣ, этотъ бывшій столпъ Интернаціонала, какъ представитель „истиннаго“, „добраго“ народа, который чуждъ „вакханаліямъ парижской черни“. „Довольно! до-

---

[1]) Отель „Резервуаръ“—зданіе въ Версалѣ, въ которомъ въ 71-мъ г. устраивала свои засѣданія монархически настроенная часть парламента.

[2]) Такъ назывались солдаты одного кавалерійскаго отряда находившагося подъ непосредственнымъ командованіемъ короля.

вольно!“ —кричатъ этому слишкомъ чистому человѣку:—„всѣ знаютъ, что наши бравые офицера не убійцы“. Министръ, придерживаясь парламентарнаго тона, отвѣчаетъ ему: „почтенный господинъ Толэнъ“... при словѣ почтенный раздается шиканіе, и Греви прекращаетъ обсужденіе этого вопроса словами: „незачѣмъ даже опровергать такую гнусную клевету“. Всѣ усаживаются по мѣстамъ, Толэнъ тоже садится, притворяясь возмущеннымъ [1]).

Въ тѣ моменты, когда собраніе не рычитъ отъ ярости, оно предается молитвамъ; проповѣди чередуются съ требованіями смертныхъ казней. Гаварди требуетъ преданія уголовному суду—время костровъ увы! миновало—всякаго, кто будетъ отрицать существованіе Бога или безсмертіе души. Собраніе нѣсколько мѣшкаетъ съ голосованіемъ, и генералъ дю-Тампль призываетъ своихъ коллегъ къ порядку: „Мы Бога заставляемъ ждать!“

Помимо этихъ собраній и партій плѣнныхъ, въ насмѣшкахъ надъ которыми всѣ изощряются, жизнь деревенскихъ депутатовъ кажется однообразной, скучной. Наиболѣе богатые изъ нихъ находятъ развлеченіе въ большихъ кабакахъ Сенъ-Жермена; тамъ на террасѣ, украшенной молодой зеленью, происходитъ своего рода „Longchamps“ [2]): собираются свѣтскія женщины, артисты, артистки, красивыя дамы полусвѣта и журналисты, которые перенесли свое ремесло въ Версаль. Нѣтъ ни одного газетчика, который бы не выдумалъ, что онъ, какъ Луи Бланъ, былъ приговоренъ къ смерти центральнымъ комитетомъ, коммуной или же военнымъ судомъ, предсѣдателя котораго онъ не затрудняется назвать,—ни одного, который не имѣлъ бы самыхъ достовѣрныхъ свѣдѣній о подробностяхъ самыхъ секретныхъ засѣданій въ городской думѣ, объ убійствахъ, во-

---

[1]) Въ 1867 году Толэнъ болѣе кого бы то ни было возсталъ противъ Жюля Фавра, когда тотъ объявилъ, что считаетъ себя отвѣтственнымъ только передъ своей совѣстью. Въ апрѣлѣ 1896 года этотъ эксъ-рабочій, сдѣлавшійся важнымъ сенаторомъ, написалъ своимъ избирателямъ, требовавшимъ у него отчета въ его образѣ дѣйствій, что онъ „руководствуется исключительно своей совѣстью“.

[2]) Longchamps—большое гулянье, устраиваемое на Пасхальной недѣлѣ въ Булонскомъ лѣсу и на Елисейскихъ Поляхъ.

ровствѣ, грабежахъ и разстрѣлахъ въ Парижѣ. Монархисты утверждаютъ, что главный вдохновитель коммуны—извѣстный бонапартистъ Хюгельманъ. Что въ центральномъ комитетѣ предсѣдательствуетъ генералъ Флери и что баррикады строятся подъ руководствомъ прусскихъ генераловъ [1]). По словамъ же бонапартистовъ этими коммунарами, благодаря безсовѣстному упорству которыхъ Бисмаркъ повысилъ свои требованія до пяти милліардовъ и которые осмѣливаются требовать преданія суду Базена, руководитъ Гамбетта черезъ своего друга Ранка. Деревенскіе депутаты все это принимаютъ за истинную монету и имъ кажется чудомъ, что Шельхеру удалось спастись изъ этого ада, описаннаго оффиціальной газетой въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „Зачумленное мѣсто, которое всякій стремится покинуть. Несчастные, которые не могутъ убѣжать, принуждены взывать къ поддержкѣ нейтральныхъ державъ... какъ въ дальнихъ странахъ Востока, гдѣ необходимы предварительные договоры, чтобы защитить европейцевъ отъ жестокостей туземцевъ“. „Совершенно вѣрно!“—шипитъ доблестный риѳмоплетишка, который просто изъ трусости бросилъ въ Парижѣ мать, сестру, любовницу и присоединяетъ свой голосъ къ хору деревенщины. Толстый Францискъ Сарсе пишетъ плоско, видитъ все въ красномъ цвѣтѣ и подражая Бретеймо, говоритъ:—„Если бы даже нужно было потопить это возстаніе въ крови, если бы нужно было похоронить его подъ развалинами сожженнаго города, пришлось бы это сдѣлать, ибо мирное соглашеніе невозможно. Если бы сегодня отмѣнили эшафотъ, пришлось бы оставить его для защитниковъ баррикадъ“. Коммунары заставляютъ его примириться съ пруссаками, „честными, оклеветанными людьми“. Какъ пріятно слышать ихъ „ja“, когда выходишь изъ этого „звѣринца обезьянъ и тигровъ“. „Трудно себѣ представить“,—пишетъ „Трехцвѣтное Знамя“, „что думало это «ja» о положеніи вещей. Казалось, что оно говорило: „Да, бѣдный французъ, мы здѣсь, не бойся ничего; тебя больше не посадятъ въ тюрьму; ты будешь имѣть право свободно ходить, не долженъ будешь больше читать проповѣди Жюля Валлеса или кровавые пасквили водевилиста Рошфора; ты здѣсь въ свободной странѣ, ja, на друже-

---

[1]) „Le Soir“.

ственной территоріи, ja, подъ покровительствомъ баварскихъ штыковъ, ja... Я не могу воздержаться, чтобы, въ свою, очередь не повторить это ja, чтобы вѣрно усвоить его интонацію. Господинъ „ja“ вынулъ трубку изо рта и сказалъ:—„А, французъ, тушуръ ке. ja! ja!“ И мы разсмѣялись, посмотрѣвъ другъ на друга“.

Версаль находитъ тонъ Сарсе вполнѣ подходящимъ. Онъ будетъ аплодировать еще многимъ другимъ. 16-го мая, въ день молитвъ, Фигаро печатаетъ программу убійствъ: „Мы требуемъ формально, чтобы всѣ члены коммуны, центральнаго комитета и подобныхъ ему учрежденій, чтобы всѣ журналисты, которые изъ трусости стали на сторону побѣдоноснаго возстанія, чтобы всѣ бѣглые поляки, которые въ теченіе двухъ мѣсяцевъ властвовали надъ самымъ красивымъ и благороднымъ городомъ въ мірѣ, чтобы всѣ эти люди вмѣстѣ со своими адъютантами, полковниками и другой сволочью въ аксельбантахъ, послѣ короткаго суда, изъ тюрьмы, куда они будутъ заключены, были бы отведены на Марсово поле и, тамъ, въ присутствіи народа, растрѣляны“.

Парижъ читаетъ все это и смѣется. Версальцы производятъ на него впечатлѣніе маніаковъ, одержимыхъ пляской Св. Витта. Они забавляютъ Парижъ. Никогда онъ не повѣритъ, чтобы эти фигляры могли быть отвратительными коршунами.

ГЛАВА XXVI.

„Только что рушились ворота Сенъ-Клу. Генералъ Дуэ прорвался въ Парижъ“.
(Телеграмма г. Тьера префектамъ 21-го мая 71-го года).

Версальцы вступаютъ въ Парижъ въ воскресенье, 21-го, въ три часа пополудни.—Собраніе совѣта коммуны закрывается.

Приближается моментъ главной атаки. 16-го національное собраніе отказалось признать республику формой правленія Франціи. 17-го оно устанавливаетъ батареи осадныхъ орудій противъ воротъ Мюэттъ, Отейль, Сенъ-Клу, Пуанъ-дю-Журъ и Исси. Заднія батареи продолжаютъ разбивать стѣны Пуанъ-дю-Журъ и разрушаютъ Пасси. Снаряды изъ замка Беконъ разрушаютъ Монмартрское кладбище, долетаютъ почти до площади Св. Петра. Пять округовъ Парижа обстрѣливаются гранатами.

18-го, вечеромъ, версальцы неожиданно нападаютъ на федералистовъ, обманывая ихъ криками: „Да здравствуетъ коммуна!“ Къ счастью удается воспрепятствовать ихъ движенію на Отъ-Брюйеръ. Доминиканскихъ монаховъ, которые изъ своего монастыря Аркейль послали предупрежденіе непріятелю, арестуютъ и отводятъ въ фортъ Бисетръ. На Отъ-Брюйеръ одного шпіона двадцати лѣтъ, который сознается, что отнесъ въ Версаль планъ позицій федералистовъ, предаютъ военному суду, приговариваютъ къ смерти и, послѣ его отказа дать какія-либо объясненія, казнятъ: это третья военная смертная казнь при коммунѣ.

19-ое мая.—Несмотря на приготовленія версальцевъ къ осадѣ, оборона не оживляется. Бастіоны 72-й и 73-й изрѣдка стрѣляютъ по деревнѣ и форту Исси. Отъ Пуанъ-дю-Журъ до воротъ Мальо, одни только орудія воротъ Дофинъ отвѣчаютъ на выстрѣлы ста орудій версальцевъ, они одни мѣшаютъ ихъ работамъ въ Булонскомъ лѣсу. Нѣсколько баррикадъ у воротъ Бино, Аньеръ и на Итальянскомъ бульварѣ, два редута на площади Согласія и улицѣ Кастиліоне, одинъ ровъ на улицѣ Рояль, другой въ Трокадеро, вотъ все, что за семь недѣль городская дума сдѣлала для внутренней обороны. Никакихъ работъ на вокзалѣ Монпарнасъ, въ Пантеонѣ, на холмахъ Монмартра. 14-го два или три орудія стоявшія на Монмартрскихъ холмахъ, заговорили лишь для того, чтобы неудачно направленнымъ выстрѣломъ убить нѣсколькихъ федералистовъ въ Левалуа. У террасы Тюильри двѣнадцать заступовъ уныло работаютъ надъ ненужнымъ рвомъ. Комитетъ общественнаго спасенія говоритъ, что не можетъ найти людей, а между тѣмъ въ его распоряженіи сто тысячъ человѣкъ и милліоны франковъ.

Это періодъ безконечной усталости. Соперничанье, раздоры отняли всѣ силы. Чѣмъ занимается коммуна 19-го? Театрами. Вальянъ утверждаетъ, что вмѣшательство государства въ театральное дѣло законно, что сценическіе работники эксплоатируются, что театръ долженъ быть устроенъ на принципѣ ассоціаціи. Феликсъ Піа противъ вмѣшательства государства какъ въ театръ, такъ и въ литературу; „крестьяне изъ Берри вовсе не должны оплачивать танцовщицъ изъ Оперы“, и онъ разражается ѣдкой филиппикой противъ Музыкальной и Медицинской академіи. „Что мы создали замѣчательнаго съ тѣхъ поръ, какъ существуетъ „Французскій Театръ?“ Если французская наука отстала, если она стоитъ ниже, чѣмъ наука другихъ странъ, то виновато, главнымъ образомъ, вредное правительство государства“. И ему отвѣчаютъ, и онъ возражаетъ до тѣхъ поръ, пока одинъ изъ членовъ не восклицаетъ:—„Не время говорить здѣсь о театрѣ, когда въ насъ стрѣляютъ!“ Тогда переходятъ къ обсужденію воззванія центральнаго комитета, который, по „договору“, заключенному съ нѣкоторыми членами коммуны, захватилъ въ свои руки управленіе военнымъ министерствомъ. И дѣйствительно, члены комитета считаютъ себя полными хозяевами: одинъ изъ нихъ въ декретѣ, напечатан-

номъ въ „*Officiel*“, „приглашаетъ“ жителей Парижа въ теченіе сорока восьми часовъ, явиться къ нимъ, „подъ угрозой сожженія ихъ рентныхъ свидѣтельствъ и главной книги“. Эта сумасшедшая, возмутительная выходка остается безнаказанной.

Что жъ! пусть онъ беретъ на себя управленіе военнымъ министерствомъ, этотъ тщеславный центральный комитетъ, если только онъ способенъ сплотить воедино разсыпающіеся батальоны. На пространствѣ между Аньеръ и Нейли осталось не больше двухъ тысячъ человѣкъ и тысячи четыре между Мюэттъ и Пти-Ванвъ. Батальоны, которые предназначались для постовъ въ Пасси, почему-то находятся не тамъ или засѣли въ домахъ, далеко отъ валовъ, многіе изъ ихъ офицеровъ исчезли. На бастіонахъ отъ 36-го до 70-го, въ самомъ центрѣ борьбы, налицо не болѣе двадцати артиллеристовъ. Часовыхъ нѣтъ.

Не кроется ли здѣсь измѣна? — Заговорщики, нѣсколько дней спустя, хвастались, что благодаря ихъ стараніямъ валы остались безъ защиты. Въ дѣйствительности это запустѣніе достаточно объясняется ужасной бомбардировкой. Нельзя, однако, отрицать, что здѣсь мы встрѣчаемся съ небрежностью, которую можно назвать преступной. Домбровскій, которому надоѣла безконечная борьба съ инертностью военнаго министерства, тоже уже не такъ усердно посѣщаетъ посты, слишкомъ часто уходитъ въ свой штабъ на Вандомской площади. Комитетъ общественнаго спасенія, освѣдомленный о томъ, что валы оставлены безъ защиты, вмѣсто того, чтобы немедленно принять нужныя мѣры, лишь предупреждаетъ объ этомъ военное министерство.

Въ субботу, 20-го мая, въ часъ дня, батареи приступаютъ къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ. Грохотъ выстрѣловъ изъ трехсотъ осадныхъ и морскихъ орудій возвѣстилъ начало рѣшающей драмы.

Въ тотъ же день де-Бофонъ, не устрашенный арестомъ Ланье, послалъ своего обычнаго лазутчика предупредить начальника главнаго штаба версальцевъ, что ворота Монружъ, Ванвъ, Вожираръ, Пуанъ-дю-Журъ, Дофинъ совершенно покинуты. Тотчасъ же былъ отданъ приказъ стянуть войска. 21-го, какъ и 3-го и 12-го, версальцы держались наготовѣ. На этотъ разъ успѣхъ былъ почти несомнѣненъ. Отъ воротъ Сенъ-Клу остались одни обломки.

Въ послѣдніе дни члены совѣта коммуны неоднократно указывали начальнику генеральнаго штаба на эту брешь Онъ отвѣчалъ à la Клюзере, что имъ приняты нужныя мѣры, что онъ приладитъ къ этимъ воротамъ подвижную, блиндированную баррикаду; но ничего не было сдѣлано. Въ воскресенье Лефрансэ, переходя черезъ ровъ по обломкамъ подъемнаго моста, услышалъ и увидѣлъ версальцевъ въ траншеяхъ. Ошеломленный, при видѣ неизбѣжной гибели, онъ послалъ записку Делеклюзу, но записка затерялась.

Въ два съ половиной часа дня въ аллеяхъ Тюильри былъ концертъ-монстръ въ пользу вдовъ и сиротъ коммуны. Въ зеленыхъ аллеяхъ пестрѣли весенніе наряды женщинъ. Весело гремѣли трубы, и въ воздухѣ чувствовалось чарующее дуновеніе весны. Но это веселье словно вороньимъ карканьимъ нарушалось взрывами версальскихъ гранатъ, доносившимися съ площади Согласія.

Послѣ окончанія концерта одинъ офицеръ главнаго штаба взошелъ на эстраду дирижера оркестра и сказалъ:—„Граждане, согласно своему обѣщанію, г. Тьеръ вчера долженъ былъ вступить въ Парижъ; г. Тьеръ вчера не вошелъ въ Парижъ, онъ не войдетъ въ Парижъ. Я приглашаю васъ на будущее воскресенье, сюда же, на нашъ второй концертъ въ пользу вдовъ и сиротъ“.

Въ тотъ же самый часъ, на разстояніи двухъ ружейныхъ выстрѣловъ, авангардъ версальцевъ вступалъ въ Парижъ.

Давно жданный сигналъ показался, наконецъ, у воротъ Сенъ-Клу. Одинъ добровольный шпіонъ, некто Дюкатель, не принадлежавшій къ заговорщикамъ, проходилъ по этимъ кварталамъ и увидѣлъ, что все—ворота и валы—совершенно покинуты. Онъ взобрался на бастіонъ 64, замахалъ бѣлымъ платкомъ и крикнулъ солдатамъ въ траншеяхъ: „Войдите, никого нѣтъ“. Вышелъ морской офицеръ, разспросилъ Дюкателя, перешелъ по обломкамъ подъемнаго моста, убѣдился, что бастіоны и сосѣдніе дома всѣми брошены, вернулся въ траншею и телеграфировалъ о своемъ открытіи генераламъ, стоявшимъ по сосѣдству съ нимъ. Осадныя орудія прекратили огонь; солдаты изъ сосѣднихъ траншей маленькими отрядами проникли за крѣпостную ограду. Г. Тьеръ, Макъ-Магонъ и адмиралъ Потюо, находившіеся въ данный моментъ въ Монъ-Валерьянъ, телеграфировали въ Версаль, чтобы двинули всѣ дивизіи.

Домбровскій, не бывшій въ теченіе нѣсколькихъ часовъ на своей главной квартирѣ въ Ла-Мюэттъ, явился туда въ четыре часа. Одинъ офицеръ сообщаетъ ему о вступленіи версальцевъ; Домбровскій даетъ офицеру докончить свое сообщеніе и со свойственнымъ ему спокойствіемъ, еще возраставшимъ въ критическіе моменты, обращаясь къ одному изъ своихъ, говоритъ:—„Пошлите въ морское министерство за батареей № 7; предупредите такіе-то и такіе-то батальоны; я самъ буду командовать“. Онъ отправляетъ телеграмму въ комитетъ общественнаго спасенія и въ военное министерство и посылаетъ батальонъ охотниковъ занять ворота Отейль.

Въ пять часовъ дня національные гвардейцы, безъ шапокъ и ружей, подымаютъ тревогу на улицахъ Пасси. Офицеры обнажаютъ шашки и пытаются арестовать ихъ. Федералисты выходятъ изъ своихъ домовъ; одни заряжаютъ свои ружья, другіе увѣряютъ, что это фальшивая тревога. Предводитель охотниковъ собираетъ и уводитъ всѣхъ, кого только можетъ.

Эти охотники—кучка людей, закаленныхъ въ бою. Около полотна желѣзной дороги они замѣчаютъ красные штаны версальцевъ и встрѣчаютъ ихъ дружными залпами. Одинъ версальскій офицеръ, который пытается повести за собой своихъ людей, падаетъ подъ ихъ пулями. Его солдаты отступаютъ. Федералисты укрѣпляются на путепроводѣ и у входа бульвара Мюра. Въ то же самое время они воздвигаютъ баррикады на набережной, недалеко отъ Іенскаго моста.

Телеграмма Домбровскаго доставлена въ комитетъ общественнаго спасенія въ семь часовъ вечера. Несмотря на то, что засѣданія комитета объявлены непрерывными, тамъ присутствуетъ одинъ только Бильорэ. Получивъ телеграмму, онъ тотчасъ же отправляется въ совѣтъ коммуны. Собраніе совѣта было занято въ это время разборомъ дѣла Клюзере, и слово принадлежало Верморелю. Эксъ-делегатъ, сидя на стулѣ, слушалъ оратора съ высокомѣрной небрежностью, которую наивные люди принимали за признакъ таланта. Бильорэ входитъ весь блѣдный и на минуту садится. Но такъ какъ Верморель продолжаетъ свою рѣчь, онъ кричитъ ему:—„Кончайте, кончайте! я долженъ сдѣлать сообщеніе чрезвычайной важности, для обсужденія котораго я требую секретнаго засѣданія“.

Верморель:—„Я уступаю слово гражданину Бильорэ“.

Бильорэ читаетъ бумагу, которая слегка дрожитъ въ его рукѣ: *„Домбровскій военному министерству и комитету общественнаго спасенія. Версальцы вступили черезъ ворота Сенъ-Клу. Я принимаю мѣры, чтобы отбросить ихъ назадъ. Если вы можете прислать мнѣ подкрѣпленія, я ручаюсь за все“* [1]).

Воцаряется молчаніе, полное ужаса; потомъ начинаются разспросы. „Батальоны уже посланы,“—отвѣчаетъ Бильорэ,—„комитетъ общественнаго спасенія насторожѣ“.

Пренія возобновляются; ихъ, конечно, сокращаютъ. Совѣтъ оправдываетъ Клюзере. Неудивительно!—Обвинительный актъ Міо былъ составленъ изъ всякихъ сплетенъ; Міо пренебрегъ единственными инкриминирующими фактами, бездѣятельностью Клюзере во время его делегаства и его подозрительными связями. Люди разбиваются на отдѣльныя группы, комментируютъ телеграмму. Вѣра Домбровскаго, увѣренія Бильорэ совершенно удовлетворяютъ романтиковъ. Они вѣрятъ въ генерала, въ силу укрѣпленій, въ безсмертіе дѣла. Никто не предлагаетъ чего-либо опредѣленнаго; комитетъ общественнаго спасенія отвѣтственъ за все; пусть всякій наведетъ необходимыя справки и, въ случаѣ нужды, отправится въ свой округъ.

Все время проходитъ въ одной болтовнѣ. Нѣтъ ни предложеній, ни преній. Бьетъ восемь часовъ. Предсѣдатель Жюль Валлесъ закрываетъ засѣданіе. Послѣднее засѣданіе совѣта коммуны! Никто не требуетъ объявленія засѣданія непрерывнымъ, никто не предлагаетъ своимъ товарищамъ остаться и ждать дополнительныхъ свѣдѣній, вызвать сюда комитетъ общественнаго спасенія. Не находится человѣка, который бы сказалъ, что въ этотъ моментъ роковой неизвѣстности, когда придется наскоро создать планъ обороны, принять важное рѣшеніе въ случаѣ несчастія, мѣсто защитниковъ Парижа въ центрѣ, въ домѣ коммуны, а не въ ихъ округахъ.

Такъ совѣтъ коммуны 1871 года закончилъ свою роль въ исторіи! Въ моментъ крайней опасности, когда версальцы проникли въ Парижъ, онъ вышелъ изъ городской думы.

---

[1]) Оригиналъ этой телеграммы погибъ; мы воспроизвели ее со словъ брата Домбровскаго и нѣсколькихъ членовъ совѣта коммуны.

Въ военномъ министерствѣ такая же растерянность. Центральный комитетъ отправился къ Делеклюзу; послѣдній былъ по внѣшности очень спокоенъ и сказалъ, что по его мнѣнію въ уличной борьбѣ перевѣсъ будетъ на сторонѣ коммуны,—многіе такъ думали. Когда начальникъ секціи Пуанъ-дю-Журъ пришелъ и сказалъ, что все обстоитъ благополучно, то делегатъ повѣрилъ ему на слово безъ всякой провѣрки. Начальникъ главнаго штаба не счелъ даже нужнымъ пойти лично сдѣлать развѣдку и около восьми часовъ велѣлъ расклеить слѣдующее объявленіе: „*Наблюдательный постъ Тріумфальной арки отрицаетъ фактъ вступленія версальцевъ,—по крайней мѣрѣ, онъ не видѣлъ ничего, что бы на это походило. Начальникъ этой части Рено только что-вышелъ изъ моего кабинета, онъ увѣряетъ, что произошла лишь паника и ворота Отейль не взяты; если нѣсколько версальцевъ и показались, то они были отброшены. Я послалъ одиннадцать офицеровъ главнаго штаба за столькими же батальонами для подкрѣпленій; офицеры не имѣютъ права оставить батальоны раньше, чѣмъ приведутъ ихъ на постъ, который тѣ должны занять*“.

Въ это же время г. Тьеръ телеграфировалъ своимъ префектамъ: „*Ворота Сенъ-Клу только что рушились, пали подъ огнемъ нашихъ пушекъ. Генералъ Дуэ прорвался въ Парижъ*“. Двойная ложь. Ворота Сенъ-Клу уже въ теченіе трехъ дней были открыты настежъ, но версальцы все не осмѣливались войти; генералъ Дуэ прокрался туда, благодаря измѣнѣ, и провелъ своихъ солдатъ по одному человѣку.

Ночью министерство, повидимом, уяснило себѣ, наконецъ, положеніе дѣлъ. Офицеры являются за приказаніями. Главный штабъ отказывается дать приказъ бить тревогу или генералмаршъ подъ тѣмъ предлогомъ, что не нужно тревожить населенія. Члены совѣта коммуны, склонившись надъ планомъ Парижа, изучаютъ, наконецъ, стратегическіе пункты, о которыхъ они не думали въ теченіе шести недѣль; делегатъ запирается, чтобы составить прокламацію.

Въ то время, какъ въ спокойномъ, довѣрчивомъ Парижѣ нѣсколько человѣкъ, не имѣя ни солдатъ, ни необходимыхъ свѣдѣній, организуютъ борьбу, версальцы продолжаютъ проникать въ Парижъ

черезъ брешь валовъ. Волна за волной наростаетъ ихъ потокъ, молчаливый, скрываемый надвигающейся ночью. Они скопляются все въ большемъ и большемъ количествѣ между окружной желѣзной дорогой и укрѣпленіями. Въ девять часовъ они достаточно многочисленны, чтобы раздѣлиться на двѣ колонны. Одна направляется влѣво и занимаетъ бастіоны 66-й и 67-й, другая поворачиваетъ вправо по направленію къ Версальской дорогѣ. Первая укрѣпляется въ центрѣ Пасси, занимаетъ убѣжище Сентъ-Перинъ, церковь и площадь Отейль, разрушивъ на набережной у улицы Гильонъ баррикаду, которую коммунары только что начали строить, около часа утра черезъ улицу Рейнуаръ пробирается къ Трокадеро, который съ этой стороны не укрѣпленъ и не имѣетъ защитниковъ.

Въ городской думѣ члены комитета общественнаго спасенія, наконецъ, всѣ въ сборѣ. Одинъ Бильорэ исчезъ и больше уже не появится. Численность и расположеніе войскъ не извѣстны, извѣстно, однако, что въ Пасси въ темнотѣ двигаются какія-то массы. Офицеры генеральнаго штаба, посланные въ Ла-Мюэттъ, приносятъ оттуда успокоительныя извѣстія. Въ одиннадцать часовъ Асси направляется на улицу Бетховена, фонари которой погашены. Вскорѣ лошадь его, вступивъ въ широкую лужу крови, отказывается идти дальше. Вдоль стѣнъ лежатъ національные гвардейцы и повидимому погружены въ сонъ. Вдругъ выскакиваютъ нѣсколько человѣкъ и схватываютъ Асси. Это версальцы, скрывавшіеся въ засадѣ. Національные гвардейцы, показавшіеся Асси спящими, трупы перебитыхъ непріятелемъ федералистовъ.

Версальцы заливаютъ Парижъ кровью, а Парижъ даже не знаетъ объ этомъ. Звѣздная, теплая, голубая ночь дышетъ весенними ароматами. Въ театрахъ густая толпа народу. На бульварахъ струится шумная жизнь. Пушки—впервые за послѣднія три недѣли — повсемѣстно молчатъ. Если бы армія—эта, по словамъ версальцевъ, „лучшая изъ армій, которою когда-либо располагала Франція“—смѣло двинулась впередъ по набережнымъ и бульварамъ, совершенно не загражденнымъ баррикадами, она однимъ ударомъ безъ выстрѣла могла бы задавить парижскую коммуну.

Волонтеры до полуночи держатся на линіи желѣзной дороги. Не получая никакихъ подкрѣпленій, они вынуждены затѣмъ отступить

къ Ла-Мюэттъ. Генералъ Кленшанъ преслѣдуетъ ихъ, занимаетъ ворота Отейль, проходитъ ворота Пасси и двигается къ главной квартирѣ Домбровскаго. Пятьдесятъ волонтеровъ отстрѣливаются еще нѣкоторое время во дворцѣ; но, обойденные съ востока, едва не отрѣзанные со стороны Трокадеро, они въ половинѣ второго отступаютъ на Елисейскія Поля.

На лѣвомъ берегу генералъ Сиссей весь вечеръ концентрировалъ свои силы въ двухстахъ метрахъ отъ валовъ. Въ полночь его саперы переходятъ черезъ рвы, взбираются на валы, не отвѣчая на окликъ: „кто идетъ?“, и открываютъ Севрскія и Версальскія ворота.

Въ три часа утра версальцы заливаютъ Парижъ, проникая черезъ пять его зіяющихъ ранъ: ворота Пасси, Отейль, Сенъ-Клу, Севрскія и Версальскія. Большая часть XV-го округа занята. Ла-Мюэтгъ взята. Взято все Пасси и возвышенность Трокадеро. Взятъ пороховой заводъ на улицѣ Бетховена, а также огромныя катакомбы, простирающіяся подъ XVI-мъ округомъ и наполненныя тремя тысячами тоннъ пороха, милліонами патроновъ и тысячами гранатъ. Въ пять часовъ первая версальская граната попадаетъ въ зданіе почетнаго легіона. Парижъ спитъ такъ же спокойно, какъ онъ спалъ въ ночь государственнаго переворота 2-го декабря.

ГЛАВА XXVII.

„Генералы, руководившіе вступленіемъ въ Парижъ, великіе полководцы“.
(Изъ рѣчи *Тьера* въ національномъ собраніи 22-го мая 1871-го года).

Понедѣльникъ 2 -ое.—Версальцы занимаютъ восточные кварталы.—Парижъ поднимается.

Около двухъ часовъ ночи въ городскую думу является Домбровскій, блѣдный, изнуренный, контуженный въ грудь ударомъ камня. Онъ разсказываетъ комитету общественнаго спасенія о вступленіи версальцевъ, о безпорядочномъ смятеніи въ Пасси, о своихъ тщетныхъ усиліяхъ собрать людей. Вѣсть о столь внезапномъ вступленіи врага встрѣчается всеобщимъ изумленіемъ,—такъ мало былъ освѣдомленъ комитетъ о положеніи дѣлъ на театрѣ военныхъ дѣйствій. Домбровскій, невѣрно истолковавъ настроеніе собранія, восклицаетъ:—„Какъ! комитетъ общественнаго спасенія принимаетъ меня за предателя! Моя жизнь принадлежитъ коммунѣ!“ Его поза, его голосъ выражаютъ всю горечь отчаянія.

Наступаетъ день, такой же теплый и яркій, какъ наканунѣ. Звуки барабана и набата поднимаютъ на ноги три или четыре тысячи человѣкъ, которые спѣшатъ къ Тюильри, къ думѣ, къ военному министерству. Сотни другихъ въ то же самое время оставляютъ свои позиціи, покидаютъ Пасси, очищаютъ XV-ый округъ. Федералисты изъ Пти-Ванвъ, вернувшіеся въ Парижъ въ 5 часовъ утра, отказываются защищать позиціи, увидѣвъ версальцевъ у Трокадеро. на лѣвомъ берегу Сены на сѣверѣ С.-Клотильдъ офицеры пытаются остановить ихъ. Гвардейцы преграждаютъ имъ путь. „Настало время

драться на баррикадахъ,“—говорятъ они,—„каждому въ своемъ кварталѣ!“ Близъ дворца почетнаго легіона они пробиваютъ себѣ дорогу. Дезорганизація внесена въ ихъ ряды прокламаціей Делеклюза.

Это пресловутая прокламація, въ слишкомъ большомъ количествѣ расклеенная по стѣнамъ, начинается такъ:

„Довольно милитаризма! Долой генеральные штабы съ ихъ мундирами, расшитыми золотомъ и галунами! Дорогу народу, который сражается голыми руками! Пробилъ часъ революціонной войны... Народъ ничего не смыслитъ въ ученыхъ маневрахъ. Но когда у него есть ружье въ рукахъ и камни мостовой подъ ногами, ему нечего бояться всѣхъ стратеговъ монархической школы, вмѣстѣ взятыхъ“.

Если самъ военный министръ поноситъ такимъ образомъ всякую дисциплину, кто же захочетъ слушать приказанія? Если военный министръ открыто высказываетъ свое пренебреженіе ко всякому методу, кто станетъ разсчитывать и обдумывать? И дѣйствительно, какъ оказалось впослѣдствіи, нерѣдко сотни людей отказывались покинуть мостовую своей улицы, не обращая вниманія на то, что сосѣдній кварталъ изнемогаетъ въ послѣднихъ судорогахъ борьбы, сотни людей оставались неподвижными, пока непріятель окружалъ ихъ со всѣхъ сторонъ.

Въ пять часовъ утра начинается оффиціальное отступленіе. Шефъ генеральнаго штаба поспѣшно очищаетъ военное министерство, забывая унести съ собой или уничтожить бумаги. Послѣднія попадаютъ въ руки версальцевъ и доставляютъ тысячи жертвъ военнымъ судамъ.

При выходѣ изъ министерства Делеклюзъ встрѣчаетъ Брюнеля. Освобожденный наканунѣ, онъ успѣлъ собрать свой легіонъ и явился предложить свои услуги. Это одинъ изъ тѣхъ людей, вѣрность которыхъ не колеблютъ даже самыя жестокія несправедливости. Делеклюзъ отдаетъ ему приказаніе защищать площадь Согласія. Брюнель отправляется туда, размѣщаетъ на террассѣ Тюильри и по берегу 150 стрѣлковъ, три четырехфунтовыя пушки, одну двѣнадцатифунтовую и двѣ семифунтовыхъ. Редутъ Сенъ-Флорентенъ получаетъ одну митральезу и одну четырехфунтовую пушку, редутъ на улицѣ Рояль, у площади Согласія—двѣ двѣнадцатифунтовыхъ пушки.

Впереди Брюнеля нѣсколько человѣкъ изъ 8-го легіона пытаются

остановить на площади Бово бѣглецовъ изъ Пасси и Отейля. Не успѣвъ въ этомъ, они поспѣшно подготовляютъ кварталъ къ самозащитѣ. Возникаютъ баррикады на улицѣ предмѣстья Сентъ-Оноре, близъ англійскаго посольства, на улицѣ Сюренъ и de la Ville-l'Evêque. Строятся загражденія на площади св. Августина. Со стороны улицы Абатуччи, при впаденіи въ нее бульвара Гаусманъ и передъ бульваромъ Малербъ, показываются версальцы.

Тотчасъ послѣ полуночи начали они наступленіе. Въ нять часовъ съ половиной Дуэ, Кленшанъ и Ладмиро, двигаясь вдоль валовъ, доходятъ до авеню Великой Арміи. Артиллеристы у воротъ Мальо, обернувшись назадъ, видятъ версальцевъ, которые уже почти десять часовъ находятся въ ихъ сосѣдствѣ. Не было разставлено часовыхъ, которые могли бы заблаговременно предупредить о появленіи врага. Монтере удаляетъ своихъ людей черезъ Тернъ, заряжаетъ одну изъ пушекъ воротъ Мальо, выпускаетъ свой послѣдній выстрѣлъ въ непріятеля и благополучно отступаетъ къ Батиньоль.

Колонна Дуэ поднимается по авеню вплоть до баррикады передъ Тріумфальной аркой и занимаетъ ее безъ боя. Федералисты едва успѣваютъ увезти тѣ пушки, которыя предполагалось выставить на Тріумфальной аркѣ. Солдаты вступаютъ на набережную и, не предвидя опасности, выходятъ на пустынную, объятую молчаніемъ площадь Согласія. Внезапно раздается залпъ съ террасы Тюильри. Версальцы, обстрѣленные на близкомъ разстояніи, терпятъ крупныя потери и спасаются бѣгствомъ къ дворцу Промышленности.

Налѣво солдаты занимаютъ покинутыя коммунарами Елисейскія Поля и по улицамъ Морни и Абатуччи достигаютъ площади св. Августина. Баррикады этой послѣдней едва начатыя, не могутъ выдержать натиска, и въ семь съ половиной часовъ версальцы занимаютъ казарму де-ла-Пепиньеръ. Федералисты возводятъ вторую линію укрѣпленій, перерѣзывающую бульваръ Малербъ на уровнѣ улицы Буасси д'Англа.

Слѣва отъ Дуэ Кленшанъ и Ладмиро продолжаютъ подвигаться впередъ вдоль валовъ. Сооруженія въ воротахъ Бино, Курсель, Аніеръ и Клиши, направленныя противъ укрѣпленій, становятся безполезными, и Тернъ занимается безъ боя. Въ то же самое время одинъ изъ дивизіоновъ Кленшанъ продвигается впередъ, держась

внѣшней стороны валовъ. Федералисты, занимающіе посты въ Нейли, Левалуа-Перре, Сентъ-Уанъ, осыпаются пулями сзади. Эти пули первыя приносятъ имъ извѣстіе о вступленіи версальцевъ. Многіе федералисты взяты въ плѣнъ. Другіе, которымъ удалось прорваться черезъ ворота Бино, Аніеръ и Клиши, распространяютъ по XVII-му округу панику и слухъ о предательствѣ.

Въ Батиньолѣ барабаны всю ночь били тревогу и подняли на ноги всѣхъ, оставшихся по домамъ и дѣтей. Одинъ инженерный батальонъ бросился навстрѣчу стрѣлкамъ Кленшана и открылъ огонь передъ паркомъ Монсо и съ площади Ваграмъ; національные гвардейцы, введенные въ заблужденіе красными панталонами, дали по нему убійственный залпъ. Онъ отступилъ и открылъ паркъ. Версальцы заняли послѣдній и направились къ Батиньоль. Тамъ ихъ останавливаютъ баррикады; слѣва онѣ тянутся отъ площади Клиши до улицы Леви, въ центрѣ на улицахъ Лебуте, Ла-Кондаминъ Де-Дамъ. Справа возводятся укрѣпленія на Ла-Фуршъ,—позиція столь же важная, какъ и площадь Клиши. Вскорѣ Батиньоль образуетъ передовое укрѣпленіе Монмартра.

Главная крѣпость молчитъ. Вотъ уже семнадцать часовъ молча наблюдаетъ она вступленіе версальскихъ войскъ. Утромъ колонны Дуэ и Ладмиро со своими пушками и фургонами столкнулись и смѣшались въ безпорядочную массу на площади Трокадеро; нѣсколькими ядрами, пущенными съ Монмартра, можно было бы обратить эту толпу въ паническое бѣгство, а малѣйшая неудача при вступленіи войскъ привела бы версальцевъ ко второму 18-му марта. Но пушки монмартрскаго холма оставались нѣмыми.

85 пушекъ и около двадцати митральезъ валялись тамъ въ общей кучѣ, грязныя, нечищенныя. За всѣ эти восемь недѣль никто и не подумалъ о томъ, чтобы выстроитъ ихъ въ линію. Семифунтовыя ядра имѣлись въ избыткѣ, но не было патроновъ. На Муленъ-де-ла-Галеттъ только три 24-хъ фунтовыя пушки снабжены лафетами; нѣтъ ни брустверовъ, ни блиндажей, ни платформъ. Въ девять часовъ утра орудія еще не были готовы къ стрѣльбѣ. Послѣ перваго же выстрѣла лафеты благодаря откату зарылись въ землю и потребовалось много времени, чтобы ихъ вытащить. Но даже и эти три пушки снабжены лишь незначительнымъ количествомъ сна-

рядовъ. Никакихъ укрѣпленій, никакихъ земляныхъ работъ. Еле-еле начали строить кое-какія баррикады у подножія наружныхъ бульваровъ. Въ девять часовъ Ла-Сесиліа, посланный на Монмартръ, находитъ оборону его въ самомъ плачевномъ состояніи. Онъ посылаетъ депеши въ думу, заклиная членовъ коммуны явиться самимъ или, по крайней мѣрѣ, послать подкрѣпленія людьми и военными припасами.

То же самое происходитъ на лѣвомъ берегу у военной школы. Съ часу ночи версальцы передъ самымъ артиллерійскимъ паркомъ двигаются по направленію къ Трокадеро, и пушки коммуны не обезпокоили ихъ ни однимъ выстрѣломъ.

Съ разсвѣтомъ бригада Логуріана достигаетъ бараковъ на Марсовомъ полѣ. Они были почти пусты, что бы ни писалъ Винуа; и тѣмъ не менѣе ихъ сочли нужнымъ поджечь пушечными выстрѣлами съ Трокадеро, — это первый пожаръ, произведенный солдатами въ майскіе дни, что признаютъ и сами версальцы. Военная школа попала въ ихъ руки.

VII-ой округъ поднялся. Забаррикадирована набережная противъ Почетнаго Легіона, улицы де-Лилль, Университетская и бульваръ Сенъ-Жерменъ на уровнѣ улицы Сольферино. По улицѣ Дю-Бакъ торжественно спускается дюжина „бриссардье“ [1]), подъ предводительствомъ Дюрушу и Вриньо; членъ коммуны Сикаръ и нѣсколько федералистовъ останавливаютъ ихъ передъ малымъ Сенъ-Тома. Дюрушу падаетъ, сраженный пулей; спутники уносятъ его и пользуются случаемъ, чтобы исчезнуть. Улицы Бонъ, Вернейль, Сенъ-Перъ подготовлены къ самозащитѣ; одна баррикада возвышается на Севрской улицѣ близъ Abbaye-au-Bois.

Съ правой стороны солдаты Сиссея безпрепятственно спускаются по улицѣ Вожираръ до авеню дю-Мэнъ; другая колонна слѣдуетъ по линіи желѣзной дороги и въ шесть часовъ съ половиной достигаетъ Монпарнасскаго вокзала. Эта главная позиція вовсе не подготовлена къ самообороне. Ее защищаютъ десятка два людей; но такъ какъ патроны у нихъ на исходѣ, они принуждены отступить на улицу Реннъ, гдѣ подъ огнемъ войскъ они возводятъ баррикаду на уровнѣ улицы Вье-Коломбье. Своимъ крайнимъ правымъ флангомъ Сиссей занимаетъ ворота Ванвъ и всю линію западной желѣзной дороги.

Подъ громъ пушекъ пробуждается Парижъ и читаетъ проклама-

См. прим. на стр. 297.

цію Делеклюза. Магазины закрываются, бульвары пустѣютъ: старый инсургентъ готовится къ бою. Курьеры скачутъ по мостовой. Разрозненныя части батальоновъ подходятъ къ думѣ, гдѣ собрались центральный комитетъ, артиллерійскій комитетъ и офицеры всѣхъ родовъ оружія.

Къ девяти часамъ утра сошлись двадцать членовъ совѣта. О чудо! Вотъ и Феликсъ Піа, который въ утреннемъ номерѣ своей газеты „*Мститель*“ только что взывалъ:—„Къ оружію!“—Онъ снова принялъ свой видъ патріарха.—„Ну, друзья мои, пришелъ нашъ послѣдній часъ. О, поскольку дѣло идетъ лично обо мнѣ, я ни мало не безпокоюсь. Волосы мои сѣды, моя карьера закончена. И могу ли я пожелать смерти болѣе славной, чѣмъ смерть на баррикадахъ! Но когда я вижу вокругъ себя столько молодыхъ бѣлокурыхъ головъ, я трепещу за будущность революціи!“... Онъ требуетъ отъ всѣхъ присутствующихъ росписаться на протоколѣ, дабы было ясно, кто остается на своемъ посту. Этотъ старый комедіантъ подписываетъ свое имя съ глазами, полными слезъ, и, раскланявшись съ коллегами, спѣшитъ спрятаться въ укромное мѣстечко, превзойдя въ этомъ своемъ послѣднемъ трусливомъ лицемѣріи всѣ прежнія гнусности.

Собраніе носитъ печать величайшей безплодности; члены только и дѣлаютъ, что обмѣниваются новостями. Никому не приходитъ въ голову помочь самооборонѣ, намѣтить планъ ея. Федералисты предоставлены своему собственному вдохновенію. Въ теченіе всей предшествующей ночи ни Домбровскій, ни военное министерство, ни собраніе въ думѣ не подумали о батальонахъ, находящихся снаружи. Каждому отряду приходится полагаться только на свою собственную иниціативу, на свои собственные рессурсы, на способности своихъ вождей.

При отсутствіи всякаго руководства нѣтъ, однако, недостатка въ прокламаціяхъ комитета общественнаго спасенія. Въ полдень онъ расклеиваетъ такое воззваніе:

„Пусть возстанутъ всѣ добрые граждане! На баррикады! Непріятель въ нашихъ стѣнахъ... Безъ колебаній. Впередъ за коммуну и за свободу. Къ оружію!“

Часомъ позже:

„*Къ парижскому народу.*

„...Народъ, низвергавшій королевскіе троны, народъ, разрушившій Бастилію, народъ 89-го и 93-го года, народъ революціи не можетъ въ одинъ день потерять плоды эмансипаціи 18-го марта... Къ оружію! Къ оружію же!

„Пусть Парижъ окружитъ себя баррикадами и изъ-за этихъ импровизированныхъ укрѣпленій еще разъ броситъ своимъ врагамъ военный кличъ, кличъ гнѣва, кличъ вызова, но въ то же время кличъ побѣды, ибо Парижъ со своими баррикадами непобѣдимъ.

Дума 2-го преріаля 79 года“.

Пышныя слова и только слова!

Полдень.—Генералъ Сиссей занялъ эспланаду инвалидовъ, и его солдаты вступили въ улицу Гренелль-Сенъ-Жерменъ; школа генеральнаго штаба взлетаетъ на воздухъ и обращаетъ ихъ въ бѣгство. Двѣ пушки федералистовъ обстрѣливаютъ Университетскую улицу. Четыре канонерки изъ-подъ моста Понъ-Рояль наблюдаютъ за рѣкой и бомбардируютъ Трокадеро. Въ центрѣ, въ VIII-мъ округѣ, версальцы открываютъ безпорядочную перестрѣлку на площади. Въ Батиньолѣ они не подвигаются впередъ; но ихъ снаряды опустошаютъ улицу Леви. Федералисты терпятъ большія потери на улицѣ Кардине, гдѣ съ величайшимъ ожесточеніемъ сражаются дѣти.

Малонъ и Жакларъ, руководившіе здѣсь обороной, съ самаго утра тщетно требуютъ подкрѣпленій на Монмартръ. Около часу они отправляются сами на поиски. Въ генеральномъ штабѣ никто не въ состояніи дать имъ никакихъ указаній. Федералисты безпорядочно блуждаютъ по улицамъ или болтаютъ между собой, собравшись маленькими группами. Малонъ хочетъ увести ихъ съ собой, они отказываются: по ихъ словамъ, они хотятъ сохранить себя для своихъ кварталовъ. Пушки на холмахъ молчатъ попрежнему за недостаткомъ патроновъ. Изъ думы не посылали ничего кромѣ словъ.

Какъ бы то ни было на высотахъ находятся два генерала, Клюзере и Ла-Сесиліа. Бывшій министръ, погруженный въ свою обычную сонливую апатію, уныло прохаживается взадъ и впередъ. Ла-Сесиліа, никому неизвѣстный въ этомъ кварталѣ, чувствуетъ себя безсильнымъ.

Два часа.—Дума снова приняла свой внушительный мартовскій видъ. Направо толпа осаждаетъ комитетъ общественнаго спасенія,

налѣво военное министерство. Центральный комитетъ разсылаетъ безчисленные приказы и декламируетъ по поводу неспособности членовъ коммуны; но онъ самъ неспособенъ формулировать сколько-нибудь опредѣленную идею. Артиллерійскій комитетъ попрежнему не въ силахъ разобраться въ своихъ пушкахъ, не знаетъ, чьи требованія удовлетворить и зачастую отказываетъ въ посылкѣ орудій наиболѣе важнымъ позиціямъ.

Являются делегаты ліонскаго конгресса и предлагаютъ свое посредничество. Еще третьяго дня Тьеръ выпроводилъ ихъ ни съ чѣмъ, на что же можно разсчитывать теперь послѣ вступленія войскъ въ Парижъ?! Очевидно, ни на что. Комитетъ общественнаго спасенія понимаетъ это и принимаетъ делегатовъ довольно холодно. Къ тому же многіе въ думѣ еще вѣрятъ въ побѣду и почти рады вступленію версальцевъ, разсчитывая тѣмъ легче ихъ раздавить.

Баррикады начинаютъ быстро расти. Баррикада на улицѣ Риволи, которая должна защищать думу, возвышается у входа въ скверъ Сенъ-Жакъ, на углу улицы Сенъ-Дени. Пятьдесятъ рабочихъ спеціалистовъ возводятъ постройку, кладутъ камни, а мальчишки подвозятъ на тачкахъ землю со сквера. Эта постройка въ нѣсколько метровъ глубиною, въ шесть метровъ высотой, со рвами, амбразурами и аванпостомъ была закончена въ нѣсколько часовъ и вышла не менѣе солидной, чѣмъ редутъ Сенъ-Флорентенъ, на сооруженіе котораго были потрачены цѣлыя недѣли,—примѣръ, показывающій до какого совершенства могла бы быть доведена защита Парижа, если бы въ надлежащее время къ этому были направлены разумныя усилія. Въ IX округѣ, на улицахъ Обе, Шоссе-д'-Антенъ, Шатоденъ, на перекресткахъ Монмартрскаго предмѣстья, на Нотръ-Дамъ-де-Лоретъ, Трините, Мартиръ быстро выламываютъ мостовую. Забаррикадированы всѣ крупныя улицы, приближающіяся сюда: Капелла, Бютъ-Шомонъ, Бельвиль, Менильмонтанъ, улица Рокеттъ, Бастиліи, бульвары Вольтера и Ришаръ-Ленуаръ, площадь Шато-д'О, большіе бульвары, особенно передъ воротами Сенъ-Дени; на лѣвомъ берегу забаррикадированы: бульваръ Сенъ-Мишель на всемъ своемъ протяженіи, Пантеонъ, улица Сенъ-Жакъ, Гобеленъ и главныя авеню XIII округа. Многія изъ этихъ загражденій остались неоконченными.

Въ то время, какъ Парижъ напрягаетъ всѣ силы для послѣдней

борьбы, Версаль пьянъ отъ радости. Собраніе открывается въ обычный часъ. Никому изъ своихъ министровъ не пожелалъ Тьеръ уступить честь принести радостное извѣстіе, что въ Парижѣ люди давятъ другъ друга. Онъ самъ всходитъ на трибуну и встрѣчается дикимъ восторгомъ. „*Дѣло справедливости, порядка, человѣчности и цивилизаціи восторжествовало!*“,—визжитъ этотъ маленькій человѣчекъ.—„*Генералы, руководившіе вступленіемъ въ Парижъ, великіе полководцы... Искупленіе будетъ полнымъ. Оно свершится во имя закона, чрезъ законъ и съ закономъ*“.

Палата выслушиваетъ это обѣщаніе кровавой бойни и единогласно, въ трогательномъ единодушіи правой и лѣвой, центра и клерикаловъ, республиканцевъ и монархистовъ, вотируетъ благодарность версальской арміи и главѣ исполнительной власти за особыя заслуги передъ отечествомъ.

Засѣданіе прервано. Депутаты устремляются къ Лантернъ-де-Діогенъ, къ Шатильонъ, къ Монъ-Валерьянъ, ко всѣмъ возвышенностямъ, съ которыхъ, какъ со ступеней грандіознаго колизея, можно безопасно наблюдать за ходомъ парижской бойни. Ихъ сопровождаетъ праздная толпа, и вотъ на версальской дорогѣ депутаты, проститутки, свѣтскія дамы, журналисты, чиновники, охваченные пароксизмомъ ярости, разыгрываютъ передъ лицомъ пруссаковъ и всей Франціи истинно византійскую сатурналію.

Утромъ Тьеръ телеграфировалъ Жюлю Фавру: „Я возвращаюсь изъ Парижа, гдѣ мнѣ пришлось видѣть нѣсколько ужасныхъ сценъ. Пріѣзжайте, мой другъ, раздѣлить наше торжество“. И, дѣйствительно, онъ могъ видѣть нѣсколько массовыхъ казней или, попросту говоря, избіеніе плѣнныхъ. Послѣднее началось какъ разъ въ этотъ день; и, по всей вѣроятности, Вавилонская казарма открыла собой кровавую недѣлю. Здѣсь на дворѣ было разстрѣляно шестнадцать федералистовъ, взятыхъ на улицѣ дю-Бакъ.

До восьми часовъ армія нигдѣ не подвигалась впередъ за исключеніемъ VIII-го округа, гдѣ баррикада, близъ англійскаго посольства, была обойдена садами. Энергичное сопротивленіе оказываетъ линія Сенъ-Жерменскаго предмѣстья отъ Сены до монпарнасскаго вокзала, обстрѣливаемаго пушками федералистовъ.

Ночью ружейная перестрѣлка затихаетъ, канонада еще продолжается. Яркое зарево поднимается надъ улицей Риволи. Горитъ министерство финансовъ. Весь день въ него попадали снаряды, предназначенные для тюильрійской террассы и, наконецъ, бумаги, наваленные на его чердакахъ, воспламенились. Пожарныя трубы коммуны погасили было этотъ пожаръ, мѣшающій оборонѣ редута Сенъ-Флоренъ; но скоро пламя снова охватило зданіе и на этотъ разъ настолько сильно, что его уже невозможно потушить.

Наступила первая изъ этихъ семи ужасныхъ ночей. Революціонный Парижъ на ногахъ. Батальоны, по двѣсти храбрецовъ въ каждомъ, подходятъ къ думѣ съ красными знаменами и музыкой во главѣ. Другіе строятся на широкихъ улицахъ, офицеры пробѣгаютъ по фронтамъ и раздаютъ патроны; маркитантки подбѣгаютъ рысью, гордясь, что и имъ приходится раздѣлить общую опасность. Первое впечатлѣніе было ужасно; многіе думали, что войска уже въ сердцѣ Парижа. Сбѣгаются всѣ, способные драться. Вы видите ружья на плечахъ многихъ изъ тѣхъ, которые раньше оставались въ сторонѣ, которыхъ никто не хотѣлъ слушать. Теперь не время для пустыхъ препирательствъ. Не дезертировать же солдатамъ, не покидать же свои знамена изъ-за ограниченности вождей!

Парижъ 71-го года выдвинулъ противъ версальцевъ соціальную революцію во всемъ ея объемѣ. Надо рѣшить вопросъ „за или противъ“, независимо отъ сдѣланныхъ ошибокъ; и даже тѣ, которые не питаютъ никакихъ иллюзій относительно возможнаго успѣха борьбы, хотятъ обезсмертить свое дѣло путемъ презрѣнія къ смерти.

Десять часовъ.—Дума. Толпа страшно возбужденныхъ федералистовъ только что привела Домбровскаго. Генералъ, съ утра сложившій съ себя командованіе, вмѣстѣ со своими офицерами направился на аванпосты Сентъ-Уана. Видя, что роль его закончена, онъ хотѣлъ ночью прорваться верхомъ черезъ линію пруссаковъ и достигнуть границы. Одинъ изъ командировъ, Вейланъ, который черезъ день былъ разстрѣлянъ, какъ предатель, возмутилъ своихъ людей противъ генерала, обвиняя послѣдняго въ предательствѣ. Приведенный къ комитету общественнаго спасенія, Домбровскій, какъ и наканунѣ, могъ только воскликнуть:—„меня обвиняютъ въ предательствѣ!“ Члены комитета успокаиваютъ его, горячо протестуя противъ такого

подозрѣнія. Домбровскій уходитъ, отправляется обѣдать за общій офицерскій столъ и, по окончаніи обѣда, молча пожимаетъ руки всѣмъ своимъ товарищамъ. Всѣ поняли, что онъ рѣшилъ умереть.

Въ думу приходятъ извѣстія со всѣхъ пунктовъ сраженія. Значительное число гвардейцевъ и офицеровъ, согнувшись за длинными столами, изготовляютъ приказы и депеши. Дворы переполнены фургонами и повозками; лошади, совершенно запряженные, ѣдятъ или спятъ въ углахъ. Привозятся и увозятся боевые снаряды. Не замѣтно ни малѣйшаго упадка духа или хотя бы просто безпокойства: вездѣ кипитъ оживленная, почти веселая работа.

На улицахъ и бульварахъ обычное освѣщеніе, за исключеніемъ кварталовъ, занятыхъ непріятелемъ. Передъ монмартрскимъ предмѣстьемъ свѣтъ внезапно гаснетъ; мѣсто это имѣетъ видъ огромной черной дыры. На границѣ этого мрака расположены сторожевые посты федералистовъ, выкрикивающіе отъ времени до времени свое: „Passez au large!“ По ту сторону границы царитъ жуткое молчаніе. Ночныя тѣни принимаютъ гигантскіе размѣры; всѣ движутся точно въ какомъ-то кошмарѣ; самыя храбрыя сердца содрогаются отъ ужаса.

Были ночи болѣе шумныя, болѣе грандіозныя, когда потемнѣвшее небо вспыхивало молніями, когда пожары и канонада наполняли собою весь Парижъ; но ни одна ночь не ложилась такою тяжестью на душу. Ночь послѣдняго сосредоточенія, ночь вооруженнаго бдѣнія. Люди искали другъ друга среди темныхъ улицъ, потихоньку переговаривались, пробуждали въ себѣ надежду, воспламеняли ее въ другихъ. На перекресткахъ кучки совѣщаются, выясняютъ себѣ позиціи, и затѣмъ къ дѣлу! Съ кирками на мостовую! Пусть вырастутъ груды земли тамъ, гдѣ будутъ падать гранаты. Пусть укроютъ сражающихся выброшенные изъ домовъ матрацы; вѣдь на нихъ уже больше не придется спать. Пусть камни, сцементированные ненавистью, сомкнутся между собой, какъ смыкаются грудь съ грудью борцы на полѣ сраженія. Версальцы, напавъ врасплохъ, не встрѣтили сопротивленія. Завтра они встрѣтятъ Сарагоссу и Москву.

Къ каждому проходящему обращаются съ призывомъ: „Къ намъ, гражданинъ! Постоимъ за республику!“ Площадь Бастиліи и внутреннія бульвары кишатъ лихорадочно работающей толпой; одни копаютъ

землю, другіе приносятъ камни. Дѣти возятся съ лопатами и кирками величиною съ нихъ самихъ. Женщины осаждаютъ просьбами и мольбами мужчинъ. Нѣжная рука молодой дѣвушки поднимаетъ грубую мотыку. Послѣдняя опускается съ сухимъ трескомъ и высѣкаетъ искру. Нужно время, чтобы взрыть, какъ слѣдуетъ, землю; ну что же? еще цѣлая ночь впереди.

„На площади Бланшъ“,—писалъ на другой день Марото въ газетѣ „*Общественное Спасеніе*“,—„имѣется баррикада, прекрасно выстроенная и защищаемая батальономъ женщинъ, числомъ приблизительно въ 120 человѣкъ. Когда я подходилъ туда, черная фигура выдѣлилась изъ углубленія воротъ одного дома. Это была молодая дѣвушка въ надвинутой на бекрень фригійской шапкѣ, съ ружьемъ въ рукахъ и патронташемъ у пояса: „стой гражданинъ! прохода нѣтъ!“ Во вторникъ, вечеромъ, на баррикадѣ, отдѣляющей скверъ Сенъ-Жакъ и Севастопольскій бульваръ многія женщины изъ квартала Галль долго работали, наполняя землей мѣшки и ивовыя корзины.

Это не обычные редуты, высотой въ два этажа. Баррикада, импровизированная въ майскіе дни, состоитъ изъ немногихъ камней мостовой, едва достигая высоты человѣческаго роста. Сзади находится иногда пушка или митральеза. Въ серединѣ—воткнутое между двухъ камней знамя краснаго цвѣта, цвѣта мести. За этими жалкими укрѣпленіями группы повстанцевъ, въ два-три десятка человѣкъ, останавливали цѣлые полки. Если бы хоть какой-нибудь общій планъ направлялъ эти силы, если бы пушки Монмартра и Пантеона помогали другъ другу, версальская армія быстро повернула бы спину. Но оставленные безъ всякаго руководства, не знакомые съ военнымъ дѣломъ, федералисты ни о чемъ не заботились за предѣлами своего квартала и даже своей улицы. Вмѣсто двухсотъ стратегически связанныхъ между собой баррикадъ, которыя могли бы защищать семь-восемь тысячъ человѣкъ, были безпорядочно разсѣяны многія сотни баррикадъ, для которыхъ не хватало защитниковъ. Общая ошибка состояла, кромѣ того, въ томъ, что всѣ ожидали атаки съ фронта, между тѣмъ какъ версальцы вездѣ зашли съ фланговъ.

Къ вечеру линія версальцевъ простиралась отъ вокзала Батиньоль до конца западной желѣзной дороги черезъ вокзалъ Сенъ-Лазаръ, казарму Пепиньеръ, англійское посольство, дворецъ Про-

мышленности, законодательный корпусъ, Бургонскую улицу, бульваръ Инвалидовъ, вокзалъ Монпарнассъ.

Передъ нападающими были только зачатки баррикадъ. Стоило имъ дружнымъ натискомъ прорвать эту линію, столь еще слабую, и они захватили бы центръ, совершенно не защищенный. Сто тридцать тысячъ человѣкъ не осмѣлились на этотъ шагъ. Солдаты и офицеры трепетали передъ Парижемъ. Имъ казалось, что улицы разступятся подъ ихъ ногами и дома обрушатся на ихъ головы. Этотъ страхъ воплотился въ баснѣ о торпедахъ и минахъ въ сточныхъ каналахъ, изобрѣтенной позднѣе для оправданія нерѣшительности войскъ. Въ понедѣльникъ, вечеромъ, овладѣвъ значительной частью округовъ, они все еще боялись какой-либо ужасной неожиданности. Имъ потребовалось все спокойствіе ночи, чтобы оправиться отъ своей побѣды и убѣдиться, что комитеты обороны ничего не предвидѣли и ничего не подготовили.

ГЛАВА XXVIII.

Вторникъ 23 мая.—Монмартръ взятъ.—Первыя массовыя избіенія.—Парижъ горитъ.—Послѣдняя ночь революціонной думы.

Защитники баррикадъ спятъ на своей мостовой. Непріятельскіе аванпосты бодрствуютъ. Въ Батиньолѣ развѣдочный отрядъ версальцевъ нападаетъ на часового. Федералистъ изо всѣхъ силъ вскрикиваетъ: „Да здравствуетъ коммуна!“ и такимъ образомъ даетъ знать своимъ товарищамъ о приближеніи врага. Онъ разстрѣлянъ на мѣстѣ.

Въ два часа ночи Ла-Сесиліа, въ сопровожденіи членовъ коммуны Лефрансэ, Вермолеря и Жоаннара и журналистовъ Альфонса Эмбера и Марото, приводилъ въ Батиньоль подкрѣпленіе въ сто человѣкъ. На упреки Малона по поводу того, что кварталъ въ теченіе цѣлаго дня оставался безъ помощи, генералъ отвѣчаетъ: „мнѣ не повинуются“.

Три часа. На баррикады! Коммуна еще жива! Свѣжій утренній воздухъ обвѣваетъ утомленныя лица и возрождаетъ надежду. Непріятель канонадой по всей своей линіи салютуетъ нарождающемуся дню. Артиллерія коммуны повсюду отвѣчаетъ, начиная съ Монпарнасса и кончая Монмартрскими холмами, которые, повидимому, нѣсколько ожили.

Ладмиро, который наканунѣ оставался почти неподвижнымъ, посылаетъ своихъ солдатъ впередъ по всей линіи укрѣпленій, нападая сзади на всѣ ворота, начиная съ Нейли до Сентъ-Уана. Справа отъ него Клиншанъ одновременно атакуетъ батиньольскія баррикады.

Улица Кардине первая попадаетъ въ руки версальцевъ, за ней слѣдуютъ улицы Нолле, Трюффо, Кондаминъ, авеню Клиши. Внезапно растворяются ворота Сентъ-Уанъ и извергаютъ версальцевъ; это—дивизія Монтодона, которая еще со вчерашняго дня дѣйствовала съ внѣшней стороны. Пруссаки предоставили въ ея распоряженіе нейтральную зону. При поддержкѣ Бисмарка, Кленшанъ и Ладмиро окружаютъ холмы съ обоихъ фланговъ.

Едва не окруженный въ мэріи XVII округа, Малонъ приказываетъ отступать на Монмартръ. Туда же направляютъ отрядъ изъ двадцати пяти тысячъ женщинъ, которыя, подъ предводительствомъ гражданокъ Дмитріевой и Луизы Мишель, предложили коммунѣ свои услуги. Малону и его друзьямъ удается найти выходъ и скрыться.

Кленшанъ слѣдуетъ вдоль улицы и наталкивается на баррикаду на площади Клиши. Чтобы овладѣть этой кучей кое-какъ наваленныхъ камней, за которой сражаются едва пятьдесятъ человѣкъ, потребовались соединенныя усилія версальцевъ съ С.-Петербургской улицы и ихъ стрѣлковъ изъ коллежа Шапталь. Федералисты, не имѣя болѣе ядеръ, заряжаютъ орудія камнями и щебнемъ; истощивъ весь порохъ, они отступаютъ на улицу Карріеръ. Ладмиро, овладѣвъ авеню Сентъ-Уанъ, обходитъ ихъ баррикаду со стороны монмартрскаго кладбища. Около двадцати гвардейцевъ отказываются сдаться. Версальцы ихъ разстрѣливаютъ.

Сзади кварталъ Эпинеттъ еще продолжаетъ нѣкоторое время сражаться. Но мало-по-малу всякое сопротивленіе замираетъ, и около девяти часовъ Батиньоль всецѣло переходитъ въ руки арміи.

Въ думѣ еще ничего не знали объ успѣхахъ войскъ, когда Верморель явился туда, чтобы добыть военныхъ припасовъ для Монмартра. Отправившись вмѣстѣ съ фургономъ, онъ однако уже не могъ достигнуть Монмартрскихъ холмовъ, такъ какъ послѣдніе были окружены версальцами.

Имѣя въ своемъ распоряженіи Ботиньоль, версальцамъ стоило только протянуть руку, чтобы овладѣть Монмартромъ. Холмы кажутся мертвыми. За ночь тамъ распространилась паника. Батальоны растаяли, исчезли. Командиръ 18-го легіона Милльеръ, однофамилецъ депутата, не способенъ проявить сильной иниціативы. Подозрительныя личности, которыхъ черезъ нѣсколько часовъ видѣли

въ рядахъ арміи, сѣяли ложные слухи, поминутно задерживали гражданскихъ и военныхъ начальниковъ, обвиняя ихъ въ предательствѣ. Всего какая-нибудь сотня человѣкъ защищаетъ сѣверную сторону. Ночью начали возводить нѣсколько баррикадъ, но работали очень вяло; однѣ только женщины обнаружили пылъ.

Клюзере по обыкновенію улетучился. Несмотря на его депеши и обѣщанія изъ думы, Ла-Сесиліа не получилъ ни подкрѣпленій, ни боевыхъ припасовъ. Начиная съ девяти часовъ, на холмахъ уже неслышно ни одного пушечнаго выстрѣла; канониры исчезли. Прибывшіе къ девяти часамъ бѣглецы изъ Батиньоля только увеличили панику. Теперь передъ версальцами былъ расчищенъ путь; не осталось и двухсотъ человѣкъ, способныхъ оказать имъ сопротивленіе.

Тѣмъ не менѣе Макъ-Магонъ осмѣлился предпринять наступленіе, лишь собравъ самыя лучшія свои войска,—такой страхъ внушала ему эта позиція и репутація Монмартра. Два сильныхъ отряда атаковали Монмартръ со стороны улицъ Лепикъ, Маркаде и шоссе Клиньянкуръ. Время отъ времени изъ отдѣльныхъ домовъ раздаются ружейные выстрѣлы. Колонны тотчасъ же останавливаются и начинаютъ правильную осаду. Это многотысячное войско, совершенно окружившее Монмартръ, поддерживаемое сильной артиллеріей, употребило цѣлыхъ три часа для того, чтобы занять позиціи, защищавшіяся безъ всякой системы нѣсколькими дюжинами стрѣлковъ.

Въ одиннадцать часовъ кладбище взято. Кругомъ кое-гдѣ слышна ружейная перестрѣлка. Немногіе упрямцы, продолжавшіе еще сражаться, перебиты или отступили, видя безплодность единичныхъ усилій. Версальцы поднимаются на холмы по всѣмъ ведущимъ туда склонамъ, въ полдень останавливаются у мельницы Галеттъ, спускаются къ мэріи, на площадь Сенъ-Пьеръ, безъ малѣйшаго сопротивленія занимаютъ весь XVIII округъ.

Такимъ образомъ безъ боя, даже безъ отдѣльныхъ попытокъ отчаяннаго сопротивленія были отданы эти неприступныя высоты, на которыхъ нѣсколько сотъ рѣшительныхъ людей могли бы задержать всю версальскую армію и принудить собраніе къ переговорамъ. Второй разъ въ теченіе XIX столѣтія эта твердыня обманула надежды Парижа.

Едва утвердившись на Монмартрѣ, генеральный штабъ версаль-

цевъ уже начинаетъ править кровавую тризну по душамъ Леконта и Клемана Тома. Сорокъ два мужчины, три женщины и четыре ребенка, случайно захваченные побѣдителями, отведены къ дому № 6 на улицѣ Розье и съ обнаженной головой поставлены на колѣна у подножія той стѣны, гдѣ 18-го марта были казнены генералы. Затѣмъ всѣхъ ихъ разстрѣляли. Одна женщина съ ребенкомъ на рукахъ отказывается стать на колѣна и кричитъ своимъ товарищамъ: „покажите этимъ несчастнымъ, что вы умѣете стоя, лицомъ къ лицу встрѣтить смерть“.

Въ слѣдующіе дни убійства продолжаются. Каждая группа плѣнниковъ останавливается сначала у стѣны, испещренной пулями. Затѣмъ ее разстрѣливаютъ въ двухъ шагахъ отсюда, на холмѣ, господствующемъ надъ дорогой въ Сенъ-Дени.

Батиньоль и Монмартръ были свидѣтелями первыхъ массовыхъ убійствъ. Въ іюнѣ 48-го года огуломъ разстрѣливались инсургенты, взятые на баррикадахъ. Въ маѣ 71-го года рѣзней руководилъ произволъ солдатъ. Во вторникъ, задолго до пожаровъ, версальцы начали разстрѣливать перваго встрѣчнаго и поперечнаго на скверѣ Батиньоль, на площади думы, у воротъ Клиши. Паркъ Монсо сталъ мѣстомъ главной бойни въ XVII округѣ. Въ Монмартрѣ центрами убійствъ являются холмы, Элизе, каждая ступень котораго сдѣлана изъ труповъ, и внѣшніе бульвары.

Въ двухъ шагахъ отъ Монмартра о катастрофѣ ничего не извѣстно. На площади Бланшъ баррикада, защищаемая женщинами держится нѣкоторое время, отражая солдатъ Кленшана. Защитницы отступаютъ потомъ за баррикаду Пигалль, которая падаетъ около двухъ часовъ. Ея командиръ приведенъ къ офицеру версальцевъ. „Кто ты такой?“—„Левекъ, рабочій каменщикъ, членъ центральнаго комитета“.—„А, теперь каменщики захотѣли командовать!“—отвѣчаетъ, версалецъ, разряжая свой револьверъ въ голову коммунара.

На другомъ берегу Сены сопротивленіе болѣе удачно. Варленъ останавливаетъ версальцевъ на перекресткѣ Круа-Ружъ,—мѣсто, покрывавшее себя неувядаемой славой въ дни самообороны Парижа. Улицы, примыкающія сюда, забаррикадированы, и этотъ пунктъ сдается лишь тогда, когда пожаръ и гранаты превратили его въ груду развалинъ. По обоимъ берегамъ рѣки, на улицахъ Универ-

ситетской, Сенъ-Доминикъ и Гренель, 67-й, 135-й, 138-й и 147-й батальоны, поддержанные „Enfants perdus“ и стрѣлками, оказываютъ упорное сопротивленіе. На улицѣ Ренъ и сосѣднихъ бульварахъ версальцы изнемогаютъ. Улица Вавенъ, гдѣ энергія сопротивленія прямо поразительна, на цѣлые два дня задержала вступленіе версальцевъ въ Люксембургскій дворецъ.

Менѣе удачны дѣйствія коммунаровъ на ихъ крайнемъ лѣвомъ флангѣ. Версальцы вовремя окружили монпарнасское кладбище, занятое кучкой людей. Близъ ресторана Ришфё федералисты даютъ непріятелю приблизиться и въ упоръ открываютъ огонь изъ митральезъ. Все напрасно. Версальцы, подавляющіе своей численностью, овладѣваютъ федералистами. Отсюда, слѣдуя по линіи валовъ XIV округа, они достигаютъ площади Сенъ-Пьеръ. Укрѣпленія Итальянскаго авеню и дороги въ Шатильонъ, возведенныя съ большою тщательностью—но только со стороны валовъ—взяты съ тылу, со стороны шоссе Мэнъ. Тридцать человѣкъ держатся тамъ въ теченіе нѣсколькихъ часовъ. Запасъ патроновъ у нихъ, въ концѣ концовъ, истощается и трехцвѣтное знамя поднимается надъ мэріей въ тотъ самый моментъ, когда оно овладѣло Монмартрскими холмами. Теперь дорога расчищена до площади д'Анферъ. Версальцы занимаютъ ее, выдержавъ огонь съ обсерваторіи, гдѣ засѣли нѣсколько федералистовъ.

Позади этихъ линій, взятыхъ непріятелемъ, поднимаются укрѣпленія, возведенныя подъ руководствомъ Вроблевскаго. Наканунѣ, получивъ приказаніе очистить форты, онъ отвѣтилъ: „Что это—предательство или недоразумѣніе? во всякомъ случаѣ, я отказываюсь эвакуировать“. По взятіи Монмартра генералъ явился къ Делеклюзу, чтобы побудить его перенести борьбу на лѣвый берегъ. Сена, форты, Пантеонъ, Біевръ представляютъ, по его мнѣнію, надежную защиту и кромѣ того здѣсь открывается свободный выходъ для отступленія изъ города въ окрестныя поля. Соображенія, совершенно правильныя, если бы дѣло шло о регулярныхъ войскахъ. Но перенести по командѣ центръ возстанія изъ одного мѣста въ другое—вещь невозможная и чѣмъ дальше, тѣмъ упорнѣе настаиваютъ федералисты на томъ, чтобы каждый защищалъ свой кварталъ.

Вроблевскій вернулся въ свою главную квартиру, собралъ ко-

мандировъ фортовъ, сдѣлалъ всѣ распоряженія относительно ихъ защиты и отправился принять командованье надъ лѣвымъ берегомъ, ввѣренное ему прежними декретами. Когда онъ послалъ свои приказанія въ Пантеонъ, ему отвѣтили, что здѣсь командуетъ Лисбоннъ. Не обезкураженный этимъ, Вроблевскій сталъ энергично подготовлять къ самооборонѣ тотъ раіонъ, который у него остался. Онъ поставилъ одну батарею въ восемь пушекъ и двѣ батареи по четыре пушки на Бюттъ-о-Кайль, позиціи, господствующей между Пантеономъ и фортами, укрѣпилъ Итальянскій, Госпитальный и Вокзальный бульвары, помѣстилъ свою главную квартиру въ мэріи Гобеленовъ, свои резервы на Итальянской площади, площади Жаннъ-д'Аркъ и Берси.

Другой конецъ Парижа, округа XIX и XX, подготовляются къ защитѣ. Храбрый Пассдуе замѣстилъ Биссона, который все еще осмѣливается выступать въ качествѣ командира Вилеттскаго легіона. Забаррикадированы большая улица Капеллы позади Страсбургской желѣзной дороги, улицы д'Обервиллье, де Фландръ и каналъ, такъ что получилось пять линій обороны, защищенныхъ съ фланговъ бульварами и укрѣпленіями, одну пушку помѣстили на улицѣ Рике, на газовомъ заводѣ. Съ вала орудія на рукахъ втащили на холмы Шомонъ; другія отправлены на улицу Пюэбла. Батарея въ шесть пушекъ въѣзжаетъ на кладбище Перъ-Лашезъ и наполняетъ Парижъ своимъ грохотомъ.

Парижъ пустъ и нѣмъ. Какъ и наканунѣ магазины остаются закрытыми. Улицы, залитыя бѣлымъ солнечнымъ свѣтомъ, имѣютъ опустошенный и угрожающій видъ. Молчаніе нарушается только мчащимися въ карьеръ эстафетами, галопомъ артиллеріи, мѣняющей позиціи, передвигающимися отрядами повстанцевъ.

Порой среди общей тишины раздаются крики: «Открывайте лавки, поднимайте жалюзи!» Надъ ложными окнами, по изслѣдованіи ихъ, прикрѣпляютъ особые значки. Двѣ газеты, *„Народная Трибуна“* и *„Общественное Спасеніе“* вышли въ свѣтъ, несмотря на гранаты, падавшія въ помѣщеніе типографіи на улицѣ д'Абукиръ.

Въ думѣ нѣсколько человѣкъ дѣлаютъ все возможное, чтобы удовлетворить насущныя нужды. Прежде всего необходимъ провіантъ для сражающихся. Комитетъ общественнаго спасенія проситъ банкъ отпустить 500.000 франковъ; банкъ съ величайшей предупредитель-

ностью выдаетъ деньги; онъ готовъ выдать милліоны. Одинъ декретъ уполномочиваетъ командировъ баррикадъ производить реквизицію съѣстныхъ припасовъ и необходимыхъ инструментовъ. Другой декретъ объявляетъ подлежащимъ сожженію всякій домъ, изъ котораго будутъ сдѣланы выстрѣлы въ федералистовъ. Послѣ полудня комитетъ расклеиваетъ по улицамъ призывъ „къ солдатамъ версальской арміи“.

„Народъ Парижа никогда не повѣритъ, что вы способны направить противъ него свое оружіе, если вы сойдетесь съ нимъ грудь съ грудью; у васъ не поднимется рука совершить братоубійство.

„Вы такіе же пролетаріи, какъ и мы... Вы сдѣлаете еще разъ то, что вы дѣлали 18-го марта... Идите къ намъ, братья, идите къ намъ, мы протягиваемъ вамъ свою руку“.

Центральный комитетъ, съ своей стороны, писалъ: „Мы отцы семействъ... Вы также станете со временемъ отцами. Если вы будете сегодня стрѣлять въ народъ, ваши дѣти станутъ проклинать васъ такъ же, какъ мы проклинаемъ теперь тѣхъ солдатъ, которые терзали народъ въ іюнѣ 1848 года и въ декабрѣ 1851 года. Два мѣсяца тому назадъ ваши братья заключили съ народомъ братскій союзъ; берите съ нихъ примѣръ“. Дѣтская, хотя и благородная иллюзія. И въ этомъ отношеніи весь парижскій народъ раздѣлялъ надежды своихъ уполномоченныхъ. Несмотря на звѣрства собранія, разстрѣлы раненыхъ, издѣвательство надъ плѣнниками, въ теченіе послѣднихъ шести недѣль, несмотря на все это, рабочіе не могли допустить, чтобы дѣти народа рѣшились „терзать“ тотъ самый Парижъ, который борется за ихъ освобожденіе.

Въ три часа Бонвале и другіе члены „Лиги правъ Парижа“ являются въ думу, гдѣ ихъ принимаютъ нѣкоторые члены коммуны и комитета общественнаго спасенія. Они стонутъ отъ ужаса передъ кипящей вокругъ нихъ борьбой, предлагаютъ выступить посредниками, что они уже съ такимъ успѣхомъ выполнили во время осады, хотятъ излить передъ г-номъ Тьеромъ обуревающія ихъ чувства скорби. Въ концѣ концовъ, они отдаютъ себя въ распоряженіе думы. „Прекрасно“, говорятъ имъ,—„берите ружья и ступайте на баррикады!“

Видя, что дѣло поставлено ребромъ, „Лига“ благоразумно ретируется, ссылаясь на центральный комитетъ, который имѣлъ наивность ее слушать.

Вести переговоры въ самомъ разгарѣ битвы! Версальцы, желая использовать свой успѣхъ на Монмартрѣ, бросаются къ бульвару Орано и Сѣверному вокзалу. Въ два часа баррикады на шоссе Клиньянкуръ перешли въ руки непріятелей. На улицѣ Мира Домбровскій, смертельно раненый, падаетъ рядомъ съ Верморелемъ. Утромъ Делеклюзъ сказалъ ему, чтобы онъ сдѣлалъ все возможное противъ завладѣвшихъ Монмартромъ версальцевъ. Безъ надежды, безъ солдатъ, подозрѣваемый съ самаго момента вступленія версальцевъ, Домбровскій не видѣлъ передъ собой другого исхода кромѣ смерти. И черезъ два часа онъ испустилъ духъ въ госпиталѣ Ларибуазіеръ. Тѣло его было перенесено въ думу; баррикады, черезъ которыя его проносили, салютовали оружіемъ.

Кленшанъ, свободный съ лѣваго фланга, устремляется на 9-й округъ. Одна колонна спускается по улицѣ Фонтэнъ-Сенъ-Жоржъ, по улицѣ Лоретской Богоматери и вынуждена остановиться на ея углу. Другая колонна бомбардируетъ коллежъ Ролленъ и затѣмъ углубляется въ улицу Трюдэнъ, гдѣ ее задерживаютъ до вечера.

Ближе къ центру, на бульварѣ Гаусманъ Дуэ наступаетъ на баррикаду у магазина „Printemps“. Пушечными выстрѣлами разсѣиваетъ онъ федералистовъ, овладѣвшихъ церковью Св. Троицы, и на паперти послѣдней ставитъ пять пушекъ противъ солидно построенной баррикады, замыкающей Антенское шоссе у входа на бульваръ. Одинъ отрядъ направляется въ улицы Шатоденъ и Лафайетъ. На перекресткѣ улицы Монмартрскаго предмѣстья баррикада высотою въ метръ, защищаемая десяткомъ человѣкъ, задерживаетъ его до самой ночи.

Правый флангъ Дуэ все еще не можетъ справиться съ улицей Рояль. Вотъ уже два дня Брюнель поддерживаетъ здѣсь бой, съ которымъ по энергіи могутъ сравниться только сраженія на Бютъ-о-Кайль, на площади Бастиліи и у Шато-д'о. Бульваръ Малербъ весь изрытъ гранатами. Надъ главной баррикадой, пересѣкающей улицу наискось, господствуютъ дома лѣвой стороны, откуда версальцы разстрѣливаютъ федералистовъ. Брюнель, понимая всю важность ввѣренной ему позиціи, приказываетъ поджечь дома, посылающія убійственный огонь. Федералисту, взявшемуся исполнить этотъ приказъ, пуля пронизываетъ глазъ; онъ падаетъ мертвымъ, успѣвъ крикнуть

своему командиру: „Я заплатилъ жизнью за то порученіе, которое вы мнѣ дали. Да здравствуетъ коммуна!“ Дома, начиная съ № 13 и вплоть до улицы предмѣстья Сентъ-Оноре охвачены огнемъ. Здѣсь версальцы остановились.

Терраса Тюильри, энергично работающая цѣлыя сутки съ лѣвой стороны отъ Брюнеля, удваиваетъ силу его сопротивленія. Шестьдесять артиллерійскихъ орудій съ набережной д'Орсе, съ Пасси, съ Марсова поля и площади Звѣзды соединили свой огонь на этой террасѣ и баррикадѣ Сенъ-Флорентенъ. Дюжина федералистскихъ пушекъ отражаетъ этотъ натискъ. Площадь Согласія, поражаемая со всѣхъ сторонъ этимъ перекрестнымъ огнемъ, покрывается обломками фонтановъ, фонарей, статуй. Статуя Лилля обезглавлена, статуя Страсбурга разрушена картечью.

На лѣвомъ берегу версальцы прокладываютъ себѣ дорогу отъ дома къ дому. Жители квартала слѣдуютъ за ними и изъ-за своихъ жалюзи стрѣляютъ въ федералистовъ. Эти послѣдніе набрасываются на предательскія дома и поджигаютъ ихъ. Отъ версальскихъ гранатъ вспыхиваютъ пожары; скоро весь кварталъ объятъ пламенемъ. Войска продолжаютъ подвигаться впередъ, занимаютъ военное министерство, дирекцію телеграфа, приходятъ къ казармѣ Белльшассъ и Университетской улицѣ. Гранаты ихъ разрушаютъ баррикады набережной и улицы дю-Бакъ. Батальонъ федералистовъ, въ теченіе двухъ дней державшійся во дворцѣ Почетнаго Легіона, вынужденъ отступить на набережную—единственный еще оставшійся для него путь отступленія. Въ пять часовъ онъ покидаетъ зданіе, предварительно поджегши его.

Въ шесть часовъ падаетъ баррикада на шоссе д'Антенъ. Непріятель, подвигаясь впередъ боковыми улицами, занялъ новую Оперу, никѣмъ не защищаемую. Баррикаду обстрѣливали съ крышъ вооруженные ружьями матросы. Вмѣсто того, чтобы подражать ихъ примѣру и занимать дома, федералисты здѣсь, какъ и въ другихъ мѣстахъ, упорно держатся за своими баррикадами изъ камней мостовой.

Въ восемь часовъ баррикада на улицѣ Невъ-де-Капусинъ у входа на бульваръ сдается подъ огнемъ четырехфунтовыхъ пушекъ, расположенныхъ на улицѣ Комартенъ. Версальцы подходятъ къ Вандомской площади, которую все еще занимаетъ полковникъ Спинуа.

Во всѣхъ пунктахъ армія сдѣлала значительные успѣхи. Теперь линія версальцевъ, начинаясь у Сѣвернаго вокзала, идетъ по улицамъ Рошешуаръ, Каде, Друо, мэрія котораго взята, по Итальянскому бульвару, дѣлаетъ выступъ къ Вандомской площади и площади Согласія, извивается по улицѣ дю-Бакъ къ Аббэ-о-Буа, бульвару д'Анферъ и оканчивается у 81-го бастіона. Площадь Согласія и улица Рояль, закрытыя съ обоихъ фланговъ, выдаются, какъ мысъ, среди бушующаго морского прибоя. Ладмиро стоитъ передъ Вилеттъ; справа Кленшанъ занимаетъ IX округъ; Дуэ появляется на Вандомской площади; Винуа поддерживаетъ Сиссея, который оперируетъ на лѣвомъ берегу. Въ рукахъ федералистовъ остается никакъ не болѣе половины Парижа.

Въ остальной части Парижа царятъ убійство и грабежъ. На одномъ концѣ улицы еще дерутся, въ то время какъ другой завоеванный конецъ ея подвергается разгрому. Горе тому, у кого окажется оружіе, форменная одежда или, такъ называемые, „godillots“, въ которые обулись всѣ парижане со времени осады; горе тому, кто обнаружитъ смущеніе, горе тому, на кого донесъ политическій или личный врагъ. Всѣ такіе немедлено уводятся солдатами. Каждый отрядъ имѣетъ своего оберпалача въ лицѣ прево, назначеннаго главной квартирой; для ускоренія дѣла на отдѣльныя улицы назначены добавочные прево. Къ нимъ приводится жертва и немедленно разстрѣливается.

Какъ только кварталъ занятъ войсками, выползаютъ на свѣтъ люди порядка и, разжигая ярость солдатъ, пользуются ими для удовлетворенія своей мести, своихъ личныхъ счетовъ. За убійствами слѣдуютъ грабежи. Лавки торговцевъ, которые снабжали товарами коммуну или обвиняются въ этомъ своими конкуррентами, подвергаются разгрому. Солдаты ломаютъ мебель, похищаютъ предметы роскоши. Драгоцѣнные камни, вина, ликеры, съѣстные припасы, бѣлье, парфюмерные товары исчезаютъ въ солдатскихъ ранцахъ.

Когда Тьеръ узналъ о паденіи Монмартра, онъ вообразилъ, что борьба закончена и телеграфировалъ объ этомъ своимъ префектамъ. Въ теченіе шести недѣль онъ не переставалъ утверждать, что инсургенты обратятся въ бѣгство, какъ только будутъ заняты войсками валы. Но вопреки обыкновенію героевъ Седана, Меца и національной

обороны Парижъ защищалъ каждую улицу, соглашаясь скорѣе сгорѣть нежели сдаться.

Среди ночи разливается ослѣпительный свѣтъ. Горятъ Тюильри, зданіе Почетнаго Легіона, государственный совѣтъ, расчетная палата. Страшный трескъ раздается со стороны дворца королей; стѣны его рушатся, и громадные купола низвергаются. Изъ сотенъ оконныхъ отверстій вырывается пламя и то лѣниво лижетъ стѣны, то быстрыми живыми языками прорѣзываетъ воздухъ. Покраснѣвшая вода Сены отражаетъ зданія и удвояетъ картину пожара. Взбунтовавшееся пламя, гонимое восточнымъ вѣтромъ, направляется противъ Версаля и заявляетъ побѣдителю Парижа, что для него уже нѣтъ здѣсь мѣста, что его монархическіе монументы уже не будутъ въ состояніи дать пріютъ монархіи. На улицахъ дю-Бакъ, Лилль, Круа-Ружъ поднимаются вверхъ цѣлыя огненныя колонны. Начиная съ улицы Рояль и вплоть до Сенъ-Сюльписъ тянется сплошная огненная стѣна, пересѣкаемая Сеной. Вихри дыма заволакиваютъ всю западную часть Парижа; огненныя спирали, поднимающіяся съ гигантскихъ костровъ, ниспадаютъ на сосѣдніе кварталы дождемъ искръ.

Одиннадцать часовъ. Дума. Часовые посты, выдвинутые далеко впередъ, предупреждаютъ всякую неожиданность. Тамъ и здѣсь отдѣльные газовые фонари мерцаютъ среди общаго мрака. На многихъ баррикадахъ горятъ факелы и бивуачные огни. Баррикада на скверѣ Сенъ-Жакъ противъ Севастопольскаго бульвара, составленная изъ срубленныхъ деревьевъ, вѣтки которыхъ колеблются вѣтромъ, шумитъ и шевелится среди жуткаго мрака.

Фасадъ коммунальнаго дома озаренъ отблескомъ дальняго пламени. Статуи, на которыхъ играетъ отблескъ, какъ будто движутся въ своихъ нишахъ. На внутреннихъ дворахъ царитъ невообразимая суматоха. Въ мэрію XI округа эвакуируются повозки, омнибусы, переполненные боевыми припасами. Съ грохотомъ катятся они подъ узкими сводами. Приносятъ раненыхъ. Жизнь и смерть, стоны и смѣхъ сталкиваются на лѣстницѣ.

Внутренніе проходы заполнены національными гвардейцами, завернувшимися въ свои одѣяла. Раненые стонутъ и просятъ испить; носилки, приставленные вдоль стѣны, роняютъ на полъ капли крови. Приносятъ командира со страшно изуродованнымъ лицомъ; пуля про-

била ему щеку, оторвала губы, выбила зубы. Неспособный вымолвить ни звука, этотъ храбрецъ машетъ краснымъ знаменемъ, желая вооду-шевить тѣхъ, кому предстоитъ замѣстить его въ сраженіи.

Въ комнатѣ Валентины Гаусманъ на голубой шелковой постели лежитъ трупъ Домбровскаго. Единственная свѣча бросаетъ свой слабый полусвѣтъ на героя-солдата. Его лицо, бѣлое, какъ снѣгъ, носитъ на себѣ печать спокойствія; въ полумракѣ вырисовывается его тонко очерченный носъ, изящная линія рта, маленькая бѣло-курая бородка, заостренная книзу. Два адъютанта молча дежурятъ, усѣвшись въ темныхъ углахъ. Третій поспѣшно набрасываетъ на бу-магу черты своего генерала.

Двойная мраморная лѣстница, ведущая въ оффиціальные аппар-таменты, кишитъ національными гвардейцами, изъ которыхъ одни входятъ, другіе выходятъ. Часовые съ трудомъ охраняютъ кабинетъ делегата. Делеклюзъ подписываетъ приказы, блѣдный, нѣмой, какъ привидѣніе. Муки послѣднихъ дней вытянули изъ него тотъ запасъ жизни, который у него еще сохранялся. Его голосъ звучитъ, какъ предсмертное хрипѣніе. Только глаза и сердце еще живутъ.

Два или три офицера, еще сохранившіе хладнокровіе, изготовляютъ приказы, накладываютъ печати и отправляютъ депеши. Значитель-ное число гвардейскихъ офицеровъ окружаютъ столъ. Никакихъ спо-ровъ; нѣкоторые тихо разговариваютъ группами. Если надежда потускнѣла, рѣшимость не уменьшилась.

Но кто эти офицеры, перемѣнившіе форму, эти члены коммуны, эти должностныя лица, обрившіе бороды? Чего имъ надо здѣсь среди храбрецовъ? Ранвье встрѣтилъ переряженными такимъ образомъ двухъ своихъ коллегъ, которые во времена осады особенно демон-стративно выступали приверженцами коммуны; онъ пригрозилъ тутъ же пристрѣлить ихъ, если они не отправятся немедленно въ свои округа.

Хорошая острастка не была бы безполезной. Съ часу на часъ дисциплина падаетъ. Между тѣмъ центральный комитетъ, считая себя облеченнымъ властью за отказомъ совѣта, выпускаетъ мани-фестъ, въ которомъ выставляются слѣдующія условія: распущеніе національнаго собранія и коммуны; армія выводится изъ Парижа;

правительственная власть временно ввѣряется делегатамъ крупныхъ городовъ, которые должны созвать учредительное собраніе; взаимная амнистія.—Такой ультиматумъ могъ бы выставить лишь побѣдитель. Эти наивныя мечтанія были расклеены кое-гдѣ по стѣнамъ и внесли новый разбродъ въ дѣло обороны.

Отъ времени до времени, съ площади раздается громкій крикъ. Противъ баррикады на авеню Викторіа разстрѣливаютъ шпіона. Нѣкоторые изъ нихъ осмѣлились проникнуть въ самыя нѣдра учрежденій коммуны. Такъ, напримѣръ, вечеромъ въ комитетъ общественнаго спасенія, который послалъ Бержере устное разрѣшеніе поджечь Тюильри, является субъектъ съ требованіемъ письменно подтвердить этотъ приказъ. Онъ еще продолжалъ говорить, когда вошелъ Бержере. „Кто васъ послалъ“?—спрашиваетъ послѣдній субъекта.—„Бержере“.—„Гдѣ вы его видѣли?“—„Здѣсь по близости, я только что съ нимъ встрѣтился“.

Ночью, въ два часа, Раулъ Риго, не имѣя ни отъ кого полномочій и не посовѣтовавшись ни съ кѣмъ изъ своихъ коллегъ, явился въ тюрьму Сенъ-Пелажи, которой управлялъ братъ Ранвье, человѣкъ лихорадочной экзальтаціи, повѣсившійся на другой день. Раулъ Риго, сославшись на якобы данное ему предписаніе, велѣлъ привести къ себѣ Шодея и сообщилъ ему, что онъ немедленно будетъ казненъ. Шодей не хотѣлъ этому вѣрить, указывалъ на свое республиканское и соціалистическое прошлое. Риго ставилъ ему въ вину разстрѣлъ 22-го января. Шодей клялся, что въ этомъ онъ невиновенъ, хотя онъ и былъ въ то время единственнымъ вліятельнымъ человѣкомъ въ думѣ. Всѣ его протесты не были въ состояніи поколебать давно уже задуманнаго рѣшенія Риго, который не могъ забыть о своемъ другѣ Сапіа, павшемъ мертвымъ рядомъ съ нимъ. Выведенный на окружную дорогу, Шодей былъ разстрѣлянъ вмѣстѣ съ тремя жандармами, взятыми 18-го марта. Послѣ 31-го октября онъ сказалъ Ферре и сторонникамъ коммуны, требовавшимъ освобожденія Луизы Мишель и ея друзей: „Болѣе сильные изъ васъ разстрѣляютъ остальныхъ“. Не явилась ли его смерть исполненіемъ этого пророчества?

ГЛАВА XXIX.

„Наши храбрые солдаты вели себя такъ, что снискали величайшее уваженіе и величайшее удивленіе среди иностранцевъ“.

(Рѣчь Тьера въ національномъ собраніи 24-го мая 1871 г.)

„Соціальныя затрудненія разрѣшены или находятся на пути къ своему разрѣшенію“.

(Газета „Le Siècle“, 21-го мая 1871 г.)

Среда 24-го мая.—Члены коммуны очищаютъ думу.—Пантеонъ взятъ.—Версальцы массами разстрѣливаютъ парижанъ. — Федералисты разстрѣливаютъ заложниковъ. — Ночь канонады.

Защитники баррикадъ, не имѣя уже болѣе ни подкрѣпленій, ни съѣстныхъ припасовъ, остаются къ тому же безъ провіанта, всецѣло предоставленные тѣмъ рессурсамъ, которые можно добыть у жителей каждаго даннаго квартала. Многіе, совершенно измученные, отправляются на поиски какой-нибудь пищи. Ихъ товарищи, видя, что они не возвращаются, впадаютъ въ уныніе, командиры баррикадъ стараются ихъ удержать.

Въ девять часовъ вечера Брюнель получилъ приказъ эвакуировать улицу Рояль. Тѣмъ не менѣе, онъ продолжаетъ удерживать свои позиціи. Въ полночь комитетъ общественнаго спасенія снова посылаетъ ему приказъ отступать. Вынужденный покинуть позицію, которую онъ такъ удачно защищалъ въ теченіе двухъ дней, Брюнель сначала эвакуируетъ раненыхъ, потомъ пушки на улицу Сенъ-Флорентенъ. Федералисты отступаютъ; на улицѣ Кастильонъ они попадаютъ подъ выстрѣлы.

Версальцы, овладѣвъ улицей Мира и улицей Невъ-де-Капусинъ, ворвались на Вандомскую площадь, теперь совершенно покинутую и черезъ отель дю-Ренъ обошли баррикаду на улицѣ Кастильонъ. Федералисты Брюнеля отдаютъ улицу Риволи, ломаютъ рѣшетки Тюильрійскаго сада, слѣдуютъ вдоль набережной и достигаютъ думы. Непріятель не осмѣлился ихъ преслѣдовать и только на разсвѣтѣ занялъ военное министерство, давно уже покинутое.

Остальную часть ночи пушки молчали. Въ думѣ замерло обычное оживленіе. Федералисты спятъ на площади; въ бюро члены комитетовъ и офицеры спѣшатъ воспользоваться немногими минутами отдыха. Въ три часа приходитъ офицеръ генеральнаго штаба изъ собора Богоматери, занятаго отрядомъ федералистовъ, которые развели костры изъ стульевъ и скамеекъ церкви. Онъ сообщаетъ комитету общественнаго спасенія, что огонь можетъ легко распространиться на госпиталь, въ которомъ находятся восемьсотъ больныхъ. Комитетъ приказываетъ эвакуировать соборъ, чтобы не подвергать ихъ опасности; въ теченіе слѣдующихъ дней ни одна граната федералистовъ не упала въ это мѣсто.

Передъ лучами восходящаго солнца блѣднѣетъ яркость пожаровъ. Наступаетъ ясный день, но не приноситъ съ собой ни одного луча надежды для коммуны. Парижъ потерялъ свой правый флангъ, центръ его прорванъ, никакое наступленіе болѣе невозможно. Онъ не сражается болѣе, а лишь отбивается отъ сыплющихся на него ударовъ.

Уже рано утромъ версальцы открываютъ наступленіе на всѣ пункты противника, на Лувръ, на Пале-Рояль, на банкъ, расчетную палату, скверъ Монтолонъ, бульваръ Орнано и линію сѣверной желѣзной дороги. Въ четыре часа они начинаютъ бомбардировку Пале-Рояля, вокругъ котораго федералисты открываютъ ружейную перестрѣлку. Около семи часовъ они уже овладѣли банкомъ, площадью биржи и спускаются къ церкви св. Евстахія, гдѣ сопротивленіе ведется съ большой энергіей. И здѣсь дѣти увеличиваютъ собою число сражающихся. Когда федералисты были окружены и перебиты на мѣстѣ, дѣтямъ была оказана честь раздѣлить общую участь.

На лѣвомъ берегу войска съ трудомъ занимаютъ набережныя и всю часть VI округа, прилегающую къ Сенѣ. Въ центрѣ, въ теченіе

ночи, была эвакуирована баррикада на Круа-Ружъ точно такъ же, какъ и баррикада на улицѣ Реннъ, которую тридцать человѣкъ защищали въ теченіе двухъ дней. Теперь версальцы получаютъ доступъ на улицы д'Асса и Нотръ-Дамъ-де-Шанъ. На крайнемъ правомъ флангѣ они занимаютъ Валь-де-Грасъ и наступаютъ на Пантеонъ.

Въ восемь часовъ десятка полтора членовъ коммуны, собравшись въ думѣ, рѣшили ее эвакуировать. Только двое высказались противъ этого. III округъ, изрѣзанный узкими, хорошо забаррикадированными улицами, представляетъ надежную защиту думы съ фланга, въ то время какъ нападеніе на нее съ фронта и со стороны набережной совершенно невозможно. При такихъ условіяхъ обороны отступать, значитъ бѣжать, значитъ лишить комитетъ общественнаго спасенія той доли вліянія, которая у него еще оставалась. Но какъ и два дня тому назадъ комитетъ обнаруживаетъ полную умственную растерянность. Онъ боится всего, потому что не въ состояніи ничего правильно обсудить. Командиръ Пале-Рояля уже получилъ приказъ эвакуировать зданіе, предварительно поджегши его. Онъ протестуетъ, заявляетъ, что онъ еще можетъ держаться. Приказъ возобновленъ. Смятеніе настолько велико, что одинъ изъ членовъ предлагаетъ отступить въ Бельвиль. Это имѣетъ столько же смысла, какъ предложить немедленную сдачу Шато-д'О и площади Бастиліи. По обыкновенію время проходитъ въ безплодныхъ разговорахъ. Начальникъ думы, которому наскучила эта болтовня, нетерпѣливо прохаживается взадъ и впередъ.

Около десяти часовъ показалось пламя на сторожево башнѣ. Еще черезъ часъ дума представляла одинъ сплошной костеръ. Старый домъ, свидѣтель столькихъ предательствъ, домъ, гдѣ народъ столько разъ сажалъ избранныхъ имъ властей, которыя его потомъ разстрѣливали картечью, палъ вмѣстѣ со своимъ дѣйствительнымъ господиномъ. Къ грохоту рушащихся фронтоновъ, сводовъ и каминовъ, къ шуму и треску разваливающагося зданія присоединяются сухіе удары пушечной пальбы съ баррикады Сенъ-Жакъ, господствующей надъ улицей Риволи.

Военное министерство и всѣ канцеляріи переселились съ набережной въ мэрію XI округа. Делеклюзъ протестовалъ противъ

оставленія думы и предсказывалъ, что это отступленіе окажетъ удручающее вліяніе на инсургентовъ.

На слѣдующій день была оставлена національная типографія, въ которой оффиціальная газета коммуны вышла въ послѣдній разъ 24-го числа. Какъ солидный оффиціальный органъ, этотъ нумеръ газеты въ своемъ содержаніи, опоздалъ на одинъ день. Въ немъ напечатаны прокламаціи, изданныя два дня тому назадъ, и нѣкоторыя подробности сраженій, происходившихъ не позднѣе вторника утромъ.

Сдача думы разбиваетъ коммунаровъ на двѣ части, увеличиваетъ трудность сношеній. Офицеры генеральнаго штаба—разумѣется тѣ изъ нихъ, которые еще оставались на своемъ посту—съ трудомъ добираются до новой главной квартиры. Ихъ останавливаютъ на баррикадахъ и принуждаютъ таскать камни мостовой. Если они предъявляютъ свои депеши, указываютъ на неотложность своего дѣла, имъ заявляютъ: „нынче упразднены привилегіи расшитыхъ мундировъ“. Недовольство, которое они давно уже возбуждали, съ особенной силой прорывается въ это утро. На улицѣ Седана одинъ молодой офицеръ генеральнаго штаба, графъ Бофоръ, былъ узнанъ гвардейцами 166-го батальона, которымъ онъ нѣсколько дней тому назадъ пригрозилъ въ военномъ министерствѣ. Задержанный за попытку нарушить приказъ, отданный стражѣ, Бофоръ сказалъ, что онъ расчиститъ батальонъ. Наканунѣ описываемаго событія батальонъ, находившійся близъ церкви Магдалины, потерялъ шестьдесятъ человѣкъ—это было приписано распоряженіямъ Бофора. Арестованный и отведенный въ военный судъ, засѣдавшій недалеко отъ мэріи въ одной изъ лавокъ бульвара Вольтера, Бофоръ документально опровергъ всѣ возведенныя на него обвиненія. Тѣмъ не менѣе судьи постановили, что онъ долженъ вернуться въ батальонъ въ качествѣ простого гвардейца. Нѣкоторые изъ присутствующихъ начальниковъ тутъ же снова производятъ его въ капитаны. Онъ выходитъ съ торжествующимъ видомъ. Толпа, не зная тѣхъ объясненій, которыя онъ представилъ, ропщетъ, видя его на свободѣ; одинъ гвардеецъ бросается къ нему. Бофоръ имѣлъ неосторожность выхватить револьверъ. Его тотчасъ же схватили и снова втолкнули въ лавку. Шефъ генеральнаго штаба не рѣшается придти на помощь своему офицеру. На выручку ему спѣшитъ Делеклюзъ; онъ убѣждаетъ въ необходи-

мости отсрочить разбирательство, клянется, что Бофора будутъ судить. Толпа ничего не хочетъ слышать. Приходится уступить, чтобы избѣжать ужасной свалки. Бофора уводятъ на площадку за мэріей и разстрѣливаютъ.

Въ двухъ шагахъ отсюда, на кладбищѣ Перъ-Лашезъ отдаютъ послѣднія почести тѣлу Домбровскаго. Его перенесли сюда ночью, при чемъ на площади Бастиліи разыгралась трогательная сцена. Федералисты, находившіеся на своихъ баррикадахъ, остановили процессію и положили тѣло у подножья іюльской колонны. Люди съ факелами въ рукахъ образовали вокругъ него какъ бы огненную часовню, и федералисты одинъ за другимъ подходили, чтобы напечатлѣть на лбу генерала послѣдній поцѣлуй. Въ это же время барабаны отбивали походный маршъ. Наконецъ тѣло, обернутое въ красное знамя, предано землѣ. Верморель, братъ генерала, офицеры и двѣсти гвардейцевъ стоятъ кругомъ съ обнаженными головами. „Вотъ онъ“,—воскликнулъ Верморель,—„тотъ, котораго обвиняли въ предательствѣ! Онъ одинъ изъ первыхъ отдалъ свою жизнь за коммуну. А мы... что дѣлаемъ мы, вмѣсто того, чтобы подражать ему?“ Далѣе онъ бичуетъ трусость и панику, овладѣвающую федералистами. Его рѣчь, обыкновенно запинающаяся, теперь, подъ вліяніемъ охватившей его страсти, льется, какъ потокъ расплавленнаго металла. „Поклянемся же, что мы оставимъ это мѣсто только для того, чтобы умереть!“ Это было его послѣднее слово. И онъ сдержалъ его. Въ двухъ шагахъ пушки, время отъ времени, заглушали его голосъ своимъ грохотомъ. Среди присутствующихъ лишь немногіе могли удержаться отъ слезъ.

Счастливы тѣ, кому выпадутъ на долю такіе похороны; счастливы тѣ, которые будутъ опущены въ землю среди битвы, салютуемые своими пушками, оплакиваемые своими друзьями.

Въ это же время былъ разстрѣлянъ Вэссе, агентъ версальцевъ, хвастявшійся, что онъ подкупилъ Домбровскаго.

Около полудня версальцы усилили энергію своего натиска на лѣвомъ берегу и заняли школу изящныхъ искусствъ, институтъ, монетный дворъ. Опасаясь быть окруженнымъ на островѣ Нотръ-Дамъ, Ферре отдалъ приказъ эвакуировать полицейскую префектуру и разрушить ее. Предварительно были выпущены на свободу 450

арестантовъ, обвинявшихся въ менѣе важныхъ преступленіяхъ Оставленъ былъ только одинъ арестантъ, Вассе, котораго его единомышленникъ Гютцингеръ выдалъ наканунѣ. Его разстрѣляли на Понъ-Нёфъ, передъ статуей Генриха IV. Передъ смертію онъ произнесъ слѣдующую странную фразу:—„За мою смерть вы отвѣтите передъ графомъ Фабрисъ“ *).

Версальцы, пренебрегая префектурой, направилъ на улицу Тараннъ и прилегающія къ ней. Около двухъ часовъ они были задержаны на площади Аббатства баррикадой, которую реакціонеры мѣстнаго квартала помогли имъ окружить. Восемнадцать федералистовъ разстрѣляно. Правѣе войска проникли на площадь Сенъ-Сюльписъ, гдѣ они заняли мэрію VI округа. Отсюда они двинулись частью на улицу Сенъ-Сюльписъ, частью на улицу Вожираръ и въ Люксембургскій садъ. Послѣ двухчасоваго боя федералисты на улицѣ Вавенъ отступили, взорвавъ по дорогѣ пороховой складъ въ Люксембургскомъ саду. Сотрясеніе на моментъ прекращаетъ битву. Дворецъ не защищается. Нѣсколько солдатъ пересѣкаютъ садъ, ломаютъ рѣшетки, выходящія на улицу Суффло, пересѣкаютъ бульваръ и берутъ первую баррикаду этой улицы.

Три баррикады возвышаются передъ Пантеономъ. Первая при входѣ на улицу Суффло; она только-что взята. Вторая—посрединѣ; третья идетъ отъ мэріи V округа до юридической школы. Варленъ и Лисбоннъ, едва избѣгнувшіе смерти на Круа-Ружъ и улицѣ Вавенъ, снова устремляются навстрѣчу врагу. Къ несчастью, федералисты не хотятъ слушать вождей, упорно сохраняютъ оборонительное положеніе и вмѣсто того, чтобы напасть на кучку солдатъ, осмѣлившихся показаться у входа на улицу Суффло, даютъ войскамъ время приблизиться.

Главная масса версальцевъ достигаетъ бульвара Сенъ-Мишель со стороны улицъ Расина и Медицинской школы, защищаемыхъ женщинами. На мосту Сенъ-Мишель прекращается пальба, вслѣдствіе недостатка боевыхъ припасовъ; теперь солдаты получили возможность массами пересѣчь бульваръ и дойти до площади Моберъ. Справа они снова вступаютъ на улицу Муффетаръ. Въ четыре часа

---

*) Командующій нѣмецкими войсками.

гора Св. Женвьевы, почти совершенно оставленная федералистами, занята со всѣхъ сторонъ. Немногіе защитники ея разсѣиваются. Пантеонъ палъ, какъ и Монмартръ, почти безъ борьбы. Какъ и на Монмартрѣ, немедленно послѣ взятія начинаются разстрѣлы. Сорокъ плѣнниковъ разстрѣляны одинъ за другимъ на глазахъ полковника и по его приказанію.

Тутъ же былъ убитъ Рауль Риго. Онъ не только не пытался скрыться, какъ это дѣлали многіе изъ его коллегъ съ момента вступленія войскъ, но даже перемѣнилъ свое обычное штатское платье на офицерскую форму. Когда его кварталъ былъ окруженъ и взятъ, ему осталось только искать убѣжища. Солдаты, увидѣвъ федералистскаго офицера, стучащагося въ одинъ домъ на улицѣ Гей Люссакъ, открыли по немъ огонь, но не попали. Дверь открылась. Риго вошелъ въ домъ. Солдаты, предводительствуемые сержантомъ, поспѣшили за нимъ, схватили домовладѣльца, которому удалось установить свою личность, и бросились искать Риго. Послѣдній вышелъ самъ къ солдатамъ и крикнулъ: „Чего вамъ надо? Да здравствуетъ коммуна!“ Сержантъ приказалъ оттащить его къ стѣнѣ и разстрѣлять. Тѣло прикрыли плащемъ. Въ это время подошелъ младшій лейтенантъ Наполеона Ней и узналъ Риго, который былъ его товарищемъ по коллежу. Но было уже поздно, ему осталось только сдѣлать сержанту выговоръ за самовольный разстрѣлъ.

Въ мэріи XI округа сдача Пантеона, такъ отчаянно защищавшагося въ іюнѣ 1848 года, была названа предательствомъ. Но что же сдѣлали военное министерство и комитетъ общественнаго спасенія для защиты этой важнѣйшей позиціи? Ничего. Въ мэріи, какъ и въ думѣ, занимались только разсужденіями.

XI округъ началъ превращаться въ убѣжище для обломковъ батальоновъ изъ другихъ округовъ. Разсѣвшись или разлегшись въ тѣни баррикадъ, охваченные удушливой жарой, люди разсказывали другъ другу о тѣхъ сраженіяхъ и ужасахъ, свидѣтелями которыхъ они были; никакихъ распоряженій имъ не отдавалось. Тѣмъ не менѣе въ два часа члены коммуны, центральнаго комитета, высшіе офицеры и начальники собрались въ библіотечной залѣ. Воцарилась полная тишина, когда началъ говорить Делеклюзъ, ибо малѣйшій шумъ заглушилъ бы его едва слышный голосъ. Онъ говорилъ, что

не все еще потеряно, что необходимо попытаться сдѣлать энергичное усиліе, что надо держаться до послѣдней возможности. Аплодисменты прерываютъ его. „Я предлагаю“,—говоритъ онъ,—„чтобы члены коммуны, опоясавшись своими шарфами, устроили на бульварѣ Вольтера смотръ тѣмъ батальонамъ, которые еще возможно собрать. Мы станемъ затѣмъ въ ихъ главѣ и двинемся къ тѣмъ позиціямъ, которыя есть надежда вырвать у врага“.

Идея эта увлекла присутствующихъ. Со времени того засѣданіи, на которомъ Делеклюзъ говорилъ, что нѣкоторые представители народа сумѣютъ умереть на своемъ посту, ни одна рѣчь его не производила еще такого сильнаго впечатлѣнія на слушателей. Звуки ружейной перестрѣлки, пушечной пальбы на Перъ-Лашезъ, гулъ батальоновъ, окружающихъ думу, по временамъ врываются въ залу. Взгляните на этого старика, непоколебимаго среди всеобщаго бѣгства, со сверкающими глазами, съ поднятой правой рукой, бросающаго вызовъ жестокому року; взгляните на этихъ вооруженныхъ людей, которые, еще не остывши отъ недавней битвы, задерживая дыханіе, прислушиваются къ его голосу, какъ бы выходящему изъ могилы; не было сцены болѣе трагической среди безчисленныхъ трагедій этого дня.

Одно предложеніе слѣдуетъ за другимъ. На столѣ открытъ большой сундукъ съ динамитомъ. Одно неосторожное движеніе,—и мэрія можетъ взлетѣть на воздухъ. Предлагаютъ уничтожить мосты, минировать сточныя трубы. Къ чему эти звонкія слова! Чувствуется недостатокъ въ совсѣмъ иномъ. Гдѣ начальникъ инженерныхъ отрядовъ, который, какъ онъ самъ выразился, однимъ жестомъ можетъ разверзнуть бездны? Онъ исчезъ.—Исчезъ также шефъ генеральнаго штаба военнаго министерства. Послѣ казни Бофора онъ почувствовалъ, что потянуло вѣтромъ неблагопріятнымъ для его аксельбантовъ. Снова начинаются разглагольствованія и не предвидится имъ конца. Центральный комитетъ соглашается подчиниться комитету общественнаго спасенія. Повидимому всѣ, наконецъ, соглашаются, что командиръ легіона долженъ сгруппировать вокругъ себя всѣхъ федералистовъ, бѣжавшихъ въ XI округъ. Является надежда сформировать тѣ колонны, о которыхъ говорилъ Делеклюзъ.

Делегатъ осматриваетъ укрѣпленія. Солидныя приготовленія сдѣ-

ланы на площади Бастиліи. Улица Сентъ-Антуанъ при выходѣ ея на площадь загражденa баррикадой, защищаемой тремя артиллерійскими орудіями. Другая баррикада прикрываетъ улицы Шарентонъ и Рокеттъ. Однако и здѣсь фланги не защищены. Патроны и ядра лежатъ вдоль домовъ, открытые дѣйствію непріятельскихъ снарядовъ, Съ величайшей поспѣшностью загораждаются баррикадами всѣ подступы къ XI округу. На перекресткѣ бульваровъ Вольтера и Ришаръ-Ленуаръ сооружена баррикада изъ бочекъ, мостовой и большихъ тюковъ бумаги. Это сооруженіе, недоступное съ фронта, также легко можетъ быть обойдено. Впереди, у входа на бульваръ Вольтера, на плацади Шато-д'О, выстроена стѣна изъ булыжника высотой въ полтора метра. За этимъ жалкимъ укрѣпленіемъ, защищаемымъ всего двумя пушками, федералисты, въ теченіе 24 часовъ задерживали колонны версальцевъ, наступавшія со стороны площади Шато-д'О. Направо, нижняя часть улицъ Оберкамфъ, Ангулемъ, улицы предмѣстья Тампль, а также улицы Фонтэнъ-о-Руа и авеню Амадье хорошо укрѣплены. Далѣе, въ X округѣ мы находимъ Брюнеля, который въ это самое утро явился сюда съ улицы Рояль и подобно Варлену горитъ нетерпѣніемъ подвергнуть себя новымъ опасностямъ. Большая баррикада замыкаетъ перекрестокъ Севастопольскаго бульвара и бульвара Мажента; улица Шато-д'О также забаррикадирована; загражденія у воротъ Сенъ-Дени и Сенъ-Мартенъ, за которыми федералисты работали день и ночь, защищаются исключительно ружейнымъ огнемъ.

Около часу версальцамъ удалось обладѣть сѣвернымъ вокзаломъ, обойдя улицу Стефенсонъ и баррикады на улицѣ Денкеркъ. Страсбургская желѣзная дорога, вторая линія защиты предмѣстья Вилеттъ, выдерживаетъ ихъ натискъ и вноситъ сильное разстройство въ ихъ ряды. На холмахъ Шомонъ Ранвье, руководящій обороной этихъ кварталовъ, поставилъ три двѣнадцатифунтовыя гаубицы, двѣ семифунтовыя пушки близъ Храма Сибиллы и двѣ семифунтовыя же на нижнемъ холмѣ. Пять пушекъ наведены на улицу Пюэбла и защищаютъ Ротонду. На возвышеніи Карріеръ-д'Америкъ установлены двѣ батареи въ три орудія. Пушки съ Перъ-Лашезъ обстрѣливаютъ занятые непріятелемъ кварталы, ихъ поддерживаютъ крупнокалиберныя орудія, установленныя на 24-мъ бастіонѣ.

Въ девятомъ округѣ сплошь кипитъ ружейная перестрѣлка. Федералисты теряютъ значительную площадь въ предмѣстьѣ Пуассоньеръ. Съ другой стороны, несмотря на свои успѣхи на Рынкѣ версальцы не могутъ взять III округа, ограждаемаго Севастопольскимъ бульваромъ и улицей Тюрбиго. Второй округъ, на три четверти уже занятый, все еще защищается по берегамъ Сены у Понъ-Нёфъ. Баррикады на авеню Викторіа и на набережной Жевръ смогли продержаться до самой ночи. Бойницы оставлены пустыми. Непріятель овладѣваетъ ими и снова водружаетъ тамъ пушки.

Только на Бюттъ-о-Кайль оборона имѣетъ успѣхъ. Здѣсь благодаря энергіи Вроблевскаго, обороняющіеся переходятъ въ наступленіе. Въ теченіе ночи версальцы опредѣлили ихъ позиціи, съ первыми лучами разсвѣта они бросились въ атаку. Федералисты, не дожидаясь ихъ, двинулись навстрѣчу. Четыре раза версальцы были отражены; четыре раза возобновляли они нападеніе и четыре раза отступали, солдаты, потерявъ присутствіе духа, перестали слушать офицеровъ.

Но если Виллеттъ и Бюттъ-о-Кайль, два крайніе пункта, успѣшно выдерживаютъ натискъ, то какой разгромъ по всей остальной линіи! Изъ всего Парижа, находившагося въ рукахъ федералистовъ еще въ воскресенье, теперь у нихъ остались только XI, XII, XIX, XX округа и отдѣльныя части округовъ III, V, XIII.

Въ этотъ день убійства приняли чудовищныя размѣры и уже въ нѣсколько часовъ превзошли по количеству жертвъ Варѳоломеевскую ночь. До сихъ поръ убивались только федералисты или тѣ, на кого указывали доносчики; теперь убивается всякій, попавшійся на глаза солдату; обыски домовъ сопровождаются полнымъ разгромомъ. „Это уже болѣе не солдаты, выполняющіе свой долгъ“, писала въ ужасѣ газета „*Франція*“, это существа, въ которыхъ возродились инстинкты тигра. Нельзя выйти изъ дому за провизіей безъ риска быть убитымъ. Версальцы добиваютъ прикладами раненыхъ, обшариваютъ трупы—производятъ „послѣдній обыскъ“, какъ иронически выражались иностранцы. И въ этотъ самый день Тьеръ говорилъ въ національномъ собраніи: „Наши храбрые солдаты своимъ поведеніемъ снискали себѣ величайшее уваженіе и величайшее удивленіе среди иностранцевъ“.

Кромѣ того была изобрѣтена извѣстная легенда о „петролейщицахъ“, легенда, раздутая печатью и стоившая жизни сотнямъ несчастныхъ женщинъ. А именно распространился слухъ, что какія-то фуріи бросаютъ въ подвалы домовъ сосуды съ горящимъ керосиномъ. Всякая дурно одѣтая женщина съ крынкой молока, фляжкой или пустой бутылкой въ рукахъ сходила за петролейщицу. Ее схватывали и грубо тащили къ ближайшей стѣнѣ, гдѣ приканчивали выстрѣломъ изъ револьвера.

Тѣ, кому удалось спастись изъ кварталовъ, занятыхъ версальцами, разсказываютъ объ этихъ убійствахъ въ мэріи XI округа. Здѣсь царитъ то же самое безпорядочное смятеніе, какъ раньше въ думѣ, но на болѣе ограниченномъ пространствѣ и еще болѣе угрожающее. Тѣсные дворы переполнены. На каждой ступени главной лѣстницы сидятъ женщины и готовятъ мѣшки для баррикадъ. Въ залѣ для заключенія брачныхъ контрактовъ помѣщается комиссія „общей безопасности“; здѣсь Ферре съ помощью двухъ секретарей осматриваетъ пропуски, допрашиваетъ лицъ, подозрѣваемыхъ въ шпіонствѣ, спокойнымъ голосомъ отдаетъ свои распоряженія.

Въ семь часовъ шумная толпа стѣснилась передъ тюрьмой Рокеттъ, куда наканунѣ перевели 300 арестантовъ, содержавшихся раньше въ Мазасѣ. Здѣсь было нѣсколько жандармовъ и полицейскихъ, взятыхъ 18-го марта и преданныхъ на предшествующей недѣлѣ суду обвинительной камеры, учрежденной на основаніи декрета 5-го апрѣля. Въ свою защиту они могли сказать только, что они повиновались распоряженіямъ начальства. Остальная масса арестантовъ состояла изъ священниковъ, лицъ, заподозрѣнныхъ въ предательствѣ, старыхъ мошенниковъ. Къ толпѣ національныхъ гвардейцевъ, раздраженныхъ разстрѣлами коммунаровъ, подходитъ делегатъ комиссіи общей безопасности, Жантонъ. Старый революціонеръ, онъ еще въ іюнѣ 1848 года спасся совершенно случайно, когда его вели въ полицейскую префектуру, чтобы разстрѣлять. Впослѣдствіи, будучи ярымъ бланкистомъ, онъ выдвинулся во время борьбы съ имперіей. Онъ храбро сражался во время войны, во время коммуны. „Такъ какъ версальцы разстрѣливаютъ нашихъ“,—говоритъ Жантонъ,—„шесть заложниковъ будутъ сейчасъ казнены. Кто хочетъ составить для этого взводъ?“.

„Я, я“,—раздаются крики съ разныхъ сторонъ. Одинъ выступаетъ впередъ и говоритъ: „я мщу за своего отца“.—Другой: „я мщу за моего брата“.—„А у меня“,—произноситъ одинъ гвардеецъ,—„они разстрѣляли жену“. Каждый выдвигаетъ свое право на месть. Жантонъ беретъ тридцать человѣкъ и идетъ съ ними въ тюрьму. Онъ велитъ принести себѣ списокъ заключенныхъ и отмѣчаетъ архіепископа Дарбуа, президента Бонжана, Жекера, іезуитовъ Аллара, Клерка, Дюкудре. Въ послѣднюю минуту Жекеръ замѣненъ священникомъ Дегерри. Это уже не тотъ надменный проповѣдникъ, который прославлялъ 2-е декабря; онъ бормочетъ:—„Я вовсе не врагъ коммуны, я сдѣлалъ, что могъ; я два раза писалъ въ Версаль“. Онъ нѣсколько подтягивается, увидѣвъ, что смерть неизбѣжна. Бонжанъ съ трудомъ держится на ногахъ. Въ немъ трудно узнать былого пламеннаго врага іюньскихъ инсургентовъ. „Кто насъ осудилъ“,—спрашиваетъ онъ.—„Судъ народа“.—„О, это плохой судъ“. Слова, характерныя для бюрократа. Заложниковъ ведутъ на окружную дорогу. Нѣсколько человѣкъ изъ отряда не могутъ сдержать своего раздраженія; Жантонъ приказываетъ имъ молчать. Одинъ изъ священниковъ бросается въ уголъ сторожки, его присоединяютъ къ остальнымъ. Завернувъ за уголъ, заложниковъ ставятъ въ линію у стѣны. Сикаръ командуетъ. „Не насъ“,—говоритъ онъ,—„вы должны обвинять въ вашей смерти, а версальцевъ, которые разстрѣливаютъ нашихъ“. Онъ даетъ знакъ, и раздается залпъ. Пять заложниковъ падаютъ въ одинъ рядъ на равномъ разстояніи другъ отъ друга. Дарбуа остается на ногахъ, раненый въ голову. Новый залпъ кладетъ его на мѣстѣ. Тѣла были погребены ночью. Жантонъ вернулся на баррикады, гдѣ на слѣдующій день онъ былъ тяжело раненъ.

Въ восемь часовъ версальцы надвигаются на баррикаду у воротъ Сенъ-Мартенъ. Ихъ гранаты уже давно подожгли театръ; федералисты, тѣснимые этимъ пожаромъ, вынуждены отступить.

Въ эту ночь версальцы расположились бивуакомъ передъ Страсбургской желѣзной дорогой, улицей Сенъ-Дени, на площади думы, занятой около 9-ти часовъ войсками Винуа, передъ политехнической школой, Маделонеттъ и въ паркѣ Монсури. Они составляютъ фигуру въ родѣ вѣера, неподвижную точку котораго образуетъ Понтъ-о-

Шапжъ, XIII округъ правый край, улицы предмѣстья Сенъ-Мартенъ и Фландръ лѣвый край, а широкую развернутую сторону линія укрѣпленій. Вѣеръ заканчивается въ Бельвиль, который занимаетъ центръ.

Парижъ продолжаетъ горѣть. Ворота Сенъ-Мартенъ, церковь св. Эвстихія, улица Рояль, улица Риволи, Тюильри, Пале-Рояль, дума, Театръ-Лирикъ и весь лѣвый берегъ отъ зданія Почетнаго Легіона до дворца юстиціи и полицейской префектуры выдѣляются багрово-красными пятнами на черномъ фонѣ ночи. Капризная игра пожара создаетъ пылающія фигуры въ формѣ арокъ, куполовъ, фантастическихъ зданій. Колоссальные блестящіе грибы, облака искръ, поднимающіяся особенно высоко, обозначаютъ собою мѣста сильныхъ взрывовъ. Ежеминутно звѣзды вспыхиваютъ и снова гаснутъ на горизонтѣ: это федералистскія пушки на Бисетрѣ, Перъ-Лашезъ и на холмахъ Шомонъ, которыя обстрѣливаютъ занятые версальцами кварталы. Версальскія батареи отвѣчаютъ у Пантеона, у Трокадеро, на Монмартрѣ. Иногда выстрѣлы слѣдуютъ другъ за другомъ съ правильными промежутками, иногда они сливаются въ сплошной гулъ. Пушки палятъ безъ отдыха, нетерпѣливыя гранаты разрываются на полпути. Кажется, что весь городъ куда-то несется, подхваченный колоссальнымъ вихремъ пламени и дыма.

Сколько мужества у этой кучки людей, которые безъ руководителей, безъ надежды на успѣхъ, безъ возможности отступленія отстаиваютъ каждую пядь своей мостовой, какъ будто бы за ними стояла побѣда. Реакціонеры вмѣнили имъ въ вину пожары; какъ будто бы во время войны огонь не есть вполнѣ естественное оружіе, какъ будто бы гранаты версальцевъ менѣе поджигали домовъ, нежели гранаты федералистовъ, какъ будто бы спекуляція, жадность, преступленіе иныхъ благомыслящихъ обывателей не участвовали въ этомъ разрушеніи. И тѣ же самые буржуа, которые во время осады кричали, что надо „все сжечь“, теперь называютъ преступникомъ народъ только за то, что онъ захотѣлъ лучше похоронить себя подъ развалинами нежели, предать свою семью, свою совѣсть, весь смыслъ своей жизни.

И что же такое патріотизмъ, какъ не защита своихъ законовъ, своихъ нравовъ, своего очага противъ иныхъ боговъ, иныхъ зако-

новъ и нравовъ, стремящихся подчинить насъ своему игу? И развѣ республиканскій Парижъ, сражающійся за республику и соціальныя реформы, не былъ врагомъ феодальнаго Версаля въ томъ же самомъ смыслѣ, въ какомъ онъ былъ врагомъ пруссаковъ, въ какомъ испанцы и русскіе были врагами солдатъ Наполеона I?

Въ одиннадцать часовъ вечера два офицера вошли въ комнату, въ которой работалъ Делеклюзъ и сообщили ему о казни заложниковъ. Онъ выслушалъ, не проронивъ ни одного восклицанія, разсказъ, который ему передали запинающимся голосомъ, и только спросилъ:—„Какъ они умерли?“ Когда офицеры удалились, онъ обратился къ своему другу, работавшему рядомъ съ нимъ, и, закрывъ лицо ладонями, произнесъ:—„Сколько ужаса въ этой войнѣ, сколько ужаса!“ Но онъ слишкомъ хорошо былъ знакомъ съ революціями, чтобы теряться въ ненужныхъ сожалѣніяхъ, и, снова овладѣвъ своими мыслями, онъ воскликнулъ:—„Мы сумѣемъ умереть!“

Въ теченіе всей ночи курьеры слѣдуютъ одинъ за другимъ. Всѣ они требуютъ подкрѣпленій пушками или людьми, подъ угрозой сдать ту или другую позицію.

Но гдѣ же достать пушекъ? Да и люди становятся рѣже драгоцѣнныхъ металловъ.

ГЛАВА XXX.

Четвергъ 25-го мая.—Весь лѣвый берегъ въ рукахъ войскъ.—Смерть Делеклюза.—«Брассардье» *) руководятъ убійствами.—Мэрія XI округа сдана непріятелю.

Нѣсколько тысячъ человѣкъ,—на одного федералиста приходится теперь 12 версальцевъ,—не могутъ безконечно удерживать въ своихъ рукахъ линію сраженія, растянувшуюся на много километровъ. Съ наступленіемъ ночи многіе совершенно измучены и покидаютъ баррикады, чтобы хоть нѣсколько отдохнуть. Версальцы занимаютъ покинутыя укрѣпленія, и съ разсвѣтомъ трехцвѣтное знамя развѣвается тамъ, гдѣ наканунѣ, вечеромъ, держалось красное знамя.

Подъ покровомъ темноты эвакуируется значительная часть X округа, орудія котораго перевозятся въ Шато-д'О. Брюнелль и храбрые питомцы коммуны все еще отстаиваютъ улицу Моньянъ и набережную Жеммапъ, въ то время какъ войска занимаютъ вершину бульвара Мажента.

На лѣвомъ берегу версальцы установили батареи на площади д'Анферъ, въ Люксембургѣ, на 81-мъ бастіонѣ. 50 пушекъ и митральезъ выдвинуты передъ Бюттъ-о-Кайль. Отчаявшись взять эту позицію штурмомъ, Сиссей хочетъ раздавить ее артиллеріей. Вроблевскій не теряетъ даромъ времени. Кромѣ 175-го и 176-го батальоновъ, онъ имѣетъ въ своихъ рядахъ легендарный 101-й батальонъ, который для коммуны былъ тѣмъ же самымъ, чѣмъ для итальянской арміи являлась 32-я бригада. Съ 3-го апрѣля 101-й батальонъ ни разу не ложился спать. Дни и ночи, съ ружьями на-

*) См. стр. 297.

готовѣ, проводилъ онъ въ траншеяхъ, въ деревняхъ, въ полѣ. Версальцы въ Аніерѣ, въ Нейли много разъ бѣжали передъ нимъ. Онъ отнялъ у врага трипушки, которыя повсюду слѣдовали за нимъ, какъ ручные львы. Это все дѣти XIII округа и квартала Муффетаръ, недисциплинированные и недисциплинируемые, дикіе, суровые въ разорванномъ платьѣ и съ разорванными знаменами, послушные, лишь одной командѣ „впередъ!“, тяготящіеся всякимъ отдыхомъ, рвущіеся снова подъ пули, едва выйдя изъ огня. Серизье командуетъ ими или, точнѣе, ихъ сопровождаетъ, такъ какъ дѣйствительнымъ командиромъ этихъ демоновъ является только ихъ собственное боевое вдохновеніе. Въ то время, какъ они дѣлаютъ набѣги съ фронта, захватываютъ непріятельскіе аванпосты и наводятъ панику на солдатъ, Вроблевскій, открытый съ праваго фланга послѣ взятія Пантеона, старается оградить свои сообщенія съ Сеной баррикадой на Аустерлицкомъ мосту, и вооружаетъ пушками площадь Жанны-д'Аркъ, чтобы отразить войска, въ случаѣ ихъ нападенія на пристань.

Въ этотъ самый день г-нъ Тьеръ телеграфировалъ въ провинцію, что Макъ-Магонъ въ послѣдній разъ предлагаетъ федералистамъ сдаться. Это была ложь. Онъ, наоборотъ, стремился продолжать сраженіе. Онъ зналъ, что его гранаты сжигаютъ Парижъ, что избіеніе плѣнныхъ и раненыхъ неизбѣжно повлечетъ за собой избіеніе заложниковъ. Но какое ему дѣло до судьбы нѣсколькихъ священниковъ и жандармовъ? Какое дѣло высшей буржуазіи до того, что торжество ея возможно только на развалинахъ, если на этихъ развалинахъ она въ состояніи будетъ начертать: „Съ соціализмомъ покончено и покончено надолго!“

Захвативъ въ свои руки то, что осталось отъ думы, войска продвигаются впередъ по набережной и Сентъ-Антуанской улицѣ съ тѣмъ, чтобы атаковать съ фланга хорошо укрѣпленную площадь Бастиліи. На этой площади, на Бюттъ-о-Кайль и Шато-д'О концентрируется теперь наступленіе версальцевъ. Въ четыре часа Кленшанъ возобновляетъ свое движеніе въ направленіи Шато-д'О. Одна колонна, выйдя изъ улицы Парадисъ, слѣдуетъ дальше по улицамъ Шато-д'О и Бонди; другая приближается къ баррикадамъ на бульварѣ Мажента и на Страсбургскомъ бульварѣ, въ то время, какъ

третья съ улицы Женеръ продвигается между бульварами и улицей Тюрбиго. Отрядъ Дуэ съ правой стороны поддерживаетъ движеніе и стремится проникнуть въ III округъ по улицамъ Шарло и Сентонжъ. Винуа продвигается къ площади Бастиліи маленькими улицами, отвѣтвляющимися отъ Сентъ-Антуанской улицы, и по набережнымъ праваго и лѣваго береговъ Сены. Сиссей, довольствуясь болѣе скромной стратегіей, продолжаетъ бомбардировать Бюттъ-о-Кайль, передъ которой такъ долго отступали его солдаты.

Тяжелыя сцены разыгрываются въ фортахъ. Вроблевскій, лѣвый флангъ котораго они прикрываютъ, разсчитывалъ на энергію члена коммуны, делегированнаго съ спеціальною цѣлью организовать защиту фортовъ. Между тѣмъ, наканунѣ, вечеромъ, комендантъ Монружъ покинулъ этотъ фортъ и отступилъ съ гарнизономъ въ Бисетръ. Но и фортъ Бисетръ не могъ долго держаться. Батальоны заявляютъ, что они хотятъ войти въ городъ и защищать свои кварталы. Лео Мелье не въ состояніи сдержать вожаковъ этого движенія, и гарнизонъ вступаетъ въ Парижъ, заклепавъ пушки. Версальцы занимаютъ оба покинутые форта и помѣщаютъ тамъ батареи, направленныя противъ форта Иври и Бюттъ-о-Кайль.

Генеральная атака этой послѣдней позиціи началась только въ полдень. Версальцы двигались вдоль линіи крѣпостного вала до Итальянскаго авеню и улицы Шуази, имѣя цѣлью Итальянскую площадь, которую они атаковали также со стороны Гобеленъ. Итальянское авеню и улица Шуази защищены сильными баррикадами, которыя нечего и думать взять штурмомъ; но баррикада Сенъ-Марсельскаго бульвара, защищенная, съ одной стороны, пожаромъ на Гобеленѣ, съ другой стороны—можетъ быть легко обойдена, благодаря многочисленнымъ садамъ, прорѣзывающимъ этотъ кварталъ. Этимъ послѣднимъ обстоятельствомъ и воспользовались съ успѣхомъ версальцы. Они прежде всего овладѣли улицей Кордіеръ-Сенъ-Марсель, гдѣ двадцать федералистовъ, отказавшихся сдаться, были убиты; затѣмъ они вступили въ сады. Въ теченіе трехъ часовъ кипитъ отчаянная ружейная перестрѣлка вокругъ Бюттъ о-Кайль, опустошаемой версальскими пушками, въ шесть разъ болѣе многочисленными, чѣмъ пушки Вроблевскаго.

Гарнизонъ Иври приходитъ около часу пополудни. Покидая

фортъ, онъ поджегъ мину, которая взорвала два бастіона. Версальская конница вступила въ покинутый фортъ, и, слѣдовательно, тамъ не могла имѣть мѣсто схватка, о которой писалъ г-нъ Тьеръ въ своемъ бюллетенѣ.

На правомъ берегу около десяти часовъ версальцы подступили къ баррикадѣ предмѣстья Сенъ-Дени близъ Сенъ-Лазарской тюрьмы, обошли ее и окружили семнадцать федералистовъ. На многократно повторенное предложеніе сдаться, послѣдніе неизмѣнно отвѣчали возгласомъ: „Да здравствуетъ коммуна!“ Одинъ изъ нихъ держалъ при этомъ красное знамя баррикады. Передъ лицомъ такого энтузіазма офицеръ версальцевъ почувствовалъ нѣкоторое смущеніе; онъ обернулся къ толпѣ, сбѣжавшейся изъ сосѣднихъ домовъ, и нѣсколько разъ повторилъ, какъ бы оправдываясь: „Они сами виноваты! они сами виноваты! Почему они не сдаются?“ Какъ будто бы большая часть плѣнниковъ не разстрѣливалась безъ всякой пощады.

Послѣ тюрьмы версальцы заняли баррикаду Сенъ-Лоранъ на углу Севастопольскаго бульвара, установили батарею, направленную противъ Шато-д'О, и по улицѣ Реколле направились на набережную Вальми. Направо ихъ наступленіе по бульвару Сенъ-Мартенъ задерживается улицей Ланкри, которую они обстрѣливаютъ изъ театра Амбигю-Комикъ. Въ третьемъ округѣ ихъ задерживаютъ на улицахъ Мелэ, Назаретъ, Веръ-Буа, Шало, Сентонжъ; II округъ, со всѣхъ сторонъ окруженный, все еще оспариваетъ у непріятеля его извилистая улица Монторгейль. Ближе къ Сенѣ Винуа удается боковыми улицами проникнуть къ Гренье-д'Абондансъ. Чтобы выжать его отсюда, федералисты поджигаютъ это зданіе, господствующее надъ площадью Бастиліи.

Три часа. Версальцы все болѣе и болѣе наводняютъ 13-й округъ Ихъ гранаты попадаютъ въ тюрьму на Итальянскомъ авеню. Федералисты выпускаютъ на волю всѣхъ заключенныхъ, среди которыхъ находятся доминиканцы изъ Аркейль, приведенные сюда бисетрскимъ гарнизономъ. Монахи спѣшатъ спастись бѣгствомъ, удирая по Итальянскому авеню. Видъ ихъ бѣлыхъ мантій приводитъ въ ярость федералистовъ; безъ всякаго приказанія они спускаютъ курки, и дюжина этихъ апостоловъ инквизиціи падаетъ, сраженная пулями.

Вроблевскій еще утромъ получилъ приказаніе отступить въ XI

округъ. Онъ однако упорно продолжалъ удерживать свои позиціи и перенесъ центръ защиты немного назадъ, къ площади Жанны-д'Аркъ. Версальцы, овладѣвъ авеню Гобеленъ, близъ мэріи XIII округа соединились съ колоннами, пришедшими съ Итальянскаго авеню и Шуази. Одинъ изъ ихъ отрядовъ продолжаетъ подвигаться впередъ вдоль вала и подходитъ къ насыпи Орлеанской желѣзной дороги. Вскорѣ красныя панталоны показываются также на Сенъ-Марсельскомъ бульварѣ. Вроблевскій, подъ угрозой быть окруженнымъ со всѣхъ сторонъ, вынужденъ согласиться на отступленіе; къ тому же всѣ второстепенные командиры уже получили приказъ отступать. Поддерживаемый огнемъ съ Аустерлицкаго моста, искусный защитникъ Бюттъ-о-Кайль со всѣми своими пушками и 1000 человѣкъ въ полномъ порядкѣ отступилъ къ Сенѣ. Часть федералистовъ, не пожелавшая покинуть XIII округъ, взята въ плѣнъ.

Несмотря на то, что въ рукахъ версальцевъ находится часть Сенъ-Марсельскаго бульвара, Орлеанскій, вокзалъ и что ихъ канонерки уже поднимаются по Сенѣ, версальцы не рѣшаются преслѣдовать Вроблевскаго. Немного задержанныя при впаденіи канала Сенъ-Мартенъ, канонерки преодолѣваютъ препятствіе, усиливая пары, и къ вечеру онѣ уже участвуютъ въ атакѣ XI округа.

Теперь весь лѣвый берегъ принадлежитъ непріятелю. Бастилія и Шато-д'О становятся центромъ боя.

На бульварѣ Вольтера теперь можно встрѣтить почти всѣхъ храбрецовъ, которые еще остались въ живыхъ, и чье присутствіе не необходимо въ ихъ кварталахъ. Вотъ Верморель, выказавшій столько мужества и хладнокровія. Опоясанный краснымъ шарфомъ, онъ объѣзжалъ баррикады, ободряя людей, ища и приводя подкрѣпленія.

Къ полудню въ мэріи состоялось засѣданіе. Въ немъ присутствовало двадцать два члена коммуны и центральнаго комитета. Арнольдъ заявилъ, что наканунѣ вечеромъ, секретарь г. Уошберна, посланника Соединенныхъ Штатовъ, пріѣзжалъ съ предложеніемъ нѣмецкаго посредничества. Введенный въ засѣданіе, секретарь повторилъ свое предложеніе. „Коммунѣ“,—говорилъ онъ,—„стоитъ только послать въ Венсеннъ комиссаровъ для выработки условій о перемиріи“. Делеклюзъ отнесся къ этому очень несочувственно. Что по-

буждало иностранную державу къ вмѣшательству? Стремленіе прекратить пожары и сохранить имущество, гарантирующее доходы бумагъ, говорятъ ему. Но для заграницы лучшей гарантіей является версальское правительство, побѣда котораго въ настоящую минуту очевидна. Другіе съ важностью увѣряли, что ожесточенная защита Парижа внушала пруссакамъ удивленіе. Никто не спросилъ, не скрывалось ли какого, нибудь обмана за этимъ безсмысленнымъ предложеніемъ, и не былъ ли предполагаемый секретарь шпіономъ. За него ухватились, какъ утопающіе за соломинку. Арнольдъ изложилъ даже условія перемирія, сходныя съ условіями центральнаго комитета. Онъ, Верморель, Вальянъ и Делеклюзъ должны были въ качествѣ делегатовъ сопровождать американскаго посла въ Венсеннъ.

Въ три часа они были у Венсеннскихъ воротъ. Полицейскій комиссаръ отказалъ имъ въ пропускѣ. Они показали свои перевязи, карточки. Коммиссаръ требовалъ въ удостовѣреніе пропускного вида. Во время этого спора подошли федералисты-—„Куда вы?“—спросили они.—„Въ Венсеннъ“.—„Зачѣмъ?“—„Съ порученіемъ“. Завязался прискорбный споръ. Федералисты думали, что члены коммуны хотѣли бѣжать съ поля битвы. Отношеніе къ нимъ становилось уже враждебнымъ, когда кто-то узналъ Делеклюза. Его имя спасло остальныхъ, но полицейскій все таки требовалъ пропуска.

Одинъ изъ делегатовъ побѣжалъ за нимъ въ мэрію XI округа. Но даже на приказаніе Ферре стражники отвѣтили отказомъ опустить подъемные мосты. Делеклюзъ говорилъ, что дѣло шло объ общественномъ спасеніи. Увѣщанія, угрозы, ничто не могло поколебать подозрѣній въ измѣнѣ. Делеклюзъ вернулся въ мэрію и написалъ тамъ письмо, довѣренное надежному другу.

„Добрая сестра, я не могу, не хочу быть жертвою и игрушкою въ рукахъ побѣждающей реакціи. Прости, если я уйду прежде тебя, посвятившей мнѣ всю свою жизнь, но мнѣ не хватаетъ мужества, чтобы вынести еще новое пораженіе послѣ столькихъ, перенесенныхъ мною. Моимъ послѣднимъ воспоминаніемъ, передъ отходомъ въ вѣчность, будетъ воспоминаніе о тебѣ. Благословляю тебя, горячо любимая моя сестра, тебя, замѣнившую мнѣ семью послѣ смерти нашей бѣдной матери. Прощай. Прощай. Обнимаю тебя еще

разъ. Твой братъ, который будетъ любить тебя до послѣдняго вздоха".

При входѣ въ мэрію толпа бушевала около увѣнчанныхъ орлами знаменъ, какъ говорили, только что отнятыхъ у версальцевъ—дѣтская хитрость, употребленная для поддержанія бодрости. Изъ Бастиліи привозили раненыхъ. Сама раненая, Дмитріева, поддерживала Франкеля, раненаго на баррикадѣ Сентъ-Антуанскаго предмѣстья. Вроблевскій явился съ Бюттъ-о-Кайль. Делеклюзъ предложилъ ему общее командованіе: „Найдется ли у васъ нѣсколько тысячъ смѣльчаковъ?"— спросилъ Вроблевскій.—„Самое большее нѣсколько сотъ",—отвѣчалъ делегатъ. При такихъ неравныхъ условіяхъ Вроблевскій не могъ взять на себя никакой отвѣтственности и продолжалъ сражаться какъ простой солдатъ. Онъ да еще единственный генералъ коммуны, Домбровскій, проявили способности корпусныхъ командировъ. Онъ постоянно просилъ присылать ему тѣ батальоны, отъ которыхъ другіе отказывались, и дѣйствительно умѣлъ употребить ихъ въ дѣло. Атакующіе все приближаются къ Шато-д'О.

Эта площадь [1]), которую имперія предназначала для того, чтобы сдерживать предмѣстья, и отъ которой отходятъ въ видѣ лучей восемь широкихъ улицъ, въ дѣйствительности не была укрѣплена. Овладѣвъ Фоли-Драматикъ и улицей Шато-д'О, версальцы атакуютъ ее, обогнувъ казармы. Домъ за домомъ вырываютъ они улицу Маньянъ у питомцевъ коммуны. Въ теченіе четырехъ дней стоявшій лицомъ къ лицу съ непріятелемъ Брюнель падаетъ съ прострѣленнымъ бедромъ. Товарищи уносятъ его на носилкахъ черезъ площадь Шато-д'О.

Съ улицы Маньянъ версальцы живо переходятъ въ казарму. Слишкомъ малочисленные, чтобы защитить такое большое зданіе, федералисты принуждены его оставить. Потеря этой позиціи открываетъ улицу Тюрбиго. Съ этой минуты версальцы могутъ занять всю верхнюю часть III округа и окружить музей искусствъ и ремеслъ. Послѣ довольно долгаго сопротивленія федералисты покидаютъ баррикаду музея, оставивъ тамъ заряженную митральезу. Когда солдаты подходятъ достаточно близко, оставшаяся тамъ также женщина выпускаетъ зарядъ.

---

[1]) Въ настоящее время „Площадь Республики".

Съ этого момента баррикады бульвара Вольтера и бульвара театра Дежазе должны выдерживать огонь казармъ Принца Евгенія, бульвара Мажента, Сенъ-Мартенскаго бульвара, улицы Тамиль и улицы Тюрбиго. Плохо укрѣпленные, федералисты мужественно переносятъ этотъ градъ снарядовъ. Сколько людей исторія окрестила героями, людей, не выказавшихъ и сотой доли того простого, безъ театральныхъ эффектовъ мужества, которое было проявлено за эти дни въ тысячѣ случаевъ. На этой знаменитой баррикадѣ Шато-д'О, служившей ключомъ къ бульвару Вольтера, восемнадцатилѣтній мальчикъ является знаменоносцемъ, и когда онъ падаетъ за-мертво, другой схватываетъ знамя, вбѣгаетъ на булыжники и показываетъ кулакъ невидимому врагу, упрекая его въ смерти отца. Верморель, Тейсъ, Жакларъ, Лисбоннъ приказываютъ ему сойти; онъ отказывается и остается тамъ, пока пуля не сражаетъ его. Словно печать какихъ-то чаръ лежитъ на этой баррикадѣ: девятнадцатилѣтняя дѣвушка Марія М..., милая, розовая, съ черными вьющимися волосами, въ костюмѣ флотскаго стрѣлка, сражается на ней въ теченіе цѣлаго дня. Пуля въ лобъ убиваетъ ея мечту. Лейтенантъ убитъ передъ баррикадой. Пятнадцатилѣтній ребенокъ перепрыгиваетъ черезъ булыжники и подъ пулями поднимаетъ и приноситъ кэпи умершаго его товарищамъ.

Въ этой уличной борьбѣ, какъ и въ открытомъ полѣ, дѣти оказались такъ же мужественны, какъ и взрослые. На одной изъ баррикадъ предмѣстья Тампль, самымъ неутомимымъ стрѣлкомъ былъ ребенокъ. Послѣ взятія баррикады всѣ ея защитники пригвождены къ стѣнѣ. Ребенокъ проситъ три минуты отсрочки: „Его мать живетъ напротивъ; если бы ему позволили снести ей его серебряные часы, чтобы, по крайней мѣрѣ, она не все потеряла“. Невольно взволнованный офицеръ отпускаетъ его, думая, что тотъ не вернется. „Вотъ и я!“—раздается черезъ три минуты. Это ребенокъ вбѣгаетъ на тротуаръ и ловко прислоняется къ стѣнѣ рядомъ съ трупами своихъ разстрѣлянныхъ товарищей. Парижъ безсмертенъ, пока въ немъ будутъ рождаться такіе люди.

Площадь Шато-д'О опустошена вихремъ ядеръ и пуль. Огромныя глыбы камня отломаены; львы на фонтанѣ пробиты или сброшены; бассейнъ, находящійся наверху, покривился. Пламя вырывается изъ

домовъ. Деревья стоятъ безъ листьевъ и ихъ сломанныя вѣтви висятъ, точно изрубленные члены, поддерживаемые только кусками мяса. Рука смерти коснулась каждаго камня.

Около семи часовъ мы замѣтили возлѣ мэріи Делеклюза, Журда и еще человѣкъ пятьдесятъ федералистовъ, шедшихъ по направленію къ Шато-д'О. Делеклюзъ въ своемъ обычномъ костюмѣ, шляпѣ, сюртукѣ и черныхъ панталонахъ шелъ безъ оружія, опираясь на палку; красная перевязь вокругъ пояса была чуть видна, онъ всегда носилъ ее такъ. Опасаясь въ Шато-д'О паники, мы послѣдовали за делегатомъ, за другомъ. Нѣкоторые изъ насъ остановились около церкви св. Амбросія, чтобы захватить снарядовъ. Мы встрѣтили эльзасскаго купца, пріѣхавшаго пять дней тому назадъ, чтобы сражатьея противъ версальскаго собранія, предавшаго его страну; онъ возвращался съ баррикадъ съ прострѣленнымъ бедромъ. Дальше Верморель, Тейсъ, Жакларъ поддерживаютъ раненаго Лисбонна. Верморель падаетъ, въ свою очередь, серьезно раненый; Тейсъ съ Жакларомъ поднимаютъ и уносятъ его на носилкахъ; Делеклюзъ обнадеживаетъ раненаго, сжимая ему руку. Немногочисленные гвардейцы, сопровождавшіе Делеклюза, оставляютъ его метрахъ въ пятидесяти отъ баррикады, такъ какъ снаряды не даютъ возможности войти на бульваръ.

Солнце садилось за площадью. Делеклюзъ шелъ тѣмъ же шагомъ, не обращая вниманія на то, идутъ ли за нимъ; онъ былъ единственное живое существо на шоссе бульвара. Дойдя до баррикады, онъ посмотрѣлъ влѣво и поднялся на насыпь. Его надменное, обрамленное сѣдыми волосами лицо въ послѣдній разъ мы увидали, смотрѣвшимъ въ глаза смерти. Вдругъ Делеклюзъ исчезъ. Онъ упалъ сраженный на площади Шато-д'О.

Нѣсколько человѣкъ хотѣли его поднять; трое изъ четырехъ упали. Приходилось думать только о баррикадѣ, постараться объединить ея немногочисленныхъ защитниковъ. Посреди улицы, потрясая ружьемъ и плача отъ гнѣва, Жоаннаръ кричалъ объятымъ ужасомъ федералистамъ: „Нѣтъ! Вы не достойны быть защитниками коммуны!“ Наступила ночь. Мы вернулись, оставивъ тѣло бѣднаго друга на поруганіе непріятелю, не уважавшему даже смерти.

Онъ не предупредилъ никого, даже своихъ близкихъ. Довѣрив-

шись только своей строгой совѣсти, Делеклюзъ безмолвно шелъ на баррикаду, какъ бывало шли на эшафотъ монтаньяры. Долгая жизнь истощила его силы. Онъ могъ только вдохновлять; и это онъ сдѣлалъ. Онъ жилъ только справедливостью; она была талантомъ, совѣстью, руководящей звѣздой его жизни. Въ продолженіе тридцати лѣтъ, въ изгнаніи, въ тюрьмахъ, посреди оскорбленій онъ призывалъ и исповѣдывалъ ее, съ презрѣніемъ относясь къ преслѣдованіямъ, надорвавшимъ его силы. Защищая ее, онъ палъ вмѣстѣ съ соціалистами, будучи якобинцемъ. Его наградой была смерть ради нея, со свободными руками, при яркомъ солнечномъ свѣтѣ, безъ отвратительнаго палача [1]).

Весь вечеръ версальцы съ ожесточеніемъ нападаютъ на входъ бульвара Вольтера, защищаемаго пожаромъ двухъ угловыхъ домовъ. Со стороны Бастиліи они дошли только до площади Рояль, они перерѣзали XII округъ. Днемъ, защищаемые стѣнами набережной, они проникли подъ Аустерлицкій мостъ, а вечеромъ, подъ прикрытіемъ каконерокъ и батареи Ботаническаго сада, они уже подходили къ Мазасу.

Наше правое крыло сопротивляется упорнѣе. Версальцы не смогли пойти далѣе линіи западной желѣзной дороги. При поддержкѣ орудій Ротонды они издали атакуютъ улицу Обервилль.. Съ Шомонскихъ холмовъ Ранвье подвергаетъ энергичной бомбардировкѣ Монмартръ, когда къ нему приходитъ депеша, утверждающая, что красное знамя снова взвилось надъ мельницей Галеттъ. Ранвье не счелъ возможнымъ повѣрить этому извѣстію и не прекратилъ огня.

Вечеромъ версальцы образуютъ передъ федералистами прерванную линію, которая, начинаясь у восточной желѣзной дороги, проходитъ черезъ Шато-д'О, площадь Бастиліи и оканчивается у Ліонской желѣзной дороги. Теперь олько XIX и XX округа цѣликомъ находятся во власти коммуны и около половины XI и XII округовъ.

---

[1]) Въ августѣ 1870 года въ Брюсселѣ, гдѣ насъ объединило изгнаніе, онъ говорилъ мнѣ: „Да, республика близка, но ею сначала овладѣетъ теперешняя лѣвая, а потомъ начнется реакція. Я же умру на баррикадѣ, между тѣмъ какъ Жюль Симонъ будетъ засѣдать въ министерствѣ“.

Въ рукахъ версальцевъ Парижъ утратилъ всякіе признаки цивилизаціи. „Это безуміе ярости“, — пишетъ газета „Вѣкъ“ отъ 26-го числа. — „Не различаютъ болѣе виновныхъ и невинныхъ. Подозрительность въ каждомъ взорѣ. Доносовъ тьма. Жизнь гражданина не стоитъ ровно ничего. За любое, сказанное невпопадъ слово — арестъ, разстрѣлъ“. Всѣ отверстія, ведущія въ погреба, замурованы по приказанію версальской арміи, которая всѣми силами стремится поддержать басню о петролейщицахъ. Національные гвардейцы партіи порядка вылѣзаютъ изъ своихъ норъ, выставляютъ напоказъ свои повязки, становятся подъ команду офицеровъ, обыскиваютъ дома, добиваются, какъ особой чести, назначенія производить разстрѣлы.

Въ X округѣ бывшій мэръ Дюбайль, при поддержкѣ командира 109-го батальона, во главѣ солдатъ охотится на обывателей округа. Благодаря содѣйствію „брассардье“ количество плѣнныхъ возрастаетъ въ такой степени, что приходится централизовать бойни, чтобы успѣть расправиться со всѣми. Жертвы загоняются во дворы мэрій, казармы, общественныя зданія, гдѣ непрерывно засѣдаютъ превотальные суды, и затѣмъ массами разстрѣливаются. Гдѣ не хватаетъ ружей, пускаютъ въ ходъ митральезы. Не всѣ умираютъ сразу, и ночью изъ кучи труповъ, безпорядочно наваленныхъ одинъ на другой, нерѣдко раздается ужасное предсмертное хрипѣнье.

Версальцы не довольствуются тѣмъ, что приканчиваютъ раненыхъ въ уличной схваткѣ,—они разыскиваютъ раненыхъ внѣ Парижа, по больницамъ. Въ числѣ послѣднихъ одна, управляемая докторомъ Фано, относилась къ коммунарамъ съ большой симпатіей. Внезапно туда является офицеръ. „Есть ли здѣсь федералисты?“—„Да“,—отвѣчаетъ докторъ,—„но эти раненые находятся у меня уже очень давно“. „Вы сочувствуете этимъ мерзавцамъ!“—говоритъ офицеръ. Фано разстрѣлянъ. Многіе федералисты придушены въ самой больницѣ. Впослѣдствіи этотъ благородный офицеръ ссылался на то, что кто-то изъ раненыхъ якобы сдѣлалъ въ него выстрѣлъ. Палачи порядка рѣдко имѣютъ мужество, равное ихъ преступности.

На фонѣ ночной тѣни снова ярче выступаютъ пожары. Гдѣ при солнечномъ свѣтѣ замѣтны были лишь облака темнаго дыма, тамъ теперь сверкаетъ пламя. „Grenier d'Abondance“ освѣщаетъ Сену далеко за линіей укрѣпленій.

Іюльская колонна, пронизанная гранатами, поджегшими ея убранство изъ высохшихъ вѣнковъ и знаменъ, пылаетъ какъ гигантскій факелъ; бульваръ Вольтера загорѣлся со стороны Шато-д'О.

Смерть Делеклюза совершилась такъ просто и такъ быстро, что поколебалась даже мэрія XI округа, куда былъ перенесенъ Верморель. Нѣсколько коллегъ его окружили. Ферре обнялъ его; и Верморель, обращаясь къ нему, произнесъ: „вы видите, что и меньшинство умѣетъ умирать за дѣло революціи“. Около полуночи нѣкоторые члены коммуны рѣшаютъ эвакуировать мэрію. Какъ? Опять и опять этотъ паническій ужасъ передъ пулями! Развѣ взята площадь Бастиліи? Развѣ бульваръ Вольтера еще не въ рукахъ коммуны? Вся стратегія комитета общественнаго спасенія, весь его планъ кампаніи сводится къ тому, чтобы отступать! Когда, въ два часа утра, потребовалось разыскать члена коммуны, чтобы поддержать баррикаду на Шато-д'О, на мѣстѣ никого не оказалось, кромѣ Гамбона, заснувшаго, въ своемъ уголку. Офицеръ будитъ его и извиняется. Старый республиканецъ отвѣчаетъ: „Ну что жъ, я гожусь такъ же, какъ и всякій другой; я уже достаточно пожилъ на своемъ вѣку“, и отправляется на постъ. Между тѣмъ пули осыпаютъ уже бульваръ Вольтера вплоть до церкви св. Амвросія. Баррикада Делеклюза сдана.

ГЛАВА XXXI.

Сопротивленіе сосредоточивается въ Бельвилѣ.—Въ пятницу, 26-го, на улицѣ Аксо разстрѣливаютъ сорокъ восемь заложниковъ.—Въ субботу, 27-го, весь XX округъ занятъ войсками.—Взятіе Перъ-Лашеза.— Битва прекращается въ воскресенье, къ 11-ти часамъ утра.—Въ понедѣльникъ, 29-го, сдается Венсенскій фортъ.

Продолжая дѣлать ночныя нападенія, солдаты потихоньку пробираются къ опустѣвшимъ баррикадамъ на улицѣ д'Обервилье и на бульварѣ Капеллы. По дорогѣ, къ площади Бастиліи, они занимаютъ баррикаду на улицѣ Сенть-Антуанъ на углу улицы Касте, Ліонскій вокзалъ, тюрьму Мазасъ, въ III округѣ покинутыя укрѣпленія на базарѣ и скверъ дю-Тампль. Они доходятъ до переднихъ домовъ на бульварѣ Вольтера и укрѣпляются въ „Magasins-Réunis“.

Подъ покровомъ ночи гвардейцы передовыхъ постовъ на площади Бастиліи схватили версальскаго офицера Сегуае и разстрѣляли его „безъ соблюденія законовъ военнаго времени“, какъ сказалъ на слѣдующій день г. Тьеръ. Какъ будто самъ Тьеръ въ теченіе четырехъ дней, когда онъ безжалостно разстрѣливалъ тысячи плѣнниковъ-стариковъ, женщинъ, дѣтей, слѣдовалъ инымъ законамъ, чѣмъ законы дикарей.

На утро возобновляется нападеніе. Въ Ла-Валеттъ версальцы, пройдя черезъ улицу д'Обервилье, поворачиваютъ къ газовымъ мастерскимъ и занимаютъ ихъ; въ центрѣ они овладѣваютъ циркомъ Наполеона. Въ правой части, въ XII округѣ они безъ борьбы овладѣваютъ бастіонами, расположенными у самой рѣки. Одинъ отрядъ двигается по желѣзнодорожной насыпи Венсенна и занимаетъ вокзалъ, другой—по бульвару Мазасъ (теперь бульваръ Дидеро) и про-

никаетъ въ Сентъ-Антуанское предмѣстье. Такимъ образомъ они подступаютъ къ площади Бастиліи съ правой стороны, а съ лѣвой на нее наступаютъ полки съ площади Рояль, которые идутъ черезъ бульваръ Бомаршэ.

Въ пятницу за весь день не проглядываетъ ни одинъ лучъ солнца. Пятидневная канонада вызвала дождь, что случается обыкновенно послѣ большихъ сраженій. Отрывистые звуки ружейной пальбы перешли въ глухое рокотанье. Страшно утомленные, промокшіе до костей люди едва различаютъ въ сыромъ туманѣ точку, изъ которой исходитъ нападеніе. Гранаты версальской батареи, установленной на Орлеанскомъ вокзалѣ, разрушаютъ заставу Сентъ-Антуанскаго предмѣстья. Въ семь часовъ возвѣщаютъ о появленіи солдатъ на высотахъ предмѣстья. Туда спѣшатъ съ пушками. Предмѣстье должно держаться во что бы то ни стало, или площадь Бастиліи потеряна.

Оно держится стойко. Улицы д'Алигръ и Лаке состязаются въ героизмѣ. Федералисты укрѣпились въ домахъ, они не сдаются и не отступаютъ. Благодаря ихъ самоотверженію, Бастилія сумѣетъ еще цѣлые шесть часовъ отстаивать остатки своихъ баррикадъ и свои изрѣшетенные пулями дома. Въ этомъ средоточіи революціи каждый камень имѣетъ свое преданіе. Бронзовый глазъ, застрявшій въ стѣнѣ—это ядро, пущенное сюда въ 1789 году изъ крѣпости. Прислонившись къ этимъ же стѣнамъ, сыновья іюньскихъ борцовъ дерутся за камни той же мостовой, что и ихъ отцы. Здѣсь консерваторы 48-го года такъ же неистовствовали, какъ теперь въ 71-мъ году. Угловой домъ бульваровъ Бомаршэ и Ришаръ-Ленуаръ, лѣвый уголъ улицы Ла-Рокеттъ и уголъ улицы Шарантонъ рушатся на нашихъ глазахъ, какъ театральная декорація. Среди этихъ развалинъ, подъ горящими балками, люди заряжаютъ пушки и десять разъ подымаютъ красный флагъ, десять разъ сбитый версальскими ядрами. Не въ силахъ побѣдить цѣлую армію, славная старая площадь хочетъ погибнуть славной смертью.

Сколько было ихъ въ полдень? Сто, потому что вечеромъ сто труповъ лежатъ на главной баррикадѣ. Они пали на улицѣ Крозатье, они пали на улицѣ д'Алигръ, убитые во время борьбы или послѣ сраженія. И какъ они умирали! Вотъ на улицѣ Крозатье показывается армейскій артиллеристъ, перешедшій 18-го марта на сторону народа.

Его окружаютъ. „Тебя разстрѣляютъ сейчасъ!“—кричатъ ему солдаты. Онъ пожимаетъ плечами: „Умираютъ только разъ“. Гдѣ-то дальше старикъ отбивается отъ солдатъ. Изъ утонченной жестокости офицеръ хочетъ разстрѣлять его на кучѣ мусора. „Я храбро сражался“,— сказалъ старикъ: — „я имѣю право умереть не въ навозѣ“.

Впрочемъ, вездѣ умираютъ геройски. Въ этотъ же день арестуютъ Мильера на лѣвомъ берегу Сены и приводятъ его въ главный штабъ генерала Сиссея. Этотъ генералъ имперіи, запутавшійся въ грязныхъ долгахъ, и потомъ, въ бытность свою военнымъ министромъ, выдавшій черезъ свою любовницу нѣмку планъ одного изъ новыхъ фортовъ Парижа, превратилъ Люксембургъ въ бойню для лѣваго берега Сены. Мы видѣли выше, что Мильеръ игралъ въ коммунѣ роль примирителя, и его полемическія статьи въ газетахъ были написаны очень возвышеннымъ слогомъ. Онъ не участвовалъ въ сраженіи, но его старались смѣшать съ командиромъ 18-го легіона, его подстерегала ненависть бонапартистскихъ офицеровъ и Жюля Фавра. Его палачъ, капитанъ главнаго штаба Гарсенъ—нынѣ генералъ—съ гордо поднятой головой разсказываетъ объ этомъ преступленіи. Исторія должна дать ему слово, чтобы показать, сколько человѣческой подлости обнаружили мстители за нарушенный порядокъ.

„Привели Мильера. Мы съ генераломъ завтракали въ это время въ ресторанѣ Турнонъ, возлѣ Люксембурга. Мы услыхали сильный шумъ и вышли посмотрѣть въ чемъ дѣло. „Это Мильеръ“,—сказали мнѣ. Я слѣдилъ за тѣмъ, чтобы толпа не прибѣгла къ самосуду. Онъ не вошелъ въ Люксембургъ, его задержали у воротъ. Я обратился къ нему и сказалъ: „Дѣйствительно ли вы Мильеръ?—„Да, но вамъ должно быть извѣстно, что я депутатъ“.—„Возможно, но я полагаю, что вы уже утратили свое достоинство депутата“. Впрочемъ, среди насъ находится одинъ депутатъ г. де-Кенсонна [1]), который можетъ васъ узнать“.

Затѣмъ я сказалъ Мильеру, что генералъ приказалъ разстрѣлять его. „За что?“—спросилъ онъ меня. Я отвѣтилъ ему: „Я знаю васъ только по имени, но я *читалъ ваши статьи, и онѣ возмущали меня;* вы ехидна, которую нужно раздавить ногой. Вы ненавидите

---

[1]) Этотъ Кенсонна былъ членомъ „комиссіи убійцъ“.

общество“. Онъ остановилъ меня и сказалъ съ многозначительнымъ видомъ: „О да! я ненавижу его, это общество“.—„Прекрасно, оно вырветъ васъ изъ своихъ нѣдръ, васъ разстрѣляютъ“.—„Это дикая расправа, это варварство, это безчеловѣчно“.—„А всѣ тѣ жестокости, которыя сдѣлали вы, ихъ вы не считаете? Во всякомъ случаѣ, съ того мгновенія, какъ вы признали себя Мильеромъ, больше не о чемъ говоритъ“.

Генералъ приказалъ, чтобы его разстрѣляли у Пантеона, на колѣнахъ, какъ бы просящимъ прощенія у общества за то зло, которое онъ ему сдѣлалъ. Онъ отказался стать на колѣна. Тогда я сказалъ ему: „Такъ приказано, вы будете разстрѣляны не иначе, какъ на колѣнахъ“. Онъ попытался было разыграть комедію, разорвалъ одежду, показалъ солдатамъ на свою грудь. Я сказалъ ему: „Вы устраиваете сцены, вы хотите, чтобы разсказывали о томъ какъ вы умирали; умрите просто, такъ будетъ лучше“. — „Въ моихъ собственныхъ интересахъ и въ интересахъ своего дѣла, я воленъ поступать такъ, какъ мнѣ нравится“.—„Пусть будетъ такъ. Становитесь на колѣна“.—Тогда онъ сказалъ мнѣ: „Я на колѣна не встану, или же вамъ понадобятся два человѣка, чтобы поставить меня“. Я велѣлъ поставить его на колѣна, приступили къ его казни. Онъ воскликнулъ: „Да здравствуетъ человѣчество!“ Онъ хотѣлъ крикнуть еще что-то, но упалъ замертво.“

Какой-то военный поднялся по ступенькамъ Пантеона, приблизился къ трупу и выстрѣлилъ изъ своего шаспо̀ въ лѣвый високъ. Голова Мильера откачнулась, и, черная отъ пороха, она, казалось, смотрѣла на фасадъ зданія. „Да здравствуетъ человѣчество!“ Въ этихъ словахъ двойной смыслъ: „Свобода другихъ народовъ мнѣ такъ же дорога, какъ и свобода Франціи,“ — сказалъ одинъ федералистъ одному реакціонеру. Въ 1871 г., какъ и въ 1793 Парижъ сражается за всѣхъ угнетенныхъ.

Къ двумъ часамъ Бастилія сдается. Ла-Валеттъ еще борется. Утромъ комендантъ сдаетъ свою баррикаду на углу бульвара и Фландрской улицы. Федералисты сосредоточиваются сзади на стратегической линіи канала и баррикадируютъ Крымскую улицу. Ротонда, которой предстоитъ выдержать главное нападеніе, защищена баррикадой, построенной на Луарской набережной.

269-ый батальонъ, который два дня уже борется съ врагомъ, теперь опять возобновляетъ борьбу на новыхъ позиціяхъ. Такъ какъ линія Ла-Валеттъ очень длинна, то Ранвье и Пасседуэ отправляются въ XX округъ за подкрѣпленіями; тамъ находятся остатки всѣхъ батальоновъ.

Они наполняютъ мэрію, гдѣ раздаютъ билеты на постой и жизненные припасы. Къ церкви съ шумомъ съѣзжаются фургоны и лошади. Главная квартира и различныя вѣдомства помѣщаются на улицѣ Аксо, въ Венсеннѣ, который представляетъ изъ себя рядъ построекъ, обнесенныхъ садами.

Почти всѣ многочисленныя баррикады, выстроенныя въ лабиринтѣ улицъ Менильмонтана, обращены противъ бульвара. Стратегическая линія, которая въ этомъ пунктѣ господствуетъ надъ Перъ-Лашезомъ, холмами Шомонъ и внѣшними бульварами, оставлена безъ всякой охраны.

Съ высотъ вала видны вооруженные пруссаки. Согласно условію, заключенному раньше между версальскимъ правительствомъ и саксонскимъ принцемъ, нѣмецкая армія съ понедѣльника обложила Парижъ съ сѣвера и востока. Она отрѣзала Сѣверный вокзалъ, укрѣпила линію канала со стороны Сенъ-Дени, поставила часовыхъ отъ Сенъ-Дени до Шарентона, на всѣхъ военныхъ трактахъ возводила укрѣпленныя баррикады. Въ четвергъ, въ пять часовъ вечера изъ Фонтенэ Ножана и Шарентона спустилось пять тысячъ баварцевъ, и они образовали непроницаемый кордонъ отъ Марны до Монтрейля. Позже вечеромъ другой корпусъ въ пять тысячъ человѣкъ съ восьмидесятью артиллерійскими орудіями занялъ Венсеннъ. Въ девять часовъ пруссаки обложили фортъ и обезоружили федералистовъ, пытавшихся пробраться въ Парижъ. Они пошли еще дальше, они задержали людей, чтобы отдать ихъ въ жертву Версалю. Еще во время господства коммуны пруссаки оказывали косвенное содѣйствіе версальской арміи. Но ихъ соглашеніе съ французскими консерваторами выступило совершенно неприкрыто во время майской недѣли. Изъ всѣхъ преступленій г-на Тьера самымъ гнуснымъ останется то, что онъ втянулъ побѣдителей Франціи въ наши гражданскія распри и просилъ у нихъ помощи, чтобы раздавить Парижъ.

Около полудня въ восточной части доковъ Ла-Валеттъ вспыхи-

ваетъ пожаръ. Тамъ помѣщается громадный складъ керосина, легко воспламеняющихся жидкостей и взрывчатыхъ веществъ. Пожаръ произошелъ отъ того, что туда съ обѣихъ сторонъ попали гранаты. Этимъ пожаромъ уничтожены баррикады на улицахъ Фландрской и Рике. Версальцы пытаются переправиться въ лодкѣ черезъ каналъ, но ихъ останавливаютъ баррикады Крымской улицы и Ротонды.

Винуа продолжаетъ проникать въ XII округъ; на площади Бастиліи онъ оставилъ нужное количество людей для производства обысковъ и разстрѣловъ. Баррикада на улицѣ Рейли, на углу Сентъ-Антуанскаго предмѣстья держится въ теченіе нѣсколькихъ часовъ подъ огнемъ солдатъ, обстрѣливающихъ ее съ бульвара Мазасъ. Версальцы, слѣдуя по бульвару и улицѣ Пикпуса, направляются къ Тронной площади, которую они хотятъ обойти валами. Артиллерія подготовляетъ и защищаетъ каждое ихъ движеніе. Обыкновенно они заряжаютъ свои орудія на углахъ тѣхъ улицъ, которыми они хотятъ завладѣть, затѣмъ выдвигаютъ орудія впередъ, стрѣляютъ и снова отодвигаютъ ихъ подъ прикрытіе. Федералисты могли бы поразить этого невидимаго врага, только стрѣляя съ высотъ; но невозможно сосредоточить тамъ артиллерію коммуны. Каждая баррикада хочетъ имѣть свою пушку, не заботясь о томъ, куда попадутъ ея снаряды.

Теперь ужъ больше нѣтъ никакихъ авторитетовъ. На улицѣ Аксо въ безпорядкѣ толпятся офицеры и о движеніи непріятельскаго войска узнаютъ только по возвращающимся остаткамъ батальоновъ. Смятеніе такъ велико, что на этомъ мѣстѣ, гдѣ смерть неминуемо ожидаетъ предателей, появляется вдругъ дю-Биссонъ въ формѣ; его прогнали изъ Ла-Вилеттъ. Въ XX округѣ бродятъ нѣсколько членовъ коммуны, они слоняются безцѣльно, никто не обращаетъ на нихъ вниманія; но они еще не отказались отъ обсужденія положенія. Въ пятницу около двѣнадцати человѣкъ членовъ собирается на улицѣ Аксо, туда является центральный комитетъ и требуетъ учрежденія диктатуры центральному комитету предоставляютъ диктаторскую власть, съ тѣмъ, чтобы онъ включилъ въ въ свой составъ Варлена. О комитетѣ общественнаго спасенія никто даже не заговариваетъ больше.

Единственной крупной личностью изъ его среды былъ Ранвье;

онъ проявлялъ неукротимую энергію въ битвахъ. Въ эти дни агоніи онъ былъ душою Ла-Вилеттъ и Бельвиля, ободряя сражающихся, самъ обо всемъ заботясь. 26-го онъ велѣлъ напечатать слѣдующую прокламацію: „Граждане XX округа! Вы знаете, какая участь ожидаетъ насъ, если мы сдадимся... къ оружію!.. Будьте бдительны, особенно ночью... Я требую отъ васъ точнаго исполненія приказовъ... Поддержите XIX округъ, помогите ему отразить врага. Въ этомъ ваше собственное спасеніе... Не ждите, пока станутъ нападать уже на Бельвиль... и тогда Бельвиль еще разъ восторжествуетъ... Впередъ же... Да здравствуетъ республика!“ Это была послѣдняя прокламація коммуны.

Но многіе ли читаютъ ее, обращаютъ на нее вниманіе? Свистъ монмартрскихъ гранатъ, которыя со вчерашняго дня громятъ Бельвиль и Менильмонтанъ, крики, видъ раненыхъ, слоняющихся изъ дома въ домъ, умоляя о помощи—всѣ эти слишкомъ явные признаки близкаго конца еще усиливаютъ впечатлѣніе неизбѣжнаго разгрома. Взляды становятся дикими. Всякій, кто не въ формѣ, можетъ быть разстрѣлянъ, если онъ не сумѣетъ назвать какое-нибудь извѣстное имя. Слухи изъ Парижа еще усиливаютъ раздраженіе. Говорятъ, что у версальцевъ правило убивать плѣнниковъ, что они умерщвляютъ ихъ въ госпиталяхъ; что въ Версаль привели тысячи людей—мужчинъ, женщинъ, дѣтей и стариковъ съ обнаженными головами, что ихъ убиваютъ на улицахъ, что достаточно принадлежать къ числу парижскихъ бойцовъ или хотя бы укрыть кого-нибудь изъ нихъ, чтобы подвергнуться той же участи. Разсказываютъ о казняхъ мнимыхъ поджигательницъ.

Въ пятницу, въ шесть часовъ утра, на улицѣ Аксо появляется группа изъ жандармовъ, духовныхъ и штатскихъ лицъ подъ конвоемъ отряда полковника Гуа. Они пришли изъ Рокеттъ и на минуту остановились у мэріи, но Ранвье отказался ихъ принять. Ихъ принимаютъ сначала за солдатъ, только что захваченныхъ въ плѣнъ, и даютъ имъ спокойно пройти мимо. Но скоро распространяется слухъ, что это заложники и что ихъ ведутъ на казнь. То были тридцать четыре жандарма, арестованные 18-го марта въ Бельвилѣ и въ Монмартрѣ, десять іезуитовъ, монаховъ, священниковъ и четыре шпіона: Рюо, замѣшанный въ заговорѣ „Комической Оперы“,

Ларжильеръ, осужденный въ іюнѣ, Греффъ, организаторъ гражданскихъ похоронъ, ставшій потомъ помощникомъ начальника полицейской охраны, Лагранжъ и Дарестъ, командиръ бригады. Ихъ дѣло было найдено и опубликовано во время осады.

Толпа растетъ, осыпаетъ заложниковъ бранью, одного изъ нихъ избиваетъ. Затѣмъ толпа врывается въ Венсеннъ, ворота закрываются, заложниковъ толкаютъ въ ровъ, вырытый передъ стѣной. Прибѣгаетъ одинъ изъ членовъ Коммуны, Сераліе.—„Что вы дѣлаете! тамъ помѣщается пороховой погребъ,—вы взорвете насъ на воздухъ!“ Онъ надѣялся этимъ отсрочить казнь. Варленъ, Луи и другіе противятся толпѣ изо всѣхъ силъ, стараясь выиграть время. Ихъ отталкиваютъ, имъ грозятъ, и только благодаря популярности Варлена, имъ съ трудомъ удается спастись отъ смерти.

Шаспо стрѣляютъ сами собой, безъ команды; заложни падаютъ на землю. Кто-то кричитъ: „Да здравствуетъ императоръ!“ Его также разстрѣливаютъ. Улица рукоплещетъ. А между тѣмъ солдаты, взятые въ плѣнъ послѣ вступленія войскъ, уже два дня ходили по Бельвилю, не вызывая никакого ропота. Но эти жандармы, эти полицейскіе, эти священники, которые цѣлые двадцать лѣтъ терзали Парижъ, являлись представителями имперіи, высшей буржуазіи, убійцъ въ ихъ самомъ ненавистномъ образѣ.

Утромъ разстрѣляли сообщника Морни Жекера. Коммуна не стала судить его, но „народное“ правосудіе расправилось съ нимъ. Нѣсколько человѣкъ,—Жантонъ, Франсуа, полицейскій комиссаръ, отправились за нимъ въ тюрьму Ла-Рокеттъ. Онъ тотчасъ же покорился, какъ настоящій авантюристъ, презиравшій собственную жизнь такъ же, какъ жизнь другихъ. Съ несвязанными руками онъ вошелъ въ середину группы, направлявшейся къ Перъ-Лашезу. По дорогѣ Жекеръ разсказывалъ о Мексиканской экспедиціи, которая его погубила; „Ахъ нѣтъ, я вовсе не сдѣлалъ выгодной аферы, эти люди меня обокрали“,—онъ не переставалъ со времени своего ареста повторять эти слова. Когда подошли къ стѣнѣ, которая выходитъ на Шаронну, его спросили: „Здѣсь, что ли?“—„Какъ вамъ угодно!“ Онъ умеръ спокойно. Ему покрыли лицо шляпой, на которую прикрѣпили листокъ съ его именемъ.

Въ этотъ день не было значительныхъ передвиженій войскъ.

Отряды Дуэ и Кленшана стоятъ на бульварѣ Ришаръ-Ленуаръ. Двойная баррикада позади Батаклана мѣшаетъ занятію бульвара Вольтера. На улицѣ Сенъ-Себастіанъ убиваютъ одного версальскаго генерала. Площадь еще продолжаетъ защищаться съ помощью баррикадъ Филиппа-Августа. Ротонда и котловина Ла-Вилеттъ также еще держатся. Къ концу дня пожаръ распространяется на ту часть доковъ, которая находится у самой мэріи.

Къ вечеру армія оттѣсняетъ сопротивляющихся въ пространство между укрѣпленіями и кривой линіей, которая ведетъ отъ боень въ Ла-Вилеттъ къ Венсенскимъ воротамъ, пересѣкая каналъ Сенъ-Мартенъ, бульваръ Ришаръ Ленуаръ и улицу Сентъ-Антуанскаго предмѣстья. Съ фланговъ наступаютъ Ладмиро и Винуа, въ центрѣ Дуэ и Кленшанъ.

Менильмонтанъ и Бельвиль, истерзанные гранатами, переживаютъ лихорадочную ночь. Тѣ должностныя лица, которыя остались въ живыхъ, покинули залитый кровью Венсеннъ, Журдъ помѣстилъ въ сохранное мѣсто немного денегъ, которыя еще остались для уплаты жалованья гвардейцамъ. Уже четыре дня, какъ федералисты живутъ на пятьсотъ тысячъ франковъ, сохранившихся въ банкѣ, на остатки кассы и тѣ сборы, которые еще продолжаютъ доставлять особенно преданные и мужественные чиновники,—одинъ изъ сборщиковъ городской пошлины прошелъ подъ градомъ пуль, чтобы передать коммунарамъ свою дневную выручку.

На поворотѣ каждой улицы патрули требуютъ пароля (*Бушотъ-Бельвиль*); часто недостаточно назвать его. Надо доказать, что имѣешь полномочія, и каждый командиръ баррикады считаетъ себя въ правѣ воспретить проходъ.

Разбитые батальоны возвращаются въ смятеніи, большинство, не находя болѣе пристанища, располагается подъ открытымъ небомъ, подъ градомъ гранатъ, которыя они неизмѣнно привѣтствуютъ возгласомъ: „Да здравствуетъ коммуна!“

По большой улицѣ Бельвиля тянутся національные гвардейцы съ гробами на скрещенныхъ ружьяхъ. Нѣкоторые шествуютъ съ факелами. Бьютъ барабаны. Трогательнаго величія полны эти борцы, молчаливо погребающіе своихъ товарищей въ то время, какъ сами они стоятъ у порога смерти.

За ночь опустѣли баррикады Нѣмецкой улицы. На нихъ никакъ не больше тысячи борцовъ въ теченіе двухъ дней сражались съ двадцатью пятью тысячами солдатъ Ладмиро. Почти всѣ они были мѣстные жители.

Въ субботу первые лучи восходящаго солнца освѣщаютъ картину смерти. Все окутано пронизывающимъ густымъ туманомъ; земля размыта дождемъ. Клубы бѣлаго дыма съ трудомъ пробиваются сквозь дождь; это идетъ перестрѣлка. Съ разсвѣта баррикады стратегической линіи, ворота Монтрейль и Баньоле заняты войсками, которыя располагаются въ округѣ Шаронны, не встрѣчая сопротивленія. Около семи часовъ они занимаютъ Тронную площадь, гдѣ укрѣпленія уже оставлены безъ защиты. Въ началѣ бульвара Вольтера версальцы ставятъ баттарею изъ шести орудій, направленную противъ баррикады мэріи XI округа, гдѣ помѣщаются двѣ пушки, которыя отъ времени до времени отвѣчаютъ на стрѣльбу. Увѣренные въ своей побѣдѣ, офицеры желаютъ добиться шумнаго тріумфа. Ни одна граната не попадаетъ въ статую Вольтера [1]), и его саркастическая усмѣшка какъ будто напоминаетъ его внукамъ о томъ миломъ спектаклѣ, который онъ обѣщалъ имъ.

Въ Ла-Виллетъ солдаты со всѣхъ сторонъ сворачиваютъ съ главной дороги, идутъ вдоль укрѣпленій, атакуютъ улицы Пюэбла и Крымскую. Ихъ лѣвое крыло, еще занятое на высотахъ X округа, пытается овладѣть улицами этого округа, прилегающими къ бульвару Ла-Вилеттъ. Огонь батарей, поставленныхъ на Фландрской улицѣ, на валахъ и на Ротондѣ, сливается съ огнемъ батарей на Монмартрѣ и осыпаетъ гранатами холмы Шомонъ.

Баррикада на улицѣ Пюэбла сдается къ десяти часамъ. Тамъ остался всего одинъ морякъ; спрятавшись за плитами мостовой, онъ поджидаетъ версальцевъ и бросается на нихъ съ револьверными выстрѣлами и съ топоромъ въ рукѣ. Врагъ разсыпается по смежнымъ улицамъ вплоть до улицы Менадье, которая крѣпко охраняется стрѣлками-коммунарами. Съ Праздничной площади двѣ пушки обстрѣливаютъ Крымскую улицу и защищаютъ наше правое крыло.

Въ одиннадцать часовъ на улицѣ Аксо происходитъ свиданіе

---

[1]) Нынѣ скверъ Монжъ.

девяти или десяти членовъ совѣта. Жюль Алликсъ, болѣе помѣшанный чѣмъ когда-либо, является весь сіяющій. По его словамъ все идетъ какъ нельзя лучше; центральные кварталы уже очищены отъ войскъ, теперь необходимо только предпринять массовое выступленіе. Другіе воображаютъ, что они сумѣютъ прекратить рѣзню, сдавшись нѣмцамъ, которые, конечно, выдали бы ихъ Версалю. Нѣкоторые говорятъ, что эта надежда напрасна, что федералисты никого не выпустятъ изъ города; ихъ не слушаютъ, и Жюль Валлесъ готовится писать манифестъ. Является Ранвье, онъ ищетъ людей для обороны холмовъ Шомонъ. „Ступайте сражаться вмѣсто того, чтобы спорить!“—кричитъ онъ имъ. Эти слова здравомыслящаго человѣка обрываютъ болтовню. Каждый идетъ въ свою сторону; таково послѣднее засѣданіе этихъ неисправимыхъ резонеровъ.

Въ этотъ моментъ версальцы захватили бастіонъ 16-й. Въ полдень распространяется слухъ, что началось вступленіе войскъ черезъ улицы Парижа и черезъ валы. Толпа мужчинъ и женщинъ, которыхъ гранаты выгнали изъ домовъ, осаждаютъ ворота Ромэнвиль, они хотятъ выѣхать за городъ. Въ часъ спускаютъ подъемный мостъ, чтобы пропустить обратно шесть масоновъ, которые отправлялись къ прусакамъ съ просьбой дать федералистамъ выйти изъ города; толпа бросается черезъ ворота по направленію къ домамъ деревни Лила и пытается перейти черезъ прусскую баррикаду, воздвигнутую посреди дороги. Жандармскій бригадиръ изъ Ромэнвиля кричитъ прусакамъ: „Стрѣляйте же, стрѣляйте въ эту сволочь!“ Одинъ прусскій солдатъ открываетъ огонь и ранитъ какую-то женщину.

Около четырехъ часовъ нѣкто, называющій себя полковникомъ Параномъ, велитъ спустить для себя подъемный мостъ. Это одинъ изъ тѣхъ людей, которые неожиданно появляются откуда-то въ минуты бѣдствій и импонируютъ своимъ внушительнымъ видомъ. Безъ всякаго полномочія онъ отправляется требовать у прусскихъ войскъ пропуска для федералистовъ. Нѣмцы отвѣчаютъ, что они предадутъ федералистовъ въ руки версальскихъ властей.

Въ это время одинъ изъ членовъ коммуны, Арнольдъ, который несмотря ни на что все еще вѣрилъ въ вмѣшательство Америки, отправился на нѣмецкіе передовые посты съ письмомъ къ посланнику Уошберну, который, какъ другъ Дарбуа, былъ теперь настроенъ

по отношенію къ коммунѣ болѣе враждебно, чѣмъ когда-либо. Арнольдъ былъ встрѣченъ довольно холодно, и его отослали обратно съ обѣщаніемъ передать его письмо посланнику.

Въ это время нѣсколько версальскихъ батальоновъ пробрались черезъ стратегическую линію къ Крымской улицѣ, но были задержаны на улицѣ Бельвю. Три пушки съ Рыночной площади поддерживаютъ огонь пушекъ, стоящихъ на Праздничной площади, чтобы защитить холмы Шомонъ. Въ теченіе цѣлаго дня эти пушки обслуживались только пятью артиллеристами, которые не нуждались ни въ приказахъ, ни въ командирѣ. Въ четыре часа пушки умолкли, такъ какъ больше не было снарядовъ; ихъ канониры пошли на подмогу стрѣлкамъ улицъ Менадье, Фессаръ и Аннеле.

Въ пять часовъ Ферре приводитъ на улицу Аксо линейныхъ солдатъ изъ казармы принца Евгенія; со среды они помѣщались въ малой Рокеттъ, которую только что эвакуировали, такъ же какъ и большую. Толпа смотритъ на нихъ безъ угрозъ; у народа нѣтъ злобы противъ солдатъ, которые вѣдь тотъ же народъ, что и онъ. Ихъ помѣщаютъ въ церкви Бельвиля. Ихъ приходъ имѣетъ роковое послѣдствіе. Всѣ бѣгутъ имъ навстрѣчу и Праздничная площадь остается пустая. Тутъ то подоспѣваютъ версальцы, занимаютъ ее и послѣдніе защитники холмовъ стягиваются къ предмѣстью Тампля и Парижской улицѣ.

Въ то время какъ федералисты отступаютъ съ фронта, ихъ атакуютъ съ тыла. Съ четырехъ часовъ по полудни версальцы осаждаютъ Перъ-Лашезъ, гдѣ заперлось не болѣе двухсотъ федералистовъ, все такихъ же недисциплинированныхъ и безпечныхъ; офицеры не могли добиться, что на стѣны кладбища набили желѣзные зубцы. Версальцы со всѣхъ сторонъ обступаютъ эту крѣпкую ограду, а снаряды бастіонной артиллеріи проникаютъ внутрь кладбища. У орудій коммуны съ вечера уже почти нѣтъ болѣе снарядовъ. Въ шесть часовъ версальцы, не осмѣливаясь, несмотря на свою численность, штурмовать кладбище, начинаютъ обстрѣливать большія ворота. Они быстро поддаются, несмотря на то, что ихъ подкрѣпляетъ баррикада. Подъ прикрытіемъ надгробныхъ памятниковъ федералисты шагъ за шагомъ отстаиваютъ свое убѣжище. Въ склепахъ дерутся холоднымъ оружіемъ.

Люди-враги падаютъ и умираютъ въ однѣхъ могилахъ. Темнота не прекращаетъ отчаяннаго боя.

Въ субботу вечеромъ за федералистами остается только два куска XI- и XII округовъ. Версальцы располагаютъ свой лагерь на Праздничной площади, улицахъ Фессаръ, Прадье вплоть до улицы Ребеваль, но тамъ ихъ наступленіе задерживаютъ такъ же, какъ и на бульварѣ. Четырехугольникъ, который образуется между улицами предмѣстья Тампль, Фоли-Мерикуръ, Рокетъ и внѣшними бульварами, частью занятъ федералистами. Дуэ и Кленшанъ на бульварѣ Ришаръ-Ленуаръ ждутъ, чтобы Винуа и Ладмиро взяли высоты, и чтобы послѣдніе повстанцы попали подъ ихъ пули.

Идетъ проливный дождь. Пожаръ въ Ла-Вилеттъ освѣщаетъ мракъ своимъ ослѣпительнымъ пламенемъ. Гранаты все еще сыпятся на Бельвиль, долетаютъ до Баньоле и ранятъ прусскихъ солдатъ. Раненые стекаются къ мэріи XX округа, гдѣ нѣтъ ни врачей, ни лѣкарствъ, ни матрацовъ, ни одѣялъ; несчастные агонизируютъ, не получая никакой помощи. Приходятъ „Мстители Флуранса“, во главѣ съ своимъ капитаномъ, большимъ красивымъ парнемъ; онъ раненъ и шатается на сѣдлѣ. Маркитантка съ окровавленной головой, обвязанной носовымъ платкомъ, въ бреду созываетъ своихъ солдатъ голосомъ раненой львицы. Ружья сами собой стрѣляютъ въ дрожащихъ отъ гнѣва рукахъ. Грохотъ фургоновъ, угрозы, стоны, выстрѣлы, жужжанье гранатъ — все сливается въ какой то дикій содомъ, отъ котораго умъ мѣшается. Каждая минута возвѣщаетъ о новомъ несчастьи. Прибѣгаетъ гвардеецъ съ крикомъ: „Баррикада Прадье сдалась!“ Кто-то другой кричитъ: „Нужны люди на улицу Ребеваль!“ Третій: „Съ улицы Пресъ бѣгутъ!“ Налицо только шесть или семь членовъ коммуны, чтобы слышать этотъ похоронный звонъ: Тренке, Ферре, Варленъ, Ранвье, Журдъ. Полные отчаянія отъ своей безпомощности, изнемогающіе отъ послѣднихъ шести дней безъ минуты отдыха, наиболѣе сильные, не въ силахъ совладать съ своей скорбью.

Въ утреннихъ сумеркахъ Винуа и Ладмиро отправляютъ полки вдоль валовъ на стратегическую линію, оставшуюся безъ защиты, и соединяются у Ромэнвильскихъ воротъ. Около пяти часовъ войска занимаютъ баррикаду на улицѣ Ребеваль и, пройдя черезъ улицу

Венсанъ и пассажъ Ренаръ, атакуютъ съ тыла послѣднія баррикады Парижской улицы. Только къ восьми часамъ имъ удается занять мэрію XX округа. Баррикаду на Парижской улицѣ, на углу бульвара, защищаетъ комендантъ 191-го батальона и пять-шесть гвардейцевъ, которые держатся до полнаго истощенія снарядовъ.

Около девяти часовъ утра одна версальская колонна отправляется съ бульвара Филиппа-Августа къ Рокетъ, проникаетъ въ тюрьму и освобождаетъ полтораста городовыхъ, жандармовъ, священниковъ, всевозможныхъ противниковъ коммуны, которыхъ рѣшительно никто не трогалъ. Винуа, уже наканунѣ вечеромъ оказавшійся хозяиномъ Перъ-Лашеза, могъ тогда же взять тюрьму, гораздо раньше оставленную часовыми національной гвардіи. Но онъ исповѣдывалъ теорію г-на Тьера, что мучениковъ никогда не бываетъ слишкомъ много. Многихъ заключенныхъ, вышедшихъ наканунѣ изъ тюрьмы—въ томъ числѣ епископа де Сюра и двухъ священниковъ, толпа схватила и разстрѣляла у баррикадъ; можно было надѣяться, что та же участь постигнетъ и остальныхъ и какъ бы оправдаетъ репрессіи.

Въ десять часовъ борьба ведется лишь на маленькомъ четырехугольникѣ, который образуютъ улицы предмѣстья Тампль, Труа-Борнъ, Труа-Курронъ и бульваръ Бельвиль. Еще сопротивляются двѣ или три улицы XX округа, въ ихъ числѣ улица Ронпонно. Одна маленькая фаланга, предводительствуемая Варленомъ, Ферре и Гамбономъ съ красными перевязями вокругъ пояса и съ шаспо за спиной спускается по улицѣ Шанъ и выходитъ изъ XX округа на бульваръ. Какой-то гарибальдіецъ гигантскаго роста несетъ громадный красный флагъ. Они вступаютъ въ XI округъ. Варленъ и его коллеги идутъ на защиту баррикады на улицѣ предмѣстья Тампль и Фонтэнъ-о-Руа. Она неприступна съ своего фасада; версальцамъ, въ рукахъ которыхъ находится госпиталь Сенъ-Луи, удается обойти ее со стороны улицъ Сенъ-Моръ и Биша.

Въ одиннадцать часовъ у федералистовъ почти нѣтъ больше орудій, ихъ окружаютъ двѣ трети арміи. Но на улицахъ предмѣстья Тампль, Обекампфъ, Сенъ-Моръ, Пармантье борьба все еще не прекращается. Тамъ есть такія баррикады, которыхъ нельзя обойти, и дома, которые не имѣютъ сквозныхъ проходовъ. Версаль-

ская артиллерія обстрѣливаетъ ихъ до тѣхъ поръ, пока федералистамъ есть чѣмъ стрѣлять. Когда болѣе ужъ нѣтъ ни одного патрона, они отдаются во власть ружей, которыя окружаютъ ихъ.

Перестрѣлка стихаетъ; наступаютъ длинныя паузы. Въ воскресенье 28-го мая въ полдень съ Парижской улицы, взятой версальцами, раздается послѣдній пушечный выстрѣлъ федералистовъ. Заряженное двойнымъ зарядомъ орудіе какъ бы испускаетъ послѣдній вздохъ коммуны Парижа.

Послѣдняя баррикада майскихъ дней—на улицѣ Ранпонно. Въ теченіе четверти часа ее защищаетъ только одинъ федералистъ. Три раза ему удается сломить древко версальскаго флага, укрѣпленнаго на баррикадѣ Парижской улицы. Въ награду за его мужество этому послѣднему солдату коммуны удается спастись отъ врага.

Къ часу все кончено. Площадь Согласія держалась два дня, Бюттъ-о-Кайль тоже два дня, Ла Вилеттъ три; бульваръ Вольтера три съ половиной дня. Изъ 79 членовъ коммуны, бывшихъ въ дѣлѣ 21-го мая одинъ Делеклюзъ умеръ на баррикадахъ, двое—Жакъ Дюронъ и Рауль Риго—были разстрѣляны. Двое—Брюнель и Верморель—были тяжело ранены; трое—Прото, Уде и Франкель ранены легко. Версальцы понесли мало потерь; федералистовъ было 3.000 убитыхъ или раненыхъ. Потери арміи въ іюнѣ 48-го г. и сопротивленіе мятежниковъ были сравнительно значительнѣе. Но іюньскіе инсургенты стояли лицомъ къ лицу съ противникомъ численностью не болѣе чѣмъ въ три тысячи человѣкъ; майскіе боролись противъ ста тридцати тысячъ. Въ іюнѣ борьба длилась только три дня, федералисты боролись въ теченіе семи недѣль. Наканунѣ іюньскаго боя революціонная армія была нетронута, 20-го мая она была уже опустошена. Самые храбрые ея защитники погибли на передовыхъ постахъ. Чего только не могли бы сдѣлать въ Парижѣ на Монмартрѣ, у Пантеона, пятнадцать тысячъ храбрецовъ изъ Нейли, д'Аньера, д'Исси, Ванвъ и Кашанъ!

Въ понедѣльникъ, 29-го, версальцы заняли Венсенскій фортъ. Этотъ фортъ, будучи обезоруженъ, не могъ принять никакого участія въ битвѣ. Его гарнизонъ состоялъ изъ 350 человѣкъ и 24 офицеровъ подъ командой начальника легіона, Фальто, ветерана польскихъ войнъ, и Гарибальди, одного изъ наиболѣе энергичныхъ дѣя-

телей 18-го марта. Ему предлагали вѣрное убѣжище. Онъ отвѣтилъ, что его достоинство не позволяетъ ему покинуть своихъ товарищей по оружію.

Въ субботу въ Парижъ прибылъ полковникъ версальскаго главнаго штаба, чтобы вести переговоры о капитуляціи. Фальто потребовалъ свободнаго пропуска не для себя лично, но для нѣкоторыхъ своихъ офицеровъ иностранцевъ. Фальто сдѣлалъ ошибку, обратившись послѣ отказа версальцевъ съ тою же просьбой къ нѣмцамъ. Предвидя осаду, Макъ-Магонъ еще раньше искалъ поддержки у саксонскаго принца и этотъ нѣмецъ былъ на сторонѣ интересовъ своего новаго друга. Во время этихъ переговоровъ генералъ Винуа завязалъ связи съ городомъ, гдѣ нашлось нѣсколько скомпрометированныхъ людей, которые предложили укротить несговорчивыхъ федералистовъ. Къ числу послѣднихъ принадлежалъ Мерле, генералъ инженерныхъ войскъ и артиллеріи, бывшій унтеръ-офицеръ, твердо рѣшившій скорѣе взорвать площадь, нежели сдать ее. Въ пороховомъ погребѣ хранилось 10.000 килограммъ пороха и 40.000 патроновъ.

Въ воскресенье, въ восемь часовъ утра изъ комнаты Мерле раздался выстрѣлъ. Прибѣжали туда; онъ лежалъ на полу, съ головой прострѣленной револьверной пулей. Безпорядокъ въ комнатѣ, направленіе пули указывали на борьбу. Одинъ капитанъ, адъютантъ-маіоръ 99-го баталіона, нѣкій Байаръ, ярый сторонникъ революціи во время коммуны, освобожденный версальцами, сознался лишь въ томъ, что онъ разбросалъ элементы батареи, которую приготовилъ Мерле, чтобы взорвать фортъ.

Въ понедѣльникъ версальскій полковникъ возобновилъ свое предложеніе. Борьба въ Парижѣ окончилась. Офицеры совѣщались и рѣшили открыть ворота. Въ три часа версальцы вступили въ городъ. Обезоруженный гарнизонъ расположился въ глубинѣ двора. Девять офицеровъ заперли отдѣльно.

Ночью эти девять офицеровъ были поставлены подъ разстрѣлъ во рвахъ, на разстояніи ста метровъ отъ того мѣста, гдѣ палъ герцогъ Энгіенскій. Одинъ изъ нихъ, полковникъ Делормъ, обратившись къ версальцу, командовавшему при разстрѣлѣ, сказалъ: „Пощупайте-ка мой пульсъ, посмотрите—боюсь ли я?“

ГЛАВА XXXII.

„Мы честные люди; судъ будетъ свершаться по обычнымъ законамъ. Мы будемъ руководствоваться исключительно законами“.

(Тьеръ. Рѣчь въ національномъ собраніи 22 мая 1874 г.).

«Могу васъ увѣрить, что число казней было очень незначительно».

(Макъ-Магонъ. Анкета о 18-мъ марта).

Версальскіе ужасы. — Бойни. — Превотальные суды — Смерть Варлена. — Эпидемія. — Погребенія.

Въ Парижѣ воцарился порядокъ. Повсюду развалины, трупы, зловѣщій трескъ залповъ. Офицеры гордо выступали посреди улицъ, гремя саблями, и вообще держались вызывающе демонстративно; унтеръ-офицеры подражали имъ въ надменности. На всѣхъ большихъ дорогахъ стояли на бивакахъ солдаты; нѣкоторые, отупѣвшіе отъ усталости и рѣзни спали на троттуарахъ, другіе варили себѣ супъ, распѣвая пѣсни.

У всѣхъ оконъ развѣвались трехцвѣтныя знамена, вывѣшенныя изъ трусости, чтобы уберечься отъ обысковъ. На улицахъ, въ рабочихъ предмѣстьяхъ валялись груды оружія, патронташей, мундировъ, которые испуганные обитатели выбросили изъ оконъ или ночью принесли туда. У пороговъ домовъ сидѣли жены рабочихъ; подпершись рукой голову, они глядѣли впередъ неподвижнымъ взглядомъ, ожидая сына или мужа, которому уже не суждено было возвратиться.

Версальскіе эмигранты, разные прощалыги, которые всегда выплываютъ при монархическихъ побѣдахъ, оглашали бульвары своими разнузданными криками. Со среды вся эта чернь тащилась за партіями плѣнныхъ, провожала восторженными возгласами конныхъ жандармовъ—находились дамы, цѣловавшія имъ сапоги—окружала офицеровъ, которые разсказывали о своихъ подвигахъ на терассахъ кафѣ, окруженные публичными женщинами. Штатскіе соперничали съ военными въ развязности. Люди, которые даже не проходили мимо улицы Монмартръ, описывали взятіе Шато-д'О, хвастались, каждый, что онъ тоже разстрѣлялъ свою дюжину федералистовъ. Элегантныя дамы устраивали себѣ увеселительныя прогулки, отправляясь смотрѣть на трупы и, издѣваясь надъ мертвыми героями, онѣ кончикомъ своихъ зонтиковъ приподымали ихъ одежду.

„Жители Парижа!“ — воскликнулъ 28-го мая Макъ-Магонъ.— „Парижъ освобожденъ! Сегодня окончилась борьба. Порядокъ, трудъ, безопасность воцарятся снова“.

„Освобожденный Парижъ“ былъ отданъ подъ начальство четырехъ генераловъ: Винуа, Ладмиро, Сиссея, Дуэ, и снова въ немъ установился режимъ осаднаго положенія, уничтоженнаго коммуной. Въ Парижѣ было только одно правительство—армія, которая его истязала. Прохожихъ заставляли разрушать баррикады, и каждый нетерпѣливый жестъ наказывался арестомъ, каждое проклятіе—смертью. Было объявлено, что всякій, владѣющій оружіемъ, будетъ немедленно преданъ военному суду, что, если изъ какого-нибудь дома раздастся выстрѣлъ, его обитателей ожидаетъ казнь. Въ одиннадцать часовъ всѣ публичныя учрежденія должны были закрываться; только офицеры въ формѣ пользовались правомъ свободно ходить по улицамъ; по ночамъ всюду разъѣзжали конные патрули. Въѣздъ въ Парижъ былъ очень затрудненъ, выходъ невозможенъ. Такъ какъ огородниковъ въ городъ не пропускали, то городу угрожало истощеніе жизненныхъ припасовъ.

Битва окончилась и армія теперь превратилась въ колоссальный карательный отрядъ. Въ іюнѣ 48-го года обѣщавшій прощеніе Кавеньякъ устроилъ избіеніе; г-нъ Тьеръ клялся законами и предоставилъ арміи полную свободу дѣйствій. Онъ стоялъ „за наибольшую строгость“, чтобы имѣть возможность сказать впослѣдствіи свое знамени-

тое изрѣченіе: „Съ соціализмомъ покончено надолго“. Позже онъ увѣрялъ, что солдатъ нельзя было сдержать—совершенно непріемлемое извиненіе, такъ какъ самая ужасная рѣзня имѣла мѣсто уже послѣ сраженія [1]).

Въ воскресенье, 28-го, по окончаніи битвы, въ окрестностяхъ Перъ-Лашеза подобрали нѣсколько тысячъ человѣкъ и отвели ихъ въ тюрьму Рокеттъ. У входа стоялъ командиръ батальона, онъ разглядывалъ плѣнниковъ и говорилъ кому вздумается: „Направо!“ или „Налѣво!“ Налѣво ставили тѣхъ, кого предназначали для разстрѣла. Имъ выворачивали карманы, затѣмъ ставили ихъ къ стѣнѣ и убивали. Напротивъ стѣны два священника бормотали отходные молитвы.

Отъ воскресенья до понедѣльника утромъ только въ одной Рокеттъ зарѣзали тысячу девятьсотъ человѣкъ, кровь ручьями лилась по канавамъ тюрьмы. Въ Мазасѣ, въ Военной школѣ, въ паркѣ Монсо произошли такія же избіенія.

Быть можетъ, еще ужаснѣе были превотальные суды, гдѣ дѣлали видъ, будто судятъ. Они не явились случайностью, результатомъ предшествующихъ ужасовъ битвы. Гораздо раньше вступленія въ Парижъ, въ Версалѣ уже было опредѣлено ихъ число, мѣсто засѣданій, границы ихъ полномочій, юрисдикція. Одинъ изъ наиболѣе замѣчательныхъ судовъ засѣдалъ въ Шателе. Предсѣдательствовалъ полковникъ національной гвардіи Луи Вабръ, одинъ изъ участниковъ 31-го октября и 18-го марта. Это было толстое животное съ фигурой сенъ-гардиста [2]). Въ исторіи сохранились протоколы убійствъ Аббэ; въ то

---

[1]) Въ воскресенье утромъ мы увидѣли, какъ къ одному виноторговцу съ площади Вольтера вошла группа совсѣмъ молодыхъ солдатъ-моряковъ выпуска 1871 г. „Что, много убитыхъ?“—спросили мы ихъ.—„Намъ отданъ приказъ не брать въ плѣнъ, такъ велѣлъ генералъ (они не могли назвать намъ имя этого генерала). Если бы они не занимались поджогами, съ ними бы такъ не поступили, но такъ какъ они поджигали, то ихъ нужно убивать“ (Буквально). Затѣмъ одинъ изъ нихъ сказалъ товарищу: „Сегодня утромъ (онъ указалъ на баррикаду у мэріи) приходитъ одинъ блузникъ. „Вы не станете же разстрѣливать меня“—сказалъ онъ.—Ахъ! Нѣтъ! Зачѣмъ же“. Мы дали ему пройти и пафъ... пафъ... онъ задрыгалъ ногами“.

[2]) „Cent-Garde“—почетная императорская стража.

(Прим. пер.)

время плѣнники, даже очень извѣстные, могли все же защищаться. Парижане 1871 г. не имѣли даже суда Мальяра. Тысячи плѣнниковъ, приведенныхъ въ театръ Шателе, помѣщали сначала въ залѣ, подъ охраной солдатъ. Затѣмъ ихъ толкали изъ корридора въ корридоръ, какъ стадо овецъ все ближе къ фойе, гдѣ возсѣдалъ Вабръ, окруженный офицерами арміи и національной гвардіи партіи „порядка“ съ саблями между ногъ и съ папиросами въ зубахъ. Допросъ продолжался по четверти минуты. „Вы имѣли оружіе? Вы служили коммунѣ? Покажите руки!“ Кто держался рѣшительно, или у кого была неблагодарная внѣшность, тотъ былъ обреченъ. Не спрашивали ни его имени, ни профессіи, его не отмѣчали ни въ какой вѣдомости. „Теперь вы“,—обращались сейчасъ же къ его сосѣду и такъ далѣе до конца ряда. Тѣхъ, кого спасалъ какой-нибудь капризъ, называли „обыкновенными“ и сохраняли ихъ для Версаля. Ни одного не освободили. „Обреченныхъ“ передавали тотчасъ въ руки палачей, которые отводили ихъ въ казарму Лобо. Не успѣвала захлопнуться за ними дверь, какъ жандармы открывали огонь по своимъ жертвамъ, не устанавливая ихъ даже въ ряды. Нѣкоторые, неудачно раненые, бѣгали вдоль стѣнъ. Жандармы гнались за ними, какъ за дичью, стрѣляли въ нихъ до ихъ послѣдняго издыханія. Во время одной такой бойни погибъ Эдуардъ Моро. Арестованный на улицѣ Риволи, онъ былъ отправленъ въ Шателе. Его жена провожала его до дверей казармы Лобо и слышала залпъ шаспо, убивавшихъ ея мужа.

Въ Люксембургѣ жертвъ превотальныхъ судовъ бросали сначала въ какой-то подвалъ, имѣвшій форму длинной кишки, куда воздухъ проникалъ только черезъ узкое отверстіе. Офицеры засѣдали въ залѣ партера, наполненной „брассардье“, полицейскими агентами, привилегированными буржуа, ищущими сильныхъ ощущеній. Какъ и въ Шателе никакого допроса, никакой защиты. Послѣ этой процедуры плѣнниковъ снова приводили въ погребъ или же отводили въ садъ, тамъ противъ терассы ихъ разстрѣливали. По стѣнамъ виднѣлся мозгъ убитыхъ и солдаты ступали по лужамъ крови.

Такимъ же образомъ совершались превотальныя убійства въ Политехнической школѣ, въ казармѣ Дюплеи, на Сѣверномъ и Восточномъ вокзалахъ, въ Ботаническомъ саду, во многихъ казармахъ; суды какъ бы соперничали съ молчаливыми бойнями. Жертвы умирали

просто, безъ фанфаронства. Многіе складывали руки на груди и нѣкоторые сами отдавали команду. Женщины и дѣти бѣгали за мужьями и отцами и кричали: „Разстрѣляйте и насъ вмѣстѣ съ ними!“ Встрѣчались женщины, которыя въ сраженіи не участвовали, но, обезумѣвшіе отъ этихъ звѣрствъ, онѣ теперь стрѣляли въ офицеровъ, потомъ бросались къ стѣнѣ, ожидая смерти.

Для офицеровъ, большая часть которыхъ были бонапартистами, республиканцы являлись излюбленными жертвами. Генералъ де Лакретель приказалъ разстрѣлять Чернуски, который пожертвовалъ двѣсти тысячъ франковъ на антиплебисцитарную кампанію. Такимъ же образомъ приговорили къ смерти доктора Тони Муалена, оратора публичныхъ собраній, не его лично—какъ говорили они—такъ какъ онъ не совершилъ никакого поступка, которымъ бы заслужилъ это, но его, какъ республиканца, какъ „одного изъ тѣхъ людей, отъ которыхъ надо отдѣлаться“. Республиканцы лѣвой—даже тѣ изъ нихъ, которые совершенно явно показали свою вражду къ коммунѣ—не осмѣливались заглянуть въ Парижъ, опасаясь, что и ихъ также присоединятъ къ толпѣ избиваемыхъ.

Но не всѣмъ удалось попасть на превотальные суды и лобныя мѣста. Многихъ убили во дворахъ домовъ, передъ дверьми ихъ дома, гдѣ попало—такъ напр., доктора Напіа-Пике застрѣлили на улицѣ Риволи, и его трупъ провалялся здѣсь цѣлый день, при чемъ солдаты не преминули украсть у него сапоги; такъ же убили президента клуба Сенъ-Сюльписъ, котораго вывели на улицу въ одномъ халатѣ. Дѣйствуя безъ опредѣленныхъ предписаній, не имѣя точныхъ данныхъ, армія убивала направо и налѣво, руководствуясь исключительно ненавистью „брассардье“, доносами, или указаніями чиновниковъ, которые желали загладить какія-либо проступки.

Разстрѣливался всякій, кого кто-либо изъ знакомыхъ окликалъ на улицѣ именемъ, однозвучнымъ съ именемъ того или другого революціонера. Въ Гренелль застрѣлили какого-то мнимаго Бильорэ, несмотря на его отчаянные протесты; на Вандомской площади какого-то Брюнеля въ квартирѣ г-жи Фульдъ. „Голуа“ опубликовалъ отчетъ одного военнаго хирурга, который зналъ Валлеса и присутствовалъ при его казни. Находились свидѣтели-очевидцы, которые утверждали, что они видѣли, какъ разстрѣливали въ четвергъ у

Банковой улицѣ Лефрансэ. Настоящаго Бильорэ судили въ августѣ. Валлесъ, Брюнель и Лефрансэ бѣжали за границу. Такимъ образомъ чиновниковъ коммуны разстрѣливали часто по нѣскольку разъ въ лицѣ людей, почему-либо принятыхъ за нихъ.

Къ несчастью, Варлену не суждено было спастись. Въ воскресенье, 28-го, онъ былъ узнанъ на площади Каде однимъ священникомъ, который сейчасъ же побѣжалъ за офицеромъ. На Варлена набросился лейтенантъ Сикръ, связалъ ему руки на спинѣ и повелъ его къ холмамъ, гдѣ находился генералъ Лавокупѐ. Цѣлый часъ тащили по крутымъ улицамъ Монмартра того самаго Варлена, который рисковалъ своей жизнью, чтобы спасти заложниковъ на улицѣ Аксо. Подъ градомъ ударовъ его юная голова мыслителя, въ которой никогда не было иныхъ идей, кромѣ идей братства, превратилась въ какое-то рубленое мясо; глазъ вылѣзъ изъ орбитъ. Когда его довели до улицы Розье, до главнаго штаба, онъ болѣе не могъ идти; его несли. Его посадили, чтобы разстрѣлять. Солдаты изуродовали его трупъ штыками. Сикръ укралъ у него часы и сдѣлалъ себѣ изъ нихъ украшеніе.

На „Горѣ мучениковъ“ не было болѣе славнаго мученика. Да будетъ память о немъ навѣки погребена въ великодушномъ сердцѣ рабочаго класса! Вся жизнь Варлена можетъ служить образцомъ. Онъ всего добился самъ, благодаря упорству воли, посвящая умственнымъ занятіямъ тѣ короткіе вечерніе часы, которые оставались послѣ мастерской, учась не для того, чтобы добиться почестей подобно Корбонамъ и Толэнамъ, но чтобы просвѣщать и освобождать народъ.

Онъ былъ душой рабочихъ ассоціацій конца имперіи. Неутомимый, скромный, онъ говорилъ очень мало и всегда лишь въ нужный моментъ, выясняя однимъ какимъ-нибудь словомъ запутанный споръ. Въ немъ сохранился революціонный духъ, который такъ часто притупляется у интеллигентныхъ рабочихъ. Одинъ изъ первыхъ 18-го марта, всегда за работой во время коммуны, онъ до послѣдней минуты оставался на баррикадахъ. Этотъ мертвецъ принадлежитъ всецѣло рабочимъ.

Версальскіе журналисты оплевывали его трупъ, разсказывали, будто на немъ нашли сотни тысячъ франковъ, несмотря на то, что

въ офиціальномъ рапортѣ значилось: „портмонэ, содержавшее 284 фр. 15 с.“. Вернувшись въ Парижъ въ хвостѣ арміи, эти газетчики слѣдовали за ней, какъ шакалы, и, какъ свиньи, рылись въ трупахъ. Забывая, что въ гражданскихъ войнахъ всѣ перебитые враги снова воскресаютъ, всѣ эти Сарсе писали только на одну тему: Убій! Они публиковали имена, мѣста, гдѣ скрывались тѣ, кто подлежалъ разстрѣлу, проявляли неистощимую изобрѣтательность, чтобы подогрѣвать злобу буржуазіи. Послѣ каждаго разстрѣла они кричали: „Еще! На коммунаровъ надо охотиться, какъ на звѣрей“. (*„Общественное Благо“*).—„Эти люди, которые убивали и воровали изъ любви къ искусству, наконецъ они, въ нашихъ рукахъ, неужели мы отвѣтимъ имъ: Милосердіе! Эти отвратительныя женщины, которыя ножами разсѣкали грудь у офицеровъ, онѣ теперь въ нашихъ рукахъ,—неужели мы имъ скажемъ: Милосердіе!“ (*„Отечество“*).—„Что такое республиканецъ? Дикое животное... впередъ же, честные люди! Смѣлѣе, еще одно послѣднее нападеніе, чтобы разъ навсегда покончить съ демократической и интернаціональной сволочью“ (*„Фигаро“*). „Окончилось господство злодѣевъ. Навѣки останется неизвѣстнымъ, какими утонченными жестокостями и звѣрствами заключили они свою преступную и варварскую оргію... Два мѣсяца грабежа, хищеній, убійствъ и поджоговъ“ (*„Народное Мнѣніе“*).—„Ни одного изъ злоумышленниковъ, въ рукахъ которыхъ находился Парижъ въ продолженіе двухъ мѣсяцевъ, нельзя считать политическимъ преступникомъ; съ ними поступятъ какъ съ разбойниками, какими они и были въ дѣйствительности, какъ съ самыми ужасными чудовищами, которыхъ когда-либо видѣла исторія человѣчества. Многія газеты совѣтуютъ возстановить эшафотъ, который былъ уничтоженъ ими, чтобы не сдѣлать имъ чести разстрѣлять ихъ“ (*„Всеобщій Вѣстникъ“*).—Одинъ англійскій медицинскій журналъ потребовалъ 27-го мая, чтобы плѣнниковъ предоставили для вивисекціи.

Чтобы воодушевить солдатъ, пресса, когда это нужно было, вѣнчала ихъ лаврами. „Какъ восхитительно держались наши офицеры и солдаты“,—писалъ *„Фигаро“*.—„Только французскій солдатъ умѣетъ такъ скоро и такъ хорошо оправляться“.—„Какая слава!“—восклицалъ *„Journal des Débats“*:—„наша армія отомстила за свои неудачи неоцѣнимой побѣдой“.

Такъ расплачивалась армія съ Парижемъ за свои неудачи. Парижъ былъ такимъ же врагомъ, какъ Пруссія, и щадить его не слѣдовало, такъ какъ армія должна была снова завоевать свой престижъ. Въ довершеніе сходства съ побѣдой, послѣ нея устроили торжество. Римляне никогда не дѣлали этого послѣ гражданскихъ войнъ. Г-нъ Тьеръ устроилъ парадъ на глазахъ у пруссаковъ, которымъ онъ, въ видѣ реванша, бросалъ трупы парижанъ.

Можно ли удивляться, что при такихъ начальникахъ злоба солдатъ дошла до такого опьяненія, что даже видъ мертвецовъ возбуждалъ ихъ. Въ воскресенье, 28-го, у стѣнъ мэріи XI округа, гдѣ лежали трупы, мы замѣтили одного моряка, который наматывалъ на штыкъ кишки, выпавшія изъ живота у одной женщины; солдаты забавлялись тѣмъ, что прикрѣпляли на груди у федералистовъ такого рода надписи: убійца, воръ, пьяница и клали имъ въ ротъ горлышки бутылокъ.

Какъ объяснить эти утонченныя звѣрства? По офиціальному отчету Макъ-Магона, убитыхъ версальцевъ значится 877 человѣкъ, съ 3-го апрѣля до 28-го мая. Значитъ нельзя, объяснить версальскія неистовства правомъ возмездія. Когда горсть раздраженныхъ людей, мстя за убійства тысячи своихъ братьевъ, застрѣливаетъ шестьдесятъ трехъ заложниковъ [1]) изъ почти трехсотъ, которые находятся въ ихъ рукахъ,—реакція въ ужасѣ протестуетъ во имя справедливости. Но что сказать о справедливости тѣхъ, которые систематически, не тревожась за исходъ борьбы и, главное, уже оконченной борьбы, разстрѣливаютъ двадцать тысячъ человѣкъ, на три четверти вовсе не участвовавшихъ въ сраженіи. И все же солдаты обнаруживали хоть проблески гуманности: съ опущенными головами возвращались они съ мѣста казней. Но бонапартисты-офицеры были неумолимы въ своей жестокости. Уже послѣ воскресенья они сами избивали плѣнниковъ. Мужество жертвъ они называли „дерзостью, желаньемъ лучше умереть, нежели жить работая“. Ненасытной жестокостью отличался Прюдомъ.

„Земля усѣяна ихъ трупами,“—телеграфировалъ г. Тьеръ своимъ

---

[1]) Четырехъ—въ Сенъ-Пелажи, шесть—въ Ла-Роккетъ, сорокъ восемь—на улицѣ Аксо, четырехъ—въ окрестностяхъ Малой Роккетъ.

фектамъ:—„это ужасное зрѣлище да послужитъ урокомъ“. Но все же нужно было положить конецъ и этому наглядному обученію. Дѣло шло не о состраданіи, а объ опасности зараженія. Миріады зачумленныхъ мухъ кружились надъ разлагающимися трупами. Улицы покрывались птичьими трупами. „*Свободная Будущность*“, восхваляя прокламаціи Макъ-Магона, примѣняла къ нему слова Флешіе: „Онъ скрывается, но его слава его обнаруживаетъ“. Даже Сена свидѣтельствовала о славѣ Тюренна 1871 г.: длинная кровавая полоса окрасила ея теченіе подъ второй аркой Тюильрійскаго моста. Мертвецы мстили теперь за кровавую недѣлю, заражая воздухъ въ скверахъ, на пустыхъ площадяхъ, въ строющихся домахъ, которые служили свалочнымъ мѣстомъ для боенъ и превотальныхъ судовъ. „Кто, если онъ хоть однажды въ теченіе нѣсколькихъ минутъ побывалъ въ скверѣ, или, вѣрнѣе, въ кладовой человѣческаго мяса Сенъ-Жакъ, въ состояніи когда-либо забыть объ этомъ зрѣлищѣ! Изъ свѣже взрытой заступами земли тамъ и сямъ торчали головы, руки, ноги. Трупы лежали прямо на поверхности земли—это было отвратительно. Омерзительный, невыносимый запахъ шелъ изъ сада. Мѣстами, подымалось настоящее зловоніе“ [1]). Въ паркѣ Монсо, передъ домомъ инвалидовъ, трупы отъ дождя и солнца разложились и снова выступили изъ-подъ своего тонкаго земляного савана. Еще очень много оставалось ихъ незарытыми, только посыпанными хлорной известью; въ Сентъ-Антуанскомъ предмѣстьѣ они валялись кучами, „какъ нечистоты“,—писала одна газета партіи „порядка“. Въ Политехнической школѣ они занимали пространство въ сто метровъ длины и три метра высоты; въ Пасси, который вовсе не былъ центральнымъ пунктомъ казней, вблизи Трокадеро, лежало тысяча сто труповъ. Изъ прудовъ на Шомонскихъ холмахъ вытащили брошенные туда триста труповъ, и они лежали распухшіе, и отъ нихъ подымалось смертоносное испареніе. Слава Макъ-Магона начинала становиться слишкомъ ужъ громкой. Газеты испугались: „Эти презрѣнные, причинившіе намъ столько зла во время ихъ жизни, не должны вредить намъ еще послѣ смерти... Довольно!“

„Не будемъ больше убивать“,—заявила 2-го іюня „*Газета Па-*

---

[1]) Изъ газеты „*Temps*“.

рижа“,—„даже убійцъ, даже поджигателей! Не будемъ больше убивать! Мы не помилованія ихъ требуемъ, а отсрочки“.

„Довольно казней, довольно крови, довольно жертвъ!“,—писали въ „*Насіональ*“ и „*Народномъ Мнѣніи*“. „Общество требуетъ *серьезнаго разслѣдованія* дѣла обвиняемыхъ. *Хотятъ, чтобы умирали только дѣйствительно виновные*“.

Казни были пріостановлены, и началась уборка. Трупы нагружали во всевозможныя кареты, на повозки для мебели, въ шарабаны, омнибусы. Со времени большихъ чумныхъ эпидемій не видывали подобныхъ возовъ человѣческаго мяса. По страшнымъ судорогамъ, которыми сведены были тѣла многихъ, легко было узнать, что они были заживо похоронены и боролись съ землей. Трупы такъ разложились, что ихъ пришлось съ возможно большей скоростью привезти въ закрытыхъ вагонахъ къ известковымъ ямамъ.

Парижскія кладбища вмѣстили столько, сколько возможно. Безчисленныя жертвы наполнили громадныя могилы Перъ-Лашеза, Монмартрскаго и Монпарнасскаго кладбищъ, куда каждый годъ народъ отправляется почтить память павшихъ. Ихъ положили рядомъ, другъ возлѣ друга, безъ савана. Другихъ отвезли въ Шаронну, Баньоле, Бисетръ, Берси; тамъ использовали для погребенія вырытыя во время осады траншеи и даже колодцы. „Тамъ нечего бояться трупнаго зараженія“,—писала „*Свобода*“ Жирардена.—„Нечистая кровь удобритъ борозды пахаря [1]). Мертвый главнокомандующій бунтовщиковъ можетъ дѣлать каждую полночь смотръ своимъ солдатамъ; его паролемъ будетъ: *жечь и убивать*“. На краю траншей и рвовъ стояли женщины, онѣ пытались узнать среди труповъ своего покойника. Полиція подстерегала моментъ, когда страданіе выдастъ ихъ, для того, чтобы арестовать этихъ „самокъ бунтовщиковъ“. Около ямъ долго раздавался вой вѣрныхъ собакъ; эти животныя на этотъ разъ показали, насколько они стоятъ выше людей.

Наконецъ, при всемъ желаніи, невозможно было похоронить всю эту армію мертвецовъ, и тогда рѣшили истребить ихъ. Казематы были набиты трупами, туда ввели воспламеняющіеся газы и наскоро

---

[1]) Слова „*Марсельезы*“: Пусть ихъ нечистая кровь удобритъ наши борозды!“—„*Марсельеза*“ имѣетъ въ виду, конечно, не пролетарскую кровь, а кровь измѣнниковъ-дворянъ. *(Прим. перев.)*.

устроили крематорій, но въ этихъ печахъ изъ труповъ образовалось какое-то варево. На Шомонскихъ холмахъ соорудили громадный костеръ, облили его керосиномъ, и въ продолженіе нѣсколькихъ дней послѣ этого стлался густой, удушливый до тошноты дымъ.

До первыхъ дней іюня длились массовыя убійства, а казни до середины мѣсяца. Еще долго спустя въ Булонскомъ лѣсу разыгрывались таинственныя драмы. Точное число жертвъ кровавой недѣли навсегда останется неизвѣстнымъ. Глава военной юстиціи показалъ семнадцать тысячъ разстрѣлянныхъ. Парижскій городской совѣтъ уплатилъ за погребеніе семнадцати тысячъ труповъ; но многихъ убили или сожгли внѣ Парижа; не будетъ преувеличеніемъ сказать, что дѣйствительное число было двадцать тысячъ.

Конечно на многихъ сраженіяхъ было больше убитыхъ. Но тѣ борцы пали, по крайней мѣрѣ, въ пылу битвы. Въ XIX вѣкѣ еще не видано было подобнаго избіенія *послѣ* сраженія. Въ исторіи нашихъ гражданскихъ войнъ мы не встрѣчаемъ ничего подобнаго. Въ майской рѣзнѣ Варѳоломеевская ночь, іюнь 48-го года, 2-ое декабря составили бы только отдѣльные эпизоды. Только одни азіатскія гекатомбы могутъ дать понятіе объ этой бойнѣ пролетаріата.

Такова была репрессія „на основаніи законовъ, путемъ законовъ“.

Всѣ общественные слои аплодировали г. Тьеру, задавшемуся цѣлью возстановить весь міръ противъ народа, который послѣ двухъ мѣсяцевъ неограниченнаго господства и истребленія тысячи своихъ членовъ принесъ въ жертву 63-хъ заложниковъ. 28-го мая священники—эти великіе освятители убійствъ—отслужили передъ всѣмъ національнымъ собраніемъ торжественное молебствіе. За пять дней до того епископы, во главѣ съ кардиналомъ де-Боннешозъ, потребовали у г. Тьера возстановленія Папской области. Намѣстникъ Христа, властелинъ побѣды, выступалъ впередъ: онъ стеръ корабль надежды съ гордаго щита Парижа и на его мѣстѣ водрузилъ кровавое св. Сердце.

ГЛАВА XXXII.

„Дѣло справедливости, гуманности, порядка и цивилизаціи восторжествовало“.

(Тьеръ. Рѣчь въ національномъ собраніи 22-го мая 1871 г.).

Партіи плѣнныхъ.—Оранжерея.—Сатори.—Доносчики.—Пресса.—Крайняя лѣвая проклинаетъ побѣжденныхъ—Демонстраціи за границей.

Въ эти дни торжества грубой силы и возмутительнаго поруганія цивилизаціи передъ нами какъ бы воскресаютъ времена Вителлія И теперь, въ XIX вѣкѣ, снова та же жестокость въ избіеніи плѣнниковъ, женщинъ и дѣтей; тѣ же брассардье въ свитѣ побѣдителей. Разница только одна—Вителлій, по крайней мѣрѣ, не говорилъ о цивилизаціи.

Счастливы мертвые, ибо имъ не пришлось всходить на Голгоѳу плѣнниковъ.

Если разстрѣлы имѣли массовый характеръ, то можно представить себѣ, какъ производились аресты. Это были какіе-то дикіе набѣги на женщинъ, дѣтей, парижанъ, провинціаловъ, на людей совершенно непричастныхъ, безъ всякаго разбора, безъ различія пола и возраста, на людей всевозможныхъ партій и общественныхъ положеній. Забирали, напримѣръ, всѣхъ жильцовъ какого-нибудь дома, иногда всѣхъ жителей цѣлаго квартала. Страхъ закрылъ всѣ двери; гостепріимство исчезло. Арестовывали исключительно по подозрѣнію: достаточно было какого-нибудь неосторожнаго слова или жеста, чтобы быть схваченнымъ солдатами. Съ 21-го до 30-го мая они арестовали такимъ образомъ сорокъ тысячъ человѣкъ.

Плѣнниковъ отправляли въ Версаль длинными вереницами. Иногда они шли свободно, иногда же, какъ и въ іюнѣ 48-го года, ихъ связывали веревками въ одну сплошную массу. Того, кто отказывался идти, подгоняли штыками, а если онъ продолжалъ сопротивляться, разстрѣливали на мѣстѣ или привязывали къ лошадиному хвосту. Въ богатыхъ кварталахъ плѣнныхъ заставляли становиться на колѣни передъ церквами и обнажать головы, а свора лакеевъ, хлыщей и проститутокъ окружала ихъ съ крикомъ: „Смерть имъ! смерть! Не ведите ихъ дальше! Разстрѣляйте ихъ здѣсь!“ На Елисейскихъ Поляхъ эта толпа попыталась остановить плѣнниковъ, ей захотѣлось отвѣдать крови.

Въ Ла-Мюэттъ ихъ ожидалъ Галлифе! Тамъ онъ взималъ свою десятину. Онъ обходилъ ряды съ выраженіемъ голоднаго волка. „У васъ интеллигентное лицо“,—говорилъ онъ „одному,—выходите изъ ряда“. „У васъ часы“,—говорилъ онъ другому,—„вы, должно быть, были чиновникомъ коммуны“, и онъ отводилъ его въ сторону. Одна изъ этихъ процессій описана корреспондентомъ „*Daily News*“, который попался во время одного изъ набѣговъ и вынужденъ былъ слѣдовать за колонной до Ла-Мюэттъ.

„На авеню Уришъ колонна сдѣлала привалъ и плѣнныхъ расположили на шоссе въ четыре или пять рядовъ. Генералъ маркизъ де Галлифе, сопровождавшій насъ со своимъ главнымъ штабомъ сошелъ съ лошади и началъ свой обзоръ съ лѣвой стороны, возлѣ того мѣста, гдѣ находился я... Онъ шелъ медленнымъ шагомъ, обозрѣвая ряды, какъ на смотру; иногда онъ останавливался, ударялъ кого-нибудь изъ плѣнниковъ по плечу или приказывалъ ему пройти назадъ. Выдѣленнаго такимъ образомъ изъ рядовъ часто затѣмъ безъ всякаго допроса отводили на середину дороги. Такимъ образомъ тамъ образовалась еще одна, новая колонна. Они прекрасно понимали, что пришелъ ихъ послѣдній часъ, и ихъ поведеніе возбуждало во мнѣ интересъ, смѣшанный съ ужасомъ. Я видѣлъ, какъ одинъ раненый, въ смоченной кровью рубахѣ, усѣлся на краю дороги, рыча отъ боли... другіе молча плакали... Два солдата—мнимые дезертиры—умоляли своихъ товарищей по несчастью сказать, видѣли ли тѣ ихъ когда-либо въ своихъ рядахъ... У многихъ на лицѣ блуждала вызывающая усмѣшка... Какой ужасъ видѣть, какъ вы-

рываютъ, такимъ образомъ, человѣка изъ среды другихъ людей и убиваютъ безъ всякаго суда!—Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ меня одинъ офицеръ на конѣ указалъ маркизу де Галлифе на какую-то пару, очевидно обвиняя ее въ какомъ-то оскорбленіи. Женщина выступила изъ рядовъ, бросилась на колѣни и, простирая впередъ руки, умоляла генерала о пощадѣ, увѣряя его въ самыхъ трогательныхъ выраженіяхъ, что она невиновна. Генералъ разглядывалъ ее въ теченіе нѣсколькихъ минутъ, затѣмъ съ полнѣйшимъ равнодушіемъ сказалъ: „Сударыня, я перебывалъ уже во всѣхъ театрахъ Парижа, право не стоитъ ломать комедію“. Я слѣдовалъ за генераломъ все еще въ качествѣ плѣннаго, въ сопровожденіи двухъ егерей на лошадяхъ; я старался выяснить себѣ, что руководитъ имъ при выборѣ. Тогда я замѣтилъ, что дурно быть значительно выше, или ниже, или грязнѣе, или опрятнѣе, или старше, или некрасивѣе, чѣмъ твой сосѣдъ. Одинъ субъектъ обязанъ былъ именно своему носу тѣмъ, что его освободили отъ мукъ этого міра... Когда генералъ отобралъ такимъ образомъ до сотни плѣнниковъ, былъ сформированъ экзекуціонный отрядъ, и колонна двинулась снова въ путь. Черезъ нѣсколько минутъ мы услышали позади насъ выстрѣлы, которые раздавались въ теченіе четверти часа приблизительно. Это была короткая расправа съ тѣми несчастными“ [1]).

Въ воскресенье, 27-го, Галлифе сказалъ: „Пусть выйдутъ изъ рядовъ тѣ, у кого сѣдые волосы!“ Сто одиннадцать плѣнниковъ вышли впередъ. „Вы“,—продолжалъ Галлифе,—„вы пережили іюнь 1848 г., вы болѣе виновны, чѣмъ другіе“, и онъ приказалъ бросить ихъ труппы въ крѣпостные рвы. Послѣ этой чистки, плѣнниковъ отправили дальше по Версальской дорогѣ, стиснувъ ихъ между двумя рядами кавалеріи. Можно было подумать, что происходитъ завоеваніе какого-нибудь города татарскими ордами. Двѣнадцати-шестнадцатилѣтніе подростки, сѣдобородые старцы, солдаты въ вывернутыхъ шинеляхъ, элегантные господа и рабочіе въ блузахъ, люди всевозможныхъ положеній—всѣ смѣшались какъ бы въ одномъ водоворотѣ. Много было и женщинъ, на нѣкоторыхъ изъ нихъ ручные кандалы; вотъ идетъ одна съ грудянымъ младенцемъ на рукахъ, онъ крѣпко при-

---

[1]) „*Daily News*“, 8-го іюня 1871 г.; „*The Times*“, 31-го мая 1871 г.

жимается къ шеѣ матери своими маленькими ручонками... вотъ другая со сломанной рукой... вотъ третья... вся окровавленная... одна изъ плѣнницъ, изнемогая отъ усталости, судорожно уцѣпилась за руку своего болѣе сильнаго сосѣда; а есть и такія, которыя, презирая усталость и оскорбленія, идутъ впередъ величественныя, какъ статуи,—это все тѣ же женщины изъ народа, которыя носили хлѣбъ въ траншеи и утѣшали умирающихъ, а теперь, потерявъ послѣднюю надежду, ужаснувшись при мысли, что ихъ потомство будетъ такъ же несчастно, какъ онѣ,—пошли навстрѣчу освободительницѣ—смерти.

Ихъ мужество, которымъ восхищались иностранцы [1]), еще болѣе разжигало жестокость версальцевъ. „Когда передъ вашими глазами проходятъ партіи инсургентокъ-женщинъ“,—пишетъ „*Фигаро*“,—„то сердце ваше невольно наполняется жалостью. Но утѣшьтесь! Вѣдь большинство этихъ дамъ были обитательницами домовъ терпимости, которые были снова возстановлены въ нашей столицѣ коммунарами, заботившимися объ ихъ процвѣтаніи“.

Задыхаясь отъ усталости, забрызганныя грязью, съ непокрытыми головами подъ палящимъ солнцемъ, совершенно обезсилѣвшія отъ голода и жажды, цѣлыми часами тащились партіи по раскаленной пыльной дорогѣ, преслѣдуемыя криками и пинками конныхъ егерей. Даже пруссаки не обращались такъ жестоко съ этими озвѣрѣвшими солдатами, когда нѣсколько мѣсяцевъ передъ тѣмъ уводили ихъ, въ качествѣ своихъ плѣнниковъ, изъ Седана или Метца. Плѣнныхъ, падавшихъ отъ изнеможенія, приканчивали револьверными выстрѣлами, лишь рѣдко снисходили до того, чтобы посадить ихъ на слѣдовавшія за этапомъ двуколки.

При входѣ въ Версаль ихъ ожидала толпа,—это были все тѣ же сливки французскаго общества—депутаты, сановники, священники,

---

[1]) „Я замѣтилъ“,—пишетъ „*Times*“ отъ 29-го мая,—„молодую дѣвушку въ костюмѣ національнаго гвардейца. Съ высоко поднятой головой шествовала она среди плѣнниковъ, которые шли съ опущенными глазами. Казалось, эта высокая женщина, съ длинными развѣвающимися волосами, бросаетъ вызывающіе взгляды всему міру. Толпа осыпала ее насмѣшками, но она даже ни разу не повела бровью, и мужчины смущались при видѣ такого героизма“.

дамы высшаго свѣта и дамы полусвѣта. Всѣ жестокости, которыми проявили себя версальцы 4-го апрѣля, теперь еще усилились; ихъ злоба возросла, какъ море растетъ въ часы прилива... Улицы Парижская и Сенъ-Клу были запружены этими Карибами, которые съ криками окружали партіи арестованныхъ, осыпали ихъ ударами, бросали въ нихъ грязью и битыми бутылками. Газета „*Вѣкъ*“ пишетъ 30-го мая, что она „видѣла женщинъ, не публичныхъ женщинъ, а свѣтскихъ дамъ, которыя оскорбляли проходящихъ плѣнниковъ и даже били ихъ зонтиками“. Нѣкоторыя изъ нихъ своими ручками въ перчаткахъ подымали съ дороги мусоръ и бросали имъ въ лицо плѣннымъ. Горе тому, у кого вырывалось слово состраданія! Его тотчасъ же толкали въ партію плѣнныхъ, и хорошо, если дѣло ограничивалось только тѣмъ, что его отводили на гауптвахту, какъ это сдѣлали съ Ратисбонномъ за то, что онъ написалъ въ „*Dèbats*“: „какая неоцѣнимая побѣда!“—Какое ужасающее одичаніе нравовъ, еще болѣе отталкивающее по своему контрасту съ элегантной внѣшностью этихъ людей! Прусскіе офицеры нарочно прибыли изъ Сенъ-Дени, чтобы еще разъ полюбоваться, каковы тѣ правящіе классы, съ которыми имъ пришлось имѣть дѣло.

Первыя партіи плѣнныхъ провели ради зрѣлища по улицамъ Версаля. Другія—оставили стоять цѣлые часы на знойной Оружейной площади въ двухъ шагахъ отъ большихъ деревьевъ: имъ пожалѣли подарить тѣнь этихъ деревьевъ. Несчастные такъ изнемогли отъ оскорбленій, которымъ ихъ подвергали, что они мечтали объ отдыхѣ даже въ тюрьмѣ.

Всего было четыре тюрьмы: подвалы Большихъ Конюшенъ. Оранжерея дворца, доки на Сатори, манежи Сенъ-Сирской школы Плѣнниковъ пихнули въ эти сырые вонючіе подвалы, куда свѣтъ и воздухъ проникали лишь черезъ нѣсколько узкихъ отверстій, и тамъ они оставались первые нѣсколько дней даже безъ соломы. Когда они получили ее, она очень скоро превратилась въ навозъ. Нѣтъ воды, чтобы умыться, нѣтъ никакой возможности перемѣнить свои отрепья. Дважды въ день въ корытѣ подается какая-то желтоватая похлебка — настоящее мѣсиво. Жандармы торгуютъ табакомъ по невѣроятной цѣнѣ и потомъ конфискуютъ его, чтобы снова продать. Врача нѣтъ. Раненые заболѣли гангреной; среди плѣнныхъ начались

воспаленія глазъ. Бредъ не прекращался. Ночью пронзительные вопли и жалобы смѣшивались съ дикимъ воемъ помѣшанныхъ. И все это происходило на глазахъ у жандармовъ съ заряженными ружьями, болѣе жестокихъ, чѣмъ когда-либо; они говорили, что никогда еще не видали такихъ разбойниковъ, какъ эти парижане.

Но и въ этомъ застѣнкѣ былъ еще худшій застѣнокъ—„львиная яма“—дыра совершенно безъ воздуха, черное преддверіе могилы. Она помѣщалась подъ парадной розовой лѣстницей террассы. Туда бросали всякаго, кто казался опаснымъ или просто не нравился бригадиру. При малѣйшемъ шумѣ комендантъ приказывалъ колотить арестантовъ или самъ колотилъ ихъ. Даже самые сильные не въ состояніи были выдержать здѣсь больше, чѣмъ нѣсколько дней. При выходѣ они спотыкались, ослѣпленные дневнымъ свѣтомъ, ощущая въ головѣ какую-то странную пустоту. Какое счастье, если заключеннымъ удавалось иногда обмѣняться взглядомъ со своими женами, которыя тѣснились у рѣшетокъ Оранжереи, стараясь каждая найти кого-нибудь изъ своихъ близкихъ въ этой едва различаемой толпѣ людей. Онѣ умоляли жандармовъ, которые отталкивали ихъ, осыпая ругательствами.

Но настоящимъ адомъ былъ докъ на площадкѣ Сатори. Это былъ обширный параллелограммъ, обнесенный стѣнами, и его глинистая почва размякала во время малѣйшаго дождя. Всѣ постройки очень быстро наполнились прибывшими раньше,—онѣ вмѣщали не болѣе тысячи трехсотъ человѣкъ; остальныхъ оставили снаружи.

Въ четвергъ, вечеромъ, въ восемь часовъ, къ доку подошла новая партія, состоявшая почти исключительно изъ женщинъ: „Многія изъ насъ“,—такъ разсказывала мнѣ одна изъ нихъ, жена одного командира легіона,—„отстали по дорогѣ; съ утра мы ничего не ѣли. Было еще свѣтло. Мы увидѣли громадную толпу плѣнныхъ. Женщины помѣщались особо, въ баракѣ у входа. Мы пошли присоединиться къ нимъ. „Намъ сказали, что тамъ есть лужа. Умирая отъ жажды, побѣжали мы туда. Но у первыхъ, кто бросился пить, вырвался страшный крикъ: „О, проклятые! они заставляютъ насъ пить кровь нашихъ товарищей!“ Со вчерашняго дня раненые плѣнники ходили туда обмывать свои раны. Жажда такъ страшно мучила насъ, что нѣкоторыя полоскали себѣ ротъ этой кровавой водой.

„Баракъ былъ переполненъ, и насъ заставили спать на землѣ грушами, приблизительно въ двѣсти человѣкъ. Пришелъ офицеръ и сказалъ намъ: „Слушайте, подлыя твари, какой я отдамъ приказъ:— Жандармы, если только одна изъ нихъ пошевелится, стрѣляйте въ этихъ шлюхъ!“

„Въ десять часовъ насъ заставили вскочить раздавшіеся по сосѣдству выстрѣлы. „Ложитесь, негодныя!“—крикнули жандармы, прицѣливаясь въ насъ. Въ двухъ шагахъ отъ насъ разстрѣливали какихъ-то плѣнниковъ. Намъ показалось, что пули попали намъ прямо въ голову. Разстрѣливавшіе пришли смѣнить нашу стражу. Мы остались на всю ночь подъ охраной этихъ людей, разгоряченныхъ убійствами. Они кричали корчившимся отъ ужаса и холода: „Не теряй терпѣнія, придетъ и твоя очередь“. На разсвѣтѣ мы увидали трупы. Жандармы говорили между собой: „А вѣдь намъ предстоитъ еще хорошій уловъ, пожалуй!“

Однажды, вечеромъ, плѣнные услыхали стукъ заступовъ у южной стѣны. Они уже обезумѣли отъ разстрѣловъ и угрозъ: они ждали смерти со всѣхъ сторонъ, во всѣхъ видахъ; они подумали, что теперь хотятъ взорвать ихъ. Въ стѣнѣ открылись отверстія, и въ нихъ показались митральезы.

Въ пятницу, вечеромъ, надъ лагеремъ разразилась гроза, которая длилась нѣсколько часовъ. Подъ страхомъ быть разстрѣлянными изъ митральезъ, плѣнникамъ пришлось проваляться всю ночь въ грязи. Человѣкъ двадцать умерло отъ холода.

Саторійскій лагерь сдѣлался любимымъ мѣстомъ для экскурсій версальской клики. Капитанъ Обра оказывалъ честь дамамъ, депутатамъ и литераторамъ,—какъ, напр., Дюма-сыну, искавшему матеріалъ для соціологическихъ этюдовъ,—показывая имъ своихъ подданныхъ, какъ они копошатся въ грязи, грызутъ сухари, пьютъ изъ лужъ, въ которыхъ жандармы не стѣсняются отправлять свои нужды. Нѣкоторые сошли уже съ ума и колотились головой объ стѣну; другіе рычали, рвали на себѣ волосы и бороду. Эта живая куча тряпья и ужасовъ распространяла вокругъ себя страшную заразу.

„Ихъ тамъ нѣсколько тысячъ,“—писала „*Independance Française*“,—„покрытыхъ грязью и червями, распространяющихъ заразу на цѣлый километръ вокругъ. На этихъ несчастныхъ, запертыхъ какъ

дикіе звѣри, направлены дула пушекъ. Жители Парижа боятся, что погребеніе убитыхъ инсургентовъ въ городѣ можетъ вызвать эпидеміи; но тѣ, кого „*Оффисіель*“ Парижа называлъ „деревенщиной“, гораздо больше боятся, чтобы эпидемію не распространили эти живые инсургенты изъ лагеря на Сатори“.

Вотъ каковы *честные люди* Версаля, которые считали себя призванными осуществить „дѣло справедливости, порядка, гуманности и цивилизаціи“. Какъ добры и гуманны были по сравненію съ ними парижскіе *разбойники*. Кто истязалъ хотя бы одного плѣнника въ Парижѣ во время коммуны? Была ли хоть одна женщина загублена или опозорена? Какой изъ тюремныхъ угловъ Парижа таилъ хоть одну изъ тѣхъ безчисленныхъ пытокъ, которыя практиковались въ Версалѣ на глазахъ у всѣхъ?

Съ 24-го мая до первыхъ чиселъ іюня все новыя партіи не переставали притекать въ эти клоаки.

Днемъ и ночью продолжались массовые аресты. Военныхъ сопровождали городовые и, подъ предлогомъ обысковъ, ломали мебель, прокалывали ее штыками въ подозрительныхъ мѣстахъ, присваивали себѣ цѣнные предметы. Квартиры выдающихся членовъ и чиновниковъ коммуны были совершенно разграблены, и впослѣдствіи нѣкоторыхъ офицеровъ предали суду за слишкомъ ужъ явное воровство,— такъ, напр., лейтенанта-полковника Тіерса, временно исполнявшаго должность мэра III округа; городского голову XVII округа Ліоена и др. [1]). Арестовывали не только тѣхъ, кто былъ замѣшанъ въ послѣднихъ событіяхъ, кого выдали какіе-нибудь документы, неосторожно оставленные въ мэріяхъ или министерствахъ, но всѣхъ, кто былъ извѣстенъ своими республиканскими взглядами. Арестовали также и поставщиковъ коммуны и даже музыкантовъ, которые ни разу не перешагнули за валы. Той же участи подверглись и лица, ухаживавшія за больными. А, между тѣмъ, во время коммуны одинъ изъ коммунальныхъ чиновниковъ, посланный осматривать больницы на Пессъ, сказалъ врачебному персоналу: „Я знаю, что большинство изъ васъ друзья версальскаго правительства, но я желаю вамъ жить и самимъ познать свои заблужденія.

---

[1]) Приговоры отъ 28-го декабря 1872 г. и апрѣля 1873 г.

„Меня очень мало интересуетъ, въ роялистскихъ или республиканскихъ рукахъ ланцеты для нашихъ раненыхъ, но я вижу, что вы добросовѣстно исполняете свой долгъ: я доложу объ этомъ коммунѣ“ [1]).

Нѣсколько федералистовъ спрятались въ катакомбахъ, на нихъ устроили охоту съ фонарями. Полицейскіе агенты отправились туда съ собаками и стрѣляли въ каждую подозрительную тѣнь. Въ лѣсахъ около Парижа тоже была устроена охота.

Всѣ вокзалы, всѣ выходы изъ Франціи были заняты полиціей. Всѣ должны были взять новые паспорта и визировать ихъ въ Версалѣ.

Слѣдили даже за владѣльцами пароходовъ.

26-го мая Жюль-Фавръ потребовалъ у всѣхъ иностранныхъ правительствъ выдачи бѣглецовъ подъ тѣмъ предлогомъ, что борьба коммунаровъ не была политической борьбой.

Мы видимъ, какъ выплываютъ на поверхность самые низменные инстинкты. Парижское дѣло разоблачило такія бездны человѣческой подлости, о которыхъ не имѣли понятія даже во время имперіи.

„Честные люди“, ставъ хозяевами парижскихъ улицъ, подъ видомъ коммунаровъ арестовывали теперь просто своихъ соперниковъ, своихъ кредиторовъ, устраивали въ своихъ округахъ генеральную чистку. Коммуна оттолкнула отъ себя доносчиковъ, полиція порядка принимала ихъ съ распростертыми объятіями. Число доносовъ достигло баснословной цифры 399.823 по официальнымъ даннымъ; изъ нихъ было подписано не болѣе двадцатой части, остальные были анонимные.

Печать и тутъ сыграла большую роль. Въ теченіе многихъ недѣль она занималась тѣмъ, что раздувала злобу и панику среди буржуазіи.

Г. Тьеръ снова воскресилъ одинъ изъ нелѣпыхъ слуховъ 1843 года и разсказывалъ о „ядовитыхъ жидкостяхъ для отравленія солдатъ“. Предлагая національному собранію назначить пенсію убитому на площади Бастиліи капитану Сегуае, онъ разъ сказалъ: „Его облили керосиномъ и сожгли заживо“. По его примѣру и всѣ другіе мошенники 71-го года взялись за возстановленіе выдумокъ мошенни-

---

[1]) „*Times*“.

ковъ 48-го года. Говорили о минахъ, заложенныхъ въ водосточныхъ трубахъ, съ готовыми батареями и фитилями; о восьмитысячной арміи поджигательницъ, сформированной Ферре и раздѣленной на небольшіе отряды, по количеству кварталовъ; объ этикеткахъ, величиной въ почтовую марку, съ буквами (В. Р. В.) и съ изображеніемъ головы вакханки, которыя наклеивилась на дома, предназначавшіяся для поджога; о яйцахъ съ капсюлями, наполненныхъ керосиномъ; о женщинахъ, которымъ поручено было обливать сѣрной кислотой „всѣхъ, кто не имѣлъ несчастья быть такимъ же безобразнымъ, какъ Делеклюзъ и Верморель“; о насосахъ съ сѣрной кислотой, о баллонахъ, начиненныхъ воспламеняющимися веществами, о шарахъ съ ядомъ, о зажаренныхъ жандармахъ, о повѣшенныхъ матросахъ, объ изнасилованіи богатыхъ женщинъ, о реквизиціяхъ проституткъ, о безчисленныхъ кражахъ, о разграбленіи банка, канцеляріи суда, церквей, серебряной посуды въ кафе,—все, что только можетъ сочинить безуміе и дикій страхъ, передавалось изъ устъ въ уста, и добрый буржуа всему вѣрилъ.

Нѣкоторыя газеты спеціализировались въ фабрикаціи подложныхъ приказовъ о поджогахъ, автографовъ, оригиналовъ которыхъ, конечно, нельзя было найти, но которые, какъ доказательство, фигурировали на военныхъ судахъ и въ исторіи.

Когда прессѣ показалось, что ненависть буржуазіи начинаетъ ослабѣвать, она постаралась всѣми силами возбудить ее снова: „Мы знаемъ, что Парижъ только и думаетъ о томъ чтобы спокойно спать“—писала газета „*Общественное Благо*“,—„но пусть онъ сердится, а мы все же разбудимъ его“. 8-го іюня „*Фигаро*“ затянулъ свою старую пѣсню и набросалъ новый планъ избіеній: „Репрессія должна соотвѣтствовать преступленію... Члены коммуны, вожди возстанія, члены комитетовъ, военныхъ судовъ и революціонныхъ трибуналовъ, иностранные генералы и офицеры, дезертиры, убійцы изъ Монмартра Рокеттъ и Мазасъ, поджигатели и поджигательницы и всѣ, кто когда-либо былъ подъ судомъ,—всѣ эти люди подлежатъ разстрѣлу.. Военные законы со всей строгостью должны быть примѣнены и къ журналистамъ, которые вложилифакелъ и шаспо въ руки фанатиковъ-злодѣевъ... Эти мѣры частью уже примѣнены. Наши солдаты облегчили работу версальскихъ военныхъ судовъ, разстрѣливая на

мѣстѣ, но не нужно закрывать глаза на то, что много виновныхъ ускользнули отъ наказанія...“ Этотъ же „*Фигаро*“ опубликовалъ, въ видѣ фельетона, исторію послѣднихъ дней думы, а „*Голуа*“ напечаталъ о Делеклюзѣ одну гнусную исторію, которая въ 48-мъ году приписывалась Ледрю-Роллену.

Доносы и аресты снова усилились. Арестовали Журда, Росселя, Ферре, Паскаля Груссе, котораго толпа хотѣла растерзать, Курбе... Вотъ въ какихъ выраженіяхъ воспѣваетъ его арестъ Дюма-сынъ: „Какое фантастическое скрещеніе слизня съ павлиномъ, какое извращеніе производительной силы, какіе отвратительные соки могли породить на свѣтъ это существо, именуемое Густавомъ Курбе? „Въ какой колбѣ, изъ какой гнили, изъ какой смѣси вина, пива и ѣдкой слизи могла образоваться эта горластая косматая башка, это столь эстетичное брюхо, воплощеніе слабоумія и безсилія?“

Этотъ жалкій прихвостень буржуазіи находилъ вполнѣ естественнымъ, что публика не хочетъ признавать работъ Курбе. Муниципальный совѣтъ Орнана, его родного города, раздѣляя это мнѣніе, снялъ съ фонтана одну изъ работъ Курбе.

Иллюстрированная пресса, которая болѣе непосредственно обращается къ нашему воображенію, рисовала федералистовъ и ихъ женъ въ самыхъ отвратительныхъ позахъ и видахъ.

Къ чести французскаго народа даже въ этомъ морѣ подлости мы можемъ отмѣтить отдѣльные случаи гуманности и даже героизма. Такъ жена одного швейцара укрыла у себя Вермореля и въ теченіе нѣсколькихъ часовъ выдавала его за своего сына [1]). Мать одного версальскаго солдата спрятала у себя многихъ членовъ коммуны. Многіе видные инсургенты были спасены незнакомцами. А между тѣмъ лицамъ, укрывавшимъ побѣжденныхъ въ теченіе первыхъ часовъ послѣ сраженія, грозила смертная казнь, а позже ссылка.

---

[1]) Но клеветы Версаля преслѣдовали его даже при агоніи,— говорили будто онъ исповѣдывался у одного іезуита и отрекся отъ своихъ сочиненій „въ присутствіи жандармовъ и сестеръ“. Между тѣмъ, въ дѣйствительности было лишь то, что его мать, очень набожная женщина, привела къ нему священника во время одного припадка.

Въ іюнѣ и іюлѣ среднее число арестовъ было до ста въ день. Въ Бельвилѣ и Менильмонтанѣ, въ XIII округѣ, на нѣкоторыхъ улицахъ остались только женщины. Въ своихъ лживыхъ отчетахъ версальцы показали тридцать восемь тысячъ пятьсотъ шестьдесятъ восемь арестованныхъ, въ томъ числѣ тысяча пятьдесятъ восемь женщинъ и шестьсотъ пятьдесятъ одного ребенка,—изъ нихъ сорокъ семь тринадцатилѣтнихъ, двадцать одинъ двѣнадцатилѣтнихъ, четыре десятилѣтнихъ и одинъ семилѣтній [1]), какъ будто они имѣли какую-либо возможность сосчитать число людей, которыхъ они забирали цѣлыми толпами. Число арестованныхъ было, по всей вѣроятности, не менѣе пятидесяти тысячъ.

Многіе были арестованы по ошибкѣ. Забирали иногда дамъ высшаго свѣта, которыя съ жаднымъ любопытствомъ шли смотрѣть на трупы федералистовъ; ихъ захватывали при набѣгахъ и вели въ Сатори, и тамъ въ своихъ разорванныхъ, покрытыхъ грязью одеждахъ, онѣ фигурировали въ качествѣ вымышленныхъ ихъ же газетами поджигательницъ.

Тысячамъ пришлось скрываться въ провинціи или за границей отъ преслѣдованій и доносовъ. Какъ великъ былъ общій уронъ среди населенія, можно судить по тому факту, что на дополнительныхъ выборахъ, въ іюлѣ, число избирателей было на сто тысячъ меньше, чѣмъ въ февралѣ. „*Journal des Débats*“ признавалъ, что „потери убитыми и ранеными, понесенныя партіей мятежа, доходили до ста тысячъ“.

Даже парижская промышленность была подорвана этими казнями: сколько начальниковъ мастерскихъ, мастеровъ, монтеровъ, рабочихъ художественной промышленности, особенно цѣнныхъ работниковъ умерло, было арестовано или бѣжало! Сапожное мастерство лишилось половины своихъ работниковъ, ремесло краснаго дерева болѣе трети; не досчитывались десяти тысячъ портныхъ, большинства живописцевъ, кровельщиковъ, свинцовыхъ и цинковыхъ дѣлъ мастеровъ; тѣ же потери въ перчаточномъ, галантерейномъ, корсетномъ, шляпномъ дѣлѣ; исчезли также искусные ювелиры, рѣзчики, живописцы по фарфору. Мебельныя мастерскія, въ которыхъ раньше занято было

---

[1]) Отчетъ капитана Гишара. Анкета о 8-мъ марта.

болѣе шестидесяти тысячъ рабочихъ, отказались теперь отъ заказовъ, за недостаткомъ рабочихъ рукъ. Когда фабриканты потребовали отъ Версаля, чтобы имъ дали рабочихъ для мастерскихъ, рыцари осаднаго положенія отвѣтили, что взамѣнъ рабочихъ будутъ посланы солдаты.

Жестокости розысковъ, безчисленные аресты, усиливъ отчаяніе, вызванное пораженіемъ, довели истекшій кровью городъ до послѣднихъ судорожныхъ вспышекъ. Солдаты и офицеры Версаля падали, сраженные невидимой рукой; возлѣ казармы Пепиньеръ выстрѣлили въ одного генерала. Версальскія газеты съ наивнымъ безстыдствомъ удивлялись тому, что еще не утихъ народный гнѣвъ, и не понимали, „какія мотивы для ненависти, хотя бы самые ничтожные, можно было имѣть противъ этихъ служакъ, самыхъ безобидныхъ изъ всѣхъ на свѣтѣ“.

Лѣвая до конца слѣдовала той программѣ, которую она намѣтила себѣ 18-го марта. Люди, которыхъ въ 48-мъ году обвиняли въ кражахъ и мошенничествѣ, теперь, по мѣрѣ того какъ они становились у власти, обращали противъ федералистовъ тѣ же возмутительныя клеветы .Араго называлъ ихъ „чудовищами“, Анри Мартенъ, пѣвецъ *Интернаціонала*, сравнивалъ ихъ съ Нерономъ. „Честные республиканцы“, обманувъ провинцію и выразивъ благодарность арміи, присоединили свои проклятія къ проклятіямъ „деревенщины“, хотя наканунѣ іюня 48-го года Луи Бланъ и отвергъ свою солидарность съ инсургентами, но всеже онъ не проклиналъ ихъ въ 71-мъ году онъ писалъ для того, чтобы клеймить ихъ, преклоняться передъ ихъ судьями и заявить о законномъ чувствѣ негодованія общества. Въ іюнѣ 48-го года противъ убійцъ раздалось грозное проклятіе Ламменэ, и Пьеръ Леру защищалъ побѣжденныхъ; теперь же всѣ великіе мыслители „Мужицкаго Собранія“ соединились противъ федералистовъ; эта лѣвая, которая черезъ пять лѣтъ воодушевится идеей амнистіи, теперь отказывалась слышать предсмертное хрипѣніе двадцати тысячъ разстрѣленныхъ и вопли Оранжереи, въ ста метрахъ отъ нея.

Въ 71-мъ году это былъ все тотъ же Калигула о восьмистахъ головахъ, заклейменный въ 48-мъ году Герценомъ. „Они поднялись во всей своей мощи, чтобы дать цѣлому міру невиданное зрѣлище восьмисотъ человѣкъ, дѣйствующихъ какъ одно жестокое чудовище.

Кровь лилась потоками, а у нихъ не нашлось ни единаго слова любви и примиренія. И жестокое меньшинство молчало. Гора спряталась за тучами, довольная, что ея не разстрѣляли и не бросили гнить въ подвалы; она молчаливо глядѣла не то, какъ обезоруживаютъ плѣнныхъ, какъ ихъ отправляютъ въ ссылку, какъ хватаютъ ни за что, ни про что людей, нѣкоторыхъ только потому, что они не пожелали стрѣлять въ своихъ братьевъ".

Даже Гамбетта, этотъ „неистовый безумецъ", осужденный г. Тьеромъ, позволилъ себѣ сказать, что правительство, способное побѣдить подобное возстаніе, доказало этимъ свою законность, и онъ произнесъ слѣдующую знаменательную фразу: „Героическія времена миновали". Онъ не замѣтилъ, что въ этихъ словахъ заключалось прославленіе коммуны.

Только въ провинціи и за границей нашлись смѣлые люди.

„*Права человѣка*" Жюля Гэда въ Монтеллье, „*Эмансипація*" въ Тулузѣ, „*Natonal du Loiret* и нѣторыя другія газеты осуждали убійцъ. Большинство изъ нихъ закрыли. Начались мѣстами волненія: въ Памье и Вуаронъ вспыхнули бунты. Въ Ліонѣ армію заперли, и префектъ Валентенъ велѣлъ запереть городъ, чтобы арестовать бѣглецовъ изъ Парижа. Въ Бордо были аресты.

Викторъ Гюго написалъ изъ Брюсселя протестующее письмо, впрочемъ очень неубѣдительное, противъ заявленія бельгійскаго правительства, которое согласилось выдать эмигрантовъ.

Пресса разстрѣльщиковъ объявила его помѣшаннымъ. Францискъ Серсе назвалъ его „старымъ фокусникомъ, меланхолической цаплей, краснымъ хвостомъ, выжившимъ изъ ума скоморохомъ, жалкимъ человѣкомъ, распухшимъ отъ фразъ, невѣроятнымъ глупцомъ". [1])

Другой извѣстный писатель, Ксавье-де-Монтепенъ, предложилъ исключить его изъ общества литераторовъ. Луи Бланъ и Шелхеръ послали ему ругательное письмо. Банда элегантныхъ господъ забросала его домъ камнями, и страна Артевельда изгнала Виктора Гюго такъ же, какъ она изгнала Прудона.

Мадзини проклиналъ этихъ мятежниковъ, которые не признавали ни Бога, ни повелителей; но Бебель въ нѣмецкомъ парламентѣ

---

[1]) „*Трехцвѣтное Знамя*", 1-го іюля 1871 г.

и Валлей въ палатѣ общинъ возстали противъ версальскихъ ужасовъ и защищали коммуну Парижа; Гарсіа Лопесъ сказалъ на трибунѣ кортесовъ: „Мы преклоняемся передъ этой великой революціей, которую сейчасъ еще никто не можетъ оцѣнить вполнѣ правильно“. На конгрессѣ Соединенныхъ Штатовъ торжественно воздали дань уваженія Интернаціоналу.

Рабочіе другихъ странъ устроили своимъ парижскимъ братьямъ торжественные похороны. Въ Лондонѣ, Брюсселѣ, Берлинѣ, Женевѣ, Цюрихѣ и Лейпцигѣ состоялись грандіозныя собранія, рабочіе провозгласили свою солидарность съ Парижемъ, предали убійцъ проклятіямъ всего міра и объявили соучастниками преступленія всѣ правительства, которыя не заявляли своего протеста. Всѣ соціалистическіе журналы прославляли борьбу побѣжденныхъ. Интернаціоналъ въ краснорѣчивомъ адресѣ описалъ ихъ борьбу и завѣщалъ ихъ память рабочимъ всего міра.

ГЛАВА XXXIII.

„Примиреніе—это ангелъ, спускающійся на землю послѣ грозы для того, чтобы поправить тѣ бѣды, которыя она натворила“.
(Дюфоръ. Засѣданіе 26-го апрѣля 1874 г.).

„Вы обвиняете насъ въ томъ, что мы подняли оружіе на защитниковъ закона; я же обвиняю васъ въ томъ, что вы продолжали борьбу безо всякой необходимости; въ томъ, что вы погребли цѣлыя семьи подъ развалинами нашихъ домовъ; въ томъ, что вы были глухи къ просьбамъ о перемиріи и соглашеніи, которыя дѣлались вамъ со всѣхъ сторонъ; что вы не щадили побѣжденныхъ... Вы предъявили свой обвинительный актъ, я предъявляю свой. Посмотримъ, который изъ нихъ Франція прочтетъ съ большимъ негодованіемъ“.
(Жюль Фавръ. Защита ліонскихъ инсургентовъ 1834 г.).

Пловучія тюрьмы.—Крѣпости.—Первые процессы.

Однако скоро переполнились всѣ склепы Версаля и Сатори. Въ первыхъ числахъ іюля плѣнниковъ отправили въ морскіе порты. Ихъ нагрузили въ вагоны для скота и такъ туго натянули брезентовые зонты, что въ вагонъ почти вовсе не проникало воздуху. Въ одномъ углу навалили груду сухарей, „но плѣнники, сами брошенные на эти сухари, очень скоро превратили ихъ въ кучу пыли“. Въ продолженіе двадцати четырехъ часовъ, а иногда и тридцати двухъ, они оставались безъ всякой другой пищи, безъ питья. Въ этой тѣснотѣ дрались за каждое свободное мѣстечко, за струю свѣжаго воздуха. Изъ вагоновъ не выпускали, испражненія больныхъ скоро смѣшались съ пылью сухарей. Нѣкоторые „совершенно обез-

зумѣли и превратились въ какихъ-то дикихъ звѣрей“ [1]). И вотъ въ одинъ прекрасный день въ Фертэ-Бернаръ изъ вагона слышатся крики. Начальникъ конвоя останавливаетъ поѣздъ; городовые стрѣляютъ черезъ полотно; тишина возстановлена... и подвижные гробы отправляются дальше полнымъ ходомъ.

Съ іюня до сентября Версаль бросилъ въ рейды, крѣпости и на острова океана отъ Шербурга до Жиронды 28.000 плѣнниковъ. На двадцать пять понтоновъ (пловучихъ тюремъ) пришлось около 20.000, на крѣпости и острова 7.837.

На понтонахъ по уставу существуютъ пытки. Въ 71-мъ году свято соблюдались традиціи іюля 48-го года и декабря 51-го. Къ плѣнникамъ, содержавшимся въ клѣткахъ изъ толстыхъ дубовыхъ досокъ и желѣзныхъ брусьевъ, размѣщенныхъ направо и налѣво отъ батарей, свѣтъ проникалъ только узкой полосой изъ заколоченныхъ люковъ. Вентиляція отсутствовала. Съ первыхъ же часовъ вонь тамъ была ужасная. Въ центральномъ коридорѣ расхаживали часовые, которымъ приказано было стрѣлять при малѣйшей жалобѣ. На палубѣ стояли заряженныя картечью пушки. Не былс ни коекъ, ни одѣялъ. Вся пища состояла изъ хлѣба, сухарей и бобовъ. Ни вина, ни табаку. Жители Бреста и Шербурга принесли было заключеннымъ немного сладостей, офицеры отослали ихъ обратно.

Впослѣдствіи режимъ былъ немного смягченъ. Заключенные получили по одной койкѣ на двоихъ, нѣсколько рубахъ, нѣсколько матросскихъ кителей, изрѣдка имъ давали немного вина. Имъ разрѣшили умываться, выходить на палубу подышать чистымъ воздухомъ. Матросы обнаружили нѣкоторую гуманность; фюзильеры - моряки, напротивъ того, всегда были и оставались такими же звѣрями, какими они проявили себя въ майскіе дни, и часто экипажу приходилось вырывать изъ ихъ рукъ плѣнниковъ.

Режимъ на понтонахъ мѣнялся въ зависимости отъ гуманности офицеровъ. Въ Брестѣ комендантъ второго ранга на „*Городѣ*

---

[1]) Эти подробности заимствованы изъ многочисленныхъ замѣтокъ, доставленныхъ заключенными и лицами, совершенно непричастными къ коммунѣ: муниципальными совѣтниками морскихъ портовъ, иностранными журналистами и т. д.

Лiонъ“ запрещалъ оскорблять осужденныхъ, а въ то же время каптенармусъ „*Бреславля*“ обращался съ ними, какъ съ каторжниками. Въ Шербургѣ одинъ изъ лейтенантовъ судна „*Тажъ*“ Клемансо, держалъ себя настоящимъ звѣремъ. Комендантъ „*Байара*“ создалъ изъ своего корабля Оранжерею въ миніатюрѣ. Борты этого корабля были свидѣтелями фактовъ, самыхъ позорныхъ изъ всѣхъ запятнавшихъ когда-либо французскій флотъ. Абсолютное молчаніе было тамъ правиломъ. При малѣйшемъ разговорѣ въ клѣткахъ сторожа грозили выстрѣлить; нѣсколько разъ они стрѣляли. За какое-либо возраженіе, за неисполненіе какого-нибудь правила, хотя бы просто по забывчивости, плѣнниковъ привязывали лодыжками ногъ и кистями рукъ къ желѣзнымъ брусьямъ клѣтки.

Не менѣе ужасны были тюрьмы на материкѣ. Въ Квелернѣ, вблизи отъ Бреста, до сорока плѣнниковъ помѣщалось въ одномъ казематѣ. Заключеніе въ казематы нижняго этажа было равносильно смерти. Изъ отхожихъ мѣстъ „туда просачивались испражненія, и по утрамъ полъ тамъ бывалъ покрытъ слоемъ кала въ два дюйма толщины“. Рядомъ имѣлись здоровыя и свободныя помѣщенія, но туда не хотѣли перемѣстить плѣнниковъ. Пріѣзжалъ однажды Жюль Симонъ; „онъ нашелъ, что у его бывшихъ избирателей очень непокорный видъ, и рѣшилъ, что надо усилить строгость“. Элизэ Реклю открылъ было школу въ тюрьмѣ, чтобы обучить грамотѣ 151 заключеннаго, которые не умѣли ни читать, ни писать; министръ народнаго просвѣщенія велѣлъ закрыть курсы и маленькую библіотечку, составленную заключенными.

Въ крѣпостяхъ такъ же, какъ и на корабляхъ, плѣнниковъ кормили сухарями и свинымъ саломъ. Впослѣдствіи по воскресеньямъ давали супъ и вареную говядину. Запрещено было имѣть ножи и вилки. Нѣсколько дней шла борьба изъ-за ложекъ. Доходы поставщика, опредѣлявшіеся по подряду въ десять процентовъ, достигли „500 процентовъ“.

Въ крѣпости Байаръ мужчины и женщины помѣщались въ одной камерѣ, раздѣленной рѣшеткой; женщинамъ приходилось умываться на глазахъ у стражи. Иногда въ сосѣднемъ помѣщеніи сидѣли ихъ мужья. Одинъ плѣнникъ пишетъ, что тамъ всеобщее вниманіе обращала на себя „одна молодая и красивая двадцатилѣтняя женщина,

которая каждый разъ падала въ обморокъ, когда ее заставляли раздѣться“.

Самой ужасной тюрьмой была, по многочисленнымъ отзывамъ, тюрьма Сенъ-Марку. Въ продолженіе болѣе шести мѣсяцевъ заключенные оставались тамъ безъ воздуха, безъ свѣта, безъ табаку. Имъ запрещено было разговаривать. Ихъ пища состояла изъ сухарей, чернаго хлѣба и прогорклаго сала. Всѣ они заболѣли цынгой.

Чтобы составить себѣ понятіе о мукахъ, какія приходилось испытывать заключеннымъ въ корабельныхъ тюрьмахъ и въ крѣпостяхъ, далекихъ отъ контроля общественнаго мнѣнія, нужно познакомиться съ тѣмъ, какъ содержали ихъ на глазахъ у національнаго собранія, въ Версалѣ, гдѣ находилось, по официальному признанію, 8.472 человѣка. Полковникъ Гэйяръ, начальникъ военнаго суда, отдалъ слѣдующій приказъ солдатамъ, охранявшимъ тюрьму Шантье: „Если вы только замѣтите, что кто-нибудь изъ плѣнниковъ зашевелился или подымаетъ руки,—стрѣляйте въ него! Я такъ приказываю вамъ“.

Въ хлѣбномъ амбарѣ Западнаго вокзала помѣщалось 800 женщинъ. Цѣлыя недѣли эти несчастныя спали на соломѣ, не имѣли возможности перемѣнить бѣлье. При малѣйшемъ шумѣ, сторожа набрасывались на нихъ и колотили ихъ, преимущественно по груди. Этимъ вертепомъ управлялъ Шарль Мерсеро, бывшій сенъ-гардистъ; тѣхъ, кто не нравился ему, онъ сажалъ на цѣпь и билъ палкой. Онъ водилъ по своимъ владѣніямъ знатныхъ версальскихъ дамъ, желавшихъ посмотрѣть на поджигательницъ, и, въ ихъ присутствіи, кричалъ своимъ жертвамъ: „Эй вы, непотребныя женщины, опустите глаза!“ И это было сравнительно еще меньшее изъ оскорбленій, которымъ честныя дамы Версаля подвергали нашихъ федералистокъ.

Публичныя женщины, захваченныя во время набѣговъ и оставленныя для того, чтобы шпіонить за другими заключенными, на глазахъ у всѣхъ отдавались караульнымъ. Когда женщины коммуны протестовали противъ этого, то ихъ избили канатомъ. Изъ утонченной жестокости версальцы хотѣли этихъ честныхъ женщинъ принизить до одного уровня съ проститутками: всѣхъ плѣнницъ подвергли освидѣтельствованію.

Оскорбленныя въ своей чести, во всемъ своемъ существѣ, несчастныя разразились страшными криками: „Гдѣ отецъ мой? мой

мужъ? Какъ! одна, и всѣ эти негодяи противъ меня! Я—мать, жена, труженица подъ ударами кнута, опозоренная, оскверненная этими грязными руками". Многія сошли съ ума. Всѣмъ пришлось пережить часы безумія. У беременныхъ женщинъ дѣлались преждевременные роды, другія разрѣшились отъ бремени мертворожденными.

Въ тюрьмахъ, какъ и во время пушечной перестрѣлки, не было недостатка въ священникахъ. Священникъ Ришмонъ говорилъ заключеннымъ женщинамъ: „Я знаю, что нахожусь въ вертепѣ, но долгъ мой и т. д.". Въ день св. Магдалины алжирскій епископъ, деликатно намекая на значеніе этого дня, сказалъ имъ: „что всѣ онѣ Магдалины, но не раскаявшіяся, что Магдалина не была ни убійцей, ни поджигательницей"—и рядъ другихъ евангельскихъ любезностей. Въ тулонскомъ острогѣ священникъ билъ коммунаровъ по щекамъ.

Дѣти помѣщались въ отдѣленіи женской тюрьмы, съ ними обращались такъ же жестоко. Такъ, напримѣръ, секретарь Мерсеро пинкомъ ноги раскроилъ одному ребенку животъ. Сына Ранвье, двѣнадцатилѣтняго мальчика, избили за то, что онъ отказался выдать, гдѣ скрывается его отецъ.

Эти постоянныя истязанія способны были подорвать самое крѣпкое здоровье. Ихъ послѣдствіемъ было двѣ тысячи больныхъ въ госпиталяхъ и на корабляхъ. По офиціальнымъ отчетамъ, изъ 33.665 гражданскихъ плѣнниковъ умерло 1.179 человѣкъ. Это число безусловно ниже дѣйствительнаго. Въ первые же дни въ Версалѣ нѣсколько человѣкъ было убито, и многіе умерли—ихъ вовсе не считали. До понтоновъ не было статистики. Можно утверждать безъ преувеличенія, что двѣ тысячи плѣнниковъ погибли въ рукахъ версальцевъ. Еще больше умерло отъ послѣдствій истощенія или болѣзней, которыя они пріобрѣли въ заключеніи.

Эти несчастные заключенные корабельныхъ тюремъ, крѣпостей и другихъ темницъ въ теченіе мѣсяцевъ были поѣдаемы паразитами, раньше, чѣмъ имъ удалось добиться, чтобы ихъ размѣстили въ какомъ-нибудь порядкѣ. Версальскій Молохъ поглотилъ больше жертвъ, чѣмъ онъ былъ въ состояніи переварить. Въ іюнѣ онъ, по требованію реакціонеровъ, отпустилъ 1.090 человѣкъ. Но какъ справиться съ процессомъ 36.000 заключенныхъ? А у г. Тьера явилась идея устроить формальные судебные процессы вмѣсто массовыхъ ссылокъ,

такъ возбудившихъ общественное мнѣніе въ 48-мъ году Но судьями федералистовъ онъ сдѣлалъ ихъ же побѣдителей-солдатъ. Въ 1832 г. сословіе адвокатовъ протестовало противъ намѣренія правительства устроить военный судъ надъ возставшими. Въ 71-мъ году это показалось ему совершенно естественнымъ, такъ какъ теперь рѣчь шла объ „извергахъ“.

Эти якобы суды къ концу іюля опросили только три тысячи заключенныхъ, и національное собраніе начинало выходить изъ терпѣнія. У г. Тьера имѣлось подъ руками нѣсколько членовъ коммуны; онъ устроилъ для „деревенщины“ большое юридическое представленіе.

Этотъ процессъ долженъ былъ послужить образцомъ для судопроизводства военныхъ судовъ. Прокуроръ Дюфоръ и президентъ пустили въ ходъ все свое коварство, все крючкотворство, на которое они были способны, для того, чтобы сократить судебное разбирательство. Они отказались признать обвиняемыхъ политическими преступниками и все возстаніе свели на колоссальное преступленіе противъ уголовнаго права; такимъ образомъ они думали избѣжать громкихъ защитительныхъ рѣчей и, съ другой стороны, имѣли возможность примѣнять смертную казнь, которую лицемѣрная буржуазія считала съ 48-го году отмѣненной для политическихъ преступленій. Третій военный судъ былъ обставленъ очень заботливо. Комиссаромъ былъ назначенъ комендантъ Гаво, бѣсноватый, съ блуждающими глазами, недавно вышедшій изъ дома умалишенныхъ; онъ избивалъ плѣнниковъ на улицахъ Версаля; президентомъ—полковникъ Мерленъ, одинъ изъ офицеровъ Базэна; остальная часть состояла изъ отборныхъ бонапартистовъ. Седанъ и Метцъ готовились судить Парижъ.

Торжество открылось 7-го августа въ громадномъ залѣ на двѣ тысячи человѣкъ. Представители высшаго общества возсѣдали въ креслахъ изъ краснаго бархата, триста мѣстъ занято было депутатами, остальныя—видными буржуа, членами почтенныхъ семействъ, аристократіей проституціи, представителями бульварной печати. Оживленная болтовня журналистовъ, шуршанье роскошныхъ нарядовъ, улыбающіяся лица, лорнеты, направленные во всѣ стороны—все это напоминало самыя шикарныя первыя представленія. Офицеры главнаго штаба въ парадной формѣ разводили дамъ на ихъ мѣста, не забывая сдѣлать установленный этикетомъ поклонъ.

Всѣ эти отбросы пришли въ страшное волненіе когда показались обвиняемые. Ихъ было семнадцать: Ферре, Асси, Журдъ, Паскаль, Груссе, Режеръ, Бильоре, Курбе, Урбэнъ, Викторъ Клеманъ, Тренке, Шампи, Растуль, Вердюръ, Деканъ, Улиссъ Паранъ—члены коммуны; Ферра, Люллье—члены центральнаго комитета.

Гаво прочелъ обвинительный актъ—настоящій винигретъ изъ безсмыслицъ, которыми полны были версальскія газеты за послѣдніе три мѣсяца: Революція возникла изъ двухъ заговоровъ—революціонной партіи, съ одной стороны, и Интернаціонала—съ другой. Парижъ возсталъ 18-го марта по призыву нѣсколькихъ злодѣевъ; Леконтъ и Клеманъ-Тома были убиты по приказанію центральнаго комитета; демонстрація, имѣвшая мѣсто на Вандомской площади, была мирной манифестаціей; главный врачъ арміи былъ убитъ во время горячаго призыва къ примиренію; коммуна совершила всякаго рода кражи; орудія пытки изъ монастыря Пикпусъ превратились въ ортопедическіе инструменты; взрывъ на патронномъ заводѣ Раппъ былъ дѣломъ коммуны, „которая желала раздуть въ федералистахъ пламя ненависти къ врагу“; Ферре руководилъ казнью заложниковъ въ Рокеттъ и поджегъ министерство финансовъ, что видно узъ его собственноручнаго приказа:„ *Подожгите министерство финансовъ*“. Каждый изъ обвиняемыхъ долженъ былъ отвѣчать за факты изъ сферы своихъ частныхъ полномочій и кромѣ того за всѣ коллективные декреты коммуны. Этотъ низкій полицейскій рапортъ, заранѣе составленный для г. Тьера, изображалъ все дѣло коммуны дѣломъ простой шайки разбойниковъ.

Чтеніе обвинительнаго акта длилось въ теченіе цѣлаго засѣданія. На слѣдующій день Ферре, допрошенный первымъ, отказался отвѣчать и предъявилъ контръ-обвиненіе противъ бюро. „Мнѣніе поджигателя Ферре не имѣетъ никакого значенія!“—воскликнулъ Гаво и приказалъ вызвать свидѣтелей со стороны обвиненія. Изъ двадцати четырехъ четырнадцать были полицейскими агентами; остальные были либо священники, либо правительственные чиновники. Одинъ экспертъ почерковъ, прославившійся во дворцѣ своими ошибками, подтвердилъ, что приказъ „*Подожгите министерство финансовъ*“ былъ, дѣйствительно, написанъ почеркомъ Ферре. Напрасно требовалъ обвиняемый, чтобы сличили подпись этого приказа съ его

подписями, которыя имѣлись въ большомъ числѣ въ тюремныхъ книгахъ, чтобы, по крайней мѣрѣ, представили на судѣ не *факсимиле*, а оригиналъ; Гаво воскликнулъ съ негодованіемъ: „Но вѣдь это недовѣріе!“

Итакъ, съ самаго начала убѣдившись въ заговорѣ своихъ же судей, видя, что̀ это за люди, обвиняемые могли смѣло отказаться отъ такого судебнаго разбирательства и, подобно своимъ предшественникамъ 1839 года, молча подставить палачу свои головы. Но они согласились отвѣчать на допросъ, устроенный Гаво. Если бы еще они настаивали на своей политической роли!—но нѣкоторые даже совсѣмъ отрицали ее. Почти всѣ занялись исключительно своей личной защитой; многіе проявляли постыдную слабость въ тревогѣ за свое благополучіе.

Люллье громко хвастался своимъ предательствомъ коммуны. Но, наконецъ, со скамей подсудимыхъ раздался и голосъ мщенья за покинутый народъ. Сапожникъ Тренке рабочій — одинъ изъ той сильной породы, которая одинаково стойка въ работѣ и борьбѣ, одинъ изъ сознательныхъ и убѣжденныхъ членовъ коммуны, очень скромно державшійся въ городской ратушѣ, но всегда бывшій впереди въ сраженіи — заявилъ громогласно, что считаетъ для себя честью быть до конца вѣрнымъ коммунѣ. „Мои сограждане послали меня въ коммуну; я не щадилъ своей жизни; я былъ на баррикадахъ и жалѣю, что меня не убили: мнѣ бы не пришлось присутствовать сегодня при печальномъ зрѣлищѣ того, какъ мои товарищи, которые внесли свою долю въ наше дѣло, теперь отказываются отъ своей доли отвѣтственности. Я—мятежникъ, я не отрицаю этого“.

Журда также стоило послушать. Не имѣя никакихъ документовъ, съ удивительнымъ напряженіемъ памяти, бывшій делегатъ финансовъ воспроизвелъ отчетъ о приходахъ и расходахъ коммуны во всѣхъ подробностяхъ. Онъ говорилъ въ такихъ мягкихъ выраженіяхъ, съ такимъ жаромъ, что больше чѣмъ на часъ въ залѣ воцарилось молчаніе.

Допросы тянулись въ теченіе семнадцати засѣданій. Все та же публика: солдаты, буржуа, публичныя женщины, издѣвающіяся надъ обвиняемыми. Тѣ же свидѣтели: священники, агенты, чиновники, тѣ же неистовства Гаво, тотъ же цинизмъ со стороны суда, то же злобствованіе прессы. Она еще не насытилась убійствами. Она

рычала на подсудимыхъ, требовала ихъ смерти, осыпала ихъ грязью въ своихъ отчетахъ. „Не слѣдуетъ заблуждаться“,—писала „*Свобода*“,— „главное не нужно даже особенно возмущаться этимъ — мы имѣемъ передъ своими глазами дѣйствительно просто шайку злодѣевъ, разбойниковъ, воровъ и поджигателей. Только неблагонамѣренный человѣкъ могъ бы потребовать отъ насъ, чтобы мы относились къ этимъ господамъ съ тою корректностью, на которую имѣетъ право всякій обвиняемый, пока судъ еще не вынесъ своего приговора. Въ данномъ случаѣ неумѣстно даже минутное сомнѣніе въ ихъ виновности. Нѣтъ, нѣтъ! тысячу разъ нѣтъ! это не обыкновенные обвиняемые; нѣкоторые изъ нихъ были взяты .на мѣстѣ преступленія; другіе же прекрасно расписались въ своей виновности совершенно недвусмысленными дѣйствіями, и достаточно установить ихъ личность, чтобы воскликнуть громкимъ, полнымъ убѣжденія голосомъ: Да, да, они виновны!“ Это былъ еще одинъ изъ уравновѣшенныхъ корреспондентовъ. Зато иностранные корреспонденты были возмущены. „Нельзя представить себѣ ничего болѣе постыднаго, чѣмъ тонъ печати полусвѣта“,— писалъ „*Стэндардъ*“, консервативная газета, одна изъ самыхъ враждебныхъ коммунѣ. Когда обвиняемые потребовали у предсѣдателя защиты противъ газетныхъ клеветъ, то Мерленъ выступилъ въ защиту прессы.

Началось чтеніе обвинительнаго акта. Гаво въ согласіи съ полученными инструкціями, утверждаетъ, что Парижъ нѣсколько недѣль сражался изъ-за того только, чтобы дать возможность нѣсколькимъ личностямъ расхитить остатки сбереженій въ кассахъ, поджечь дома, застрѣлить нѣсколько жандармовъ. Этотъ крючкотворъ въ эполетахъ съ храбростью военнаго человѣка разрушалъ тѣ аргументы,—на которыхъ онъ строилъ, какъ прокуроръ. „Коммуна“,—сказалъ онъ,— „исполняла функціи правительства“, а черезъ пять минутъ онъ уже отрицалъ всякій политическій характеръ дѣятельности членовъ коммуны. Переходя къ отдѣльнымъ обвиняемымъ, онъ сказалъ о Ферре: „Не стану терять своего времени и вашего, разбирая многочисленныя преступленія, которыя тяготѣютъ на немъ“, а про Журда, изъ рѣчи котораго онъ не понялъ ни единаго слова: „Всѣ цифры которыя онъ вамъ привелъ, совершенно вымышленны, не хочу злоупотреблять вашимъ временемъ, чтобы оспаривать ихъ“. Во время

уличнаго боя Журдъ получилъ отъ комитета общественнаго спасенія приказъ передать каждому изъ членовъ коммуны по тысячѣ франковъ на разныя надобности; этими деньгами воспользовалось не болѣе тридцати человѣкъ, принимавшихъ активное участіе въ сраженіи. Гаво сказалъ: „Они подѣлили между собой цѣлые милліоны“. Конечно, онъ вѣрилъ этому. Какой монархъ уступалъ когда-либо власть, не унося съ собою милліоновъ? Паскаля Груссе онъ обвинялъ въ томъ, что онъ укралъ бумагу для напечатанія своей газеты; кого-то другого въ томъ, что онъ имѣлъ любовницу. Грубый солдатъ—онъ не понималъ. что чѣмъ больше онъ унижаетъ отдѣльныхъ личностей, тѣмъ больше возвеличиваетъ эту революцію, такую мощную, несмотря на всѣ ея слабыя стороны и неудачи.

Этотъ обвинительный актъ вызвалъ бѣшеныя аплодисменты собранія. Въ концѣ послышались даже вызовы, какъ будто въ театрѣ. Мерленъ предоставилъ слово защитнику Ферре. Но Ферре объявляетъ, что онъ самъ желаетъ защищать себя, и начинаетъ читать свое показаніе:

„Послѣ заключенія мирнаго договора, вызваннаго позорной капитуляціей Парижа, республикѣ угрожала опасность; люди, послѣдовавшіе за имперіей, захлебнувшейся въ грязи и крови“...

Мерленъ.—„Захлебнувшейся въ грязи и крови... Здѣсь я долженъ остановить васъ. Развѣ не въ такомъ же положеніи находилось и ваше правительство?“

Ферре.—...„цѣплялись за власть, и, хотя на нихъ тяготѣло всеобщее презрѣніе, они втихомолку готовили государственный переворотъ; они упорно отказывали Парижу въ выборахъ муниципальнаго совѣта“...

Гаво.—„Это неправда!“

Мерленъ.—„То что вы сейчасъ сказали, Ферре, ложь. Продолжайте, но въ третій разъ—я лишу васъ слова“.

Ферре—...„Честныя и искреннія газеты были закрыты, лучшіе патріоты были приговорены къ смерти“...

Гаво.—„Обвиняемый болѣе не можетъ продолжать свое чтеніе. Я требую примѣненія закона“.

Ферре.—...„Роялисты готовились раздѣлить между собой остатки Франціи; наконецъ, ночью, 18-го марта, они сочли себя готовы-

ми: они попытались обезоружить національную гвардію и произвести массовые аресты среди республиканцевъ!“..

Мерленъ.—„Теперь довольно, садитесь, я даю слово вашему защитнику“.

Адвокатъ, назначенный отъ суда, проситъ, чтобы Ферре разрѣшили прочитать послѣднія фразы своего заявленія. Мерленъ уступаетъ.

Ферре.—„...Членъ коммуны—я во власти побѣдителей. Они хотятъ моей головы—пусть берутъ ее! Никогда не стану я низостью спасать свою жизнь. Свободнымъ я жилъ, такимъ хочу и умереть“.

Я прибавлю только одно слово. Судьба измѣнчива; пусть будущее позаботится о моей памяти и о моемъ отмщеніи“.

Мерленъ.—„Память объ убійцѣ“.

Гаво.—За одно такое заявленіе слѣдуетъ послать на каторгу.

Мерленъ. — Все, что вы сказали, не оправдываетъ тѣхъ дѣйствій, за которыя васъ привели сюда.

Ферре.—Я принимаю судьбу, выпавшую мнѣ на долю.

Во время этого поединка между Мерленомъ и Ферре въ залѣ господствовало сильное возбужденіе; когда Ферре кончилъ, послышалось дикое шиканье. Президентъ долженъ былъ закрыть засѣданіе, и судьи уже начали выходить, когда одинъ адвокатъ потребовалъ, чтобы дали слово защитѣ по поводу того, что президентъ назвалъ Ферре убійцей. Снова раздалось шиканье. Защитникъ обращается къ трибуналу, къ представителямъ печати, къ публикѣ. Въ теченіе нѣсколькихъ минутъ ,его голосъ заглушается проклятіями, раздающимися во всѣхъ концахъ зала. Мерленъ, сіяя отъ удовольствія, рыцарски отвѣчаетъ: „Я признаю, что употребилъ выраженіе, о которомъ говоритъ защитникъ. Судъ предоставляетъ вамъ право сдѣлать свои выводы“.

Наканунѣ одинъ адвокатъ сказалъ Мерлену: „Всѣ мы отвѣтственны не передъ общественнымъ мнѣніемъ нашего времени, но передъ исторіей, которая будетъ судить насъ“.—„Исторія! Къ тому времени насъ не будетъ на свѣтѣ!“—отвѣчалъ Мерленъ. Французская буржуазія нашла въ немъ своего Жеффриса.

На слѣдующій день залъ съ утра была переполненъ. Любопытство публики, безпокойство судей достигли крайнихъ предѣловъ

Чтобы обвинить своихъ противниковъ во всевозможныхъ преступленіяхъ сразу, Гаво въ теченіе двухъ дней говорилъ о политикѣ, объ исторіи, о соціализмѣ. Нужно было бы отвѣтить только на одинъ изъ его доводовъ. чтобы сразу сталъ ясенъ политическій характеръ дѣла, который за нимъ отрицали. Если бы хоть одинъ изъ обвиняемыхъ опомнился, наконецъ, и, менѣе озабоченный своей судьбой, нежели честью коммуны, постарался бы опровергнуть обвинительный актъ слово за словомъ; если бы онъ дикому обвиненію въ заговорѣ противопоставилъ вѣчную провокацію со стороны привилегированныхъ классовъ; если бы онъ разсказалъ о Парижѣ, сначала отдавшемся правительству обороны, затѣмъ преданномъ имъ, аттакованномъ Версалемъ, покинутомъ всѣми, о пролетаріяхъ, реорганизовавшихъ все устройство громаднаго города и въ теченіе двухъ мѣсяцевъ во время военнаго положенія, несмотря на предательство враговъ, управлявшихъ безъ шпіоновъ и казней, неимущихъ и имѣвшихъ между тѣмъ подъ руками милліарды банка, всѣ общественныя богатства и состояніе своихъ враговъ; если бы на ряду съ шестью-десятью тремя казненными заложниками онъ указалъ на двадцать тысячъ разстрѣлянныхъ, раскрылъ корабельныя тюрьмы, темницы, въ которыхъ задыхалось сорокъ тысячъ несчастныхъ, и если бы, призывая во имя истины, справедливости, будущаго весь міръ въ свидѣтели, онъ изъ коммуны-обвиняемой сдѣлалъ бы коммуну-обвинительницу... пусть бы президентъ прерывалъ его, пусть крики присутствующихъ покрыли бы его рѣчь, пусть бы судъ объявилъ его внѣ закона такой человѣкъ сумѣлъ бы, какъ Дантонъ, какъ Барбесъ, Бланки, Распайль, Кабе, найти жестъ, восклицаніе, отъ котораго стѣны содрогнулись бы, и бросить анаѳему въ лицо трибунала.

Но побѣжденная коммуна не имѣла такого мстителя. Вмѣсто того, чтобы защищаться всѣмъ сообща или же хранить молчаніе, которое спасло бы ихъ честь, обвиняемые предоставили слово адвокатамъ. Каждый изъ этихъ господъ дѣлалъ все возможное, чтобы спасти своего кліента, хотя бы на счетъ его же собрата. Адвокатъ Курбе былъ изъ клики „*Фигаро*“ и повѣреннымъ императрицы; другой—одинъ изъ манифестантовъ съ Вандомской площади—просилъ у суда не смѣшивать дѣло его кліента съ дѣломъ его злодѣя-со-

сѣда. Въ защитительныхъ рѣчахъ было много пошлости. Но эта приниженность не обезоруживала ни судъ, ни публику. Каждую минуту Гаво вскакивалъ со своего кресла: „Вы нахалъ!“—сказалъ онъ одному адвокату:—„если тутъ есть что нелѣпаго, то это вы!“ Аудиторія рукоплещетъ, каждую минуту готовая наброситься на обвиняемыхъ. 31-го августа она дошла до такой ярости, что Мерленъ пригрозилъ очистить залъ.

2-го сентября судъ сдѣлалъ видъ, будто онъ совѣщается о приговорѣ. Въ девять часовъ вечера Мерленъ прочелъ приговоръ. Ферре и Люлье были приговорены къ смертной казни. Тренке и Урбенъ осуждены на пожизненныя каторжныя работы; Асси, Бильорэ, Шампи, Режеръ, Паскаль Груссе, Вердюръ, Ферра—къ ссылкѣ въ крѣпости, Растуль и Журдъ—къ ссылкѣ, Курбе—къ шести, Викторъ Клеманъ къ тремъ мѣсяцамъ тюремнаго заключенія. Деканъ и Улиссъ Паранъ оправданы. Кромѣ того на Курбе возложены были расходы по возстановленію Вандомской колонны, за разрушеніе которой онъ вовсе не стоялъ. Публика разошлась очень разочарованная тѣмъ, что получила только двѣ смертныя казни, изъ которыхъ одна—приговоръ Люлье—была только формальностью.

Въ общемъ, это судебное представленіе ничего не доказало. Развѣ можно было по второстепеннымъ лицамъ коммуны судить о революціи 18-го марта—судить о Делеклюзѣ, Варленѣ, Верморелѣ, Малонѣ, Тридонѣ, Моро и многихъ другихъ по Люлье, Декану, Виктору Клеману и Бильорэ? И если даже поведеніе Тренке, Ферре и Журда не являлись достаточнымъ доказательствомъ того, что въ совѣтѣ коммуны были и настоящіе люди и сильные умы,—не означали ли всѣ недостатки лишь то, что вся революція была дѣломъ общедоступнымъ, что жизненная сила революціи таилась въ коммунѣ-народѣ, а не въ коммунѣ-правительствѣ.

Буржуазія, между тѣмъ, обнаружила всю свою низость. Нѣкоторые свидѣтели явно нарушили присягу. Во время судебнаго разбирательства негодяи, пытавшіеся обмануть коммуну, нагло хвастались въ кулуарахъ и кафе, что они содѣйствовали успѣху арміи. „*Фигаро*“, открывшій подписку въ пользу Дюкателя, собралъ сто тысячъ франковъ и получилъ награду. Прельстившіеся такимъ успѣхомъ, самые ничтожные заговорщики потребовали денегъ и орде-

новъ. Партизаны Бофонъ-Ланье и Шарпантье-Домалэна вцѣпились другъ другу въ волоса и клялись каждый, что онъ былъ лучшимъ предателемъ, чѣмъ его соперникъ, обнародывая свои благородные поступки, приводя имена, проливающія свѣтъ на ихъ исторію.

Въ то время, какъ Версаль мстилъ за общество, судъ присяжныхъ въ Парижѣ мстилъ за честь Жюля Фавра. Сейчасъ же послѣ коммуны министръ иностранныхъ дѣлъ велѣлъ арестовать своего стараго друга Лалюйе за то, что онъ сообщилъ Мильеру документы, опубликованные въ „*Мстителѣ*“. Когда честному министру не удалось разстрѣлять Лалюйе въ качествѣ коммунара, онъ предалъ его суду присяжныхъ по обвиненію въ диффамаціи. Тамъ бывшій членъ національной обороны, бывшій министръ иностранныхъ дѣлъ, депутатъ Парижа публично признался въ фабрикаціи подлоговъ. Онъ оправдывался тѣмъ, что хотѣлъ обезпечить участь своихъ дѣтей. Это трогательное признаніе смягчило сердца отцовъ семействъ, составлявшихъ жюри, и Лалюйе былъ приговоренъ къ одному году тюремнаго заключенія; нѣсколько мѣсяцевъ спустя онъ умеръ въ тюрьмѣ Сенъ-Пелажи. Жюлю Фавру удивительно везло. Въ теченіе менѣе шести мѣсяцевъ благодаря разстрѣлу и тюрьмамъ онъ освободился отъ двухъ опасныхъ враговъ [1]).

Въ то время, какъ 3-ій военный судъ ссорился со своими адвокатами, 4-й—на скорую руку безъ фразъ справлялъ свое дѣло. Сейчасъ же послѣ своего открытія, 16-го августа, онъ уже вынесъ два смертныхъ приговора. Если одинъ изъ судовъ имѣлъ своего Жеффриса, то въ другомъ нашелся Трестальонъ, въ лицѣ полковника Буаденемеца, краснаго кабана, бывшаго нѣкогда острякомъ и корреспондентомъ „*Фигаро*“. 4-го сентября къ нему привели женщинъ, обвинявшихся въ поджогѣ зданія Почетнаго Легіона. Это и былъ процессъ поджигательницъ. Восемь тысячъ навербованныхъ фурій, о которыхъ возвѣстили газеты порядка, свелись къ пяти. При су-

---

[1]) Семья и нравственность одержали полную побѣду. На другой день послѣ паденія коммуны первый предсѣдатель кассаціоннаго суда, Девіеннъ, официальный посредникъ въ амурныхъ дѣлахъ между НаполеономъIII и Маргаритой Беланже, торжественно, въ присутствіи соединенныхъ палатъ, снова занялъ свое мѣсто, откуда его прогнала стыдливость людей 4-го сентября.

дебныхъ преніяхъ выяснилось, что эти мнимыя поджигательницы были просто сестрами милосердія. Такъ, гражданка Ретиферъ сказала: „Я помогла бы одинаково какъ версальскому солдату, такъ и національному гвардейцу“.—„Почему“,—спрашиваютъ другую,—„вы оставались послѣ того, какъ бѣжалъ вашъ батальонъ?“—„У насъ на рукахъ были раненые и умирающіе“,—просто отвѣтила она. Присяжные свидѣтели заявили, что они не замѣтили, чтобы одна изъ этихъ женщинъ участвовала въ поджогахъ; но судьба ихъ была предопредѣлена заранѣе. Между двумя засѣданіями Буаденемецъ кричалъ въ одномъ кафе: „Смерть всѣмъ этимъ бездѣльницамъ!“

Изъ пяти адвокатовъ трое покинули залъ суда. „Гдѣ они?“—спросилъ Буаденемецъ. „Они попросили разрѣшенія отлучиться, чтобы съѣздить за городъ“,—отвѣчалъ комиссаръ. Тогда судъ поручилъ солдатамъ защищать обвиняемыхъ. Гоффурьеръ Борделэ сказалъ слѣдующую прекрасную защитительную рѣчь: „Я полагаюсь на мудрость суда“.

Его кліентка Сюетенсъ была осуждена на смерть, такъ же, какъ и Ретиффе и Марше за „попытку измѣнить форму правленія“,—не посмѣли уже говорить о поджигательствѣ; двухъ остальныхъ приговорили къ ссылкѣ и тюремному заключенію.

Одна изъ осужденныхъ крикнула актуаріусу, читавшему приговоръ: „А мой ребенокъ,—кто будетъ его кормить?“

— Твой ребенокъ, возьми его.

Черезъ нѣсколько дней передъ тѣмъ же Буаденемецомъ предстали пятнадцать дѣтей изъ Парижа. Старшему изъ нихъ шестнадцать лѣтъ; младшій такъ малъ, что его едва видно изъ-за балюстрады, за которой сидятъ обвиняемые: ему одиннадцать лѣтъ. Всѣ они въ синихъ блузахъ и въ военныхъ кепи.

„Дрюе,—спрашиваетъ солдатъ: – „чѣмъ занимался вашъ отецъ?—Онъ былъ машинистомъ“.—„Почему же вы не работали такъ же, какъ онъ?“—„Потому что у меня не было работы“.

„Бувера, почему сдѣлались вы питомцемъ коммуны?“—„Чтобы имѣть, что ѣсть“.—„Вы были задержаны за бродяжничество?“—„Да, два раза; второй разъ, потому что я укралъ пару носковъ“.

„Каньокль, вы были ребенкомъ коммуны?“—„Да, сударь.“—„Почему

ушли вы изъ вашей семьи?“—„Потому что у насъ не было хлѣба.“—„Много вы сдѣлали выстрѣловъ?“—„Около пятидесяти“.

„Леско, почему ушли вы отъ своей матери?“—Потому что ей нечѣмъ было меня кормить“.—„Сколько дѣтей было васъ?“—„Трое.—„Вы были ранены?“—„Да, пулей въ голову“.

„Ламарръ, и вы также ушли изъ семьи?“—„Да, сударь, изъ-за голода.“—„И гдѣ же вы находились потомъ?“—„Въ казармѣ, я хотѣлъ записаться въ солдаты“.

„Леберіъ, вы служили у хозяина и васъ застали ворующимъ изъ *кассы*. Сколько вы взяли?“—„Десять су“.—„И эти деньги не жгли вашихъ рукъ?“

А ты—человѣкъ съ кровавыми руками—эти слова не жгли твоихъ губъ? Злосчастный глупецъ, ты не понималъ, что передъ этими дѣтьми, выброшенными на улицу нуждой, въ которую ты ихъ толкнулъ, передъ дѣтьми безъ образованія, безъ надеждъ, былъ виновенъ ты—государственный дѣятель общества, гдѣ двѣнадцатилѣтніе существа, способныя, жаждущія работы, вынуждены воровать чтобы достать пару носковъ, не имѣя другого выбора, какъ умереть подъ пулями или отъ голода!

ГЛАВА XXXIV.

„Въ Версалѣ были приняты всѣ мѣры къ тому, чтобы сдѣлать судопроизводство предстоящихъ процессовъ возможно болѣе тщательнымъ и серьезнымъ... Поэтому я полагаю, что приговоры, постановленные этими судами, безупречны не только съ точки зрѣнія всѣхъ нашихъ законовъ, но что даже самая чуткая совѣсть признаетъ ихъ безусловно справедливыми“. („Совершенно вѣрно! Совершенно вѣрно!“).
(Хранитель печати Дюфоръ Засѣданіе 18-го мая 1876 г).

Военные суды.—Казни.—Итогъ приговоровъ.

Въ Версалѣ, Парижѣ, Венсеннѣ, на Монъ-Валерьянъ, въ Сенъ-Клу, въ Севрѣ, Сенъ-Жерменѣ, въ Рамбулье—вплоть до Шартра—функціонировало двадцать шесть военныхъ судовъ, вѣрнѣе двадцать шесть юридическихъ митральезъ. При составленіи этихъ судовъ пренебрегли простыми приличіями правосудія, всѣми военными законами. Національное собраніе даже не позаботилось о томъ, чтобы опредѣлить ихъ полномочія. Побѣжденный противникъ былъ отданъ въ руки офицеровъ, еще не остывшихъ отъ возбужденія битвы, для которыхъ всякое, хотя бы законное, сопротивленіе было преступленіемъ. Они не знали иного правосудія, кромѣ личнаго произвола, никакой другой узды, кромѣ собственной гуманности, никакого другого права, кромѣ своихъ инструкцій. Съ такими янычарами, при уложеніи о наказаніяхъ, вмѣщавшемъ все, что угодно, въ своей эластичной туманности, не нужно было исключительныхъ законовъ, чтобы расправиться съ цѣлымъ Парижемъ. Въ этихъ

судебныхъ вертепахъ рождались и развивались самыя экстравагантныя теоріи; такъ, напримѣръ, простое присутствіе на мѣстѣ преступленія было равносильно доказанному соучастію.

Вмѣсто того, чтобы устроить эти суды въ портахъ, плѣнниковъ заставили продѣлать мучительный переходъ отъ моря къ Версалю. Элизе Реклю таскали по четырнадцати тюрьмамъ. Съ корабля его везли по желѣзной дорогѣ, вели пѣшкомъ въ ручныхъ цѣпяхъ. Но когда онъ проходилъ по городскимъ улицамъ, прохожіе снимали передъ нимъ шляпы.

За исключеніемъ нѣсколькихъ выдающихся обвиняемыхъ, о процессѣ которыхъ будетъ вкратцѣ сообщено ниже, вся масса заключенныхъ была брошена въ эти суды послѣ слѣдствія, даже не всегда устанавливавшаго личность подсудимаго. Слишкомъ бѣдные, чтобы пригласить себѣ защитника, эти несчастные, не имѣя никакихъ руководителей, лишенные свидѣтелей со стороны защиты,—тѣ, кого они вызывали, не рѣшались явиться, боясь что ихъ арестуютъ,—только на мгновеніе представали передъ трибуналомъ для того, чтобы сейчасъ же снова исчезнуть. Обвиненіе, допросъ, приговоръ—все совершалось въ теченіе нѣсколькихъ минутъ. „Вы сражались при Исси, Нейли? — приговоренъ къ ссылкѣ.“—„А моя жена, мои дѣти!“—Слѣдующему: „Вы служили въ батальонахъ коммуны?“—„А кто сталъ бы кормить мою семью, когда всѣ мастерскія и заводы были закрыты!“—Ссылка.—„А вы что же?.. Противозаконный арестъ! На каторгу“. Къ 14-у октября, меньше чѣмъ за два мѣсяца, 1-й и 2-й суды вынесли болѣе 600 обвинительныхъ приговоровъ.

Зачѣмъ не дано мнѣ нарисовать мортирологъ этихъ тысячъ людей—гвардейцевъ, женщинъ, дѣтей, стариковъ, сестеръ милосердія, врачей, чиновниковъ обезглавленнаго города, которые тѣсными рядами прошли черезъ эти суды? Вамъ, неизвѣстные, я предоставилъ бы первое мѣсто, какъ и всегда вы были первыми въ трудѣ и на баррикадахъ. Но и настоящая драма военныхъ судовъ разыгрывалась не на тѣхъ торжественныхъ засѣданіяхъ, гдѣ обвиняемые, судьи, адвокаты старались показать себя передъ публикой, а тамъ гдѣ въ пустынныхъ залахъ несчастные были совершенно одиноки передъ лицомъ своихъ судей, безпощадныхъ, какъ шаспо! Сколько скромныхъ защитниковъ коммуны, въ противность вождямъ, высоко

держали головы,—но кто разскажетъ объ ихъ героизмѣ? Когда слышишь о тѣхъ оскорбленіяхъ, тѣхъ проклятіяхъ, о тѣхъ нелѣпыхъ обвиненіяхъ, которымъ подвергались подсудимые со стороны судей на глазахъ у всѣхъ, то можно себѣ представить, сколько позора пришлось вынести неизвѣстнымъ обвиняемымъ подъ сѣнью этого такъ называемаго законнаго правосудія. Кто отомститъ за эти гекатомбы неизвѣстныхъ, казненныхъ въ тиши, подобно послѣднимъ защитникамъ коммуны, павшимъ на Перъ-Лашезѣ.

Въ газетахъ мы не найдемъ никакого слѣда объ ихъ процессѣ; но если неизвѣстны имена жертвъ, то исторія знаетъ имена нѣкоторыхъ судей.

Въ 1795 году пришлось угрожать смертью офицерамъ республики для того, чтобы добиться созданія военныхъ судовъ, которые должны были судить вандейцевъ. А между тѣмъ эти вандейцы съ помощью пушекъ и англійскаго оружія съ тыла атаковали родину, на которую съ фронта нападали союзные войска. Въ 1871 г. офицеры Базэна сами домогались чести судить Парижъ, который былъ оплотомъ національнаго достоинства. Въ продолженіе долгихъ мѣсяцевъ сто пятьдесятъ девять военныхъ — среди нихъ 14 генераловъ, 266 полковниковъ и лейтенантовъ-полковниковъ, 284 маіора являли изъ себя импровизированныхъ предсѣдателей суда, судей и комиссаровъ. Кому отдать предпочтеніе въ этомъ сборищѣ скотовъ? Остановиться на нѣкоторыхъ изъ нихъ—Мерленѣ, Буаденемецѣ, Жобеѣ, Делапортѣ, Дюлакѣ, Бартелѣ, Донна, Оберѣ—это значитъ совершить несправедливость по отношенію къ сотнѣ другихъ.

Мы познакомились уже съ Мерленомъ и Буаденемецомъ. Полковникъ Делапортъ, старый тигръ, истаскавшійся и больной, оживалъ только послѣ смертнаго приговора. Самое большое количество такихъ приговоровъ было произнесено имъ, при содѣйствіи актуаріуса Дюплана, который заранѣе составлялъ приговоры и дѣлалъ самые безсовѣстные подлоги. Говорили, что Жобей потерялъ сына въ борьбѣ съ коммуной. И какъ же мстилъ онъ теперь! Своими маленькими заплывшими глазками онъ жадно подстерегалъ выраженіе смертельнаго ужаса на лицѣ несчастнаго, котораго онъ осуждалъ на казнь. Всякій призывъ къ справедливости, къ здравому смыслу звучалъ для него оскорбленіемъ. „Онъ былъ бы сча-

стливъ“,—говорилъ онъ,—„если бы могъ сварить въ одномъ котлѣ адвокатовъ вмѣстѣ съ обвиняемыми“.

А между тѣмъ какъ мало адвокатовъ исполняли свой долгъ. Большинство объявляли, что они не могутъ достойнымъ образомъ защищать такихъ подсудимыхъ. Другіе соглашались выступать лишь по назначенію суда. За четырьмя или пятью исключеніями защитники кутили вмѣстѣ съ офицерами. Адвокаты и комиссары сообщали другъ другу способы обвиненія и защиты. Адвокатъ Рише хвалился тѣмъ, что онъ составилъ первый обвинительный актъ противъ Росселя. Адвокаты, назначенные отъ суда, не отвѣчали своему призванію.

Эти невѣжественные судьи, фанфароны насилія, оскорблявшіе обвиняемыхъ, свидѣтелей и адвокатовъ, находили достойную поддержку со стороны комиссаровъ. Грималь продавалъ газетамъ полусвѣта документы извѣстныхъ подсудимыхъ и въ послѣдствіи былъ осужденъ на пять лѣтъ тюремнаго заключенія. Дувиль, прославившійся своими жестокими обвинительными актами, также былъ приговоренъ потомъ къ каторжнымъ работамъ за подлоги, кражи и мошенничество. Глупаго и бѣшеннаго Гаво слѣдовало бы снова посадить въ сумасшедшій домъ; Бурбулонъ гнался за ораторскими эффектами; налитый пивомъ Бартелеми, бѣлокурый и одутловатый, сочинялъ каламбуры, требуя головы осужденныхъ; Шарьеръ, все еще капитанъ въ свои пятьдесятъ лѣтъ, говорилъ, что онъ „поклялся Цезарю въ жестокости“; Жуэнь, извѣстный своей глупостью въ арміи, желалъ искушить ее теперь своей свирѣпостью на судѣ. Но свирѣпости на этихъ судахъ было и безъ того слишкомъ достаточно. Наиболѣе жестокими были 3-й, 4-й, 6-й и 13-й въ Сенъ-Клу, который открыто хвастался тѣмъ, что никого не оправдалъ.

Таковы тѣ судьи и то правосудіе, которыми буржуазія вознаградила пролетаріевъ, оставшихся неразстрѣлянными. Мнѣ хотѣлось бы прослѣдить шагъ за шагомъ эти судебныя драгонады, разобрать каждый процессъ въ отдѣльности, показать, какъ нарушались всѣ законы, самыя элементарныя юридическія правила какъ поддѣлывались документы, подтасовывались показанія свидѣтелей, какъ людей отправляли на каторгу и на смерть безъ тѣни какого-либо доказательства для серьезнаго жюри—разоблачить весь

цинизмъ этого суда, напоминающій судъ реставраціи и смѣшанныя декабрьскія комиссіи, но еще усиленный жестокостью солдата, мстящаго за свою касту; но это потребовало бы долгой технической работы. Я намѣчу лишь главнѣйшія черты. И впрочемъ, развѣ эти суды не осуждены уже?

Версаль потребовалъ отъ Швейцаріи выдачи директора Военной школы, Разуа, и отъ Венгріи делегата отъ министерства торговли Франкеля; оба были приговорены къ смерти за убійство и поджогъ. Ихъ арестовали и предали суду въ Женевѣ и Будапештѣ. Швейцарія и Венгрія согласились выдать ихъ, если версальское правительство представитъ законныя доказательства того, что они дѣйствительно совершили убійства и грабежи, въ которыхъ ихъ обвиняютъ. Обѣ державы не сдѣлали никакихъ возраженій съ политической точки зрѣнія; очевидно, онѣ допускали, что обвиняемые дѣйствительно были осуждены за уголовныя преступленія. Что касается дѣла Франкеля, то Жюль Фавръ ограничился тѣмъ, что привелъ постановленіе военнаго суда и не могъ прибавить къ этому „ни слѣда обоснованія, никакого точнаго свидѣтельства, никакого доказательства его виновности“; такъ выражается судъ въ Будапештѣ, который освободилъ Франкеля. Разуа обвиняли въ кражѣ чемодана и пары сапогъ изъ Военной школы; Швейцарія отпустила его на свободу.

8-го сентября передъ 3-мъ судомъ предсталъ Россель. Онъ объяснилъ, что служилъ въ коммунѣ, надѣясь, что возстаніе поведетъ къ возобновленію войны съ Пруссіей.

Мерленъ отнесся къ нему очень снисходительно, а обвиняемый въ свою очередь выразилъ самое глубокое уваженіе къ арміи. Но нужно было проучить романтическихъ солдатъ, и Росселя осудили на смерть.

21-го Рошфоръ былъ приговоренъ къ ссылкѣ въ крѣпость. За три дня до вступленія версальцевъ въ Парижъ, онъ бѣжалъ оттуда. Въ Мо его узнали и арестовали вмѣстѣ съ секретаремъ. Валентенъ послалъ полицейскаго агента съ приказомъ привести плѣнника въ Версаль „живымъ или мертвымъ“. Командовавшій въ Мо нѣмецкій офицеръ по приказанію, которое онъ будто бы получилъ свыше, потребовалъ, чтобы ему предоставили послать собственный конвой, и

онъ составилъ его изъ баварскихъ гусаровъ, которые сопровождали коляску до моста Пекъ—военная граница, гдѣ плѣнники выдавались Галлиффе. Въ Версалѣ озлобленная толпа бросала камнями въ его экипажъ вплоть до воротъ тюрьмы Шантье. Бонапартисты военнаго суда скалили зубы на автора „Фонаря“. Мерленъ защищалъ принца Петра Бонапарта. Трошю, приглашенный Рошфоромъ въ защитники, съ презрѣніемъ отрекся отъ своего стараго товарища. Гамбетта обнаружилъ душевное благородство и пригласилъ къ нему очень краснорѣчиваго защитника.

Затѣмъ предъ судомъ предсталъ Бланки. Комитетъ общественнаго спасенія далъ пятьдесятъ тысячъ франковъ его друзьямъ для того, чтобы они помогли ему бѣжать изъ крѣпости Торо. Но нужно было еще больше, и прежде всего нужны были ловкіе агенты, такъ какъ существовалъ приказъ убить его при малѣйшей попыткѣ бѣжать. Часть денежныхъ средствъ находилась въ кассѣ комитета въ день вступленія версальцевъ.

Что могъ знать о коммунѣ Бланки, арестованный до 18-го марта? Ничего. Онъ даже не видалъ газетъ, такъ какъ онѣ не доходили до него. Его осудили за 31-ое октября, но главнымъ образомъ за то, что онъ уже съ 1830 г. былъ *мятежникомъ*. Этотъ великій революціонный Гамлетъ, вынесенный противъ своей воли на гребень общественной волны, которой онъ никогда не умѣлъ управлять, плохо понятый своими фанатическими послѣдователями, терпя за проступки, которыхъ не совершалъ, всю свою долгую и благородную жизнь шелъ по терніямъ, увѣковѣченнымъ на статуѣ Далу.

Революціонная печать также понесла свои жертвы. Молодой Марото былъ осужденъ на смерть за двѣ статьи въ „*Общественномъ спасеніи*“. Анри Бриссакъ, секретарь комитета общественнаго спасенія, приговоренъ къ каторгѣ, Альфонсъ Эмберъ, требовавшій въ „*Перъ-Дюшенъ*“ ареста Шодея—также къ каторгѣ; публицисты, арестованные позже—Анри Маре, Лепеллетье, Пейрутонъ и т. д.—къ нѣсколькимъ годамъ тюремнаго заключенія; тѣ, кому удалось бѣжать за границу—къ девяти мѣсяцамъ тюрьмы. Въ чемъ состояло ихъ преступленіе? Въ томъ, что они защищали коммуну. За защиту Версаля коммуна удовольствовалась простымъ закрытіемъ газетъ. Въ

сущности судамъ приказано было просто искоренить всю революціонную партію.

Страхъ передъ будущимъ сдѣлалъ ихъ неумолимыми. Послѣ безчисленныхъ разстрѣловъ на улицѣ Розье, имъ, въ свою очередь, захотѣлось принести жертвы мощамъ Леконта и Клемана Тома. Настоящихъ убійцъ невозможно было разыскать. Взрывъ злобы, погубившій обоихъ генераловъ, былъ самопроизвольнымъ и разрушительнымъ. Толпа разыграла эту драму, и актеры ея растворились въ толпѣ. Военные судьи хватали кого придется, такъ же, какъ ихъ коллеги разстрѣливали первыхъ попавшихся на Монмартрскихъ холмахъ.

„Симонъ Майеръ“—такъ гласитъ рапортъ,—„до послѣдней минуты пытался защищать арестованныхъ и даже Каждански хотѣлъ воспротивиться исполненію угрозъ смертью. Толпа осыпала его проклятьями, и сорвала съ него погоны“. Эрпенъ-Лакруа сдѣлалъ отчаянныя попытки успокоить толпу. Лагранжъ, отказавшійся сформировать взводъ для разстрѣла, такъ былъ увѣренъ въ своей невиновности, что самъ пришелъ отдаться суду. Рапортъ сдѣлалъ изъ него одного изъ главныхъ преступниковъ наряду съ Симономъ Майеромъ, Эрпенъ-Лакруа, Каждански и однимъ линейнымъ унтеръ-офицеромъ, который 18-го марта повернулъ ружье прикладомъ вверхъ.

Дѣло велось полковникомъ Оберомъ—зубоскаломъ и ханжей. Несмотря на всѣ старанія его и комиссара, нельзя было найти ни малѣйшихъ уликъ противъ обвиняемыхъ. Даже офицеры изъ арміи сопровождавшей генерала Леконта, показали въ ихъ пользу. „Симонъ Майеръ сдѣлалъ все возможное, чтобы спасти насъ“,—сказалъ маіоръ Туссаргъ. Этотъ офицеръ слышалъ, какъ кто-то кричалъ: „Не убивайте безъ суда даже предателей! Устройте военный судъ!“, Подлинныя слова Эрпена-Лакруа. Изъ всѣхъ обвиняемыхъ онъ призналъ только Майера. Другой офицеръ далъ совершенно такія же показанія. Верданье доказалъ, что въ моментъ убійства онъ находился въ лагерѣ—на Курсель. Обвиненіе отрицало это, не приводя ни единаго доказательства. Рибеморъ показалъ, что онъ бросился останавливать ворвавшихся въ домъ на улицѣ Розье. Противъ Масселя имѣлись показанія только женщинъ - враговъ, увѣрявшихъ, что онъ хвастался, будто стрѣлялъ въ генераловъ. Напротивъ того, ка-

питанъ Беньо, адъютантъ министра, присутствовавшій при казни, увѣрялъ, что генералы были окружены солдатами; де-Дувиль-Мальефе говорилъ, что стрѣлявшій взводъ состоялъ изъ девяти солдатъ, онъ указалъ какихъ полковъ.

Здѣсь не было даже официальныхъ лжесвидѣтелей, какъ въ процессѣ о членахъ коммуны, тѣмъ не менѣе обвиненіе вовсе не было расположено отпустить свою добычу, оно старалось запутать даже тѣхъ, которые рисковали своей жизнью, защищая генераловъ. Комиссаръ грозилъ арестовать даже одного свидѣтеля, который горячо отстаивалъ одного обвиняемаго. Уже по прошествіи многихъ засѣданій выяснилось, что судятъ одно лицо вмѣсто другого; президентъ велѣлъ газетамъ замолчать этотъ инцидентъ. Каждое засѣданіе, каждое новое показаніе со стороны свидѣтелей говорило въ пользу обвиняемыхъ, дѣлало невозможнымъ вынесеніе обвинительнаго приговора. И все же 18-го марта Верданье, Симонъ Майеръ, Эрпенъ Лакруа, Лагранжъ, Массело, Леблонъ, Альденгофъ были приговорены къ смерти, другіе—къ различнымъ наказаніямъ, начиная каторжными работами и кончая тюремнымъ заключеніемъ. Одному изъ осужденныхъ на смерть, Леблону, было всего пятнадцать съ половиной лѣтъ. Черезъ шесть лѣтъ парижскій военный судъ по тому же самому дѣлу вынесъ смертный приговоръ 72-хъ-лѣтнему старцу Гарсену.

Послѣ того, какъ армія получила, наконецъ, удовлетвореніе, военнымъ судамъ, въ качествѣ придворныхъ слугъ, нужно было еще отомстить обиды г-на Тьера.

Къ 5-му военному суду былъ привлеченъ чиновникъ коммуны Фонтэнъ, уполномоченный ею разрушить домъ того, кто самъ разрушилъ сотни домовъ. Судъ хотѣлъ выставить его воромъ. Между тѣмъ, рѣшительно ни для кого не было тайной, что Тьеръ всѣ свои картины, мебель, форфоръ и серебро отправилъ на храненіе въ склады, художественныя произведенія отослалъ въ музеи, книги въ публичныя библіотеки, бѣлье въ госпитали, а послѣ вступленія войскъ маленькій человѣчекъ получилъ обратно почти всѣ свои драгоцѣнности. Лишь очень незначительная часть погибла при пожарѣ въ Тюильри. Фонтэна обвиняли въ расхищеніи его имущества, между тѣмъ у него не нашли ничего, кромѣ двухъ медальоновъ, не имѣвшихъ никакой цѣнности. Фонтэнъ не сумѣлъ иначе, какъ слезами,

отвѣтить на это обвиненіе, противъ котораго, казалось ему, говорила вся его долгая жизнь безукоризненной честности. Юмористическіе листки много смѣялась по этому поводу. Ему присудили двадцать лѣтъ каторги.

28-го ноября національное собраніе возобновило свою бомбардировку. Г-нъ Тьеръ прибѣгъ къ очень искусному маневру: онъ предоставилъ депутатамъ право смягчать наказанія и рекомендовалъ парламенту образовать комиссію помилованія. Она составилась изъ пятнадцати членовъ смѣшанныхъ коммиссій 1851 г., крупныхъ собственниковъ, роялистовъ стараго закала, какъ-то: Мартель, Піу, князь Октавъ де-Батаръ, Феликсъ Вуазенъ, Баби, князь де-Мелье, князь Дюшатель, Пельтеро-Вильневъ, Франсуа Лаказъ, Тейларъ, маркизъ де-Кенсонна, Биго, Мервелье-Дювиньо, Пари, Корнъ,—вся Торквемада іюня 48-го года. Предсѣдатель Мартель продавалъ помилованія хорошенькимъ просительницамъ.

Первыя дѣла, которыми они занялись, были дѣла Ферре и Росселя. Либеральная пресса горячо ходатайствовала за молодого офицера. Буржуазія очень скоро признала одного изъ своихъ заблудшихъ сыновъ въ этомъ безпокойномъ молодомъ человѣкѣ, не исповѣдывавшемъ непристойныхъ политическихъ взглядовъ, столь рыцарски повернувшемся спиной къ коммунѣ. Кромѣ того, онъ принесъ публичное раскаяніе. Газеты публиковали его мемуары, въ которыхъ онъ презрительно отзывался о коммунѣ и федералистахъ. Они описывали всю его жизнь плѣнника день за днемъ, его великолѣпныя бесѣды съ однимъ протестантскимъ духовнымъ лицомъ, его раздирающія душу свиданія съ семьей. Бонапартистъ Жюль Амигъ организовалъ студенческую манифестацію въ честь его помилованія. О Ферре не было сказано ни слова, исключая того, что онъ „отвратительный изверг“. Его мать умерла отъ помѣшательства; его братъ былъ запертъ въ конурѣ въ Версалѣ; его отецъ заключенъ въ крѣпость Фурасъ; его сестра, молодая 19-лѣтняя дѣвушка, молчаливая, безропотная, дни и ночи работала, выручая свои двадцать франковъ, которые она каждую недѣлю отсылала заключеннымъ. Она отказалась отъ помощи друзей, не желая ни съ кѣмъ дѣлить честь исполненія своего долга. Конечно, ничего „отвратительнѣе“ невозможно было и вообразить.

Въ теченіе двѣнадцати недѣль ужасъ смерти тяготѣлъ надъ

осужденными. 28-го ноября, въ шесть часовъ утра, имъ сказали, что ихъ поведутъ на казнь. Ферре поднялся съ постели, не обнаруживая никакого волненія, отклонилъ посѣщеніе духовника, написалъ письмо въ военный судъ, прося освободить его родныхъ, и сестрѣ, чтобы она похоронила его трупъ такъ, чтобы друзья могли найти его. Россель сначала былъ очень пораженъ, потомъ онъ побесѣдовалъ со священникомъ, написалъ письмо съ просьбой не мстить за его смерть—совершенно излишняя предосторожность—и составилъ какое-то таинственное завѣщаніе. Они имѣли еще одного товарища въ смерти —сержанта 45-го линейнаго полка, Буржуа, перешедшаго на сторону коммуны и обнаружившаго такое же хладнокровіе, какъ и Ферре. Россель возмутился, когда на него надѣли ручные кандалы. Ферре и Буржуа не унизились до протеста.

День только что занимался; было страшно холодно. У холма Сатори пять тысячъ человѣкъ подъ ружьемъ окружали три бѣлыхъ столба, каждый изъ столбовъ охранялся взводомъ изъ двѣнадцати палачей. Командовалъ полковникъ Мерленъ, совмѣщая въ себѣ одновременно побѣдителя, судью и палача. Публика состояла изъ нѣсколькихъ любопытныхъ, офицеровъ и журналистовъ.

Въ семь часовъ прибыли фургоны съ осужденными; пробили барабаны, протрубилъ рогъ. Осужденные сошли съ повозки подъ конвоемъ жандармовъ. Россель поклонился офицерамъ. Буржуа, кинулъ равнодушный взоръ на сдѣланныя приготовленія, подошелъ къ среднему столбу и прислонился къ нему. Ферре подошелъ послѣдній, одѣтый весь въ черное, съ лорнетомъ въ рукѣ и съ сигарой во рту. Твердыми шагами онъ приблизился къ третьему столбу.

Поддерживаемый своимъ адвокатомъ и пасторомъ, Россель попросилъ позволенія самому отдать команду стрѣлять. Мерленъ отказалъ ему. Россель хотѣлъ пожать ему руку, чтобы выразить свое уваженіе приговору. Снова отказъ. Во время этихъ переговоровъ Ферре и Буржуа оставались неподвижными и молчаливыми. Чтобы сократить изліянія Росселя, одинъ офицеръ сказалъ ему, что онъ задерживаетъ казнь двухъ остальныхъ. Онъ далъ завязать себѣ глаза. Ферре сбросилъ повязку, оттолкнулъ священника, подошедшаго къ нему, поправивъ лорнетъ, взглянулъ прямо и пристально въ глаза солдатамъ.

Прочли приговоръ, и адъютанты опустили шашки. Раздались выстрѣлы; Россель и Буржуа упали навзничь. Ферре остался стоя, раненый въ бокъ. Въ него выстрѣлили еще разъ, онъ опустился на землю. Одинъ солдатъ приставилъ къ его уху ружье и мозгъ брызнулъ изъ черепа; та же милость была оказана и Буржуа. Росселя избавили отъ нея.

Мерленъ сдѣлалъ знакъ, заиграли трубы, и, согласно обычаю дикихъ, полкъ съ тріумфомъ продефилировалъ передъ трупами. Какой крикъ негодованія вырвался бы у буржуазіи, если бы федералисты съ музыкой парадировали передъ тѣлами казненныхъ заложниковъ!

Семьи Росселя и Ферре потребовали выдачи ихъ труповъ; трупъ Буржуа скрылся въ братской могилѣ кладбища св. Луи. Либеральная пресса пролила слезу надъ трупомъ Росселя. Мужественныя провинціальныя газеты воздали честь всѣмъ жертвамъ и призвали проклятіе всей Франціи на коммиссію помилованія, „коммиссію убійцъ“— какъ сказалъ одинъ депутатъ въ національномъ собраніи. Газеты были преданы суду и оправданы.

Черезъ два дня послѣ казни на Сатори комиссія помилованія распорядилась убить Гастона Кремье. Онъ былъ осужденъ шесть мѣсяцевъ тому назадъ, и это долгое ожиданіе и его умѣренность во время революціи, казалось, сдѣлали убійство невозможнымъ, но коммиссія „деревенщины“ хотѣла отомстить за знаменитое издѣвательство надъ Бордо. 30-го ноября, въ 7 часовъ утра, Гастона Кремье привели на Прадо Марселя, большое поле на берегу моря. Онъ сказалъ своимъ охранителямъ: „Я покажу вамъ, какъ умираетъ республиканецъ“. Его поставили у того же столба, гдѣ мѣсяцъ тому назадъ разстрѣляли солдата Паки, примкнувшаго къ возстанію. Онъ захотѣлъ остаться съ незавязанными глазами и пожелалъ самъ отдать команду. Ему разрѣшили это. Тогда, обращаясь къ солдатамъ, онъ воскликнулъ: „Цѣльтесь въ грудь, не стрѣляйте въ голову. Пли! Да здравствуетъ респу...“ Послѣднее слово было прервано смертью. Такъ же какъ и на Сатори, загремѣла музыка и продефилировали войска. Смерть этого молодого энтузіаста произвела сильное впечатлѣніе въ городѣ. Въ теченіе нѣсколькихъ часовъ адресъ, положенный у дверей его дома, весь покрылся подписями.

Въ тотъ же день 6-ой военный судъ расплатился за убійство Шодея. Оно было совершено по иниціативѣ и подъ руководствомъ одного только Рауля Риго. Солдаты взвода находились во время процесса за границей. Главный обвиняемый, Прео-де-Ведель, заключенный въ Сенъ-Пелажи за уголовное преступленіе, только держалъ фонарь. Но, по правосудію офицеровъ, простымъ исполнителямъ полагалась та же отвѣтственность, что и начальникамъ, и Прео-де-Ведель былъ приговоренъ къ смерти.

4-го декабря въ залѣ 3-го суда появился Лисбонъ. Онъ имѣлъ видъ настоящаго призрака съ своимъ мертвенно-блѣднымъ симпатичнымъ лицомъ. Уже шесть мѣсяцевъ онъ страдалъ отъ ранъ, полученныхъ имъ при Шато-д'О. Онъ оставался тѣмъ же на судѣ, какимъ былъ во время коммуны и въ Бюзанвалѣ; онъ открыто гордился тѣмъ, что сражался за коммуну и только отвергъ обвиненіе въ грабежѣ. Версальцы осудили его на смерть.

Нѣсколько дней спустя на томъ же судѣ раздается голосъ женщины. „Я не желаю защищаться, не желаю, чтобы меня защищали!“—восклицаетъ Луиза Мишель.—„Я отдала всю свою жизнь соціальной революціи и я желаю нести отвѣтственность за всѣ свои поступки. Я не принимаю никакого снисхожденія. Вы обвиняете меня въ соучастіи въ казни генераловъ? На это я отвѣчаю: да, если бы я была въ Монмартрѣ въ то время, какъ они собирались стрѣлять въ народъ, я не поколебалась бы сама выстрѣлить въ тѣхъ, кто отдаетъ подобные приказы. Что касается парижскихъ пожаровъ—да, я участвовала въ нихъ. Я хотѣла пламенемъ преградить дорогу версальскимъ завоевателямъ. У меня нѣтъ сообщниковъ, я дѣйствовала исключительно по собственному побужденію“.

Прокуроръ Дальи требуетъ смертной казни. „Единственно чего я требую отъ васъ, именующихъ себя военнымъ судомъ, называющихъ себя моими судьями, не прикрывающихся никакими личинами, какъ это дѣлаетъ комиссія помилованія — это, чтобы вы казнили меня на полѣ Сатори, гдѣ уже пали мои братья. Меня нужно выбросить изъ общества; вамъ поручили сдѣлать это; что же! комиссаръ республики правъ. Если каждое бьющееся за свободу сердце имѣетъ право лишь на кусокъ свинца, то я требую своей доли! Если вы оставите меня въ живыхъ, я не перестану кричать о ме-

сти, я призову месть моихъ братьевъ на головы убійцъ изъ комиссіи помилованія“.

Предсѣдатель. – „Я не могу дать вамъ слова“.

Луиза Мишель. — „Я кончила... если вы не трусы, то вы убьете меня“.

Но у нихъ не хватило смѣлости сразу убить ее. Ее осудили на ссылку въ крѣпость.

Луиза Мишель не была единственной, выказавшей такое мужество. Многія другія, между которыми слѣдуетъ отмѣтить Лемель и Августину Шиффонъ, показали Версалю, какъ страшны женщины Парижа, даже когда онѣ побѣждены и въ цѣпяхъ.

Дѣло о казни заложниковъ въ Ла-Рокеттъ разбиралось въ началѣ 72-го года. Такъ же, какъ и въ процессахъ Шодея и Клемана Тома, среди обвиняемыхъ не было ни одного изъ дѣйствительныхъ участниковъ, кромѣ Жантона. Показанія всѣхъ свидѣтелей, бывшихъ заложниковъ, дышали страшной злобой, естественной въ людяхъ, которымъ пришлось дрожать за свою жизнь. Обвиненіе сочинило цѣлую нелѣпую басню о томъ, будто убійство генераловъ совершилось по приказанію настоящаго военнаго суда. Оно увѣряло будто убійцы оспаривали другъ у друга трупы; такъ разсказывалъ, будто бы, одинъ аббатъ. Его вызвали въ судъ. „Я не увѣренъ въ этомъ“,— сказалъ онъ,—„но возможно, что мнѣ сказали, а я повторилъ“. И это доказательство! Обвиненіе утверждало, что одинъ изъ обвиняемыхъ былъ командиромъ экзекуціоннаго взвода и его осудили на смерть, несмотря на повторные протесты Жантона; наконецъ, привели въ судъ, истиннаго командира Сикара, котораго, уже умирающимъ, розыскали въ какой-то тюрьмѣ. Жантона приговорили къ смерти. Его адвокатъ, взваливъ на него возмутительнѣйшія обвиненія, бѣжалъ, и судъ отказалъ ему въ другомъ защитникѣ.

Самымъ важнымъ изъ послѣдующихъ дѣлъ было дѣло о доминиканцахъ Аркейля. Ни одно изъ убійствъ не было менѣе преднамѣреннымъ, чѣмъ это. Переходя черезъ Итальянское авеню, эти монахи были убиты, напавшими на нихъ гвардейцами 101-го батальона. Въ убійствѣ обвиняли Серизье, который въ тотъ моментъ вовсе не находился на проспектѣ. Единственный свидѣтель, выставленный противъ него, сказалъ:—„Я самъ ничего не утверждаю съ достовѣр-

ностью, я слышалъ, какъ объ этомъ разсказывали другіе“. Но всѣмъ извѣстно, какими тѣсными узами связана армія и клиръ. Серизье приговорили къ смерти такъ же, какъ одного изъ его лейтенантовъ, Буэна, противъ котораго не привели ни одной улики. Судъ воспользовался случаемъ, чтобы приговорить къ смерти Вроблевскаго, находившагося въ моментъ убійства на Бюттъ-о-Кайль и Лео Франкеля, сражавшагося тогда на площади Бастиліи.

12-го марта въ 6-ой судъ, съ его неизмѣннымъ предсѣдателемъ Делапортомъ поступило дѣло о происшествіи на улицѣ Аксо. И здѣсь, такъ же, какъ въ дѣлѣ улицы Розье, невозможно было разыскать истинныхъ убійцъ заложниковъ. Обвиненіе обрушилось на директора тюрьмы, Франсуа, который не хотѣлъ выдать своихъ заключенныхъ и на двадцать двухъ человѣкъ, про которыхъ ходили одни пустыя сплетни. Ни одинъ изъ свидѣтелей со стороны обвиненія не узналъ обвиняемыхъ. Два викарія изъ Бельвиля и одна прачка разсказывали ужасныя вещи, но они прибавляли при этомъ:—„Самъ я ничего не видѣлъ, но я слышалъ, какъ разсказывали“. Тогда Делапортъ усилилъ свои угрозы и держался съ такимъ цинизмомъ, что даже комиссаръ Рюсто, выказавшій свои способности въ предыдущихъ процессахъ, не удержался и сказалъ:—„Но вѣдь вы ихъ хотите осудить всѣхъ“? Его замѣнилъ озвѣрѣвшій Арьеръ. Всѣ доводы обвиненія съ каждымъ часомъ ослабѣвали, разбитые показаніями свидѣтелей. Но все же ни одному изъ обвиняемыхъ не удалось спастись. Семь человѣкъ были приговорены къ смерти, девять къ каторжнымъ работамъ, другіе къ ссылкѣ.

Комиссія помилованія съ Шаспо въ рукахъ подстерегала свои жертвы, которыя доставлялись ей военными судами. 22-го февраля 72-го года она разстрѣляла троихъ изъ предполагаемыхъ убійцъ Клемана Тома и Леконта, и какъ разъ тѣхъ, невинность которыхъ наиболѣе неопровержимо выяснилась во время судебныхъ преній каковы: Эрпенъ-Лакруа, Лагранжъ и Верданье. Они кричали: „Да здравствуетъ коммуна!“ у того же столба, гдѣ разстрѣляли Ферре, они и умерли съ лучезарными лицами. 19-го марта казнили Преоде-Веделя. 30-го апрѣля пришла очередь Жантона. Раны, полученныя имъ на баррикадахъ, снова открылись и ему пришлось на костыляхъ взбираться на холмъ. Дойдя до столба, онъ бросилъ ко-

стыли и воскликнулъ: „Да здравствуетъ коммуна!“ 25-го мая у трехъ столбовъ стояли Серизье, Буэнъ и Буденъ; ихъ приговорили къ смерти, за то, что они убили одного версальца, который мѣшалъ строить баррикады на улицѣ Ришелье. Они сказали взводу солдатъ: „Мы такія же дѣти народа, какъ и вы. Мы покажемъ вамъ, какъ умѣютъ умирать дѣти народа“. И они умерли съ возгласомъ:—„Да здравствуетъ коммуна!“

Видъ этихъ людей, которые такъ мужественно прислонялись къ своимъ могильнымъ столбамъ, которые съ презрѣніемъ смотрѣли на направленныя на нихъ ружья, которые, умирая, кричали, что дѣло ихъ не умретъ вмѣстѣ съ ними, ихъ взволнованный голосъ, ихъ гордый взглядъ—все это глубоко взволновало солдатъ. Ружья дрожали у нихъ въ рукахъ, и они рѣдко попадали съ перваго раза, хотя стрѣляли почти въ упоръ. На послѣдующей казни, 6-го іюля 72-го года, командиръ Коленъ приказалъ завязать осужденнымъ глаза. Ихъ было двое: Бодуэнъ, котораго обвиняли въ поджогѣ церкви св. Ильи и въ убійствѣ какого-то субъекта, нападавшаго на баррикаду, и Руйлакъ, застрѣлившій одного буржуа, который изъ укромнаго мѣстечка обстрѣливалъ федералистовъ. Оба они оттолкнули сержантовъ, которые хотѣли завязать имъ глаза. Коленъ приказалъ привязать ихъ къ столбамъ. Три раза Бодуэнъ срывалъ веревки, Руйлакъ отчаянно сопротивлялся. Священникъ, поддерживавшій солдатъ, получилъ ударъ въ грудь. Кончилось тѣмъ, что ихъ повалили на землю. „Мы умираемъ за правое дѣло!“—воскликнули они. Послѣ церемоніальнаго марша одинъ офицеръ-психологъ, ткнувъ кончикомъ сапога въ мозгъ, который вытекъ изъ черепа, сказалъ своему товарищу:—„Вотъ то, чѣмъ они думали“.

Въ іюнѣ 72-го года, когда всѣ наиболѣе громкія дѣла уже окончились, военный судъ отомстилъ за смерть одного офицера-федералиста — капитана Бофора. Для этого страннаго случая возможно только одно объясненіе—очень вѣроятно, что Бофоръ принадлежалъ къ версальцамъ. Изъ четырехъ обвиняемыхъ на судѣ присутствовало трое: Дешанъ, Денивелль и Лашэзъ, знаменитая маркитантка 66-го батальона. Она послѣдовала за Бофоромъ въ судъ на бульварѣ Вольтера, послѣ того, какъ онъ далъ свои объясненія, пыталась его защищать.

Тѣмъ не менѣе судъ сдѣлалъ изъ нея подстрекательницу въ убійствѣ. На основаніи письменнаго показанія одного изъ свидѣтелей, котораго не могли разыскать и который не имѣлъ ни одной очной ставки съ ней, прокуроръ обвинилъ Лашэзъ въ томъ, что она будто бы издѣвалась надъ трупомъ Бофора. При этихъ низкихъ словахъ мужественная женщина разразилась слезами. Ее приговорили къ смерти вмѣстѣ съ Денивеллемъ и Дешаномъ.

Нѣкоторые солдаты изощряли свое нечистое воображеніе въ томъ, какъ бы запятнать обвиняемыхъ.

Полковникъ Дюлакъ, судившій одного интимнаго друга Риго, утверждалъ, что ихъ отношенія имѣли преступный характеръ. Всѣ опроверженія со стороны обвиняемаго ни къ чему не привели, безсовѣстный офицеръ настаивалъ на своемъ.

Буржуазная пресса безъ устали, непрерывно, всѣ процессы сопровождала хоромъ проклятій и поношеній. Когда раздалось нѣсколько протестующихъ голосовъ противъ того, что такъ долго послѣ битвы длятся казни, одинъ изъ Сарсеевъ написалъ:—„Слѣдовало бы приковать ножъ къ рукамъ палача“.

Вся эта шайка литераторовъ всякаго разбора обрѣла въ коммунѣ очень прибыльный кладъ, который она ловко эксплоатировала. Не было такого литературнаго шалопая, который не фабриковалъ бы брошюръ книгъ, исторій; самый ничтожный изъ плѣнниковъ писалъ свои изліянія. Образовалась цѣлая груда изъ такихъ сочиненій, какъ: *Сожженный Парижъ*, *Парижъ въ огнѣ*, *Красная книга*, *Черняя книга*, *Воспоминанія заложниковъ*, *Красный Карнавалъ*, *Исторія 18-го марта*, *Коммуна*, *Восемь дней*; романисты каторги, Петръ Цаконь, Монтэпенъ издали „*Тайны Интернаціонала*“ въ видѣ иллюстрированныхъ выпусковъ; издатели требовали чего-нибудь о коммунѣ; спросъ былъ такъ великъ, что бельгійцы тоже принялись за дѣло. Всѣ эти писанія, часто непристойныя, щекотали буржуазные нервы. Для болѣе деликатныхъ душъ, деликатный Дюма-сынъ готовилъ свою „зоологію этихъ революціонеровъ“, „самки которыхъ похожи на женщинъ, когда онѣ мертвы“; поэты какъ Пэль-де-Сенъ-Викторъ, Теофиль Готье, Альфонсъ Додэ, разные писатели болѣе или менѣе извѣстные—Абу, Сарду, Кларети, Мендесъ, Эрнестъ Додэ и др. измышляли всякіе

пикантные эпитеты для этихъ „варваровъ“, чьи трупы издавали такой отвратительный запахъ; для людей серьезныхъ въ „Revue des Deux Mondes“ г-да де-Прессансе, Боссиръ Лаваллэ разсказывали философскія исторіи съ того свѣта. Всѣ эти авторы, презиравшіе народъ, незнакомые съ новыми теченіями, неспособные разобраться во всей сложности причинъ, сводили все—18-го марта, центральный комитетъ, коммуну къ одному знаменателю — интернаціоналу. Онъ будто бы бы насчитывалъ восемьсотъ тысячъ единомышленниковъ. Такъ утверждалъ Дарю, предсѣдатель, *Парламентской анкеты*“, сдѣланной по приказанію національнаго собранія — единственный документъ, на который опирались версальцы, не признававшіе никакихъ свидѣтелей, никакихъ судебныхъ преній. Газеты публиковали отрывки изъ этихъ кровавыхъ показаній и по сравненію съ разнузданными буржуа 71-го года, Кентены-Бошары 48-го года казались настоящими дѣтьми въ сферѣ клеветы и глупости.

Въ атмосферѣ всеобщей злобы военные суды и комиссія помилованія продолжали дѣлать свое дѣло. До сихъ поръ комиссія еще ни разу не убивала болѣе трехъ человѣкъ сразу; 24-го іюля она задушила четырехъ: Франсуа, директора Ла-Рокеттъ, Обри, Даливу и де-Сентъ-Омера, который былъ осужденъ по дѣлу улицы Аксо. Де Сентъ-Омеръ былъ въ высшей степени подозрительной личностью,— въ тюрьмѣ его товарищи держались поодаль отъ него. Когда передъ разстрѣломъ они воскликнули:—„Да здравствуетъ коммуна!“ онъ отвѣтилъ:—„Долой ее!“

18-го сентября приговорили къ смерти Лолива по обвиненію въ соучастіи въ казни архіепископа и вмѣстѣ съ нимъ Денивелля и Дешана. Оба послѣдніе воскликнули: „Да здравствуетъ всемірная соціальная республика!“ „Долой трусовъ!“ 22-го января 73-го г., черезъ девятнадцать мѣсяцевъ послѣ уличнаго боя, комиссія помилованія привязала къ столбамъ три новыя жертвы: члена коммуны Филиппа, виновнаго въ энергичной защитѣ Берси, Бено за поджогъ Тюильри и Декана за поджогъ въ улицѣ Лилль, хотя противъ него не было никакихъ уликъ. „Я умираю невинный. Долой Тьера!“—крикнулъ онъ; Филиппъ и Бено воскликнули:—„Да здравствуетъ соціальная республика! да здравствуетъ коммуна!“ И они умерли, не измѣнивъ мужеству солдатъ 18-го марта.

Это было послѣдняя казнь на Сатори. Двадцать пять жертвъ окрасили своей кровью столбы, воздвигнутые комиссіей помилованія. Въ 1875 г. она велѣла разстрѣлять въ Венсеннѣ одного молодого солдата, котораго обвиняли въ убійствѣ шпіона Вицентини; между тѣмъ, этотъ Вицентини былъ брошенъ въ Сену сотней рукъ во время манифестаціи на площади Бастиліи. Реакціонныя газеты утверждали, будто Вицентини привязали сначала къ доскѣ; однако, судебное разбирательство не дало никакихъ подтвержденій для этого вымысла.

За участіе въ революціонномъ движеніи провинціи судили, либо военнымъ судомъ, либо уголовнымъ, смотря по тому, состоялъ ли данный департаментъ на военномъ положеніи или нѣтъ. Повсюду сначала подождали исхода парижскаго боя. Послѣ побѣды Версаля реакція принялась за работу. Процессы открылись военнымъ судомъ д'Эпивана. Онъ имѣлъ своего Гаво въ лицѣ коменданта Вильнёва, одного изъ разстрѣльщиковъ 4-го апрѣля, своего Мерлена, своего Буаденемеца—въ лицѣ полковниковъ Томассена и Донна. 12-го іюня предъ солдатами предстали Гастонъ Кремьё и всѣ, кого удалось припутать къ возстанію 23-го марта: Этіеннъ, Пелиссье, Ру, Буше и др. Высокомѣрная глупость Вильнёва послужила образцомъ при составленіи всѣхъ военныхъ обвинительныхъ актовъ, которыми Франція была наводнена. Кремьё, Этіеннъ, Пелиссье, Ру были приговорены къ смерти. Но для іезуитско-буржуазной реакціи этого было мало. Черезъ кассаціонный судъ Эпиванъ объявилъ, что департаментъ Устья Роны съ 9-го августа 1870 г. состоитъ на осадномъ положеніи, согласно одному декрету императрицы—регентши, который не былъ опубликованъ ни въ собраніи распоряженій правительства, ни санкціонированъ закономъ, ни даже просто обнародованъ. Вооружившись такимъ образомъ, онъ преслѣдовалъ всѣхъ, на кого указывали конгрегаціи и кто проявилъ враждебное отношеніе къ имперіи. Муниципальный совѣтникъ, Давидъ Боскъ, эксъ-делегатъ комиссіи, судохозяинъ-милліонеръ, былъ обвиненъ въ кражѣ серебряныхъ часовъ у полицейскаго агента и его оправдали большинствомъ только одного голоса.

На слѣдующій день предсѣдатель суда полковникъ былъ замѣненъ подполковникомъ 4-го стрѣлковаго полка Донна, наполовину помѣ-

шавшимся отъ непомѣрнаго употребленія абсента. Одного семидесятипятилѣтняго рабочаго приговорили къ десяти годамъ каторжныхъ работъ и къ лишенію на двадцать лѣтъ всѣхъ гражданскихъ и политическихъ правъ за то, что онъ 4-го сентября на полчаса арестовалъ полицейскаго агента, отправившаго его въ 1851 г. въ Кайенну. Одна сумасшедшая старуха, сводница іезуитовъ, задержанная на нѣсколько минутъ 4-го сентября, обвиняла въ своемъ арестѣ бывшаго командира гражданской милиціи. Ея обвиненіе было опровергнуто ею же самой и совершенно уничтожено всякими alibi и безчисленными другими данными. Тѣмъ не менѣе, бывшаго командира присудили къ пяти годамъ тюремнаго заключенія и къ десяти годамъ лишенія гражданскихъ правъ. Одинъ изъ солдатъ-судей сказалъ впослѣдствіи:—„Надо имѣть очень твердыя политическія убѣжденія, чтобы рѣшаться выносить обвинительные приговоры въ такихъ дѣлахъ“. Съ такими сотрудниками Эпиванъ могъ вполнѣ утолить свою ненависть. Онъ просилъ версальцевъ уступить ему члена коммуны, Амуру, который одно время былъ делегатомъ въ Марселѣ. „Я преслѣдую его за подстрекательство къ измѣнѣ—преступленіе, караемое смертью, и я убѣжденъ, что къ нему примѣнятъ эту кару“.

Ліонскій военный судъ не хотѣлъ отстать отъ марсельскаго. Онъ привлекъ сорокъ четырехъ человѣкъ по дѣлу 22-го марта и изъ нихъ тридцать двухъ приговорилъ къ ссылкѣ или тюремному заключенію. По дѣлу о возстаніи 30-го апрѣля было привлечено семьдесятъ обвиняемыхъ, набранныхъ совершенно случайно—такъ же, какъ въ Версалѣ. Мэръ округа Гиллотьеръ, Крестенъ, вызванный свидѣтелемъ, не призналъ въ нихъ ни одного изъ тѣхъ, кого онъ видѣлъ въ тотъ день въ своей мэріи. Предсѣдателями суда были полковники Маріонъ и Ребильо.

Въ Лиможѣ заочно были приговорены къ смерти два уважаемые всѣмъ городомъ демократа, Дюбуа и Робейроль, какъ главные виновники 4-го апрѣля; двое другихъ къ двадцати годамъ заключенія за то, что они хвастались, будто знаютъ стрѣлявшихъ въ полковника Билле. Еще кто-то къ десяти годамъ за то, что раздавалъ оружіе.

Приговоры судовъ присяжныхъ были очень различны. Въ Нижнихъ Пиринеяхъ 8-го августа судъ оправдалъ Дюпорталя и четырехъ

или пять человѣкъ обвинявшихся въ участіи въ тулузскомъ революціонномъ движеніи. Такой же оправдательный приговоръ былъ вынесенъ въ Родесѣ, гдѣ Дижонъ и другіе обвиняемые изъ Нарбонны явились въ судъ послѣ шестимѣсячнаго заключенія. Сочувствующая толпа наполнила залы и коридоры суда и привѣтствовала обвиняемыхъ при ихъ выходѣ.

Судъ присяжныхъ въ Ріолѣ осудилъ двадцать одного обвиняемаго по сентъ-этіенскому дѣлу, одного изъ нихъ, члена коммуны, Амуру, приговорилъ къ каторжнымъ работамъ только за то, что онъ послалъ въ Ліонъ двухъ делегатовъ.

Орлеанскій судъ присяжныхъ былъ очень строгъ къ обвиняемымъ изъ Монтаржи; онъ приговорилъ всѣхъ къ тюремному заключенію; еще болѣе жестокъ онъ былъ къ обвиняемымъ изъ Cosnes и Невріна-Луарѣ, гдѣ не было никакого серьезнаго движенія. Ихъ было двадцать три человѣка, въ томъ числѣ три женщины. Все преступленіе состояло въ томъ, что они развернули красный флагъ и кричали:—„Да здравствуетъ Парижъ! Долой Версаль!“ Малардье, бывшій народный депутатъ, явившійся въ городъ только наканунѣ демонстраціи и не принимавшій въ ней никакого участія, былъ приговоренъ къ 15 годамъ заключенія. Ни одинъ изъ обвиняемыхъ не былъ оправданъ. Помѣщики Луаре мстили за ужасъ своихъ собратьевъ въ Ніеврѣ. Волненія въ Куломье, Нимѣ, Дордивѣ, Вуаронѣ тоже дали поводъ къ нѣсколькимъ обвинительнымъ приговорамъ.

Къ іюню 1872 г. окончилась, наконецъ, гигантская работа репрессіи. Изъ 36.309 плѣнниковъ, мужчинъ, женщинъ и дѣтей (не считая 5.000 военныхъ, число которыхъ установлено версальцами), 1.179, по ихъ словамъ, версальцевъ же, умерло въ ихъ рукахъ, 22.326 были освобождены въ 72 г., послѣ длинныхъ зимнихъ мѣсяцевъ въ понтонахъ, крѣпостяхъ и тюрьмахъ; 10.488 преданы военному суду, который осудилъ 8.525. Но преслѣдованія не прекратились. При воцареніи Макъ-Магона 24-го мая 73 г. они возобновились съ новой силой. 1-го января 75 г. въ общемъ отчетѣ версальскаго суда значилось 10.137 обвинительныхъ приговоровъ, изъ нихъ 3.313 заочныхъ. Наказанія можно распредѣлить на слѣдующія категоріи:

Смертная казнь	270	изъ нихъ	8	женщ.
Принудительныя работы . . .	410	„	29	„
Ссылка въ крѣпости	3989	„	20	„
Простая ссылка	3507	„	16	„ и 1 ребен.
Заключеніе въ тюрьмѣ	1269	„	8	„
Заключеніе въ тюрьмѣ съ примѣненіемъ особо строгаго режима	64	„	10	„
Публичныя работы	29	„	—	„
Содержаніе подъ стражей:				
до 3-хъ мѣсяцевъ	423	„	50	„
отъ 3 мѣс. до 1 года . . .	1622	„	—	„ и 1 ребен.
свыше 1 года	1344	„	15	„ и 4 ребен.
Изгнаніе	322	„	—	„
Денежный штрафъ	9	„	—	„
Дѣтей моложе 16 лѣтъ заключено въ исправительный домъ	56	„	—	„

Итого . 13.450

Въ томъ числѣ . . . . . 157 женщ.

Въ этотъ отчетъ не вошли ни тѣ приговоры, которые были составлены военными судами, ни тѣ, которые были вынесены судами присяжныхъ. Слѣдуетъ прибавить еще 15 смертныхъ приговоровъ, 22 приговора къ каторжнымъ работамъ, 28 къ ссылкѣ въ крѣпость, 74 къ тюремному заключенію, 13 къ строгому тюремному заключенію и нѣсколько арестовъ. Общее число осужденныхъ въ Парижѣ и провинціи превышало *тринадцать тысячъ* человѣкъ, между ними семьдесятъ женщинъ и шестьдесятъ дѣтей.

Три четверти изъ десяти тысячъ (7.418 изъ 10.137) осужденныхъ были простые гвардейцы или унтеръ-офицеры; 1942 субъалтерновъ; штабъ-офицеровъ всего 225, изъ нихъ 29 члены коммуны и 49 члены центральнаго комитета. Несмотря на весь произволъ, несмотря на подлоги и лжесвидѣтельства, военные суды не могли обвинить девять десятыхъ изъ всѣхъ подсудимыхъ (9.285 человѣкъ) въ какомъ-либо другомъ преступленіи, нежели ношеніе оружія или исполненіе общественныхъ должностей. Изъ 766 осужденныхъ за преступленія противъ уголовнаго права, 276 было осуждены за аресты, 171 за участіе въ уличномъ сраженіи и 132

за разныя *другія* (по выраженію отчета) преступленія, которыя военными судами квалифицировались какъ кражи и грабежи. Несмотря на то, что въ отчетахъ значилось очень большое число рецидивистовъ, около трехъ четвертей всѣхъ осужденныхъ—7.119—ни разу до того не судились; 524 были осуждены за политическія преступленія или нарушенія распоряженій полиціи, 2.381 за преступленія и проступки, которые предусмотрительно не были опредѣлены въ отчетѣ. Сколько разъ утверждали, что это возстаніе было провоцировано и организовано иностранцами, между тѣмъ обвиненію удалось собрать не болѣе 396 иностранныхъ подданныхъ. Это возстаніе, которое, по словамъ буржуазіи, возникло и распространилось исключительно съ цѣлью кражъ и грабежей, прошло незапятнаннымъ черезъ военные суды. Никто, даже самые враждебные свидѣтели, не могли обвинить въ кражѣ ни одного изъ этихъ тысячъ *„бандитовъ“*; никто не осмѣлился утверждать, что эти „грабители“ воспользовались пожарами для грабежа.

ГЛАВА XXXV.

«Я былъ въ изгнаніи, но не буду осуждать на него другихъ".
(Тьеръ. Національное Собраніе. Апрѣль. 1871 г.).

„Ссыльные счастливѣе нашихъ солдатъ, солдаты должны нести караульную службу, а охраняемый ими изгнанникъ безмятежно живетъ въ своемъ цвѣтущемъ саду".
(Адмиралъ Фуришонъ. Засѣданіе 17-го мая 1876 г.).

Новая Каледонія.—Ссылка.

На разстояніи всего одного дня пути отъ Франціи лежитъ пустынная колонія; ея плодородной почвы, способной обогатить сотни тысячъ семействъ, еще не касались рабочія руки. Туда метрополія могла бы отправлять излишекъ своего населенія. А между тѣмъ буржуазія, одержавъ побѣду надъ рабочими, всегда предпочитала выбрасывать ихъ на ту сторону океана, чѣмъ заселять ими Алжиръ и тѣмъ способствовать его расцвѣту. Собранію 48-го года для этой цѣли служилъ Нука-Хива, у Версальскаго собранія была Новая Каледонія.—Къ этой скалѣ, за 6000 льё отъ родины, оно рѣшило приковать тысячи борцовъ. „Правительство", говорилъ докладчикъ въ Собраніи, при обсужденіи закона о ссылкѣ,—„дастъ ссыльнымъ возможность жить одной семьей, имѣть одинъ общій очагъ".—Митральеза дѣйствовала честнѣе.

Приговоренные къ ссылкѣ были собраны въ нѣсколькихъ пунктахъ: въ фортѣ Бояръ, Сенъ-Мартенъ-де-Ре, на островѣ Олеронъ, на островѣ Э, въ фортѣ Кёлернъ, и т. д... Тамъ, въ теченіе долгихъ мѣсяцевъ, томились они между отчаяніемъ и надеждой, никогда не покидающей побѣжденныхъ въ политической борьбѣ.

Однажды, когда они считали себя уже забытыми, раздается грубый окликъ:—„На осмотръ!“—Докторъ осматриваетъ ихъ съ головы до ногъ, ставитъ рядъ вопросовъ и, не слушая, изрекаетъ:—„Годенъ къ отправкѣ“. Одному ссыльному въ послѣднемъ градусѣ чахотки, мертвенно-блѣдная физіономія котораго говоритъ сама за себя, онъ цинично бросаетъ:—„Нужно же чѣмъ-нибудь питаться акуламъ“. Прощай, семья, родина, общество, человѣческая жизнь!.. Въ путь къ могилѣ, на противоположный конецъ земли! Счастливъ еще осужденный въ ссылку,—онъ можетъ получить дружеское рукопожатіе, прощальную слезу, послѣдній поцѣлуй. Коммунаръ, приговоренный на галеры, уже никого не увидитъ, кромѣ колодниковъ. По свистку онъ раздѣвается, его обыскиваютъ, швыряютъ ему арестантскій халатъ, и, не смѣя оглянуться, онъ долженъ спуститься въ пловучую тюрьму.

3-го мая 72-го года „Даная“ первая пустилась въ путь съ 300 ссыльныхъ. „Герьера, Гаронна, Варъ, Сибилла, Орнъ, Кальвадосъ и Виргинія“ отправились за ней слѣдомъ. Въ портахъ, осужденныхъ встрѣчали привѣтствіями и рукоплесканіями. Особенно грандіозную овацію устроилъ Тулонъ невольнымъ пассажирамъ „Вара“, которымъ удалось въ свою очередь поблагодарить жителей. „Версальское правительство хотѣло втоптать насъ въ грязь кричали узники, вы же встрѣтили насъ какъ великихъ людей. Мы увидимъ братьевъ, отправленныхъ раньше насъ, и скажемъ имъ, что во Франціи еще не перевелись люди, которые думаютъ о спасеніи республики!“

Судно для перевозки ссыльныхъ—это разоруженный старый линейный корабль, приспособленный для этой цѣли. Осужденные заключены здѣсь въ громадныя клѣтки, стоящія по обѣ стороны палубъ, на мѣстахъ прежнихъ батарей; вдоль судна между ними проходъ. Черезъ рѣшетчатыя амбразуры въ клѣтки, находящіяся на верхней батарейной палубѣ, еще проникаетъ хоть немного свѣта; на нижней же, гдѣ амбразуры забиты, царитъ вѣчная ночь. Эти суда—настоящіе очаги заразы. Днемъ, чтобы подышать свѣжимъ воздухомъ, узниковъ только на полчаса выпускаютъ наверхъ. Тамъ гуляютъ они между растянутыми сѣтями подъ жестокими взглядами пассажировъ изъ „лучшаго общества“, женъ чиновниковъ, которые увязались за партіей, подобно своимъ версальскимъ собратьямъ.

Передъ клѣтками стоятъ конвойные и ругаются, угрожая за малѣйшій проступокъ карцеромъ.

Въ этой темной норѣ, въ глубинѣ трюма, единственнымъ отверстіемъ въ который являлась лишь до половины рѣшетчатая дверь содержались провинившіеся, въ ножныхъ кандалахъ, на одномъ хлѣбѣ и водѣ; невыносимая жара, благодаря близости машины, превращала пребываніе здѣсь въ настоящую пытку. И эту пытку выносили въ теченіе пяти мѣсяцевъ плаванія такіе люди, какъ Чипріани съ героизмомъ еще болѣе беззавѣтнымъ, чѣмъ раньше, во время битвы бокъ-о-бокъ съ Флурансомъ, выносили только за то, что не могли ни отвѣчать на оскорбленія или отказывались стерпѣть обиду. Женщинамъ было не лучше,—приставленныя къ нимъ монахини вели себя хуже каторжниковъ.

Какъ рѣдко встрѣчались командиры, облегчавшіе режимъ! Піуде-Керприжанъ, капитанъ „Данаи“, видѣлъ въ ссыльныхъ транспортъ злодѣевъ. Капитанъ „Луары“ Лапьеръ, командуя „Семирамидой“, велѣлъ привязать канатами двухъ человѣкъ къ паровымъ котламъ и они умерли отъ ожоговъ. На 650 бывшихъ на суднѣ у него оказалось 34 умершихъ и 60 больныхъ.

Въ продолженіе 5 и болѣе мѣсяцевъ пришлось просидѣть въ этихъ тѣсныхъ клѣткахъ, среди нечистотъ, страдая отъ боковой и убійственной килевой качки; пришлось питаться большею частью гнилыми сухарями, свинымъ саломъ, пить почти-что соленую воду, и при этомъ изнемогать отъ жары подъ тропиками, леденѣть отъ сильныхъ южныхъ вѣтровъ и сырости, царящей на палубѣ. А надъ всѣмъ этимъ витали зловѣщіе призраки. Когда Орнъ бросилъ якорь въ Мельбурнскомъ рейдѣ, изъ 589 бывшихъ на немъ ссыльныхъ, оказалось 300 больныхъ цынгой. Мельбурнцы, желая помочь имъ, собрали въ нѣсколько часовъ сорокъ тысячъ франковъ, но капитанъ отказался передать, какъ собранныя деньги, такъ и купленные на нихъ съѣстные припасы, одежду, утварь и разные другіе предметы первой необходимости. Транспортное судно—надежная тюрьма,—за все время было только 2 удачныхъ побѣга. И 1-го іюля 1875 года 3.859 коммунаровъ вступили на берегъ Новой Каледоніи.

Этотъ адъ имѣетъ три отдѣленія. Отъ главнаго острова недалеко отъ Нумеи отходитъ полуостровъ Дюко; онъ предназначался для

приговоренныхъ къ ссылкѣ въ крѣпости. Тамъ было помѣщено 811 человѣкъ, въ томъ числѣ 6 женщинъ. Къ юго-западу отъ главнаго острова, на разстояніи 25 миль отъ берега,—островъ Сосенъ—для приговоренныхъ къ простой ссылкѣ; ихъ было 2.808, между ними 13 женщинъ. И, наконецъ, въ самой глубинѣ, тамъ, „куда не заглядываетъ солнце“, противъ полуострова Дюко—каторжная тюрьма острова Ну—для 240 осужденныхъ на галеры.

Полуостровъ Дюко и островъ Ну образуютъ двѣ стороны бухты, въ глубинѣ которой лежитъ Нумея, этотъ грубый образчикъ произвола и капризовъ администраціи. А надъ всѣмъ господствуютъ пушки артиллерійской казармы, расположенной на вершинѣ Шале. Авизо [1]), стоящія въ гавани, безъ труда могутъ засыпать ядрами и полуостровъ, и каторжную тюрьму.

Полуостровъ представляетъ изъ себя узкую полосу земли; перешеекъ занятъ солдатами. Безъ проточной воды, безъ зелени, онъ покрытъ лишь маленькими голыми холмами, перерѣзанными двумя долинами, Нумбо и Тандю, которыя переходятъ, приближаясь къ морю въ болота, заросшія жалкими корнепусками и рѣдкими ніаулами. Никогда не захочетъ поселенецъ потерять даже часа работы надъ этой мертвой землей. Ссыльные, хотя о прибытіи ихъ и было извѣстно за нѣсколько мѣсяцевъ, нашли на мѣстѣ поселенія лишь соломенныя хижины, вся меблировка которыхъ состояла изъ нѣсколькихъ фляжекъ, тазовъ и гамака.

Островъ Сосенъ представляетъ изъ себя плоскогоріе съ пустыннымъ центромъ; только по краямъ его лежатъ плодородныя земли, давно, впрочемъ, скупленныя отцами маристами [2]), которые живутъ эксплоатаціей туземцевъ.

Тамъ и вовсе ничего не было приготовлено для встрѣчи ссыльныхъ. Первая партія блуждала въ колючихъ зарослякъ; только очень поздно дали имъ, наконецъ, палатки, которыя отъ частыхъ бурь превратились уже въ лохмотья. Нѣкоторымъ посчастливилось на собственныя деньги выстроить себѣ соломенныя хижины. Туземцы, подстрекаемые миссіонерами, или скрывались, или продавали съѣстные припасы за безумныя цѣны. Администрація должна была снабжать

---

[1]) Авизо—парусное военное судно.

[2]) Члены религіозной конгрегаціи, основанной въ Бордо въ 1818 г.

всѣхъ осужденныхъ необходимой одеждой, но ни одно предписаніе не было исполнено. Шапки и обувь быстро износились, и громадное большинство сосланныхъ, не имѣя никакихъ средствъ, принуждены были и въ жару, и въ періодъ дождей ходить босикомъ и съ непокрытой головой. Не было ни табаку, ни мыла, ни вина, ни водки даже, чтобы подмѣшивать ее къ солоноватой водѣ. Пищей служили овощи, которыя часто браковала даже тюремная санитарная комиссія, свиное сало и сухари; очень рѣдко выдавалось немного мяса и хлѣба. Съѣстные припасы получались сырыми; ссыльнымъ въ то же самое время не давали ни топлива, ни жира, такъ что приготовленіе пищи становилось вѣчной злобой дня.

Стражниками были каторжане, свирѣпые и грубые шаусы; часто, напившись, они угрожали плѣнникамъ своими револьверами; нѣсколькихъ даже ранили. На островѣ Сосенъ точно такъ же, какъ и на полуостровѣ Дюко, часовые, находящіеся въ лагерѣ, имѣли приказъ стрѣлять въ каждаго, подошедшаго на 50 шаговъ.

Ссыльные, по большей части люди молодые, энергичные и трудолюбивые, мастера на всѣ руки, какъ всѣ парижскіе пролетаріи, старались всячески создать себѣ сносное существованіе. Докладчикъ закона о ссылкѣ восхвалялъ тысячи прелестей Новой Каледоніи: рыбную ловлю, охоту, горныя богатства, и изображалъ это мѣсто принудительной эмиграціи, какъ новую колыбель французскаго владычества на Тихомъ Океанѣ. Изгнанники прилагали всѣ усилія, чтобы сдѣлать эту хваленую страну хоть немного похожей на родину. Они брались за всякую работу. — Узники полуострова, запертые на мертвой землѣ, столяры, кузнецы, токари, портные, отправляли свои издѣлья въ Нумею; тѣ, которые были на островѣ Сосенъ, предложили свои услуги по постройкѣ водопровода и казенныхъ магазиновъ, по прокладкѣ шоссе. Но только 800 изъ 2.000 были приняты на работу, и ихъ заработокъ не превышалъ 85 сантимовъ въ день. Тѣ, кому не повезло, просили земельной концессіи. Имъ предоставили нѣсколько клочковъ земли, 500 гектаровъ на 900 человѣкъ, и по очень повышеннымъ цѣнамъ продали сѣмена и орудія. Нѣкоторымъ удалось со страшнымъ трудомъ вырастить жалкія овощи; другіе снова обратились къ предпринимателямъ и торговцамъ Нумеи. Но колонія, задыхаясь подъ гнетомъ военнаго режима, сдавлен-

ная бюрократіей, обладающая очень ограниченными средствами, могла дать работу меньше, чѣмъ 400 человѣкъ да и не многіе изъ нихъ, брошенные своими нанимателями, должны были вернуться на островъ Сосенъ и влачить жалкое существованіе въ дебряхъ колючаго кустарника. „Мы ошиблись въ расчетахъ на богатства острова Сосенъ“—сказалъ однажды съ философскимъ видомъ морской министръ. „Я три года тому назадъ предупреждалъ Васъ объ этомъ“,—возразилъ ему Жоржъ Перенъ.

И тѣмъ не менѣе, это было золотое время ссылки. Вдругъ въ серединѣ 73-го года, какъ снѣгъ на голову, свалилась въ Нумею телеграмма морского министра.—Версальское правительство лишило кредита казенныя верфи. „Если признать за ссыльными право на трудъ“—говорилъ онъ,—„намъ снова въ скоромъ времени придется пережить скандальную исторію національныхъ мастерскихъ 1848 года“. Логичнѣе ничего нельзя было придумать. Версаль не считалъ себя обязаннымъ дать работу тѣмъ, у кого онъ отнялъ возможность работать! Верфи закрылись... Лѣсъ, растущій на стровѣ Сосенъ, являлся драгоцѣннымъ матеріаломъ для рѣзщиковъ по черному дереву, и нѣкоторые изъ ссыльныхъ выдѣлывали изъ него мебель, на которую былъ большой спросъ въ Нумеѣ. Администрація запретила имъ вывозить свои издѣлья на главный островъ... И въ то же время морской министръ осмѣлился заявлять съ трибуны, что большая часть ссыльныхъ отказывалась отъ какой бы то ни было работы. Между тѣмъ въ этомъ же году за одни только инженерныя работы содержавшимся на полуостровѣ было заплачено 110.525 франковъ.

Сокращая жизнь ссыльнымъ, администрація въ то же самое время призывала ихъ женъ въ министерство и рисовала предъ ними соблазнительныя картины жизни въ Каледоніи. Они-де найдутъ тамъ по пріѣздѣ домъ, землю, сѣмена и орудія. Большинство, подозрѣвая ловушку, отказалось ѣхать, пока не позовутъ мужья. 69 дали себя уговорить, и были посажены на „Фенелонъ“ вмѣстѣ съ публичными женщинами, отправляемыми туда для сожительства съ колонистами. Высадившись, онѣ увидѣли лишь отчаянную бѣдность своихъ мужей. Правительство отказалось отправить ихъ обратно.

И вотъ тысячи людей, привыкшихъ къ физическому труду и пытливой работѣ ума, обречены были на праздное жалкое суще-

ствованіе; заключенные, кто на узкій полуостровъ Дюко подъ постоянный надзоръ стражи изъ галерныхъ каторжниковъ, кто на островъ Сосенъ, откуда видно одно лишь пустынное море, одѣтые въ лохмотья, полуголодные, они были связаны съ остальнымъ міромъ только письмами съ далекой родины, и то задерживавшимися на цѣлыхъ три недѣли въ Нумеѣ. Безконечныя мечты о лучшемъ будущемъ смѣнило уныніе и, наконецъ, мрачное отчаяніе. Появились случаи умопомѣшательства и смерти. Первой жертвой на полуостровѣ Дюко былъ преподаватель Вердюръ, членъ коммуны, все преступленіе котораго, по опредѣленію военнаго суда, заключалось лишь въ томъ, что онъ былъ „утопистъ-филантропъ“. Онъ мечталъ открыть на полуостровѣ школу, но не получилъ разрѣшенія. Безъ дѣла, вдали отъ родныхъ, онъ сталъ чахнуть и скоро умеръ. Въ одно прекрасное утро 73-го года галерные каторжники и монахи увидали, какъ по извилистой тропинкѣ, ведущей къ кладбищу, ссыльные несли гробъ, украшенный цвѣтами; въ глубокомъ молчаніи слѣдовали за нимъ 800 товарищей погибшаго. „Гробъ опускаютъ въ могилу“, — разсказывалъ ссыльный Паскаль Груссе: „одинъ изъ друзей произноситъ нѣсколько прощальныхъ словъ; одинъ за другимъ бросаютъ они свои красные цвѣты на покойника. Раздаются крики: „Да здравствуетъ республика!“, „Да здравствуетъ коммуна!“ И все кончено. Въ ноябрѣ угасъ на островѣ Сосенъ Альбертъ Грандье, редакторъ „*Призыва*“. Вся душа его оставалась во Франціи, съ сестрой, которую онъ обожалъ. Каждый день ходилъ онъ на берегъ и ждалъ ее. На этомъ бѣдняга и помѣшался. Администрація отказалась помѣстить его въ больницу. Однажды онъ ускользнулъ отъ друзей, которые за нимъ присматривали, а утромъ его нашли замерзшимъ въ кустахъ, недалеко отъ дороги, ведущей къ морю. Поселенцы острова Сосенъ проводили его гробъ. Участь оставшихся въ живыхъ была еще трагичнѣе. Въ январѣ 74-го года четверо простыхъ ссыльныхъ были приговорены къ смертной казни за то, что побили одного изъ своихъ выборныхъ, оказавшагося предателемъ, хоть онъ и оправился черезъ нѣсколько дней. Единственной уликой противъ одного изъ нихъ служила его дружба съ остальными тремя. Четыре столба были поставлены на равнинѣ; осужденные спокойно, привѣтствуя своихъ товарищей, прошли мимо приготовленныхъ для нихъ гробовъ. Самый

юный изъ нихъ, замѣтивъ, что одинъ солдатъ дрожитъ, какъ въ лихорадкѣ, крикнулъ ему: „Впередъ первый номеръ! Больше хладнокровія! Вѣдь не тебѣ идти подъ разстрѣлъ“. Изгнанникамъ не позволили даже похоронить товарищей; а четыре столба, къ которымъ впослѣдствіи прибавилось еще 2, покрасили въ красный цвѣтъ, и они остались стоять, какъ висѣлицы въ эпоху феодализма.

Ссыльные на полуостровѣ Дюко и на островѣ Сосенъ могли утѣшаться хоть тѣмъ, что умрутъ вмѣстѣ съ товарищами; несчастные, брошенные въ помойную яму острова Ну, не имѣли даже этой надежды. „Я знаю только одно мѣсто каторги“, — сказалъ республиканскій министръ Викторъ Лефранъ матери-республиканкѣ, просившей его о смягченіи участи сына. И, дѣйствительно, существовала только одна каторжная тюрьма, гдѣ такіе борцы, какъ Тренке, Амуру, Дакоста, Чипріани, Аллеманъ, Лисбонъ, Лючиніа и т. д. и т. д., такіе благородные люди, какъ Фонтенъ, Рокъ-де-Филоль—столько именъ напрашивается на языкъ, что несправедливо было бы и перечислять эти!— гдѣ журналисты, какъ Марото, Бриссакъ, Альфонсъ Эмберъ, гдѣ столько людей, все преступленіе которыхъ состояло въ исполненіи приказовъ объ арестѣ,—принуждены были съ момента пріѣзда жить съ убійцами и отравителями, препираться съ ними изъ-за пайка, переносить ихъ ругань, а нерѣдко и побои, дѣлить съ ними трудъ и спать на общихъ нарахъ. Версальцамъ мало было тѣла, — имъ нужна была и мятежная душа, имъ нужно было создать такую обстановку, чтобы извести ее въ конецъ. Съ галерными каторжниками обращались, какъ съ простыми уголовными; возмутительность же обращенія съ политическими не поддается никакому описанію. Администрація натравляла уголовныхъ на коммунаровъ. Имъ не давали мѣстъ ни въ магазинахъ, ни въ канцеляріяхъ; зато всегда къ ихъ услугамъ былъ ужасный итальянскій карцеръ. Малѣйшій проступокъ влекъ за собой страшныя наказанія: одиночное заключеніе, уменьшеніе до четверти хлѣбнаго раціона, кандалы, цѣпочки на большіе пальцы, плети. Цѣпочки эти перетирали кости, отъ чего отпадали суставы. Каждую пятницу работала плеть. Если доктора проявляли хоть немного гуманности,—а такихъ было нѣсколько,—то тюремная администрація, во главѣ которой стоялъ гіена Шарьеръ, отмѣняла прописанное лѣченіе.

Осужденные на галеры коммунары назначались на самыя тяжелыя работы на главномъ островѣ: они поднимали стволы деревьевъ на возвышенности или перетаскивали ихъ черезъ громадныя болота. Часто по ночамъ заставляли ихъ вставать и тащиться на верфи. За тѣми, кому посчастливилось добраться до зарослей и скрыться тамъ, посылались въ погоню канаки *), вооруженные дротиками и кастетами. Обладая невѣроятнымъ чутьемъ, они всегда отыскивали бѣглеца, котораго и притаскивали обратно, привязавъ его за руки и ноги къ палкѣ, какъ свинью **). Только благодаря счастливому случаю удалось приподнять край завѣсы. 20-го марта 74-го года Журдъ, Бальеръ, Рошфоръ, Паскаль Груссе, Оливье Пэнъ и Грантилль бѣжали изъ Новой Каледоніи. Приготовленія къ побѣгу очень искусно велись Журдомъ и Бальеромъ въ теченіе шестимѣсячнаго ихъ пребыванія на работахъ въ Нумеѣ. Нѣкто Валленштейнъ взялся быть посредникомъ между ними и капитаномъ австралійскаго судна P. C. E., который согласился принять одного или двухъ ссыльныхъ по обыкновенному пассажирскому тарифу, т. е. за 250 франковъ съ человѣка. Журдъ и Бальеръ, у которыхъ была нужная сумма, не хотѣли одни пользоваться этимъ случаемъ и, повидавшись съ находившимися на полуостровѣ Дюко Рошфоромъ, Паскалемъ Груссе и Оливье Пэномъ, предложили капитану взять ихъ всѣхъ за 10.000 франковъ съ тѣмъ, чтобы 1.500 выплатить сейчасъ же, а остальные по прибытіи въ Австралію. Журдъ совмѣстно съ Грантиллемъ который ежедневно доставлялъ въ лодкѣ на полуостровъ провизію отъ одного нумейскаго коммерсанта, сумѣлъ достать у этого послѣдняго 1.200 франковъ подъ вексель, подписанный Рошфоромъ. Въ ночь на 19-е марта вмѣстѣ съ Бальеромъ и Грантиллемъ отправился онъ черезъ темную бухту за остальными товарищами къ островку, близъ котораго они условились встрѣтиться. Преодолѣвъ многочисленныя трудности, лодка добралась до P. C. E., а на слѣдующій день судно снялось съ якоря. Черезъ 7 сутокъ бѣглецы прибыли въ Ньюкэстль, и Рошфоръ телеграфировалъ Эдмонду Адаму,

---

*) Туземцы Новой Каледоніи.

**) Анри Бриссакъ, «Воспоминаніе о тюрьмѣ и каторгѣ»; А. Бальеръ «Воспоминаніе бѣглеца изъ Нумеи. Кругосвѣтное плаваніе».

прося выслать 25.000 франковъ. Благодаря хлопотамъ Гамбетты была устроена подписка среди близкихъ друзей, и Жоржъ Перенъ отправился въ Лондонъ, чтобы перевести деньги по телеграфу. Такимъ образомъ бѣглецы смогли вернуться въ Европу.

Ихъ разоблаченія открыли Франціи всѣ ужасы Новой Каледоніи. Она узнала объ истязаніяхъ, которымъ подвергались коммунары, о цѣпочкахъ для большихъ пальцевъ, о плетяхъ и разстрѣлахъ, объ оскорбленіяхъ, наносимыхъ лишь для того, чтобы имѣть предлогъ отправить человѣка въ каторжную тюрьму. За эти разоблаченія поплатились ссыльные. Министерство Брольи, какъ только узнало о побѣгѣ, тотчасъ же отправило туда контръ-адмирала Рибура, и застѣнокъ сталъ еще ужаснѣе. Получившіе раньше разрѣшеніе поселиться въ Нумеѣ, были возвращены на полуостровъ Дюко и на островъ Сосенъ; рыбная ловля была запрещена, всѣ запечатанные письма стали конфисковать, отнято было право ходить въ лѣсъ за дровами для варки пищи. Каторжане-стражники удвоили свою жестокость: они стрѣляли по коммунарамъ, едва тѣ переходили границу или опаздывали къ назначенному часу въ свои хижины. Нумейскіе купцы, заподозрѣнные въ содѣйствіи побѣгу, были выселены изъ Новой Коледоніи. Рибуръ привезъ отставку губернатору Ла-Ришри, бывшему губернатору Кайены, который своими хищеніями нажилъ крупное состояніе и пріобрѣлъ скандальную извѣстность. Временно на эту должность былъ назначенъ прославившійся во время майскихъ убійствъ полковникъ Алейронъ. Онъ тотчасъ же издалъ распоряженіе, согласно которому ссыльные обязаны были работать полдня на казну, получая за это только самые необходимые припасы: 700 гр. хлѣба, 0,01 литра масла и 60 гр. сухихъ кореньевъ. Несмотря на протесты ссыльныхъ, онъ примѣнилъ эту мѣру въ видѣ опыта къ 57, въ числѣ которыхъ было 4 женщины.

Послѣднія подвергались наравнѣ съ мужчинами всѣмъ тягостямъ режима за то, что требовали равноправія. Луиза Мишель, Лемель и другія, приговоренныя къ каторжной тюрьмѣ, заявили, что лишатъ себя жизни, если ихъ разлучатъ съ остальными осужденными. Оскорбляемыя жандармами, подвергаясь издѣвательствамъ со стороны коменданта полуострова Дюко въ его ежедневныхъ приказахъ, онѣ не получали даже женской одежды и имъ приходилось нерѣдко одѣ-

ваться въ мужское платье. Въ большинствѣ случаевъ онѣ были молоды и миловидны. „Ни разу“, — разсказывалъ одинъ изъ ихъ сотоварищей Генри Бауеръ,—„эти женщины, заключенныя вмѣстѣ съ 800 мужчинами, не подавали повода для скандала, ссоры и препирательствъ; онѣ сохранили себя чистыми и незапятнанными“. Такія же были и на островѣ Сосенъ.

Съ пріѣздомъ новаго губернатора Притцбуера, въ 1875 году закончилась блестящая карьера Алейрона. Этотъ отступникъ протестантизма, назначенный въ Каледонію благодаря іезуитскимъ происканъ, нашелъ средство еще болѣе усилить мученія коммунаровъ при помощи разныхъ подходцевъ. Онъ встрѣтилъ поддержку со стороны нумейскаго епископа, монсиньора анастасіолольскаго и того самаго Шарьера, который заявилъ какъ-то, что убійцы, осужденные на каторгу, лучше коммунаровъ. Притцбуеръ подтвердилъ распоряженіе Алейрона и, кромѣ того, объявилъ, что совершенно лишаются продовольствія всѣ тѣ, кто не сумѣлъ въ теченіе года добыть себѣ достаточно средствъ къ существованію, и что спустя нѣкоторое время администрація прекратитъ всякую выдачу. Создано было тогда бюро для сношенія ссыльныхъ съ торговцами Нумеи. Но бюрократія не могла развить торговли и промышленности въ странѣ, гдѣ не было для этого почвы, и, несмотря на всѣ награды и медали, полученныя ими на выставкахъ, коммунары не находили себѣ покупателей. На менѣе предпріимчивыхъ обрушился всей своей тяжестью указъ 74-го года. Въ дѣйствительности съ этого времени простые ссыльные чуть не умирали съ голода, обладая свободой передвиженія. Несмотря на всѣ ухищренія администраціи, ей не удалось втоптать въ грязь доброе имя коммунаровъ. Военные суды охотно примѣшивали къ истиннымъ борцамъ скверные элементы — рецидивистовъ и бродягъ, которые сами называли себя отбросами. Коммунары умиротворили самыхъ озлобленныхъ, а соприкосновеніе съ лучшими рабочими облагораживающимъ образомъ подѣйствовало на другихъ. Въ 74-мъ году приходилось на 4.000 ссыльныхъ не больше 13 наказаній за болѣе или менѣе тяжелые проступки и 83 за нарушеніе дисциплины, пьянство и попытки къ побѣгу. Подобныя попытки всегда почти пресѣкались въ самомъ началѣ. Защитники Парижа не были такъ счастливы въ этомъ от-

ношеніи, какъ Базэнъ, которому Макъ-Магонъ далъ возможность бѣжать во время его „пребыванія на дачѣ“ *). Да и какъ рѣшиться на побѣгъ, не имѣя ни денегъ, ни связей? За все время насчитываютъ не болѣе 15 побѣговъ. Въ 75-мъ году Растуль, членъ коммуны, и его 19 товарищей съ острова Сосенъ пытались бѣжать въ простой лодкѣ; море выбросило лишь нѣсколько досокъ, а тѣла ихъ скрыло въ нѣдрахъ своихъ. Спустя нѣкоторое время съ острова Ну бѣжали на паровомъ катерѣ Трэнке съ товарищемъ. За ними кинулись въ погоню; видя, что имъ не уйти, бѣглецы бросились въ воду; одинъ утонулъ, Трэнке же спасли и вернули на каторгу.

Губернаторъ не прекращалъ издѣвательствъ надъ коммунарами, но не могъ сломить ихъ. Одинъ только Люллье показалъ себя негодяемъ; избавленный отъ смертной казни, онъ донесъ о готовившемся побѣгѣ. Марото умеръ тамъ въ началѣ 75-го года. Комиссія о помилованіи смягчила участь Сатори. За 2 статьи, 25 лѣтъ отъ роду, онъ угасалъ на каторгѣ въ то время, какъ версальскіе журналисты, которые требовали и добились рѣзни, процвѣтали въ Парижѣ. „Не великое дѣло умереть“,— говорилъ онъ своимъ друзьямъ, присутствовавшимъ при его кончинѣ, — „но я предпочелъ бы столбъ Сатори этому смрадному одру. Товарищи, не забывайте меня!.. Что то будетъ съ моей матерью?“ Мѣсяца не проходило безъ того, чтобы не умиралъ кто-нибудь; годъ за годомъ слышался похоронный звонъ.

Въ 78-мъ году Притцбуера смѣнилъ Ольри, отнюдь не клерикалъ, какъ говорили, и справедливый человѣкъ, какъ увѣряли. А на коммунаровъ, заключенныхъ въ каторжной тюрьмѣ, попрежнему сыпались палочные удары, какъ во времена Притцбуера и Ла-Ришри. Ссыльнымъ на главномъ островѣ жилось не лучше. Когда нѣкоторые помилованные попросили у нумейскаго комиссара работы, которой они нигдѣ не могли найти, онъ сказалъ: „Воруйте, и у васъ надолго тогда будетъ хлѣбъ“. Одинъ изъ нихъ повѣсился. Сумасшедшій домъ на островѣ Сосенъ продолжалъ наполняться.

Только изрѣдка стоны этихъ заживо погребенныхъ людей доходили до ихъ соратниковъ, которымъ удалось добраться до границы.

---

*) Намекъ на его ссылку на островъ Ст.-Маргеритъ.

Эмиграція достигла небывалыхъ размѣровъ,—первое время бѣжали всѣ, кто боялся преслѣдованій или доносовъ, и многіе цѣлыми мѣсяцами оставались за границей. Приблизительно для 3.500 человѣкъ военные суды сдѣлали это бѣгство неизбѣжнымъ. Громадное большинство направилось въ Швейцарію и Англію,—Бельгія не считалась достаточно надежной. Въ Англіи же принимали ихъ довольно свободно; тамъ знали о версальскихъ убійствахъ, и англичане очень хорошо понимали, какой драгоцѣнный матеріалъ давали имъ эти гоненія. Рабочіе быстро находили себѣ заработокъ, тѣмъ болѣе, что многіе изъ нихъ были артистами своего дѣла;—чеканщики: Барре, Ландренъ, Тенсъ, Мэнфруа; рисовальщики по фарфору и разрисовщики вѣеровъ: Леонсъ, Малле, Виллеръ, Ранвье...; рѣзчики по металлу и на камняхъ: Леблонъ, Дезуазъ, Клейнманнъ...; рѣзчики по дереву и слоновой кости: Дюкло, Піерле, Пикаве...; механики: Ланжвенъ, Жоффренъ, Ферранъ...; драпировщики: Леманъ и Приве, которые отдѣлывали великолѣпный отель Ричарда Уоллеса; рисовальщики по стеклу: Люиллье, Дюмуссе...; рѣзчики по черному дереву: Гильомъ, Можанъ, Макдональ...; спеціалисты техническаго рисованія и рисовальщики по тканямъ: Ле Муссю, Андрэ, Потье, Филиппъ...; брошюровщики: Жоаннаръ и Ансе; портные, бакалейщики, сапожники и т. д. Многіе изъ этихъ рабочихъ принесли съ собой секреты производствъ и извѣстныхъ торговыхъ операцій Парижа. Женщины—портнихи, цвѣточницы, модистки, бѣлошвейки—съ своимъ изящнымъ вкусомъ природныхъ парижанокъ тотчасъ же были приняты въ мастерскія для того, чтобы приготовить образчики; многія получили постоянныя мѣста. Труднѣе были первые шаги для изгнанниковъ, не знавшихъ ремесла—конторщиковъ, учителей, врачей, писателей; но потомъ, послѣ того какъ газеты помѣстили замѣтку, что представляется великолѣпный случай изучить по дешевымъ цѣнамъ французскій языкъ, появились уроки.

Нѣсколько изгнанниковъ имперіи, оставшихся въ Лондонѣ, помогали коммунарамъ; послѣдніе, впрочемъ, тоже пріискивали другъ для друга работу. Мало-по-малу всѣ стали на ноги; многіе пріобрѣли извѣстность. Громадный талантъ Далу развернулся со всею мощью; Тиссо совершенно сжился съ англичанами; Монтра сталъ работать въ извѣстнѣйшихъ газетахъ. Бывшіе члены коммуны Андріе, Лонге,

Прото, Лео Мелье, а изъ другихъ Ла-Сесиліа, Дарделль, Ронсье Боке и Реньяръ получили каѳедры въ университетахъ; Барреръ и Франсъ—въ Вульвической военной академіи; Брюнель преподавалъ въ морской Дармутской школѣ и занимался съ дѣтьми принца Уэльскаго. Мартенъ, подарившій коммунѣ митральезу, былъ директоромъ большого завода въ Бирмингамѣ; 2 спеціалиста по выдѣлкѣ гобленовъ ввели это производство въ Старомъ Виндзорѣ. Жюль Валлесъ, вдохновленный Диккенсомъ, написалъ „Жака Вентраса“, а Паскаль Груссе — свои „Очерки Ирландіи“, которыя такъ восхвалялъ Гладстонъ; Вермешъ послѣ своихъ „Поджигателей“ и нѣсколькихъ ѣдкихъ брошюръ принялся за исторію коммуны, но эту работу прервала манія величія. Авторъ этой книги тоже началъ свой трудъ.

За лондонской колоніей сильно слѣдили; женевская была самой многочисленной. Швейцарскимъ эмигрантамъ на первыхъ порахъ предстояло еще побѣдить предразсудки, такъ сказать, пуританской среды. Они, дѣйствительно, исчезли, какъ только поближе узнали этихъ людей, на которыхъ выливалось такъ много грязи, и познакомились съ искусствомъ этихъ парижскихъ рабочихъ въ большинствѣ ремеслъ. Многіе оставались въ одномъ и томъ же предпріятіи все время изгнанія; многіе сдѣлались предпринимателями: Бонне и Остенъ, бывшій членъ коммуны, основали Гуттенбергскіе заводы; Алавуанъ, одинъ изъ делегатовъ національной типографіи, занялся печатаніемъ роскошныхъ изданій и векселей для женевскихъ банковъ и для торговцевъ; Клермонъ и Порре основали въ Женевѣ парфюмерную фабрику; Бертранъ и Сентъ-Этьеннъ открыли солидную торговлю дровами и углемъ; Виллетонъ—большой парфюмерный магазинъ; Перье—одинъ изъ лучшихъ магазиновъ новостей; Морель Пино—модный магазинъ; Вельти—магазинъ готоваго платья; Лоро—большой базаръ парижскихъ вещей; Берто, полковникъ 9-го легіона, получилъ заказъ на памятникъ Брауншвейга; Берхтольдъ выстроилъ для кооперативнаго товарищества больше 150 домовъ; Лозанъ сдѣлался антрепренеромъ; Декронъ создалъ чудныя произведенія архитектуры; скульпторъ Нике получилъ работу въ Женевскомъ театрѣ; Ларжеръ работалъ по украшенію города Невшателя. Шардонъ, членъ коммунны, былъ представителемъ фирмы Рауля Пикте, а впослѣд-

ствіи сдѣлался крупнымъ торговцемъ въ Гаити; Пенди, бывшій городской голова, сдѣлался пробирщикомъ золота въ Локлѣ. Изъ другихъ членовъ коммуны Клемансъ получилъ мѣсто въ одномъ изъ самыхъ большихъ банковъ; Лефрансэ вмѣстѣ съ Жуковскимъ преподавалъ въ большомъ пансіонѣ Тюдьенна въ Женевѣ; Мартелэ давалъ уроки рисованія въ городскомъ училищѣ въ Шо-де-Фонъ; бронзовщикъ Кюфнеръ принялъ участіе въ профессіональной школѣ, основанной женевскимъ правительствомъ. Леграндэ былъ главнымъ секретаремъ желѣзнодорожной компаніи въ западной Швейцаріи, гдѣ фигурировалъ также и Поль Піа; Максимъ Вильомъ принималъ участіе въ прорытіи Сенъ-Готтардскаго тоннеля. Малонъ, продолжая заниматься своимъ ремесломъ, писалъ „Третье пораженіе пролетаріата“ и подготовлялъ свои очерки по политической экономіи. Артуръ Арну, Лефрансэ, Ш. Белэ, Максимъ Вильомъ составили разсказы, воспоминанія и отдѣльные очерки по исторіи коммуны. Въ Кларанѣ Элизе Реклю, вырванный изъ когтей версальцевъ благодаря петиціи извѣстнѣйшихъ ученыхъ Европы, продолжалъ писать свою главную работу — „Всемірную Географію“; Курбе, живя въ Пельцкомъ замкѣ, вернулъ себѣ былую славу, создавъ рядъ мастерскихъ произведеній искусства; городу, гдѣ провелъ время изгнанія, онъ подарилъ чудный бюстъ Республики, который городская дума поставила на площади.

Изъ трехъ главныхъ колоній, бельгійская, несмотря на строжайшій надзоръ, была не менѣе замѣчательна. Бѣжавшіе туда радушно были приняты не только бельгійскими борцами за свободу—Бриме, Пипомъ, Гекторомъ Дени, Жансеномъ, Грифомъ и т. д..., но и изгнанниками имперіи—докторомъ Ватто, Буашо, Беррю, Лосседа и другими. Знаменитые архитектора и крупные подрядчики нашли въ эмигрантахъ неоцѣнимыхъ помощниковъ какъ разъ въ то время, когда перестраивался Брюссель. Подмастерье Гильомъ—ставшій во главѣ работъ въ новомъ зданіи суда, Перре—построившій казенныя оранжереи, Мишеванъ—строитель одного изъ оригинальнѣйшихъ домовъ, рѣзчики по дереву и скульпторы, какъ Леру, Мартелъ и Мере, мастеръ своего дѣла,—всѣ они въ значительной степени способствовали своеобразной оригинальности бульваровъ и великолѣпію аллей современнаго Брюсселя. И теперь еще появляются большія произ-

веденія Альберта Рико и Оскара Франсэ; Перашонъ, одинъ изъ основателей Интернаціонала, создалъ фабрику художественной бронзы; Персоннъ ввелъ механическое производство кроватей и креселъ, братья Танто—производство брезентовъ; Пото познакомилъ Бельгію съ хромолитографіей. Знатоки гравернаго дѣла, въ родѣ Госсена; ювелиры Детайль, Дельо, Талье, рисовальщики Обри, Дюсеръ, Девьеннъ, счетоводы Фалье, Буи, Дамаль, Сорель—быстро нашли работу. Были между изгнанниками книгопечатники и типографскіе рабочіе: Дебокъ, Морэ, Марсилли; инженеры, какъ Анри Прюдомъ, Ирибъ; много коммерсантовъ: Байо-Дюмениль, бывшій мэръ IX округа; Беонъ, одинъ изъ организаторовъ аукціоновъ на центральныхъ рынкахъ Брюсселя, Бернаръ подрядчикъ-плотникъ, Тирифокъ ораторъ, выступавшій съ рѣчью во время манифестаціи франкъ-масоновъ. Преподаватель фехтованія и бокса, Шарлемонъ, насаждалъ въ своихъ ученикахъ воинственный духъ. Другіе смѣло шли на борьбу за существованіе и занимались плетеньемъ корзинъ изъ ивняка. Какъ въ Лондонъ и Женеву, женщины, въ качествѣ портнихъ и модистокъ, привезли съ собой парижскіе вкусы.—Съ этого времени въ Бельгіи начали фабриковать тѣ остроумныя и изящныя „articles de Paris“, за которыя платила намъ такую щедрую дань Европа.

Въ бельгійской колоніи, какъ и въ остальныхъ, были и профессора, и писатели. Авторъ „Гебертистовъ“ и „Молохизма“ Тридонъ, бывшій членъ коммунны, умеръ вскорѣ по пріѣздѣ. Аконенъ читалъ лекціи по римскому праву, прежде чѣмъ сдѣлаться директоромъ страхового общества; Левердэ, авторъ „*Assemblées parlantes*“ и всесторонне образованный человѣкъ, сдѣлалъ для Льежскаго университета рисунки по анатоміи и микрографическія работы высокой научной цѣнности. Среди журналистовъ были: Ранкъ, Воганъ, Табаро, Шерадамъ, Галли, Фердинандъ Делиль, Дрюлонъ, Жюль Меюсъ, Жоржъ Кавалье. Журдъ также пріѣхалъ въ Брюссель, послѣ того какъ его выгнали изъ Эльзаса.

Нѣсколько эмигрантовъ—бывшіе члены коммуны Авріаль, и Ланжевенъ, и Сенхолль, одинъ изъ лучшихъ учениковъ Парижскаго политехникума—основали въ 1874 году около Страсбурга, въ Шильтигхеймѣ, большой механическій заводъ, куда пристроился и Журдъ

въ качествѣ счетовода. Дѣла пошли хорошо; но правительство Макъ-Магона потребовало ихъ удаленія *), Бисмаркъ предъявилъ эмигрантамъ приказъ выѣхать черезъ 15 дней. Напрасно тѣ заявляли, что ликвидація въ такой короткій срокъ равносильна разоренію; напрасно громадное число страсбургскихъ и шилтигуеймскихъ промышленниковъ поддерживало ихъ заявленіе,—несмотря на то, что даже консервативная „*Страсбургская Газета*“ отдала должное ихъ благородству и признала, что „они держали себя тихо и скромно“ **), они должны были уступить передъ Макъ-Магономъ, который еще разъ призвалъ нѣмцевъ противъ коммунаровъ.

Австрія сдѣлала еще лучше, чѣмъ Пруссія,—она созвала на конгрессъ всю полицію, чтобы совершенно очистить Европу отъ дѣятелей коммуны. Въ Вѣнѣ эмигрантовъ было очень немного,—нѣсколько профессоровъ, какъ напримѣръ, Саксъ Рожаръ, Барре, котораго вызвала изъ Лондона самая большая фирма чеканныхъ работъ, авторъ щита, фигурировавшаго на выставкѣ 1878 года... Императорскимъ указомъ они были высланы; Рожаръ, къ которому не было примѣнено общей мѣры, добровольно послѣдовалъ за своими товарищами въ новое изгнаніе. Голландія видѣла эмигрантовъ лишь мелькомъ, въ 1872 году на конгрессѣ Интернаціонала въ Гаагѣ. Со времени войны и коммуны центральный совѣтъ, засѣдавшій въ Лондонѣ, превратился въ фикцію; французская секція погибла; англійскіе делегаты, озабоченные своимъ собственнымъ политическимъ будущимъ, вышли изъ него; въ Швейцаріи Бакунинъ создавалъ свою особую организацію. Засѣданія конгресса были очень бурны, и большинствомъ прошло исключеніе Бакунина и его послѣдователей. Интернаціональный союзъ былъ разбитъ. Конгрессъ очень хорошо понималъ это, назначая въ слѣдующемъ году мѣстомъ съѣзда Нью-Іоркъ. Безсмертная идея, провозглашенная въ 1864 году, должна была облечься въ новую форму.

Жизнь изгнанниковъ коммуны не имѣетъ политической исторіи.—Они не знали смѣшной стороны предшествовавшихъ эмиграцій, ко-

---

*) «Эльзасскій промышленникъ», 5 апрѣля 1876 г.

**) «Эльзасская Газета», 29-го марта 1876 года.

торыя изливались въ безчисленныхъ манифестахъ. Они собирались только въ цѣляхъ самообразованія или для празднованія 18-го марта. Ихъ единственной мечтой, когда разнесся слухъ о возвращеніи Шамбора, было вернуться во Францію и защищать ту самую республику, которая ихъ преслѣдовала. Въ ихъ воззваніяхъ говорилось лишь о забытыхъ парижскими комитетами мученикахъ Новой Каледоніи.

Изгнавъ столько разнообразно одаренныхъ людей, правительство, какъ и во времена гоненій на протестантовъ при Людовикѣ XIV, не только перебросило за границу національныя богатства и передало нашимъ соперникамъ секреты нашихъ ремеслъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и пріостановило надолго вывозъ наиболѣе утонченныхъ произведеній,—но и лишило Францію ея гордости. Несмотря на трудность первыхъ шаговъ, болѣзни и безработицу, противъ которой очень плохо помогали общества взаимопомощи, коммунары не падали духомъ. Они ни разу не были обвинены за недостойные поступки; ни разу не было случая паденія среди женщинъ, хоть имъ и приходилось тяжелѣе всѣхъ. Среди тысячъ эмигрантовъ могутъ указать лишь четыре или пять шпіоновъ; только Ландекъ и Везинье издали дневникъ доносовъ. Возмездіе не заставило себя долго ждать, такъ какъ эмигранты были до такой степени щепетильны въ вопросѣ о своемъ добромъ имени, что одному бывшему члену коммуны пришлось давать объясненія по поводу полученнаго имъ отъ депутатовъ лѣвой пособія. Конечно, въ средѣ эмигрантовъ 71-го года были и враждующіе кружки и свои непріятности,—вѣдь всѣ эмигранты обыкновенно страшно озлоблены,—но всѣ сходились у гроба товарища подъ краснымъ покровомъ и всѣ одинаково болѣли душой за родину, слѣдя за борьбой, о которой мнѣ осталось разсказать, чтобы объяснить ихъ возвращеніе во Францію и лишній разъ доказать справедливость ихъ дѣла.

ГЛАВА XXXVI.

«Въ могилѣ—трупъ,—живетъ идея».
Викторъ Гюго.

Злосчастное собраніе.—Макъ-Магонатъ.—Милости.—Великое возвращеніе.

Парижъ былъ раздавленъ, армія безпрекословно повиновалась правительству, со стороны церкви обезпечена полная поддержка, вся національная гвардія распущена. Почему же при всемъ томъ это на двѣ трети роялистское собраніе не осуществляло своей мечты? Оно объявило себя учредительнымъ,—одинъ сельскій депутатъ даже сказалъ, обращаясь къ лѣвой: „Мы создадимъ законы для этой страны, несмотря на Васъ и не считаясь съ ней, если такъ будетъ нужно“. Оно въ состояніи было смотрѣть 5-го іюля на графа Шамбора съ манифестомъ въ рукахъ, такъ почему же наверху своего могущества, выигравъ партію, оно не сдѣлало послѣдняго хода?

Это объясняется тѣмъ, что много воды утекло между Бордо и Версалемъ, что провинція далеко ушла впередъ послѣ апрѣльскихъ республиканскихъ выборовъ 71-го года; тѣмъ, что парижская борьба показала ей пропасть, въ которую ее толкали; что въ томъ же іюлѣ мѣсяцѣ 71-го года 44 департамента на дополнительныхъ выборахъ въ законодательное собраніе провели подавляющимъ большинствомъ республиканцевъ; тѣмъ, что даже въ терроризованномъ Парижѣ изъ 21 новыхъ депутатовъ выбрали только 4 монархистовъ, а изъ всѣхъ 100 новыхъ депутатовъ оказался всего одинъ легитимистъ; тѣмъ, однимъ словомъ, что тысячи федералистовъ, сражавшихся на великихъ баррикадахъ Парижа, противъ которыхъ были направлены

всѣ усилія врага, своимъ геройскимъ сопротивленіемъ, своей смертью за республиканскую Францію сохранили ядро своей арміи.

Если бы Парижъ былъ обезоруженъ 18-го марта, то это означало бы скорое торжество монархіи; республиканцы не въ силахъ были бороться съ нею; спустя три мѣсяца Парижъ былъ раздавленъ, а роялисты принуждены были дать отбой,—республиканская Франція снова сумѣла сплотиться противъ нихъ. И хотя республиканцы не могли еще подавить деревенщины, тѣмъ не менѣе они послѣ іюльскихъ выборовъ уже сдѣлали государственный переворотъ невозможнымъ; собраніе уже не въ силахъ было угнетать Францію, а роялисты могли лишь испытывать ея терпѣніе.

Такое положеніе вещей установилось на цѣлыхъ 4 года.—Они окончательно объявили Версаль столицей; депутаты крайней лѣвой имѣли наглость потребовать амнистіи и остались со своими 30 сребренниками, какъ Іуда. Принцы Орлеанскіе, лишенные своихъ 40 милліоновъ, которые какъ разъ конфисковала имперія, заняли свои мѣста въ правомъ центрѣ. Въ мартѣ 72-го года, подъ предлогомъ розыска Интернаціонала, они наводнили шпіонами мастерскія и частныя жилища; наконецъ, былъ принятъ законъ о ссылкѣ. Гамбетта, снова посланный въ собраніе, сдѣлался лидеромъ республиканской партіи; не признавая за сельскими депутатами права издавать законы, онъ высказывалъ запоздалое уваженіе Парижу и ратовалъ за то, чтобы отправить это собраніе къ могильщикамъ *); собраніе дважды поручало г. Тьеру дать ему хорошую отповѣдь. Сельскимъ депутататамъ хотѣлось большаго,—они желали „боевого правительства“ и потому упразднили центральную ліонскую мэрію, заставили президента Греви отказаться отъ своего поста, а вмѣсто него назначили воинствующаго реакціонера Бюффе. Тогда въ отместку за Ліонъ парижане противъ кандидата г. Тьера, котораго они всегда приводили въ ужасъ, выбрали депутатомъ своего мэра Бороде; а деревенщина, въ свою очередь, наказала г. Тьера за то, что онъ во второй разъ не сумѣлъ побѣдить Парижа. И 24-го мая 1873 г., ровно черезъ 2 года послѣ массовыхъ убійствъ, она вышвырнула этого старикашку, какъ выжатый лимонъ. Человѣкъ,

---

*) Намекъ на гренобльскую рѣчь.

который создалъ Луи Филиппа, который поддерживалъ Луи Наполеона и спасъ версальское собраніе, съ этихъ поръ сдѣлался навсегда предметомъ пересудовъ и издѣвательствъ для своихъ же ставленниковъ. Макъ-Магонъ, который 24-го клялся, что никогда не будетъ его соперникомъ, 25-го поспѣшилъ занять его кресло.

Этотъ вѣчно попадавшій въ просакъ господинъ мечталъ о режимѣ безъ имени, который, устраняя отъ участія народъ и нейтрализуя монархическія партіи, установилъ бы буржуазную олигархію подъ его протекторатомъ, то, что онъ называлъ „Республикой безъ республиканцевъ“. Лѣвая пошла за нимъ; она соглашалась не только на республику безъ республиканцевъ, но и на республику противъ республиканцевъ.

Де-Брольи, первый министръ Макъ-Магона, однажды велѣлъ ему передать: „Нельзя допустить никакого посягательства на существующіе законы и учрежденія“; да и въ самомъ дѣлѣ это было не къ чему: вѣдь существующіе законы допустили великое кровопролитіе, а республиканскихъ учрежденій уже не существовало. Дѣйствовала одна лишь администрація, реакціонная по составу, преданная такому собранію, которому Белэ, другой министръ Макъ-Магона, самъ того не думая, далъ очень мѣткое названіе: „собраніе годины несчастій“. Духовенство первое потребовало новыхъ правъ—запретило гражданскіе похороны, добилось возстановленія полковыхъ священниковъ и, не будучи въ состояніи возобновить миссій временъ реставраціи, заставило издать декретъ о возведеніи собора на Монмартрѣ, который господствовалъ бы надъ Парижемъ.

Орлеанскіе принцы, думая, что настало ихъ время, отправились въ Фросдорфъ и тамъ, преклонивъ колѣна передъ графомъ Шамборомъ, заявили ему: „Только вы можете быть королемъ!“ Генералъ Шангарнье повторилъ свой припѣвъ: „Мы сотремъ съ лица земли всю сволочь!“ Роялисты чувствовали себя, какъ во время коронованія. Графъ Шамборъ явился въ Версаль; для этого случая они пріобрѣли великолѣпный выѣздъ и устроили роскошный пиръ.

При этомъ совершенно забыли добраго маршала-президента, который, прежде чѣмъ сдѣлаться легитимистомъ, всю свою жизнь былъ поклонникомъ своей собственной особы. Онъ попросилъ собраніе продолжить его полномочія и очень холодно заявилъ старшему чину

„королевскаго“ конвоя: „Напрасно онъ рискуетъ,—пасно сами начнутъ стрѣлять“. Роялисты умоляли принца расцвѣтить свое знамя. Предчувствуя будущія сраженія даже со своими собственными баронами, этотъ тучный феодалъ, богачъ, чтимый старухами, предпочелъ роль портрета въ хорошей рамкѣ и великолѣпно задрапировался въ бѣлое знамя того самаго Генерала IV, который, будучи человѣкомъ гораздо болѣе умнымъ и рѣшительнымъ, ради французскаго престола отказался не только отъ своего знамени, но и отъ своего Бога. Шамборъ расшаркался предъ ними и назвалъ Макъ-Магона современнымъ Баяромъ. А Баяръ провелъ его за носъ,—немного встрѣчается даже среди умныхъ людей такихъ плутовъ, какъ эта тупица,—и добился 19-го ноября 1873 года власти на 7 лѣтъ.

При Макъ-Магонѣ терроръ усилился. Де-Брольи произвелъ массовое увольненіе чиновниковъ; снова введенъ былъ залогъ для газетъ, но республиканскіе листки продолжали появляться въ изобиліи; ихъ подвергли преслѣдованіямъ. Возобновились гоненія какъ на парижскихъ, такъ и на провинціальныхъ коммунаровъ. Военные суды стали выкапывать старыя дѣла, и въ ихъ вѣдѣніе перешли процессы, прежде разбиравшіеся обыкновенными судами.—Бывшій членъ коммуны Ранкъ былъ выбранъ депутатомъ Ліона; его приговорили къ смертной казни; той же участи подвергся другой депутатъ Мельвиль-Блонкуръ, состоявшій при делегаціи военнаго министерства; нѣсколько человѣкъ, приговоренныхъ къ ссылкѣ, между ними Рошфоръ и Люллье, еще оставались во Франціи; ихъ отправили въ Новую Каледонію.

Вскорѣ заволновались всѣ классы общества. Переживая полную ломку всѣхъ своихъ учрежденій, Франція нуждалась во внутреннемъ мирѣ. На представленія торговыхъ палатъ, маршалъ отвѣтилъ: „За 7 лѣтъ я сумѣю заставить уважать установленный порядокъ“. Этотъ порядокъ олицетворялся чиновниками имперіи, которые все еще продолжали мстить республиканцамъ.

Ихъ императоръ умеръ 9-го января 1873 г.—послѣдній срокъ назначенный въ „*Пробужденіи*“, Делеклюза,—въ Чизльгерстѣ, въ домѣ съ благороднымъ девизомъ: „Potius mori quam foedari“ (лучше умереть, чѣмъ предать), какъ нельзя болѣе подходящимъ къ тому, кто капитулировалъ въ Седанѣ. Въ продолженіе двухъ лѣтъ онъ под-

держивалъ газеты и комитеты, во главѣ которыхъ стоялъ Руэ, выбранный депутатомъ, принималъ всевозможныя делегаціи отъ подставныхъ рабочихъ, приводимыя Амигомъ, и отъ подлинныхъ офицеровъ, и умеръ послѣ операціи, произведенной наканунѣ его возвращенія. Его смерть ободрила партію, и совершеннолѣтіе его сына было торжественно отпраздновано 15-го марта 74-го года всею знатью имперіи и массой офицеровъ, съѣхавшихся въ Англію, несмотря на изданное въ насмѣшку запрещеніе военнаго министра. Девизомъ партіи было обращеніе къ народу; свои надежды она возлагала на плебисцитъ и пользовалась тѣмъ, что у власти стоялъ герцогъ Маджентскій, помиловавшій Базэна, приговореннаго къ смертной казни 10-го декабря 73-го года послѣ процесса, котораго страшно не хотѣлъ г. Тьеръ. Вліяніе бонапартистовъ въ серединѣ 74-го года упрочилось настолько, что, когда Макъ-Магонъ долженъ былъ распустить старое министерство, они могли всунуть туда одного изъ своихъ—Фурту. Въ томъ они были достаточно сильны, чтобы организовать на Сенъ-Лазарскомъ вокзалѣ демонстрацію противъ республиканскихъ депутатовъ и заставить полицію, которую они держали въ рукахъ при помощи своихъ прежнихъ креатуръ, шпіонить за Макъ-Магономъ даже въ его собственномъ домѣ. Но этимъ они добились лишь того, что Фурту былъ уволенъ.

Интриганъ съ Елисейскихъ Полей въ одинаковой степени не хотѣлъ ни короля, ни императора. Если шансы бонапартистовъ поднимались немного, то республиканцы заполняли почти всѣ свободныя мѣста. Подъ вліяніемъ де-Брольи, Макъ-Магонъ потребовалъ отъ собранія окончательнаго опредѣленія государственнаго строя и установленія общественныхъ властей. Гамбетта, въ свою очередь, вообразилъ, что можно извлечь толкъ изъ этого собранія, раздираемаго въ продолженіе четырехъ лѣтъ пустыми интригами, а теперь наводненнаго республиканцами, и вдругъ, вопреки своимъ прежнимъ утвержденіямъ, призналъ его способнымъ издавать законы, и принялся вербовать себѣ сторонниковъ. 30-го января 75-го года большинствомъ одного голоса было постановлено, что президентъ республики избирается сенатомъ совмѣстно съ палатой депутатовъ; 12-го февраля все должно было рушиться; 25-го февраля республика была провозглашена законной формой правленія Франціи, хотя каждый, подавая

голосъ за нее, думалъ, что надуваетъ другого. И за эту республику, единогласно провозглашенную всей Франціей 4-го сентября, одно имя которой воодушевляло цѣлыя арміи, благодаря политикѣ г. Тьера и лѣвой, пришлось заплатить подавленіемъ Парижа, 100,000 жизней, 1.5 милліарда деньгами, четырьмя годами гоненій, не считая тѣхъ, которыя ожидали еще своей очереди. Злымъ духомъ всей этой авантюры былъ Макъ-Магонъ, который таскалъ изъ огня каштаны тамъ, гдѣ мелкій буржуа только обжигался. Онъ занималъ президентскій постъ еще цѣлыхъ 5 лѣтъ во славу конституціи безъ всякихъ обязательствъ передъ народомъ.

Первымъ министромъ, наконецъ, признанной республики сдѣлался эксъ-министръ имперіи, боевой президентъ собранія Бюффе, близорукій политикъ, съ 48-го года потѣвшій надъ реакціоннымъ законопроектомъ, одинъ изъ тѣхъ неповоротливыхъ буржуа, которыхъ съ удовольствіемъ предоставляютъ въ распоряженіе узурпаторамъ. Онъ позволялъ своимъ официальнымъ газетамъ третировать республику, своимъ префектамъ забывать республиканскую формулу на заголовкѣ официальныхъ документовъ; на требованія преслѣдованій бонапартистскихъ комитетовъ онъ отвѣчалъ доносами на республиканцевъ и эмигрантовъ Лондона и Женевы. При немъ продолжались систематическія гоненія на республиканскія газеты: за 2 года Макъ-Магоната 28 изъ нихъ было закрыто, 20—пріостановлено, 163—воспрещена розничная продажа,—немножко больше, чѣмъ при слабой коммунѣ съ ея 30 смѣхотворными запрещеніями. Осадное положеніе было введено въ Парижѣ, Версалѣ, Ліонѣ, Марселѣ и въ ихъ департаментахъ; военные суды продолжали сыпать приговорами, какъ картечью.

31-то декабря 1875 года „злосчастное собраніе“, распуская себя, отвергло всѣ предложенія амнистіи и ограничилось тѣмъ, что перевело нѣсколькихъ изгнанниковъ съ полуострова Дюко на островъ Сосенъ, сократило срокъ тюремнаго заключенія и объявило даже отмѣну 600 самыхъ легкихъ наказаній; Новая Каледонія осталась въ полной неприкосновенности *).

---

*) Отчетъ комиссіи о помилованіяхъ, представленный Мартелемъ и Вуазеномъ.

Но на общихъ выборахъ народъ не забылъ своихъ защитниковъ. Въ важныхъ пунктахъ амнистія стояла во всѣхъ демократическихъ программахъ, а общественныя собранія предъявляли это требованіе кандидатамъ. Радикалы рѣшили добиваться полной амнистіи, либералы обѣщали „уничтожить слѣды нашихъ междоусобицъ“,—такъ всегда говоритъ высшая буржуазія, когда она хочетъ загладить свои же собственныя преступленія.

Февральскіе выборы 76-го года дали громадное большинство республиканцамъ. Несмотря на отчаянныя воззванія Макъ-Магона къ реакціонерамъ, изъ 530 выбранныхъ 350 оказались республиканцами. Знаменитые новые слои, о которыхъ возвѣщалъ Гамбетта во время своихъ неустанныхъ разъѣздовъ по провинціи, вышли на поверхность и готовились обновить Францію. Туча адвокатовъ, врачей, купцовъ, либеральныхъ помѣщиковъ подняли провинцію, выставивъ девизомъ „свободу, реформы, умиротвореніе“. Бюффе потерпѣлъ пораженіе даже въ медвѣжьихъ углахъ. Радикальные листки единогласно объявляли республику окончательно упроченной; горячіе поборники амнистіи не сомнѣвались, что новая палата даруетъ ее народу въ радостный день своего открытія. Развѣ Парижъ не послалъ прежнихъ уволенныхъ собраніемъ деревенщины депутатовъ Флоке, Клемансо, Локруа и многихъ другихъ, не считая Луи-Блана, который теперь говорилъ о недоразумѣніи 18-го марта?

Какъ разъ въ это время готовилась къ отплытію партія ссыльныхъ. Викторъ Гюго, выбранный Парижемъ въ сенатъ, просилъ Макъ-Магона пріостановить ихъ отъѣздъ до разсмотрѣнія вопроса обѣими палатами, которыя,—онъ не сомнѣвался въ этомъ,—выскажутся въ благопріятномъ смыслѣ; подъ наскоро составленной петиціей въ нѣсколько дней собрали больше 100.000 подписей. Вопросъ объ амнистіи обострился настолько, что новый министръ Макъ-Магона Дюфоръ, извѣстный еще по 18-у марта, рѣшилъ немедленно покончить съ нимъ.

Было выставлено 5 предложеній, но только одинъ Распайль требовалъ полной всеобщей амнистіи, остальные исключали преступленія, квалифицированныя военными судами какъ нарушенія общаго права; сюда, между прочимъ, отнесены были и газетныя статьи. Па-

лата назначила комиссію; въ ней 9 изъ 11-ти были противъ амнистіи въ той формѣ, какъ ее предлагалъ Распайль. Новые слои показали себя. Это была именно та средняя буржуазія имперіи, трусливая, кичливая съ народомъ, продажная и лукавая. Она знала коммуну только по реакціоннымъ баснямъ; по уши погрязшая въ своемъ болотѣ, она очень откровенно заявляла: „Пусть эти коммунары оставятъ насъ въ покоѣ, а тамъ посмотримъ“. „Возстаніе 18-го марта было великимъ преступленіемъ“,—говорилъ ихъ докладчикъ:—„главные вожди вернутся во Францію такими же, какъ были тогда. Были такіе моменты въ нашей исторіи, когда амнистія могла являться необходимой; но возстаніе 18-го марта ни подъ какимъ видомъ нельзя сравнивать съ нашими гражданскими войнами. Въ немъ я вижу возстаніе противъ всего общественнаго строя“.

Распайль съ достоинствомъ защищалъ свой проектъ, клеймилъ палачей, требовалъ преслѣдованія тѣхъ „истинныхъ провокаторовъ, изъ которыхъ многіе, оставаясь безнаказанными, засѣдали въ палатахъ“. Клемансо же изложилъ событія 18-го марта, черезчуръ ужъ приспособляясь къ невѣжеству и страхамъ своей аудиторіи. А остальные съ крайней лѣвой, какъ будто защищая побѣжденныхъ, въ то же время обвиняли ихъ: „Очень ошибаются въ опредѣленіи характера этой революціи“,—сказалъ громко одинъ изъ нихъ:—„въ ней видятъ соціальную революцію, между тѣмъ какъ въ дѣйствительности это было лишь нервное потрясеніе или приступъ лихорадки“. Депутатъ округа, въ которомъ когда-то былъ избранъ и гдѣ умеръ Делеклюзъ, назвалъ это движеніе „гнуснымъ“. Марку заявилъ, что коммуна была „анахронизмомъ“. Никто не сказалъ ни слова о крови, о понтонахъ, казематахъ, о военныхъ судахъ,—всѣ были поглощены изливаніемъ своего краснорѣчія передъ избирателями.

Но министры и „новые слои“ рѣзко отчитали этихъ зазнавшихся адвокатовъ.—„Нѣтъ, господа“,—сказалъ Дюфоръ:—„это—вовсе не отдѣльный случай коммунальнаго движенія; по своимъ идеямъ, замысламъ и даже дѣйствіямъ это—наиболѣе радикальная изъ всѣхъ, когда-либо бывшихъ въ мірѣ, революцій. Одинъ изъ старыхъ непримиримыхъ заявилъ, что собраніе деревенщины вовсе не угрожало республикѣ: „Это оно доказало хотя бы двумя актами: выборомъ исполнительной власти и признаніемъ республиканскаго кабинета“.

Дюфоръ восхвалялъ военные суды, утверждая, что они ни на іоту не отступали отъ закона, что всѣ средства пускались ими въ ходъ для обезпеченія самаго тщательнаго и полнаго разслѣдованія дѣлъ, что офицера при этомъ сравнялись съ лучшими судебными слѣдователями. Морской министръ, адмиралъ Фуришонъ, имѣлъ нахальство заявить, что положеніе сосланныхъ въ каторгу коммунаровъ никоимъ образомъ нельзя сравнивать съ положеніемъ уголовныхъ, что „ссыльный счастливѣе солдатъ, живя въ своемъ цвѣтущемъ саду“. Кто-то крикнулъ: „Тамъ примѣняютъ пытки!“—и получилъ слѣдующій великолѣпный отвѣтъ: „Это вы пытаете насъ!“ Ланглуа, неистовствуя, какъ и 19-го марта, вопилъ въ кулуарахъ: „Никакой пощады разбойникамъ!“

18-го мая полная всеобщая амнистія была отвергнута 372 голосами противъ 50. Гамбетта воздержался отъ голосованія. Комиссія отвергла и остальныя предложенія, заявивъ, что нужно положиться на милость правительства. Ея постановленія подвергли критикѣ лишь для формы, а одинъ радикалъ договорился до того, что заявилъ: „Неужели же въ вопросѣ о великодушіи мы не можемъ довѣриться правительству“. Всѣ предложенія были такимъ образомъ погребены. Въ сенатѣ Викторъ Гюго защищалъ частичную амнистію: „Столбъ Сатори, Нумея, 18.924 осужденныхъ въ простую ссылку и замурованныхъ въ укрѣпленныя мѣста, каторжныя работы, каторжная тюрьма за 5.000 льё отъ родины—вотъ какъ карало правосудіе за 18-ое марта“,—онъ забылъ еще 20000 разстрѣлянныхъ.—„А что сдѣлало правосудіе съ преступленіемъ 2-го декабря?—Оно присягнуло ему“. Его предложеніе не стали даже обсуждать.

Черезъ 2 мѣсяца Макъ-Магонъ, дополняя комедію, писалъ военному министру Сиссею, когда-то разстрѣливавшему въ Люксембургѣ коммунаровъ: „Впредь ни одно преслѣдованіе не должно имѣть мѣсто, если его не требуютъ единодушно всѣ благородные люди“. Благородные военные суды поняли его и продолжали свое дѣло.—Нѣсколько осужденныхъ заочно эмигрантовъ, упоенные надеждами первыхъ дней, отважились явиться во Францію; ихъ арестовали, и приговоры имъ были подтверждены. Съ организаторами рабочихъ кружковъ расправлялись безпощадно, если удавалось связать ихъ съ

коммуной*). Въ ноябрѣ 76-го года одинъ изъ военныхъ судовъ вынесъ смертный приговоръ за участіе въ возстаніи.

Это сплошное варварство, длившееся годы, возмущало общественное мнѣніе, и Макъ-Магонъ былъ встрѣченъ, въ одну изъ своихъ поѣздокъ въ Ліонъ, криками: „Да здравствуетъ амнистія!“— Послѣ этого радикалы не могли всполошиться; имъ пришлось потребовать, по меньшей мѣрѣ, прекращенія преслѣдованій. Гамбетта на этотъ разъ былъ съ ними. Его политика заключалась въ томъ, чтобы успокоить буржуазію, изображая коммуну какъ „мятежъ подонковъ общества“, какъ „судороги нищеты, голода и отчаянія“ и, такимъ образомъ, добиться смягченія пытки. Въ палатѣ онъ дошелъ до того, что восхвалялъ военные суды за „самоотверженность, мудрость и чисто военную сноровку“, съ которой они разбирали дѣла. 6-го ноября былъ вотированъ законъ, признававшій въ извѣстныхъ случаяхъ давность преступленія.—Сенатъ его отвергъ.

Въ декабрѣ 76-го года Жюль Симонъ, смѣнивъ кучерской армякъ Тьера на ливрею Макъ-Магона, добрался до министерскаго кресла. „Святоша-разстрѣливатель принесъ съ собой одно выраженіе, представляющее цѣлую программу: „Благожелательная республика“... Но ея благожелательство не касалось коммунаровъ. Его коллега по министерству юстиціи, эксъ-президентъ комиссіи разбойниковъ, галантный Мартель, тотъ самый, который называлъ смѣшанныя комиссіи временъ имперіи мерзкими учрежденіями, продолжалъ гоненія. Одинъ федералистъ, по имени Маренъ, трижды приговаривавшійся къ смерти, наконецъ, дождался рѣшенія своей судьбы и черезъ 6 лѣтъ послѣ возстанія былъ сосланъ въ каторгу.

Маршалъ попрежнему скупился на милости. Дюфоръ на другой день послѣ того, какъ была отвергнута амнистія, образовалъ новую

---

*) 2-го декабря 1876 года экспедегатъ счетоводовъ на рабочемъ съѣздѣ Баронъ предсталъ предъ 3-мъ судомъ, какъ секретарь делегаціи военнаго министерства. „Господа судьи“,—сказалъ предсѣдатель,—„замѣтимъ, что обвиняемый проникнутъ тѣми же чувствами, что и въ 1871 г., такъ какъ мы видимъ его въ 1876 году участникомъ рабочаго съѣзда“. Въ глазахъ всякаго военнаго рабочее собраніе отожествлялось съ мятежомъ. Барона приговорили къ ссылкѣ.

комиссію о помилованіи изъ благожелательныхъ либераловъ, среди которыхъ блисталъ Дюбайль, старый охотникъ за федералистами. Въ исправительныхъ тюрьмахъ Франціи было къ этому времени 1.600 заключенныхъ коммунаровъ, а число ссыльныхъ доходило почти до 4.400. Вторая комиссія о помилованіи была не лучше Мартелевской. По ея представленію Макъ-Магонъ помиловалъ такихъ заключенныхъ, которые могли пользоваться этой милостью только 5—6 недѣль, и освободилъ 2-хъ или 3-хъ умершихъ. Въ маѣ 1877 г. изъ Новой Каледоніи вернули только 250 сосланныхъ туда, а 300 лишь смягчили наказанія.

И этого уже было слишкомъ много. 16-го мая водворенъ былъ настоящій порядокъ.—Реакціонеровъ не смутило пораженіе 76-го года. Если въ рукахъ республиканцевъ была палата, то на ихъ сторонѣ были сенатъ и маршалъ, котораго они подбивали на реваншъ. Духовенство вело кампанію подъ руководствомъ воинственнаго и пылкаго кардинала 64-го и 71-го годовъ Бонпоза, который издѣвался надъ стараніями Жюля Симона, пока еще мечтавшаго о кардинальскомъ санѣ. Въ продолженіе мѣсяца епископы ломали копья за упраздненный папскій престолъ, за папу, повергнутаго въ нищету, подавали множество петицій и пѣли такъ громко, что старшій кардиналъ принужденъ былъ съ каѳедры высказать порицаніе одному изъ самыхъ горячихъ митроносцевъ. Черезъ нѣсколько дней, утромъ 16-го мая, Макъ-Магонъ извѣстилъ любезнаго Жюля Симона маленькой запиской объ его отставкѣ. Палата запротестовала было. Тогда Макъ-Магонъ выдвинулъ противъ нея боевое министерство, подъ предводительствомъ де-Брольи, а 18-го мая въ насмѣшливомъ посланіи посовѣтовалъ ей освѣжить мозги въ майской прохладѣ.

Кабинетъ 16-го мая былъ составленъ изъ орлеанистовъ и бонапартистовъ, вернувшихся въ достаточномъ количествѣ; но общество разгадало планы маршала, и по всей Франціи пронесся кличъ: „Это—поповская продѣлка! это—министерство поповъ!“—Заговоръ, давно уже подготовлявшійся съ систематичностью и точностью, присущими іезуитамъ, сразу показалъ себя. На другой день послѣ переворота 62 префекта было уволено; 127 субъ-префектовъ, главныхъ секретарей мировыхъ судей и прокуроровъ—смѣщено. Былъ данъ приказъ окончательно заткнуть ротъ прессѣ. Газеты подверг-

лись преслѣдованіямъ; нѣсколько изъ нихъ было пріостановлено; мѣста собраній были закрыты; арестовали президента парижскаго муниципальнаго совѣта за участіе въ банкетѣ, устроенномъ лондонскими эмигрантами. 25-го іюня Макъ-Магонъ окончательно распустилъ палату, опираясь на сенатъ—этотъ „великій совѣтъ городскихъ общинъ“, какъ назвалъ его съ самаго начала Гамбетта—на сенатъ, который чувствовалъ себя законнымъ оплотомъ реакціи.

Реакція царила безраздѣльно въ теченіе 3$^{1}/_{2}$ мѣсяцевъ, безсовѣстно пользуясь въ своихъ цѣляхъ текстомъ конституціи. 3$^{1}/_{2}$ мѣсяца Франція жила въ тревогѣ; многіе уже предвидѣли, что изъ этого конфликта вырастетъ гражданская война. Дѣла были въ застоѣ. Макъ-Магонъ попробовалъ предпринять объѣздъ провинціи,—его встрѣчали криками: „Да здравствуетъ республика!“ Онъ отомстилъ за это, сказавъ мэрамъ, которые требовали прекращенія смуты: „Вотируйте за мое правительство“. Его глупости,—а у него имѣлся богатый запасъ ихъ,—дали новую пищу общественному недовольству, которое хваталось за все, даже за г. Тьера, умершаго 3-го сентября за обѣдомъ: Парижъ устроилъ своему Футрике грандіозные похороны. Всѣ, конечно, слишкомъ хорошо знаютъ безумныя Θивы съ ихъ сотней воротъ, черезъ которыя проходили и величіе, и злодѣйство, и лишь вѣтеръ шумѣлъ имъ вслѣдъ на вершинахъ деревьевъ, да буря проносилась по улицамъ. На какъ могъ Парижъ, который г. Тьеръ разстрѣливалъ въ 1832 году, а въ іюнѣ 48-го года отдалъ въ руки остервенѣлыхъ буржуевъ и улицы Пуатье, на который онъ клеветалъ во время войны, который онъ продалъ собранію сельскихъ депутатовъ, провоцировалъ 18-го марта, атаковалъ 2-го апрѣля и послѣ семинедѣльной бомбардировки разорилъ до тла, улицы котораго онъ покрылъ 20.000 труповъ, Парижъ, тысячи гражданъ котораго онъ отдалъ въ руки военныхъ судовъ и разбросалъ по обоимъ полушаріямъ,—какъ могъ Парижъ, едва минуло 7 лѣтъ со времени этихъ злодѣйствъ, пасть такъ низко, чтобы почтить этого народнаго палача, какъ провозвѣстника свободы? Нѣтъ, нѣтъ и нѣтъ! Только иронія судьбы собрала у гроба г. Тьера громадныя толпы народа. Подобно тому, какъ Сампсонъ вооружился ослиной челюстью, чтобы поразить филистимлянина, такъ

Парижъ въ 77-мъ году схватилъ старыя кости мертваго соперника чтобы дать пощечину оставшемуся въ живыхъ.

Макъ-Магонъ въ прокламаціи à la Карлъ X выставилъ своихъ кандидатовъ, грозя помѣшать неугоднымъ ему выборамъ. Вся республиканская Франція была охвачена негодованіемъ. „Когда Франція скажетъ свое слово, то придется или покориться, или уйти“,—отвѣчалъ при дружныхъ аплодисментахъ республиканцевъ Гамбетта, который еще оставался душею націи и, не обращая вниманія на осужденія, клеветы, бульварную прессу, продолжалъ созывать многочисленныя собранія и распространять воззванія. Почему же онъ не держался той же тактики по отношенію къ врагамъ республики во время войны и во время коммуны, когда его вліяніе могло обезпечить поддержку движенія провинціей?

Побѣда республиканцевъ была достигнута благодаря ихъ смѣлости и выдержанности. Несмотря на префектовъ, чиновниковъ, судебные приговоры,—а ихъ за это время было 2.700,—республиканцы прошли на выборахъ 24-го октября 77-го года большинствомъ 117 голосовъ; это число потомъ сильно возросло благодаря тому, что выборы правительственныхъ кандидатовъ во многихъ случаяхъ были кассированы. Де-Брольи, который писалъ по исторіи, ничего въ ней не понимая, хотѣлъ, чтобы Макъ-Магонъ боролся съ этимъ. Новая палата образовала комитетъ общественнаго спасенія, назначила избирательную анкету и принудила де-Брольи вернуться за кулисы. Оттуда онъ могъ еще руководить Макъ-Магономъ настолько, чтобы заставить послѣдняго образовать министерство капраловъ. Палата отказалась утвердить бюджетъ; у Макъ-Магона не хватило гордости уйти въ отставку; онъ представился больнымъ, какъ при Седанѣ, и поручилъ Дюфору подписать за него отставку.

Одержавъ побѣду, палата начала съ амнистіи своихъ приверженцевъ, осужденыхъ послѣ 16-го мая. Она и не подумала о коммунарахъ. О нихъ не забылъ только народъ. Всемірная выставка 1878 г. заняла, было, всѣ активные элементы націи; но въ сентябрѣ, въ годовщину смерти г. Тьера, недовольство проявилось снова. Ко дню годовщины торжественно готовилась извѣстная часть общества, помѣщая въ газетахъ соотвѣтствующія статьи и иллюстраціи, въ которыхъ былъ изображенъ апоѳеозъ врага Парижа, попираю-

щаго ногами коммуну съ лицомъ потаскушки; парижскій муниципальный совѣтъ отказался послать депутацію. Въ Марселѣ тоже провалили посылку делегаціи, „такъ какъ г. Тьеръ былъ палачомъ коммуны“. Дюфоръ отвѣтилъ 34 судебными карами, арестомъ массы уклонившихся отъ суда, вернувшихся во Францію, и запрещеніемъ соціалистическаго интернаціональнаго конгресса, который долженъ былъ собраться въ Парижѣ.

Но рѣзня, ссылка, изгнаніе не убили соціалистической партіи, какъ объявилъ объ этомъ г. Тьеръ въ собраніи деревенщины. Въ теченіе семи лѣтъ мнимой летаргіи знамя борьбы держала въ своихъ рукахъ германская партія. Только съ коммуны начинается эра революціоннаго соціализма. Борьба Парижа съ Версалемъ сдѣлалась очень популярной въ Германіи, и ея исторія служила темой для рѣчей многочисленнымъ партійнымъ ораторамъ. Болѣе дисциплинированные, чѣмъ ихъ собратья во Франціи, подъ руководствомъ такихъ надежныхъ вождей, какъ Бебель и Либкнехтъ, обладая большимъ числомъ газетъ, германскіе соціалисты уже въ 78-мъ году имѣли въ рейхстагѣ 12 депутатовъ, что дало поводъ Бисмарку заявить съ трибуны: „Германія стала замкнутымъ полемъ для агитаціи, съ которой Франція уже покончила“. Онъ ошибался, какъ и г. Тьеръ, относительно Франціи. Черезъ 7 лѣтъ соціалистическая партія возродилась помолодѣвшей, полной силы, стойкой, такой, какъ она была въ послѣдніе годы имперіи, достаточно многочисленной для того, чтобы назначить въ Парижѣ интернаціональный конгресъ.

30-го января 1879 года мнимый рубака Макъ-Магонъ покинулъ свое президентство подъ тѣмъ предлогомъ, что дана отставка его генераламъ; на самомъ же дѣлѣ, чтобы не дождаться отдачи подъ судъ своихъ сообщниковъ по 16-му мая. Какъ и г. Тьеръ, парижскій мясникъ избѣжалъ наказанія; черезъ 14 лѣтъ этотъ военный политиканъ, который для того, чтобы избѣгнуть республики, довелъ Францію до Седана, чтобы спасти сельскихъ депутатовъ, кучами истреблялъ парижанъ и, пытаясь усилить вліяніе духовенства, въ продолженіе многихъ лѣтъ вызывалъ волненія во Франціи,—полегоньку приближался къ славному Дому Инвалидовъ. Для такихъ великихъ преступниковъ нѣтъ правосудія за предѣлами революціи.

Въ тотъ же вечеръ, въ 8 часовъ, Греви занялъ его мѣсто. Республиканцы увидѣли въ этомъ вступленіи побѣду. Это былъ первый президентъ республики, который былъ дѣйствительно республиканцемъ и на совѣсти котораго не было разстрѣловъ. Передъ республиканской партіей открывалось широкое поле дѣятельности. Какъ разъ сенатскіе выборы въ январѣ дали республиканцамъ большинство въ 50 голосовъ. На этотъ разъ амнистія не только была возможна, она прямо стояла на первой очереди. Развѣ у главы кабинета Ваддингтона не состоялъ секретаремъ осужденный военнымъ судомъ на смерть, котораго онъ встрѣтилъ въ Берлинѣ и привезъ съ собой въ Парижъ?

Въ Новой Каледоніи находилось еще 1.100 осужденныхъ, и около 500—600 бѣжавшихъ отъ суда томились въ изгнаніи; остальные были помилованы лишь послѣ семи лѣтъ ссылки или изгнанія. „Безъ маршала число помилованныхъ было бы гораздо больше“,— безстыдно заявила комиссія о помилованіи, когда Макъ-Магона уже не было. Новое министерство измѣнило все. Отдѣльные акты помилованія и амнистіи Ваддингтонъ замѣнилъ однимъ—помилованіемъ-амнистіей. Это было очень просто: стоило лишь объявить амнистированными тѣхъ, кто подлежалъ помилованію и на вопросъ: „кого же именно вы помилуете?“—Веддингтонъ отвѣчалъ: „амнистія не коснется лишь тѣхъ, противъ кого выскажется общественное мнѣніе“. Чисто англійская насмѣшливо-холодная манера Ваддингтона, съ какой онъ давалъ подобные отвѣты, чрезвычайно нравилась оппортунистамъ, которымъ не было никакого дѣла до возвращенія того или другого изъ осужденныхъ.

Крайняя лѣвая принуждена была выдвинуть требованіе всеобщей амнистіи. Агитація за амнистію никогда, собственно говоря, не прекращалась въ народѣ. Одна парижская газета, „*Французская революція*“, несмотря на штрафы и заключеніе въ тюрьму редакторовъ, помѣщала статьи эмигрировавшихъ членовъ коммуны. Наконецъ законопроектъ объ амнистіи былъ внесенъ въ палату. Но 9 бюро изъ 11 членовъ отвергло его. Луи Бланъ защищалъ его съ такимъ же жаромъ, съ какимъ онъ защищалъ когда-то права разстрѣливателей. Докладчикомъ выступилъ Андріе, выбранный депутатомъ, бывшій анархистъ во времена имперіи и прокуроръ въ Гиллотьеръ

въ 71-го году. „Ни одно французское собраніе никогда не согласится вотировать полную и всеобщую амнистію“,—началъ онъ.—„Что же касается до государственныхъ преступниковъ, которые останутся въ Новой Каледоніи, число ихъ будетъ сокращено до 1.500, и это будутъ какъ разъ отбросы большихъ городовъ, всегда готовые къ грабежамъ“. Хранитель государственной печати остановился на 1.200. Андріе же, засматривавшійся на должность префекта полиціи, которую онъ и получилъ послѣ провала амнистіи, повышалъ цифру. Марку въ 76-мъ году требовалъ исключенія изъ амнистіи тѣхъ „дикарей, которые обезчестили бы трехцвѣтное знамя, если бы оно могло быть у нихъ такимъ“. Онъ не называлъ именъ этихъ дикарей, которые, впрочемъ, никогда и не сражались подъ трехцвѣтнымъ знаменемъ, но это дало поводъ Ваддингтону заявить: „Они и составляютъ 1.200“. Полная амнистія была отвергнута 350 голосами противъ 99, и амнистированы были только помилованные за 3 послѣдніе мѣсяца. Въ сенатѣ Беранже заявилъ, что „Франція не желаетъ профессіональныхъ бунтовщиковъ“; однако же сенатъ вотировалъ ту же самую полуамнистію, предоставляя министерству исключить „опасныхъ и недостойныхъ“. Спустя 6 недѣль палата отказалась 317 голосами противъ 159 возбудить преслѣдованіе противъ героевъ 16-го мая, которые разогнали палату и въ теченіе 4-хъ мѣсяцевъ провоцировали гражданскую войну; они отблагодарили палату вызывающимъ манифестомъ.

Исключенные изъ амнистіи протестовали противъ клеветниковъ: „Официальныя сферы оскорбляютъ насъ и клевещутъ, заявляя, что въ изгнаніи останутся только воры и убійцы. Тѣ, кто такъ обманываетъ общественное мнѣніе, знаютъ, что нѣтъ ни одного осужденнаго, къ которому можно было бы примѣнить подобные эпитеты. Воровъ и убійцъ нѣтъ въ нашихъ рядахъ“. Въ этомъ убѣдились впослѣдствіи, когда правосудіе отдало въ руки исправительной полиціи и суда присяжныхъ столько хулителей коммуны.

Обсужденіе этого проекта помилованія съ фильтраціей породило совсѣмъ новую теорію о благородныхъ и преступныхъ бунтовщикахъ. Такъ Луи Бланъ проводилъ строгое различіе между благороднымъ краснымъ знаменемъ своего времени и проклятымъ краснымъ флагомъ коммуны, а министръ юстиціи объявилъ достойными уваженія

участниковъ мятежей до 18-го марта, героевъ котораго онъ называлъ негодяями. „Было бы оскорбительно“,—толковалъ онъ,—„для другихъ инсургентовъ сравнивать ихъ съ организаторами возстанія 18 марта“, которые были настолько преступны, что подняли мятежъ, „когда непріятель занималъ форты“. Онъ поддерживалъ, такимъ образомъ, легенду о томъ, что Парижъ является зачинщикомъ 18-го марта. Въ теченіе восьми лѣтъ республиканцы держались насторожѣ, не осмѣливаясь опубликовать, въ свою очередь, версальскихъ исторій и даже, какъ говорилъ Камиллъ Пельтанъ, „часто пересаливали въ этомъ отношеніи изъ страха скомпрометировать себя“. Эта благородная политика принесла свои плоды; республиканская партія не имѣла никакого представленія объ истинной исторіи коммуны; никто не опровергъ безконечныхъ клеветъ, и во время послѣднихъ преній консервативныя газеты опубликовали, какъ документъ, выдержки изъ книги одного совершенно бездарнаго борзописца Максима Дю Кана.

Онъ началъ свою карьеру съ разстрѣла инсургентовъ въ іюнѣ 48-го года и на этихъ баррикадахъ получилъ крестъ. Вновь пожалованный орденомъ при Луи Наполеонѣ, онъ, тѣмъ не менѣе, дулся нѣкоторое время на имперію; принцесса Матильда вновь наставила его на путь истинный. Онъ долженъ былъ сдѣлаться сенаторомъ, какъ вдругъ 4-ое сентября все перевернуло вверхъ дномъ. Въ бѣшенствѣ онъ скрылся въ Германію, гдѣ пробылъ все время войны вернувшись во Францію во время коммуны, онъ наткнулся на указъ, изданный ею противъ воинствующихъ бонапартистовъ. Въ теченіе шести лѣтъ онъ кропотливо собиралъ всякія выдумки, наговоры, грязь, выливавшуюся на коммуну, прибавлялъ отъ себя, и въ концѣ концовъ, создалъ изъ своихъ „Конвульсій Парижа“ какъ бы единый коллекторъ для тысячи реакціонныхъ клоакъ. Любители порнографическихъ произведеній могли обогатить свою коллекцію политической Жустиной, написанной цвѣтистымъ слогомъ. Максимъ Дю Канъ собирался описать, по его собственнымъ словамъ, не историческое движеніе, а „патологическій случай“. „Весь звѣринецъ человѣческихъ страстей вырвался изъ своихъ клѣтокъ, и въ продолженіе долгихъ двухъ мѣсяцевъ люди предавались гнуснѣйшимъ животнымъ порокамъ. Какъ безстыдная проститутка, коммуна все вы-

ставляла напоказъ, и можно было поражаться количеству язвъ, разъѣдавшихъ ея тѣло". Таково было начало; за нимъ слѣдовали 4 тома подобнаго же кликушества.

По Максиму Дю Кану движеніе коммуны представляло изъ себя *) „припадокъ моральной эпилепсіи, кровавую вакханалію, разгулъ керосина и водки, сплошной развратъ, разливъ наглости и пьянства, которыя превратили столицу Франціи въ самое омерзительное болото; случай—аналогичный горячкѣ, эпидемической Витовой пляскѣ, средневѣковой одержимости бѣсами". Коммуна состояла: „наверху изъ людей, дошедшихъ до чудовищныхъ припадковъ гнуснѣйшей зависти", внизу—„изъ тупыхъ животныхъ, ничего не понимающихъ кромѣ того, что имъ даютъ хорошую плату, вдоволь вина и черезчуръ даже много водки". **). Центральный комитетъ являлся „сбродомъ негодяевъ", правительство коммуны—одержимые маніей поджоговъ (пироманы): рыси, ученые попугаи, папы демагогіи, ловкіе антихристы, кучка мошенниковъ, которые господствовали благодаря насилію, властвовали надъ пьяницами, покровительствовали убійцамъ, обучали поджигателей; маріонетки · эпилептики, кривляки, политики изъ молочной, царьки кофейни". Городская дума была „псарней для бѣшеныхъ собакъ, кабакомъ, да еще въ самомъ скверномъ мѣстѣ". Префектура полиціи—„притономъ для попоекъ". Сами федералисты „насквозь пропахли виномъ и чесночной колбасой; ихъ идеаломъ было 2 мѣсяца кутежа, а потомъ каторга". Ихъ женщины—сбѣжавшія изъ благотворительныхъ учрежденій, школьныя учительницы, которыя тянули рюмками водку и вѣнчались подъ кустомъ. Федералисты кромѣ того были „наглыми мальчишками, рожденными на берегу ручья и выросшими въ притонахъ, среди самаго низкаго сброда". Аббатъ Видье выразился еще лучше: всѣ они были „дѣтьми порочной любви". Правда,

---

*) Мы не приводимъ отдѣльныхъ выраженій, но выписываемъ цѣлыя цитаты.

**) Пьянство всегда было излюбленнымъ аргументомъ реакціонныхъ историковъ. Р. П. Лорике приписывалъ вліянію винныхъ паровъ декреты, изданные въ ночь 4-го августа; въ 1848 году совѣщались въ Люксембургѣ среди бутылокъ и т. д.

добрый пастырь не кривлялся, какъ припадочный, и не выставлялъ себя „умѣреннымъ“ и „безпристрастнымъ“ „человѣкомъ съ непоколебимымъ прямодушіемъ, которому дѣла злобы внушали непреодолимое отвращеніе“.

Когда Максима Дю Кана упрекнули въ преувеличеніяхъ, онъ отвѣтилъ: „Я всегда говорилъ о коммунарахъ въ крайне умѣренныхъ выраженіяхъ... Мы, порядочные люди, очень мирно настроены; то, что возбуждало страсти, устранено“; и при этомъ онъ негодовалъ на тѣхъ людей, для которыхъ „послѣднимъ словомъ политики было изрыгать ругательства на своихъ противниковъ“.

По этимъ выпискамъ можно составить представленіе о характерѣ всего произведенія. Впрочемъ, здѣсь не было тѣхъ хитроумныхъ фокусовъ à la Жюль Симонъ, въ которыхъ правда тѣсно переплеталась съ ложью. Выдумки и невѣжество этого бѣшенаго эротика были до крайности грубы. Ему совершенно не было дѣла до характера французскихъ рабочихъ, до фактовъ, наиболѣе точно установленныхъ, до хоть приблизительной правдоподобности. Все, что исходило отъ версальцевъ, весь этотъ реакціонный канканъ въ его глазахъ являлся надежнымъ источникомъ, первая попавшаяся бумажонка—документомъ, всякій чиновникъ, оставшійся въ Парижѣ во время коммуны, представлялъ неоспоримый авторитетъ, забавное бахвальство котораго свято записывалось; довѣрія заслуживали только обвинительные акты военныхъ судовъ и свидѣтельскія показанія со стороны обвиненія, а всѣ обвиняемые лгали. Онъ нагромождалъ одну нелѣпость на другую:Бланки оказался у него вдохновителемъ Интернаціонала, Асси—однимъ изъ главныхъ дѣятелей, Френкель—дикимъ звѣремъ, Варленъ—трусомъ, Домбровскій—предателемъ, онъ смѣшивалъ Курне съ Латапи, Ранвье—съ его братомъ. Его система доказательствъ была очень несложна. Передавая какой-нибудь единичный фактъ ареста, обыска или расправы со шпіономъ, онъ заканчивалъ такъ: „примѣровъ можно было бы привести тысячи“, или же: „тоже было почти вездѣ“. Въ другихъ случаяхъ онъ попросту отрицалъ факты. Делеклюзъ, „этотъ Бридуазонъ-висѣльникъ“, пошелъ на смерть вовсе не добровольно; онъ это зналъ навѣрное отъ одного очевидца,

котораго, впрочемъ, не хотѣлъ назвать [1]) совсѣмъ не вѣрно, что разстрѣляли мнимыхъ Валлеса, Бильорэ, Брюнеля и т. д.,—они сами, чтобы прекратить розыски, посылали въ газеты сообщенія о своей казни. Выдуманы также и многочисленныя казни; генералъ Аперъ опредѣлялъ ихъ число въ 17.000; это невѣрно,—у него, Максима Дю Кана, была точная цифра—„самое большее 6.500“; „военные пріемы“, — прибавляетъ онъ, — „присущи праву законной обороны“. Эту „точную“ цифру онъ узналъ отъ кладбищенской администраціи, по протоколамъ при обнаруженіи мертваго тѣла, какъ будто администрація считала тѣла, присылаемыя цѣлыми возами, какъ будто комиссарамъ было время составлять протоколы, а тѣмъ, кто долженъ былъ сжигать эти груды труповъ, было какое-нибудь дѣло до ихъ числа. У Максима Дю Кана „были въ рукахъ всѣ протоколы и, если бы понадобилось, онъ могъ бы дать поименный списокъ жертвъ, ибо онъ хвалился точностью: „Я ничего не утверждалъ“,—говорилъ онъ,—„того, чего не могъ бы доказать подлинными документами... Я говорилъ только условно каждый разъ, если мнѣ недоставало подлиннаго и точнаго документа“. Онъ не привелъ ни одного. Да если таковые и существуютъ, то можно себѣ вообразить, какъ онъ долженъ былъ ихъ извращать при его манерѣ выворачивать наизнанку самые извѣстные факты.

Грязныя бредни этой неистовой версальской дудки, подобранныя à la Монтепенъ [2]), разукрашенныя арабесками, уснащенныя выраженіями, какъ „они сказали бы то-то и то-то“, и діалогами въ родѣ: „всѣ эти мятежники, въ концѣ концовъ, сдѣлались ворами; когда мужъ возвращался домой, жена его неизмѣнно спрашивала: „что ты принесъ?“—все это приводило въ восторгъ „*Revue de deux Mondes*“ и бульварныя газеты.

---

[1]) Аббатъ Видье былъ не такъ остороженъ; это былъ Викторъ Тома, племянникъ Клемана Тома, вошедшій въ главный штабъ Бержере и выступившій въ военномъ судѣ свидѣтелемъ со стороны обвиненія; бѣдняга взялъ на себя роль шпіона, чтобы спасти свою шкуру.

[2]) Напримѣръ: „23 мая, проснувшись въ прекрасномъ расположеніи духа послѣ сладкаго сна, который даетъ только спокойствіе удовлетворенной совѣсти, Бодуенъ почувствовалъ жажду. Онъ счелъ своимъ долгомъ взломать дверь погреба и т.д.

Французская Академія пожелала включить въ свой составъ этого рѣдкостнаго историка и въ 85-мъ году, если бы только вернувшіеся къ этому времени эмигранты не пригрозили энергичнымъ вмѣшательствомъ, на похоронахъ Виктора Гюго онъ сталъ бы говорить отъ ея имени. Максимъ Дю Канъ уѣхалъ умирать въ Германію, къ которой всегда стремилась его душа, но продолжалъ царить въ Академіи. Въ іюнѣ 95-го года Поль Бурже, его преемникъ, патентованный изслѣдователь тайныхъ глубинъ души человѣческой, утверждалъ, что тотъ составилъ „поразительно сильный“ обвинительный актъ противъ „дикаго вандализма“, а собесѣдникъ романиста, элегантный снобъ, опредѣлилъ коммуну, какъ „приступъ лихорадки, порожденной лишеніями во время осады, и припадокъ бѣлой горячки“. Другой шарлатанъ и бульварный рифмоплетъ заявилъ, что Максимъ Дю Канъ „несправедливо обиженъ, но не опровергнутъ“.

Истинные республиканцы возставали противъ этихъ „Судорогъ“, забывая, что ихъ собственные вожди также смотрѣли на коммуну, какъ на приступъ лихорадки и судороги голода и отчаянія; къ тому же ни одинъ писатель не располагалъ въ достаточной мѣрѣ матеріаломъ, чтобы опровергнуть эти басни.

Разсказы, которые принялись фабриковать радикалы, обнаружили все ихъ незнаніе дѣятелей, среды и даже самыхъ событій коммуны. По ихъ мнѣнію, напримѣръ, бонапартизмъ игралъ большую роль какъ въ началѣ, такъ и въ концѣ движенія. Взявъ среднее изъ одной страницы писаній Максима Дю Кана и страницы воспоминаній какого-нибудь эмигранта, они воображали, что нашли историческую діагональ. Развѣ не говорилъ въ 80-мъ году въ „*Rappel'ѣ*“ сенаторъ Корбонъ, бывшій, какъ и Толэнъ, раньше простымъ рабочимъ, что онъ едва не былъ приговоренъ къ смерти комитетомъ общественнаго спасенія!

Послѣ этого легко себѣ представить взгляды на коммуну, которыхъ придерживались парламентскіе круги.

Но народъ, хоть и незнакомый съ исторіей, инстинктивно чувствовалъ, что это движеніе было во имя его, и постоянно устраивалъ демонстраціи въ пользу побѣжденныхъ въ борьбѣ. На выборахъ въ законодательное собраніе 21-го апрѣля 79-го года, Бордо избралъ большинствомъ 4.000 голосовъ Бланки. Палата кассировала

выборы, и Бланки получилъ помилованіе лишь по истеченіи трехмѣсячнаго срока, въ то время какъ онъ могъ уже быть амнистированъ, а слѣдовательно—и имѣть право на избраніе. За эти 3 мѣсяца милосерднымъ Греви было помиловано-амнистировано 3.300 осужденныхъ. 1.200 по меньшей мѣрѣ были выдѣлены изъ общаго числа по злобѣ или изъ страха и остались въ Каледоніи или въ изгнаніи.

Въ сентябрѣ 79-го года въ Портъ-Вандръ прибыли первыя партіи каледонійцевъ; онѣ встрѣтили тамъ восторженный пріемъ со стороны мѣстныхъ республиканскихъ комитетовъ. И Луи Бланъ, путешествовавшій въ то времн по югу, протянулъ изгнанникамъ тѣ самыя маленькія ручки, которыми когда-то грозилъ имъ. „Добро пожаловать!“—воскликнулъ онъ:—„если бы во Франціи существовало хоть малѣйшее чувство справедливости, вы никогда не покинули бы насъ!“ И когда одна масонская ложа хотѣла преподнести ему вѣнокъ, онъ сказалъ: „Я хочу раздѣлить эту честь съ тѣми, которые больше меня боролись и больше страдали“, онъ могъ бы прибавить: „по моей винѣ“.

Въ Парижѣ амнистированныхъ ждали спеціальные комитеты: центральный и соціалистическій.

Съ 71-го года въ Парижѣ образовался комитетъ вспомоществованія семьямъ политическихъ заключенныхъ, который получалъ средства благодаря пожертвованіямъ, сборамъ съ подписныхъ листовъ и денежной поддержкѣ городского совѣта. Депутаты крайней лѣвой, чтобы привлечь избирателей, ухватились за этотъ центральный комитетъ, который въ 77-мъ году получилъ 272.163 франка и оказалъ помощь около 3.000 семействамъ. Независимо отъ этого квазиофиціальнаго комитета, существовалъ еще соціалистическій комитетъ, не имѣвшій никакого отношенія къ депутатамъ крайней лѣвой; этотъ комитетъ тоже получалъ суммы по подпискѣ и могъ помогать каледонійцамъ, для которыхъ къ тому же и городской совѣтъ вотировалъ 100.000 фр.

Парижъ, наконецъ, увидалъ ихъ. Они вышли изъ вагоновъ, измученные пятимѣсячнымъ путешествіемъ на арестантскомъ положеніи, загорѣлые, въ странныхъ широкополыхъ шляпахъ и блузахъ, кое-кто завернувшись въ одѣяло, съ фляжками и сумками черезъ плечо,

растерянные, бросая вокругъ себя безпокойные взгляды. Восторгомъ сіяли лица тѣхъ, кто слышалъ призывный крикъ, кого встрѣчали объятія жены, ребенка или друга, и тихія слезы радости катились у нихъ изъ глазъ; но какъ тяжело было смотрѣть на забытыхъ бѣдняковъ, тщетно искавшихъ и не видѣвшихъ никого,—ни той, у которой не хватило мужества ждать, ни стариковъ-родителей, которые давно уже умерли; разбитой походкой уходили они съ платформы вокзала и шли куда глаза глядятъ, пока не окликалъ ихъ какой нибудь товарищъ по партіи и не отводилъ въ комитетъ вспомоществованія; тамъ получали они обѣдъ и золотую монету и уходили, чтобы разнести по Парижу, который ихъ больше не зналъ, вѣчное отчаяніе побѣжденныхъ.

Тѣ, кого коснулась амнистія, кому улыбнулась судьба, явились горячими защитниками своихъ обойденныхъ товарищей. На могилѣ одного изъ амнистированныхъ его товарищъ Альфонсъ Эмберъ прославлялъ борцовъ коммуны; Парижъ выбралъ его муниципальнымъ совѣтникомъ; Ліонъ выбралъ другого депутатомъ; въ Лилѣ соціалистическій кандидатъ, защищавшій амнистію, взялъ верхъ надъ оппортюнистомъ. Далеко неудовлетворенное частичной амнистіей общественное мнѣніе гораздо рѣзче стало высказываться послѣ возвращенія каледонійцевъ. Луи Бланъ, для котораго пробилъ часъ суда, цѣлымъ конгрессомъ въ Марселѣ былъ причисленъ къ разстрѣливателямъ 71-го года. Генеральный совѣтъ департамента Сены выразилъ пожеланіе полной и всеобщей амнистіи. Въ прессѣ и на общественныхъ собраніяхъ поднялась такая агитація въ пользу исключенныхъ изъ амнистіи, что министръ юстиціи сдѣлалъ распоряженіе о преслѣдованіяхъ. Лѣвый центръ поддержалъ его, а секретарь „Республиканскаго Союза“, добродѣтельный Байо, вознегодовалъ и заявилъ, что вопросъ о всеобщей амнистіи уже разрѣшенъ, и палаты не перерѣшаютъ своихъ постановленій.

Крайняя лѣвая сдѣлала запросъ министру, почему онъ исключилъ изъ амнистіи столькихъ благородныхъ людей и помиловалъ уголовныхъ рецедивистовъ, которыхъ военные суды умышленно смѣшивали съ коммунарами. Другъ правосудія отвѣтилъ, что нѣкоторые исключенные сами отказались принять какую бы то ни было милость. „На какомъ основаніи“,—возразилъ Клемансо,—„вы хотите, чтобы

тѣ, которые подверглись репрессіямъ, забыли объ ихъ ужасахъ? Вы говорите: „мы не забываемъ“. „Если вы ничего не забываете, ваши противники припомнятъ вамъ это“. 18-го декабря кабинету въ порядкѣ дня было выражено довѣріе, но агитація не прекращалась. Соціалистическая партія совершенно реорганизовалась и приняла названіе „Рабочей Партіи“; въ ея ряды вступило много амнистированныхъ, и на многочисленныхъ собраніяхъ и рефератахъ она все рѣзче и рѣзче ставила вопросъ объ амнистіи.

Фрейсине въ концѣ декабря занялъ мѣсто Ваддингтона; новый министръ не заикался объ амнистіи. 22-го января 80-го года крайняя лѣвая, которую раздразнили передовыя газеты и собранія, вновь выставила требованіе всеобщей амнистіи. Какъ и въ прошломъ году, она была отвергнута 8-ю бюро изъ 11. Луи Бланъ повздыхалъ еще, хотя и повторилъ опять въ своемъ бюро, что центральный комитетъ приговорилъ его къ смерти *). Казиміръ Перье отвѣтилъ ему очень рѣзко, а Фрейсине заявилъ: „Амнистія не только не нужна странѣ, напротивъ, она ее только раздразнила бы. Давайте строить желѣзныя дороги и гавани, улучшать тарифъ, облегчать налоги, и тогда, пожалуй, въ одинъ прекрасный день можно будетъ осуществить тѣ смѣлыя мѣры, которыя вы намъ предлагаете“. Амнистію, проваленную съ такимъ блескомъ, похоронили 316 голосами противъ 115.

Прошло 3 мѣсяца, и она снова воскресла. Годовщина 18-го марта была отпразднована во многихъ кварталахъ Парижа и въ провинціи. 23-го мая 80-го года, въ годовщину „Кровавой Недѣли“ толпа парижанъ съ вѣнками отправилась на кладбище Перъ-Лашезъ. Префектъ полиціи Андріе приказываетъ атаковать и арестовать манифестантовъ. Городской совѣтъ выражаетъ ему единодушно негодованіе; онъ отвѣчаетъ насмѣшкой; крайняя лѣвая требуетъ объясненій; палата одобряетъ политику правительства 299 голосами противъ 28. Меньше чѣмъ черезъ мѣсяцъ, 20-го іюня, Бельвиль въ округѣ Гамбетты, вопреки этому послѣднему, выбираетъ въ муниципальный совѣтъ Тренке, мужественнаго борца коммуны, подвергшагося военному суду и перенесшаго каторгу.

---

*) Жюль Симонъ писалъ то же въ 1895 г. въ «Le Gaulois».

Ходъ былъ ясенъ. Гамбетта понялъ, что нужно какъ можно скорѣе окончательно залечить зіявшую рану, тѣмъ болѣе, что въ палатѣ было столько спеціалистовъ по этой части среди его противниковъ-радикаловъ. Съ 72-го года онъ требовалъ возстановленія демократіи, съ 76-го года сдѣлался авторитетомъ въ палатѣ, ея президентомъ и безспорнымъ вождемъ съ момента паденія Макъ-Магона и какъ разъ поднялъ въ сенатѣ вопросъ о возвращеніи парламента въ Парижъ; 14-го іюля долженъ былъ состояться великій національный праздникъ, и газеты, даже самыя умѣренныя, признавали, что нужно пригласить на него всѣхъ бывшихъ осужденныхъ. Гамбетта, которому поставили вопросъ ребромъ, рѣшился на послѣдній шагъ. Онъ собралъ представителей умѣренныхъ группъ, высказался передъ ними за полную амнистію, и послѣ этого 21-го іюня Фрейсине предложилъ ее.

Казиміръ Перье, который въ февралѣ мѣсяцѣ ратовалъ противъ нея бокъ-о-бокъ съ Фрейсине, протестовалъ съ горечью. Фрейсине возразилъ, что противорѣчіе только кажущееся. Конечно, желѣзныя дороги, гавани и т. п. еще не построены и налоги еще не понижены, но порядокъ обезпеченъ, а въ этомъ вся суть. Это приняли бы за насмѣшку, если бы не поднялся со своего кресла Гамбетта, чтобы расшевелить эти тупыя головы. Онъ изобразилъ Францію усталой и измученной этими безконечными спорами объ амнистіи, всплывающими при каждомъ вопросѣ, на всякихъ выборахъ, и взывающей къ своему правительству: „Когда же, наконецъ, вы избавите меня отъ этого отрепья гражданской войны?“ Онъ задѣлъ ихъ за живое, нарисовавъ картину выборовъ за послѣднія 15 лѣтъ, и затѣмъ успокоилъ ихъ въ концѣ концовъ: „Вы можете провозгласить амнистію; это избавитъ васъ отъ массы хлопотъ; выборы Тренке — послѣдній маневръ партіи, изъ рукъ которой вы такимъ образомъ выбьете ея единственное оружіе“. Если онъ не вѣрилъ всему этому самъ,—они повѣрили и вотировали амнистію 312 голосами противъ 136—отношеніе, какъ разъ обратное тому, въ какомъ раздѣлились голоса, когда четыре мѣсяца тому назадъ они отвергли это предложеніе.

Сенатская комиссія отвергла проектъ. Мучитель заключенныхъ, лакей г. Тьера и Макъ-Магона, еще больше клеветавшій на Па-

рижъ, чѣмъ Максимъ Дю Канъ, постоянно шипящій противъ Гамбетты Жюль-Симонъ излилъ свой никогда неизсякающій ядъ на коммуну, перессорилъ министровъ и умолялъ своихъ коллегъ оказать сопротивленіе. И они сдѣлали бы это, если бы не страхъ передъ конфликтомъ съ палатой и передъ возмущеніемъ общественнаго мнѣнія, всецѣло бывшаго на сторонѣ Гамбетты. Нашли еще одну уловку—опять ухватились за условную амнистію; но на этотъ разъ правительство 10-го іюля помиловало всѣхъ осужденныхъ. Галлифе былъ недоволенъ и написалъ Гамбеттѣ, передъ которымъ онъ заискивалъ, что общая амнистія произвела на армію угнетающее впечатлѣніе.

Изгнанники, жившіе недалеко отъ родины, уже 14-го іюля могли раздѣлить свою радость съ общимъ ликованіемъ Парижа, но цѣлыхъ пять мѣсяцевъ нужно было еще ждать возвращенія коледонійскихъ мучениковъ. За 9 лѣтъ помилованія законы и смерть освободили всѣ жертвы Версаля. Имперія не чинила 9 лѣтъ расправы, и на ея совѣсти не было 20.000 труповъ; подобныя массовыя убійства могло устраивать только анонимное правительство, при которомъ всякій палачъ можетъ отвернуть голову, обтереться и сказать: „Меня при этомъ не было!“

Вернувшись на родину, ссыльные снова зажили прежней жизнью: кто занялся ремесломъ, кто поступилъ на заводы, нѣкоторые пристроились къ торговлѣ, другіе отдались искусству и журналистикѣ. Городское управленіе, бывшее въ рукахъ республиканцевъ, тоже предоставило многимъ изъ нихъ работу; нѣкоторые заняли даже офиціальные посты. Какъ и первые амнистированные, они устремились въ ряды Рабочей Партіи, которая, благодаря имъ, получила значительный толчекъ къ развитію и, черезъ нѣсколько лѣтъ, немало ея членовъ вошли въ составъ парижской городской думы. Въ минуту опасности, когда въ 89-мъ году разстрѣливавшій при Макъ-Магонѣ генералъ Буланже, подъ видомъ возрожденія Франціи задумалъ вмѣстѣ съ монархистами и клерикалами учредить диктатуру, неизбѣжнымъ результатомъ которой являлась война,—громадное большинство борцовъ коммуны безъ колебанія рѣшило выступить въ бой, не требуя ничего, кромѣ сохраненія республики. За это рѣдкостное безкорыстіе по отношенію къ республикѣ послѣдняя не дала имъ даже права почтить своихъ павшихъ товарищей.

На кладбищѣ Перъ-Лашезъ недалеко отъ рва, наполненнаго трупами съ улицы Рокетъ, въ углу возвышается историческая стѣна, гдѣ въ концѣ „Кровавой Недѣли“ разстрѣливали федералистовъ. Муниципальный совѣтъ Парижа отвелъ этотъ клочекъ подъ мѣсто успокоенія столькихъ республиканцевъ; онъ густо усѣянъ тѣлами павшихъ героевъ, и понятно, что оставшіеся въ живыхъ пожелали хоть какъ-нибудь отмѣтить его; но камни и рѣшетки ихъ скромнаго памятника были сняты. Тѣмъ не менѣе парижское населеніе могло еще въ годовщину свободно приходить сюда и украшать стѣну вѣнками; теперь же разрѣшается подходить только по одиночкѣ и то подъ конвоемъ полицейскихъ; запрещены всякія рѣчи, всякіе возгласы, напоминающіе о мятежномъ прошломъ. Одинъ депутатъ былъ изгнанъ изъ палаты за то, что крикнулъ: „Да здравствуетъ коммуна!“ Точно такъ же нужно было 30 лѣтъ, чтобы добиться въ первый разъ амнистіи для марсельезы, и только черезъ 25 лѣтъ послѣ подавленія революціи исторія революціи могла немного очиститься отъ реакціонной грязи.

2.000 мужчинъ, женщинъ и дѣтей, убитыхъ во время сраженія и послѣ сопротивленія въ Парижѣ и провинціи; по крайней мѣрѣ, 3.000 умершихъ въ арестныхъ домахъ, на понтонахъ, въ крѣпостяхъ и тюрьмахъ въ Новой Каледоніи, въ изгнаніи или отъ болѣзней, схваченныхъ во время заключенія; 13.700 приговоренныхъ къ наказаніямъ, которыя для многихъ растянулись на 9 лѣтъ; 62.000 дѣтей, женщинъ и стариковъ, лишенныхъ своихъ кормильцевъ или выброшенныхъ за предѣлы Франціи,—въ общемъ около 107.000 жертвъ—вотъ итогъ актовъ мести высшей буржуазіи за двухмѣсячную революцію 18-го марта.

Можетъ быть, я затушевывалъ факты, умалчивалъ объ ошибкахъ побѣжденнаго борца? Можетъ быть, я невѣрно изображалъ поступки побѣдителя? Пусть меня опровергнутъ, но приведутъ доказательства.

Факты говорятъ сами за себя; нужно только собрать ихъ и сдѣлать соотвѣтствующій имъ выводъ.

Кто, какъ не народъ, неустанно боролся—зачастую одинъ, нерѣдко на улицахъ—противъ Имперіи, противъ войны 1870 года противъ капитуляціи 1871 года?

Кто сдѣлалъ революцію 18-го марта неизбѣжной и требовалъ военной экзекуціи Парижа, кто ускорилъ вспышку, какъ не собраніе деревенщины и г. Тьеръ?

Что такое 18-ое марта, какъ не инстинктивный отвѣтъ народа на полученную пощечину? Гдѣ слѣды заговора, секты, подстрекателей. Кто выставлялъ иной лозунгъ кромѣ: „Да здравствуетъ республика?“ Къ чему стремились всѣ, какъ не къ созданію республиканскаго самоуправленія въ противовѣсъ роялистскому собранію?

Развѣ не правда, что въ первые же дни признаніе республики, принятіе справедливаго муниципальнаго закона, отмѣна разрушительныхъ декретовъ принесли бы успокоеніе, и что версальцы все это отвергли?

Развѣ не правда, что Парижъ избралъ свое коммунальное собраніе при участіи въ голосованіи необычайнаго количества избирателей, при небывалой свободѣ выборовъ?

Развѣ не правда, что версальцы напали на Парижъ безъ всякаго повода съ его стороны, безъ предупрежденія и что на первыхъ же порахъ Версаль сталъ растрѣливать плѣнниковъ? Развѣ не правда, что попытки къ примиренію всегда исходили отъ Парижа, или отъ провинціи, а версальцы всегда отвергали ихъ?

Развѣ не правда, что за два мѣсяца борьбы и неограниченнаго господства федералисты щадили жизнь своихъ военно-плѣнныхъ, своихъ политическихъ враговъ?

Развѣ не правда, что съ 18-го марта и вплоть до послѣдняго дня борьбы федералисты не прикоснулись къ громаднымъ богатствамъ, бывшимъ въ ихъ рукахъ, и что они довольствовались до смѣшного ничтожнымъ содержаніемъ?

Развѣ не правда, что Версаль разстрѣлялъ, по крайней мѣрѣ, 17.000 человѣкъ, въ большинствѣ непричастныхъ къ возстанію, между которыми были женщины и дѣти, арестовалъ не менѣе 40.000 гражданъ, чтобы отомстить за пожары, за смерть 64 заложниковъ, за протестъ противъ роялистскаго собранія?

Развѣ не правда, наконецъ, что тысячи были осуждены на смерть, въ каторгу, въ ссылку, въ изгнаніе безъ серьезнаго разслѣдованія, и что эти приговоры, произнесенные офицерами-побѣди-

телями, даже самыя консервативныя правительства Европы признали беззаконными?

Пусть мнѣ отвѣтятъ безпристрастные люди, пусть они скажутъ, кто преступникъ, злодѣй—убитые или убійцы, „разбойники“ федералисты или „цивилизованные“ версальцы. Пусть оцѣнятъ по достоинству нравственный уровень и политическое чутье того господствующаго класса, который подобными мѣрами могъ вызвать и подавить такое возстаніе, какъ возстаніе 18-го марта.

И неужели теперь, имѣя передъ глазами послѣдовавшія затѣмъ событія, я не могу спросить:

Развѣ не правда, что громадное большинство бордосскаго собранія хотѣло установить монархію и что только послѣ коммуны оно отказалось отъ этого замысла?

Развѣ не правда, что подавленіе Парижа дало возможность реакціонерамъ четыре года оставаться у власти и еще четыре года бороться за нее подъ прикрытіемъ Макъ-Магона?

Развѣ не правда, что, прислушавшись къ голосу Парижа, можно было бы избавить Францію отъ восьмилѣтнихъ безсмысленныхъ распрей, смертельныхъ мукъ, отъ вторженія этой разслабляющей и криводушной политики, такъ несвойственной нашему національному духу?

Да, парижане, памятуя іюнь и сентябрь, были правы, отстаивая свои пушки и ружья; они были правы, когда говорили, что вернувшіеся сторонники старыхъ порядковъ замышляли реставрацію; да, они были правы, сражаясь на смерть противъ вторженія поповъ; они были правы, страшась въ консервативной республикѣ, съ г. Тьеромъ во главѣ, угнетеній, хоть и безымянныхъ, но не менѣе жестокихъ, чѣмъ иго прошлыхъ временъ; они были правы, когда бились, несмотря ни на что, до послѣдняго камня на мостовой; правы какъ послѣдняя іюньская баррикада, какъ баррикада Бодена, какъ побѣжденные раньше ьъ Базейлѣ, Бурже, Монтрету; да, они были правы, посылая къ небу свой послѣдній зарядъ, какъ Гракхи свой прахъ, изъ котораго долженъ былъ возродиться мститель.

Многіе спрашивали, гдѣ ихъ великіе люди?—Ихъ не было вовсе. Вся мощь этой революціи заключалась именно въ томъ, что она была революціей массъ, а не кучки выдающихся умовъ.

Спрашивали еще, что она обозначаетъ?—Это призывъ къ порядку, брошенный всей республиканской Франціей воскресающимъ обломкамъ прошлаго. Она вселила въ рабочихъ сознаніе ихъ силы, провела рѣзкую границу между ними и классомъ эксплоататоровъ, пролила такой яркій свѣтъ на взаимоотношенія классовъ, что исторія Французской революціи вся какъ бы озарилась имъ и получила новый смыслъ.

Революція 18-го марта была также призывомъ къ дѣлу, обращеннымъ къ мелкой буржуазіи. Она говорила: „Проснись, возьми снова руководящую роль, завоюй власть вмѣстѣ съ пролетаріатомъ и соединенными усиліями наставьте Францію на путь истинный.

Вотъ, что означало 18-ое марта. Вотъ почему это движеніе есть революція; вотъ почему рабочіе всего міра признаютъ его и привѣтствуютъ; вотъ почему аристократія всего міра безъ ярости не можетъ даже подумать о немъ.

Безъ сомнѣнія, въ этой борьбѣ участвовалъ лишь авангардъ великой арміи, и народъ, принужденный сражаться по всѣмъ правиламъ военнаго искусства, не могъ развернуть во всю ширь ни своихъ идей, ни своихъ легіоновъ; но въ то же время онъ сумѣлъ понять, что это движеніе—лишь отдѣльный, хоть и величественный эпизодъ революціи. Но какъ могучъ былъ этотъ авангардъ, въ теченіе 2-хъ слишкомъ мѣсяцевъ державшій въ нерѣшительности сплоченныя силы правящихъ классовъ; и безсмертны тѣ солдаты, которые, стоя на аванпостахъ передъ лицомъ смерти, отвѣтили одному версальцу: „Мы боремся здѣсь за человѣчество!“

1896 годъ.

25 лѣтъ уже прошло со времени коммуны. Господа Галлифе по-прежнему занимаютъ свои мѣста, и народу, въ случаѣ пораженія, по-прежнему грозитъ разстрѣлъ картечью. Съ 1871 года прежняя клика реакціонеровъ не потеряла ни одного дворянчика, попа или крѣпостника; она даже завербовала нѣсколько буржуазныхъ пусто-звоновъ, которые подъ маской демократизма поддерживали ея притязанія.

Въ 48-мъ году они говорили народу: „При существованіи всеобщаго избирательнаго права, всякое возстаніе преступно; избирательная карточка замѣнила ружье“. Но когда народъ голосовалъ противъ ихъ привилегій, они становились на дыбы, и правительство, рѣшившееся считаться съ желаніями массъ, въ ихъ глазахъ дѣлалось крамольнымъ. Что же остается въ такомъ случаѣ народу?— Сила, какъ послѣднее средство. Въ итогѣ вѣдь она на его сторонѣ.

Перепробовавъ массу лѣкарствъ, городской и сельскій пролетаріатъ, въ концѣ концовъ, проникся одной мыслью, однимъ естественнымъ желаніемъ—взять свою судьбу въ собственныя руки; а мелкая буржуазія, снова брошенная въ ряды пролетаріата крупными капиталистами, послѣ долгихъ колебаній дошла, наконецъ, до сознанія общности своихъ интересовъ съ интересами этого послѣдняго. Теперь уже почти переброшенъ мостъ между этими двумя классами, которые только одни являются производителями и составляютъ истинный французскій народъ.

Только сдѣлавъ большой крюкъ, дошелъ онъ до пониманія своей природы. Въ теченіе 100 лѣтъ Франція испробовала всевозможныя формы государственнаго устройства, передавая средства управленія въ руки то той, то другой политической партіи, а всѣ государственныя учрежденія, администрація, министерства неизмѣнно испытывали на себѣ всю тяжесть сонма ихъ ставленниковъ, непрерывно возрастающихъ бюджетовъ, ихъ безграничнаго разорительнаго для націи паразитизма ради выгодъ одной какой-либо касты; въ теченіе 100 лѣтъ Франція поручала болѣе или менѣе выдающимся и из-

вѣстнымъ людямъ писать для нея законы, и эти законы, всегда приноровленныя къ выгодамъ маленькой кучки, сно обствовали лишь ослабленію національнаго могущества. Опыты длились слишкомъ долго. Теперь это кончено. Левъ не потащитъ больше за собой ослицу.

Три раза французскій пролетаріатъ создавалъ республику для другихъ; теперь онъ созрѣлъ для своей собственной. Онъ самъ является теперь единственнымъ источникомъ истиннаго знанія, котораго когда-то ему недоставало. Кучка его враговъ копается въ прахѣ, въ обломкахъ отжившаго міра, совершенно не соотвѣтствующаго современнымъ культурнымъ и экономическимъ условіямъ, сохраняющагося только благодаря устарѣлымъ законамъ и обветшалымъ административнымъ учрежденіямъ. Едва они исчезнутъ, и производительность Франціи увеличится во сто кратъ, тогда какъ теперь нація принуждена растрачивать свои силы, не дѣлая ни шагу впередъ. Народовластіе—это значитъ пустить въ ходъ накопленный запасъ трудовой энергіи, при настоящихъ условіяхъ пропадающей совершенно даромъ.

Никогда еще нація не обладала такой силой для того, чтобы захватить власть. Нѣсколько десятковъ анемичныхъ модныхъ франтовъ, которые носятся со своими сомнѣніями, не представляютъ больше изъ себя Франціи, какъ не были ею и маркизы эпохи до 1879 года. Напротивъ, городскіе и сельскіе рабочіе не сомнѣваются въ своихъ силахъ. И, дѣйствительно, какое другое поколѣніе за послѣднія 100 лѣтъ отличалось такой сознательностью, такимъ горячимъ стремленіемъ къ идеалу?

Что нужно для того, чтобы разогнать трутней и побѣдоносно пробиться навстрѣчу красной зарѣ, которая встаетъ впереди.— Дерзать. Какъ и въ былыя времена, „этимъ словомъ опредѣляется вся политика даннаго момента“. „Дерзать и глубже взрывать почву“. Смѣлость—дитя вѣры. Народъ 1789 года дерзнулъ и вознесся на вершину исторіи, и народу 1870—71 года за то, что безтрепетно шелъ онъ на смерть за свою вѣру, исторія отведетъ подобающее мѣсто.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	Стр.
A. Прологъ битвы.—Франція наканунѣ войны	1
B. Какимъ образомъ пруссаки овладѣли Парижемъ и деревенщина Франціей	45
I. Первые шаги коалиціи противъ Парижа.—Батальоны національной гвардіи соединяются и захватываютъ свои пушки.—Пруссаки вступаютъ въ Парижъ	89
II. Монархисты открываютъ огонь по Парижу.—Образуется центральный комитетъ.—Тьеръ даетъ сигналъ къ приступу . .	99
III. 18-ое марта	107
IV. Центральный комитетъ созываетъ избирателей.—Мэры Парижа и депутаты Сены возстаютъ противъ него	118
V. Центральный комитетъ заявляетъ о себѣ, реорганизуетъ общественныя должности и овладѣваетъ Парижемъ	129
VI. Мэры, депутаты, журналисты, національное собраніе—всѣ набрасываются на Парижъ.—Реакція является на Вандомскую площадь и получаетъ свою кару	136
VII. Центральный комитетъ преодолѣваетъ всѣ препятствія и заставляетъ мэровъ сдаться.	144
VIII. Провозглашеніе коммуны	153
IX. Коммуна въ Ліонѣ, Сентъ-Этьенѣ и Крезо.	158
X. Коммуна въ Марселѣ, Тулузѣ и Нарбоннѣ.	168
XI. Первыя засѣданія коммуны.—Бѣгство мэровъ и ихъ адъюнктовъ	178
XII. Выступленіе 3-го апрѣля.—Парижане повсюду отбиты.—Флурансъ и Дюваль убиты.—Версальцы избиваютъ плѣнныхъ.	188
XIII. Пораженіе коммуны въ Марселѣ и Нарбоннѣ	198
XIV. Большія средства коммуны.—Слабыя стороны ея совѣта.—Центральный комитетъ.—Декретъ о заложникахъ.—Банкъ .	208
XV. Первыя сраженія при Нейли и д'Аніеръ.—Организація и пораженіе примирителей.	215
XVI. Манифестъ коммуны.—Дополнительные выборы 16-го апрѣля обособляютъ группу меньшинства.—Первые споры.—Источники пораженія	224
XVII. Парижанки. — Перемиріе съ цѣлью очистить Нейли.—Армія версальцевъ и парижская армія	231
XVIII. Организація общественныхъ учрежденій, финансовъ, военнаго дѣла, полиціи, внѣшнихъ сношеній, юстиціи, просвѣщенія, труда и обмѣна	241

Стр.

XIX. Масоны присоединяются къ коммунѣ.—Первое очищеніе форта Исси.—Созданіе комитета общественной безопасности . . . 262

XX. Россель замѣщаетъ Клюзере.—Разгорается соперничество.—Раздоры въ коммунѣ.—Россель идетъ по стопамъ Клюзере.—Оборона форта Исси 274

XXI. Парижъ подвергается бомбардировкѣ.—Фортъ Исси взятъ.—Коммуна обновляетъ свой комитетъ общественнаго спасенія.—Бѣгство Росселя 283

XXII. Заговоры противъ коммуны. 294

XXIII. Политика г-на Тьера по отношенію къ провинціи.—Лѣвая выдаетъ Парижъ 301

XXIV. Безсиліе второго комитета общественнаго спасенія.—Фортъ Ванвъ и деревня Исси очищены.—Манифестъ меньшинства.—Взрывъ въ аллеѣ Рапп.—Паденіе Вандомской колонны . . 311

XXV. Парижъ наканунѣ смерти.—Версаль 319

XXVI. Версальцы вступаютъ въ Парижъ въ воскресенье, 21-го, въ три часа по-полудни.—Собраніе совѣта коммуны закрывается . 334

XXVII. Понедѣльникъ, 2-ое.—Версальцы занимаютъ восточные кварталы.—Парижъ поднимается 343

XXVIII. Вторникъ, 23-е мая.—Монмартръ взятъ.—Первыя массовыя избіенія.—Парижъ горитъ.—Послѣдняя ночь революціонной думы 356

XXIX. Среда, 24-го мая.—Члены коммуны очищаютъ думу.—Пантеонъ взятъ.—Версальцы массами разстрѣливаютъ парижанъ.—Федералисты разстрѣливаютъ заложниковъ.—Ночь канонады. 369

XXX. Четвергъ, 25-го мая.—Лѣвый берегъ въ рукахъ войскъ.—Смерть Делеклюза.—„Брассардье“ руководятъ убійствами.—Мэрія XI округа сдана непріятелю 383

XXXI. Сопротивленіе сосредоточивается въ Бельвилѣ.—Въ пятницу, 26-го, на улицѣ Аксо разстрѣливаютъ сорокъ восемь заложниковъ.—Въ субботу, 27-го, весь XX округъ занятъ войсками.—Взятіе Перъ-Лашеза.—Битва прекращается въ воскресенье, къ 11 часамъ утра.—Въ понедѣльникъ, 29-го, сдается Венсенскій фортъ 395

XXXII. Версальскіе ужасы.—Бойни.—Превотальны е суды.—Смерть Варлена.—Эпидемія.—Погребенія 411

XXXII[1]. Партія плѣнныхъ. — Оранжерея. — Сатори. — Доносчики.—Пресса.—Крайняя лѣвая проклинаетъ побѣжденныхъ.—Демонстрація за границей 422

XXXIII. Пловучія тюрьмы.—Крѣпости.—Первые процессы 437

XXXIV. Военные суды.—Казни.—Итогъ приговоровъ 453

XXXV. Новая Каледонія.—Ссылка 475

XXXVI. Злосчастное собраніе.—Макъ-Магонатъ.—Милости.—Великое возвращеніе. 493

1896 годъ 523